

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

В РУССКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

В РУССКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.Ю. МИНАКОВ
составление, предисловие,
послесловие и примечания

УДК 337/361
ББК 75.49(3)
У 577

Украинский вопрос в русской патриотической мысли.

Составление, предисловие, послесловие и примечания:
д-р ист. наук, проф. Минаков А.Ю. – М.: Книжный мир,
2016. – 800 с.

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук *Лупарева Н.Н.*, канд. ист. наук *Мещерякова А.О.*,
д-р ист. наук *Омельянчук И.В.*, канд. ист. наук *Хатунцев С.В.*

ISBN 978-5-8041-0814-5

В сборнике «Украинский вопрос в русской патриотической мысли» впервые публикуются под одной обложкой произведения представителей русской государственно-патриотической мысли, посвященные украинскому национализму, возникшему в середине XIX в. В публицистике славянофилов, М.Н. Каткова и журналистов его круга, консерваторов и националистов второй половины XIX – начала XX века, русских консервативных мыслителей и историков, оказавшихся в эмиграции, «украинский вопрос» подвергся тщательному анализу и был рассмотрен во всех его основных аспектах. С самого начала русские мыслители уловили потенциальную угрозу, которую несла идеология и практика «украинизма», прежде всего, его русофобскую и антигосударственную составляющие.

Подавляющее большинство материалов, вошедших в сборник, не переиздавалось после 1917 г., часть представленных в сборнике текстов была опубликована в малотиражных сборниках и изданиях. Но собранные вместе они представляют беспощадный и объективный анализ «украинства» как изначально антирусского проекта. Большинство прогнозов авторов материалов сборника оказались поразительно точными и нашли яркое подтверждение в недавних событиях на Украине, в Крыму и Новороссии в 2014-2015 гг.

ЗАО «Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

© А.Ю. Минаков, составление,
предисловие, послесловие
и примечания, 2016
© Книжный мир, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Минаков А.Ю.</i> Предисловие	7
 Из письма В.Г. Белинского к П.В. Анненкову	31
<i>Белинский В.Г.</i> Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка	34
<i>Ламанский В.И.</i> Национальная бестактность	37
<i>Аксаков И.С.</i> Письмо к Н.И. Костомарову о Малороссии	58
<i>Иванов А.А.</i> О малорусском литературном языке и об обучении на нем	66
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 21 июня 1863 г.	91
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 3 сентября 1863 г.	101
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 6 февраля 1864 г.	109

<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 30 июля 1864 г.	113
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 2 сентября 1864 г.	115
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 15 января 1866 г.	120
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 7 мая 1866 г.	136
<i>Катков М.Н.</i> Передовица в «Московских ведомостях» за 19 сентября 1867 г.	144
<i>Ригельман Н.А.</i> Современное украинофильство	152
<i>Гогоцкий С.С.</i> Еще несколько слов об украинофилах	185
<i>Гогоцкий С.С.</i> Прибавление к статье «Еще несколько слов об украинофилах»	197
<i>Аксаков И.С.</i> Опасно ли украинофильство для Русского государства?	200
<i>Аксаков И.С.</i> Польский ли город Киев?	212
<i>Аксаков И.С.</i> Об украинофильской агитации львовской газеты «Дело»	222
<i>Пуле де, М.Ф.</i> К истории украинофильства	238

<i>Тихомиров Л.А.</i>	
Украинцы и малороссы	265
<i>Суворин А.С.</i>	
Маленькие письма.	
Письмо СХШ за 17 февраля 1893 г.	270
<i>Розанов В.В.</i>	
Малороссы и великороссы	273
<i>Розанов В.В.</i>	
Голос малоросса о неомалороссах	280
<i>Скрынченко Д.В.</i>	
Война и «украинцы»	286
<i>Скрынченко Д.В.</i>	
Заметание следов	288
<i>Скрынченко Д.В.</i>	
К характеристике украинства	293
<i>Скрынченко Д.В.</i>	
Украинская расправа	297
<i>Скрынченко Д.В.</i>	
«Украинские» подлоги	302
<i>Меньшиков М.О.</i>	
Быть ли России великой?	332
<i>Меньшиков М.О.</i>	
Могильщикам России	342
<i>Меньшиков М.О.</i>	
Сеятели ветра	350
<i>Меньшиков М.О.</i>	
Долг Великороссии. 11 марта 1914 г.	359
<i>Струве П.Б.</i>	
Общерусская культура и украинский партикуляризм.	
Ответ Украинцу	381

<i>Струве П.Б.</i>	
Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение	409
<i>Бердяев Н.А.</i>	
Россия и Великороссия	413
<i>Трубецкой Н.С.</i>	
К украинской проблеме	420
<i>Лосский Н.О.</i>	
Украинский и белорусский сепаратизм	445
<i>Ульянов Н.И.</i>	
Происхождение украинского сепаратизма	453
• Введение	453
• Запорожское казачество	459
• Захват Малороссии казаками	480
• Борьбы казачества против установления государственной администрации в Малороссии	500
• Начало «идеологии»	528
• Установление крепостного права в Малороссии	540
• Катехизис	557
• «Возрождение»	595
• Первые организации	627
• Галицийская школа	661
• Формальный национализм	695
<i>Минаков А.Ю.</i>	
Послесловие	742
Примечания	745

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопреки навязываемым в наши дни стереотипам «украинский вопрос» возник отнюдь не в 1991 г. после распада СССР, его истоки и родословная уходят в середину XIX века. Именно тогда, с появления в Киеве в 1845 г. так называемого Кирилло-Мефодиевского общества, можно вести родословную «украинизма»: сепаратистской (с точки зрения национально-государственного единства Российской империи) идеологии, изображающей одну из ветвей большого русского народа, традиционно называемых малороссами — как особый, отличающийся от русских украинский народ, нуждающийся в собственном языке, культуре и государственности.

В то время украинских националистов можно было, что называется, пересчитать по пальцам. Следствие 1847 г. по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе показало, что в его составе было 12 человек, в том числе Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш — культовые фигуры, родоначальники современного украинского национализма. Да и в дальнейшем число участников движения было сравнительно невелико. Русская государственно-патриотическая мысль немедленно отреагировала на появление этого феномена. В переписке и рецензиях В.Г. Белинского, публицистике славянофилов В.И. Ламанского и И.С. Аксакова, крупнейшего консервативного публициста и издателя М.Н. Каткова и авторов его круга, а в более поздний период — консерваторов и националистов второй половины XIX — начала XX века: блестящих публицистов Л.А. Тихомирова, А.С. Сувори-

на, В.В. Розанова, М.О. Меньшикова, Д.В. Скрынченко, либеральных консерваторов П.Б. Струве и Н.А. Бердяева, русских консервативных мыслителей в эмиграции: евразийца Н.С. Трубецкого и видного религиозного философа Н.О. Лосского, последнего ученика академика С.Ф. Платонова – историка Н.И. Ульянова «украинский вопрос» был детально рассмотрен во всех его основных аспектах.

С самого начала русские консерваторы уловили потенциальную угрозу, которую несла идеология и практика «украинизма», прежде всего, его русофобскую и антиимперскую, антигосударственную составляющие и неизбежный культурный провинциализм. В этом их бесспорная историческая заслуга. Вопреки формируемому либералами и левыми радикалами господствующему общественному мнению, поддерживающему «украинофильство», Катков заявлял: «Пусть нас считают алармистами, ... мы... не перестанем указывать на опасность, хотя бы только еще зарождающуюся; мы лучше хотим быть похожи на того моряка, который, заметив на небе черное пятнышко, принимает меры против бури, нежели на того, который начинает убирать парус, когда уже налетел шквал».

Едва ли не первым авторитетным критиком зарождавшего украинского национализма стал В.Г. Белинский – литературный критик, чрезвычайно много сделавший для уяснения русским обществом значения поэзии А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др. гениев русской литературы того времени. Принадлежа к лагерю «западников», Белинский в то же время был несомненным русским патриотом-государственником. Обладавший безукоризненным эстетическим чувством, Белинский дал чрезвычайно резкие оценки поэтическим произведениям Тараса Шевченко, которые он оценил как культурно несостоятельные и бездарные. К примеру, в рецензии на ключевую в творчестве Шевченко поэму «Гайдама-

ки», пронизанную романтизацией казачества, Белинский с иронией пишет: «Если... господа кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотчичей, то в этом очень ошибаются: их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всем плохим пиитам, — часто нисколько не народны, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, — и, следовательно, по всем этим причинам — они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего». Тон рецензии Белинского местами буквально уничижающий: «Что касается до самой поэмы г-на Шевченко — «Гайдамаки», здесь есть все, что подобает каждой малороссийской поэме: здесь ляхи, жида, казаки; здесь хорошо ругаются, пьют, бьют, жгут, режут; ну, разумеется, в антрактах кобзарь (ибо без кобзаря какая уж малороссийская поэма!) поет свои вдохновенные песни, без особенного смысла, а дивчина плачет, а буря гомонит... Вот образчики:

*Одчиняй, проклятый жиде!
 Бо будыш битый, одчиняй!
 Ламайте двери поки выйде,
 Викна посыпались, «стрывай»!
 Стрывайте зараз», — «нагаями
 Свыняче ухо, жартувать...»*

Категоричность оценок Белинского объяснялась не только эстетическими требованиями, предъявляемыми критиком к художественным произведениям, но и неприятием нравственного облика «Кобзаря» («здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому») и тех по сути политических умонастроений, которые отчетливо прослеживались в поэмах Шевченко и которые сделали его кумиром

украинских националистов: сепаратистских мотивов, ненависти к русской исторической государственности, в дальнейшем традиционных для украинского национализма фобий по отношению к русским, евреям, полякам. В частном письме П.В. Анненкову Белинский возмущается «пасквилями» «хохлацкого радикала», написанными на императора Николая I и его супругу, из-за которых Шевченко «послали на Кавказ солдатом»: «Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше». Единомышленника и соратника Шевченко, много сделавшего для популяризации его произведений, П.А. Кулиша, Белинский называет «скотиной из хохлацких радикалов», поскольку он «напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть».

Инвективы Белинского не были восприняты либералами и левыми радикалами, поскольку они, как правило, рассматривали украинцев националистов как своих союзников по борьбе с самодержавием и империей.

В собственно консервативной публицистике, посвященной Шевченко, особенно выделялись статьи М.О. Меньшикова, ведущего публициста суворинской газеты «Новое время», стоящей на консервативных и националистических позициях. Меньшиков отмечал, что в Малороссии и России к началу XX в. возник «настоящий культ» Шевченко, причем о его поэзии «судят по некоторым лирическим отрывкам («Думы мои, думы...» и т. п.), переведенным по-великорусски и понятным даже без перевода». Однако полный Шевченко, без купюр, «оказывается, подобно Мицкевичу, ослепленным ненавистью к нашей государственности и народности... политическая поэзия Шевченко есть возбуждение к мятежу и к разрушению государства... Украинomanы, создававшие культ Шевченко, его лирикой и романтикой прикрывали в самом деле преступную пропаганду, почин которой в этой области принадлежит именно Шевченко», — писал Меньшиков.

В знаменитом «заповіте» («Завещании») Шевченко главными врагами украинцев провозглашаются «москали», утверждает Меньшиков: когда «польются реки человеческой крови, широкие, как Днепр, «батько Тарас» согласен встать из могилы, полететь на небо и признать Господа. «Похороните меня, — говорит он, — да поднимайте восстание, порвите кандалы и свободу свою окропите злою кровью врагов ... ясно, что единственные вороги, которые стояли тогда в его воображении, были «москали», которые будто бы держат Украину в плену, а украинцев — в кайданах, то есть в кандалах».

Надо отметить, что при всем своем неприятии политического мировоззрения Шевченко, Меньшиков оказался в своих эстетических оценках его творчества более снисходительным, нежели Белинский: «Шевченко — несомненный талант, но второразрядный, вроде нашего Кольцова или Никитина, вроде Майкова или Полонского, которых муза в лучших вещах достигала удивительной красоты; красоты, но не величия ... ничего великого в этом талантливом провинциальном поэте не было и не могло быть на уровне слишком зачаточной деревенской культуры». При этом Меньшиков допускал, что, проживи Шевченко подольше, он осудил бы свои «ошибки молодости», как это сделали Пушкин и Достоевский, но его ранняя смерть закрыла эту возможность, и потому Шевченко «надо брать, каков он есть: как политического агитатора, ибо — если говорить правду — именно этим он только и дорог озлобленному мазепинскому сепаратизму».

Эффективность такого рода «политической агитации» Шевченко по-своему высоко была оценена Меньшиковым: «Батько Тарас порядочно-таки посеял ветра в пустых головах кое-каких своих сородичей, и если когда-нибудь над мирной Украиной заревет ураган повстания, может быть, купель крещения народа русского, старый Днепр, и в самом деле окрасится братской кровью».

Следует признать, что приведенные оценки Меньшикова позволяют объяснить тот факт, что на современной Украине портреты «Кобзаря» часто соседствуют с портретами другого «национального героя» — Бандеры.

В 1860-1880-х гг. базовые идеи и культурные практики украинского национализма были подвергнуты критике славянофилами и консерваторами-государственниками. К ним относилась концепция историка Николая Ивановича Костомарова (в свое время основателя Кирилло-Мефодиевского общества) о существовании еще с Киевской Руси особой «Южнорусской народности», сформулированная им в статье «Две русские народности» (1861). Костомаров пытался доказать, что с глубокой древности существовали две русских народности, «южнорусская» и «великорусская», различающиеся по культуре, поведению, мировосприятию и т.д. При этом «южнорусская народность» наделялась Костомаровым такими свойствами как свободолюбие, тяга к федеративному устройству, терпимость к иным верам и национальностям, а великороссы, напротив, изначально тяготели к единодержавию, общинности в ущерб личной свободе, отличались национальной и религиозной нетерпимостью. Концепция Костомарова послужила отправной точкой для обоснования идеи особого украинского народа.

Второй базовой культурной практикой украинского национализма являлось стремление создать на основе малороссийского наречия русского языка особый украинский язык.

Подобные взгляды и устремления русские консерваторы подвергли жесткой критике. Так, видный славянофил и знаток истории славянских народов В.И. Ламанский доказывал, что три ветви единого русского народа — малороссы и великороссы с белорусами «при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом образуют один Русский народ, еди-

ную Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений».

М.Н. Катков, редактор консервативных изданий — газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» — отмечал, что в великих европейских государствах, таких как Франция, Германия и Италия, «езде есть резкие особенности и местные наречия до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров». В отличие от этих европейских стран в Российской империи русские как великая народность, в сравнении с европейцами, заключает в себе гораздо меньше «резких оттенков». «Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий». Особенности малороссийского говора, которые Катков, разумеется, не отрицал, объяснялись им «несчастливыми историческими обстоятельствами», насильственным и временным соединением с Польшей, отрывом «Украины» от «русского корня», что привнесло «полонизмы» в народный язык. При этом, утверждал он, Малороссия «никогда не имела особой истории (отличной от общерусской — *ред.*), никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем, что он есть».

И.С. Аксаков, отвечая на выпады «украинофилов», отмечал, что Малороссия никогда не была страной, покоренной Россией, присоединенной к ней силой оружия, трактатов и т.п., напротив, она сыграла в российской истории блестящую и славную культурную роль: «Малороссия толкнула Москву на путь преобразований; Малороссия вызвала предшественников Петра и подготовила его реформы; без Малороссии не было бы ни Петра, ни его реформ, не было бы и Российской Империи как но-

вой великой державы с ее всемирно-историческим значением». В дальнейшем, отмечал Аксаков, Малороссия «как бы исчезла и потонула в волнах Империи; но в этих волнах точно также потонула и допетровская Москва, как в московских волнах потонули все малые и большие северо-восточные потоки старой русской жизни».

Разделяя вышесказанные положения, М.Н. Катков крайне негативно оценивал костомаровскую концепцию «двух народов», находящихся «между собой лишь в случайной и внешней связи»: «Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!».

Консерваторы и националисты отстаивали точку зрения, что термин «Украина», усиленно вводимый в оборот украинскими националистами является исторически неверным, своего рода «подлогом» для того, чтобы отказаться от традиционного названия «Малороссия». Так, националист Д.В. Скрынченко в начале XX в. писал о том, что, с одной стороны, слово «украина» употреблялось в значении «пограничья» по всей России и «принадлежит всему русскому народу», производным от этого слова названием «украинец» можно было бы называть «не только малороссов, но и белоруссов (полочан), и псковичей, и калужан, и москвичей, т.е. всех тех, кого называют «москалями». С другой стороны, отмечал публицист, «слово «украина», так сказать, польского *политического* происхождения», потому что, «являясь общерусским и польским словом для обозначения *окраины* или *пограничья* государства или области, в таком именно смысле постоянно повторяется в польских и вообще южнорусских документах». Закрепление за Польшей Южной Руси «содействовало и большему закреплению за ней, как пограничной для польского государства областью, и термина «украина». Только в силу «многовекового владычества Польши над Южной Русью *свое* же

русское слово «украина» ... закрепилось ... сравнительно прочно за Южной Русью».

При этом Д.В. Скрынченко (и в этом с ним были согласны представители всего консервативного лагеря) утверждал, что с общерусской исторической точки зрения предпочтительнее название «Малороссия». Название это ввели греки, «путешествовавшие в северо-восточную Русь, независимую и действительно великую, чрез эту Русь подъяремную и сравнительно малую», к XVII в. это название «привилось» – Малая Русь, Малая Россия. Сейчас же это название «обозначает племенное свойство народа и связывает последний с его предками, название же «Украина» отрывает народ от его древней истории, от предков и напоминает ему о самой печальной странице его истории – пребывании под владычеством Польши, с которым Малороссия всегда так напряженно боролась».

Разумеется, такая точка зрения была категорически неприемлемой для украинских националистов. Отречение от русского имени уже в начале XX в. доходило, говоря словами М.О. Меньшикова, до «политического психоза». Он отмечал: «Ни одно из инородческих племен – кроме разве поляков – не обнаруживает такой воспаленной ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси. Самые ярые из них отказываются от исторических имен «Россия», «русские». Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: «Украина», «украинцы».

Одной из самых острых проблем, если не самой острой, и для украинских националистов, и для русских государственныхников, консерваторов, патриотов и националистов являлся вопрос о создании особого литературного украинского языка. В изложении Каткова (вполне аутентичном) стержнем «украинофильской доктрины» был тезис о том, что «малороссийский говор не есть только местное наречие русского языка, получившее свою нынешнюю

физиономию вследствие только того, что в него вошла польская примесь, но что оно есть особый язык, точно также относящийся к русскому, как польский, чешский или сербский, и потому долженствующий иметь свою особую литературу, стать языком преподавания в школах и получить признание от государства».

Одним из первых подверг критике подобное представление об украинском языке В.Л. Ламанский. Он утверждал, что Малая и Великая Русь обоюдными усилиями выработали «общий литературный язык». Это произошло в силу того, что «наречия Малорусское и Великорусское не отличаются между собой множеством важных и разных особенностей». Эти особенности были в целом «незначительны, если не совершенно ничтожны» до конца XIV в. «и даже позже». Причем это относилось как к устной речи, так и к письменному языку. Последний имел «общий элемент Церковно-Славянский». Ламанский отмечал, что южнорусские ученые и писатели имели огромное, непосредственное влияние на русский язык «с конца XVII в. почти до самого Ломоносова», поскольку малороссы «господствовали» в церковной «иерархии, в школе и образованности. Они, заявлял Ламанский, «имели все средства образовать Русский литературный язык на Малорусской основе». В представлении Ламанского, общерусский литературный язык был создан Ломоносовым, который «принял наречие Московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента Церковно-Славянского». Но и после Ломоносова, подчеркивал Ламанский, огромный вклад в развитие русского языка внесли многие даровитые писатели из Малороссии и один гениальный – Гоголь. Поэтому русский литературный язык «есть плод исторической жизни всего Русского народа».

Один из отцов-основателей евразийства, выдающийся лингвист Н.С. Трубецкой, будучи уже в эмиграции, серьезно уточнил представления о вкладе малороссов в формирование общерусского литературного языка.

С его точки зрения, на рубеже XVII и XVIII вв. произошла «украинизация великорусской духовной культуры», причем «старая великорусская, московская культура при Петре умерла». Новая русская культура «является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры». Но при этом центр культуры переместился из Киева в Великодержавию. В результате «культура стала ни специфически великорусской, ни специфически украинской, а общерусской». В XIX в. в развитии этой культуры принимали участие и представители «украинского племени»: «Нельзя выкинуть из русской литературы Гоголя, из русской историографии — Костомарова, из русской филологии — Потебни и т.д.». Общий вывод, сделанный Трубецким, гласил: «Русская культура послепетровского периода является общерусской, и что для украинцев она не чужая, а своя — этого отрицать невозможно».

Исходя из такого понимания природы и происхождения общерусского языка, консерваторы в большинстве своем крайне негативно отнеслись к самой идее создания украинского литературного языка. К примеру, автор катковского «Русского вестника», А.А. Иванов, ссылаясь на языковую политику в Германии и Франции, утверждал, что, невзирая на различия в немецких и французских наречиях, которые «гораздо значительнее чем между малорусским и великорусским наречиями», тем не менее, обучение в этих государствах происходит не на диалектах, поскольку «есть только один литературный язык, и никому не приходит в голову сумасбродная мысль образовывать там другие литературные языки» Соответственно, и «мы считаем, — подчеркивал Иванов, — положительно вредным обучение народа на местном языке».

Публицист «Русского вестника» справедливо считал, что цель такого обучения — «навязать народу понятие об его каком-то резком и совершенном отличии от Великодержавцев. Обучение на этом языке укрепляет самих деятелей в сепаративных тенденциях, побуждает их не ограни-

чиваться обучением, а сделать это наречие литературным языком для всего населения Малороссии».

Не сомневался в этом и Катков: ««Всякое усилие поднять и развить местное наречие в ущерб существующему общенародному историческому языку не может иметь другой логической цели кроме расторжения народного единства».

Консерваторы небезосновательно полагали, что навязывание украинского языка в качестве литературного приведет к резкому падению общего уровня культуры. Так, говоря о возможности «особой Малороссийской литературы», Ламанский был уверен, что она «возможна только при условиях самых невообразимых», для этого «надо убедить всех мыслящих Малороссиян в ее необходимости, надо им позабыть употребление Русского языка, перестать читать Русские книги, надо образовать целые поколения Малороссиян в неведении Русского языка и литературы». Публицист «Русского вестника» Н.А. Ригельман утверждал, что подобного рода обособление создаст для украинцев «в русском мире духовный партикуляризм», сделает для них непонятными произведения их земляков Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича, Георгия Конисского, Гоголя, равно как и творения Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Толстого. «Чем же вы замените все это? – спрашивал Ригельман. – Неужели вы воображаете себя в силах написать что-нибудь подобное, создать хоть сотую долю того литературного богатства, которым мы и вы уже обладаем и пользования которым вы хотите лишить ваш народ?»

Спустя несколько десятилетий либеральный консерватор и бывший «легальный» марксист П.Б. Струве констатировал сохраняющуюся искусственность «мовы»: «Сделать из украинского языка «ровню» языку русскому после двух последних столетий русской истории можно только искусственными мерами, искусственно-оборонительными и искусственно- наступательными».

Консерваторы были убеждены в том, что в процессе создания украинского языка главной задачей сепаратистов было доказать, что он существенно отличается от общерусского. «С этой целью, — писал А.А. Иванов, — в составляемых ими учебниках и других книгах они, по большей части, тщательно стараются избегать русских слов для выражения многих понятий, так как в малорусском языке, по его неразвитости, нет слов для этих понятий, и берут из польского и даже из других славянских языков, лишь бы не из русского. Сверх того ... они ввели особенное правописание, отличное от прежнего, более сходного с общерусским».

Публицисты «Русского вестника» оставили красочные описания методов внедрения украинского языка в крестьянскую малороссийскую среду. Так, по словам Каткова, в начале 1860-х гг. по украинским селам «начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных просветителей». При этом, свидетельствовал А.А. Иванов, «дети неохотно слушали учителей и на малорусские вопросы последних почти всегда отвечали по-русски. Весьма немногие ученики сами изъявляли желание учиться по-малорусски».

Для того чтобы оправдать создание подобных кустарных школ, энтузиасты украинской идеи заявляли, что они внедряют «мову» в крестьянскую среду лишь потому, что русский язык непонятен для малороссийских детей. С.С. Гогоцкий, русский философ с малороссийскими корнями, категорически опровергал подобные утверждения. По его словам, общерусский язык понятнее детям, нежели выдуманный «любителями Украины» «южнорусский жаргон»: «Весьма хорошо знаю, как не только сотни вместе со мною, но, подобно мне, тысячи детей, говоривших до 7-8 лет только на местном южнорусском просторечии, начинали потом учение без малейших за-

труднений по книгам на общерусском языке и все понимали так же, как понимали бы их дети, живущие в центральной России».

Консерваторы прекрасно осознавали колоссальную значимость языка, литературы и истории для формирования национального самосознания и поддержания государственного единства. И разрушения – их же. Так, Катков провозглашал: «Великое дело язык и литература! Что разошлось в языке и литературе, то разошлось в духе, и того не свяжешь потом никакой материальной силой».

Анализ текстов русских консерваторов, посвященных украинскому вопросу, приводит к выводу, что распространенное суждение о том, что он был вызван к жизни «польской интригой» и в целом «внешними факторами» нуждается в существенном уточнении. Да, бесспорно, славянофилы и Катков не раз подчеркивали особую роль поляков и Австрии в стимулировании украинского национализма. Тот же Катков не раз повторял, что «украинофильские стремления ... точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства». По его мнению, для поляков, после того, как малороссийские крестьяне приняли самое активное участие в подавлении восстания ненавистной им польской шляхты в 1863 г., «нет лучшего средства, чтобы изолировать от России этот русский народ Юго-Западного края, который так беспощадно разрушил польские мечты о принадлежности русской Украины к великому польскому государству». А в 1914 г. Меньшиков уверенно писал о том, что широкое распространение «мазепинства» с начала XX в. опирается на две базы – «на денежную поддержку Германии и на самую разнообразную поддержку Австро-Венгрии». И даже заявлял, что если Германия и Австрия всерьез готовы использовать украинский сепаратизм для разрушения единства русского народа, то «мы должны были бы воевать и с Германией, и с Австрией как

с врагами, ведущими минный подкоп под наше государственное здание».

Мировая война представила бесспорные факты того, что многолетняя работа Австрии по подавлению прорусски настроенных галичан, и, наоборот, поощрению галицийских украинцев, дала свои плоды. Это привело к резкой радикализации как украинских, так и русских националистов. Д.В. Скрынченко писал о том, как в Галиции после отступления из нее русской армии, галицийские украинцы учинили расправу над всем, что было связано с русским именем и «все силы свои направляют на то, чтобы уничтожить не только все нити, связывающие их с русской культурой, но и все то, что сделано другими галичанами, держащимися русской ориентации». При этом он отмечал, что «галичанские» настроения характерны и для внутренних «мазепинцев»: «Когда местный, российский «украинец» Винниченко заявляет в московском журнале о том, что у «украинцев» нет никакого ни кровного, ни культурного родства с русскими, когда он оскорбительно бросает вызов русскому народу, считая его никчемным, неспособным к культуре, не давшим ничего миру, кроме грубой силы, то ясно, что «украинская» зараза закордонья становится угрожающей по отношению к самой России».

При этом консерваторы всё же очень большое значение придавали внутренним факторам, которые, с их точки зрения, если и не вызвали к жизни украинский национализм, то серьезно способствовали его развитию. Среди них первое место занимала космополитическая, лишенная национального сознания бюрократия. Люди, не имеющие в себе «живого чувства своей национальности ... остаются безразличны в национальном отношении, и ... это безразличие лишает их способности распознавать что полезно и что вредно для того государства, к которому они принадлежат». Катков впрямую говорил в 1864 г. о «правительственном содействии украинофильству как делу безвредному», когда в «некоторых сферах» готови-

лись решения о переводе Священного Писания и государственных актов на украинский язык, об обязательном введении украинского языка в народные школы, о распространении в народе книг на украинском языке за счет казенных денег. Если бы эти меры были реализованы, то это означало, по мнению Каткова, что «правительство на казенные средства помогало распадению России или создавало призрак, который стал бы вампиром целых поколений». И.С. Аксаков уточнял, ссылаясь на свидетельство Костомарова, что все вышеперечисленные инициативы имели «не только одобрение, но и горячую поддержку» со стороны бывшего тогда министром народного просвещения А.В. Головнина. Они не были реализованы «по причине вспыхнувшего вслед затем польского мятежа» и бюрократической интриге против министра.

В начале XX в. М.О. Меньшиков с горечью писал о самодовольной оптимистической бюрократии, которой свойственна пагубная привычка «никак не реагировать на острые явления жизни и прятать их под сукно, как страусы в пустыне при виде неприятеля прячут голову под крыло. Именно этой пагубной привычке мы обязаны чудовищным разрастанием таких явлений, которые своевременно могли бы быть погашены легко и быстро».

Какие же пути решения украинского вопроса предлагали консерваторы? Надо сказать, что какой-либо целостной положительной системной программы у них не было. Отдельные публицисты в разные годы высказывали отдельные мнения на этот счет, причем ближе к 1917 г. среди них явно преобладали меры репрессивного характера.

Уже оказавшись в эмиграции, евразиец Н.С. Трубецкой, как и многие эмигранты, осознал, что Православная Вера некогда была жизненным нервом всей русской культуры, и именно благодаря ей «западнорусская и московская индивидуации русской культуры оказались способными вновь воссоединиться». В послепетровское

время секулярная антихристианская европейская культура разрушила в сознании элиты Православие, не заменив его ничем, а затем интеллигентский нигилизм проник в народные массы, породив в них полное духовное опустошение. Рассуждая таким образом, Трубецкой развил идею, что будущая русская культура «должна стать в идеале оцерковленной сверху донизу» и тем самым вновь способствовать единству русского народа.

Автор «Русского вестника» А.А. Иванов поставил вопрос о необходимости создания народных русских школ: «Пусть правительство и просвещенная часть общества открывают во всех городах и селах свои народные училища с хорошими учителями, положительно запрещая в них преподавание на малорусском наречии и употребление малорусских книжек». Если это произойдет, то «дело врагов нашего просвещения будет, наверно, проиграно». О том же по сути дела говорил и С.С. Гогоцкий, утверждая, что прежде всего необходимы «полное единение с центральной Россией, русские учебные книги на всех инстанциях обучения и такой взаимный обмен умственных сил и деятелей между Русским Севером и Русским Юго-западом, который бы наилучше упрочивал наше единство с центром России». На этом же настаивал и П.Б. Струве, когда заявлял в статье, посвященной украинскому вопросу о том, «что одна из главных, и образовательных, и практических задач начальной школы заключается в том, чтобы всякого русского приобщить к органу русской культуры, русскому языку, и что к этому нужно стремиться всеми разумными способами. Это нужно так же, как знание арифметики, это есть, если можно так выразиться, обязательная общегражданская грамотность». Кстати, эта статья, по словам Н.И. Ульянова, представляла собой «первый призыв, исходящий из “прогрессивного” лагеря» русскому общественному мнению «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек вступить в идейную борьбу с “украинством”»

как тенденцией ослабить и даже упразднить великое приобретение нашей истории — общерусскую культуру».

Однако решение о создании системы начального народного образования было принято спустя десятилетия, при П.А. Столыпине, и на практике не успело реализоваться из-за мировой войны и последовавшей революции. Время было упущено.

М.О. Меньшиков с тревогой писал о том, что в России нет ни одного «пригодного для школ учебника русской истории». Наряду с миллиардными тратами на создание флота и покупку племенных жеребцов следовало бы потратить несколько премий на создание «основного учебника русской истории, увлекательного и правдивого», привлечь самых талантливых ученых и публицистов для доказательства того, что «русское государство — до сих пор единственная возможная форма державной самостоятельности и белорусов, и малороссов».

Националист А.С. Суворин призывал позаботиться, прежде всего, о русском центре страны: «Необходимо его культурно укрепить и возвысить. ...Русский человек должен блистать образованием, а не отставать от окраин; русская промышленность, торговля и земледелие должны стоять как пример развития для окраин, а не завидовать и не зависеть от них. ... Прочность России, ее долголетие и ее крепость зависят от прочности центра, от притягательной, внутренней, органической силы его». Примерно такую же позицию занимал и блестящий публицист «Нового времени» В.В. Розанов.

Показательно, что ни один из этих пунктов не был осуществлен вплоть до 1917 г., что является убедительным свидетельством того, что оценка консерваторами петербургской бюрократии была вполне точной. Власть начала прислушиваться к консерваторам только в минуты смертельной для нее опасности, как это было в 1812 г. и в 1905 г. К февралю 1917 г. консервативное движение оказалось в силу различных причин расколото и демора-

лизовано самой монархической властью и высшей бюрократией.

В условиях неумолимо надвигавшейся национальной катастрофы русские консерваторы и националисты сделали ставку исключительно на репрессивные меры против украинского национализма. Меньшиков призывал государственную власть «глядеть на украиноманство как на одну из злокачественнейших язв нашей внутренней жизни». Предельно жестко и недвусмысленно выражался по этому поводу Д.В. Скрынченко: «Российские украинцы — изменники и предатели наши и жаждут они лишь развала России, чтобы на ее костях создать «самостійну, незалежну Україну». А раз таковы стремления российских украинцев, то надо раз навсегда задуть и ту культуру «українську», которая жаждет гибели России. Хотя количество украинцев, помогающих гибели России, ничтожно, однако оно существует, и раз эта кучка поставила вопрос о самом существовании России, то надо беспощадно, отбросив некую сентиментальность, раздавить эту предательскую кучку».

Впрочем, эти призывы не были услышаны правящими кругами.

Все самые зловещие предупреждения и пророчества консерваторов сбылись. Удивляет поразительная точность некоторых предсказаний, своего рода футурологическая состоятельность русской консервативной мысли. Например, Н.А. Ригельман утверждал, что тактика и стратегия украинских националистов будет заключаться в том, чтобы не отрываться от России, «чтобы пользоваться ее силами и ее охраной, покамест мы настолько укрепим, чтобы в ней больше не нуждаться».

А Н.С. Трубецкой в статье, написанной в 1927 г. подробно описал, как в независимой Украине придут к власти узкие и фанатичные краевые шовинисты, которые наложат на самостоятельную украинскую культуру свою «печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобе-

сия и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией. Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо, если украинцы не будут ненавидеть все русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики и притом плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями. Поэтому в этой культуре все: наука, литература, искусство, философия и т.д. — не будет самоценно, а будет тенденциозно. Это откроет широкую дорогу бездарностям, пожинаящим дешевые лавры благодаря подчинению тенденциозному трафарету, — но зажмет рот настоящим талантам, не могущим ограничивать себя узкими шорами этих трафаретов. Но главное, можно очень сомневаться в том, что эта культура будет действительно национальна. Полно воплощать в культурных ценностях дух национальной личности могут только настоящие таланты, работающие вовсе не для каких-то побочных политических целей, а лишь в силу иррационального внутреннего влечения. Таким талантам в описанной выше злобно шовинисти-

ческой обстановке не окажется места. Политиканам же нужно будет главным образом одно — как можно скорей создать свою украинскую культуру, все равно какую, только чтобы не была похожа на русскую. Это неминуемо поведет к лихорадочной подражательной работе: чем создавать заново, не проще ли взять готовым из заграницы (только бы не из России!), наскоро придумав для импортированных таким образом культурных ценностей украинские названия! И, в результате, созданная при таких условиях «украинская культура» не будет органическим выражением индивидуальной природы украинской национальной личности и мало чем будет отличаться от тех «культур», которые наспех создаются разными «молодыми народами», статистами Лиги Наций. В этой культуре демагогическое подчеркивание некоторых отдельных, случайно выбранных и, в общем, малосущественных элементов простонародного быта будет сочетаться с практическим отрицанием самых глубинных основ этого быта, а механически перенятые и неуклюже применяемые «последние слова» европейской цивилизации будут жить бок о бок с признаками самой вопиющей провинциальной ветоши и культурной отсталости; и все это — при внутренней духовной пустоте, прикрываемой кичливым самовосхвалением, крикливой рекламой, громкими фразами о национальной культуре, самобытности и проч. ... Словом, — это будет жалкий суррогат, не культура, а карикатура...

Таковы те неприглядные перспективы, которые ожидают украинскую культуру в том случае, если она пожелает заменить общерусскую, вытеснить общерусскую, вообще, если она вступит на путь конкуренции с общерусской культурой».

Украинский вопрос был существенно осмыслен русской эмиграцией. В статьях выдающихся русских религиозных философов Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского, приведенных в сборнике, содержатся в предельно кон-

центрированной форме уроки, которые должно вынести русское общество, в том числе и по украинскому вопросу. Эти незаурядные мыслители во многом следовали логике и пафосу дореволюционных консерваторов. К примеру, Бердяев, начинавший свою идейную биографию как «легальный» марксист, в 1918 г. писал немыслимые до революции для принадлежащего к «прогрессивному лагерю» деятеля признания: «Нужно прямо и решительно заявить – никакой великорусской культуры нет, как нет и культуры малорусской, есть только единая русская культура, объединенная великим русским языком, который не есть язык великорусский. Нет великорусской истории, есть лишь русская история».

Значительную часть сборника занимает монография эмигранта «второй волны», историка Н.И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма». Ульянов создал уникальный исторический труд, единственную по сей день монографию, в котором прослеживается фактическая история украинского националистического движения, его исторические предпосылки, его возникновение и развитие вплоть до начала XX в. Во многом мировоззренческие установки Ульянова определялись теми идеями, теми подходами, которые высказывали представители дореволюционной русской консервативной мысли до 1917 г. Показательно отношение к этой книге современных украинских националистов. Когда она вышла в Москве в 1996 г., она вызвала фактически международный скандал. На Украине книгу Ульянова расценили как враждебный и провокационный шаг. Подобного рода реакция, безусловно, подтверждает крайнюю актуальность исследования Ульянова. Если бы книга Ульянова была вовремя прочитана и усвоена как представителями «политического класса», так и научного сообщества, события на Украине 2014 г. как минимум воспринимались бы совершенно по-другому. Следует признать, что наше общество оказалось поразительно неинформированным

в истории одного из острейших вопросов, от решения которого зависит судьба Русского мира.

Полагаем, что сборник будет актуальным, прежде всего, для политиков и представителей гуманитарных дисциплин.

Составитель и редакторы сборника оставили все авторские тексты без сколько-нибудь значимых сокращений и купюр. Это – требование элементарной научной добросовестности. Безусловно, некоторые тексты, как минимум, выглядят провокативно и спорно с точки зрения современного политического дискурса, поскольку им присущи характерные для той эпохи фобии, мифы, предрассудки и пр. Особенно это касается текстов русских националистов начала XX в., прежде всего, М.О. Меньшикова, в которых украинский вопрос иногда тесно переплетается с еврейским вопросом. Уместно заметить, что антисемитизм традиционно был свойственен той части Российской империи, которая впоследствии выделилась в независимую Украину. Речь идет, прежде всего, о нынешней центральной и западной Украине, где исторически антирусские и антисемитские настроения являлись неотъемлемой частью местной разновидности национализма.

Часть текстов сборника уже публиковалась в малотиражных сборниках и периодических изданиях. Но собранные вместе они представляют собою беспощадный и объективный анализ «украинства» как изначально антирусского проекта. Все цитаты в тексте Предисловия взяты из опубликованных в сборнике произведений. Комментарии к статьям Д.В. Скрынченко составлены Б.В. Колмаковым.

Постраничные ссылки в тексте, выделенные звездочками – принадлежат авторам опубликованных в сборнике произведений или же редакторам тех изданий, в которых первоначально эти материалы публиковались. Примечания редакторов этого сборника в тексте статей

пронумерованы арабскими цифрами. Текст примечаний находится в заключительной части сборника. Курсив и выделение в тексте сделаны авторами работ, помещенных в сборнике.

Составитель и редакторы сборника благодарят А.И. Иванова, А.Э. Котова, А.В. Репникова, М.А. Тюренкова за ценные советы и рекомендации, а также сотрудников Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета: Е.П. Гришину, Р.Ю. Макарова, В.М. Невежину, О.Ю. Товицкую за оказанную техническую и информационную помощь при работе над сборником.

А.Ю. Минаков

Из письма В.Г. Белинского к П.В. Анненкову

В.Г. Белинский

...Наводил я справки о Шевченко¹ и убедился окончательно, что вне религии вера есть никуда негодная вещь. Вы помните, что верующий друг мой² говорил мне, что он *верит*, что Шевченко — человек достойный и прекрасный. Вера делает чудеса — творит людей из ослов и дубин, стало быть, она может и из Шевчен-

ки сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля — один на г<осударя> и <мператора>, другой — на г<осударын>ю и <мператриц>у³. Читая пасквиль на себя, г<осударь> хохотал, и, вероятно, дело тем и кончилось бы, и дурак не пострадал бы, за то только, что он глуп. Но когда г<осударь> прочел пасквиль на и <мператри>цу, то пришел в великий гнев, и вот его собственные слова: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?» И это понятно, когда сообразите, в чем состоит славянское остроумие, когда оно устремляется на женщину. Я не читал этих пасквилей, и никто из моих знакомых их не читал (что, между прочим, доказывает, что они ни-

сколько не злы, а только плоски и глупы), но уверен, что пасквиль на и<мператри>цу должен быть возмутительно гадок по причине, о которой я уже говорил. Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьбою, я сделал бы не меньше. Я питаю личную вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха. Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где нет ничего ровно, и вызывают меры крутые и гибельные для литературы и просвещения. Вот Вам доказательство. Вы помните, что в «Современнике» остановлен перевод «Пиччинино» (в «Отечественных записках» тож), «Манон Леско» и «Леон Леони»⁴. А почему? Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш (экая свинская фамилия!)⁵ в «Звездочке» (иначе называемой <...>), журнале, который издает Ишимова для детей⁶, напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть⁷. Цензор Ивановский⁸ просмотрел эту фразу, и она прошла. И немудрено: в глупом и бездарном сочинении всего легче недосмотреть и за него попасться. Прошел год — и ничего, как вдруг государь получает от кого-то эту книжку с отметкою фразы. А надо сказать, что эта статья появилась отдельно, и на этот раз ее пропустил Куторга⁹, который, понадеясь, что она была цензорвана Ивановским, подписал ее, не читая. Сейчас же велено было Куторгу посадить в крепость. К счастью, успели предупредить графа Орлова¹⁰ и объяснить ему, что настоящий-то виноватый — Ивановский! Граф кое-как это дело замял и утишил, Ивановский был прощен. Но можете представить, в каком ужасе было министерство просвещения и особенно цензурный комитет? Пошли придирки, возмездия, и тут-то казанский татарин Мусин-Пушкин (страшная скотина, которая не годилась бы в попечители конского завода)¹¹ накинулся на переводы французских повестей, воображая, что в них-то Кулиш набрался хохлацкого патриотизма, — и запретил «Пиччинино», «Манон Леско» и «Леон Леони». Вот, что делают эти скоты, безмозглые

либералишки. Ох, эти мне хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя — всё марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедывать отторжение от него области? А вот и еще следствие этой истории. Ивановский был прекрасный цензор, потому что благородный человек. После этой истории он, естественно, стал строже, придирчивее, до него стали доходить жалобы литераторов, — и он вышел в отставку, находя, что его должность несообразна с его совестью. И мы лишились такого цензора по милости либеральной свиньи, годной только на сало.

Так вот опыт *веры* моего верующего друга. Я эту веру определяю теперь так: вера есть поблажка праздным фантазиям или способность всё видеть не так, как оно есть на деле, а как нам хочется и нужно, чтобы оно было. Страшная глупость эта вера! Вещь, конечно, невинная, но тем более пошлая...

Белинский В.Г.

«Гайдамаки». Поэма Т. Шевченка

Читателям «Отечественных записок» известно мнение наше насчет произведений так называемой малороссийской литературы¹. Не станем повторять его здесь и только скажем, что новый опыт *спиваний* г. Шевченка, привилегированного, кажется, малороссийского поэта,

Т.Г. Шевченко

убеждает нас еще более, что подобного рода произведения издаются только для услаждения и назидания самих авторов: другой публики у них, кажется, нет. Если же эти господа *кобзари* думают своими *поэмами* принести пользу низшему классу своих соотчичей, то в этом очень ошибаются: их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всем плохим пиитам, — часто нисколько не народны, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, — и, следовательно, по всем этим причинам — они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего. Для такой цели было бы лучше, отбросив всякое притязание на титул поэта, рассказывать народу простым, понятным ему языком о разных полезных предметах гражданского и семейного быта, как это прекрасно начал (и жаль, что не продолжал) г. Основьяненко в брошюре своей «Лы-

сты до любезных землякив»². А то, пожалуй, какой-нибудь волостной мудрец-писарь (только не Шельменко)³, прочтя ваши «сочинения», ответит вам вашими же словами:

*Теплый кожух, тилько шкода,
Не на мене шитый,
А розумне ваше слово
Брехнёю подбыте.*
(«Гайдамаки», стр. 11).

Что касается до самой поэмы г-на Шевченко — «Гайдамаки», здесь есть все, что подобает каждой малороссийской поэме: здесь ляхи, жида, казаки; здесь хорошо ругаются, пьют, бьют, жгут, режут; ну, разумеется, в антрактах кобзарь (ибо без кобзаря какая уж малороссийская поэма!) поет свои вдохновенные песни, без особенного смысла, а дивчина плачет, а буря гомонит... Вот образчики:

*Одчиняй, проклятый жиде!
Бо будыш битый, одчиняй!
Ламайте двери поки выйде,
Викна посыпались, «стрывай!
Стрывайте зараз», — «нагаями
Свыняче ухо, жартувать
Чи що ты хочиш!?» «Я! з панами?
Крый боже зараз! Дайте встать
Ясновельможни» (нышком «свыни»).*
*«Пани полковнику ламай»,
Упалы двери... а нагай
Малюе вздовж жидивску спыну,
«Здоров свине, здоров жиде,
Здоров чортив сыну».*
*Та нагаем, та натаем
А жид зогнув спыну
«Не жартуйте мости пане.
Добри вечыр, в хату!»
Ще раз шельму, ще раз годи!*

*«Выбачай проклятый,
Добри вечыр, а де дочка?»
«Умерла, Панове»,
«Лжешь, Иудо, нагаями!»
Посыталысь знову... и т.д.*

Не правда ли, какая меткая кисть в описательной природе? Этой картине посвящена целая глава: «Конфедераты»⁴. — А вот нечто в роде чувствительно нежном. Страстный любовник, Яremo, пришел на свидание к своей возлюбленной; но ее еще нет. Яremo, по сему случаю, поет элегию на целой странице и уже собирается умирать, как вдруг — шелест:

*Попид гаем мов ласочка
Крадыця Оксана.
Забув, побит, обнялыся,
«Серце...» тай зомлилы
Довго, довго, тилько «серце»
Тай знову нимилы.*

Яremo говорит:

«Годи пташко».

Оксана:

*«Ще трошички,
Ще... Ще... сызокрылый,
Выймы душу... ще раз... ще раз...
Ох, як я втомилась» (с. 36).*

Опять картина, и какая живая! Вот уж подлинно, говоря поэтическим языком самого господина сочинителя: *ушкварил!*

Издание наполнено всевозможными ошибками противу знаков препинания, как это отчасти видно из приведенных примеров, где, для соблюдения смысла, мы приуждены были поставить в некоторых местах свои знаки.

Ламанский В.И.

Национальная бестактность*

В.И. Ламанский

В начале статьи, заявив что она написана собственно для Галицийских Малороссов *с самым искренним сочувствием к ним, с самым живейшим желанием блага им*, рецензент продолжает: «Да и как могли бы мы не сочувствовать им? Галицийские Малороссы или как они себя называют, Русины, отличаются всеми свойствами, общими цело-

му Малорусскому племени. *А если есть племена, могущие к себе привлекать симпатию больше, чем другие племена,*

* В Галиции, во Львове (Лемберге) издается газета «Слово»¹. Кроме одной части Галиции, примыкающей к Польше, вся остальная заселена тремя миллионами Малороссов, называющих себя *Русскими* (во множ. числе; в единственном – Русин: Немцы же сочинили название *Рутенов*). – Шляхта, аристократия, крупные землевладельцы Поляки. Поляки, требуя от Немцев и от других признания своей национальности, в то же время всеми возможными способами преследуют и гнетут Русскую народность в Галиции. Не только поддерживают они ненавистную народу унию², но употребляют всякие ухищрения, чтобы обращать народ в католичество. У Галицких Руссов только одно стремление – примкнуть к общей Русской семье, слиться с нею в одно целое, если не политически, так духовно: поэтому *они всячески стараются усвоить себе наш Русский литературный язык*, считают нашу литературу своей, изучают ее, гордятся Пушкиным, как своим собственным поэтом и прочее. Чтобы сколько-нибудь ослабить эту естественную связь Галича с Россией, *Австрийское правительство*, по совету поляков и для собственной выгоды, до самого последнего времени запрещало в Галиции употребление нашей гражданской азбуки и нашей литературной речи: есть предписание бывшего губернатора Галиции, графа Голуховского³, о том, чтобы не смели писать наше «что», но непременно писали «що» и т.д. Одним словом – Поляки, презирая и нагло оскорбляя Русскую народность в Галиции, *хотя бы её ополечить; Австрийское правительство*, не желая усиления Поляков, настолько поддерживает народность в Галиции, насколько это нужно ему для ослабления Польского элемента, но старается у Галицких Русских возбуждать чувство племенной *Малороссийской* особенности, и враждебности к Великорусской стихии.

то именно малороссы — одно из племен наиболее симпатичных (Славянских или вообще человеческих?). Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкости нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи, — все соединяется в этом народе, чтобы очаровывать вас, так что иноплеменник становится Малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии. Нельзя не сочувствовать им.

Если в этих словах и незаметно согласия с известными историческими, эстетическими и философскими взглядами Современника, то зато слышна смелая уверенность знатока Малорусской народности, жившего посреди Малороссиян, изучавшего их в сравнении с другими народностями, по крайности хоть с Великорусской. Автор везде называет себя Русским, Великороссиянином. Мы сами чрезвычайно любим и уважаем Малороссиян, но, признаемся, не верим искренности наших земляков, когда они толкуют о большей преданности и симпатии своей к Малоруссам нежели к *Москалям*. Разумеется и наоборот. Чтобы слова тех и других были искренни в этом случае, надо, чтобы Москаль обратился в Малоросса, и наоборот. Своя народность всякому ближе, понятнее, симпатичнее.

В настоящем 1861 году Австрия, желая иметь Галицких Руссов на своей стороне в Державном Сейме, даровала им разные льготы и позволила употребление нашей гражданской азбуки и нашей литературной речи. Разумеется, на первых порах, последнее удастся еще в слабой степени, да и быстрое ее развитие могло бы возбудить опасение Австрийского правительства. Вдруг появляется в Современнике статья под названием «Национальная бестактность», которая оскорбляя Галичан в самых душевных, теплых их стремлениях, осуждает их старания писать Русским литературным языком, предлагает им держаться Малороссийской племенной особенности, и не враждовать с Поляками, и прочее. Эта статья, вслед за июльской книгой Современника, появилась в разных газетах Австрии на Немецком и Польском языках. Можно себе представить удивление, негодование, огорчение, весь ужас наших братьев Русских! Письма, полученные нами из Вены, живо изображают душевную скорбь Галичан, обруганных и осмеянных в России за сочувствие к России! Почти в каждой № газеты «Слово» являются горячие протесты против статьи: «Нац. бестактность», и идет спор о том: считать ли Современник представителем Русского общественного мнения и Русского направления! — Разумеется — нет, и мы спешим отозваться нашим братьям в Галиции — двумя статьями: предлагаемой статьей г. Ламанского и статьей г. Лавровского⁴, печатание которой начнется с №3. В этих статьях читатель нашел бы сам все рассказанное нами, но по малоизвестности политических обстоятельств Галиции, мы сочли не лишним вкратце предварительно объяснить читателю все значение этих статей для наших международных отношений. *Примечание И.С. Аксакова.*

Наш рецензент, кажется, решительно мистифицирует читателя. С самоуверенностью знатока изобразив народные особенности Малороссиянам, замечает он на той же странице: «О языке, которым писана газета, мы не желали бы судить, — *мы слишком плохие знатоки в этом деле*». Если автор в самом деле так нежно любит Малороссиян, как уверяет, то также ему было не выучиться по Малорусски? Русскому, жившему посреди Малороссиян, оно не стоило бы большого труда. Или он не жил в Малороссии? Но какие можно, не зная народа и его языка, толковать так смело и резко об его характере, обычаях, правах? И что тогда значит эта симпатия? Ложь и обман тут очевидны: или автор действительно хорошо знает Малороссию и только прикидывается плохим знатоком Малорусского наречия, или же он притворяется страстным любителем Малороссиян. В качестве последнего он выдумывает всеобщность таких явлений, которые чисто случайны и ничего не доказывают. «Иноплеменник становится *Малорусским патриотом*, если *хоть сколько-нибудь* поживет в Малороссии». Говоря откровенно, мы не понимаем значения слов: *Малорусский*, а следовательно и *Великорусский патриотизм*, мы еще можем допустить *Русский патриотизм*; хотя, признаемся всячески желали бы избегать употребления слов: *патриот*, *патриотизм*, не потому что они иностранные, а потому что слишком опошлились и нередко теперь служат подкладкой для самых различных понятий. Но не в том дело. Положим что иноплеменник действительно, пожив в Малороссии, обращается в Малороссиянина. Разве подобные примеры могут служить свидетельством симпатичности или очаровательности того или иного племени: Инородцы наши русеют вовсе не от того, что питают к нам симпатию. Поляки в Пруссии быстро исчезают и немечатся, а между тем питают к Немцам непримиримую вражду. Да и можно ли утверждать всеобщность явления обрусения иноплеменников в Малороссии? Не упоминая уже об ополчении Малорусских семейств, укажем только на ближайших их соплеменников Великороссиян и Поляков,

которые подолгу живут в Малороссии, отнюдь не теряя своей народности. Таковы слободы наших раскольников в Черниговской губернии. Так издавна живут в Малороссии не сотни, а тысячи Поляков. Они не обращаются в Малорусских патриотов, а напротив желают даже ополчить Малороссию, преследуя любимую мысль о том, что Малороссия по Днепру с Киевом — Польша. Против этих притязаний Поляков и восстает огромное большинство Малороссиян, как в России, так и в Австрии, где его органом Львовское «Слово».

В этом случае они защищают такое же дело, как например и Поляки в Пруссии, с таким же жаром, но не с одинаковым умением. Впрочем было бы несправедливо обвинять за то одну Польскую народность. При всей своей тяжести, борьба Малороссиян с Поляками все таки гораздо легче борьбы Поляков с Немцами. Хотя и прежде просветительное начало Малороссии всегда было выше просветительного начала Польши, но в былое время она стояла гораздо ниже Польши относительно внешней образованности. В настоящее время, когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык, Русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки и богаче и серьезней Польской. Притом же Малороссияне значительно многочисленней Поляков, между тем как борьба Поляков в Пруссии ведется с могучей национальностью, обладающей такими богатствами и сокровищами литературы и образованности, каких не имеют не только Поляки, но и все Славянские народы в совокупности. Сверх того в борьбе своей с Немцами, не опираются, не рассчитывают Поляки на помощь какого-нибудь соплеменного им народа. Вот почему борьба Поляков с Немцами ознаменована тяжелыми неудачами и поражениями. Далеко не такова борьба с ними Малороссиян.

Известны ли рецензенту или нет — малорусское наречие, вообще история, современное положение этой народности и следовательно все эти страшные Поль-

ские притязания на Малую Русь, как они высказываются в иностранных газетах и в Польских изданиях за границей, но верно только, что в том и другом случае он поступил крайне недобросовестно. Драпируясь фразами о своей симпатии к Малорусской народности, он позволил себе самые резкие и оскорбительные выходки против редакции Львовского «Слова». Наконец он диктаторски восклицает: «Пусть просвещенные Русинские патриоты поспешат взять дело из рук, в которых оно только компрометируется». Через несколько страниц после уверенных своих в искреннем сочувствии к Русинам и в живейшем желании им блага, он не затрудняется сказать: «газета «Слово» очевидно, издается людьми, убежденными, что за ними стоит, по одной с ними дороге пойдет *все Русинское племя*. Самая возможность такой мысли их доказывает, что людей, сочувствующих им *между Русинами, очень много*. Если они и не представители всего племени, то, во всяком случае, *представители сильной и вероятно самой сильной между Русинами партии...* Мы желаем думать, что Галицийские Русины понимают и могут сами защитить свои интересы. Но тактика Львовского «Слова» противоречит такому предположению. *Мы желали бы не признавать эту газету представительницей Русинского племени*. К сожалению, мы не имеем данных, чтобы опровергнуть эту ее претензию». — Трудно представить себе более полное презрение, что автор еще хвалится своим глубоким сочувствием к нему. Он не сумел даже сообразить, что если его статья и могла обратить на себя внимание, то только потому, что она напечатана в Русском журнале, и что в Галиции есть сильная народная партия, которую рецензент осыпает бесцеремонной бранью. И в то же время он не смущается подавать из Петербурга самые решительные советы народу, даже язык которого ему плохо известен, по его же сознанию. Он признает за собой разумение дела и народных нужд гораздо в большей степени, нежели за целым народом, за самой сильной его партией. И в то же время он даже не догадывается, что если справедлив его отзыв об этой пар-

тии, будто она роняет, *компрометирует* народное дело, то из этого непременно следует, что самый народ лишен всякого здравого смысла. Любопытный пример сочетания слабости мышления с крайним самодовольством и самомнением.

Статья «Национальная бестактность» была переведена и напечатана в Австрии по Польски и по Немецки. Политическим врагам Русинов (оставим покуда это название для избежания недоразумений) она доставила большое наслаждение.

Несмотря на все искажения и умалчивания рецензента, приведенные им выписки из «Слова», решительно не позволяют заключать о том духе ненависти и вражды, в котором он обвиняет редакцию самым обидным образом. Напротив в самых даже выписках рецензента есть места, которые обличают полное беспристрастие редакции по вопросу об отношениях Русинов к Полякам. Мы считаем неприличным для нашей газеты и оскорбительным для редакции «Слова» опровергать в частности все обвинения, взваленные на нее Современником. Политические враги Русинов пользуются его рецензией, как доказательством и орудием, обрадовались ей, как новому поводу и средству нанести лишний удар этой несчастной, едва поднимающейся народности. Ссылаясь на нее говорят Русином в Австрии: «вы ищите сочувствия в Русских, вы надеетесь на поддержку Русской литературы. Напрасно! вот вам голос из России: так смотрят на вас все тамошние публицисты, как из Малоруссов, так и из Великоруссов». В самом деле, рецензент говорит о «Слове» не только за себя, за нас, Великоруссов, но и за Малоруссов, например за покойного Шевченко, который по уверению автора, *лично его знавшего*, «во Львовском Слове наверное не стал бы писать».

К несчастью, нашей публике слишком мало известны истинные отношения народностей в Австрии вообще, в Галиции особенно. Смелый тон рецензента, его умалчивания и искажения, его уверения в нежной любви к Русином легко могли некоторым Русским читателям вну-

шить подозрение к чистоте убеждений редакции Львовского «Слова». Чтобы рассеять в них всякое сомнение и доказать всем Австрийским читателям, сочувствующим этой рецензии, что их поспешная радость была напрасна и неосновательна, чтобы одним словом автора этой рецензии уличить во лжи и обмане, мы принуждены сослаться на одну статью г. Костомарова⁵, которого, надеясь, не станем обвинять наш автор в дикой вражде и ненависти к Полякам, в национальной бестактности и т.д. Эта статья г. Костомарова напечатана в Февральской книжке Основы 1861 г.⁶, след. позже первых 2 №№ «Слова», и за 4-5 месяцев до появления статьи Современника. Понятно, кажется, что в такой срок вековые отношения Малороссиян и Поляков не могли ни на волос измениться. Наш автор, так любящий малорусскую народность, не мог же не знать замечательнейших статей Основы. В ней Шевченко принимал самое живое участие. В ней не раз были высказаны те самые взгляды и понятия, за которые так нападает Современник на редакцию Слова.

Обращаемся к статье г. Костомарова: «Ответ на выходки газеты *Czas*». Между прочим он приводит в ней в оригинале и в переводе стихи «Niema Rusi. Ответы на памфлеты Поляков, выставяемые в Львовском университете, 1860 года». Для краткости приводим только конец этого стихотворения в изящном переводе г. Костомарова: «За оскорбление Руси от смерти Богдана, все растравляется рана Польши... А теперь, говорят, в поздние вечера упырь Польши сходится с упырем Руси: первый в кунтуше и с саблей при боку, другой в сермяге и со слезами на глазах. Первый и по смерти сохраняет гордый вид, — равенство и братство гласит перед Европой, а потихоньку говорит Русину: «назад, хам, будь Поляком: не то — я дам тебе почувствовать свою руку!» а Русский упырь, этот вековой слуга, прикидывается Ляхом и голову склоняет, но мысленно — как обыкновенно раб в испуге — шепчет сам себе: брате, не верь Ляху!

...«Брат, посмотри на это изображение, — оно не для шуток написано; взглядишь добросовестно в страницы

Польской истории и, может быть, ты, наконец поймешь, что памфлеты не воскресят уже той Польши, которая некогда, на развалинах Руси, воздвиглась из ничтожества и возросла и оперилась от Русских костей и Русской крови...

«Нет Руси! И даже имя ее страны не осталось между чужими названиями; Польские мудрецы пишут, что Львов, Подол, Волынь, Украина — что все это Польша!

«И так нет Руси: нет ее в голове Польских журналистов и в ополяченном Львове... нет и Русского языка, ибо даже его буквы граф Голуховский заменяет Польскими.

«Нет Руси! нет! Вычеркните ее из книг.. хоть и есть Русских хлопов миллион с пятнадцать... Нет Руси, нет! хоть есть и должен быть вечный протест Руси против Польской власти!» (Основа, Февраль 1861 г.)

Основные воззрения этого стихотворения те же, что и редакция Львовского «Слова». Извлечения Современника из первых двух №№ этой газеты затрагивают именно все те же вопросы, которых коснулся и автор стихотворения *Niema Rusi*.

Рецензент особенно глумится над одним шутливым, полународным стихотворением о букве ъ.⁷ Мы не касаемся его художественных достоинств. Да и вообще нам Русским нелепо глядеть на все подобные вещи с нашей точки зрения. У нас в политической газете толковать об азбуке было бы бессмыслицей. Но нельзя же забывать о политическом положении различных Славянских народностей в Австрии и особенно в Малорусской. Еще недавно, по приказанию графа Голуховского, Львовский наместник образовал особую комиссию во Львове (30 мая 1858 г.) для того, чтобы запретить Русинам Кириллицу и ввести у них азбуку Латинскую. В 1859 г. запрещено было им употребление нашего гражданского шрифта, нашего литературного языка, велено было печатать книги, газеты церковным шрифтом и по Малорусски. Только очень недавно была закрыта эта дикая комиссия, и то благодаря последствиям Виллафранкского мира⁸ и, в особенности, энергическим стараниям Львовского митрополита

Григория, барона Яхимовича⁹, который вообще за свой благородный образ мыслей и прямое гражданское направление пользуется в Червонной Руси общенародной любовью. Рецензент сильно ошибается, обвиняя одних Немцев в замыслах против Кириллицы. В одном сатирическом стихотворении, вышедшем по этому случаю в Львове в 1860 г., эта дикая и нелепая мера объясняется несколько иначе. Русинским же писателям во Львове это дело, кажется, может быть ближе известно, нежели нашему Петербургскому сочинителю. В этом стихотворении говорится, что Русинам хотели запретить писать Русской азбукой,

*Бо буква Русска – то Москва,
А та Москва, ты должен знати,
То страхопуд, то Татарва.*

Там же мы читаем:

*Вражда вам Немцы-Москали,
Вражда и вам, Славяне вси!
Природа ваша – ложны мары,
Живет лишь Польша и Мадяры!*

Прав ли рецензент Современника, обвиняя одних Русинов в отсутствии политического такта?

Мы видим Львовское «Слово» совершенно одного направления с стихотворением Niema Rusi. Оно было прислано в редакцию Основы из Галиции «с просьбой напечатать его, за что будут благодарны 3 миллиона Русинов». Г. Костомаров справедливо заметил, что оно «довольно ясно показывает, что этнографическое и историческое сознание единства Червоно-Русской земли¹⁰ с остальной Русью не исчезло и до настоящего времени, *несмотря на все иноплеменные усилия*». Г. Костомаров и Основа разумеют под этими словами не одних Немцев. Над самосознанием Русинов, над направлением редакции «Слова» не издеваются они, подобно Современнику, напротив впол-

не им сочувствуют. Об этом сочувствии, об этом согласии их взглядов на отношения Русинов к Польской народности всего лучше свидетельствуют следующие слова той же статьи г. Костомарова. «Польская народность имеет с Южно-русской большое сходство; Польская поэзия может отзываться родственно душе Южнорусса, но уж никак не с тех сторон, с каких заходят Поляки. Старание представить в светлом виде такие исторические воспоминания, как например Уния, которые Южноруссам ненавистны от предков, и вместе с тем прельщать их идеалом отдельного, в соединении с Поляками, государства, — такие приемы поведут единственно к тому, что древняя несчастная неприязнь наша к Полякам будет находить себе пищу, — чего мы отнюдь не хотим и не хотели. Для нас ничего не может быть желаннее изгнания из сердца старинных печальных воспоминаний, утверждения братской любви и духовного согласия с Поляками, но пусть же они возлюбят и уразумеют историческую истину: только истина сделает их свободными от всяких искусственных переделок и подделок исторических событий: от оправдания Унии, от восхваления бывшего господства своих начал над нашим народом и от ребяческих замашек забрасывать международную вражду в надежде разложить наше Русское отечество... Не разложилось оно политически в междоусобиях земель и князей, не разложилось оно духовно под Татарским, Литовским и Польским владычеством. Не разложится оно и от выстрелов ультрамонтанских¹¹ газет и журналов... История, очевидно, ведет к сближению, к сознательному сродству и соединению всех Славянских племен, а никак не к разложению. Кто против истории, против того история».

Правы ли Немецкий и Польский переводчики статьи «Национальная бестактность», все ее читатели в Австрии, вообразившие, что они слышали о Русиных голос всей «либеральной» России!? Мы видели, как смотрит на этот предмет г. Костомаров, бесспорно, теперь, со смертью Шевченки, самый даровитый и замечательный сотрудник Основы. Мы глубоко уважаем благородную ре-

дакцию этого журнала, чрезвычайно рады его появлению в нашей литературе. Есть правда, быть может, несколько вопросов, по которым мы не можем вполне согласиться с Основой, с теми или другими Малороссийскими писателями нашими. Что же касается до указанного нами воззрения Малороссиян, то конечно не найдется ни одного свободно и благомыслящего Великорусса, который бы ему вполне не сочувствовал. Всякий из нас, знакомый с историей Малороссии, ее народной поэзией, современными сочувствиями и гражданскими понятиями ее масс, всего Малорусского крестьянства, всякий из нас не может не видеть в этом взгляде г. Костомарова совершенное сходство и согласие с народным воззрением Малороссии. Русские «либералы», собственно из Великороссиян, не могут не сочувствовать всей душой этому воззрению, ибо оно вполне совпадает с основными воззрениями собственного нашего народа. Слава Богу, теперь уже, кажется, миновало то время, когда Русские «либералы» не задумывались считать себя в праве располагать судьбой и достоинством Русского народа, по собственным личным влечениям и по своему произволу, не справляясь с его историческими преданиями, коренными убеждениями, основными воззрениями. Малоруссы и Великоруссы с Белоруссами, при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений. Основная сила России, ее ядро и тяга, крестьянство средней и северной России, Сибири и Новороссийского края, под словами: *Святая Русь*, земля *Святорусская* – всегда понимает и старый Киев с его областью. Славный Киев живет глубоко в сознании нашего народа, в его поэтических преданиях, на всем Великорусском просторе. Столица красного солнышка, главное место подвигов народных богатырей, *стоятелей и оберегателей* земли Русской, эта мать Русских городов, привлекающая к себе тысячи богомольцев со всего Великорусского края. Киев со своей областью одинаково

дорог как малорусскому, так и Великорусскому отделу нашего народа своими святынями, гробницами Божьих угодников, этих нравственных идеалов Русского народа, этих духовных собирателей Русской земли! Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению Русской народности, к распадению и *разделу* Русской земли. Мы душевно любим и глубоко уважаем народность Польскую, не посягаем на Польскую землю, желаем ей всего того блага, какого она себе сама желает — но мы, Русские, не заслуживали бы от самих Поляков никакого уважения, если бы мы готовили России участь Польши XVIII столетия, которая пала от корыстолюбия и наглости знати, от распущенности нравов, неразвитости гражданского смысла, страшного легкомыслия и своеволия шляхты, среднего и мелкого дворянства, от презрения к простому народу. Повторяем, мы бы заслужили презрение самих Поляков, от них же дождались бы себе страшного о них отзыва Фридриха II¹², если бы отнеслись равнодушно к идее *раздела* России, если бы сдались на их приманки, признав законность диких Польских притязаний на Малороссию по Днепру с Киевом. Но до этого позора не дойдет Россия: в ней все шляхетские мечты разобьются вдребезги перед волей народа, который за свой Киев станет как один человек. По глубокому нашему убеждению эти притязания должны возбуждать в каждом Славянине страх и опасения за все будущее нашего племени, ибо всякие попытки отторгнуть например Киев от России вызовут такие бедствия и несчастья, последствия которых нельзя и предвидеть. И мало разве зол вытерпело наше многострадальное племя за свои вечные ушибы и распри? Не им ли обязаны все прежние победы и поныне успешные завоевания Немцев в Славянских землях? И так искренно желая народности Польской всякого блага и процветания, мы заявляем в то же время наше горячее участие и сочувствие к Русинам в Галиции. Мы душевно рады настоящему сближению Чехов с Поляками в Австрии, но, признаемся, с замиранием сердца глядим вперед, понимая все громадные трудности неми-

нучей борьбы Чехов с Немцами не одной Австрии, но, быть может, всей Германии. Мы глубоко скорбим об обстоятельствах, заставляющих народных Русских представителей в Вене держать сторону Немецких унионистов¹³. Мы почасту и подолгу задумываемся над исчезанием Польской народности в Пруссии. Не в одних Русских видах, но для блага *всего* Славянства обязаны мы соблюдать целость и единство *Русской земли!*

Незнакомый ни с историей, ни с современным положением Русинов, рецензент Современника очевидно не понимал всей важности Русинского вопроса. Он отнесся к нему по свойски, как относятся все наши *свистуны*¹⁴ к самым трудным и сложным вопросам жизни и науки. Мы все в России, т.е. весь наш небольшой круг пишущих и читающих, уже привыкли к самостоятельным взглядам всей этой яркой плеяды оригинальных умов Современника. Никакое новое явление в области свистопляски нас уже особенно не поражает. Но понятно, что малейшая статья каждого из этих отечественных мыслителей должна производить сильное впечатление на людей свежих и посторонних. Мы были бы очень удивлены, если бы услышали, что такое неожиданное событие, как появление статьи Современника в Немецком и Польском переводе прошло вовсе не замеченным, даже в Австрии. Но признаемся, мы не могли удержаться от смеха, услышав, что Поляки и Немцы прочли статью и заключили: таков взгляд *молодой* России! Впрочем, откровенно говоря, этот вывод Поляков нас особенно не поразил. Мы знакомы с большей частью замечательных явлений Польской литературы, с Польской мыслью и образованностью, доселе повитой в Католические пеленки, заботливо удаляемую от Немецко-Протестантской образованности, знаем наконец наивную веру Поляков, особенно вне России, в известное Польское же мнение об азиатизме нашего народа, Москалей, о дикости наших нравов, об ограниченности нашего ума. Мы не разбираем причин этого мнения, а только на него указываем, чтобы оправдать странное заключение Австрийских Поляков о статье

Современника. Грубость тона, оскорбительные обвинения, непонимание дела конечно служили ее Польским читателям самым убедительным доказательством ее национальности!

Но мы решительно недоумеваем, как могли Немцы придти к такому же заключению. Правда мы знаем об страшной умственной отсталости Немцев Австрийских сравнительно с прочими Немцами, особенно Прусскими. Мы понимаем влияние конкордатов¹⁵ и всей этой спертой атмосферы гезамтфатерландах¹⁶. Скажем откровенно, мы даже вовсе не верим в будущее Немецкой народности в Австрии, уверены что Славяне с ней справятся и под конец подчинят ее своей образованности, конечно если только забудут свои домашние распри и утвердятся единодушием, обще-Славянской образованностью. Мы вполне убеждены, что это желанное время наконец наступит. Русский народ, мы уверены, первый, отказываясь от несвойственных ему прав, братски протянет Славянам руку, разумеется с условием *sine qua non*¹⁷ не посягать на его прадедину. И так, признавая вообще отсталость Австрийских Немцев, мы все таки, слыша о таком заключении их, не можем не удивляться, ибо в литературе своих земляков в Германии они легко могли бы почерпнуть сведения о России, ее литературе и образованности более верные и точные, нежели Поляки, у которых Русский язык в презрении, Немецкая литература очень мало известна, а своя собственная гораздо скудней немецкой сочинениями о России. Нам казалось, что Австрийско-Немецкие читатели статьи Современника без особенных усилий могли воссоздать по ней систему мирозерцания ее автора и легко избежать ошибочного заключения Поляков. Мы думали наконец, что Немцы, так много толкующие и пишущие теперь о Чехах, сблизились и по крайности ознакомились с ними. Ни один Чех-Славянин, прочтя эту статью со вниманием, не мог конечно не подивиться ее странности. Ибо ни один из народов Славянских не знаком с Россией лучше Чехов. Это знакомство их — одна из уважительных причин на-

шей радости и удовольствия при каждом шаге отступления, к которому они теперь принуждают Немцев.

Если начальные строки статьи «национальная бестактность» о духовных особенностях Малоруссов и показались было нам непоследовательностью со стороны Современника, то за это общее направление и оригинальность ее мнений скоро убедила нас в нашей ошибке. Спешим прибавить, что статья эта совершенно прилична Современнику и во всяком другом журнале была бы неуместна. Она вполне соответствует всем самостоятельным взглядам и открытиям Современника в области наук философских, историко-политических и естественных. Благо теперь положено начало, будем терпеливо ожидать появления в Австрии целой уже книги свода мнений Современника о разнообразных вопросах Русской жизни и человеческого ведения вообще. По бывшему примеру, свод этот должен быть составлен с целью ознакомления не одних уже Русинов с *Русским воззрением, Русской наукой*. В эту любопытную книгу должны войти все мнения Современника о метафизике, о мышлении, об исторических явлениях, словом все новейшие открытия нашего журнала (*najpoważniejsze rossyjskie pismo zbiorowe*¹⁸, по словам переводчика), в том числе конечно и о превращении железа в сталь от действия кислорода. Будут ли и тогда сочувствовать *Русскому воззрению* Австрийские читатели? если нет, то поступят несправедливо, в высшей степени непоследовательно.

Этим мы и готовы бы были окончить наши замечания на статью Современника, но несколько слов ее об языке Львовского «Слова» дают нам повод высказать наше несогласие с некоторыми взглядами Основы. Видно, что рецензент кое-что читал в ней. Так он особенно вооружается на Русинов за то, что они не пишут на языке наших Малоруссов. Очевидно он повторяет в этом случае слова Основы. Это мнение рецензента столь же ошибочно и не верно, как и выше указанные, и само по себе серьезного опровержения не заслуживает. Но из уважения к Основе, мы решаемся представить об этом предмете несколько

замечаний, быть может, не лишним в нашей литературе. Наше разногласие в некоторых взглядах с этим журналом никак не может ослабить нашего сочувствия и уважения к нему. Своим мнением о литературном наречии Галицких Малороссиян высказал он преимущественно по поводу статьи Русского Вестника «Русский язык и свистуны»¹⁹.

Вот в чем наше разногласие с Основой. И она и мы одинаково недовольны языком большей части писателей Червонной Руси, который есть не что иное, как наш литературный язык с более или менее значительной примесью Малорусского наречия. Но она полагает, что Малоруссы Австрии должны бросить свою литературную речь и начать писать языком Основьяненки, Шевченки и Марко-Вовчки²⁰. Мы же убеждены, что они с течением времени, при дальнейшем развитии, придут к ясному сознанию необходимости принятия нашего Русского языка языком школы, науки и образованности, но вместе с тем не покинут и своего Малорусского наречия, напротив будут его развивать и обрабатывать литературным образом, подобно например нашим Малоруссам или тем Немцам и Французам, которые заботятся о литературном развитии *patois*²¹ и *Plattdeutsch*²². Наше убеждение основано на двух положениях: 1) наши Малороссияне не могут отбросить Русского литературного языка. 2) Русины не могут оставить своего наречия без литературной обработки.

Русский литературный язык образован не со вчерашнего дня и не Ломоносовым²³, который его только точнее определили и усовершенствовал. В основе своей Великорусский язык наш принадлежит одинаково в значительной мере и Малороссиянам. Отказавшись от него, они бы отказались от значительной части своего прошедшего, своей истории и все таки бы не успели образовать на своем наречии такой литературы, которая бы им сделал излишней литературу Русскую. Отказавшись от Русской образованности, они принуждены бы были примкнуть к Польской, с которой тоже словесность Малорусская не сравнивается. Пока же Малоруссы не создадут своей

образованности на своем наречии, до тех пор должны они учиться и писать или на Русском или на Польском языке. Но выбор последнего возможен для Малороссии только с принятием католицизма, возобновлением Унии... Иначе все сочувствия Малороссии всегда будут принадлежать Русской образованности и литературе, тем более, что она не только единоважна Малороссии, но и отнюдь *не исключительно Великорусская*. Общий элемент нашего литературного языка — Церковно-Славянский, принятый нами вместе с Христианством, утратил у нас большую часть своих Болгарских особенностей, под влиянием писателей и писцов Южной и Северной Руси, еще до подчинения первой Литве. И в настоящее время наречия Малорусское и Великорусское не отличаются между собой множеством важных и разных особенностей. До конца же XIV в. и даже позже они были незначительны, если не совершенно ничтожны (разумеется не в лингвистическом а в практическом отношении). Так было с живым народным языком. Письменный же язык еще подавнее был общеодинаков для Южной и Северной Руси, насколько может быть общь, письменный язык юного, малоразвитого народа. С отделением Руси Южной от Северной мало помалу обнаружилось у них несогласие и в языке письменном. Но и в это время до Ломоносова никогда не происходило между ними полного разрыва, ибо у них был общий элемент Церковно-Славянский. Есть множество Южнорусских сочинений XVI, XVII в., писанных тем же языком, каким писали в то время в Москве, Новгороде, Вологде, Поморских городах. Язык Московских грамот относительно силы, богатства, народности, конечно, не может быть и сравниваем с нечистым, безобразным языком Южно-Русской гражданственности, испытавшей сильное влияние Польши, что отразилось и в языке, исполненном полонизмов. Но и Московские грамоты, эти прекрасные образцы Русского письменного языка, при всей своей народности, вовсе не чужды элемента Церковно-Славянского. В них заметно сильное влияние языка церковных книг, летописей,

и следов, и прежних писцов и писателей Южной Руси. Огромное, непосредственное влияние имели на язык наш Южно-Русские ученые и писатели с конца XVII в. почти до самого Ломоносова. Малоруссы господствовали тогда у нас в иерархии, в школе и образованности. Они, по видимому, имели все средства образовать Русский литературный язык на Малорусской основе. История решила иначе. Уроженец Двинской земли, коренной Новгородец, Ломоносов принял наречие Московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента Церковно-Славянского. Для дальнейшего развития нашего языка имели огромное значение многие даровитые писатели из Малороссиян и один гениальный — Гоголь. И так наш литературный язык нынешним своим видом обязан общим, совокупным усилием Велико-Мало-руссов. Он есть плод исторической жизни *всего* Русского народа. Признаемся, мысль о возможности особой Малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшей нелепостью. Эта литература возможна только при условиях самых невообразимых. Так, например надо убедить всех мыслящих Малороссиян в ее необходимости, надо им позабыть употребление Русского языка, перестать читать Русские книги, надо образовать целые поколения Малороссиян в неведении Русского языка и литературы. Без этих условий самостоятельная Украинская литература немыслима. По нашему, одинаково нелепо роптать ли на судьбу и обижаться таким выводом, или гордиться им и видеть в этом обстоятельстве умственное превосходство Великоруссов над Малороссиянами.

Но если невозможна самостоятельная литература Малорусская, то воспрещать Червонной и Угорской Руси²⁴ наш литературный язык — значит посягать на ее народность, убивать в ней сознание ее племенной, исторической связи со всей, следовательно и с Малой Русью.

Но если невозможна самостоятельная литература Малорусская, то возможна и полезна литературная обработка наречия Малорусского, рядом с обще-Русским

языком, особая *Малорусская словесность** рядом с Русской литературой, с Русской наукой и образованностью. Нелепо сетовать Северному Немцу и Швабу, Шотландцу и Малоруссу на то, что например Кант, Гегель, Вальтер-Скотт, Д. Юм, Гоголь и Савич²⁵ не писали по Нижненемецки, по Швабски, Шотландски и Малорусски, также как и Англичанину и Великоруссу на то, что Борнс²⁶ и Шевченко писали на своих местных наречиях. Но было бы столь же нелепо и непоследовательно со стороны наших Малороссиян воспрещать своим землякам в Австрии обработку своих местных наречий. Надо заметить, что в Галиции существуют три местных наречия, на востоке *Волынское*, на юге и западе *Горское* (Карпато-Русское), в середине *Галицкое*. Волынское употребительное и у нас на Волыни и Подолии, имеет уже некоторые отличия от литературного наречия наших Малороссиян, собственно Полтавского и Киевского. Еще отличнее от него другие два подречия — *Галицкое* и *Карпато-Русское*. Каждое из них имеет свои особенности, одинаково чуждые как Малорусскому, так и Великорусскому наречию. Но зато в каждом из них есть такие особенности, которые существуют в Великорусском и не имеются в Малорусском наречии. Вся законность нашего литературного Малорусского наречия на том и основывается, что оно прямо говорит малорусскому сердцу, живо затрагивает его нежные струны. Как ни *близок*, ни понятен нашему Малоруссу литературный наш язык, однако для его понимания он все таки нуждается хотя в ничтожной предварительной подготовке. Чисто народная речь Шевченки, Марко-Вовчка прямо понятна всякому простолюдину Малоруссу. Но Русину Галицкому, Угорскому, она далеко не *своя*, не чисто родная речь, ему надо привыкнуть, научиться к ней. И так с чего и зачем, на каком основании Червонную и Угорскую Русь лишать того права, которое признается за Малой Русью, права на литературную обработку своей местной речи? Язык же школы (не только

* Для домашнего обихода. Вспомним статью Хомякова²⁷ в Русской Беседе²⁸, с искренней радостью приветствовавшего появление Малороссийских проповедей Гречулевича²⁹.

университетского, но и гимназического преподавания), науки, образованности для Червонной и Угорской Руси должен быть Русский литературный язык, которого никогда не покинет и наша Малая Русь. В противном же случае Русскому народу в Галиции и Венгрии придется вовсе остаться без науки и образованности или принять ее органом языка Немецкий, Польский, и Мадьярский. Тот и другой выбор повлечет за собой утрату народности.

Плохой знаток Малорусского наречия, но страстный любитель этой народности, рецензент наш, как и следовало ожидать, понимает это дело совершенно наизусть. Он нападает на Слово за его попытки писать на Русском языке, на котором писали их земляки — Капнист, Основьяненко, Балугьянский, Лодий, Венелин, Гребенка³⁰, Гоголь, — на котором и Шевченко писал свой дневник, постоянно пишут и гг. Кулиш и Костомаров. «Наши Малороссы, говорит он, уже выработали себе литературный язык (наречие, ибо литературного чистовеликорусского языка нет), гораздо лучший (нежели ломаный язык Львова): зачем отделяться от них? (чтобы не отделяться, Червонная и Угорская Русь и должна принять наш язык). *Разве он так далек от языка Русинов, что им нужно писать другим языком?* (Непременно!) *Но если так, вы уже не Малороссы* (хорош вывод! И так будто карпатская Русь виновата, что в ее наречии много своеобразных особенностей!), *вы, как Лужичане, отдельное племя* (неправда, тот же Русский народ, что и в России, к которой он и питает большое самочувствие, как в том живо убедились Русские солдаты, проходившие Австрию в начале нынешнего столетия). Но если так, вас только 3 миллиона, и вы не можете удержать своей народности. (Следует прибавить: если не примете органом образованности Русского языка).

Мы благодарны Современнику за его рецензию. Она дала нам повод откровенно высказаться о нашем разногласии с Основой, ошибочные мнения которой об языке довело ее до конца и тем обличил всю их несостоя-

тельность таким образом, Современник вообще может оказать большие услуги Русской литературе и образованности. В нашем обществе носится множество самых нелепых мнений, в нашем сознании господствует самая безобразная путаница понятий. Пусть же выйдет хоть какой-нибудь порядок из этого хаоса отрывочных представлений, отовсюду понадерганных мыслей. Да высказывается смело и свободно каждое мнение каждое подобие мысли! Ложь недолговечна. Формулируясь и определяясь, она обличает себя.

Из благодарности к Современнику, наконец просто из чувства справедливости, долгом считаем указать на одну очень верную мысль, высказанную в статье «Национальная бестактность». «Кто виноват в том, что выставляют себя руководителями *Русинов* люди, которые не умеют ничего полезного своему народу сказать? Никто не виноват, кроме самих этих людей, — ни Англия, ни Китай, ни Польша, не виноваты в том, виновато в том лишь наивное заблуждение самих этих людей, вообразивших, что одного *патриотического чувства*, без политического образования и такта, довольно им для того, чтобы стать полезными для народа политическими предводителями. Нет, этого мало, как мало *любви к человеку* для того, чтобы лечить его. И любишь да погубишь его своим лекарством, если не знаешь медицины».

Несправедливая относительно *Русинов* и редакции Львовского Слова, эта мысль Современника очень замечательна и вполне объективна. Мы бы прибавили только, что здесь и не может быть речи о патриотическом чувстве или любви к человеку. Любовь к ближнему учит нас крайней осторожности в выборе врачей и лекарств. Обыкновенно же берутся и любят лечить все болезни те чудаки, которые прочтут два, три жалких лечебника и уже слепо верят в чудесную силу своих панацей.

Аксаков И.С.
**Письмо к Н.И. Костомарову
о Малороссии**

И.С. Аксаков

Милостивый государь Николай Иванович.

Я получил ваше письмо. Я не стал бы отвечать на него, если бы оно не было подписано *вами*. Оно написано в таком тоне, с употреблением таких выражений, которые делают спор невозможным. Я бы мог легко на дерзости отвечать еще сильнейшими дерзостями, — браниться дело не головоломное; но это было бы недостойно дела, ко-

торому мы оба служим. Охотно извиняя ваши выражения раздражением племенного* самолюбия и полагая, что вы сами не желаете делать спор невозможным, не уклоняетесь от спора, я отвечаю вам *sine ira et studio*¹.

Вы говорите, что моя газета задирает две родственные народности, Южно-Русскую² и Польскую, и нападает на лежачего, беззащитного. Во-первых, это фактически несправедливо. О Поляках не было и речи, покуда они не вздумали задирать нас Русских. Они наводнили иностранную литературу клеветами на Россию и искажениями исторической истины; они громко предъявляют притязания на древние Русские области; они приводят в дей-

* Н.И. Костомаров, уроженец Острогожского уезда Воронежской губернии, был Малороссом по своей матери, простолюдинке. *Примечание П.И. Бартенева.*

ствие свои замыслы. Газета моя³, отвечая им, поступила совершенно так же, как и вы в статье: *Niema Rusi*. Вторых, на Малорусскую народность никто и не нападал; а если напали, так не на народ и не на народность, а на тенденции некоторых «патриотов», касающиеся вопроса об языке. Вообще между мной и вами та существенная разница, что я стою на стороне истории и народа, а вы против истории и против народа. Как противоречащее народу, ваше учение может быть названо аристократическим. Так например, вы хотите игнорировать вопрос веры, столь важный для народа Южнорусского и полагающий несокрушимую преграду между ним и католиками-Поляками. Вы или автор статьи «Современника» (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться под нею), утверждаете, что с уничтожением крепостного права «угашаются последние искры» вражды между Малороссами и Поляками (это вы пишете даже в вашем письме), забывая о борьбе вероисповеданий, двух разных просветительных начал. Народ этого не забывает, и я также. Вы идете наперекор не только народным тенденциям вашей Малороссии, но и тенденциям трехмиллионного народа в Галиции. Страдания, влечения, ожидания всего этого народа не трогают сердца шляхтича и «патриотов» Малорусской Петербургской колонии.

Относительно Малороссии и Галиции вот мое *profession de foi*⁴.

Малороссии я не только вполне сочувствую, но люблю ее всей душою, любовью вполне свободной и, так сказать, объективной, не только физиологической. С этой любовью я остаюсь вполне Русским или Великороссом, не жалуя себя в Малороссы, как мой приятель Жемчужников⁵. Я не постигаю полноты Русского развития без Малороссии. Следовательно

Н.И. Костомаров

полнейшее соединение с Малороссией во всех отношениях есть, по моему мнению, такая же историческая необходимость для России, как головы и сердца в организме, или придумайте другое сравнение. Это соединение есть и будет и без наших хлопот; но вот мое убеждение, которое проводить и высказывать (хотя бы и не в полемической форме) вы не можете поставить в вину человеку убежденному. Что касается до народа Малорусского, то, при всей нелюбви к Москалю и Кацапу, народ своим историческим смыслом остается и останется всегда верным однажды данному им изволению: для него, хотя бы и несознательно, так же как и для Великоросса, дорого единство земли Русской; для него Царь Православный имеет то же значение, что для Рязанца или Владимирца. Я жил в Малороссии и хорошо это знаю. Казаки, превратившиеся так охотно в высокоблагородных и принявшие от Русского правительства подачку — крепостное право*, стали в глазах Малорусса-крестьянина на одну степень со всеми Московскими панами. Точно также как Великорусский народ видит в Русском Царе демократическое нивелирующее начало, точно также и Малоросс видит в нем свой оплот против панов и других налегающих на него сословий. Во сколько ошибаются оба, это другой вопрос; но и верят, и видят, и ошибаются они одинаково. — Что касается до языка, то я не верю в возможность образования Малорусского общего литературного языка, кроме чисто-народных художественных произведений; не вижу к этому никакой возможности, не желаю и не могу желать никаких искусственных попыток нарушить цельность обще-Русского развития, отклонить Малороссийских художников от писания на Русском языке. Слава Богу, что Гоголь жил и действовал раньше, чем возникли эти требования: у нас не было бы «Мертвых Душ»; вы или Кулиш наложили бы на него путы племенного эгоизма и сузили бы его горизонт кругозором одного племени.

* Кстати заметить, что не Екатерина⁶ ввела в Малороссии крепостное право, а оно (много лет раньше 1783 года) само ввелось в ней в ужасающих размерах, благодаря чиновным казакам, для которых идеалом служили быт и обстановка Польских панов с виселицами для простонародья. *Примечание П.И. Бартенева.*

И какая, признаться сказать, звучит во всем этом фальшивая нота! Вот и теперь два Малоросса, Максимович⁷ и Кулиш, спорят между собою о Малороссе-Гоголе, писавшем по-русски и о Великороссиянке (Марке Вовчке), пишущей по-малорусски!! Но разумеется, никто из нас никогда не хотел и не думал *мешать* вам. Пишите сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на Малорусское наречие, одевайте героев Гомера и Греческих богов в Малороссийский козух и очипок⁸, — вольному воля! Но не может же Русская литература пройти молчанием такое явление.

О том, что мы враги всякой репрессивной меры, всякого стеснения свободы и беспрепятственного самообличения лжи, говорить нечего. Только сознающие всю несостоятельность и слабость своих оснований могут нас обвинять в этом, хватаясь за это, как за единственное свое оружие или способ для менее постыдной ретирады.

В Галиции я был. Нужно иметь каменное или Польское, но не Малорусское сердце, чтоб не сочувствовать стремлениям народа, который, страданиями своими, выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбие, потопить узкий племенной эгоизм в эгоизме Всероссийского народа, созданного из разных Русских племен историей. А вы его потчуете племенными особенностями! Вполне, разумеется, сочувствуя этому стремлению Галицкого народа, могу ли я быть равнодушен к статье «Современника», идущей наперекор тенденциям, которые я признаю за истинные, смущающей бедный народ, да еще выдающей себя за голос России? Будь эта статья подписана Поляком, появись она в Польском журнале, появись даже в «Основе», значение её было бы другое. Но допустить, чтобы голос Польский самозванно, исподтишка, прикидывался Русским и морочил опасным морочением целый народ, нам сочувственный, допустить это было бы величайшей низостью для всякого истинного Русского.

Что касается до Польши, то мое мнение и желание было и есть, чтобы правительство вывело все войска и все Русские начальства из Царства Польского, предоставив Полякам ведаться самим с собою. Я не думаю, чтобы уроки Истории послужили им в пользу; но этот урок был бы самый убедительный. Впрочем, разумеется, кроме Царства Польского, я бы не дал им ни пяди Русской земли. Для этого надо было бы определить границы. Мне хотелось давно поднять этот вопрос в литературе и совершить таким образом в литературе полюбовное с Поляками размежевание. Еще бы лучше спросить ваших Малороссов (народ), хотят ли они быть под Ляхами? Не угодно ли произвести *suffrage universel*⁹ в Галиции?

Я не вызываю международную вражду, а напротив, предостерегаю от нее. Требование Киева и пр. я считаю *безумным*¹⁰; следовательно все требующие Киева заслуживают название *безумных*. Вы попрекаете мне, что я с этим словом обратился ко *всей* нации, т. е. вы хотите сказать, что *не все* Поляки разделяют это безумное требование. Очень рад это слышать от вас; но в таком случае только безумствующие и обидятся этим названием, а прочие хорошо поймут, что к ним оно не относится. Вы не хотели заметить, что я браню Поляков за то, что они портят сами *свое* правое дело неумеренными притязаниями.

Итак вот мои убеждения, которые я высказывал изустно, буду высказывать и печатно. Упрекать меня в угодливости власти могут только Поляки, которые большей частью прибегают ко всякой лжи, клевете и прочим подлостям, как к обыкновенному своему оружию. Когда Герцен в 1858 году, кажется, печатал в «Колоколе» свои письма к Полякам и отстаивал против них Киев и другие Русские области¹¹, то *мне самому* Поляки говорили, что он подкуплен Русским правительством и находится в тайной переписке с Императрицей! Если же и ваши Малороссы прибегают к такой же уловке относительно меня, то значит они сильно ополячились.

Такие пошлости меня не остановят, точно так, как и вам все эти соображения не помешали написать статью

Niema Rusi. Ведь нельзя же было отвечать Полякам на вашу статью в России печатно. Зачем же вы били лежащих? Вы скажете — вы возражали. Да и я возражал. Вы скажете — Поляки могли отвечать за границей. Пусть и мне отвечают. Я бы ничего так не желал, как чтобы позволили Полякам безнаказанно возражать мне в России. Под статьей Кояловича¹² я даже прошу об этом, и предложил даже печатать *анонимные* возражения; но цензура это слово вычеркнула.

Как скоро статья «Национальная бестактность» была напечатана по-русски, в России, в Русском журнале, то стало быть — спор открыт, и возражать на нее можно. Если же автор статьи, печатая, рассчитывал на то, что возражать будет неловко, что возражателю можно будет зажать рот обвинением в неблагодарстве, я не знаю благодарным ли назовете вы этот поступок? Автор швыряет из-за угла в нас камнем и сердится, когда мы вскрикиваем от боли и криком обличаем его проделку! Вероятно он хотел бы, чтобы мы ему кланялись и улыбались и позволяли себя бить безнаказанно. Все это напоминает мне обвинение, деланное Европой России в неблагодарстве за то, что она сожгла Турецкий флот в Синопе¹³, и требование, чтобы Россия вела только оборонительную войну, а не смела защищаться, предупреждая нападение и т. п.

Вы не находите противоречия между статьей вашей в «Основе» и статьей «Современника». Да если одну можно было «бить» (по вашему выражению) другой, так как же нет тут противоречия? Своею готовностью подписать статью «Современника», вы ставите меня в совершенное недоумение. Под статьей Niema Rusi я готов подписать свое кацапское имя, но конечно не подпишу его под «Национальной бестактностью».

Недавно один из моих приятелей-материалистов приходит ко мне и говорит, что статья Самарина¹⁴ неблагодарна, что Бюхнер¹⁵ защищаться не может. Целые журналы на всех страницах с первого до последнего номера проповедуют материализм и проповедуют с успехом,

а возражать им без обвинения лиц — неблагородно!.. Это в роде обвинения за Синопское сражение.

Вы угрожаете мне тем, что правительство будет гладить по головке за статьи против Поляков... Я не веду оппозицию правительству по западному, *quand meme*¹⁶. И если правительство скажет: «я признаю Христа», я не стану говорить, что верю в черта. Вы же в «Основе» поете гимн манифесту 19-го Февраля¹⁷, и такой гимн, до пафоса которого мне доходить не случалось. Это было очень приятно правительству, поверьте: не стать ли вам ради этого уж за «гонимое и теснимое» крепостное право? Если статьи против Поляков не противны правительству, то за то, к сожалению, другие статьи пришлось ему против шерсти. Говорю к сожалению, потому что опасаясь усиления цензурных строгостей.

Перечитывая ваше письмо, нахожу еще следующие места, требующие ответа: 1) Вы говорите, что не противились бы и тому, чтобы Галичане писали на чистом Веллкорусском языке. Автор статьи «Современника» положительно этому противится. 2) Вы рисуете картину ужасов Волыни, Подолии и проч., донесения о которых я буду получать, сидя в комфортабельной комнате и пр. Именно для того, чтобы этого не было, нужно, чтобы Поляки послушались доброго совета, перестали считать Волынь и Подолию Польскими землями, распространять свои Польские буквари и т. п. Мы возбуждаем вражду! И вы можете по совести сказать это? Мы хотим отстранить то, что возбуждает вражду, и только даем отпор нападениям. 3) Вы считаете неприкосновенность границ России делом правительства — «тут наша хата с краю». Может быть, ваша; но не моя. Какие странные слова вы высказали! Так вам все равно, если Поляки или Австрийцы или Турки отнимут у России Киев, Чернигов, Смоленск, Москву, и поставят свою границу на Волге? И вы после того станете утверждать, что ваше сердце бьется одним чувством с *народом*! Нет, вы ему чужды совершенно — со своею аристократическою привилегией патриотизма и исторического понимания.

Довольно. Эти два листа, мною написанные, служат лучшим доказательством моего уважения к вам. Если вы кому-нибудь читали ваше письмо ко мне, прошу вас прочесть им же и мой ответ. Надеюсь также, что вы оцените мою воздержанность от тех неприличных выражений и неуместных фраз негодования, которыми испещрено ваше письмо. Моя филокацапская газета охотно поместит на своих столбцах всякое печатное (разумеется, прилично написанное) возражение ваше против наших Москальских теорий.

Вас глубоко уважающий и душевно преданный
Ив. Аксаков.

30 октября 1861 г. Москва

Иванов А.А.

О малорусском литературном языке и об обучении на нем

Национальные брожения южных и западных Славян, Немцев и пр., своеобразно отразились в последние годы и у нас в стремлении некоторых украинофилов образовать для южной части русского народа особенную литературу, обучать его на местном наречии и даже сохранить его костюм. Стремление это, в начале слабое и подвергавшееся всеобщему осмеянию, постоянно усиливалось после появления *Кобзаря* Шевченко и особенно *Основы*, поддержанной при своем появлении крайне легкомысленными изъявлениями сочувствия со стороны некоторых из наших журналов. Стремление распространялось, несмотря на разумные доводы против него всех более основательных органов литературы, и разразилось в недавнее время торжественным «Отзывом из Киева», помещенным в № 46 *Современной Летописи* 1862¹. «Отзыв» этот, как видно из него самого, прямо противоположный тому понятию, которое все здесь составили об украинофильстве, побудил и нас исполнить давнее намерение — поговорить о нем, намерение, которое по недостатку времени и некоторым другим причинам, откладывали день за день. Но предупреждаем, что мы не будем разбирать *все* высказанные в этом «Отзыве» тенденции и признания подписавшихся под ним лиц. Мы рассмотрим только их «основное положение», и перейдем затем к вопросу о малорусской литературе, малорусском языке и об обучении на нем народа, оставляя, несмотря на их вызов, все прочие замечания и возражения до другого, более удобного времени. Замечу впрочем, что если они

останутся недовольны и потребуют замечаний на прочие части «Отзыва», то я немедленно исполню их желание.

I.

В этом «Отзыве» подписавшиеся под ним высказывают, что «основным положением всех их понятий служит то глубокое убеждение, что ни отдельная личность, ни кружок, ни группа, ни даже весь так называемый образованный слой общества, не в праве *навязывать* огромному большинству народа, пользуясь его неразвитостью и вытекающей из нее безгласностью, какую бы то ни было теорию, взятую а priori». Вследствие этого «основного положения», они говорят, что считают своей задачей «вспомоществовать народному образованию и развитию», основанному на собственных народных началах, то есть «развивать эти начала при содействии достигнутого ими образования, давать им, по мере сил и возможности, правильное, честное, человеческое направление, беречь их от изуродования, как внешнего (посредством занесения в народ чуждых ему понятий), так и внутреннего (искажения нравственных народных начал невежеством, предрассудком, недостатком сознания)». Вследствие этого они выводят, что образование народа должно быть основано: на христианстве, на уважении к поземельной собственности, к этнографическим особенностям народа, к его языку, национальности, и наконец к семье и громаде (общине). Пока далее общины ходить не следует.

Не рассматривая, вполне ли удовлетворителен этот катехизис, и вполне ли согласен он с действительностью, мы обратим внимание на точку отправления его составителей. В ней поражает та мысль, что они боятся что-либо *навязывать* народу, чтобы от занесения в него чуждых ему понятий не исказились народные начала.

Что значит *навязывать* народу *понятия*? Имеют ли какой-нибудь смысл эти слова? Решительно никакого. Это только громкая фраза, в которой авторы и сами себе не дают отчета, потому что его дать невозможно, и которая им нужна только для того чтобы, как мы до-

кажем, пустив пыль в глаза непривыкшим к мышлению, оправдать и защитить свое стремление к обособлению южной части русского народа, посредством обучения на местном наречии и создания своей литературы. Под словом *навязывание* можно понимать только насилие, принуждение к чему-либо; но навязать убеждения, понятия вы не можете, потому что не властны над чужой мыслью, потому что понятия свободно воспринимаются умом человека, потому что этим же умом вырабатываются собственные убеждения, или воспринимаются чужие. Сила не убедит, да если бы и могла убедить, то ее нужно было бы слишком много, чтобы частные лица могли навязать народу свои понятия.

Но мне могут сказать, что я придираюсь к слову, что они только не точно выразились, что словом «навязывание» они вовсе не желают выразить принуждение, а только стремление сообщить народу те понятия, которых он не имеет. Если так, то значит они хотят уберечь народ, как от чумы, от всякого знания и не позволять ему раскрывать глаза на мир Божий; следовательно, они хотят оставить его в вечном невежестве, оградить китайской стеной от всякого образования. К таким выводам должен прийти всякий, принявший второе объяснение слова «навязывание»; а потому всякий должен признать одно из двух: или что авторы «Отзыва» не умеют выразиться точно, и упорно стоят за невежество, или что сами не понимают смысла своих слов. В самом деле, господа, если вы хотите, чтобы в народ «не заносились чуждые ему понятия», а развивались бы и укреплялись только те, которые он теперь имеет, то в таком случае, если, например, народ думает, что солнце движется вокруг земли, — и вы должны уверять его в том же; если народ верит в ведьм и т.п., — и вы должны, при содействии достигнутого вами образования, не только оставлять его при этих верованиях, но развивать и укреплять их.

Но действительно ли они имеют такие мысли? Искренно ли они говорят? Трудно этому поверить, зная, что все они принадлежат или принадлежали недавно

к университету в качестве студентов и вольнослушателей. Действительно, в выписанном вами месте из их «Отзыва» есть противоречия. Сначала они говорят, что хотят только *вспомоществовать* народному развитию, а вслед за тем заявляют претензию уже прямо *развивать* народные начала, *давать им направление*. Еще более: из того же места видно, что они стремятся не только уберечь народ от внешнего, как они выражаются, изуродования, т.е. от соприкосновения с новыми понятиями, но и от внутреннего, т.е. от невежества, предрассудков, недостатка сознания. Но ведь убеждение в обращении солнца вокруг земли имеет свою основу в невежестве; верование в доение коров ведьмами происходит также от невежества, предрассудков и т.п. Вы следовательно хотите освободить народ от всего этого. Но как же это? Помилуйте, господа, да ведь вы посягаете на народные понятия, убеждения, верования! Вы хотите *навязать* народу новые мысли, от которых только что как от заразы отrekliсь!

В.Б. Антонович

Мы видим, таким образом, что все *основное положение* их не искренно и противоречит самому себе. Это основное положение — громкая, но пустая фраза, ослепляющая, как мы сказали, только людей лишенных мыслительной способности, но которую, за неимением лучшей, они надеялись оправдать свои национально-сепаративные тенденции, свои узкие местные цели и вместе с тем заявить, выведенными из этого основного положения результатами, полнейшую свою безвредность и показать, что все они не имеют ничего общего с «Молодой Россией»², от которой более всех отрицаются. Последнее не подлежит нашему рассмотрению, равно как их уверение в сердечной болезни, происшедшей у них от сопротивления кре-

стьян подписывать уставные грамоты. Обратимся к упреку в *сепаратизме*, упреку самому смешному, по их словам, — самому серьезному по нашим.

Что касается до сепаратизма государственного, то действительно в настоящее время это «нелепость смешная», каковы бы ни были желания сепаратистов. Хотя, по словам подписавшихся под «Отзывом» «никто из них *не говорит и не думает* о политике», но, во всяком случае справедливо то, что сепаратизм национальный, которого они открыто желают, ведет со временем к сепаратизму государственному. Как ни важен последний, но в интересе просвещения первый, на наш взгляд, еще важнее, затрагивает самые чувствительные струны, а потому мы намерены поговорить о нем подробнее.

II.

Печальные явления замечает наблюдатель в славянском мире. В то время когда немецкая народность разделенная политически, давно уже достигла объединения умственного, духовного, посредством одного общего литературного языка, на котором производится обучение всего народа, и одной общей литературы, поставившей этот народ на такую высокую степень развития, и ныне стремится, как бы в довершение здания, к соединению политическому; в то время когда Италия, достигнув первого, достигает теперь и последнего, а Франция уже достигла и того и другого; — славянский мир представляет нам пока совершенно противоположные явления. Разделенные с самых древних времен на мелкие, по большей части враждебные друг другу отрасли, Славяне издавна подпадали под господство разных нашельцев, Гуннов, Болгар, Турок, Немцев и др., и, несмотря на печальный опыт прошедшего, донныне сохраняют свою склонность к разделению, как политическому, так и литературному, умственному. Каждый городок, каждое местечко, например у Болгар, только что начинающих открывать глаза на свете, стремится иметь особенный литературный язык, сохранить свое, хотя бы и незначительное, разно-

речие, не понимая или не желая понять, что чем более сохраняют наречий и подречий, тем каждое из них будет беднее, тем более будет затруднено развитие всего народа и его политическое объединение, так существенно для него важное. То же видим у Сербов в борьбе каких-нибудь наречий герцеговинского, сремского и пр. с их подразделениями, не говоря уже о борьбе между Сербями и весьма близкими к ним Хорватами; то же видно даже у каких-нибудь почти совершенно онемечившихся Лужичан и пр. Утомленные такою бесцельною и бесплодною борьбой, они падают и кончают тем, что принимают язык народа совершенно чуждого. Со скорбью смотришь на такие явления, с негодованием на виновников их, на этих народных руководителей. Редко встречаются такие достойные личности как личность Шафарика³, который даже в своих *Славянских Древностях*, во многих местах дышащих почти лирической скорбью, указывает нам на следствия этого старого славянского разлада; — Ганки⁴, стремившегося ради общей пользы, оставив все местные привязанности, сделать русский язык, как язык самого многочисленного, единственно-независимого и имеющего относительно-богатую литературу славянского народа, общим литературным языком для всех Славян; — Шумовского⁵, старавшегося объединить Славян введением в употребление старо-славянского языка, приноровленного к современным славянским наречиям; — Колляра⁶ и др. Но их попытки остались безуспешными, отчасти потому что сами они стояли далеко выше прочих славянских деятелей, отчасти потому что стремления некоторых из них, как например Шумовского, были довольно утопичны. Только славяно-русский мир представляет нам противоположные явления. Он стал объединяться уже с пришествием Варяго-Руссов, давших ему и общее название. Но потребность к объединению особенно сильно почувствовалась под монгольским игом, которое много способствовало делу единства. При Петре и его преемниках дело довершилось. Таким образом московская централизация, превратившаяся потом в петербургскую, сопровождавшаяся многими страданиями и жертвами,

последствия которых и теперь еще сильно чувствуются, но постепенно слабеют и исчезают, произвела один великий, громадно-благодетельный плод: она объединила многочисленные славяно-русские племена, состояние которых без нее было бы теперь во многом сходно с современным состоянием западных Славян, составила один мощный, великий и независимый славянский народ, имеющий, как мы сказали выше, свою собственную литературу, сравнительно богатую, которой существование и дальнейшее, богатое, общечеловеческое развитие, по многочисленности народа и по другим причинам, вполне обеспечено. Петровская реформа весьма много этому содействовала: она, усилив центральную власть и освободив ее от национальной исключительности, успела сгладить еще многие местные отличия и довершить объединение земли русской; а с другой стороны, реформа эта, вследствие своего характера, лишенная местных особенностей, произвела то великое последствие, что на время оторвала Русь от преданий сковывавших историческое развитие, сделала ее наследницей всего выработанного Европой и сообщила народу (пока, разумеется, той части его, которой она коснулась) и литературе, как его представительнице, чуждое исключительности направление. Правда, разрыв со стариною сделал общество слишком подвижным, шатким и произвел слепую подражательность.

М.П. Драгоманов

Но к счастью подражательность имеет значение только на низких ступенях развития, когда общество еще не доросло до критики фактов, живет не самостоятельную жизнью, а пассивно, в чуждой опеке. С распространением образования и особенно с принятием деятельного, самостоятельного участия народа в своей судьбе, в обществен-

ных делах, эта подражательность, как мы начинаем замечать и у нас, становится слабее; в основу полагаются новые, самостоятельно выработанные начала, которые постепенно крепнут; шаткость начинает прекращаться и со временем совершенно прекратится, и вместо подражательности является многозначная восприимчивость. «Оторванность от почвы», о которой так часто некоторые твердят, исчезнет, почва явится, но только гораздо лучшая, гораздо более широкая и твердая. Литература, представительница великого, говорящего одним языком народа разовьется величественно. Воспринятое, выработанное и вырабатываемое образованным слоем общества распространяется и будет распространяться на большую и большую массу, и следовательно, самый этот образованный круг, бывший вначале незначительным и сделавшийся уже теперь довольно обширным, будет более и более распространяться, пока не охватит и не включит в себя всю массу, стоявшую до сих пор вне исторического хода, и она таким образом постепенно становится наследницей всего выработанного предыдущими веками, всем историческим развитием западно-европейским и нашим.

Таким образом все дурные стороны централизации московской, с ее батогами, развившейся по образцу «Византии и Сарая» (слова г. Костомарова из его вступительной лекции)⁷ и немецко-петербургской, с ее бюрократизмом, исчезают и мало по помалу совсем исчезнут; но великие, истинно-благотетельные плоды той и другой останутся навсегда и заставят потомство вполне забыть их дурные стороны.

Теперь, оставляя в стороне интересы политические и общественные, мы подробнее разовьем ту мысль, что возможно большее распространение какого-нибудь литературного языка имеет огромное значение в интересах просвещения. Чтобы мысль наша выражена была возможно-рельефнее, мы постараемся доказать ее на примере. Германия, как замечено в мартовской книжке

Русского Вестника за 1861 г.* , никогда не достигла бы той высокой степени развития, на которой она теперь находится, если бы все ее многочисленные племена не имели одного общего литературного языка. В этом общем литературном языке хранятся все умственные сокровища, весь запас идей и знаний, выработанных предыдущими поколениями и вырабатываемых теперь во всех частях Германии, — сокровища, переходящие из рода в род, постоянно обогащаемые и, как общее достояние, щедрою рукой сыплющиеся на весь немецкий народ, а не на какую-либо часть его. Если бы каждый автор писал на своем местном наречии, как бы бедна была литература каждого немецкого племени! Каких трудов потребовало бы изучение всех этих наречий, да и не к чему было бы трудиться? Эта литература была бы еще гораздо беднее чем мы теперь можем предположить, распределив авторов и их произведения между немецкими племенами, потому что огромное количество из существующих ныне на немецком языке сочинений тогда совершенно не могло бы появиться, так как на местных наречиях они не находили бы числа покупателей достаточного для вознаграждения за труд и даже за издание; а отсутствие этих сочинений было бы, в свою очередь, причиной того, что не возникли бы другие, которые составляют теперь славу Германии и которым первые предварительной разработкой очистили место. Как жалка, как ничтожна была бы теперь Германия, разделенная политически, и умственно, то есть литературно, бедная! А это обстоятельство задержало бы развитие даже всего человечества, для которого Германия так много сделала. Счастливое событие избавило ее от ничтожности: это — Лютеров перевод Библии на саксонское наречие, сделавшееся с того времени общим литературным немецким языком. Таким образом Лютер⁸, через свой перевод Библии, сделался величайшим благодетелем Германии и тем много сделал для всего человечества. Саксонское наречие стало общелитературным, общенемецким языком; обучение народа во всей Герма-

* В статье: «Наш язык, и что такое свистуны».

нии стало производиться на нем же. Она объединилась духовно и получила одну общую сокровищницу мыслей и знаний, стала единой в литературном и научном отношениях, и теперь ждет с нетерпением возможности преодолеть преграды к ее политическому объединению, препятствующие ей стать истинно-великой нацией. Она достигла такого умственного объединения, несмотря на то что, как сказано в упомянутой нами статье *Русского Вестника*, в Германии местные различия языка, не говоря уже о Hochdeutsch и Plattdeutsch⁹, так велики, что не только гораздо значительнее чем между малорусским и великорусским наречиями, но даже больше чем между самыми отдаленными из славянских языков, так что сами немцы различных местностей, если говорят на своих местных наречиях, часто совершенно не понимают друг друга. То же самое мы видим во Франции, где, несмотря на такое же различие наречий, есть только один литературный язык, и никому не приходит в голову сумасбродная мысль образовать там другие литературные языки.

Таким образом Германия, благодаря своему общему литературному языку получила богатую литературу и избавилась от умственной ничтожности, которая была бы необходимым следствием образования в ней многих литературных языков; объединившись умственно, она проложила себе путь к объединению политическому; язык ее стал необходимым для образованного человека всякой страны; Немцы освободились от огромной и вместе бесплодной траты сил и времени на изучение своих наречий и на переработку сочинений с одного наречия на другое; самые книги, распространяясь в гораздо большей массе, имеют более дешевую цену, а следовательно доступны для таких лиц, которые, по своим средствам, не могли бы приобрести их, если бы они были дороже; знания распространились в массах.

Если так велико, в интересах просвещения, значение общего литературного языка для родственных племен, то ясно, что каждый просвещенный и истинно преданный своему народу человек будет стремиться к объединению

разделенных частей народа, оставив на долю врагов просвещения или народного единства разъединять уже соединенные. Возьмем славянский мир. Некоторые славянские племена уже развились отдельно и образовали свои литературы, так что в настоящее время уже бесполезно говорить об общеславянском литературном языке. Благородный Словак Колляр, искренно скорбя об участи славянских народов, далеко возвышаясь над тупоумным *krajoŭym*¹⁰ патриотизмом и его ничтожными представителями, приняв во внимание научные положения о славянских языках и найдя соответствие между этими положениями и тою степенью образования, на которой находятся теперь различные славянские народности, выразил мысль вполне национальную, удобоисполнимую и отчасти уже исполненную.

Славянские языки подводятся под *четыре* главные группы, из которых в каждой до сих пор только один язык, наиболее распространенный, имеет какое-нибудь литературное развитие: русский, польский, чешский и сербский. Прочие племена каждой группы или употребляют один из этих четырех языков, или совершенно чужды литературного развития. Колляр доказывал, что в интересах славянства должно стремиться к дальнейшему развитию только этих четырех языков, оставив всякие попытки к образованию новых, чему сам и подал пример: он, также как и Шафарик, будучи Словаком, писал на наиболее близком к своему наречию, и в то же время имеющем литературное развитие языке Чешском. Такая мысль его, повторим, согласна с научными положениями, с современным состоянием славянских народностей и их литератур. Таким образом русский язык для Велико-Мало- и Белоруссов, польский для всех частей польского народа и Кошубов, чешский для Чехов, Моравов, Словаков и Лужичан, наконец сербский для всех остальных Славян. Но не все поступают по мысли Колляра, ибо для того чтобы поступать по ней, надобно быть свободным от мелочных тенденций и целей, и быть истинным другом просвещения.

После всего сказанного понятно, как должны мы смотреть на наших национальных сепаратистов. Мы видим в них врагов просвещения, поборников невежества (по большей части, правда, неумышленных, бессознательных), врагов всего русского народа, и преимущественно той части его, в пользу которой они будто бы работают. Если так важен общий литературный язык для всех частей русского народа, то понятно, что стремление образовать особый язык для Южно-Руссов находило бы себе оправдание только в таком случае, если бы разница между велико-русским и малорусским наречиями была так велика, что делала бы совершенно невозможным общерусский литературный язык. Но мы знаем, что разница эта вовсе не велика, что каждый малоросс легко понимает Великоросса; знаем с другой стороны, что если, как уже было сказано, германские племена, несравненно более различные, имеют один общий литературный язык, то такой подавно может быть для всех Русских; знаем далее, что наш литературный язык, не принадлежа одной какой-нибудь местности, выработывался под влиянием старославянского языка и различных русских наречий и давно уже сделался общерусским языком, языком всего образованного класса и всех стоящих с ним в соприкосновении, горожан всех частей Русской земли, и чем далее, тем большую охватывает массу. Зная все это, мы видим с глубоким негодованием, что украинофилы-сепаратисты стремятся разрушить и уничтожить то, что уже в значительной степени осуществилось, что давно уже идет к полному осуществлению, стремятся уничтожить самые драгоценные плоды нашей истории.

Если так, то почему же, могут мне возразить, сепаративные стремления сильно распространились в столь короткое время? Чем объяснить сочувствие к ним даже некоторых органов русской литературы?

Сепаративные стремления получили свое начало в Киеве. Здесь жили и старались действовать в этом духе, пока не были удалены в разные места, Шевченко, Костомаров и Кулиш. В здешнем университете, между сту-

дентами, эти стремления получили дальнейший ход. Мы могли наблюдать за их распространением со времени нашего приезда в Киев и поступления в университет, то есть со второй половины 1858 г., и потому бросим взгляд на это распространение; относительно предшествующего времени мы пользуемся слухами.

В прежнее время сепаративные стремления находили себе объяснение и некоторое оправдание в недовольстве существовавшим порядком дел. Люди мыслящие и благородные, но, к сожалению, увлекавшиеся, думая о лучшей участи для своей родины, мечтали об ее отделении. Но отделение политическое представлялось только в будущем, как идеал; нужно было прежде всего отделить Малороссию умственно: образовать в ней особенную литературу и ввести преподавание на малорусском наречии. К этой последней цели, как ближайшей и служащей притом средством к достижению другой, должны были устремиться их усилия, и они, в пылком увлечении, с жаром предали ей. Попытки их были подавлены в самом начале, но не совсем уничтожены: огонек тлел, ожидая более благоприятного времени. Это более благоприятное время наступило со второй половины прошлого десятилетия. Но в продолжение его изменился образ мыслей старых малорусских деятелей. Они отбросили в сторону политический сепаратизм, который и прежде мог им казаться только в большом отдалении, но тем сильнее схватились за давнюю мысль о сепаратизме национальном, который перестал уже находить себе прежнее объяснение и оправдание. Старые деятели схватились за него просто как за стремление, с которым они сжились и от которого, поэтому, не могли освободиться. Но, как часто бывает, за группу людей передовых, хотя сильно ошибавшихся и увлекавшихся, шла толпа людей (вначале только кружок) бедных умом, слабо развитых и мало занимавшихся, которые, увлекшись неосмотрительною любовью к народу, слепо подражали своим вождям, не имея тех мотивов, которые одушевляли последних. Вследствие некоторых но-

вых обстоятельств, благоприятствовавших такому стремлению, отчасти также вследствие расчета некоторых лиц, оно усиливалось и приобретало себе большее и большее число приверженцев, начиная от самых ограниченных до таких, которые были сильны настолько, чтобы не сразу поддаться новому направлению, но не настолько, чтобы устоять против общего, хотя бы и нелепого напора. Действительно, до появления *Кобзаря* Шевченка в Киевском университете преданы были крайнофильству весьма немногие, думаю, не более десяти человек; одни из них уже окончили курс, другие вышли из университета не окончив курса, наконец некоторые еще и теперь процветают там. Над ними многие смеялись, но смеялись также бессмысленно, бессознательно, как потом сами перешли на их сторону. *Кобзарь* Шевченка произвел большое влияние своею народною поэзией и симпатическими звуками. Но те односторонние мысли и стремления, которые были совершенно извинительны в Шевченке, выросшем в бедном крестьянском быту, много перенесшем, выстрадавшем и вдобавок получившем весьма незначительное образование, вовсе не извинительны в студентах, которые не испытали подобных обстоятельств и которым следовало бы заглядывать в дело поглубже и пошире. Но подготовленные и возбужденные чтением о национальных стремлениях западных и южных Славян, не разбирая того, борются ли они против чуждой народности и против угнетений, или поднимают спор из узкого стремления к местной обособленности; увлекаясь сочувствием к национальным стремлениям Итальянцев (которые, впрочем, совершенно противоположны стремлениям крайнофилов: там разделенные части стремятся соединиться, здесь соединенные разделиться), — они считали долгом сочувствовать всякому национальному стремлению, являться, если можно, его двигателями, не разбирая, к чему и зачем. Это еще сильнее высказалось с появлением *Основы*. Тогда-то, можно сказать словами Невия: Proveniebant oratores novi, stulti, adolescentuli¹¹.

Лишенные прочного образования, не привыкшие к серьезному размышлению и увлекаемые примером других, они шли, куда дул ветер. Подобно тому как немного раньше они смеялись и отворачивались от украинофильства, не давая себе в том никакого отчета, а единственно потому что общее настроение ему не благоприятствовало, так теперь вдруг, с поворотом ветра, повернули в противоположную сторону. Поток шел дальше и охватил собою большую часть студентов; немногие устояли против него, — устояли только люди одаренные самостоятельным умом, или серьезно занятые наукою.

Одни из украинофилов взялись за сепаратизм искренно, из любви к народу, думая, в своем увлечении, этим облагодетельствовать его, другие — и таких большинство — от того что голова ничем не занята: для них достаточно было видеть, что украинофильство входит в моду, что другие делают то же самое; третьи — вследствие своего *не русского* происхождения; наконец, четвертых манит слава основателей малорусской литературы, если они успеют ее создать, и некоторые другие причины. На безрыбье и рак рыба. Если бы им удалось создать малорусскую литературу, то их, как основателей, как положивших начало, будут прославлять, они будут жить в потомстве, а в русской литературе они прошли бы бесследно. Лицам последнего разряда какое дело до того, что они поступают во вред народа? У них свои цели, свои страсти. В ряду украинофилов, мы с сожалением видим одно только лицо, для которого можно было бы ожидать лучшей роли. Называть его по фамилии нет надобности*. Всякий, в том числе и он сам, узнает, о ком идет речь. Обстоятельства его жизни, как и Шевченка, объясняют такое странное явление. Хотя обстоятельства потом изменились, вследствие чего, в политическом отношении, значительно изменился и образ мыслей его, но мысль об обособлении народа, глубоко вкоренилась в нем; он ее сохранил, потому что трудно освободиться от того, с чем

* Н.И. Костомаров.

мы свыклись. Близкая связь с Шевченком, личностью чрезвычайно симпатической и потому, как всегда бывает, весьма влиятельной, укрепила его; в виду знакомых, друзей, стремящихся к тому же и считающих его своим давним союзником, не всякий найдет в себе столько сил, чтобы отказаться от давних убеждений, хотя бы сознал их ошибочность. Одним словом, обстоятельства так сложились, что ему трудно сознать свои заблуждения, и сознав, отрешиться от них. Повторим: обстоятельства, извиняющие его, как и Шевченка, не извиняют прочих сепаратистов, не подвергавшихся им. Но авторитет этого лица служит поддержкой и побуждением для слабых умом. Это обстоятельство побудило нас распространиться о нем.

Мы высказали несколько мыслей о распространении крайнофильства в Киевском университете. С удовольствием мы можем заметить, что все разумное, все мыслящее остается на противной стороне; университет Киевский, как представитель просвещения в центре Малороссии, *единогласно* порицает крайнофильские стремления до того, что в проекте средних и низших учебных заведений, везде, где сказано: «отечественный язык» предлагает заменить словами «*русский язык*», чтобы никто не мог подразумевать здесь *местного* языка. Журналистика наша, привыкшая также сочувствовать безразлично всем национальным стремлениям, встретила появление *Основ* с полным сочувствием, но более солидные издания устояли против нового ветра. Честь первого заявления против него принадлежит *Русскому Вестнику*, за ним последовали некоторые другие журналы – *Московские Ведомости*, *Библиотека для чтения*, *Сион*, и, тотчас по своем появлении, *День и Вестник западной и юго-западной России*¹², и повторим здесь слова одного из солидных журналов, который притом не заинтересован лично в этом деле, а потому и вполне беспристрастен. «Печально, что нашу публику стараются разбить на мельчайшие кружки с своими особыми наречиями и подречиями, внося в нее таким образом рознь, вместо того, чтобы вести ее под знаменем

одного общего литературного языка, помимо племенных распрей, к великим общечеловеческим целям, к распространению всеми силами образования и гуманности в массе народов нашего отечества, к дружным усилиям усвоить ему те блага, которые составляют лучшую часть в достоянии современного человечества»*.

Этими разумными и благородными словами, принадлежащими представителям просвещенной части Евреев, мы заключим наши рассуждения о стремлении крайнофилов-сепаратистов образовать малорусскую литературу, чтобы перейти к вопросу об обучении на малорусском наречии. Странно: орган Евреев негодует на усилия раздела части русского народа, а сами Русские стремятся их разделить!**

III.

Если мы, по изложенным в нашей статье причинам, считаем положительно вредным образование особого литературного малорусского языка, то, само собою разумеется, не можем хладнокровно смотреть на исходящее из того же источника стремление обучать народ по-малорусски, распространять книжки, написанные на этом наречии. Такое стремление имеет целью развить в народе или, употребляя выражение крайнофилов, *навязать* народу понятие об его каком-то резком и совершенном отличии от Великоруссов. Обучение на этом языке укрепляет самих деятелей в сепаративных тенденциях, побуждает их не ограничиваться обучением, а сделать это наречие литературным языком для всего населения Малороссии. Они уверяют в своем «Отзыве», что преподают на малорусском языке потому, что тогда «об-

* Сион 1861, № 10, стр. 160 и 161; статья: *Основа и вопрос о национальности*¹³.

** Мы упомянули, что даже некоторые русские журналы поддержали *Основу* и крайнофильство. С сожалением должны добавить, что прочие журналы, с более солидными взглядами, хотя и высказались против того и другого, но не проводили своих мыслей с такою настойчивостью, с какою проводила свои *Основа*, и тем пассивно содействовали ей. А вопрос так важен, что оставлять его без внимания и не воспользоваться тем влиянием, какое имеет на публику наша литература, — крайнее непорочно.

учение идет *по крайней мере втрое* успешнее и скорее». Но мы громко и торжественно объявляем это уверение решительной *ложью и замаскировкой дела*, что мы сейчас и докажем. Ближайшая цель их — облегчить не обучение, а национальный сепаратизм. Доказательства наши следующие. Уже а priori можно вывести положительное заключение, что при незначительном отличии малорусского наречия от великорусского, в чем каждый может убедиться, заглянув в любую малорусскую книгу, а тем более так как к этому отличию все привыкли в Малороссии, и все с ним более или менее знакомы, — обучение на малорусском наречии никак не может идти *втрое* успешнее. Мы сами занимались более года преподаванием в киевских воскресных школах, имели сверх того случай заниматься некоторое время летом 1860 г. в одной деревне, Киевской губернии, обучением крестьянских мальчиков, и даже в деревне не употребляли почти ни одного малорусского слова, а всегда старались приучить детей к правильному общерусскому языку; мы можем, на основании продолжительного опыта, положительно засвидетельствовать неосновательность таких уверений. Можно сказать одно: что в деревнях только в первые месяцы и притом только в настоящее время, когда родители еще лишены образования и незнакомы с литературным русским языком, обучение на этом последнем языке будет *несколько*, а далеко не *втрое*, менее успешно чем на местном. Но и это маленькое замедление, думаю, с избытком вознаграждается тем, что учащемуся становится вполне доступной русская литература, что он получает возможность к дальнейшему образованию и развитию, сближается, посредством общего языка, с более образованными классами, усваивает себе язык суда, законов, администрации, что он, наконец, приходит к слиянию с прочими частями русского народа в одну великую семью, в одну великую нацию, как уже слились теперь различные части германской и французской наций. С течением времени, с распространением образования и общерусского языка

в большей и большей массе крестьян, и это небольшое замедление в обучении совершенно уничтожится*.

Наконец украинофилы противоречат сами себе. Так в отзыве, написанном в августе или в начале сентября прошлого года, они уверяют, что обучение на малорусском языке идет *по крайней мере втрое* успешнее, а в статье, оконченной 27 сентября, г. Стоянов, *один из подписавшихся под «Отзывом»* сам долго занимавшийся преподаванием в школах, говорит уже просто *вдвое* успешнее и даже без слов «по крайней мере»¹⁴. (*Основа* 1862, №9, стр. 78.) Таким образом или наши Малороссы сами сознали, что они чересчур уже пересолили, или они говорят все что им придет в голову, лишь бы годилось для прикрытия их тенденций.

Но допустим, что совершенно справедливо уверение украинофилов о «по крайней мере втрое» или хоть «вдвое» более успешном преподавании на малорусском наречии, как на родном. Если так, то зачем вы, господа украинофилы, обучаете детей *горожан* на малорусском наречии? Разве вы не знаете, что горожане в Малороссии, и особенно дети их, говорят общерусским языком, одни чистым, другие несколько испорченным, и что, следовательно, для них родной язык, как и для вас, не малорусский, а общерусский? Таким образом мы необходимо должны или допустить что вы без всякой цели, хотя и заведомо стараетесь вдвое или втрое затруднить образование обучением на малорусском языке, или признать что вы преподаете на этом языке вовсе не потому что обучение идет на нем успешнее, а единственно из своих национально-сепаративных целей. Допустить первое — очевидно нелепо; остается признать второе. Действительно, когда в частных разговорах подобными

* Очень может быть, что в настоящее время в деревнях преподавание на малорусском наречии идет значительно успешнее чем на русском языке. Но причина лежит в другом обстоятельстве. По-малорусски преподают теперь только приверженцы сепаративных стремлений; а таким стремлениям предаются только люди, получившие образование, хотя поверхностное, но все-таки гораздо лучшее чем прочие сельские преподаватели, состоящие из писарей и дьячков. Очевидно, что последние могут успеть гораздо меньше чем первые, преподающие притом с большим усердием, потому что действуют под влиянием страсти. Причина здесь не в языке, а в преподавателях.

возражениями обличал я некоторых из украинофилов в неискренности их уверений, то они ничего не могли возразить, кроме того что они хотят возвратить горожан к утраченной ими национальности.

С негодованием смотрел я на подобные стремления украинофилов еще в воскресных школах. Вскоре по открытии их в Киеве, кажется, только двое изъявили попытку преподавать на малорусском наречии, и то с какою-то робостью и старанием скрыть свои стремления; но чем далее, тем более увеличивалось число подобных лиц; дошло до того, что некоторые «поршни украинской громады» требовали даже введения в воскресных школах преподавания на *одном* малорусском наречии для всех учеников, без исключения. Наконец решили предоставить на произвол преподавателей употреблять малорусский или общерусский язык. С распространением украинофильства, уроженцев Малороссии стали обучать по большей части на местном, а в Великороссии – на общем русском языке, не разбирая того, что этот последний язык и для первых гораздо более известен чем местный и почти столько же родной, как и для Великороссов, так как те и другие в городах говорят одним или почти одним и тем же языком. Не раз видел я как, прямо против желания детей, их учили на малорусском наречии, как дети неохотно слушали учителей и на малорусские вопросы последних почти всегда отвечали по-русски. Весьма немногие ученики сами изъявляли желание учиться по-малорусски*. Наконец украинофилы вполне утешились в ежедневной школе, из которой почти совершенно изгнали обучение на русском языке и русские

* Зная все это, я с большим удивлением прочел в *Основе* (№ 9, стр. 10), что в Полтаве из 157 учеников, между которыми было 23 уроженца Великороссии, 114 *положительно требовали* (!) обучения на местном наречии. Не зная ни хода полтавских воскресных школ, ни их преподавателей, я не имею права положительно отвергать это известие; но принимая в соображение состояние киевских школ и зная, что восточная Малороссия гораздо более объединилась с Великороссией чем западная, что в Киеве, воспитанники полтавской гимназии позднее всех превратились в украинофилов и были наименее ярыми из них, а некоторые и до сих пор держатся прежних убеждений, я не в *состоянии не подозревать* в ответах учеников полтавских школ происков «щирых народолюбцев»¹⁵, хотя, разумеется, не имею права положительно утверждать это.

книжки. И при всем том большая часть детей почти всегда говорили по-русски*. Признаюсь, тяжело было видеть, что эти господа заботились не об образовании народа, а единственно об осуществлении своих целей, ради которых ставили даже преграды народному образованию.

Есть еще доводы, часто приводимые крайнофилами в защиту образования малороссийской литературы и обучения на местном языке; но эти доводы таковы, что возражать на них смешно, а можно только привести некоторые из них ради курьеза. Так, например, говорят, что нравственность горожан потому будто бы хуже нравственности поселян, что первые говорят на общерусском, а не на местном языке; что крестьяне, обученные на книжном

* Отчет г. Стоянова о киевской ежедневной школе, помещенный в сентябрьской книжке *Вестника западной и юго-западной России*, побудил редакцию этого журнала сделать несколько примечаний о школе, на основании этого отчета. Но г. Стоянов, страшно рассердившись на редакцию за эти примечания, поместил в сентябрьской книжке *Основ* гневный и дерзкий ответ. В этом ответе он доказывает, что русские книжки не изгонялись из школы, что малороссийское наречие употреблялось для объяснения ученикам того, что они прочитывали в русских книжках, и что обучение на малороссийском языке было только в низшем отделении и то потому, что шло вдвое успешнее. На последнее мы уже возражали. Заметим теперь, что ежедневная школа получила с самого открытия своего (в марте или апреле 1861 г.) малороссийский характер; но он окончательно укрепился там только с переходом заведывания школою от г. Шейковского¹⁶ к г. Стоянову. Я заходил в эту школу всего раза три или четыре и притом на короткое время, а потому не могу сообщить о ней подробных сведений; но скажу то, что заметил. При г. Шейковском я видел и русские книги вместе с малороссийскими во всех классах; некоторые учителя преподавали по-русски; сам г. Шейковский, во многом отличаясь от рьяных крайнофилов, преподавал по-русски (не знаю только, всегда ли), или объяснял по-русски же, то есть на употребляемом учениками языке, малороссийские книжки, не вполне им понятные. Это показание во многом отличается от показаний г. Стоянова. Потом малороссийский элемент более и более усиливался, русские книжки не покупались, так что раз я нарочно обошел *всех* учеников низшего и среднего отделений и *ни у одного* из них не нашел ни русской книжки, ни тетради, написанной по-русски. В высшем отделении, весьма немногочисленном, были, правда, и русские книжки, но только вследствие недостатка малороссийских. Самая книга с означением фамилий учеников, их лет, рода занятий, происхождения и проч. со времени заведывания школою г. Стоянова велась по-малорусски и получила название «сличба учеников» вместо прежнего: «список учеников». Все заголовки в ней были написаны по-малорусски. Заметим здесь, что школа эта была закрыта не в апреле, (как говорит г. Стоянов), а в марте 1862 г. и раньше чем вышло предписание о закрытии школ. Закрыта она просто потому, что по моему настоянию положено было открывать с 1 апреля студентскую лекторию, в которой помещалась школа, от 9 часов утра до 8 часов вечера непрерывно, тогда как прежде она открывалась только до 2 1/2 часов по полудни, и я вместе с тем успел выхлопотать разрешение перевести лекторию с четвертого на второй этаж университетского здания, в котором отведено помещение ей против аудиторий. С этого времени школа сделалась бы *действительно открытой*, а не по имени только. Вот почему крайнофилы были сильно недовольны и за послеобеденное открытие лектории и за перенесение ее на второй этаж, хотя и то и другое вполне согласовалось с интересами подписчиков.

русском языке, будто бы презирают неучившихся и портятся, превращаясь в волостных писарей и т. п.; объявляют далее, что хотят сохранить какие-то демократические свойства народа, которым будто бы угрожает опасность от литературного русского языка, что Малороссы без своего литературного языка будут, как сказано в «Отзыве», паразитным явлением и т. п. Все эти возражения свидетельствуют только о степени сообразительности украинофилов.

В заключение повторим, что мы считаем положительно вредным обучение народа на местном языке; и еще раз, так как это нужно хорошенько затвердить вашим украинофилам укажем на Германию и Францию, в которых обучение везде производится на литературном языке, несмотря на различие диалектов, гораздо более значительное чем то, которое существует между великорусским и малорусским наречиями*.

Какую же после того роль должно в этом деле иметь правительство? Должно ли оно преследовать преподавание на малорусском языке и должно ли запрещать украинофилам свободно высказывать свои убеждения? Глубоко проникнутые сознательной ненавистью к украинофильским стремлениям, но вместе с тем и уважением к свободе человеческой личности, мы скажем вместе с редакцией *Современной Летописи*¹⁷: «очень грустно, если такое важное дело, как образование народа, попадает в руки партии»^{**}; но вместе с тем повторим с нею же, что мы менее всякого другого можем делать, чтобы попытки украинофилов встречали какое-нибудь внешнее противодействие^{***}.

Правительство может предоставить им, *как и всякой другой партии*, свободу открывать школы и гласно про-

* Разумеется, украинофилы употребляют все усилия, чтобы доказать, что их наречие много отличается от великорусского. С этою целью в составляемых ими учебниках и других книгах они, по большей части, тщательно стараются избегать русских слов для выражения многих понятий, так как в малорусском языке, по его неразвитости, нет слов для этих понятий, и берут из польского и даже из других славянских языков, лишь бы не из русского. Сверх того, в последние годы они ввели особенное правописание, отличное от прежнего, более сходного с общерусским.

** Прим. к «Письму из Киева». *Совр. Летоп.* 1862 г. № 25¹⁸.

*** Прим. к «Отзыву». *Совр. Летоп.* 1862 г. № 46.

поведывать свои мнения; оно приобрело бы из того даже прямую пользу, потому что многое, может быть, скрываемое теперь, было бы высказано; явились бы многие из возражений, умалчиваемых теперь, а с другой стороны, крайние успели бы оправдаться от многих обвинений, взведенных на них может быть несправедливо. Полное обсуждение их тенденций сильно подорвало бы их кредит. Их мыслей правительству бояться нечего даже и в том случае, если бы они оказались враждебными государственному устройству и единству. Мысль еще не дело; а если бы они вздумали привести в исполнение какую-нибудь антигосударственную мысль, то правительство, поддерживаемое обществом, имело бы силы и возможность удержать их. Но если правительство не будет *стеснять* развитие литературы малорусской и запрещать основание школ с малорусским преподаванием, то вместе с тем также справедливо, что оно не должно, не может, не имеет права становиться *союзником* узких, местных, враждебных просвещению, целей. Оно, как и вся мыслящая часть нашего общества, может и должно принять меры положительного противодействия — заведением своих школ. Пусть правительство и просвещенная часть общества открывают во всех городах и селах свои народные училища с хорошими учителями, положительно запрещая в них преподавание на малорусском наречии и употребление малорусских книжек. При таких обстоятельствах попытки крайних могли бы устоять только в таком случае, если бы были сильны сами по себе, своей внутренней необходимостью, разумностью; а не имея этих условий, дело врагов нашего просвещения будет, наверно, проиграно*.

* Разумеется, крайние употребляют все происки, чтобы получить разрешение преподавания во всех учебных заведениях южной России на малорусском наречии. Но понятно после всего сказанного, сколько имеет смысла это стремление, равно как и распространенный ими в Киеве слух, будто бы правительство согласно ввести сначала малорусский язык в число предметов обучения во всех учебных заведениях южной России, чтобы потом легче можно было ввести преподавание всех предметов на малорусском языке. Некоторые решаются уже печатно заявлять подобные требования (См. *Основа* № 9, стр. 86). Но до какой нелепости могут доходить выдумки крайних, они услаждают себя, можно видеть из того, что в письме их, помещенном в одном из последних №№ львовского *Слова* за прошлый год, сказано, что в Малороссии (как будто в особенной стране, особенной нации!) будет наместником Великий Князь Михаил Ни-

Господа подписавшиеся под «Отзывом из Киева» уверяют, что они откажутся от своих стремлений, если им «раскроют глаза логическими доводами». Более или менее зная почти всех их, так как они принадлежат к числу студентов, вольнослушателей или окончивших недавно курс (хотя о некоторых из них трудно решить, зачем они поступали в университет), вступав не раз со многими из них в прения об украинских стремлениях, я, на основании опыта, могу засвидетельствовать, что это уверение такая же пустая фраза, как и другие, выписанные вами из их *Отзыва*. Может быть, двое, трое из них способны еще сознать свою ошибку и в силах отказаться от нее; от прочих же ожидать этого бесполезно: привычка и увлечение одних, привычка и степень развития других, надежда на бессмертье третьих и национальность четвертых, не оставляют на этот счет никакой иллюзии. Пусть опровергнут — и я думаю, что редакция *Русского Вестника* даст их опровержениям место в своем журнале, — пусть опровергнут сказанное нами о важности общего литературного языка, об обучении на нем народа, о славянском мире, Германии и пр.; тогда они будут правы. Но не опровергнув этого, и упорствуя в своих тенденциях, что наверно и случится, они покажут, что в противность своим уверениям, и не думают отказываться от ошибки. Может быть, они прикроют себя фразами, в роде той, например, что мое мнение выходит из теории, а их — из жизни, и объявят теоретиками тех, которые говорят что для народа будет гораздо более пользы от обучения его не на местном, а на нашем общем литературном языке, а себя неизвестно почему, произведут в жизненные практики; или, может быть, прибегнут к пословице: что Рус-

колаевич¹⁹. Мы знаем уже, что этот слух ложен, потому что Михаил Николаевич назначен наместником Закавказского края. Правда, в этой газете сказано, что такое назначение будет сделано вследствие обширности России в видах децентрализации. Но это значило бы не больше, как разделить одну централизованную страну на две централизованные части. Разница не очень велика! Мы ждем децентрализации, но совершенно не такой, а просто большей степени местной самостоятельности, большей степени самоуправления в существующих административных округах, насколько это возможно без разрыва частей России с центральной властью. К такой децентрализации стремится теперь и правительство, а вовсе не к такой, о которой мечтают рьяные украинофилы.

скому здорово, то Немцу смерть; или наконец заявят, что Малороссы по своему числу имеют *право* на особый литературный язык, как будто речь идет здесь о праве, а не о пользе. Пусть крайнофилы серьезно подумают об этом и потом докажут, что, несмотря на вред, есть *крайняя, решительная необходимость* в образовании особенного литературного языка для Малороссов, хотя они обходились до сих пор общим с Великороссами, и в обучении народа на местном языке. Тогда только их стремления нашли бы себе оправдание.

Но они не докажут этого и, вместе с тем, не откажутся от своих тенденций; потому и статья моя написана не для них. Она обращена только ко всем тем, которые искренно и глубоко преданы делу народного образования и развития, которые благо народное не принесут в жертву своим целям и страстям, которые, наконец, не лишены способности мыслить. Такие вполне согласятся с словами редакции *Вестника западной и юго-западной России*, что «всякий благонамеренный сын отечества должен стараться сглаживать и округлять областные угловатости и шероховатости, мешающие тесному сближению частей, составляющих одно целое, а не наоборот». Такие люди, повторим уже выписанные вами слова другого журнала, не колеблясь, поведут народ под знаменем одного общего литературного языка, помимо племенных распрей, к великим общечеловеческим целям, к распространению всеми силами образования и гуманности в массе народов нашего отечества».

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 21 июня 1863 г.

Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!

Еще задолго до вооруженного восстания в Польше² эта интрига начала свои действия. Все что в нашем обществе, до сих пор еще не признанном как следует и существующем как будто в тайне, все, что завелось в нем нечистого, гнилого, сумасбродного, она сумела прибрать к рукам и организовать для своих целей. Наши жалкие революционеры, сознательно или бессознательно, стали ее орудиями. Наш нелепый материализм, атеизм, всякого рода эмансипации, и смешные и возмутительные, нашли в ней деятельную себе поддержку. Она с радостью покровительствовала всему этому разврату и распространяла его всеми способами. Она умела вызывать некоторые выгодные ей административные распоряжения; она отлично умела пользоваться крайней анархией в системе нашего народного просвещения; она садилась на школьную скамью, она взлезала на учительскую кафедру, и, без сомнения, нередко случалось, что иной либерал-наставник, еще ме-

нее зрелый умом чем его двенадцатилетний воспитанник, проповедуя космополитизм или безверие, служил через десятые руки органом иезуитской интриги и очень определенной национальности, рывшейся под землей и во мраке подкапывавшейся под все корни русской общественной жизни.

Эта интрига, разумеется, не упустила воспользоваться и крайнофильскими тенденциями, на которые наше общественное мнение еще не обратило должного внимания, потому что общественного мнения у нас не существовало, потому что общественное мнение было у нас случайным сбродом всяких элементов, преданных на жертву всякому влиянию и всякой интриге.

Дело вот в чем:

Русская народность несравненно менее, чем какая-либо другая великая народность в Европе, заключает в себе резких оттенков. В Германии, в Италии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию этой последней страны, везде есть резкие особенности и местные наречия, до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров. Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же трудно было бы понимать Неаполитанца, как и Испанца, или даже как своих вечных врагов Тедесков³. В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности и резкие местные наречия, которые гораздо более разнятся между собой, чем даже языки русский и польский. В России несравненно менее розни в языке, чем где-нибудь, и менее, чем где-нибудь, рознь эта значительна. Ступайте по всей Русской земле, где только живет русский на-

род всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий. Наиболее резкую особенность встретите вы в малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав ее государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселения России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизм. Но Монголы и Литва разрознили на некоторое время русское народонаселение⁴, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью, и хотя отстояла себя, но, тем не менее, время разъединения с Россией внесло в южно-русскую речь несколько польских элементов и вообще несколько обособило ее, более, чем на сколько разнятся между собой другие местные говоры в России.

Как есть везде, так естественно были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкой под малороссийский говор, но делались без всякой цели, ради курьеза, или для местного колорита, и вообще в видах чисто литературных, подобно тому, как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому, как немецкий поэт Гебель⁵ писал свои идиллии на аллеманском наречии. У писавших не было и тени замысла создать из местного наречия особый язык и возвести его в символ особенной народности. Если же и встречались некоторые позывы сепаратизма, если и зарождалась иногда темная мысль о разъединении единой и нераздельной народности, то эта мысль оставалась безвредною по своей несостоятельности; она не мог-

ла действовать в жизни и была только фальшивым литературным направлением. Положительно вредной она могла стать только как примесь к чему-нибудь другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое орудие для какой-нибудь более серьезной пропаганды.

Года два или три тому назад, вдруг почему то разыгралось крайнофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса⁶. Польские публицисты с бесстыдною наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что юго-западная Русь не имеет ничего общего с остальным народом русским, и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории, наша литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка! И вот мало-помалу из ничего образовалась целая литературная крайнофильская партия, вербуя себе приверженцев в нашей беззащитной молодежи. Источались все прельщения, чтобы связать с этой новой неожиданной пропагандой разные великодушные порывы, разные смутно понимаемые тенденции, разные сердечные чувствования. Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской

грамотности и начали заводить малороссийские школы, в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало, как отбиться от этих непрошенных просветителей. Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек⁷.

Мы далеки от мысли бросать тень подозрения на намерения наших украинофилов. Мы вполне понимаем, что большинство этих людей не отдадут себе отчета в своих стремлениях. Мы отдаем должную дань и легковерию, и легкомыслию, и умственной незрелости, и бесхарактерности. Но не пора ли, по крайней мере в настоящую минуту, подумать о том, что мы делаем? Не пора ли этим украинофилам понять, что они делают нечистое дело, что они служат орудием самой враждебной и темной интриги, что их обманывают, что их дурачат? Из разных мест Малороссии получаем мы вопиющие письма об этом зловредном явлении, которое тревожит и возмущает там мыслящих и серьезных людей. Нити интриги обнаруживаются все яснее и яснее, и нет никакого сомнения, что украинофилы находятся в руках интриганов; нет никакого сомнения, что украинофилы служат покорным орудием заклятых врагов своей Украины. Нашим украинофилам пора одуматься и понять, в какую бездну хотят их ввергнуть. Мы знаем, что самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, что они радуются этому движению, и поддерживают его всеми способами, разумеется, прикрывая себя разными масками. В самом деле, ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики, как не разложения в собственных недрах русского народа? Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украинофилами; имея на мысли великий идеал в лице Конрада Валленрода⁸, они великодушно отрекутся от соб-

ственной народности в пользу украинской, и отрекутся тем охотнее, что украинской народности не существует, а существует только возможность произвести в русском народе брожение, которое всего действительней может послужить целям врагов России, поднимающим вопрос о самом существовании ее.

Польские повстанцы, которые дерутся и гибнут в лесах, знают, по крайней мере, чего они хотят. Польская народность жила когда-то особым государством и имела самостоятельное историческое существование; польский язык есть язык существующий, язык обработанный, имеющий литературу. Польские повстанцы знают, чего они хотят, и желания их, при всей своей безнадежности, имеют смысл, и с ними можно считаться. Но чего хотят наши украинофилы? Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством, украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем, что он есть. Несчастливые исторические обстоятельства, оторвав Украину от русского корня, насильственно соединили ее на время с Польшей; но Украина не хотела и не могла быть частью Польши, и из временного соединения с ней, вместе с полонизмами своей местной молвы, вынесла вечную, неугасимую национальную ненависть к польскому имени. Нигде в России, даже теперь, Поляки не возбуждают против себя собственно национальной ненависти; а в Украине кипит непримиримая национальная ненависть к Полякам. Малороссийского языка никогда не было, и несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует. Во множестве особенных говоров юго-западного края есть общие оттенки, из которых искусственным образом можно, конечно, сочинить особый язык, как можно сочинить особый язык, пожалуй, даже из костромского или рязанского говора. Но спрашивается, из каких побуждений может возникнуть желание сочинить такой особый язык, как будто недостаточно уже существующего русского языка, принадлежащего не какой-либо отдельной

местности, но целому народу, нераздельному и единому, при всех местных особенностях и местных наречиях, впрочем, несравненно менее резких чем во всякой другой европейской стране? Откуда у нас в России могло бы взяться такое побуждение устраивать школы для преподавания на местном наречии и для возбуждения антагонизма между ним и общепринятым государственным и литературным языком? Кто, кроме мономанов, мог бы придти к такой мысли во Франции, Германии и Англии, и какое общество допустило бы эту мысль до осуществления в размерах сколько-нибудь значительных? Общепринятый Русский язык не есть какой-нибудь местный, или как говорят, великороссийский язык. Можно с полной очевидностью доказать, что это язык не племенной, а исторический, и что в его образовании столько же участвовала северная Русь, сколько и южная, и последняя даже более. Всякое усилие поднять и развить местное наречие, в ущерб существующему общенародному историческому языку, не может иметь другой логической цели кроме расторжения народного единства.

В письмах, которые мы получаем из Украйны, нам сообщают о решительном противодействии крестьян всем этим попыткам. В живом народе крепко сказывается инстинкт самосохранения. Но интриганы прибегают к разным хитростям. Дерзость свою они простирают до того, что выдают себя за агентов правительства, отправленных будто бы с целью расшевелить крестьян и допытываться, не пожелают ли они, чтобы детей их в школах учили малороссийской грамоте. Сельский люд Малороссии отличается особенным доверием к правительству, и, не разобрав в чем дело, крестьяне могут попадаться на эту удочку и заявлять такие желания, которых они не имеют и которые противоречат их действительным желаниям и самым существенным интересам.

В деле народности и языка само общество должно быть на страже. Все, что есть серьезного, зрелого, мыслящего в Украйне, особенно духовенство, должно энергически противодействовать интриге и изобличать интри-

ганов. Мыслящие люди должны ограждать сельский люд от происков, объяснять ему, в чем заключается их смысл и куда они клонятся, раскрывать обман и растолковывать ему, что правительство никак не может заводить школы для развития местного наречия в ущерб государственному языку; не может употреблять народные деньги на такое дело, которое явно клонится к ослаблению и расторжению народного единства. Всякий сколько-нибудь мыслящий человек, всякий способный принять к сердцу общее дело и серьезно подумать об интересах отечества, должен понять, что нет ничего пагубнее, как систематическими усилиями поднимать местное наречие на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу, что никакая другая рознь не может произвести таких пагубных последствий, и что одна и та же интрига, которая старалась ополячить народ в Белоруссии, старается создать призрак особой народности в Украине, и что последнее еще горше первого.

В Галиции, несмотря на давнее отделение этого края от родной России, писали языком, подходящим к типу общепринятого русского языка, и только в последнее время, благодаря усилиям наших украинофилов и настойчивым требованиям Поляков, львовская газета *Слово* начала отдаляться от этого типа; она представляет теперь самый уродливый макаронизм. Но в Угорской Руси (в Венгрии), куда польское влияние не простирается, сохраняется и блюдетя в возможной чистоте русский язык, так что все, что там писалось и все что оттуда пишется в львовском *Слове*, кроме некоторых неловкостей в оборотах речи, почти не разнится от обыкновенного русского языка. Зато теперь австрийское правительство запретило журнал, выходивший в Угорской Руси; оно требовало, чтобы наши родичи отказались от настоящего русского языка и писали той же уродливой речью, какой пишут львовские литераторы под фирмой русского языка; но угорские Русины объявили, что они другого русского языка не знают, кроме существующего, и предпочли замолкнуть.

Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское направление? Грустная судьба постигает эти украинофильские стремления! Они точь-в-точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства.

Неужели наши украинофилы, бессознательно завлеченные в интригу, будут работать на нее даже и теперь, когда народ на Украине так энергически доказал свою преданность общему отечеству, и когда, по селам Русского царства, у всех в устах и на сердце имя Киева, златоверхого Киева, — имя, производящее могущественное действие на всякого русского человека, какой бы он ни был уроженец, — имя, в котором, быть может, еще более единящей силы чем в имени самой Москвы? Наши украинофилы должны пристальнее взглянуть в лицо софизмам, которыми их оболещают. Если Русская земля должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков: это очевиднее, чем дважды два четыре. А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу, и устроить дело так, чтоб уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского, и чтоб они должны были прибегать к посредству чужого языка для того, чтобы объясняться между собой? Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознивать их силы, между тем, как только из взаимодействия их сил может развиваться жизнь целого, благотворная для всех его частей?

Давно уже замечали мы признаки этого фальшивого направления в нашей литературе, и неоднократно изъявляли сожаление о том, что люди тратят свои силы на дело, от которого ни в каком случае добра ожидать не должно. Мы, в *Русском Вестнике* и *Современной Летописи*, обращались к здравому смыслу господ, подвизавшихся на

этом поприще, но не могли удержаться от негодования, когда некоторые из этих господ вздумали было действовать посредством литературного застрашивания, которое было у нас в большом ходу в последнее время и которое состояло в том, чтобы забрасывать грязью всякого, кто решался поднять независимый голос. Мы были очень рады, когда спустя некоторое время несколько киевских крайнофилов прислали для напечатания свою исповедь, в которой свидетельствовали о своем патриотизме и чистоте своих намерений. Мы напечатали их исповедь; нам приятно было верить чистоте их намерений, и мы не сочли нужным пускаться с ними в толки о бесплодии их крайнофильских стремлений, тем более, что в это время начинали уже разыгрываться польские смуты. Но за это посыпались на нас сильные укоры из Малороссии, и нас обвиняли в послаблении. Каемся в грехе и постараемся загладить его.

Кстати, мы считаем своим долгом объявить г. Костомарову, чтобы он не трудился присылать в редакцию нашей газеты объявления о пожертвованиях, собираемых им в пользу издания малороссийских книг. Таких объявлений мы печатать не будем, и каемся, что в начале этого года, по случайной оплошности, эти объявления раза два появлялись в *Московских Ведомостях*. Мы искренне сожалеем, что г. Костомаров ссудил свое имя на это дело и позволяем себе надеяться, что он оценит наши побуждения и, размыслив, быть может, и сам согласится с нами. Мы думаем, что общественный сбор на такой предмет по своим последствиям, если не по намерениям производящих его лиц, гораздо хуже, чем сбор на Руси добродетельных подаяний в пользу польского мятежа. Взамен того, мы охотно вызываемся печатать объявления г. Костомарова, если он будет собирать пожертвования на развитие провансальского жаргона во Франции или нортонберландского в Англии. Или пусть эти суммы передает он в кассу немецкого национального *фрейна*⁹ на постройку германского флота. Лучше бросить эти деньги... Бог с ними! Они жгутся.

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 3 сентября 1863 г.

Мы намерены сегодня сказать два слова об одном обстоятельстве, которое очень не важно само по себе и не заслуживало бы особой статьи, но которое тем не менее ведет к объяснениям, не совсем лишенным значения в нынешнее смутное время.

Дело касается украинофильских затей и г. Костомарова, который, назад тому недели две, напечатал в *С.-Петербургских Ведомостях* еще одну статейку, в которой он ссылается на письмо свое к нам, отправленное около того же времени¹.

Г. Костомаров встречает какие-то неудобства защищаться печатно по поводу возбужденного нами вопроса об украинофильстве, и дает знать об этом публике, приглашая нас предать тиснению письмо его к нам, которое будто может послужить удовлетворительным объяснением по этому делу. Если бы это было так, то г. Костомаров мог бы сам напечатать содержание этого письма в той самой газете, где он против нас пишет. А потому, предоставляя ему самому печатать его статьи и письма там, где он знает, мы скажем только, что он в этом письме жалуется на стеснения, которым он будто бы подвергается в своей деятельности вследствие поднятого нами вопроса о смысле его украинофильских попыток. Он собрал деньги на издание разных ученых и учебных книг на новосочиняемом украинском языке, и вот теперь, пишет он нам, после наших статей встречены им административные затруднения в его предприятии. К тому же, добавляет он,

ему не удастся напечатать в одной из петербургских газет какую-то большую статью, написанную им в свою защиту. Он требует, чтобы мы поспешили уничтожить все эти неблагоприятные последствия публично возбужденного нами вопроса. Он хочет, чтобы все стало по-прежнему, и чтобы он мог успешно продолжать свою деятельность. Он даже обязывает нас ко всевозможным усилиям для того, чтобы склонить власти к облегчению всех путей для его деятельности; он полагает в этом весьма важный для нас вопрос, замечая, что лишь при таком с нашей стороны образе действий он может спорить с нами, сохраняя к нам уважение.

Мы не имеем никакой надобности спорить с г. Костомаровым, и еще менее имеем надобности в его уважении. Нам немножко обидно только, что он так рассчитывает на нашу малосмысленность. Он воображал, что мы очень огорчимся при вести о неприятностях и неудобствах, встречаемых им на его поприще, и что мы бросимся опрометью помогать ему. Но какое нам дело до затруднений, которые он встречает? И из каких побуждений стали бы мы способствовать к устранению их? Мы от всей души желали и желаем, чтобы дело его не имело успеха: как же он хочет, чтобы мы вдруг, потеряв всякий смысл, стали пособлять ему? Да и каким образом могли бы мы пособлять ему? Правительственные распоряжения от нас не зависят. Мы действуем единственно посредством печати. Мы доказывали вред и ложь того направления, которому служит г. Костомаров: должны ли мы теперь доказывать противное? Нет, уж этого то он не дождетя от нас. Мы повторим с полным убеждением, что сознательно или бессознательно украинофилы и другие сепаратисты служат очень дурному и вредному делу, что сознательно или бессознательно они служат орудием самой враждебной интриги. Есть, в самом деле, какая-то враждебная сила у нас, которая, пользуясь нашей неурядицей, недостаточным средоточием наших общественных интересов, разбродом мыслей и мнений, отыскивает и поддерживает все, что только может послужить материалом для каких-

нибудь смут в нашей народной жизни и вообще в нашем отечестве. Мы не видим этой враждебной силы в лицо, но везде видна ее подталкивающая и пособляющая рука.

Мы знаем, что во многих общественных интересах правительственное вмешательство часто ведет к последствиям, противным ожиданию. Вот почему, с развитием гражданственности, все яснее и отчетливее определяют задачи правительства по отношению к общественной жизни. Но только глупость может смешивать общее правило с частным случаем и руководствоваться при решении какого-нибудь практического вопроса отвлеченной точкой зрения. Если бы мы жили в мире идей, то дела шли бы очень легко и просто: все определялось бы и обозначалось бы само собою; но, к сожалению, мы живем в мире действительном, где все до такой степени перепутывается, что часто бывает трудно добраться до какого-нибудь смысла. Мы находимся в мире случайностей и произвольных человеческих действий, и вся сила практического смысла в том и состоит, чтоб уметь найтись в этом лабиринте и не дать себя в обман. При практической оценке надобно брать в расчет обстоятельства места и времени. Если бы г. Костомаров действовал в Германии, во Франции или Англии, то никто не обратил бы внимания на его попытки создать язык из местного наречия: никто не стал бы запрещать ему издавать ученые и учебные книжки на этом языке, — именно потому, что там подобные попытки не имели бы серьезного значения и свидетельствовали бы только о забавной странности человека, который посвящает им свое время. Нигде в Европе ни правительство, ни общество не могли бы оказывать пособия такого рода предприятиям, и потому не было бы и надобности принимать против них с другой стороны какие бы то ни было стеснительные меры. Нигде в общественных или административных средах не могла возникнуть мысль о преподавании в казенных школах на каком-нибудь другом языке, кроме языка общенародного, и нигде нет надобности протестовать против безвредных, ни к чему не ведущих попыток чудачества. Но там, где нужно тол-

ковать, и долго толковать о предметах самых понятных как будто о каких-то мудреных умозрительных задачах, где можно сюрпризом и исподтишка наделать много всяких дел, где еще нужно доказывать изо всех сил, что, например, естествоведение отнюдь не может служить основанием для гимназий, - где нужно доказывать, что мужчина есть мужчина, а женщина — женщина, — где нужно доказывать, что людям несвойственно ходить на голове, а что для этого есть ноги, — там серьезная опасность может произойти от ничтожных причин. Г. Костомаров встречает теперь затруднения в своей деятельности по некоторым правительственным ведомствам: ему не желательно встречать эти затруднения, ему было бы желательнее встречать пособия. Это очень естественно; но тем, которые считают задуманное им дело вредным, естественно в свою очередь желать, чтобы он не встречал пособий или чтобы пособия обессиливались по возможности затруднениями. Правительство не есть отвлеченное понятие. Правительство состоит из разных ведомств, действующих самостоятельно и отдельно одно от другого, а часто и совершенно врознь. Правительство состоит из лиц, которые на многие предметы часто смотрят с точки зрения совершенно противоположной. Один и тот же предмет со стороны того или другого ведомства, того или другого лица, может пользоваться сознательным или бессознательным содействием: зато не должны ли другие, смотрящие на дело с противоположной точки зрения, усилить, сколько возможно, свое противодействие? Мы с своей стороны ничего не находим сказать против задержек, которым подверглись задуманные г. Костомаровым издания; мы находим, что эти меры противодействия свидетельствуют только о зоркости и заботливости некоторых правительственных лиц посреди той смуты, которая нас окружает. Подождем другого, более благоприятного времени, когда всевозможная ложь, глупость и сумасбродство решительно потеряют всякую надежду на сильную поддержку, — и тогда поговорим о ненужности каких-либо отрицательно-противодействующих

мер; да и тогда они, по всему вероятно, устранятся и сами собой.

Но как бы то ни было, мы не можем отвечать за распоряжения правительственных ведомств или лиц. Лица, находящиеся у дел, лучше нашего знают, какие и в какое время требуются распоряжения; они могут руководствоваться разными соображениями, которых основания могут быть совершенно неизвестны нам. Мы обращаемся к публике и можем действовать только гласно, действовать только на общественное мнение и через его посредство. Есть великие предметы, есть интересы, важные для целого общества, и всякий живой член общества обязан охранять их или способствовать им по мере своих сил и в пределах своей деятельности. Только при живом участии всех и каждого в делах общественной важности общество оказывается способным к самостоятельной жизни; только при таком условии общественное мнение становится действительной силою; только при таком условии наступает для общества та пора зрелости, которая делает излишними и административную опеку, и разные предупредительные меры. После горьких опытов, которым в продолжение последних лет подвергалось наше общество, мы с большей чем когда-нибудь силой чувствуем свою обязанность действовать на своем поприще с полной решимостью и откровенностью. Мы должны раз навсегда освободиться от ребяческой мысли, будто бы какие-нибудь соображения должны удерживать нас от исполнения наших обязанностей перед обществом, будто бы мы должны скрывать наши суждения о вредных действиях из опасения как-нибудь повредить этим вредным действиям или стеснить их виновников. Ловкие люди уверили наших либералов, будто бы долг рыцарства требует жмуриться при виде общественного зла и лжи, и не называть их собственным именем. Они выдумали учение, в силу которого будто бы нельзя противодействовать тому, что по нашему убеждению есть несомненное зло, и этот расчет на глупость русского общества доходит до того, что недавно из Киева (да, из Киева!)

получили мы письмо за подписью «Поляк», в котором русскому обществу поставляется в неискупимую вину то, что оно высказывается столь решительным образом против польских притязаний, а польским притязаниям не дает высказываться в русской литературе с должною энергией и полнотою. Этот странный корреспондент добавляет, что польские патриоты отказываются теперь от всяких надежд на Русский народ, и что им остается только надеяться на администрацию. С Богом! пусть надеются. Но хорошо уже и то, если эти господа убедились крепко, что русское общество, при первом серьезном испытании, которому оно подверглось, обнаружило достаточную зрелость, и что отныне трудно будет поймать его на ловкие штуки.

Люди могут ошибаться в своих суждениях и оценках, но всякий должен судить и действовать по убеждению и совести. Чего мы не знаем, того не должны касаться. Но молчать из каких бы то ни было соображений при виде зла, которое совершается на глазах у всех, которое вовсе и не думает скрывать себя, а напротив, ищет расположить в свою пользу всех и каждого, было бы глупостью или подлостью. Мы можем не вменять вредных результатов намерениям людей, которые своими действиями приготавливают их; действия людей могут быть ненамеренными; но обществу от этого не легче. С злым ли умыслом, или по глупости, или в припадке сомнамбулизма, человек поджигает дом, — пусть это разыскивают сведущие люди; но всякий обязан предупреждать очевидное зло. Люди, сами не понимающие что делают, должны убедиться во вреде своих действий, а понимающие — должны убедить общество в их безвредности. Противники наши жалуются, что лишены возможности защищаться удовлетворительным образом. Но в чем они полагают свою защиту? В том ли, что они не имеют в виду тех действий, которые им приписываются, или что вред, который ожидается от этих действий, есть очень хорошее дело? Для защиты первого рода, по всему вероятно, никто и нигде не встретит себе препятствий. Что же касается до защиты второго рода,

то надобно слишком рассчитывать на глупость общества, чтобы надеяться на ее успешность. Доказывайте, что в действиях ваших нет того значения, которое им приписывается, — на это имеет всякий право, и в этом дай Бог всякому успеха. Но не смейте рассчитывать на успех, если вздумаете доказывать обществу, что зло, которое видно в ваших действиях и которого вы сами не скрываете, есть хорошее дело. Доказывайте сколько угодно, что ваши старания выкроить из Русского народа несколько особых народностей могут только укрепить и усилить его единство; но, конечно, нельзя среди Русского народа проводить с успехом мысль, что единство и целостность Русского народа есть обстоятельство ничтожное или что Россия есть призрак, который должен исчезнуть.

Итак, мы считаем долгом объявить нашим противникам, кто бы они ни были, что мы не будем стеснять себя никакими соображениями при изобличении действий, которые считаем вредными или ложными. Наши суждения не имеют ни для кого обязательной силы, наши суждения могут быть отрицаемы и оспариваемы; но пусть никто не рассчитывает на наше молчание.

Впрочем украинофилы могут еще утешать себя разными надеждами, подобно упомянутому выше «Поляку», почтившему нас письмом из Киева. Если они встретили некоторые маленькие затруднения и задержки, то очень может быть, что с другой стороны они найдут себе тем вящее пособие. Мысль, одушевляющая их стремления, не умерла, а, кажется, здравствует. Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь *филы*. Нам пишут из Петербурга, что нарождается еще какая-то партия белоруссофилов. Петербург до такой степени преисполнен жизненных сил, что во что бы то ни стало хочет оплодотворить все наши *жаргоны* и создать столько русских народностей и языков, сколько окажется у нас годных к отсечению частей. Кто бы подумал, что даже и белорусское наречие некоторые любители хотят возвести в литературный язык? Какая жатва для будущего! Нас уверяют довольно положительно,

что предполагается основать в Вильно издание газеты на белорусском наречии. Газета на белорусском наречии! Пусть же утешится г. Костомаров, — пусть он порадует-ся: значит, дело, которому он служит, ничего не потеря-ло. Польские «националы» в западном краю могут также порадоваться этой новой попытке отделить нравственно белорусский край от России.

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 6 февраля 1864 г.

Некоторые газеты подшучивают над тем, что они называют «преследованием *Московскими Ведомостями* украинофилов»; у страха глаза велики, говорят они; украинофилы — такая ничтожная партия, что над нею можно разве только смеяться: да и из ее среды влиятельнейшие люди мечтают лишь о самостоятельной литературе малороссийской. О чем же брюзжат *Московские Ведомости*? заключают наши противники. За что они так не жалуют Украину? говорят другие.

Нет, мы любим Украину, — любим как часть нашего отечества, как живую и дорогую часть нашего народа, как часть нас самих, и потому-то нам так ненавистна всякая попытка внести чувство *моего* и *твоего* в отношения Украины к России. Мы любим Украину со всеми ее особенностями, в которых видим залог будущего богатства и разнообразия в общем развитии нашей народной жизни. Мы не понимаем, мы не признаем никакого соперничества между украинским и русским. Мы видим в этом самую фальшивую и вредную мысль. Мы любим Украину, своеобразный характер ее детей, поэзию ее преданий и мелодий; ее напевы так же близки и родственны нам, как и песни, оглашающие Волгу. Мы весьма далеки от того, чтоб осуждать тех Украинцев, которые пристрастны к своей родине. Le patriotisme du clocher¹ есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патриотизма более широкого; интересы *родины* не следует противопоставлять интересам *отечества*. А то ли мы видим

со стороны так называемых украинофилов? Замечали ли те, которые подтрунивают над нашими опасениями, что украинофилы, обсуживая положение малороссийских губерний, говорят, что Россия ничего для них не сделала? Поражало ли противников наших это сопоставление интересов России с интересами Украины? Нас оно поражало. Это не те жалобы, которые приходится нередко слышать и от Костромичей, и от Смольян на такие-то распоряжения, на экономические затруднения, на стеснение торговли, на недостаток хороших путей сообщения, — жалобы, в которых слышатся сетования русского человека, что его отечество не пользуется всеми теми благами, которыми он желал бы наделить его. Нет, в жалобах украинофила звучит совсем особая нота; они выражают сожаление и досаду, что на Украине нет железной дороги, когда она уже есть между Москвой и Петербургом, и что украинские деньги тратятся для удовлетворения чуждых ей интересов.

Вот на какой симптом не худо было бы обратить внимание нашим порицателям. Взвесив его, они не стали бы так равнодушно относиться и к усилиям создать малороссийский язык и литературу. Великое дело язык и литература! Что разошлось в языке и литературе, то разошлось в духе, и того не свяжешь потом никакой материальной силой. Только история создает народ, создает язык литературный. А где история Украины?.. Казачьи войны, — разве это история? Так же точно как ряд песен, воспевающих эти войны — разве литература? Когда Поляки говорят о своей национальности — мы понимаем их: мы видим долгую самостоятельную историческую жизнь и обширную литературу, обнимавшую и сферу воображения, и сферу мысли. Правда, эта жизнь иссякла, эта литература лишилась почвы, но они были, их нельзя отрицать; напротив того, что мы видим в Украине? Хмельницкий замышляет создать ей отдельное существование и убеждается в невозможности своих замыслов. Выговский, и Дорошенко и Мазепа² пытаются отделиться от России, но с тем чтобы пристать к Польше или даже

к Турции. И вот эта исконная и живая часть русского народа соединяется окончательно со своим корнем, составляет могущественное политическое тело, один великий, исполненный силы народ. Вместе пережили они такие исторические моменты, как эпоха Екатерины, как двенадцатый год, как освобождение крестьян. Каким же образом могло случиться, что после того, как единая жизненная струя, то радостно, то болезненно пробегала столько времени по всему организму русского государства, — вдруг в одной части, в одном члене этого организма оказалась потребность создать самобытную литературу, и из особенностей местного наречия развить язык как символ особой национальности? Это не в природе вещей, это фальшь. Литература не есть кабинетная работа нескольких ученых и беллетристов; она — дело внутренней жизни народа, живущего самостоятельной и отдельной политической жизнью.

Мы отнюдь не протестуем против свободы частных действий со стороны украинской партии, из уважения к личной свободе, предоставляя, впрочем, и себе такую же свободу говорить и повторять всем, кто захочет слушать нас, о лжи и вреде стремлений, которые находим ложными и вредными. Пусть эти господа на собственные деньги заводят школы и печатают сочиняемые ими книги: мы станем убеждать, чтобы никто не ходил в эти школы и не покупал этих книг. Мы, повторяем, готовы допустить это, но претендовать, как некоторые желали бы, чтобы правительство на казенные средства помогало распадению России или создавало призрак, который стал бы вампиром целых поколений, — это верх нелепости, это сумасшествие.

Некоторые полагают, что развитие и усиление украинского начала послужит сильным оплотом против польских притязаний, — мысль благовидная, но совершенно ложная! Разве не видят эти господа, разве не показал опыт, что украинофилы служат самым удобным орудием для польской интриги? Разве *панычи* в свитах не получали лозунга от панов в чамарках³? Разве Мерославский⁴ не включал их в свою революционную организацию?

Пусть прочтут его программу, найденную в доме Замойского⁵. Правда, что этих *панычей* в свитах, этих распространителей *золотых грамот*⁶ немного, но к ним примыкает партия не совсем ничтожная, за которой стоит в резерве страшилище всесветной революции. Самые умеренные из этой партии препираются с *Россией*, обсуживают свои

Л. Мерославский

отношения к *России*, устанавливают между собою и *Россией* какие-то международные отношения.

Пусть нас считают алармистами, пусть наши собратья по журналистике ищут создать себе на наш счет популярность, — мы желаем им успеха, но не перестанем указывать на опасность, хотя бы только еще зарождающуюся; мы лучше хотим быть похожи на того моряка, который, заметив, на небе черное пятнышко, принимает меры против бури, нежели на того, который начинает убирать парус когда уже налетел шквал.

Признаемся откровенно: мы не придаем большого значения мнениям наших товарищей по литературе в вопросах политического свойства. Перед подобным трибуналом весьма вероятно, что мы проиграем наш процесс против украинофилов, особенно при известных условиях нашей печати, косвенно покровительствующих системе молчания, *abstention*⁷: «мы не в состоянии возражать вам», ответит противная партия, и этого довольно, чтобы наши литературные искатели популярности вместе с прогрессистами канцелярий очутились на ее стороне. Но если бы процесс наш рассматривался людьми земскими, чуждыми теорий и сентиментальностей, — людьми, слова которых были бы солидарны с самым делом, — перед таким собранием наши украинофилы и все другие политические нации-безобразники не осмелились бы и заикнуться, — мы твердо в этом уверены.

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 30 июля 1864 г.

Не без удивления прочли мы передовую статью в № 151 *Одесского Вестника*¹, в которой говорится и об украинофилах, и о перенесении государственного центра тяжести с севера на юг, и о г. Гогоцком², и о другом нашем сотруднике, и о нас самих. Распутывать всю эту путаницу полуслов мы, конечно, не станем, но остановимся над некоторыми отдельными пунктами. Одесская газета не верит в существование украинофилов и считает их пухом: не шутит ли она? Или она ничего не видала и не слыхала в последние два-три года? Но чем же вдруг кольнуло ее? Что она вдруг спохватилась теперь и повторяет незавидный мотив некоторых петербургских газет? Если «Одесса славится (?) индифферентизмом в национальных вопросах» и если *Одесский Вестник* считает себя органом тамошнего общественного мнения, то зачем же и пускается он теперь в дело, в котором не чувствует себя компетентным, зачем не остается в сфере «торгового космополитизма»? С пленительной наивностью *Одесский Вестник* объявляет, что по уверению его корреспондентов, ни в Харькове, ни в Полтаве никто не слыхивал ни о чем подобном, а с этими корреспондентами «рождение и воспитание позволило установить редакции прочные связи».

Мы не можем понять, откуда взяла одесская газета, будто бы противники украинофилов требовали исключительного для великорусских уроженцев права покупки земель в западных губерниях? Кто подшутил над ней,

уверив ее в этом? Зато и нельзя без улыбки прочесть ее восклицание: «Как будто уроженец Екатеринославской, Полтавской или Херсонской губернии — не Русский!» Смеем верить почтенную газету, что ни мы, ни наши сотрудники никогда не отнимали у Херсонцев, Екатеринославцев и Полтавцев имени Русских, и что идея о «двух народностях русских» пущена в ход отнюдь не нами. Мы никогда не хотели знать никаких Великоруссов и Южно-руссов; их выдумали именно те, против кого мы вооружаемся; для нас же это не более как географический термин. Мы желали бы знать только Русских, дорожащих единством и процветанием России. По-видимому, и одесская газета того же самого желает: «Южная Россия, говорит она, неразрывно связана с Северной Россией и ничего не заявляет против этой связи: таков существующий факт». Ну и слава Богу! Но в таком случае желательно бы знать, за что же эта газета прогневалась на нас и на наших корреспондентов? Мы знали и всегда говорили, что южная Россия ничего не заявляет и против своей связи с северной Россией, что южная часть нашего народа не желает быть особой национальностью и иметь свой особый литературный и официальный язык. Но всем известно, что есть люди, которые усиленно и настойчиво хлопотали о том, чтобы вопреки интересам и собственным желаниям южной части русского народа превратить ее в особую национальностью, и, что всего важнее и в чем вся сила дела, старались завлечь правительство в такие меры, которые действительно должны были бы разорвать русский народ на две чуждые и неизбежно враждебные одна другой части. Неужели вопрос о мощении одесских улиц так поглотил внимание одесской газеты, что она не заметила, в чем заключались истинные опасности украинофильских затей?

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 2 сентября 1864 г.

Польский вопрос, очень простой в Царстве Польском, становится чрезвычайно сложным на русской почве, в Западном крае, особенно в его южной части. Тут он уже перестает быть польским вопросом и совсем превращается в вопрос русский, отражая в себе, как в верном зеркале, слабые стороны России. Народ там надежен; он столько же храбр, сколько памятлив; он даже прозорлив и находчив, как показали весенние события прошлого года. Он тверд в своей верности отечеству. Колебания и шаткость появляются не на той почве, которую можно по праву назвать народной почвой; они сказываются не в тех сферах деятельности, в которых русское общество Юго-Западного края способно действовать, не при исполнении тех задач, которые ему доступны. Россию называют колоссом с глиняными ногами: не может быть сравнения более превратного; у русского колосса ноги из железа и гранита. Еще говорят, что польский край есть Ахиллесова пята России; прошлогодние события показали, как ошибочно это мнение: Ахиллесова пята России вовсе не в польском крае, а в том, что в самой России есть не национального. В эту-то Ахиллесову пятую и метят теперь враги России; около этой же пяты ее хлопочут теперь и польские националы, чтобы, выждав время, тем смертельней уязвить ее. И нельзя не видеть, что с этой стороны Россия легко уязвима. Космополитические, лишенные национального чувства элементы нашего общества — легкая добыча для наших врагов. Что такое космо-

политизм в политике? Космополитических государств на свете быть не может; отвлеченная политика есть отсутствие политики, есть нескончаемая перспектива отступлений, возведенных в систему; мудрено ли, что космополитизм стараются навязать нам те, которые бессильны принудить Россию к отступлению и могут войти в силу только в том случае, если Россия сама пойдет путем отступлений? Тут нет ничего мудреного, но то, что в России возможна невозможная ни в одном государстве на свете речь о политике отвлеченной, в этом заключается действительно очень мудреная сторона русского общества и русского государства. Польские патриоты недаром стараются доказать, что русского народа не существует: с уверенностью в существовании русского народа были бы не совместны надежды на водворение в России космополитизма или на участие русских людей в заговорах, направленных против единства России. Поляки — да и не одни Поляки — потому именно и обманываются насчет России, что не могут поверить в совместимость этих двух вещей, — что существует на свете живой русский народ и что тем не менее антинациональные стремления находят себе поборников между русскими людьми. Необычайность того, что эти две несовместимые вещи существуют у нас рядом, чего нет нигде на свете кроме России, служит объяснением ошибочных понятий о России, распространенных в западной Европе, и вместе живучести польских надежд, несмотря на их очевидную несбыточность. Поляки только тогда сделаются из врагов нашими друзьями, когда убедятся, что не Россия есть сновидение, а русский космополитизм, не позволяющий им верить в действительное существование русского народа.

Поляки Юго-Западного края ознакомились на деле с тем народом, среди которого живут; им очень хорошо известно, что это, во-первых, народ действительно живой, а во-вторых, народ враждебный их замыслам. Но с польской точки зрения уже и прежде делалось различие между этим отнюдь не космополитическим русским народом Юго-Западного края и между народом *российским*,

который не имеет и не может иметь никакой национальной, потому-де, что создан не историей, а указом императрицы Екатерины II, переименовавшей Монголов в Русских¹. Русской публике должно казаться, что эта курьезная теория есть верх нелепости; она и в самом деле есть верх нелепости. Но с польской точки зрения она выставляется очень серьезно, и мы очень ошиблись бы, если бы полагали, что рассуждая о различии между Русью и Россией, польские патриоты только обманывают и ублажают себя. Многие из них очень хорошо знают, что в действительности подобного различия нет; но они твердо уверены, что со временем оно осуществится, войдет в силу и поведет к разложению Русского государства. На чем же основана эта уверенность и от кого могут ожидать исполнения подобные виды? От кого, как не от тех элементов в *российском* государстве, которые более расположены к космополитизму, чем юго-западный русский народ? Эти элементы пригодны на все, что может вредить русскому национальному делу; всякая пригрезившаяся мечта, всякое детское опасение способны увлекать эти элементы сильнее, чем не существующий для них интерес национального дела. Люди, которые очень могли бы действовать с пользой, становятся в политическом отношении совершенно беспомощными, когда не имеют в себе живого чувства своей национальности. Они не могут не сделаться орудием в руках всякой политической интриги; они даже вызывают интригу теми колебаниями и той бесхарактерностью, от которых для них нет спасения, пока они остаются безразличны в национальном отношении, и пока это безразличие лишает их способности распознавать что полезно и что вредно для того государства, к которому они принадлежат.

Из этих вечно колеблющихся, беспомощных и безразличных элементов могут возникать самые противоположные явления. Из них между прочим возникло и в них нашло сочувствие себе украинофильство, которым теперь особенно интересуется польская интрига в Юго-Западном крае. Земских корней это призрачное явление

не имеет. Занесенное на берега Днепра с берегов Невы и Вислы, оно всем своим значением обязано этой встрече, по-видимому неожиданной, но повторявшейся и при других случаях, а потому заслуживающей самого серьезного внимания. Как может быть важно украинофильство для польского дела, это понятно само собой: нет лучшего средства, чтобы изолировать от России этот русский народ Юго-Западного края, который так беспощадно разрушил польские мечты о принадлежности русской Украины к великому польскому государству. Распространяться об этом нет надобности; гораздо полезнее обратить внимание на те суждения об украинофильстве, которые могут возникать в разных слоях русского общества, более или менее страдающих национальным индифферентизмом. Шаткость взглядов, происходящая от естественного в подобных слоях колебания между крайностями, может вести к суждениям совершенно противоположным, но равно ошибочным, — с одной стороны к отрицанию опасности, заключающейся в украинофильстве, а с другой стороны к ее преувеличению. Эти два противоположные суждения должны выразиться на практике в двух способах действий, столь же противоположных, с одной стороны, в излишней терпимости, а с другой стороны, в излишней нетерпимости. И тот, и другой способ действий был бы крайне вреден, потому что поддерживал бы явление, которое, не имея корней в народной почве, может держаться только поощрениями или преследованиями. Если бы украинофильство не было явлением совершенно искусственным, то оно было бы опаснее польских притязаний; к борьбе с польскими притязаниями оно присоединило бы внутреннюю междоусобную борьбу в недрах русского народа. Можно ли покровительствовать подобному явлению? Можно ли искусственно придавать ему силу, которой оно само по себе не имеет? Ради каких благ стали бы мы уменьшать его естественную слабость и снабжать его средствами, которые могут наконец укоренить его в почве, отказывающей ему в своих здоровых соках? Между тем, еще недавно

шла у нас речь о правительственном содействии украинофильству как делу безвредному, — о переводе Священного Писания и государственных актов на малороссийское наречие, об обязательном введении этого наречия в народные школы, о ревностном распространении в народе книг, писанных на этом наречии, книг, иногда составленных в духе, враждебном русской народности, и об исполнении всего этого государственными средствами и на казенные деньги. Что подобные затеи находили себе сочувствие у нас в некоторых сферах, этим вполне изобличилось, до какой степени слабо в этих сферах сознание русских национальных интересов. Но, может быть, не менее ошибочно было бы вдаваться в противоположную крайность и видеть серьезную опасность в украинофильстве, не поддерживаемом мерами правительства. Это, может быть, было бы всего более в интересе польской интриги, которой должно быть равно желательно, чтоб украинофильство усиливалось и чтобы в то же время украинофилы подвергались сколь возможно тяжким преследованиям. Во всяком случае это было бы не согласно с той уверенностью в несокрушимом единстве русского народа, которая может слабеть в русских людях только по мере ослабления в них русского народного чувства. Истинно-национальная политика не страдает подозрительностью или мнительностью; она не только способна допустить в широких размерах великое начало общественной свободы, — она к нему стремится, его требует и только в нем находит себе полное выражение и прочное осуществление. Недоверие к здоровым силам народной жизни обличает у нас тот же самый национальный индифферентизм, на который наши враги теперь очевидно метят как на Ахиллесову пятау России.

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 15 января 1866 г.

С газетой *Голос*¹ произошла перемена. Как слышно, она уже не получает субсидий, или получает их иным путем. Странное дело! В *Голосе* печатались статьи, совершенно невозможные для русской газеты, и она получала субсидии. *Голос* силился быть органом всех антирусских партий, и получал субсидии; он подделывался под тон известного корреспондента *Independence Belge*², он проповедовал учение о разных национальностях России, долженствующих относиться к русскому народу как фарфор к глине, он агитировал против здравых начал, на которых правительство наконец предположило восстановить русское народное просвещение, он с ревностью, достойной лучшего дела, заминал вопрос о поджигателях, и получал субсидии. К концу минувшего года тон этой газеты начал изменяться: она возымела своего рода ревность стоять за русские интересы, и началось это с тех пор, как, по слухам, закрылся для нее тот, источник субсидий, которым она пользовалась. В самом деле, возьмите *Голос* в начале и возьмите его в конце прошлого года: разница ощутительная, не скажем в достоинстве мнений, но в их направлении и тоне. *Голос* является теперь беспощадным избивателем баронов в остзейских губерниях³ и гневным карателем польского элемента в западных; он упрекает бывшего начальника северо-западного края за слишком слабые меры против поляков во время мятежа⁴; он защищает чиновников западного края от нападков другой петербургской газеты, *Вести*⁵; в *Голосе* примолкла агита-

ция против нашего народного просвещения, не делается неистовых выходов в защиту поджигателей, — и с этою переменной совпадают слухи, что *Голос* уже не получает субсидий из прежнего источника. Но если *Голос* не получает прежних субсидий, и вследствие того так значительно изменился в своем тоне, то за то он получает *предостережения*. Мы сочли своей обязанностью просмотреть статьи, за которые *Голос* получил предостережения, и также ту, которая навлекает на него судебное преследование. Признаемся откровенно, мы теряемся в недоумении, сравнивая эти статьи со всем тем, что прежде печаталось в *Голосе* не только с одобрения цензуры, но даже на казенный счет. Рассматривая ту статью, за которую издатель этой газеты привлекается к суду, мы напрасно искали, что могло бы в ней подвергнуться судебному преследованию. Мы не удивимся, если суд отпустит издателя, не найдя в его статье ничего такого, что могло бы по закону подвергнуть его ответственности. Суд должен поступать справедливо и законно.

Возвратимся, однако, к *Голосу*. Эта газета, очевидно, такого свойства, что в ней не может быть какого-нибудь определенного направления; в ней последовательно могут являться, от имени редакции, мнения с противоположных сторон. В № от 9-го января этой газеты появилась передовая статья, очевидно происходящая из приумолкшего петербургско-украинофильского лагеря, — статья, в которой петербургское украинофильство является в подновленном виде, как и сама газета *Голос*⁶.

Недавно *Рижская Газета*, о последних выходках которой пришлось нам говорить на этой неделе, показала те Геркулесовы столбы, до которых может доходить хладнокровное и сознательное извращение истины в делах публичного свойства. Рядом с этим примером рижско-немецкого нестыдения можно было бы поставить вышеупомянутую передовую статью *Голоса*. Нельзя пропускать совершенно без внимания подобные случаи, как бы они ни были ничтожны по своему значению. Они характе-

ризируют тот мир, в котором русские дела вращаются; они показывают в каком ненормальном положении находятся наши публичные дела; они свидетельствуют, до какой степени доходит в наших публичных делах сознательное употребление очевидной неправды, и как мало неправда чувствует у нас потребность прикрывать себя хотя бы грубой личиной правды. Такая бесцеремонность лжи была бы не лишена своего рода грации, если бы она не свидетельствовала о глубокой безнравственности в ходе наших публичных дел, о крайнем неразумии, на которое делаются у нас политические расчеты.

Речь в вышеупомянутой статье *Голоса* идет о Малороссии. По поводу странного сближения, сделанного недавно в *Полтавских Губернских Ведомостях*⁷ между княжеством Вельским⁸ в Великобритании, и Малороссией в Российской империи, автор статьи *Голоса* весьма по-видимому благонамеренно распространяется о том, что параллель эта не имеет никакого основания, что «между этой и другой страной лежит громадная разница».

Он продолжает таким образом:

«Вельс был завоеван Саксами после упорных войн, Малороссия присоединилась к Великой России своей собственной волей, как бы привлеченная обаянием политической силы России и еще покровительства от посягательств другой политической силы, которая казалась не обаятельной, а скорее отталкивающей. Вельс говорил совершенно другим языком, самобытным и не принадлежащим к корням языков, положенных в основу англосаксонской речи, и Вельсец не мог понять Англичанина ни в одном слове; Малороссия, напротив, говорит одним языком (заметьте!) с Великой Россией, языком, происшедшим от одного корня с языком Великой России, и есть основание думать — никогда не имевшим даже тех лексикальных, фонетических и этимологических отличий, которыми теперь различаются эти два наречия, языком, который только после продолжительного политического разъединения Малой и Великой России несколько видоизменился, отчасти под влиянием языка польского,

отчасти же вследствие своей изолированности, и житель Малой России всегда может свободно понимать жителя Великой России. Вельсцы, и до завоевания, и после завоевания их Англо-Саксами, питали враждебное чувство к своим победителям, ненависть племенную, кроме политической, ненависть, которая может существовать только между двумя различными расами, отстаивающими свое политическое и этнографическое бытие. Ничего подобного не представляют Великая и Малая Россия: если и существовала какая-нибудь вражда между Великороссиянами и Малороссиянами, то она была более похожа на вражду двух соседних сел из-за особенностей говора, костюма и проч., вражду, выражающуюся насмешками одной стороны над другой: Москаль смеялся над чубом и красными чоботами⁹ хохла, хохол в свою очередь не пропускал без замечаний лаптей и бороды Москаля».

Выписанные слова заключают в себе диаметрально противоположность всему тому, что не далее как за два, за три года перед сим проповедывалось в Петербурге так называемой крайнофильской партией, самым деятельным лидером которой был г. Костомаров. Доктрины, которые проповедывались этой партией, сами по себе не имеют серьезного значения; они и не вызывали с нашей стороны полемики, пока мы не убедились, что служили политическим орудием партий гораздо более серьезных, чем издатели и сотрудники *Основы*. Не фантазия нескольких литераторов могла казаться опасной. Но мы видели источник и направление агитации, быть может не сознаваемые даже главными участниками в ней, и мы должны были всеми нашими силами противодействовать этой агитации, точно так же, как должны были прежде противодействовать нигилизму, который неведомо для самих героев своих творился закулисными деятелями в литературе, в учащейся молодежи, в разных слоях общества, — противодействовать агитации по вопросу польскому, по вопросу о реформе учебных заведений, о поджогах и т. п., которых усердным органом по преимуществу был *Голос*, получавший казенные субсидии. Вы-

писанные выше из самой газеты строки замечательны не потому, что они напечатаны в ее столбцах, а потому, что в статье, откуда они взяты, нельзя не узнать пера излагавшего и защищавшего года за два, за три перед сим так называемые украинофильские доктрины. Что гласили эти доктрины? Не то ли что под отвлеченным и общим именованием русского народа будто бы таятся две различные народности, которые будто бы находятся между собою лишь в случайной и внешней связи? Не то ли, что малороссийский говор не есть только местное наречие русского языка, получившее свою нынешнюю физиономию вследствие только того, что в него вошла польская примесь, но что оно есть особый язык, точно так же относящийся к русскому, как польский, чешский или сербский, и потому долженствующий иметь свою особую литературу, стать языком преподавания в школах и получить признание от государства? Пока дело ограничивалось только статейками *Основы*, мы с своей стороны ограничивались лишь легкими и дружелюбными замечаниями; но потом мы изменили тон, как только стало заметно действие силы, подкрепляющей доктрины *Основы*. Благодаря этой силе голос украинофильских писателей стал резче и требовательней; из теоретической области он стал заметно переходить в практическую и принимать тон некоторой терроризации. Мы помним, каким тоном гневного авторитета *Основа* устрашала одесских Евреев за то, что они не украинофильствовали и не возделывали того нового литературного языка, который долженствовал развиться из малороссийского говора, снабженный особою орфографией (так называемой *Кулишовкой*¹⁰), которая долженствовала сообщить ему физиономию сколь можно более чуждую русскому. Мы помним так же, как еще прежде того, в той же *Основе*, делалось строгое воззвание к галицким писателям, которые, несмотря на польские и немецкие вынуждения, старались сколько было возможно в их положении держаться одного существующего на свете русского языка, чтоб остаться Русскими. Дело дошло в 1863 году наконец до того, что оста-

валось еще немного, и неустроенный простонародный говор, который никогда не имел самостоятельного существования и несколько обособился в устах народа лишь вследствие случайной чужой примеси, мог получить фальшивое значение языка, признанного государством; еще один миг, и на всем пространстве Малой России, вопреки собственному желанию и очевидным интересам ее народонаселений, в народных школах, по обязательной воле правительства, обучение стало бы совершаться на новом языке, который был бы искусственно для этого сделан; еще один миг, и законы империи стали бы оглашаться в южной России на этом же поддельном языке; еще один шаг, и в тамошнем люде были бы рассыпаны экземпляры Евангелия на этом же языке, в котором люди тех мест с трудом узнавали бы речения и формы своего ежедневного говора, речения и формы, служащие для обозначения понятий и предметов самого простого быта, и не привыкшие служить для целей иного рода, а потому непонятные и смешные, при том значении, какое давалось бы им в тексте гражданского закона или еще более в тексте священной книги. Сельский люд того края, как известно, постоянно противился неразумным попыткам дать его говору значение учебное, но по своей преданности Царю он стал бы покорно учиться чему бы то ни было и на каком бы то ни было языке, хотя бы и не существующем в действительности, если бы ему объявили на то царскую волю. В нашей полемике мы постоянно проводили ясное различие между личным, ни для кого не обязательным мнением, и мнением, возведенным в силу закона или правительственного распоряжения; мы постоянно указывали на различие между деятельностью частных людей, какого бы они ни были свойства, и порядком вещей имеющим *обязательную* силу. Личные мнения и частная деятельность могут пользоваться всевозможной свободой; но предоставлять свободу мнениям и действиям частных людей вовсе не значит придавать этим мнениям, прямо или косвенно, обязательную силу или поддерживать эти действия обязательным авторите-

том правительства. Мы ни слова не говорили против свободы мнений или действий гг. Костомарова и Кулиша, и не видели в них ничего опасного, хотя и не находили возможным соглашаться с ними; но мы видели серьезную опасность в поддержке, которую эти мнения и действия находили в административных сферах. Мы очень хорошо знали, что попытки этих господ не могли иметь никакого серьезного успеха, так что самый журнал, который они издавали, умер за неимением читателей; но мы не могли сомневаться, что если бы состоялось постановление об обязательном преподавании учебных предметов в народных школах на местных наречиях, то мы имели бы теперь дело с совершившимся фактом немаловажного значения. Законодательные меры и правительственные распоряжения сами по себе не создадут нового языка или новой нации, но они могут создать фальшивое подобие того или другого. Ни языки, ни нации не создаются обманом или ошибкой. Необходима история для того чтобы мог выработаться язык, как орган духовной жизни и цивилизации. Сколько веков, сколько переходов требовалось для того, чтобы сложился нынешний русский литературный и государственный язык! Необходимо множество условий, которые не создаются экспромтом для того, чтобы из некоторых особенностей народной жизни, как бы эти особенности ни были значительны, могла развиться особая политическая нация. Но если нельзя обманом или ошибкой создать из ничего способную к жизни и действию силу, то ошибочным и ложно-направленным вмешательством правительственной власти создаются фальшивые силы, неспособные к жизни, но причиняющие великий ущерб и поруху живущему. Дурнонаправленные меры не создали бы в Малой России особой национальности, которая могла бы жить и развиваться самостоятельно: они не могли бы творчески объединить разнообразные оттенки тамошнего народного говора и создать из них новый, способный к самостоятельному развитию язык, особенно в настоящую пору, когда новых языков на свете не рождается, когда нет и места для новых народов,

когда силы, которые шли на образование новых языков и новых племенных комбинаций, затребованы на другие цели, высшего порядка. Но эти меры неминуемо вложили бы в недра русского народа семена горьких смут, они могли бы задержать развитие русской народности, а если бы подобные меры шли последовательно одна за другой, то на худой конец вышло бы то, что существенная и необходимая часть русского народа, ослабив свою связь с общим корнем, подверглась бы хищению и гибели со стороны других национальностей.

Напрасно в вышеприведенных строках автор статьи *Голоса* старается замаскировать себя, умаляя значение того глубокого различия, которое действительно существует между элементами малороссийским и великороссийским. Различие это не заключается, как он утверждает в своей статье, только в употреблении чобот и лаптей, в названии водки горелкой и в ухватках, свойственных кацапу и хохлу. Во многих отношениях эти два элемента представляют собою глубокие контрасты, но контрасты одной и той же великой национальности, и оторвать их друг от друга значило бы разрушить это великое целое, значило бы и ту и другую лишить будущности. Чем противоположности глубже, тем лучше; тем плодотворнее их взаимодействие, тем необходимее они друг для друга, но тем крепче должны они держаться на одной почве и принадлежать к одному составу. Для того, чтоб они были действующими силами одного и того же целого, необходимо, чтоб общая национальная основа оставалась нерушима и бесспорна, необходимо, чтобы между ними было полное единение и общение. Национальное единство есть единство языка, как общего органа нравственной жизни и цивилизации. Народ по-церковнославянски иначе не зовется как *языком*. Две русские народности, как и два русских языка, есть нелепость. Место русского языка уже занято, и не может быть еще нового русского языка, вытянутого какими-либо искусственными ухищрениями из того или другого местного говора. К тому же нет ничего ошибочнее, как видеть в русском языке какое-то

племенное великороссийское наречие. Язык, известный под именем русского, сложился долговременной историей из разнородных стихий, и первый памятник этого ныне употребляемого нами языка принадлежит Киеву; это летопись Нестора, первый акт исторического самосознания русской народности. История нашего языка еще не закрылась. В нем могут произойти еще большие или меньшие перемены, в него могут быть внесены еще новые начала, в нем могут быть возбуждены еще новые, теперь дремлющие, стихии.

В нашем споре с петербургскими украинофилами мы постоянно возвращались к этим положениям, но они не хотели нас слушать, и продолжали свое, пока наконец не замолкли. Теперь в *Голосе*, в той самой статье, которую мы цитировали, извещают нас, будто мы прежде утверждали противное, и поздравляют нас с благоприятной переменой в наших мнениях. Перемена эта будто бы выразилась в передовой статье *Московских Ведомостей*, от 28-го ноября, где речь идет о западном крае и где мы указывали на органическую связь этого края с Россией, говоря следующее: «Долгое разобщение, в котором находились обе части русского народа, различные судьбы, которые они испытали, и влияния, которым они подвергались, запечатлели их глубокими характеристическими особенностями. Высшее единство, которое должно обнять все части воссоединенного русского народа и связать в один цельный состав все мелкие внедрившиеся в него инородческие элементы, не должно быть мертвящей силою, стирающей все особенности», и т.д.¹¹

Автор статьи полагает, что вышеприведенными словами мы отреклись от наших прежних воззрений и сознались в своей неправде перед петербургскими украинофилами, с которыми мы тогда спорили. Он имеет решимость намекать, будто бы мы, имея в виду эти особенности Малой России, взводили на нее обвинение в сепаратизме и желали искоренения этих особенностей. Он находит при этом, что такая наша несправедливая тенденция имела своим последствием значительный вред:

«С одной стороны, говорит он, — признано было необходимым прибегнуть к некоторым репрессивным мерам, которые, обыкновенно, когда их принимают некстати, вызывают именно ту реакцию, которую хотели отстранить этими мерами и которой вовсе не было бы, если бы ее, не существующую, не вздумали отыскивать, потому что когда, например, неумелый доктор вздумает лечить здорового от несуществующей, положим, лихорадки, то приемы хинина вызовут эту лихорадку, и здоровый непременно захворает; с другой стороны, наши политические недоброжелатели, вследствие слухов о разложении России, подняли головы, а те, которые на нас надеялись, опустили их».

Едва ли можно найти пример большего извращения факта. Мы не знаем никаких репрессивных мер, которые были вызваны нашей полемикой против петербургских крайнофилов. Poleмика эта могла только разъяснить некоторые стороны вопроса; она ничему не повредила; она только ударила по чьей-то шаловливой руке, дергавшей нитями интриги. Эта интрига особенно разыгралась под шум польского восстания. В первую половину 1863 года крайнофильское дело было в полном разгаре. По Малороссии разъезжали маленькие комиссары с полуофициальным поручением вызывать заявления тамошнего люда в пользу введения малороссийского *языка* в народные школы. Г. Костомаров открыл общественную подписку для издания книг на языке, которого еще не существует и который долженствовал быть сфабрикован *ad hoc*¹². Были в ходу проекты некоторых законодательных мер в этом смысле; готовилось к изданию в свет Евангелие на том же языке. Были разговоры о введении того же языка даже в гимназии и делались попытки к тому. Молодежь, сбита с толку и отвлекаемая от полезных занятий, шевелилась в Харькове и Киеве. В Галиции русские газеты наполнялись неистовой бранью против России, или — как они величали ее, вместе с польскими органами, — против Москвы, и львовские литераторы старались всевозможными способами отдалить свою речь

от чисто русского языка, наполняя ее непонятными даже для ближайших читателей своих вычурностями, решаясь на всяческую безграмотность или усиливая в ней ее неорганическую польскую примесь. В таком положении были дела, когда началась наша полемика против петербургских крайнофилов. Какие же были ее последствия? К концу 1863 года крайнофильская агитация прекратилась; в 1864 году о ней уже не было помину, а в 1865 году начали ее стыдиться даже те, кто ею увлекался. Лучшие и добросовестнейшие из галицких литераторов стали мало-помалу освобождаться от нелепости, которую им навязывали; появилась благоприятная реакция в самой галицкой письменности; сатира начала преследовать там нелепое крайнофильство; чем далее, тем лучше стала галицкая интеллигенция понимать связь свою с общей русской народностью, стала лучше думать о России и писать речью более правильной и более близкой к чисто русскому языку. Что же во всех этих последствиях автор статьи находит неблагоприятным? Какую же нашел он болезненную реакцию, вызванную будто бы какими-то репрессивными мерами? Шаловливая рука, дергавшая ниточками, спряталась, и агитация, вызванная этой работой, исчезла как маревое в украинских степях. Все успокоилось и занялось лучшим делом на пользу общую. Что же тут дурного? Разве только то, что блудливая рука, спрятавшись поневоле, не оставила своих затей и ждет только случая, чтобы приняться за прежнее?

Что же касается до Малороссии, то мы, во время нашей полемики с крайнофилами, говорили о ней именно то самое, что выписано в *Голосе* из *Московских Ведомостей* от 28-го минувшего ноября, с той только разницей, что в то время мы то же самое говорили еще сильнее и еще настойчивей. Вот что говорили мы в статье, писанной нами против г. Костомарова в июле 1863 года: (*Совр. Лет.* 1863, № 24)¹³.

«Г. Костомарову понятна и приятна мысль о двух русских народностях, но другие не могут выносить такой мысли, другие знают и хотят знать только одну русскую

народность, только один русский язык, и знают, что если бы могли явиться две русские народности, то одна из них тотчас же перестала бы быть русской. Другие не могут допустить мысли о возможности какого бы то ни было разъединения между южной Русью и северной, о каком бы то ни было соперничестве между ними, — и к этим-то другим принадлежим мы всей душой, и эти другие, как мы крепко убеждены, все русские люди, любящие свой народ и преданные своему отечеству, где бы они ни жили, в Киевской, Харьковской или Архангельской губернии. Мы говорим не с какой-либо местной точки зрения, мы говорим не в интересах какой-либо народности, стремящейся к преобладанию над другой, — мы говорим в интересах цельной русской народности; мы в этом отношении служим органом как северных русских людей, так и южных, и для южных это отчуждение должно быть еще чувствительнее и губительнее. Мы не полагаем между ними никакого различия, и южные относятся к северным «яко равные к равным, яко свободные к свободным, яко бывший издревле истинный и главнейший член российского народа: «так выразилось малороссийское дворянство по присоединении этого «истинного главнейшего члена русского народа» к его «первому телу, в сообщество единого закона» (наказ Черниговского дворянства 1767 года¹⁴); так точно говорим и мы. Мы видим в южно-русском народе «издревле истинный член российского народа» мы, без всякого чувства соперничества, с радостью прибавим: «и главнейший член российского народа», если принять в основание ту древнюю пору, когда эта истинная и главнейшая часть нашего народа не находилась еще под чуждым враждебным игом, оторвавшим ее от родного корня. Там было начало и первое средоточие Русской земли, и туда восходят все наши народные предания, наши народные былины, которые еще поются на отдаленном севере, уже забытые на юге, — там положены первые основы нашей исторической жизни и там мы впервые стали историческим и христианским народом. Мы уверены, что с дальнейшим развитием судеб возрождающейся ныне

России все сильнее и сильнее будет заявлять себя сила тех первоначальных основ русской народности, которые связаны с воспоминанием о Киеве, и южная, киевская Русь получит несравненно большее значение в судьбах нашего отечества, чем когда-либо имела. Для нас, как и для всякого русского человека, повторим, не может быть никакого соперничества между южной и северной частью одной и той же народности, как не может быть соперничества между двумя руками, между двумя глазами одного и того же живущего организма... Обыкновенно указывают на многие резкие особенности и противоположности между так называемыми великороссийскими и малороссийскими народонаселениями. Но как бы ни были глубоки и резки эти отличия и противоположности, они незначительны в сравнении с теми, которые мы видим в других великих исторических народах, составляющих, тем не менее, каждый особую, цельную и нераздельную народность. Различия и противоположности между многими элементами германской или французской народности гораздо более резки, чем различия не только между особенностями великороссийскими и малороссийскими, но между разными славянскими народностями, и однако же ни во Франции, ни в Германии, на основании этих особенностей, нет бессмысленной речи о двух французских или немецких народностях или языках... Сколько нужно иметь отваги или сколько нужно иметь презрения к здравому смыслу общества, чтобы проповедовать о возможности двух русских народностей или о возможности двух русских языков!.. В первоначальных основах нашего народа нет никаких семян разделения на две народности, — великороссийскую и малороссийскую, северную и южную. Пусть покажут нам следы какой-нибудь первоначальной диалектической розни языка на севере и на юге. Без сомнения, в славяно-русских племенах были некоторые особенности в языке, но в этих особенностях не было зародыша для развития отдельных языков. Если в настоящее время на юге говорят особым наречием, которое г. Костомарову угодно

честить *языком* малороссийским, то все, что в этом наречии резко отличается от общерусского языка, выросло из народной почвы; образовалось не из первоначальных племенных особенностей, а внесено было ненавистным польским игом... Что останется за исключением этих чуждых, насильственно вошедших элементов, то все не представляет никакой существенной розни с наречиями северными... Особый малороссийский язык, доразвитый, дополненный, досочиненный украинофилами, был бы точно таким же промежуточным уродливым явлением между русским и польским языками, какое представляет собою уния между православием и латинством...

«Если находятся любители областных наречий, которые пишут на них, — пусть они пишут; если тот или другой из них захочет завести школу для обучения крестьянских детей на местном наречии, — пусть заводит. Но из этого не следует, чтобы все другие должны были помогать этим любителям в их деле или, сложа руки, любоваться на них. Еще менее следует из этого, чтобы правительство должно было употреблять народные или государственные деньги на дело противонародное и противогосударственное, — чтобы общество должно было делать добровольную складчину на тот же конец. Мы не опасаемся той школы, где какой-нибудь завзятый украинофил будет учить крестьянских мальчиков на сочиненном им языке. Но мы опасаемся, чтобы пользуясь потемками, в которых мы ходим и которые способствуют всяким проискам, украинофильство не приобрело какого-нибудь официального штампея, или не превратилось в общественное дело и не стало в обширных размерах и систематически проводить свои цели, не встречая себе противодействия».

Мы могли бы, как из этой, так и из других наших статей того времени, привести еще более мест, из которых видно, что мы говорили не в качестве *Москаля* или Великорусса, а в качестве Русского, которому равно дороги и близки к сердцу все части его народа, все элементы его народности. Зачем же было нужно автору статьи *Голоса* так безбожно извращать факт? Высказавшись

самым скромным тоном о ничтожестве различий между элементами великорусским и малорусским и низведя их до лаптей и чобот, он вдруг в конце статьи делает намек, что через развитие малороссийской письменности может будто бы со временем пристать к России и Галиция. Видите, как заманивает! «Исторические обстоятельства, говорит он, оторвали от южной России одну из богатых ее частей, именно Червонную Русь. Но нравственная связь между *Русинами* (это все то же что *Москвитянины, крестьянины*) и Малороссиянами не порвана, а напротив крепнет с каждым годом. Малорусская письменность считается такой же собственностью австрийских *Русинов*, как произведения Гоголя, Тургенева, Белинского собственностью Петербурга, Москвы, Костромы, Саратова, и Тобольска». Итак, даже Гоголь не признается за своего, Гоголь, в котором выразился гений Малороссии со всеми характеристическими его особенностями! Даже он отбрасывается в Москву, Кострому и Саратов, за то только, что он писал на действительно русском языке, а не на фантастическом языке *Черной Рады*¹⁵, который столько же мало понятен в Саратове, сколько и в Киеве. Вот вам и чоботы с лаптями! Но если это так, то где же русская народность? Какое же возможно единение и общение между народонаселениями, которые не хотели бы понимать друг друга и так чуждались бы между собой? Не явно ли проглянули здесь прежние доктрины гг. Костомарова и Кулиша? А мы сейчас только получили письмо из глубины Венгрии, в котором просят нас выслать русские книги и *Московские Ведомости*, и сообщают о том, с каким наслаждением читается там Гоголь и как там благодарны г. Ливчаку за его Славянскую Библиотеку¹⁶, в которой он печатает Пушкина. Если бы для галицких *Русинов*, как называет их автор статьи *Голоса*, русский язык оказался действительно чужим, если бы написанное на этом языке не стали они признавать своим, то нечего было бы и считать их Русскими: пусть они остаются Русинами и переходят в Поляков, а затем в Немцев.

Что же касается до самого автора статьи *Голоса*, то из того извращения фактов, которое он себе позволил, и из сближения конца его статьи с началом обнаруживается его двусмысленность, а вместе и то, что петербургские украинофилы не отказались от своих затей и полагают, что теперь наступила благоприятная минута начать прежнее дело, только с другого конца. С какого конца, об этом быть может, придется поговорить впоследствии...

Катков М.Н
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 7 мая 1866 г.

Украинофилы снова выступили на Божий свет. Начал *Современник* ожесточенной ругней против нас за наше противодействие украинофилам. Затем ежедневная петербургская печать вдруг наполнилась статьями украинофильского содержания. Три передовые статьи в *С.-Петербургских Ведомостях*, (№№ 88, 93 и 112), один фельетон № 93 и одна корреспонденция (№ 113) той же газеты посвящены украинофильскому делу. *Голос*, кроме уже известных нашим читателям статей г. Мордовцева, выпустил длинную статью о значении украинофильской партии (№ 110)¹. И в языке, и в приемах всех этих статей чрезвычайно много общего. Авторы их точно сговорились между собой.

Прежде всего они спешат заявить в один голос, что они не из тех украинофилов, которые жаждут политического обособления Малороссии, что они не хотят ни гетманщины, ни союза с Польшей, что они не принадлежат к числу таких исключительных субъектов, каковы выставленные в одном из современных романов (*Марево*, г. Ключникова²) «нравственно и умственно развинченные» гимназист Коля Горобец и его родственница Ида, что, наконец, они не поддаются приманке сепаратизма, придуманного Поляками для «безмозглых хохлов». Но в статьях, принявших личину такого благоразумия, сквозь мягкие и приятные речи, очевидно рассчитанные на слабоумие каких-либо известных вышеупомянутым газетам читателей, ярко выступают наружу заветные

и вместе злостные стремления апостолов этой язвы. Их статьи — не просто только защита от каких-либо обвинений, возведенных будто бы напрасно на украинофилов их врагами, не одна попытка сложить с себя ответственность за те последствия, которые должны неизбежно вытекать из их стремлений, но и худо скрытая проповедь, худо скрытая агитация, чтобы начать понемножку и полегоньку то же самое дело, на котором застигли украинофилов с небольшим два года тому назад. Украдкой хотят они завладеть сельскими школами и интригой в земстве добиться того, чего не удалось им получить через законодательство.

Какой-то учитель и какой-то член черниговского земства апеллируют в *С.-Петербургских Ведомостях* к общественному мнению во имя привычек и недосуга меньших братьев наших сельчан, требуя для них обучения в сельских школах на *малороссийском*, а не на *великорусском* (!) наречии. Итак, русский язык, орган нашей цивилизации, залог нашего национального единства, русский государственный и литературный язык, в состав которого главным образом вошла церковно-славянская стихия, равно близкая и северным, и южным, и восточным, и западным русским населением, язык, созданный веками и трудом людей как с юга, так и с севера, язык которого первый памятник есть Несторова летопись³, писанная в Киеве, — по мнению этих господ, есть только *великорусское* наречие! Что же касается до малороссийского языка, как они говорят, то мы просим гг. защитников местной педагогики указать нам этот малороссийский язык, который был бы общий и населению по восточную сторону Днепра, и населению губерний некогда находившихся под польским владычеством, и населению восточной Галиции, и венгерским Карпатороссам⁴, и так называемым Гуцулам⁵ и Лемкам⁶; а равным образом просим указать великорусское народное наречие, общее всей северо-восточной России. Если же таких общих наречий нет, то придется в каждой губернии обучать сельский люд на местном говоре, как пыталось, например, делать

это, в видах германизации, австрийское правительство с небольшим чешским племенем Ганаков⁷ в Моравии. Тогда придется и в каждой великороссийской губернии употреблять в школах местный говор. Не говорим уже о том, что мысль учить народ на языке его избы и хаты есть нелепость, и обыкновенно встречается на самой практике множество неодолимых препятствий, большей частью признаваемых самими же сельчанами. Разве мы не знаем, как недоверчиво слушают крестьяне образованного человека, который хочет подделаться под их говор?

Из сельских школ, основанных на применении местного наречия к преподаванию, может выйти только дробление народа на мелкие, бессильные для жизни элементы. Сколько тому примеров представляет нам школьная практика австрийских Славян! Но и там народные желания противятся такой системе обучения: ее поддерживает только партия немецких централистов, которые в дроблении и разъединении славянских племен ищут объединения государства в германском смысле. Напрасно г. член черниговского земства думает скрыть от своих читателей те последствия, которые сами собой вытекут из устройства семинарии для приготовления учителей в местные народные школы по украинофильской системе. Результаты не подтвердят его легкомысленных или недобросовестных уверений.

Г., член черниговского земства, в своей корреспонденции, и *С.-Петербургские Ведомости*, в одной из вышеупомянутых передовых статей, говорят:

«Земство в Малороссии горячо сочувствует делу народного образования. При недостаточности и неопределенности средств своих, оно однако же на первых же порах высказало готовность ассигновать денежные суммы на это дело. Представители от казаков и крестьян настаивали на необходимости немедленно учредить школы, и в двух собраниях, где мне случилось быть, защищали мысль о введении *обязательного* обучения повсеместно. Следовательно, нет сомнения, что земство в Малороссии не откажет народным школам в денежной поддержке,

а теперь ему остается серьезно *подумать о том, какие методы преподавания* можно будет употреблять в них с наибольшим успехом... Тут-то вопрос о малорусском языке выдвигается на первый план».

Итак, пользуясь добрым настроением представителей сельского населения, безымянный член черниговского земства хватается за возможность *обязать* малороссийские населения к обучению по украинофильской методе. Он берет на себя роль законодателя по этому вопросу и говорит: «Постепенное преподавание на малорусском, великорусском и церковно-славянском языках (sic) мне кажется приемом самым рациональным и наиболее пригодным для тех школ, которые земство учредит в Малороссии». Но наш закон, слава Богу, не допускает в общественных школах преподавания на местных наречиях. Языком русских школ и учебников может быть только общепринятый государственный и литературный язык. Вопрос об этом решен правительством еще в 1863 году. По какому же праву земские учреждения или, лучше сказать, любой из членов их, могут из своей прихоти навязывать сельчанам отвергнутую законом систему обучения?

Притязания земских учреждений, подобные тем, какие заявляет безымянный член черниговского собрания, могут повести лишь к самым плачевным результатам. Прочтите только передовую статью *С.-Петербургских Ведомостей* в № 93, и вы увидите, до каких крайностей могут доходить притязания провинциализма: «черниговский быт, черниговская Промышленность, черниговская история» — вот что должно быть целью народного образования в Черниговской губернии, по мнению *С.-Петербургских Ведомостей*, желающих образовать из тамошнего населения каких-то специалистов по части Чернигова. Далее помянутая газета говорит еще решительней. «В применении к вопросу о народном образовании в южной Руси названный принцип («главнейший принцип новой педагогики, или педагогическое начало о необходимости приноровления передачи научных сведений к условиям местной жизни» — как выражаются

высокоученые *С.-Петербургские Ведомости*) ведет к *узаконению* участия в этом образовании южно-русского народного языка и народной словесности». Кажется, этого признания достаточно для того, чтобы понять, куда метят петербургские украинофилы, надевая на себя черниговские или полтавские маски. Напрасно они говорят, что речь идет вовсе не о том, чтобы вытеснить общепринятый литературный русский язык, а только о том чтобы подле него ввести местное наречие. Это только уловка для начала... Чего же хотят эти непрошенные друзья и благодетели малорусских населений? «Мы слышали, говорят *С.-Петербургские Ведомости*, что в Белоруссии (прибавим: и в Малороссии) были случаи, когда крестьяне не хотели, чтоб их детей учили по-белорусски, желали, чтоб их учили *царскому языку*: иначе, говорили они, мы будем всегда в черном теле». Итак, держать сельчан в черном теле и сделать для них чуждым язык верховной власти, этого ли желают петербургские украинофилы? Черниговское земское собрание может ассигновать какую ему угодно сумму для учительской семинарии, может назначить из земских средств какое угодно содержание для народных школ; но вопрос о системе обучения, о характере преподавания в этих школах не может быть решаем членами местных земских управ или собраний. Это вопрос государственной, общенародной важности. В заявлении г. черниговского гласного видно неуместное подражание тем требованиям, которые делались русскими депутатами на Галицком сейме нынешнего года. Но там борьба шла не за преподавание на каком-либо местном наречии, а за уравнивание русского языка с польским и немецким. Что же касается до украинофильских теорий в Галиции, то они в настоящее время далеко не обретаются в таком авантаже, каким еще пользуются в Петербурге.

Поощряя Галичан к литературному обособлению, наши украинофилы твердят, что осуществление их теорий будто создало бы на юге России еще большие силы

для борьбы с польским элементом. Но в Черниговской губернии нет опасности от Поляков: зачем же там большие силы для борьбы с польским элементом?

Нет, не *Черная рада* г. Кулиша, не *Наймичка* Шевченко⁸ дали силу русскому народу в юго-западных губерниях бороться против польских вымогательств. Церковь и церковный язык, Киевская академия и ее ученики⁹, Киевский университет и его ученые, деятельность просвещенных и проникнутых патриотическим духом правителей, вот опоры русского народа в борьбе с полонизмом. Украинофильство, напротив, служило и здесь польскому делу, как оно служит ему в Галиции. Разве украинофилы не ополячивали всячески малороссийский говор? Употребление кириллицы вместо латинского письма не может скрыть источника, откуда почерпнуты речения и формы, долженствующие превратить местный говор в особый язык. Разве украинофилы не изменяли своих отношений к общерусским интересам, смотря по тому, выгоден или невыгоден был для них союз с полонофилами и в особенности смотря по тому, в какой мере полонофилы хотели пользоваться этим союзом? А недавние изветы г. Мордовцева на *Страхонуд*¹⁰, какую помощь должны были оказать они русским Галичанам в их борьбе с Поляками?

Кстати. Г. Мордовцев, печатая в №122 газеты *Голос* свои пояснения по случаю уличенного нами недобросовестного извета его на газету *Страхонуд*, называет нашу статью доносом¹¹. Но чего же другого мог ожидать польский сыщик? Неужели он думал, что мы станем молчать о его извете австрийскому правительству? Или, быть может, он ждал, что мы воздадим хвалу его благородству? На это он мог надеяться только от польских газет *Przegląd* или *Gazeta Narodowa*. Уже одна весть о том впечатлении, которое произвели его статьи на славянских читателей в Вене, обязывала нас указать русской публике на его подвиг. Неведение г. Мордовцева о приеме, оказанном в Вене его статьям, поистине умилительно. Он утверждает, что мы сослались на Вену наобум, что в Австрии ни-

кто и пальцем не шевельнул по прочтении его донесений. Мы поможем г. Мордовцеву в этом случае: очевидно, ему изменяет его собственная память, отягченная бременем благих советов, которые он так усердно продолжает рачительно в поучение Галичанам.

Перед нами лежит письмо из Вены, только что полученное одним из здешних ученых. «Статьи г. Мордовцева», сказано в этом письме, «напечатанные в *Голосе*, подействовали на наших Русских очень дурно, а читатели, приходящие в Славянскую Беседу, ужасно соблазнились, Ливчак приготовил было целый ряд статей в свой *Страхонуд* против ваших крайнофилов; но вдруг он получил два письма: от редакции *Голоса* и г. Мордовцева, — и также два письма от г. Кулиша... Вследствие тех писем, Ливчак решился подождать и приостановил печатание подготовленного *Страхонуда*; потому-то издание его омедлилось».

Голос в своем длинном панегирике в честь крайнофилов говорит, что г. Ливчак отличается «действенной откровенностью»: мы хотели бы знать, каким качеством отличаются петербургские крайнофилы? Они говорят: мы не хотим гетманщины, мы не хотим политической самостоятельности для Малороссии, мы желаем только права гражданства для малороссийского наречия (слова *С.-Петербургских Ведомостей* и члена черниговского земства). Но к чему может повести развитие двуязычия? Оно еще хуже случайного политического распада. Немецкий народ раздроблен более чем на тридцать политических организмов; но единство языка и культуры обеспечивает его национальность, и разрозненные части его тяготеют воедино. Немцы не развивали в Шлезвиге особого наречия, чтобы противодействовать там датскому влиянию.

Украинофилы клянутся именем Шевченко и чувствуют в нем свой принцип. Шевченко глава крайнофильства. Украинофилы выставляют его как противника полонизма и утверждают, что Поляки чувствуют себя не совсем ловко, когда при них произносится имя Шевчен-

ко. Не угодно ли послушать, что говорят Поляки (в №21 газеты *Dziennik Poznanski* за нынешний год). «С того времени, как Польша перестала быть государством, и Московское владычество распространилось равно над Ляхами и Русскими (Малороссиянами), общее стремление к вольности должно было подсказать им роль естественных друзей и единомышленников; и мы знаем из последнего времени одну личность, которая после долгих и прискорбных блужданий по окольным путям воплотила в себе украинскую правду, вместе с заветом о примирении с Поляками. Такой личностью был живописец и поэт Шевченко, жертва царского деспотизма, горячий украинский патриот и не менее горячий, под конец своей преждевременно угасшей жизни, защитник и апостол (zvolennik i apostol) соглашения Украины с Ляхами».

Что скажут истые добрые Украинцы, узнав, что названные друзья их, украинофилы, вступали за них в «соглашение» с Ляхами? Что скажет черниговское земство?

Катков М.Н.
Передовица
в «Московских ведомостях»
за 19 сентября 1867 г.

Наша обычная корреспонденция за буквой X напоминает нам о курьезном происшествии, случившемся на этих днях в столбцах *С.-Петербургских Ведомостей*, и побуждает нас сказать кое-что по этому поводу. В упомянутой газете напечатано письмо г. Кулиша к ее редактору под заглавием: о гг. Каткове и Аксакове¹. Недовольный двумя московскими газетами автор этого сказания захотел совершить над виновными акт торжественного правосудия, схватив одного из издателей *Московских Ведомостей* и издателя газеты *Москва*², с тем чтобы разом отрубить им голову. Ближайшая вина этих несчастных состоит в том, что они не напечатали письма г. Кулиша: первый, к которому оно было адресовано, без всяких объяснений, а другой «под тем предлогом», что оно адресовано не к нему, — «но умысел другой тут был», восклицает обвинитель, не поясняя, однако, какой тут мог быть таинственный умысел.

«Г. Каткову и г. Аксакову», говорит обвинитель, «иногда приходит охота ратовать за свободу печати, за права человеческой личности, и тому подобные хорошие слова, но прочим смертным предписывают они или молчать или смиренно соглашаться с их разглагольствованиями».

Придавал ли г. Кулиш какой-либо смысл этим словам своим, когда он их писал? По крайней мере, в печати они лишены всякого смысла. Если ему предписано молчать, то как же он говорит, а если он говорит, то что значит предписание, на которое он так слезно жалуется?

Г. Кулиш не просто говорит, но кричит; он не только защищается, но нападает. Обвиняемые им лица предписывают ему, как он выражается, смиренно соглашаться с их разглагольствованиями, но он не обнаруживает никакого смирения и ни в чем не соглашается, и клеймит как ему угодно и мнения, и характер обоих выведенных им лиц. Этого мало: он очень хорошо знает, что чем резче его выходки, тем более могут они в разных сферах стяжать ему рукоплесканий. Имя того из издателей *Московских Ведомостей*, на которого пал его гнев, издавна предавалось всяческому поношению в печати без всякого препятствия с чьей бы то ни было стороны и всего менее с его. Г. Кулишу предоставляется удвоить и удесятерить силу негодования против мнений, действий и личности этого зловредного человека, опровергать, обличать и позорить его как угодно. Г. Кулишу и друзьям его дело это не новое: никогда не были они в необходимости молчать, и не молчали, как только возникал вопрос, в котором они видели себя заинтересованными. Они видели всякую возможность не только защищаться, но и нападать и даже пытаться застрашивать. Если г. Кулиш забыл, то мы напомним ему, например, о том, какой хворостиной, в своем журнале *Основа*, намеревался он загонять в свое стадо одесских «жидов».

Всем известно, и г. Кулишу известно не менее чем всякому другому, что между двумя лицами, которые навлекли на себя его гневную расправу, нет солидарности ни во мнениях, ни в действиях. Если органы нашей печати, при всей разнородности и даже противоположности в своих взглядах, начинают сходиться в понятиях по предметам политического свойства, то нельзя не радо-

П.А. Кулиш

ваться этому как признаку созревающего общественного мнения и политического смысла. Из того, что две газеты сошлись в своих суждениях об образе мысли г. Кулиша в так называемом украинофильском вопросе, следует заключать отнюдь не о солидарности между их издателями, а только о том, что по этому предмету не может быть двух разных суждений.

Прежде чем продолжать объяснения, на которые вызывает нас г. Кулиш, следует заметить, что мы имеем право говорить только за себя, и местоимение «мы» означает только нашу газету.

Если г. Кулиш так энергически предъявляет свои права на свободу мнений и действий, то как же он может отказывать другим в этом праве? Нашел же он орган, где охотно напечатали его заявление; зачем же было непременно нужно, чтобы *Московские Ведомости* сделали органом его заявлений? Мог ли бы он требовать, чтобы мы напечатали его статью безо всякого возражения? Был ли бы он удовлетворен, если бы мы напечатали ее, но тут же слово за словом возразили на нее? Что он не был бы удовлетворен, это видно из того, что он еще более негодует на газету *Москва*, которая позволила себе высказаться в том листке, где поместила его рекламацию. Итак, чего же хочет г. Кулиш? Того ли, чтобы никто не смел высказываться о его мнениях и действиях? Он имел бы право требовать этого, если бы речь шла о его семейных или частных делах; но речь идет о вопросе общем. В силу каких же начал может он требовать, чтобы люди несогласные с его образом мыслей и действий по вопросу общего свойства смиренно молчали? Г. Кулиш выставляет нас на вид как своих врагов; но он знает, что мы не имеем ни малейшего личного повода находиться во враждебных к нему отношениях. Мы едва знакомы с ним; никогда ни в чем не приходилось нам делиться с ним или быть ему соперниками. Мы не имеем причины не желать ему всяких успехов в его частных делах, хоть бы выиграть главный выигрыш по 1-му или 2-му внутреннему лотерейному займу. Но гневный ревнитель свободы мнений и дей-

ствий не может сетовать на нас за то, что мы считаем себя также вправе иметь свои мнения. Если мы ошибаемся, он может сколько ему угодно раскрывать и порицать наши ошибки; но надобно же дозволить нам поступать не так, как ему хочется, а как велит нам собственный смысл и совесть, перед которыми прежде всего обязаны мы ответственностью. Если мы убеждены во вреде какого-нибудь действия, мы не можем оставлять его без сопротивления. Из претензии г. Кулиша явствует, что мы должны в этих случаях «молчать или смиренно соглашаться».

Вот превосходная теория общественных обязанностей, рассчитанная на идиотов!

Г. Кулиш смеется над своей публикой, говоря, будто мы воображаем себя «привилегированными стражами отечества». Ни у кого не отнято право заботиться об интересах отечества. Мы нисколько не препятствуем г. Кулишу заботиться об этих интересах и ревностней, и лучше, нежели мы. Мы были бы рады, если бы он превзошел нас в противодействии тенденциям, которые проповедовались в *Основе*. Г. Кулиш скажет, что он считает эти тенденции истинными и спасительными. Мы не можем запретить ему думать так; пусть же и он не запрещает нам думать, что они ложны и пагубны.

Г. Кулиш изъясляет свой контингент негодования на Поляков; но, говоря откровенно, украинофильская идея бесконечно хуже нежели польская, ибо клонится к тому, чтобы расколоть в самой сердцевине народ русский. Она не имеет серьезного значения, потому что не перешла в дело; но если бы по какому-нибудь недоразумению могла она осуществиться, то это было бы самым проклятым на русской почве делом. Оно не могло бы найти себе оправдания ни в каком соображении, оно не может льстить даже какому-нибудь фантастическому идеалу. Есть фантазеры, которые увлекаются мыслью о федерации; но федерация, или лучше сказать относительная самостоятельность частей одного политического целого, имеет смысл только при условии полного национального единства. Лишь там, где население, при всем разнообра-

зии типов, характеров, обычаев, экономических интересов и даже верований, имеет равно общий всем орган в языке и литературе, возможна большая или меньшая самостоятельность в развитии частей. Единство языка и литературы было главной и великой силой германской народности, разрозненной между многими отдельными государствами. Точно так же и Соединенные Штаты Америки могут составлять целое только потому, что между ними нет вопроса о национальности: могло ли бы держаться это политическое целое, если бы к антагонизму других интересов в его населениях присоединялась слепая страсть национальных инстинктов? Надобно, чтобы этот вопрос был навсегда покончен, для того чтобы возможно было, не оскорбляя здравого смысла и не обманывая себя и других, помышлять о самостоятельном развитии частей одного целого.

Было время, когда г. Кулиш и его друзья пользовались некоторой силой и могли надеяться на некоторый успех. Это было время страшной анархии, которая овладела нашим обществом, особенно в 1861 и 1862 годах. Так называемая украинофильская партия опиралась в сферах влиятельных и без которых она не могла бы возыметь свои надежды, мы были на волос от официального признания новой народности в России, которой еще не было приискано имя. Работа шла деятельно; был уже в полном ходу проект ввести в южно-русские школы, как язык преподавания, местное наречие, образовавшееся в эпоху распада России под влиянием польским, — наречие, никогда не бывшее языком ни религии, ни науки, ни искусства, ни образованного быта. Уже рассылались административные агенты для сбора местных деревенских населений по предмету языка для школ, уже Священное Писание перелагалось на этот язык будущего, который еще нужно было образовать и объединить *ad hoc* и которому надобно было еще выучить местное население. Агитация силилась распространиться повсюду, а особенно в учащейся молодежи. Уже начинали группироваться, под видом особой национальности, чуждой русскому

народу, люди той части его, где начиналось его историческое бытие, где зародилась его духовная жизнь, где явились первые памятники его языка и литературы, где стоит Киев, этот первоначальный и в то же время самый возвышенный, самый бесспорный и самый чистый символ русского единства и его истинное сосредоточие. Была пущена в ход мысль, что русский язык есть лишь принадлежность какого-то особого велико-русского племени, а не общий орган всего русского народа, выработавшийся исторически и принявший в себя, как основной элемент, церковно-славянское слово. Пользуясь административной поддержкой, которая давала отпечаток реальности этим затеям, бессмысленным и фальшивым, так называемое украинофильство отвлекло немало свежих и здоровых сил от полезного дела и поставило их в ложное положение, из которого не всем легко было высвободиться. Действуя таким образом внутри, эта партия не забывала и заграничных родичей в Галиции. В *Основе* подвергались резкому порицанию усилия галицких литераторов сохранить за своей речью характер общерусского литературного языка и давались им указания как можно более отчуждать и обособлять местную речь. Именно по этому поводу мы впервые, еще в 1861 году, обратили внимание на украинофильские затеи и столкнулись с партией, во главе которой находился г. Кулиш. После, когда мы убедились, что эти затеи приобретали значение вследствие поддержки, оказанной им в административных сферах, мы сочли своим долгом действовать против них всей силой нашего слова, несмотря на ожесточенную брань, которая сыпалась на нас со всех сторон. Слава Богу, фальшивая сила, которую приобрели украинофильские затеи, мало-помалу исчезла, и затеи не сбылись. Более ясные понятия взяли верх и разогнали туман, который овладел умами. Мы имели наконец радость видеть, как и между нашими галицкими соплеменниками возникла живая реакция против возбуждений, вносивших к ним зло междоусобной розни и ненависти. Язык и тон та-мошной печати совершенно изменились; явились люди,

которые подняли высоко истинное русское знамя. Особенно уважаемым из этих поборников русского народного дела в Галиции был Я.Ф. Головацкий.

Г. Кулиш, молчавший долгое время, вдруг поднял теперь голос именно против той части галицкой печати, которая может быть ненавистна польским патриотам, но которую нельзя не приветствовать с русской точки зрения. Г. Кулишу посчастливилось столкнуться именно с теми из галицких деятелей, которые отстаивают единство русской народности, и ему вздумалось избрать нашу газету органом для своих гневных противных выходов. Корреспондент X, кому г. Кулиш возражает, был только предлогом и поводом для того, чтобы бросить в Галицию, в тамошнюю русскую печать, наконец в г. Головацкого, украинофильский перун из Москвы, где этот почтенный поборник русского народного дела был недавно с таким сочувствием всеми чествуем³.

В чем же, однако, состоит претензия г. Кулиша на г. Головацкого? В том, что г. Головацкий напечатал во львовском *Слове* полученное им от г. Кулиша письмо. Читателям известно, что это за письмо. В напечатанной части его нет ни одного слова, которое имело бы домашнее, семейное или чисто личное значение, и нет также ни одного слова, которое могло бы г. Кулиша уронить во мнении честных людей или повредить ему на честных путях. Письмо это относится к так называемому украинофильскому вопросу, и есть ни что иное, как протестация г. Кулиша во имя русского народного единства против розни, неизбежно возникавшей из украинофильских попыток и злоупотреблений, к которым они подают повод. В этих строках своих, если только они были искренни, г. Кулиш подавал прекрасный пример суда над собственной ошибкой, что никогда не роняет, а, напротив, всегда возвышает нравственное достоинство человека; этими строками, если только они были искренни, он более, нежели чем-нибудь, приобретал право на уважение всех мыслящих и честных людей. Никакая победа не бывает так плодотворна и прекрасна, как победа над собой. За-

явление против украинофильства со стороны тех, от кого оно исходило и на кого опиралось, было бы его блаженной и мирной кончиной. Как же было не порадоваться решимости г. Кулиша опустить и бросить знамя нестерпимой и оскорбительной для русского чувства розни? Чем более приходилось г. Головацкому бороться со злом, тем более должен он был ценить сообщение, сделанное ему г. Кулишом. Либо это сообщение не имело смысла, либо оно не должно было оставаться в секрете, и сам г. Кулиш не изъявлял желанья, чтобы оно оставалось в секрете. Мог ли бы г. Головацкий не сослаться на письмо г. Кулиша, если бы в тех кругах, где приходилось ему действовать словом убеждения, речь касалась начал, которые некогда проповедовались и распространялись издателями *Основы*? Не был ли он обязан показывать и читать это письмо как протестацию против злоупотреблений, к которым подавали повод эти начала? Г. Головацкий мог бы опасаться компрометировать г. Кулиша оглашением его письма только в том предположении, что оно рассчитано на какой-нибудь обман: спрашивается, приятно ли г. Кулишу допустить возможность такого предположения? А если допустить такое предположение, еще менее следовало затрудняться оглашением письма, которое не имело секретного характера.

Мы не теряем надежды, что г. Кулиш сделает еще один шаг в направлении своего письма к г. Головацкому, подтвердить это письмо и одобрить его оглашение. Всякое заявление в таком смысле и всякое затем сообщение г. Кулиша, уверяем его, будут приняты в *Московских Ведомостях* с живейшим сочувствием и радушием.

Ригельман Н.А.

Современное украинофильство

I.

В 1845 году была основана в Киеве *Комиссия для разбора древних актов*¹, с целью показать на основании документов что юго-западный край искони принадлежал Русскому народу, что ополячение его началось сравнительно не очень давно, что оно постоянно встречало противодействие и отпор в самой среде народа, который не раз совершенно освобождался от власти Польши, что, наконец, свобода веры и развитие народного благосостояния сделались обеспеченными

Н.А. Ригельман

только со времени подчинения юго-западного края русскому владычеству. Чтобы доказать эти вполне справедливые положения, надо было воскресить в памяти местные события трех последних столетий, и вызвать на свет из могил забытые образы народных бойцов за свободу православной веры, за самостоятельность общественного и частного быта, за достоинство Русского племени. Началось издание разнообразных документов, актов, писем, договоров, записей, хранившихся в местных архивах, изображавших как события политические времен восстания, так и гражданский быт и положение православной церкви в то время. Издано было также несколь-

ко летописей, почти современных происшествиям. Русская история обогатилась драгоценным материалом для изучения прошедшей жизни юго-западного края, и что было известно в общих чертах, оживилось характерными подробностями. Открылся неисчерпаемый источник для исторических исследований всех сфер жизни тамошнего общества в XVI и XVII столетиях в тысячах градских книг, свезенных в Киев и составивших Киевский центральный архив. Записи самого разнообразного содержания, наполняющие эти книги, несмотря на то, что касаются интересов частных лиц, дают возможность по своему множеству восстановить общие черты тогдашнего быта, отношения сословий между собой, положение сельского населения, мещан, шляхты и козаков, юридические формы их прав и обязанностей, способ и степень их осуществления на практике, наконец, борьбу элементов общества, принимавшую иногда, или лучше очень часто, трагический характер, и кончившуюся его разложением. Мы здесь с трудом можем себе представить, какой живой интерес эти вновь открываемые факты имели для местного современного населения, живущего на развалинах прошедшего, для потомков этих сословий, истощивших силы свои в борьбе, сохранивших еще о ней много непосредственных воспоминаний и читавших теперь, во вступительных статьях к томам Киевской Исторической Комиссии, так сказать, объяснительные записки на предания, слышанные от дедов и прадедов.

Естественно было возникнуть мысли, что такое богатство материала, частью уже разработанного, но еще более представляющего нетронутую массу, ожидающую новых делателей, заслуживает того чтобы в подготовке последних и в дальнейших исследованиях на этом поприще, приняло участие университетское преподавание. Вследствие этой мысли при кафедре Русской истории в Киевском университете, один из преподавателей взял на себя специально занятие историей юго-западной России и уже несколько лет с успехом подвизается на этом поприще.

Разработка актов, извлеченных из архивной пыли, не могла не отразиться и в более живой, современной области, этнографическом изучении народа. Акты и летописи беспрестанно говорили о важной роли которую он играл в событиях прошедшего: он был там главным действующим лицом, он вел борьбу, в продолжение почти двух столетий, со всем что его окружало — с высшими условиями, с польским правительством и его порядками, с Поляками, как представителями чуждой национальности, с латинской церковью, то есть в сферах социальной, политической, национальной и церковной. Во всей этой разнообразной борьбе, архивным изыскателям, видевшим ее сквозь призму поэтических преданий, народ являлся колоссальным героем. Все ужасы и неистовства, которые он позволял себе делать, представлялись только возмездием за невыносимые оскорбления и угнетения, которые он терпел во всех упомянутых сферах своей жизни. Народная масса, которая естественно уже по своей численности выносит главную тяжесть исторических переворотов, до того выросла в глазах изыскателей старины, что почти заслонила собой деятельность ее предводителей. Упомянутый естественный перевес ее сил и участия в борьбе был поставлен в заслугу исключительно ей; даже ее вожди, некогда прославленные в казацких летописях, теперь были низведены с своих пьедесталов и объявлены злоупотреблявшими большей частью ее доверием и имевшими целью эксплуатировать ее в свою пользу.

При таком взгляде и настроении, естественно, интерес к изучению этого героя исторической эпопеи возрос до высокой степени. Всякий отрывок песни дошедшей из его уст, всякое предание, рассказ, пословица записывались с жадностью и считались почти святыней. Явились новые сборники песен и других произведений народной фантазии, этнографические очерки, собрания пословиц. Географическое общество² оказало свое пособие; оно дало возможность г. Чубинскому³ объездить край населенный малорусским племенем, и издало на свой счет несколь-

ко больших томов собранного им самого разнообразного этнографического материала. Но южно-русские деятели чувствовали, что им не доставало средоточия около которого они могли бы сгруппироваться. Тогда им пришла счастливая мысль организовать в Киеве этнографический отдел Географического Общества, так как слово этнография получило в последнее время такое обширное значение, что могло вместить в себя все задачи которые они преследовали. Благодаря их стараниям, Этнографический Отдел был открыт в Киеве тому около года назад и дал им возможность соединить свои силы. Стоит просмотреть первый том записок этого Отдела, чтобы видеть, как широко раздвигают они задачу этнографии: тут есть статьи о промышленной и торговой деятельности края, прошедшей и настоящей, тут есть описание малороссийского кобзаря, которого народолюбцы нарочно выписали из Полтавской губернии чтобы познакомить членов Отдела и киевскую публику с исполнением малорусских дум, причем приложен текст сих последних с подробным музыкальным разбором их напева; тут есть песни, из времени крепостного права; есть даже длинные списки названий растений края, климатология Киева, известия об одном ссудо-сберегательном товариществе и пр.

Наконец, в текущем году гг. Антонович⁴ и Драгоманов⁵ издали первый том обширного, предпринимаемого ими систематического Собрания песен малорусского народа с подробными объяснениями и комментариями⁶. Из предисловия к нему и из протоколов заседаний Этнографического Отдела, который предоставляет в их распоряжение поступающие в него материалы, видно, что они обладают громадными собраниями произведений народного южно-русского творчества превосходящими все, что было известно доселе в этой области. Сношениями своими с деятелями по русской этнографии в австрийских областях они обеспечили себе приобретение материалов из Буковины, Галиции и Карпатской Руси. Таким образом, их издание обещает сделаться памятником жизни южно-русского народа на его местном наре-

чии в продолжении трех последних столетий. Из этого огромного сборника народных воспоминаний, народной мысли и чувства, будут черпать в течение долгого времени занимающиеся историей южно-русского края сочинители повестей и рассказов из народного быта, народные поэты и живописцы. Остовы предков казацкой Украины, извлеченные из многих архивов, реставрированные в изданиях Киевской комиссии, облукуются плотью и кровью; личности представлявшиеся неопределенными тенями, превратятся в живые образы...

Всему этому можно бы радоваться; но чтобы заслуга была действительна, чтоб эти труды были истинным вкладом в обще-русскую сокровищницу, надо чтоб тут не было никакой фальшивой, вольной или невольной, примеси, которая, как ложка дегтю, испортить может всю бочку меду. К сожалению, такая примесь оказывается...

Преобладание духа сомнения и отрицания в характере Южно-Руссов есть конечно черта национальная. Мы даже скажем — историческая, ибо, по нашему мнению, она выработана историею. Татарское иго, потопившее в крови блестящую независимую политическую жизнь древней Южной Руси, литовское иго, затем польское, давившие Южно-Руссов в продолжение столетий, не могли не повлиять сильно на склад народного характера, не могли не воспитать этот ипохондрический, отрицательный взгляд, принадлежность большинства Малороссов и до сего времени. Здесь же начало той раздражительности, способности и привычки во всем находить смешную или дурную сторону, от которой редкий из них свободен; здесь начало, скажем мы, и цинического юмора Котляревскаго в его Энеиде⁷, и того горького юмора и иронии, которые вылились у Гоголя в такой художественной форме, при той немощи в создании идеалов положительных, которая истощила его до смерти.

Уже в XVII столетии южно-русский народ, надо думать, был сильно заражен этою болезнью недовольства и раздражения, ибо, по свержении польского владычества, он тотчас же стал враждовать и с Москвою, с которою

только что соединился, и с своею войсковою старшиной, которая только что водила его к победам, и наконец, с самим собою, разодравшись на несколько партий, которые до тех пор грызлись между собою, пока не заели друг друга и не произвели *великой руины*⁸, то есть такого же почти запустения целого края, какое было после Монголов в XIII столетии.

Так кончилась историческая драма наших Южно-Руссов: племя, лишенное политической самостоятельности в продолжении нескольких столетий, не могло организовать подобно северно-русскому, даже и тогда, когда отвоевало себе эту самостоятельность; надломленное многовековым гнетом, оно потеряло веру в себя, оно уважало и слушалось своих предводителей только до тех пор пока была опасность, пока надо было сражаться, когда враги были побеждены, предводители теряли свою популярность и подвергались гонениям по самым пустым причинам.

Эта черта определительно выразилась в устройстве Запорожского Войска, где слушались кошевого атамана только в военное время — черта, восхищающая малороссийских поэтов и народолюбцев, но совершенно противогосударственная, и выражающая несостоятельность создать что-нибудь прочное. Замечательно, как долго сохраняются исторические черты: в наше время малорусские писатели, точно также как их посполитые предки, преследуют своих исторических деятелей — гетманов, генеральную старшину, полковников, даже сотников; вся разница в том, что в прежние времена их преследовали кольями и саблями, так что редкий из них кончал жизнь естественною смертию, а теперь преследуют перьями, печатным станком, который лишает их доброй памяти в потомстве.

Только одни простые казаки и посполство (чернь)⁹ пользуются безусловною симпатиею малорусских писателей; все, что стояло выше, даже на одну ступень (как сотник), укоряется названием *значных* (знатных); от этого укора не спасаются даже иногда казаки *реестро-*

вые, пользовавшиеся несколько большим достатком, т.е. возможностью иметь доброго коня и хорошее оружие. Между тем всякому беспристрастному исследователю было бы ясно, что именно это поспольство, эта голода, состоявшая из людей имевших отвращение ко всякому труду и зависимости, что именно ее своеволие и необузданность были главной причиной бедствий Украины. В плодороднейшем крае, при малочисленном относительно пространства населении, где свободной земли было так много, что огромные степи оставались нетронутыми плугом, где даже владельческие крестьяне имели в своем распоряжении обширные поля и пастбища, могла ли быть нужда и бедность без вины самого населения? Что могло вызвать ее как не лень, привычка к даровому пользованию, сопротивление всякому стремлению начальников обуздать своеволие масс и установить какую-нибудь организацию в обществе. Замечательно в этом отношении то место беспристрастной летописи Величка¹⁰, в предисловии к первому тому, где он, упоминая о запустении *тогобочной* Украины (на правой стороне Днепра), говорит: «Не напрасно Поляки, жалея о потере Украины, называли и провозглашали ее раем земли польской; ибо до войны Хмельницкого она была как земля обетованная, медом и молоком кипящая». Значит, самое притеснительное правление польской шляхты было гораздо полезнее для страны пресловутого народоправства, о котором вздыхают современные народолюбцы.

То же отрицательное направление проявилось в трудах малорусских писателей, когда они касались истории северной Руси. Представителем школы можно не обинуясь назвать г. Костомарова. Известно направление, которому он следует в своих исторических сочинениях. Нельзя сказать, чтобы он искажал факты или навязывал историческим деятелям небывалые действия, но он старается обыкновенно представить изнанку тех и других, вывести события из игры нечистых или корыстных побуждений, ощупать в душе исторического лица какой-нибудь порок, благодаря которому можно бы отрицать благород-

ство его намерений. Так как нет людей безгрешных, то это ему и удастся; но от этого происходит то, что, при видимом желании добраться до истины, изображение события выходит у него неверное, а вместо исторической личности является карикатура или то, что в живописи называется *жанр*. Он — исторический жанрист или даже карикатурист и напоминает тех скульпторов, которые на монументальных памятниках ставят статуи исторических лиц в костюмах и позах, какие им были обычны в уборной или спальне. Благодаря этой манере, г. Костомаров опошливает самые замечательные моменты и самые замечательные личности русской истории и, в конце концов, приходит к такому отрицательному изображению, что если кто примет его за истинное, то должен потерять всякую веру в нравственные побуждения государственных деятелей и тому сделается недоступным величие и нравственный смысл исторических событий.

Таков отрицательный, можно сказать, разлагающий характер этой исторической школы. По следам г. Костомарова идут и прочие ее деятели. Надо им отдать ту справедливость, что они также беспощадно относятся к прошедшему Малороссии, как г. Костомаров к прошедшему северной Руси. Последние выводы одного из них* те, что беспорядки и бедствия Украины во второй половине XVII в. происходили оттого, что казацкая старшина посягала на народное самоуправление, ограничивала его права и занятая только собственным обогащением, не заботилась об организации общества. Как будто несколько десятков людей, рассеянных на огромной территории, могли привести народ до такой крайности, что не оставалось ничего более как братья за оружие и грабить всех сколько-нибудь зажиточных жителей! И как будто возможна была какая-нибудь организация в населении, потерявшем во многочисленных восстаниях всякое понятие о законности и всякое уважение к авторитету правительственной власти. Начиная с Богдана Хмельниц-

* См. статью г. Левицкого «Очерк внутренней истор. Малорос. в XVII ст.» в 3 и след. №№ Киев. Универс. Известий, 1874 года.

кого, когда Малороссия получила возможность самостоятельно распоряжаться своими внутренними делами, было несколько гетманов, обладавших бесспорно государственным смыслом, но все их попытки установить какой-нибудь порядок разбивались о так называемое народоправство. Право черни выбирать себе начальников на все ступени правительственной лестницы выводило на эти ступени, как всегда бывает при неограниченном выборном начале, большей частью, людей интриги, умевших подготовить себе партию и разумеется заботившихся, прежде всего, о собственной пользе. Но обвинению подлежат не они, а те, кто их выбирал. Выборное право помешало образованию в Малороссии руководящего сословия, которое одно могло бы поддержать порядок и устранить хаос, воцарившийся в стране как скоро она приобрела независимость, — хаос приведший наконец весь народ не только к материальному страшному бедствию, но и к нравственному разложению.

II.

Но обратимся от прошедшего к настоящему и посмотрим, что нам обещает деятельность Южно-русских этнографов в современности? Получить об этом понятие мы можем из статей *Вестника Европы*, *Петербургских Ведомостей* (прежней редакции) и *Правды*, журнала выходящего во Львове два раза в месяц¹¹ и принадлежащего партии крайнофилов. Мы ссылаемся на эти статьи потому, что в них высказывается горячее сочувствие мнениям, руководящим началам и изданиям малорусских этнографов и еще потому, что, по общему мнению, они выходят из их кружка, что засвидетельствовано и редактором *Слова* (см. *Киевлянин*, № 98, 1874 года)¹².

Вестник Европы в феврале и марте 1873 года поместил обширную статью под названием *Русины в Галиции*, в которой автор, изобразив, большей частью, в превратном виде прошедшие действия русской народной партии в Галиции, останавливается особенно на том времени, когда партия так называемых *старых* стала заяв-

лять о племенном родстве Русских в Галиции, Венгрии и Буковине с русским народом всего нашего отечества¹³. Можно бы подумать, что такое заявление должно обрадовать всякого Русского, но к удивлению, автор статьи с худо скрытым злорадством старается выставить, как бесплодно, даже вредно было это заявление для самих Галичан, с каким будто бы равнодушием встречено было оно у нас. Далее, автор навязывает партии признавшей единоплеменность русского народа в обширном смысле замыслы политического единения с Россией, упрекает ее в двуличности перед австрийским правительством, лживо доносит на нее и взваливает на нее вину того, что Русские Галиции, вследствие этого заявления, были преданы во власть Поляков. Нам кажется, что двуличность тут на стороне автора, и что только особые побуждения, которые раскроются вполне перед читателем далее, могли довести Русского до той степени помрачения, чтобы, с одной стороны, выставлять мнимое равнодушие нашего общества к пробудившемуся в единоплеменниках сознанию их единства с нами, а с другой — провозглашать о галицких патриотах, что они имеют в виду политическое соединение с Россией.

Если нашлись в России органы, отнесшиеся так к упомянутому заявлению русских патриотов, то неудивительно, что галицкое общество *Просвита* (просвещение)¹⁴ объявляло некогда от имени *молодых*, то есть украинофилов, что препятствием к соглашению их с партией *старых* является что последняя, вместо признания австрийских Русингов частью пятнадцатимиллионного малорусского народа, считает их торжественными со всем шестидесятимиллионным русским населением! Нечего сказать, тяжкое преступление *старых*! За сим, кажется, нет надобности объяснять смысл и характер общества *Просвита*. Для характеристики его достаточно прибавить, что оно получает субсидию от Галицкого Польского Сейма.

В мае месяце 1874 года в *С.-Петербургских Ведомостях* появилась заметка о наших славянских благотворительных комитетах, не менее замечательная по своей

недобросовестности, в которой вместо того, чтобы поблагодарить комитеты за их бескорыстную посильную деятельность, сочинитель изливает на них свою желчь, совершенно по непонятной причине для того, кто не знает смысла загадки¹⁵. Он обвиняет их в том, что они не понимают, какого рода связь должна быть между Россией и другими славянскими племенами, что они желают обрусить Славян и ослабить Россию, что они привлекают *славянских братьев* в Россию на службу, а эти люди, стоящие не ниже уровня современных идей (блюстителем которых являются конечно *С.-Петербургские Ведомости*), могут иметь только вредное влияние*.

В особенности же достается Киевскому Отделу славянского комитета и его председателю за то что он, в своем отчете за 1873 год, осмелился сетовать на раздробленность славянских наречий, видеть в ней одну из главных причин славянской отсталости и стоять за то, что надо всячески противиться дальнейшему увеличению этого раздробления.

Казалось бы, трудно найти что-нибудь предосудительное в этих мыслях; но критик видимо не мог их переварить. Желание, чтобы знание русского языка распространялось между западными Славянами, он *перекручивает* (выражение крайнофильское) в требование, чтобы русский язык был безраздельно принят всеми Славянами. Укоряет комитет за безразборчивую выдачу пособий, и, чтобы насолить еще раз получившим пособия и выставить их на гонения со стороны Поляков, перечисляет из отчета 1872 года (следовательно за давнее время), кому именно эти пособия были выданы, хотя такое перечисление уличает самого обвинителя во лжи, показывая что пособия были выданы одному приюту для учеников, литературным обществам, редакциям и литературным предприятиям. Критик желает лучше обнаружить свою недобросовестность перед согражданами, нежели упу-

* Вероятно, тут имеются в виду преподаватели из Чехов и Галичан, приглашаемые Министерством Просвещения. В этом славянские комитеты не принимали никакого участия, что очень известно сочинителю статейки, но ему удобно и эту мнимую вину свалить на славянские комитеты.

стить случай повредить ненавистным ему сторонникам общерусской народности за границей.

Далее, отчет Киевского комитета, говоря о сочувствии его членов к произведениям малорусского творчества заявляет, что оно простирается только на произведения народные или такие, которые имея предметом изображение сцен народного быта, требуют для передачи их местного наречия и не могут без ущерба живости употреблять общерусскую литературную речь. *Inde irae*¹⁶. Естественно,, что Киевский Комитет, сочувствуя партии *Слова* галицкого, партии признающей, *horribile dictum*¹⁷, австрийских Русских, принадлежащими не к 15-миллионной, а к 60-миллионной русской национальности, есть такой камень преткновения для украинофилов, под который они готовы подкапываться всеми позволительными и непозволительными средствами. Приведенные нами две статьи могут служить образчиком их манеры; можно подумать, что они вышли из-под пера какого-нибудь потомка тех ябедников, которые когда-то приобрели такую печальную известность в Малороссии: до такой степени все в них извращено и носит на себе отпечаток приказного крючкотворства.

III.

Гораздо яснее, впрочем, видно направление украинофильской партии из периодического издания *Правда*, выходящего во Львове два раза в месяц, в типографии имени Шевченка, устроенной Обществом этого имени, на средства, как гласит молва, большей частью, присланные из нашей Украины (всех пожертвований, кроме членских взносов, в первое полугодие 1874 года было 9000 гульд.)*. Вот что писала редакция *Правды* в 1-м номере, при объявлении об издании этой газеты на 1874 год: «Наша газета была основана в 1867 году, в самое печальное время для народной партии. Ее противники, после Прусской войны и этнографической выставки в Мо-

* К сожалению, Общество имени Шевченка не последовало совету, который давали *С.-Петербургские Ведомости* нашим славянским комитетам, и не огласило в своих протоколах имен жертвователей на типографию.

скве*, набравшись смелости, скинули с себя маску русского патриотизма и определительно заявили свое ренегатство; старшие из ширых патриотов-народовцев замолкли и почти никто не смел выступить энергически против новых *Русских*, которые всякого, кто не следовал за ними выставляли как ляхомана или пустого фантазера. Даже молодежь, которая до того почти без исключения пламенела чистейшим патриотизмом, сумели большей частью деморализовать, сманивая ее здесь (то есть в Галиции) деньгами, а в России — должностями. Народная партия¹⁸, после упадка *Меты* в 1865 и *Русалки* в 1866¹⁹, не имела печатного органа, казалась рассеянной и осужденной на скорую смерть. Только осенью 1867 года опомнившись, *русские* студенты во Львове соединили свои силы и стали издавать *Правду* как орган русских народовцев. С того времени *Правда*, как издание сначала литературное, а потом, после полуторагодового перерыва (1870-71), литературно-политическое, защищала всегда и везде народное дело, избравши девизом бессмертные слова лучшего сына Русо-Украины (Шевченка): «В своей хате, своя правда и сила, и воля». С того времени, когда была основана *Правда*, обстоятельства очень изменились. Тогдашние юноши сделались мужами, составляющими самый цвет русской интеллигенции и трудящимися во всех местах нашего края и во всех положениях для добра народа. Тогдашние обломки крепко организовались в несколько обществ, из которых *Просвита* приобрела себе добрую славу уже и за границею нашего края, а вновь основанное общество имени Шевченка, хотя и ограниченное меньшим кружком, принесет, надо надеяться, также не малую пользу нашему делу».

Здесь кстати заметить, что Общество *Просвита* получает от галицкого, то есть польского сейма, который всячески противится развитию русской народности, 5000 гульденов ежегодного пособия. Как *Просвита* задалась целью издавать книжки народные, так Общество имени Шевченка взяло на себя развитие украинской

* Хорошо сопоставление!

литературы для образованного класса, так называемой интеллигенции. То и другое, разумеется, на украинском ими сочиняемом наречии и фонетической правописью или *кулешовкою*.

Капитальной статью *Правды* за 1874 год можно считать статью *Украинца* под названием: *Литература российская, великорусская, украинская и галицкая*, очень напоминающую по своему изложению, манере и направлению вышеупомянутые статьи *Вестника Европы* и *С.-Петербургских Ведомостей*, а по близкому знакомству автора с общерусскою литературой несомненно доказывающую, что она принадлежит перу нашего соотечественника²⁰. Она представляет странную смесь справедливых данных и замечаний с ложными выводами; заметно, что автор чувствует себя вынужденным считаться с действительностью, хотя для него и неприятною, понимает истинный смысл явлений, но ему необходимо оправдать их бесплодность и вывести из них не то здоровое поучение, которое они представляют, а другое, своеобразное с целями его партии. И вот он задается такими вопросами: 1) Что такое была и есть украинская литература относительно идей, то есть какие потребности и какие социально-политические условия вызвали ее к жизни и давали ей то или другое направление? 2) Что такое была и есть эта литература относительно материала? 3) Какие шансы может иметь она для будущего развития и, каким путем, при тех условиях, в которых находится, должна она направиться, чтобы развиваться соответственно потребностям и целям, которые ее вызвали, и чтобы послужить на пользу нашего народа?

Чтоб отвечать на эти глубокомысленные вопросы, автор пускается в пространное изложение разных фазисов малороссийской письменности, большею частью созданных его воображением, и начинает свое изложение великолепную фразой: *украинская литература есть дочь России XIX века, поэтому должна жить и расти, пока Россия будет Россией*. Между тем, все дальнейшее изложение, которое должно служить подтверждением этой

великой истины, наперекор желанию автора, может служить к ее опровержению. Так, в самом начале, он доказывает мысль, не требовавшую, впрочем, доказательств, что *Украинцы заимствовали свои идеи и направления не столько прямо из европейских литератур, сколько чрез посредство российской (заметьте: российской) литературы* (поистине новость) и, что в украинской письменности отражались все те мотивы и направления, которые по временам господствовали в общерусской литературе, как-то сентиментализм, романтизм, национализм (славянофильство) и демократизм. Так, Энеида Котляревского есть реакция псевдоклассицизму, гораздо более сильная, нежели *Душенька* Богдановича²¹; *Наталка Полтавка* Котляревского²² есть выражение сентиментализма, подобно *Бедной Лизе* Карамзина²³; театральные произведения Гоголя-отца²⁴ и Котляревского для домашних театров Трошинского²⁵ и Куракина²⁶ суть подражание интермедиям XVIII века; произведения Сковороды это отражение масонского мистицизма²⁷; Харьковский Университет, основанный по мысли нашего маркиза Позы (sic)²⁸ Каразина²⁹, есть будто бы источник украинского славянофильства: из него вышли Бодянский³⁰ (который никогда в нем не был), Григорович³¹, Метлинский³², Костомаров; он же будто бы имел влияние и на Срезневского³³. Это все, по мнению автора, украинофилы, как и Бантыш-Каменский³⁴, автор истории Малороссии, и Гоголь; они же представители романтизма, потому что собирали и издавали народные песни вместе с Максимовичем и Шевченком. Но погром 1847 года³⁵, ссылка Костомарова, Кулиша, Шевченка уничтожил эти отрадные начинания и был причиной, что малороссийская письменность почти замолкла до шестидесятых годов, до появления журнала *Основа*. *Основа*, однако, не поняла своего призвания, она впала в слишком исключительный национализм, говорила более про старину Малороссии, нежели про ее настоящее, оплакивала эту старину, думала только отмежеваться от обще-русского, а не следовала за новым реально-социальным направлением обще-

русским; оттого де встретила общее равнодушие. Оттого и прочие произведения этого периода отличаются слабостью, повторением избитых мотивов о родине, об ее верогах, о славе казацкой, о воле, без указания какой она должна быть, о несчастной доле Украины: поэты, подражатели Шевченка, не замечали, что его сила заключается не в том, *что он плачет, о прежних бунчуках³⁶ и булавах, а в том, что он рвется к свободе и науке, не в том, что он бранит Ляхов и Москалей, а что проклинает господ и своих, которые не хуже чужих распинают меньшего брата.* (Это говорится о тех, что пожертвовали почти половиной своего состояния при отмене крепостного права.)

После этого фантастического очерка автор довольно справедливо оценивает слабость украинской словесности шестидесятых годов в области романа и повести и совершенное отсутствие научных статей и учебников, несмотря на то, что в *Замечаниях на Устав средних и низших учебных заведений по Киевскому учебному округу*, обнародованных Министерством Просвещения, видно, что многие педагогические советы местных гимназий признавали полезным введение в школу обучения на малороссийском наречии (в статье *Правды* указываются даже страницы министерского издания). Конечно, прибавляет автор в утешение Россиянам, эти мнения *не отрицали потребности и российского языка в школах.* Тогда-то следовало *ковать железо, и если бы украинофилы имели готовую популярно-учебную библиотеку, то народные школы остались бы за ними.* (*Правда*, № 374 г., стр. 109.) Но благоприятное время было упущено (скажем, по счастью для учебного дела), и начало издания педагогических украинских книжек было остановлено администрацией.

Время после 1864 года, продолжает автор (стр. 114 и след.), когда в России уже не бессознательно как прежде, но систематически высказывались и имели влияние на правительство идеи национального централизма, по примеру прусского, когда сложилась система *обрусения окраин*, казалось, было страшно неприязненно украинству, которое три-четыре сильные газеты громко назы-

вали — *изменой*, продуктом *польской интриги*. Правда, горькие часы приходилось не раз переживать широкому украинцу, видя как ненавистные руки, *всякие Ташкентцы*³⁷, то из Великоруссов, то из своих, принимались, как говорилось, *чистить* народность малорусскую, будто оскверненную полонизмом и этим только и отличавшуюся от великорусской. Но всмотревшись сквозь поверхность, надо признаться, что система обрусения роковым образом должна была скрепить основу украинского направления, хотя, конечно, не совсем такую, как хотелось крайнофилам, и отчасти потому не такую, что они защищали без должной энергии свои далеко простирающиеся идеалы. Уже один надел земли крестьянам в Холмщине, в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, это такая закладка для поднятия народа нашего, которая даст себя знать в ближайшем будущем*. То довольно большое число учеников из крестьян, в гимназиях Белоцерковской, Острожской, в учительской семинарии Коростышевской³⁸, о коих должны были озаботиться *обрусители*, есть также факт, который не останется без последствий. Там и здесь — это настоящий украинский народ поднимается вверх, а он поднимает и народность. Потом, как ни кричали ненавистные обрусители про нечистоту украинской народности, но они должны были заявить и то, что край западный — шире, издавна русский, они невольно запутывались и ссылались на предания местные, украинские**. Поляки, которые брали инициативу в гонениях на украинство до 1863 года, а иные из них, по ненависти к хлопомании, готовы были поддерживать скорее полицейский централизм, нежели эту хлопоманию, теперь должны были задуматься (а со временем задумаются еще больше), что украинство есть одна из препон тому централистскому потоку, который хочет искоренить польскую народность и там, где она имеет пра-

* Можно легко себе представить, как она даст себя знать, если этот народ заволеется под опекой последователей крайнофильского учения.

** То есть их хотят теперь запутать крайнофилы, и труды, которые были приняты, чтобы доказать обще-русский корень Юго-западного края, употребить в доказательство и для развития его отдельности, словом, подменить русскую народность сочиняемой Украинской.

во жить. Мы думаем, что те симпатии, которые иногда, назло *Москве*, высказывает польская печать в Галичине к украинофильству, покамест не больше как фразеология, или ошибочный расчет: украинофильство хочет жить и работать для себя, для своего народа, а не для возвращения Польши 1772 или еще 1654 года³⁹, а с этою целью теперешнее поколение польских политиков также мало может согласиться, как и на *омосковление* Польши. Но и фразеология *oblige*⁴⁰, и фразеология затягивает в дело, и теперь польские, национальные идеи, которые, как и следовало ожидать, по миновании первой апатии после 1863 г., снова поднимаются на правом берегу Днепра, должны считаться с украинофильством. Нам предстоит еще много хлопот с польским элементом в этом крае: не раз и не два услышим мы те же самые клеветы, интриги, что и до 1862 года; но по всему можно ожидать, что на сей раз из польской молодежи будет большой приплод для хлопомании и украинофильства, нежели до 1863 года. С другой стороны, поднятие польского знамени должно снова заставить и самих обрусителей приклониться к Украинцам, а доказанная за десять лет бесплодность административно-централизованной реакции полонизму в сфере нравственной показывает мыслящим людям в России национальной партии, что и здесь только поднятие местных нравственных элементов даст возможность окончательно нейтрализовать чужие сепаратистские элементы и приучит поборников единства России к мысли, что органическое единство не должно сделаться мертвым единообразием. С третьей стороны, та связь системы обрусения с политической и культурной реакцией которая проявилась после 1863 года, должна была обратить внимание всей либеральной партии в России на общую, а не только на провинциальную важность украинофильства, как одного из звеньев *новой* России, хотя и опирающегося на старом предании.

«Это все готовится больше для будущего; но и теперь мы видим довольно ярких признаков. Такими признаками мы считаем заявление перед Европой российским правительством (?) и польской оппозицией фактов укра-

инской истории, заявления тенденциозные, но имеющие следствием, то что свет начинает узнавать факты как они есть. Другим важным фактом мы считаем создание в Киеве памятника Богдану Хмельницкому... Третьим признаком мы считаем то, что Русское Географическое Общество, в то время, как стали говорить про *Западный Край* в отношении политическом, снарядило туда этнографическую экспедицию и теперь печатает семь томов или десять книг материалов, по которым можно будет составить себе образ украинского народа. Логическим следствием этой экспедиции было открытие в 1873 году Отдела Географического Общества в Киеве, который, подобно учрежденной в связи с противополольской реакцией после 1830-1839 годов Археографической Комиссией, должен заложить для народного украинского направления основание этнографическо-статистическое, как та комиссия заложила основание историческое. Четвертый признак мы видим в том, что замечательнейший журнал русский (*Вестник Европы* в 1872 году) напечатал целый ряд статей, в которых показал какую важность имеет украинофильство в связи с вопросом об окраинах России, с вопросом о соглашении с Поляками, отчего, между прочим, зависит и сила державы российской сравнительно с немецкой, об автономии вообще краев и народов России, о демократизме, без которого не может идти вперед мужицкая земля Россия и т. д. Статьи эти были направлены против всей системы обрусения, — и однако в одной части российской печати они вызвали похвалы, а другая, изломавшая так много копий за эту систему, должна была или молчать, или полемизировала очень не смело и не последовательно.»

Итак, и наделение крестьян землей в юго-западном крае, и принятие крестьянских мальчиков в гимназии и учительские семинарии, и издания Киевской Археографической Комиссии, и снаряжение Географическим Обществом в западный край экспедиции, и учреждение в Киеве Этнографического Отдела, даже памятник Хмельницкому, все эти меры, учреждения или пред-

приятия, на которые правительство и общество тратили и тратят не мало денег и забот в надежде восстановить и скрепить ими древнюю связь южной и западной Руси с северной и восточной, все это, по мнению же Украинца, должно быть употреблено на поднятие местного элемента с целью положить основание для его самостоятельно-отдельного развития, на своем местном наречии, из которого должен де выработаться особый язык. Замечательна откровенность автора, что для этого будет также очень полезно возобновляющееся будто бы движение польского элемента на правом берегу Днепра: зачем же украинофилы так отпираются от приписываемой им симпатии к Полякам? Эта симпатия очень естественна и неизбежна при обоюдности пользы.

Но последуем дальше за автором. В числе обстоятельств, способствующих, по его мнению, развитию украинофильства, является и соединение Киева железными дорогами с Галичиной. «Мы видим, что молодежь не только из Украйны, но и из Великой Руси охотно братается с молодежью *Сечи**. А эта последняя, в книгах и журналах выходящих в Петербурге и Москве (?), находит новое оружие, чтобы защищать свои идеи от своих реакционеров, не по праву надевших клобуки панрусистов и панславистов. Поживем — увидим еще и не то! Все эти причины делают, что украинофильство в последнее время снова видимо поднимается, доказательством тому служат статьи об Украйне в российских журналах, и не малое число книжек на украинском языке появившихся в последние два года» (стр. 156).

Делая далее вывод из всего сказанного, Украинец повторяет, что малороссийская литература, так как она до сих пор развивалась и жила одними мотивами с общерусской, должна и впредь держаться этого направления, чтобы внести свой элемент в общерусскую культуру. Этому совету можно бы вполне сочувствовать, если бы автор вслед затем не ставил следующего вопроса: «Какую выбрать дорогу, чтобы не только дать выход украинско-

* Общество Украинофилов в Вене.

му духу в российскую культуру, но и удержать и развить украинское слово, этот видимый знак индивидуальности?» Надо, отвечает автор, заняться народом, надо изобразить его во всем разнообразии проявлений его жизни, внешних и внутренних; затем, надо воспитать его на украинских книжках. «Так, например (стр. 159 и сл.), взяв за исходную точку простонародные песни и сказки, можно будет перевести образцы лучших народных эпосов, начиная с самого Гомера; из Шекспира можно будет перевести *Лиру, Макбета, Ричарда III, Тимона Авинского*, из Шиллера *Орлеанскую Девственницу, Дон-Карлоса, Вильгельма Телля*, из новой литературы романы Эркмана Шатриана⁴¹, некоторые из рождественских повестей Диккенса, шварцвальдских повестей Ауэрбаха⁴². Хороший материал могут доставить другие провинциальные литературы, аналогичные нашему направлению (Гебель, Клаус Грот⁴³, Консианс⁴⁴ и т.д.); только надо с большой осмотрительностью остерегаться слишком идиллического, а то и ретроградного романтизма». Вместе с тем, надо изготвить научную народную библиотеку. «Поэтому мы думаем, одно из первых дел украинской молодежи должно быть написать популярную энциклопедию по системе позитивизма⁴⁵; арифметику и геометрию, физику и химию, геологию с биологией, антропологию и социологию, насколько, конечно, можно ее изложить теперь. Эту энциклопедию надо разумеется написать тоном спокойным, объективно, без демонстраций, но твердо и ясно провести везде метод свободного разума, который полагается только на себя и больше ни на что... Особенно потребен труд и ученость для объяснений антропологии и социологии, которая вместит в себе и так называемую историю. Про эту работу мы можем сказать с Гамлетом: *такое дело достойно самого горячего желания*. Такого рода литература поэтическая, беллетристическая и научная, систематично развиваемая в продолжение каких-нибудь пяти-шести лет, не может не укрепить симпатии к малороссийскому делу в образованном классе Малороссии, а в народе поднимет уважение к малороссийской речи

и делается более прочной основой малороссийского направления, нежели воспоминания о том, *как было когда-то, да больше не будет*, нежели плач на долю, нежели манифестации прав Малороссов на полную национальную самостоятельность, — манифестации, практическое осуществление коих разбивается условиями, в которых живет край, да и самый край к ним относится отчасти холодно. Без громких да бесплодных фраз, без манифестации прав, которых нет силы достигнуть, которые даже не всегда возможно защищать теоретично (ибо партия централистов не бессильна и на Украине и в Галичине), не касаясь существующих живых интересов, которые выжуются со всем государственным и культурным строем России, вырастет живая и крепкая, нужная народу, украинская литература, которая пробьет себе дорогу в школы официальные». Далее (стр. 203): «Для школ украинских мы проектируем книжки для чтения *украино-российские*, по системе педагогов школы Песталоцци⁴⁶. Такие книжки и такая литература помогут *нашему народу не утратить своего существования, пользуясь российским*».

Как хитроумный Одиссей, *Украинец* советует, чтоб Украинская литература не слишком отдалялась от российской — *по материалу*, то есть чтоб иногда знакомила Малороссиян и с Россией, *по правописанию и по языку*, чтобы слишком отличной орфографией, словами и оборотами не затруднить Малороссиянам, выучившимся читать на обще-русских книгах, чтение украинских книжек своих воспитателей, и облегчить постепенное их усвоение, а также чтобы не затруднить доступа этим книжкам в народные школы, *которого совсем не трудно добиться если мы усвоим предложенную систему*. Автор, высказывая эту уверенность, очень, по-видимому, рассчитывает на близорукость людей, от которых зависит это допущение формируемого украинского языка, как преподавательного в народные школы.

Далее, автор преподает советы, как Малороссы в своих трудах по отечественной истории должны везде стараться выяснить важную роль, какую имел южно-русский элемент в исторической жизни России, как он

приобретал нередко решающее значение, а в трудах по российской литературе должны расширить слишком тесное место уделяемое теперь в них малороссийским произведениям и малороссийским писателям. Многим из этих советов можно бы пожелать исполнения. Кто не согласится, что участие южно- и западно-русского элементов в созидании нынешней России еще не достаточно раскрыто, что мало известны стихии внутренней жизни тех краев, что, может быть, недостаточно оценены вклады, которые принесли и приносят Южно-Руссы в общую сокровищницу русской науки и литературы. Но это происходит не от недоброжелательства Северно-Руссов, а от достойной всякого уважения скромности Южно-Руссов, которые до сих пор не заботились выставлять на вид свои заслуги, потому что самохвальство всего более противно их коренному характеру. Это происходит еще и от того, что пора отдельности их от общерусского корня, как временное, минувшее зло, которое и народ, как отдельный человек, охотно забывает, уже изгладилась из их памяти, и образованный класс в Малороссии, а, следовательно, и ее писатели считали себя не только гражданами Русского государства, равноправными с Москвичами, Петербуржцами, но и равноправными гражданами в области общерусской умственной деятельности, науки и словесности, и им не приходило в голову выставлять себя какой-то особой национальной корпорацией, как это не приходило в голову ученым и писателям, уроженцам других краев России. Только теперь украинофилы силятся искусственно создать такую национальную корпорацию, и эта цель заражает самые полезные их научные и литературные труды такой фальшью, что труды эти теряют почти всякую цену; пример мы видим на том именно писателе, которого Украинец выставляет как образец для подражания всем желающим принести пользу Украине, именно на г. Костомарове (стр. 204 Прав.). По предлагаемому учителю можно судить, каковы будут ученики и каковы будут результаты их трудов.

Разъяснив мотивы своей системы и способ ее осуществления, автор говорит: «мы должны были придти к тому выводу, что в России не две литературы, московская и украинская, а три: а) общая русско-европейская, и б) и в) две народные, местные, великорусская и малорусская. Этот вывод мы считаем фактом (!), от которого должны исходить в будущее. По минувшему и современному мы гадаем о будущем и выводим систему действий для нас: а) как граждан великого союза народов, преимущественно славяно-русских, России; перестать быть ими мы не можем и не хотим, ибо мы бы утратили большую половину своих нравственных интересов и отреклись бы от своей мировой роли, и б) как для сынов украинского народа. Мы думаем, что в будущем мы должны идти сознательно тем путем, по которому шли доселе формально, инстинктивно, то есть не отрываясь от России, не только политически, но и морально, не бросая российской литературы, а в приязни с великорусской, развивать народную малорусскую, ибо цели народа великорусского те же самые, что и малорусского, и к этим целям [идет] и та общая интеллигенция русская или российская, которая складывается из Великорусов и Малорусов и, которая прилагает новые европейские идеи на службу мужицкой русской нации, Малорусам и Великорусам. Изложенную нами систему действия мы считаем не только практической, но и такой, которая может сохранить истинную живость и народность украинской литературе, принести истинную пользу народу, привлечь к нам расположение общества на Украине и в Великой Руси; с этой системой мы, не переставая быть украинцами, сохраним ту силу, какую дает нам Российское государство и культура — силу быть в помощь своему народу, славянству и свету (стр. 208)».*

Надо сознаться, что *Украинец*, хотя и обладает замечательным искусством давать благовидность вещам

* То есть, не надо отрываться от России, чтобы пользоваться ее силами и ее охраной, покамест мы настолько окрепнем, чтобы в ней больше не нуждаться. Эту теорию мы слышали от умных Поляков, это была теория и маркиза Велёпольского⁴⁷, которая могла удалась, благодаря нашему ослеплению, если бы не шальные головы 1863 года.

очень неблагоприятным; но на этот раз хватил слишком смело. Ему не следовало резюмировать так открыто своих мыслей; — в тумане диалектики, в подтасовке фактов не сразу можно бы добраться до выводов; нашлись бы люди, которые бы поверили, что он говорит дело, а тут вдруг такой курьез. Как же это в самом деле: у нас будет общерусский язык и общерусская литература для всех, затем будет великорусский язык и великорусская литература для Северо-Руссов и малорусский или украинский язык и литература для Южно-руссов. Всякий выбирай себе язык и переводы на него Шекспира, Шиллера, Эркмана-Шатриана и пр., или составляй педагогическую библиотеку по системе позитивизма: химию, механику, антропологию и социологию. Народ будет читать Шекспира, Шиллера и пр. на языке своей губернии и уезда, а образованный класс на общероссийском языке; также точно и химию, механику, антропологию и социологию. Удивительное будет богатство слов и форм; как быстро станет развиваться народ при такой системе; ему раскроются так просто и легко тайны науки! Здесь *Украинец* простирает свою заботливость не на одних своих соплеменников, он хочет осчастливить мужицкой литературой и Велико-Руссов: они ведь тоже не понимают книжного языка, который и для них язык мертвый. Вероятно так думает автор, иначе на что бы ему отыскивать какую-то великорусскую литературу, отличную от общерусской? Итак, Северо-Руссы, принимайтесь за работу, созидайте народную речь, которая послужит могучим рычагом для поднятия народа. Не стесняйтесь в выборе, каждый может писать на языке своей губернии; чем ближе он будет к местному говору, по своему словарю и орфографии, тем лучше будет достигать своей цели — просвещения народа!

Хотя такой вывод прямо истекает из слов самого автора статьи, мы однако же отнюдь не предполагаем в нем настолько отсутствия здравого смысла, чтобы он мог вообразить себе возможным совершиться на севере России тому, что его партии хотелось бы совершить на юге, то есть создать разноязычие в письменности. Ему нужно

было только оправдать затеи украинофилов, показать их естественность, правоспособность, и вот он, в параллель с украинской речью, указывает на великорусскую речь, также отличную от книжной, и требует для нее литературных прав. На часто повторяемое возражение, что у Малоруссов не особый язык, а только наречие общерусского, не многим более отличное от книжного языка, как и другие местные наречия, автор может отвечать: что не в этом дело, что он и за северными наречиями признает такое же право гражданства в литературе; что это бесплодный труд рассуждать о сходстве или отличии живой речи, отмежевываться одному от другого, что надо писать так, как говорит народ, а остальное приложится само собой.

«Мы», продолжает он (стр. 210), «заявляем права наши именем народа, хлопства; мы желаем просвещения на его языке потому, что он не понимает языка российского, что он для него мертв (!). Так не будем же начинать нашей литературы* с выделки нового мертвого языка, а приложим наши силы прямо к хлопской литературе, на живом хлопском языке. Если история застала нашу народность только в хлопстве, а мы называем себя народовцами, так и примем честно это имя, которым думают укорить наши враги, признаем себя честными (?) хлопоманами. Прежде всего, будем работать как украинские хлопоманы. А такая работа не только не требует разрыва, но ведет к союзу с великорусской мужикоманией и с европейско-российской демократией, которых органами служат великорусская и российская литература. Работа для одного мужичества (хлопства), работа ученая над элементами украинского духа в языке и истории; эта работа, из которой мы только и можем набрать аргументов для поддержки и пропаганды нашего направления, займет нас по меньшей мере лет на 15-20. В течение последних двадцати-тридцати лет всероссийская культура очень набралась великорусского элемента; через двадцать лет,

* Хорошо, что автор сам сознается, что нужно еще начинать Украинскую литературу. Проговорился!

если мы будем вести разумно и систематично свою работу над украинским элементом*, она может приклониться и к нашему. Да через двадцать-тридцать лет, кто знает, где еще будет центр культуры в России? Что будет с Россией и славянщиной?.. Будем не работать для нашего мужика, в союзе с другими, кто для своих работает, а там далее пойдем туда, куда нас поведут воля и интересы нашего, — о, если бы мы имели право сказать, — трудом нашим просвещенного и свободного** мужика!»

Есть учение, которое говорит, что цель оправдывает средства, а мы скажем, что по средствам надо судить о цели, и если средства дурны, то и цель не может быть хороша. Как ни желательно, как ни заманчиво просвещение южно-северно-западно- и восточно-русского простолюдина, но если для достижения этого предлагается нам создать три или четыре литературы, раздробить умственные силы русского народа на несколько уделов, закрепить местные оттенки изустной речи грамматиками и учебниками, и не только закрепить, но и сочинить новые слова и формы, которых нет в местных наречиях для выражения научных понятий, то есть всячески работать над обособлением этих наречий, вместо того, чтобы общий литературный язык служил средством к постепенному их слитию — если, говорим, предлагаются такие средства, — то можно сказать с уверенностью, что самая полезная цель выставлена тут лишь для соблазна верующих, и что человек ее проповедующий, есть или пустой верхогляд, не понимающий куда он ведет, или указываемая цель служит ему только предлогом, для прикрытия совсем других стремлений, то есть прямее выразившись — что у него средства составляют настоящую цель, а выставленная цель есть не более как средство.

Мы не будем залезать в душу автора, чтобы решить, какое из этих предположений справедливей, пусть догадываются сами читатели по обширным выпискам сделанным нами из его статьи. Мы бы даже не остановились

* Мы видели, какого рода эта будет работа.

** Значит, спустя 13 лет после освобождения и наделения землей, он, по мнению украинофилов, все-таки не свободен.

на ней так долго, если бы она не была выражением мнений и стремлений целой партии, — в Галиции, как это видно из подстрочных примечаний редакции *Правды* и содержания этого журнала, и у нас, как это изобличают многочисленные вклады наших Украинцев в ту же *Правду*, симпатии некоторых ваших периодических изданий и ненависть выказываемая ими к галицкому *Слову* — и всем тамошним деятелям противного направления. Мы будем говорить о сущности самого дела. Вы, гг. украинофилы, так печалуетесь о вашем народе; вы боитесь его невежества, вы хотите его просвещать, и для этого выбираете такую окольную дорогу — хотите выковать его наречие в литературный научный язык, хотите создавать для этого целую литературу, которая бы его обособила от шестидесятимиллионного русского народа, то есть хотите создать для него в русском мире духовный партикуляризм. Ведь теперь Малороссиянин также легко выучивается общерусской грамоте, как и Великоросс, и не удивительно: эта речь и эта грамота созданы столько же людьми вашей родины, начиная с воспитанников Киевской духовной академии начала XVIII века, как и Ломоносовым и Карамзиным; на ней писали ваши земляки Димитрий Ростовский⁴⁸, Феофан Прокопович⁴⁹, Георгий Конисский⁵⁰, Гоголь, вы хотите значит сделать непонятными их произведения для вашего народа, равно как и Державина, Пушкина, Жуковского, Толстого, вы хотите лишить его возможности читать историю Карамзина, и другие новейшие отечественные бытописания. Чем же вы замените все это? Неужели вы воображаете себя в силах написать что-нибудь подобное, создать хоть сотую долю того литературного богатства, которым мы и вы уже обладаем, и пользования которым вы хотите лишить ваш народ? Нет, вы не друзья его, а враги, вольные или невольные, вы враги и всего русского народа, потому что хотите лишить в будущем Русский мир таких деятелей и талантов, как упомянутые выше и другие ваши земляки, которые принесли богатые вклады в обще-русскую литературу, и как-ие явятся без сомнения и в будущем для ее украшения,

если только ваши вредные стремление не возобладают на Руси (от чего да избавит нас Бог!). Независимо от этого, в ваших писаниях проявляется дух неприязни к родному великорусскому племени, к его исторической жизни, к тем зиждательным началам, которые возвеличили наше отечество; в них проявляется пристрастие ко всем разрушительным и ненормальным явлениям народной жизни, — это видно из характера и направления главы вашей исторической школы, которого вы выставяете образцом для подражания, и из той враждебности которую вы стараетесь навязать нашему народу к образованным сословиям. Как вы смеете после этого зачислять в ваши ряды таких людей, как Гоголь, Максимович, Метлинский, Квитка, Котляревский, людей очень не равных по таланту, но сходных в том, что любовь их к своей родине и языку нисколько не мешала им быть истинно Русскими, любить искренне общее отечество и ставить общее выше частного! Шевченко и другие истинно художественные таланты не принадлежат вашим рядам. Они-то заставили Северноруса любить Малороссию, ее говор, ее песню, бытовые особенности ее народа, полные иногда поэзии и изящества; они создали привлекательный тип из своего земляка, а вы вашими безобразными измышлениями роняете его достоинство, отталкиваете от него братскую симпатию, и в самих себе выставяете напоказ отрицательные стороны его характера — недовольство, вражду, зависть ко всему, что стоит выше вас, злобу и интригу против не принадлежащих к вашей клике. Вы берете на себя тяжкий грех, потому что по вас станут пожалуй судить о вашем народе: ведь обзывали же Малороссиян мазепами и ябедниками, благодаря одной крупной коварной личности и нескольким десяткам мелких плутов. Неужели вы хотите воскресить в народной памяти эти названия? Неудивительно, если вы в этом успеете, когда вы решаетесь употреблять учреждения и общества назначаемые для разработки истории и этнографии древней Русской земли, издания произведений прежнего и современного народного творчества как орудия вашей пропаганды;

когда вы хотите придать памятнику Богдана Хмельницкого, который должен служить символом воссоединения двух ветвей одного народа, значение воспоминания о его отдельности; когда вы силитесь воспользоваться для ваших целей безрассудными и враждебными движениями польской интеллигенции, и еще в то время, когда этот блудный сын славянства начинает подавать некоторую надежду на раскаяние и исправление. Вы хотите отравить ядом ваших стремлений и народную школу, и литературу народа, и юношей, назначаемых быть его учителями: даже самое поднятие его благосостояния, наделение земель кажется вам благоприятным случаем для внушения ему понятий о племенной отдельности, которых доселе он был чужд. Опомнитесь, вы идете по следам тех деятелей, которые опозорили польское имя; можно подумать, что вы воспитались в их школе: не так ли поступали агенты ненавистного *ржонда*⁵¹?

Ваши вредные затеи не ограничиваются пределами нашего государства, они простираются и на Русских, принадлежащих соседней державе. Как в России вы стараетесь поселить о тамошних делах превратные понятия, так и там, посредством ваших здешних и заграничных органов, вы силитесь распространить ложные мысли о нашем общественном мнении, о наших симпатиях и отношениях к соплеменникам. Вы преследуете бранью и злословием ту партию в Галиции, которая остается верна народному преданию и усиливается поднять свой народ, уберечь его от полонизма, укоренив в нем убеждение в его духовном единстве со всем Русским племенем, которая стремится приблизить его литературный язык к общерусскому; вы же работаете, чтобы убедить и утвердить его в его отдельности, и издеваетесь над языком *Слова и Карната*^{*}, бывшим там и доселе общеупотребительным в письменности, и гораздо более доступным большинству, нежели наречие вами фабрикуемое, — и это только потому, что он сблизжает Галичан с нами. Ненависть ваша ко всему, что там признает себя однородным

* Газета, выходящая в Угорской Руси.

не только с 15-миллионным, сочиненным вами Русским племенем, но с действительным 60-миллионным Русским [народом], простирается до того, что вы доносите польскому правительству Галиции о всяком малейшем пособии, которое кто-нибудь из писателей или какая-нибудь газета этой партии, получит от одного из наших славянских комитетов, и делаете донос об одном и том же пособии по несколько раз. Вы очень хорошо знаете, что эти пособия делаются не из правительственных источников, что они идут от пожертвований частных лиц, что они не имеют никакой политической цели, а выражают только симпатию русского общества к бедным труженикам и борцам за нашу общую народность, что нет ничего предосудительного ни давать, ни получать подобное пособие для благородной цели, что вы сами то же делаете только для вредной цели. Но вы также очень хорошо знаете, что не так смотрит на это западная печать и польский Львовский сейм, которые делают вид или, может быть, действительно подозревают тут политическую и правительственную пропаганду. И вот вы пользуетесь этим заблуждением или умышленной злобой, и поддерживаете ложь вашими разглашениями, чтобы повредить бедным людям за то, что они ваши противники. Как низок должен быть нравственный уровень тех, кто прибегает к подобным средствам!

Да, прибавим мы в заключение, вы враги вашего народа еще и потому, что стараетесь развивать слабые стороны его характера, его отрицательные качества, вместо того, чтобы им противодействовать. При богатой духовной природе, глубине чувства, верности и честности убеждения, ваш народ склонен к какому-то болезненному раздражению, к беспричинной подозрительности и недовольству. Он не всегда руководится здравым взглядом на жизнь, требует от нее невозможного, впадает в колебания и сомнения, подмечает только отрицательную сторону людских дел и явлений; отсюда нередко безотрадное его настроение, отсюда апатия, недостаток практического смысла, энергии, неспособность создать себе положи-

тельные, осуществимые идеалы и остановиться на них. Вы можете служить представителями этих недостатков; не сознавая их или стараясь их эксплуатировать в пользу своих стремлений, вы стараетесь не смягчать, а еще более развить их. Вы питаете раздражительность народа, представляя ему в преувеличенном виде картину минувшего и мнимого его настоящего унижения; вы стараетесь воспитать в нем зависть и ненависть ко всему, что стоит хотя одной ступенью выше уровня простолюдина; вместо того, чтобы показать возможную и честную цель для его жизни и деятельности, вы сбиваете его с прямого пути, и путаете в лабиринте ваших фантастических затей; вместо того, чтобы показать ему то что он приобрел, и дать ему возможность спокойно наслаждаться приобретенным и мирно развиваться, вы твердите ему о том, чего ему недостает, и рисуете ему заманчивые перспективы невозможного равенства, свободы и богатства, которых он лишен будто бы потому только, что есть враждебный класс господ, которые не дают ему этих благ.

Не потому ли вы ненавидите этих господ, что между людьми образованными ваша роль была бы ничтожна, тогда как вы можете разыгрывать оракулов и учителей между простонародьем? Вы оговариваетесь, что не желаете политического отделения от России; но духовное обособление гораздо хуже: границы государств есть дело исторической случайности, есть следствие часто причин случайных, если можно так выразиться, — появления на престоле государя-завоевателя, господства системы округления или учения о естественных границах, ловкости какого-нибудь дипломата на конгрессе и пр.; но гораздо глубже коренятся причины духовного объединения народов в слове и литературе. Там, в государстве, является простое сожителство граждан на одной территории и под одним уставом; здесь, в области слова, полное родство и не телесное, а духовное, выражающееся в общей работе, взаимодействии, иногда борьбе всех духовных сил коллективной личности, народа, в общих усилиях его к совершенствованию, образованию, разви-

тию. Поэтому, тут обособление какой-нибудь части его неминуемо вредно отзовется как на той части, от которой ветвь отделяется, так и на отделяющейся; произведет оскудение сил в обеих, подобно тому, как отводом воды вы можете причинить обмеление судоходной реки, и образовать два ручья, пригодные разве только для водопоя. Западное Славянство представляет столько печальных подтверждений этой истины, что излишне было бы доказывать ее.

Но перенесемся в отдаленное будущее, предположим, что при неблагоприятных для России условиях, ваши стремления увенчались успехом, что вам удалось выковать язык для пятнадцати насчитанных вами миллионов южно-Руссов, что вы воспитали новое поколение на ваших Украинских учебниках, что оно выросло и разумеется отвернулось от общерусской литературы, а читает подготовленные вами в изобилии украинские сочинения по всем отраслям науки и словесности. Что же, неужели поблагодарил бы вас за это славянский мир? Вы бы образовали еще новый удел в духовной славянской области, произвели бы обособление двух ветвей одного племени, и какого? — единственного, которому удалось сплотиться в великое целое, и которое поэтому служит опорой всем остальным в сохранении и развитии их самобытного духа. Порадоваться этому новому раздроблению и поблагодарить вас за вашу работу, могут только враги Славянства. Ищите же между ними себе одобрения и симпатий; что же касается истинных Русских, а равно и Славян, понимающих сколько-нибудь свою пользу, то они должны бороться с вами изо всех сил.

Гогоцкий С.С.

Еще несколько слов об украинофилах

По поводу статьи о современном украинофильстве (*Русский Вестник*, 1875, февраль)¹, считаю долгом заявить, или лучше сказать, повторить, и мое мнение об этом странном направлении некоторых наших украинолюбивых деятелей, выбивающихся из сил, чтобы как-нибудь достигнуть своей фантастической цели. Не стану, впрочем, ходить в подробный разбор этого направления; автор вышеупомянутой статьи весьма

С.С. Гогоцкий

верно выставил всю недобросовестность ратоборцев украинолюбства. Ограничусь только указанием самых главных и существенных его пунктов, имея в виду преимущественно наш запад и юго-запад, так как, по одинаковости их обстоятельств, состояние одного обыкновенно отражается на другом. В том же смысле, как теперь я уже высказался несколько раз (особенно в статьях: *Голос из юго-западной Руси*, *Русское Слово*, 1859 года; *О русском языке*, *Современная Летопись*, Москва, 1863 года и *О послании Поднепрянина к киевским Болгарам и Сербам*, Киев, 1864)².

Что такое украинофильство? Если бы то была только любовь к Украине, как своей родине, то любовь эта была бы делом добрым; но беда в том, что наше украинолюб-

ство страдает иногда довольно болезненным избытком; в своем избытке оно болезненно потому, что какая-то горсть любителей своего уголка, называемого Украиною воображает подчинить своим вкусам и весь наш и юго-запад. Дело вот в чем. Известно, что наши западные соседи, после вековых усилий, успели сильно подавить наш южно-русский (а равно и западно-русский) народ в западной полосе; но эти успехи не довершились и были прерваны, благодаря воссоединению всего нашего запада с центральной Россией и образованному, богатому литературой обще-русскому языку. Продолжать прежнюю систему действий нет для них теперь никакой возможности, и вот, издалека пущена в ход другая система (подобная ей впрочем и прежде неоднократно употреблялась ими в дело). Теперь сочинители этой системы желали бы ослабить православное русское население нашего юга и юго-запада, ограничив его письменность и обучение только его просторечием и проводя в нем всевозможными инсинуациями вражду к центральной России. В такт с этими прямо гибельными для нас желаниями наших соседей, к тому же направляли свои, довольно странные, усилия и некоторые наши любители Украины. И вот в этом и состоят главные, излюбленные ими пункты. Конечно, эта искусственная система обнаруживает изворотливую ловкость в своих авторах; но зато она обнаруживает и некоторую недалекость в наших земляках: они накинулись на эту систему, как мотыльки на пламя горящей свечи, воображая, что совершают для нас дивно благотворный подвиг. Остановлюсь преимущественно на усилиях некоторых любителей Украины, направленном против русского языка; что касается прямых и косвенных выходов против центральной России, то касаюсь их только мимоходом, в немногих словах, так как об этом вопросе я уже высказал мой взгляд довольно подробно в вышеупомянутой статье *О послании Поднепрянина к Киевским Болгарам и Сербам*, стр. 15-51.*

* Для обращения подобных выходов укажем только на два примера:

1) Львовское *Слово*, которое сочувственно относится к России, к русскому языку, некоторые любители Украины стараются всячески унижить, тогда как

Наши любители Украины, как нам кажется, усиливались так повести дело, чтобы вытеснить общерусский язык и учебники на обще-русском языке и как-нибудь ввести учебники и объяснения только на южно-русском просторечии, по крайней мере, в элементарных школах. Чего не говорено было, лишь бы достигнуть цели? Прежде всего, старались уверить, что обще-русский язык в элементарных школах не понятен. Что сказать об этом уверении? Можем сказать смело, что эта ссылка на непонятность обще-русского языка и элементарных учебных книг на обще-русском языке в первоначальных школах несправедлива. Обще-русский язык учебных книг в элементарных школах у нас не только понятен детям, но часто даже понятнее южно-русского жаргона выдуманного некоторыми нашими любителями Украины, так как южно-русское просторечие не одинаково в разных полосах южной и юго-западной России. Конечно, для начинающего учиться будут и на обще-русском книжном языке встречаться слова и понятия неизвестные, точно также как они были бы, и притом несравненно в большем количестве, на придумываемом южно-русском просторечии; но для того, чтобы эти редкие непонятности сделать понятными, существуют объяснения, а эти объ-

какой-то галицкой мнимой «Правде», враждебной России, расточают похвалы, или если и указывают в ней на некоторые недостатки, то только на второстепенные, возможные в каждом периодическом издании, но отнюдь не на ее общее направление, неприязненное России. По нашему мнению, о подобном издании или вовсе говорить не стоит, или если говорить, то нужно указать на то, что оно враждебно России. Не имея возможности унижить направление львовского *Слова*, наши деятели крайности усиливаются по крайней мере очернить самого издателя. А все из-за чего? Из-за того, что издатель сочувственно относится к России и к целому шестидесятимиллионному Русскому народу, а не к одной Украине, которая, правду сказать, для нас безразлична. Но напрасно украинофилы бегают и хлопчут, чтобы унижить *Слово*, мешающее их пигмейским затеям. Пока *Слово* сочувствует России и всему Русскому народу, и мы будем ему сочувствовать.

2) Другим образчиком может быть композиция *Хмары* на южно-русском просторечии³. В этой композиции автор хотел ставить в самых темных красках одного воспитанника Киевской Духовной Академии, уроженца северной России. Заниматься разбором подобных композиций не стоит. Заметим только, что в период нашего воспитания, мы постоянно встречали самые прекрасные типы молодых людей из уроженцев северной России и постоянно остаемся в убеждении, что для общества нашего блага нужен у нас между севером и юго-западом постоянный взаимный обмен умственных сил и деятелей. Мы желали бы только знать: автору *Хмар* не жаль времени и труда, потраченных на эту жалкую работу? Писать подобные сочинения то же самое, что заниматься ябедями и крючкотворством.

яснения слов и фраз никто не воспрещает сделать, если это действительно нужно где-нибудь в глуши, и на местном просторечии; никто же не воспрещает, если кому угодно, читать и какие-нибудь композиции на южно-русском просторечии. К чему же, спрашивается хлопотать и суетиться о каком-то формальном, систематическом двуязычии в обучении на нашей Русской земле, где в среде главного с народонаселения вовсе нет того двойства, которое действительно мы находим в некоторых других странах? Прибавим еще, что во многих, очень во многих первоначальных школах, вовсе не потребуются даже и этих объяснений русских слов и фраз на местном просторечии, потому что их дети прекрасно все понимают без всяких переводов на местное просторечие. Вводить для них лишние объяснения даже этих отдельных слов и фраз на местном просторечии, значило бы просто только замедлять ход их обучения и толочь в ступе воду. Говорю это твердо, потому что весьма хорошо знаю, как не только сотни вместе со мною, но, подобно мне, тысячи детей, говоривших до 7-8 лет только на местном южно-русском просторечии, начинали потом учение, без малейших затруднений, по книгам на обще-русском языке и все понимали так же, как понимали бы их дети, живущие в центральной России. Мало того, я думаю, что большинство детей нашего запада и юго-запада даже лучше будут понимать простой книжный обще-русский язык, нежели дети некоторых отдаленных северных губерний, знакомые только с местным просторечием. Так было на нашем юго-западе (и северо-западе) даже до тридцатых годов, когда на всем пространстве его существовали только польские светские училища, были только духовные, и когда, смело можно сказать, во сто раз меньше было возможности учиться на русском языке. В настоящее же время, когда средства образования значительно увеличились, когда существует столько училищ и столько учебных руководств, когда русский язык так распространен даже в отдаленных западных губерниях,

было бы признаком некоторой неискренности уверять, что русский язык непонятен в школах, что нужно вытеснить его и заменить каким-то новосочиняемым южно-русским книжным языком. В других странах, где даже главное народонаселение бывает очень разноплеменно, и где языки, на которых оно говорит совершенно чужды один другому, как, например, мадьярский или немецкий русскому, конечно, большей частью обучают сначала на местных языках или наречиях; но у нас, в областях западных и юго-западных, где сплошное народонаселение почти все славяно-русское, стыдно для устранения обще-русских учебных книг и объяснений, для ограничения этого народонаселения какими-то, кем-то составленными жаргонными книжонками, прибегать к уверениям будто обще-русские элементарные книги не понятны. И одной этой понятности общерусских учебных книг достаточно для доказательства неуместности введения какого-то двойственного книжного учебного языка. Но мы и не вправе устранять обще-русские учебные книги и заменять их какими бы то ни было другими; потому что обще-русский или просто русский язык также наш, как и жителей северных: он выработан совокупными трудами нашего севера, запада и юга. Это не великорусский только, а общий русский язык, язык культурный, которым каждый сколько-нибудь грамотный будет и должен будет пользоваться во всевозможных случаях практической жизни.

Из того, что южно-русское наречие отличается чем бы то ни было от великорусского, ровно ничего не следует относительно нашего образования. Различие между ними может быть предметом филологического исследования для тех, кого это интересует; но оно нисколько не мешает и не должно мешать употреблению одного обще-русского языка в области школьного обучения. Кому угодно, может себе что-нибудь читать на южно-русском просторечии; если изредка бывает действительная необходимость в объяснении слов и фраз русских на местном просторечии, она может быть уважена; но из-за личных вкусов усиливаться изменить целую систему обучения

и устранить из школ общий всем нам и понятный русский язык, было бы безрассудно. Подобные притязания всегда казались нам тем более странными, что при серьезном отношении к делу, никто из родителей самого простого звания не пожелал бы, чтобы обучение их было на южно-русском просторечии*. Скорее они пожелали бы чтобы в состав обучения на обще-русском языке входило и церковно-славянское чтение.

Далее, и из того, что некоторые иностранцы говорят иногда о составлении учебников для элементарных школ только на местном просторечии, нисколько не следует, что и мы непременно должны следовать их мнению. Их историческая жизнь, этнография, рознь в языках и наречиях и многие другие обстоятельства могут быть вовсе не сходны с нашими; с какой же стати мы непременно должны им следовать, когда, с одной стороны, русский язык принадлежит всем нам и понятен на всех инстанциях обучения, а с другой — недоброжелатели России только и жаждут как-нибудь проводить рознь в среде главного и огромного ее народонаселения. Чужими взглядами в подобном вопросе, по моему мнению, нужно пользоваться очень осторожно; иначе легко можно дойти до результатов, для нас печальных, а для других, быть может, очень желанных и отрадных. Впрочем, если уже ссылаться на иностранцев, то следует иметь в виду не мнения, которые случайно высказаны кем-нибудь, но действительное положение дела, а в образованных странах Европы языком преподавания служит один общий всему народу язык. В Германии, также как и во Франции, есть много местных говоров; но ни там, ни тут никакое местное наречие не оспаривает прав общего языка, и немецкий язык для всех немцев есть общий, равно всем родной и дорогой язык национального единения и образования, как французский для всех Французов.

Наконец, мы не можем и не имеем права настаивать на том, что прямо клонилось бы к неестественному внутреннему отдалению западных губерний от центральной

* Знаем это положительно, как факт.

России, к отнятию у них одного из источников их внутренней силы, сообщаемой нашим прекрасным русским языком, и затем к соделанию из них удобнейшей жертвы для различных пропаганд. Мы уже знаем результаты этих пропаганд в наших западных губерниях. Неужели же мы не поймем, что выбить их можно только силой нашего образованного русского языка на всех инстанциях обучения, и что всякая путаница в этом отношении только упрочит навсегда эти неблагоприятные для нас последствия былой пропаганды. Не можем вспомнить при этом прекрасного дела гр. А. Д. Б-ой; разумеем основанное ею почти в самом центре одной из юго-западных губерний женское училище. Вот что собственно могло бы ограждать и упрочить на будущее время положение нашего несчастного запада и юго-запада; это — живое и основательное усвоение в школах прекрасного русского языка девицами всякого звания и состояния, которые из школ перенесли бы его и в свои семейства, а не эти злосчастные выходки мнимых украинолюбцев, творимые под камертон наших же недоброжелателей. Вот что по нашему глубокому убеждению, достойно признательности подражания. Только русская литература и русский язык могут там вытеснить собой язык до сих пор господствовавший почти во всех сколько-нибудь образованных слоях народонаселения*. Выдумывая же хлопоты о каком-то

* Дай Бог, чтобы подобных женских училищ явилось еще хотя по два, по три в каждой юго-западной губернии, особенно подальше к западу; лишь бы в них были хорошие русские библиотеки, хороший надзор и учили бы хорошо русскому языку и русскому произношению. Не нужно много проницательности чтобы выразуметь всю важность подобных училищ, а равно и всю бесполезность украинофильских тенденций; стоит только знать существовавший до недавнего времени широкий факт и вдуматься в его последствия. Известно что на нашем юго-западе почти все, особенно по селам, знают больше или меньше местное южно-русское просторечие. Но на нем говорили и говорят только в самых низших слоях общества или в разговоре с прислугой; в сферах сколько-нибудь образованных, или считающих себя образованными, обыкновенно употребляли только язык польский; так было даже в семействах православного духовенства, с редкими исключениями. Понятно теперь, какое следствие вышло бы и что именно мы упрочили бы и на будущее время, если бы мы поколебали авторитет обще-русского языка хотя бы то и на низшей степени обучения, и перепутали это обучение выдумыванием и введением какого-то не существующего общего и культурного южно-русского просторечия... Недаром даже в Галиции, в одном периодическом издании называют украинофильство *скверною раною на теле русском, выкликанною вражьими забегами...* (*Зоря коломыйска*, 2, «Воспоминания о Луке Данкевиче», стр. 14-16)⁴.

формальном введении в элементарные школы какого-то южно-русского жаргона, которого, как литературного, официального и общего, одинакового нет и быть не может, усиливаясь постоянно объяснять различие между центральной и юго-западной Россией, рекомендуя какие-то официальные переводы при обучении с русского на южно-русский и с южно-русского на русский язык, мы только способствуем тому, чтобы продлить, а может быть и увеличить пассивное состояние нашего православного русского населения в западных губерниях перед чуждым нам и иноплеменным населением. К чему же нам раздроблять и запутывать дело обучения, к чему расстраивать его гармонию, когда никто же не мешает, как мы сказали, и при нынешнем книжном единоязычии, если это действительно в некоторых местностях нужно, объяснять какие-нибудь русские слова или фразы на местном просторечии? хотя снова прибавлю, это далеко не так часто нужно, как иные господа хотят нас уверить.

Напрасно мнимые украинолюбцы, чтобы придать себе больше значения, прибегают к таким уверениям, с которыми могут примириться только люди незнакомые с положением нашего русского запада. Суется о каком-то двойстве первоначального обучения, наши мнимые любители Украины хотят играть роль народолюбцев и рисуют себя как деятелей народного блага; для вящего успеха, они уверяют, что прежние идеи о значении русского языка для нас уже старые и должны уступить место идеям новым, о подавлении русского языка каким-то новосочиненным жаргоном. Слыша подобные самовосхваления, кто-нибудь готов подумать, что для нашего блага и в самом деле нужно устранить русский образованный язык в первоначальных школах. Но, когда вникнем в дело, то окажется, что это ни больше, ни меньше как самообольщение. Почему же в самом деле наше благо невозможно если мы будем продолжать дело обучения по русским и церковно-славянским книгам? Почему наше благо невозможно, если мы будем напоминать не о том,

чего жаждут наши недоброжелатели, а о том, что действительно для нас нужно, а именно о единстве с центральной Россией, где мы постоянно имеем крепкую точку опоры? Напротив, по вашему убеждению, нельзя ни на минуту сомневаться в том, что возникло бы много зла для вас, если бы мы позволили себе увлечься странными, откуда-то и кем-то навешанными притязаниями на ломку в самом естественном ходе нашего обучения. Зло произошло бы, во-первых, от раздробления наших сил; во-вторых, мы повредили бы себе каким-то насильственным придумыванием особого, низшего учебного жаргона, когда его нет и когда есть для всех нас один образованный русский язык; далее мы повредили бы себе ослаблением авторитета русского языка и самого употребления его в западных губерниях, без чего там и все православное русское население неизбежно утратит свою нравственную силу. Наконец, как мы выше сказали, мы повредили бы себе неописанным хаосом как в школах, так и в жизни. В большинстве школ не только не поймут этого жаргона, но и отнесутся к нему с ропотом и неудовольствием, как чему-то дикому и совершенно лишнему. О путанице, какая вышла бы от этого прихотливого притязания в жизни и говорить нечего: не странно ли, в самом деле, в стране, где все православно-русское народонаселение, сколько-нибудь образованное, говорит и пишет на русском как на своем языке, где и в практической и официальной сфере другого языка и быть не может, домогаться нарушить нынешнюю гармоническую и однохарактерную систему обучения введением книжного двуязычия, которого мы никогда не звали и о котором мы всегда думаем и будем думать как о чем-то неслыханном? Словом, от притязаний, о которых у вас идет речь произошли бы бедственные последствия, которые всегда и везде обыкновенно происходят от нарушения господствующего, естественного хода жизни и дела.

Не удивителен был бы подобный хаос там, где он неизбежен при действительной резкой разноплеменности, разноязычности и разноверности между главными мас-

сами народонаселения, например, между Турками и Болгарами. Но нам, нарочно, да еще с болезнями рождения, усиливаться произвести раздвоение, которого нет, нам, из подражания и угождения завидующим нашему единству и пускающим в нашу среду всевозможные крамолы, усиливаться создать раздвоение в существующем единстве обучения едва ли разумно. Да и как будто в самом деле каждое наречие может сделаться общим литературным языком, и особенно, когда мы уже выработали для себя общий литературный, образованный, книжный язык? Как будто в самом деле нам возможно и нужно устроить два литературных языка? Можно себе что-нибудь читать, на каком угодно южно-русском просторечии, если это кому-нибудь нравится; но это дело частное, дело личного вкуса. Из того же, что кому-то угодно было поскорее написать какие-то книжонки на южно-русском просторечии, и потом бегать, суетиться и хлопотать о том, чтоб уверить, что вот есть у нас, дескать, и другая литература, нарочно посвящать страницы периодического издания разбору этих книжонок как произведений действительно литературных, смешно было бы делать вывод,, что из угождения этой непрошенной хлопотливости, мы должны отказаться от одной из самых существенных и постоянных стихий нашего обучения и образования, хотя бы то и низшего. Все эти композиции на южно-русском просторечии, которые решительно не могут быть общими, не литература, а изделия форсированные и искусственные. А потому никогда они не могут заменить обще-русского языка на всех инстанциях обучения.

Что касается старой идеи о русском языке и новой, то после того что выше сказано, ответ на этот довод был бы излишен. Заметим только, что было бы признаком некоторой ограниченности если бы русские жители нашего запада и юго-запада, из обыкновенного в наше время увлечения идеями выдаваемыми за новые, стали колебать авторитет своего же русского языка на низших инстанциях обучения, а затем и в общем употреблении, то есть если бы мы сами же подкапывали под собой то, что составля-

ет один из источников нашей силы. Было бы легкомысленно, если бы мы измеряли основы народной жизни и благосостояния какими-нибудь идеями потому только, что выдают за идеи новой работы. Основы жизни имеют и должны иметь силу не только на столетия и тысячелетия, но и навсегда. Еще неизвинительней было бы, если бы мы, из желания роли, позволили себе эксперименты над народным образованием, которые не выдержат строгой и беспристрастной критики. Впрочем, чтобы наши слова не показались бездоказательными, припомним, что подобное самовосхваление новостью своих идей уже употреблял кое-кто в шестидесятых годах, хотя оно скоро было оценено по достоинству. В 1861 году, в одном из наших столичных журналов была напечатана статья *Национальная Бестактность*, в которой, между прочим, доказывалось русским Галичанам, что они напрасно поручают обучение народа своему духовенству, что гораздо лучше все дело заботливости о галицко-русском народе и его образовании поручить лицам посторонним. Чтобы придать этой статье побольше весу, люди усиливающиеся подавить Русских Галичан стали везде уверять, что это голос молодой или новой России, то есть, употребляли именно тот же самый маневр, который и теперь усиливаются пустить в ход некоторые люди, лишь бы сколько-нибудь выставить в выгодном свете странные выходки свои против русского языка и центральной России. Каждый понимающий дело очень хорошо знает, что почти единственными учителями Русского народа в Галиции могут быть или галицко-русское духовенство, или лица выходящие из его среды, так как почти все стоящие сколько-нибудь выше простого народа приняли другой язык, другую народность и другое вероисповедание. Что же вышло бы, если бы русские Галичане увлеклись советом автора *Национальной Бестактности*, и поверили что совет его и в самом деле уже потому и разумен, что назван голосом молодой России? К таким приемам могут прибегать гостинодворцы для скорейшего сбыта своего товара, но не деятели народного образования.

Заклучим же наше пояснение общим примечанием и повторением главных положений: по нашему глубочайшему убеждению, воспитанному не только под родительским кровом, но и долговременным изучением вопроса, помыслы украинолюбцев об устранении русского языка и русских учебников, да еще о какой-то неизвестной нам южно-русской литературе — вопрос жизни и смерти. Не эти зловредные благожелания нужны нам, а полное единение с центральной Россией, русские учебные книги на всех инстанциях обучения и такой взаимный обмен умственных сил и деятелей между Русским Севером и Русским Юго-западом, который бы наилучше упрочивал наше единство с центром России. Всегда и крепко должны мы помнить, что эти три пункта должны быть барометром нашего развития и безопасности на будущее время от всевозможных пропаганд, подобных тем какие мы уже испытали в былые времена; что без этих условий жизни запада и юго-запада, мы уцелеть не можем. Говорим это потому, что всегда и впредь не будет недостатка и в зложелательных нам людях, и в жертвах их ловитвы, говорим потому, что те и другие будут придумывать всевозможные доводы, лишь бы нас как-нибудь разобщить и уединить, и потом тем удобнее повлечь куда угодно. Считаю долгом заявить это еще раз навсегда, как истый автохтон нашего юго-запада, как сознающий его прошлое и нынешнее положение и от всей души желающий ему блага.

Гогоцкий С.С.

**Прибавление к статье
«Еще несколько слов
об украинофилах»**

К статье нашей, напечатанной в июньской книжке *Русского Вестника*, считаем нужным сделать небольшое дополнение. В этой статье мы говорили о странных тенденциях некоторых украинолюбцев — вытеснить наш русский язык и заменить его южно-русским просторечием; но мы не упоминали о том, что те же украинолюбцы не только воображают себе Украину чем-то самостоятельным и отдельным от общей и единой Русской земли, но думают, что и наш русский юго-запад должен подчиниться требованиям и планам каких-то ни кем не прошенных представителей Украины. Не распространяемся и теперь о первой половине украинофильских стремлений — придать Украине, этому обыкновенному названию местности, территориальной окраины, такое значение которого она никогда не имела, не имеет и иметь не может*. Упомянем только о второй, не менее странной половине их притязаний. В своих украинофильских порывах они увлеклись иллюзией, будто их украинские мечты можно распространить и на весь наш русский юго-запад. Но наш юго-запад не Украина; с древнейших времен русской истории этот русский край носит уже название Руси, русского. Еще в те времена, когда древняя Русь простиралась на юг, быть может, не дальше реки Роси и Переяслава, когда за этими пределами к югу были степи, да рыскали бродячие кочевники, на юго-запад уже дале-

* Говорить, поэтому, *украинский* и *русский* — нелепость (скачут птички с синичкой), которую пора уже понять и устранить.

ко и крепко намечена была историческая полоса русской земли и русского строя жизни. Оттого там утвердилось название Руси и русское самосознание, почти одновременно с началом русской истории в Киеве и Руси северо-восточной, на берегах Клязьмы и Оки. Оттого и до сих пор на юго-западе говорят, например, *русский* фольварок, в отличие от польского, *русские* ворота, *русские* школы, *русская* книга, но никто никогда не говорил и не говорит: *украинские* ворота, *украинский* фольварок* и т. д.

Украина это название вовсе не одновременное с происхождением первичных частей древней Руси, а гораздо позднейшее, и притом название, как мы сказали, только полосы территории на юг от Киева, или даже от Роси, и особенно по левую сторону Днепра, населившийся уже в то время, когда древнюю Русь постигли сперва бедствия Татарского погрома, а потом преобладание Литвы и Польши. По какому же праву мы позволяем себе вторгаться с украинскими планами в землю издревле русскую, а не украинскую? Ведь подобные названия — не кличка, которую можно переменять как угодно. Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, а в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все то заменять чем-то *украинским*, т.-е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность*? Неужели же мы не поймем, наконец, смешного и жалкого увлечения в нашей самоуверенности, будто *украинское* может быть для нас выше и важнее *русского*? Можно, конечно, прибегать к различным искусственным приемам, чтобы как-нибудь сообщить привлекательный вид украинофильству, особенно перед людьми неприготовленными к подобному вопросу; можно, с другой стороны, различно уничижать русских людей, отстаивающих свое русское

* Сказанного нами достаточно на первый раз чтобы понять весь сумбур в оглавлении брошюрки: *Литература, российско, великорусска, украинска и галицка, Львов, 1873*. Так и напоминает она и *Ukrainsky abetnyk* добродеев, где азбука разделялась на *московскую, украинскую и польскую*.

имя, русское слово, единство Русской земли и Русского народа, называя их бюрократами, Ташкенцами и т.п.; но все это только уловки, только конёк, на котором обыкновенно выезжают, чтобы смутить людей, не понимающих этой фразеологии: внутренняя сила дела такова, что раньше или позже и дети поймут пошлую сторону украинофильства, поймут и то, что оно имеет крайне мутный источник и придумано не для оживления, а для замедления нашего развития и для повторения того поражения, которое было уже и так надолго нанесено всему нашему русскому западу. Поэтому ваши украинолюбцы сделали бы, по нашему мнению, гораздо лучше, если бы оставили весь наш запад в покое и, не мудрствуя лукаво, называли бы нашу древнейшую русскую страну просто русской, а не навязывали бы ей названия приднепровской местности и ее позднейшего, в сравнении с нашим, населения. Название украинцев для нас непригодно; мечтания некоторых украинолюбцев для нас, по меньшей мере, смешны; а названием Русских мы гордимся, и в единстве, только в единстве нашей русской земли с центральной Россией, в единстве их образования и культурного языка, мы видим крепкий залог нашего всестороннего развития, преуспевания и силы.

1876 года, 6 июля, Киев

Аксаков И.С.

Опасно ли крайнофильство для Русского государства?

У страха глаза велики, говорит пословица — но у патриотического страха, порою еще больше, прибавим мы... Однако же, спросит читатель, патриотический страх! разве возможно такое сочетание двух нравственных явлений совершенно разнокачественного достоинства? Ведь страх — это здесь почти то же, что боязнь, что трусость: разве можно сказать — патриотическая боязнь, патриотическая трусость? Пословица, говоря о страхе, у которого глаза велики, только указывает на явление, но нисколько его не оправдывает; такой страх вовсе не есть похвальное движение человеческого духа и никак уже не может назваться доблестью, тогда как с понятием о патриотизме соединяется представление о доблести, добродетели, героизме... Все это совершенно справедливо, но, тем не менее, читая статьи некоторых наших газет и журналов и письма иных корреспондентов, невольно приходишь к заключению, что у нас патриотическое возбуждение способно порождать и порождает множество патриотических страхов, напоминающих вышеприведенную пословицу. Происходит ли это от того, что наше общество недостаточно верит в свои общественные средства, или от того, что патриотизм наш опирается преимущественно, если не исключительно, на внешнюю материальную силу, во многих случаях недостаточную, — не беремся решить; но как бы то ни было, эти страхи так велики, что заставляют иной раз общество выходить из своей роли и браться за роль ему по природе несвойственную, вступаться в область государственных забот и обязанностей,

обнаруживать бдительность уже чисто полицейского свойства. Конечно, очень мудрено с точностью, а *rigoré*, внешним образом провести границу между патриотической обязанностью и неуместным, от излишнего усердия происходящим, патриотическим полицействованием; но это разграничение должно указываться внутренним чувством человека, обстоятельствами, сопровождающими всякое внешнее проявление патриотической заботливости, и его последствиями. Многое, вполне уместное и нравственное в Англии, например, неуместно и в известном смысле не нравственно во Франции, потому что во Франции оно способно вызывать себе на помощь такую силу, привести в действие такой принцип, который может причинить вред еще больший чем то зло, которое требовало исправления... В России же, при известном могуществе и деятельности государственных внешних сил, такое патриотическое подстрекание — в некоторых случаях, чисто общественного свойства и подлежащее, так сказать, собственно общественной юрисдикции, — является уже совершенно излишним.

На эти мысли навели нас патриотические страхи некоторых наших провинциальных и непровинциальных патриотов, публицистов и непублицистов — по поводу «революционеров в России», а также рассуждения некоторых наших газет о «сепаратистах и украинофилах». Революционеры в России, Русские революционеры! Эти слова невольно вызывают улыбку и поражают слух каждого Русского, свободного от преувеличенных страхов, сознающего силу и крепость Русской земли и Русского государственного строя, — поражают как что-то бессмысленное и уродливое: до такой степени кажется нелепой мысль о возможности успешного революционерства в стране, где верховная власть опирается на испытанные историей — сочувствие и преданность 50 миллионов однородного населения, где даже во времена крепостного права народ ни разу не покусился выставить мятежное политическое знамя, — где малейший признак государственной опасности мигом соединяет около главы госу-

дарства всю землю, всех, без различия вер и состояний. В такой стране пугать общество «революционерами» — по нашему мнению, не только неосновательно, но совершенно бестактно: бестактно именно потому, что такое действие, возбуждая ложный страх, порождает как-будто сомнение в надежности нашего политического и социального склада, ослабляет веру в нашу собственную земскую силу, вызывает меры, предполагает опасность там, где ее нет и где быть ей не следует. Наши так — называемые юные, домашние «революционеры» (употребляем выражение не раз появившееся в печати) так ничтожны, так жалки по своему бессилию, что гораздо достойнее быть предметом патриотического презрения, чем патриотического страха для Русской великой державы: это все равно, что букашки и мошки для какого-нибудь сказочного Русского могучего богатыря, наделенного такой силой, что тронет за руку — рука прочь, тронет за ногу — нога прочь... Счастье людям, если у такого богатыря есть сердце и совесть, как напр. у Ильи Муромца, — было бы горе, если бы у такого богатыря да не было сердца и молчала совесть!.. Поэтому раздражать, вызывать и подстрекать силу богатырскую призраками несуществующих опасностей — по меньшей мере, неуместно... В этом отношении нельзя не порадоваться иной раз, что простой Русский народ свободен от влияния патриотической благонамеренности Русской журналистики, — и нельзя не пожелать *иной раз*, чтоб правительство как можно менее удостоивало внимания *иные* журнальные рекламы и придавало им значение только того, что они действительно есть, т.е. общественного свободного говора, а не указания или доноса. — Если бы наши так называемые революционеры, сепаратисты, крайнофилы и т.п. исты и филы подлежали общественному суду, то, конечно, общество с ними бы без затруднения справилось и толковать об них в литературе было бы совершенно удобно, — но как скоро вы призываете участие другой силы, не общественной и не литературной, то тем самым, естественно, стесняете и собственную вашу свободу литературного обсуждения.

Наши революционеры, сепаратисты и прочие политические партии (?) представляют действительно самое жалкое и безобразное явление, которое было бы достойно сатиры и смеха, если бы было чуждо — трагической развязки... Как назовете вы, читатель, напр. того человека, который, вздумав уничтожить, разрушить Московский Кремль (следовательно с формально-юридической точки зрения виновный в *преступном умысле*), отправляется туда ночью и преусердно начинает колотить голым кулаком — ну хоть в Ивана Великого? Если с формально-юридической точки зрения и можно видеть «преступное покушение к осуществлению преступного замысла», то ведь вы, читатель, как не связанный этим воззрением, никак не заставите себя взглянуть на такое дело строго и счесть такое *покушение* — опасным! Вы, напротив, расхохотесь глядя на усердие, с которым человек добровольно надсаживает свою руку и сдирает кожу с своего кулака, признаете его сумасшедшим и свезете, быть может, в больницу, — или окатите его холодной водой или же просто образумите его громким смехом вашим и созданных вами приятелей. Тверже Кремля и незыблемей его башен и колоколен наше государственное и общественное здание; неразрывно наше единство, — и наивные усилия отдельных личностей потрясти это здание и разорвать это единство — заслуживают, по нашему мнению, такой же оценки, презрения и насмешки, как и попытка сдвинуть с места Ивана Великого ударами голого кулака. Попробуйте преследовать этого безумца — как небезумца, как человека в здравом уме и памяти, и вы только утвердите его в мнении, что его кулак действительно представлял серьезную опасность для Ивана Великого, и что вы сами не очень-то надеетесь на крепость Ивана Великого, — и чего доброго — это мнение примется, пожалуй, и всю публичкой и распространит в ней страх, и вызовет ее на требование, чтобы приставили крепкий караул к Ивану Великому для охранения его от подобных кулачных покушений и пр. и пр.!! Да, нет ничего опаснее, как видеть опасность там, где она не существует!

Но оставим в стороне наших революционеров, так как о них уже давно не было толков в нашей журналистике, и поговорим о сепаратистах и украинофилах, против которых недавно некто г. Волынец в «Московских Ведомостях» (№13)¹ выступил с обвинением весьма серьезного уголовного характера. Здесь мы видим действительную опасность, но совсем не там, где видит ее г. Волынец, и не с той стороны; мы также видим здесь Польскую интригу, но бессознательным ее орудием и несчастной жертвой является нам не тот или другой писатель, зараженный несколько сентиментальной любовью к своему родному Украинскому наречию, — а *сам* г. Волынец и ему подобные... У нас создалось мнение, что в настоящее время, в Юго-Западном крае, так называемый «украинофильский вопрос» *важнее* «Польского вопроса» и стоит на первом плане. Это мнение — ложное и вредное. Это мнение как раз на руку Полякам; они именно того то и добиваются и стараются всячески пугать наших патриотов и местные власти — призраком *опасности* от украинофильства, с тем, чтобы отвлечь внимание от настоящей, действительной, серьезной опасности для края, заключающейся в Поляках и Польском элементе. Нельзя не видеть во всем этом Польской интриги и нельзя не признать, что она действует с необыкновенной ловкостью, если даже умела направить к своей цели и известный патриотизм некоторых органов нашей прессы, так ожесточенно нападающих на мнимую опасность сепаратизма. Малороссия доказала весной 1863 года, как жива в ней старая ненависть к Ляхам, — такая ненависть, питаемая местными историческими воспоминаниями, о которой народонаселение Великорусских губерний и понятия не имеет; она в три недели, почти без войск, сумела справиться с Польским безумным восстанием и разрушила еще в самом начале общие планы Польского мятежа. Было официально засвидетельствовано, что войска должны были — не то, что побуждать народ к сопротивлению Ляхам, но ограждать последних от избытка народного негодования. Самым надежным, самым верным оплотом против Поль-

ских притязаний на раздробление России — явилась, есть и будет Малороссия; самую существенную, на деле, а не на словах, — кровью, а не фразами засвидетельствованную услугу Русскому единству и целости (чему грозила по видимому опасность и что возбудило такой всеобщий протест в России, выразившийся в адресах) — оказала Малороссия, и именно за-Днепровская Малороссия, Киевская, Подольская, Волынская область. Поляк — ей старый знакомец, старый враг, — тогда как для большей части России понятие о Поляке есть понятие несколько отвлеченное. К счастью нашему, местный элемент Малороссийский, с его местными историческими преданиями, местной враждой к Ляху, привязанностью и любовью к своей родной местности, — к счастью нашему этот местный элемент оказался крепок, живуч и своей местной силой сослужил службу единству и целости Руси. Выгодно, ли было бы для Русского государства, если бы этот местный элемент ослабел, если бы забылись местные исторические предания, если бы живая связь с родной местностью, так хорошо согласующаяся с чувством братского единства с остальной Русью, была заменена одним только отвлеченным чувством преданности внешней государственной целости империй? Конечно не выгодно, об этом и рассуждать нечего. Что же нам следует делать? Нам следует, даже ради государственных выгод, укреплять и поднимать тот местный элемент, который представляет такую живую и единственно способную силу для борьбы с Поляками, с живой силой местного же польского элемента. Нам будет невозможно отсюда, издали, справиться с нравственным могуществом полонизма, если не будет благоприятных условий для развития местного *туземного* (а не наездного) Русского общества.

Поляки это поняли и употребляют теперь все свои старания к тому, чтобы всячески заподозрить в глазах России этот местный Русский элемент, чтобы вызвать с нашей стороны меры неблагоприятные его развитию, стеснительные или оскорбительные, — чтобы поссорить нас с Малороссами... Разумеется, это им не удастся, —

но в частности, кое-где, они успели поставить на свою живую точку зрения недалководидных местных начальников, — и даже, может быть, часть Русского общества. Они успели внести раздражение в полемику об украинофильстве и сделать ее даже... неудобной; они успели — печатно и гласно, пользуясь простодушием Русского патриотизма и через его посредство, не только бросить на всех украинофилов, без различия, тень подозрения в сепаратистических тенденциях, т.е. в стремлениях отделить, и напугать этими тенденциями Русскую публику, но и положительно обвинить их в сепаратистических кознях, в содействии Польской интриге. — Мы с своей стороны не отрицаем, что несколько юных голов заражены сепаратистическими бреднями: сами по себе эти бредни нам совершенно противны, но они более безобразны, нелепы, смешны, чем опасны; мы убеждены, что они несколько не представляют серьезной опасности для единства и целостности России, но могут быть очень опасны для самих этих сепаратистов, если только при новом восстании поляков натолкнется на них раздраженное Малороссийское население. Несравненно опаснее, по нашему мнению (а этого именно и добиваются Поляки), придавать этим сепаратистическим тенденциям более значения, чем они заслуживают, и на этом основании принимать общие меры, падающие не на сепаратистов собственно, которых число слишком ничтожно, а на всех так называемых украинофилов, на все Малорусское население, — меры, оскорбляющие в Малороссах чувство, совершенно законное, любви к родине. Известно, что привязанность к прекрасной своей родине составляет отличительную черту Малороссов и не покидает их ни при какой обстановке жизни. Кажется, уж никто не осмелится назвать автора «Мертвых душ» сепаратистом, а между тем знавшие его лично могут засвидетельствовать — как любил он свою Малороссию, Малороссийскую песнь, звуки Малороссийской речи. Живи он теперь, — нет сомнения, г. Волынец и ему подобные сумели бы и его заподозрить в сепаратизме, нашли бы средство оскорбить

его чувство любви к родине, постарались бы воспретить ему пение малороссийских песен! Г. Волынец, напр., не только выражает свое несочувствие с историческими и литературными тенденциями г. Костомарова (с которыми и мы во многом не сочувствуем и заявляли это не раз довольно резко), но и положительно обвиняет г. Костомарова в государственном преступлении. Хорошо, что правительство не дает никакой цены таким обвинениям, — и нельзя не благодарить за это, с полной искренностью, нашего правительства, — ну, а если бы оно поверило таким обвинениям?.. Что тогда? Тогда бы Польская интрига восторжествовала, и г. Волынец создал бы действительную опасность — вызвав правительство на несправедливую меру, раздражив национальные страсти и лишив Русскую литературу (и нас в том числе) возможности вести с г. Костомаровым ученую и литературную полемику о его исторических и литературных теориях. Как не понимает г. Волынец и те, которые ему сочувствуют, что подобные лживые обвинения вредят самому делу, которое они взялись защищать; что смешивать украинофильство с сепаратизмом — не совестливо; что пока неприятные нам, даже сепаратистические тенденции не перешли в положительное дело, — литературные суждения о них должны быть чисты от полицейского характера; что меры строгости, которые они призывают, должны обрушиться большей частью на невинных и отозваться невыгодными последствиями на нашей собственной общественной жизни? Г. Волынецу не нравится статья, помещенная в Львовском журнале «Мета»². Нам она нравится еще менее, чем г. Волынецу, нас глубоко оскорбила и возмутила корреспонденция из Киева, напечатанная в Львовском же журнале «Слово» и перепечатанная потом во всех Славянских газетах, — и признаться сказать, читая ее, мы сильно негодовали не столько на автора корреспонденции, сколько на людей, разделяющих мнения г. Волынца. Мы думаем, что не будь статей в нашей журналистике в роде «письма о новой фазе нашей хохломании» и еще прежде этого письма появившихся, —

не было бы и статьи о «становище Гуси» в «Мете», ни корреспонденции из Киева в «Слове», — не было бы *повода* к ним, — потому что не было бы повода к некоторым фактам, ни — следовательно — повода к такому раздражению. Мы хотели возражать корреспонденту из Киева, но, к сожалению, были затруднены в ответе, потому что не могли отрицать некоторых несочувственных нам фактов, вызванных на свет, может быть, нашей же литературой...

Читателям «Дня» известно, что мы всегда спорили с теми нашими писателями, которые старались создать особый Малороссийский литературный язык, и доказывали тщету и ненужность их попыток. Мы вели оживленную полемику с г. Кулишем и с г. Костомаровым, и с «Основой», журналом, к сожалению, преждевременно прекратившимся. Мы и впредь будем неослабно спорить с ними в пределах литературных и равным оружием, если только нам не помешает клевета и вообще неуместное патриотическое усердие гг. «Волынцев». (В нынешнем же № мы помещаем статью М.П. Погодина против мнения г. Костомарова о Дмитрие Донском)³. Мы восставали против исторических и литературных убеждений гг. Кулиша, Костомарова и других, но наша вера в неизблемость Русского земского строя, в единство Руси, основанное не на теории, а выработанное историей и зиждущееся на единстве духовном, не допускала в нас места смешным опасениям сепаратизма, не позволяла нам бояться, как чумы или огня, появления в свет книжек на Малороссийском наречии. Если, как говорит г. Волынец, они никому решительно не нужны, тем лучше, тем она безвреднее, тем скорей издатели убедятся в бесполезности своего предприятия. Что же касается до Евангелия, то при первом известии об этом переводе, мы сочли нужным обратить внимание переводчика на самый язык и посоветовали ему избегать в переводе вкравшихся в Малороссийскую речь полонизмов, а держаться ближе к Славянскому подлиннику; но мы никогда не присоединимся к просьбе, с которой г. Волынец обращается к высшему духовному начальству *не* разрешать Еванге-

лия на Малороссийском *наречии*. Благодаря св. Синоду, может быть, до миллиона экземпляров разошлось и недавно вновь напечатано по необыкновенно дешевой цене — Евангелия на *Русском наречии*, как значится на обертке, — и потому, кажется, нет причины не быть ему и на *Малорусском наречии*... Наконец, Поляки и даже самые сепаратисты, издав свой перевод Евангелия где-нибудь в Галиции, найдут средство распространить его и в Малороссии, как запрещенный плод, и сделать из того отказа, которого добивается г. Волынец, повод к новому неосновательному обвинению Русского правительства и Русского общества в насильственно-централистических действиях. Пусть же наши близорукие патриоты подумают о том, куда они ведут, какие принципы они призывают к действию, каких мер они просят — в пределах своей же собственной общественной жизни, — на какой путь стараются они натолкнуть самое правительство? Но оно, разумеется, останется глухо к подобным призывам...

В заключение и в pendant⁴ к письму г. Волынца, позволим себе привести отрывок из письма, полученного нами из Киева от одного истого Малоросса, ярого врага всякого сепаратизма:

«Учреждение в Киеве братства или общества для распространения православного образования в Юго-Западном крае дало бы Киеву новое значение; но для этого надо откинуть излишнюю мнительность и недоверчивость. Правительство имеет все средства следить за направлением деятельности как частных лиц, так и, тем более, обществ официально существующих, и если бы заметило что-нибудь несообразное с своими видами, то всегда будет иметь довольно силы, чтобы остановить это уклонение. К тому же мы, Русские, заслуживаем, кажется, несколько больше доверия, нежели Поляки. Что касается до так называемой партии украинофилов, то мы находим в ней достойною уважения любовь ее к народу и родине, признаем нападки, которым она подверглась в последнее время, большей частью преувеличенными, а часто и недобросовестными, потому что за грехи не-

которых ее членов подвергается ответственности все направление; но, с другой стороны, не можем одобрить всех способов проявления ее народолюбия, находим, что она не всегда достаточно ценит то, что дорого народу, не довольно поняла внутренний строй его понятий и создает в своем воображении какого-то театрального Украинца, вместо настоящего. Мы не разделяем также ее мнения, будто в народных школах преподавание непременно должно быть на Малороссийском языке; но протестуем открыто против всякого литературного мнения о стеснении в издании книг на этом языке; мы не понимаем, чтобы книга могла быть вредна *не по содержанию своему, а по языку, на котором написана*. Такое литературное мнение может возбудить справедливые сетования со стороны лиц украинофильской партии на преследование языка, употребляемого несколькими миллионами их сограждан, у которых нельзя отнять права любить его и наслаждения пользоваться им для воплощения своей мысли и чувства! Пугливое воображение некоторых рьяных журнальных защитников обще-Русского единства видит в изданном Малороссийском букваре и нескольких книжонках для народного чтения привидение сепаратизма: но если бояться привидений, то мы скорее готовы видеть сепаратизм в преследовании Малороссийской письменности, ибо это преследование может поселить вражду между братьями, не существовавшую доселе. Не значит ли это, в настоящее время, работать для Поляков, которые только этого и желают; можно сказать, что журнальное преследование, открывшееся в последнее время против украинофилов, толкает их в Польские объятия, распростертые им со всевозможной наружной терпимостью. Мы не думаем конечно, чтобы вследствие такого грубого обращения нескольких влиятельных журналов, украинофилы сделались орудием Польских козней, почувствовали симпатию к Полякам — это значило бы признавать их совершенно не знающими духа своего народа и ведущими его на верную гибель во всех отношениях; если бы нашлись таковые, то мы отвергаем с негодова-

нием всякое с ними общение; но мы должны сознаться, что нападки на проявление законных требований национального чувства, находящиеся в ярком противоречии с воззваниями к местному Русскому историческому преданию, производят на нас тяжелое впечатление. Можно ли с одной стороны вызывать в народе Южной Руси воспоминания о борьбе его с Поляками за веру и родину, а с другой находить предосудительным, если это воспоминание в форме песни, думы, рассказа будет в печатной книжке предложено ему для чтения? Что подумает любой хлебороб-Украинец, если ему растолкует какой-нибудь недоброжелатель Великорусское негодование за то что иной учитель вздумал объяснить детям грамоту на его материнском наречии, и учил читать по книжкам, на нем написанным? Да поразмыслят по крайней мере об этом рьяные противники украинофилов, если они не чувствуют сердцем незаконности своих нападков, и не прозревают умом, что развитие Южно-Русского племени в духе своей народности, православия и местных исторических преданий не только не послужит в ущерб обще-Русской силы, но, напротив, сделает ей значительное приращение, потому что вызовет к жизни и сопротивлению Польскому влиянию не только вещественному, как было доселе, а нравственному- коренное Русское племя, связанное со всей Русью своей верой, единством Киевской святыни, происхождения и исторического прошедшего, но находившееся в дремоте последнее время и не вносящее почти никакого вклада в сокровищницу Русской жизни».

Мы вполне разделяем это мнение нашего корреспондента.

Аксаков И.С.

Польский ли город Киев?

«Польский ли город Киев или русский? Достояние ли он польской национальности или Русской земли?» – вот вопрос, по видимому странный, с русской точки зрения даже забавный, во всяком случае простой, несложный, который мы уже давно приняли за правило предлагать на первых же порах *каждому Поляку*, достаивающему нас личным знакомством и политической беседой. Мы советуем всем нашим читателям *непрерывно* употреблять при встречах и разговорах с Поляками тот же самый элементарный прием: он с первого же раза устраняет двусмысленное празднословие, упрощает и определяет взаимные отношения. В самом деле, если ваш собеседник польского происхождения способен на поставленный ему вопрос о русском значении *Киева* не только отвечать отрицательно и признать его достоянием польским, но даже *запнуться, замяться* в своем ответе, то всякие дальнейшие речи излишни, – толковать более уже не о чем. Если уже на «матерь русских городов», «колыбель русского государства», «священную купель Русского народа» Поляки в состоянии простирать свои виды, то тут место не рассуждениям, а разве лишь, в лучшем случае, сожалению, именно о таком ненормальном состоянии духовных способностей.

А между тем, много ли найдется Поляков из шляхты и особенно из так называемой «интеллигенции», которые бы не запнулись, не замялись в ответе, которые бы добросовестно, прямо, честно отказались от польских притязаний хотя бы только именно на Киев? Мы таких знаем очень мало, да и те позволяли себе выражать

подобное отречение лишь с глазу на глаз, в интимной беседе. Во время оно, граф Ст., на вопрос нами предложенный, отвечал не только положительно, в смысле русском, но начертил нам даже карту проектированного им этнографического размежевания; он даже великодушно уступал России четыре уезда в Гродненской губернии! Мы тем не менее отнеслись к нему дружелюбно, как к первому встреченному нами Поляку, который не ставил польского вопроса на радикальное основание: «все или ничего», или «от моря до моря», и убеждали его (он отправлялся за границу) опубликовать свои мнения и от своего имени особой брошюрой, чтобы таким образом составить противовес многообильной и сумасбродной польской заграничной публицистике. Он отказался. Он объяснил, что парижская польская эмиграция, от которой более или менее все «польские патриоты» зависят, такого издания, такого отречения даже от Киева никогда не дозволит. Точно также не признавали для себя возможным подобного гласного отречения и многие другие Поляки, обращавшиеся к нам уже позднее, в разное время, с разными планами «примирения». Не очень давно в «Голосе» печатались «письма польского публициста». Они, конечно, не вполне отвечают требованиям русского национального чувства, и как-то мало внушают доверия, но тем не менее они для польской интеллигенции значительный шаг вперед. Мы уже готовы были порадоваться даже и такому умеренному прогрессу польской мысли, — как польские заграничные публицисты поспешили сами предохранить нас от увлечения! Польские заграничные газеты (а где же и искать выражения настоящей, искренней польской думы, *как не в органах печати вполне свободной?*) с неистовством, с яростью набросились на упомянутые «письма», между прочим именно за то, что автор при суждении об автономии польской национальности ограничивался так называемой «Конгрессувкой» или «Царством польским»¹, устраняя самый вопрос о каких-то польских правах в Юго-Западном и Северо-западном крае России. Да и давно ли сам препрослав-

ленный польский романист Крашевский², — на юбилей которого сунулись было спроста некоторые Русские, да и поплатились срамом, — торжественно заявил, что современные поколения поляков не имеют права отречься за будущие поколения от притязаний на эти провинции, т. е. лишать такого «достояния» своих детей и потомков? Этим *все* сказано, — но этим же предопределены и наши отношения к Полякам, и самое решение польского вопроса.

Спрашивается: к чему же вся эта преждевременная трата либерально-чувствительных слов и красноречивых заверений в братской любви по отношению к «Польше», которыми, особенно с некоторого времени, преисполнены страницы многих наших газет и журналов? Зачем представлять эту задачу такою головоломной и истощаться в придумывании способов к ее разрешению, когда она вовсе не головоломна и вовсе не сложна, и благополучное ее разрешение зависит прежде всего от *самих* Поляков? Ведь, конечно, никто из авторов всех вышеупомянутых статей, если только он Русский, не предполагает же поступиться «Польскому народу» *Киевом*, как бы далеко не простирался его космополитизм и либерализм. Следовательно, все сладкие песни о примирении, об установлении *modus vivendi*³ двух народностей и пр., обрываются сразу, на первом же пункте, и пока может оставаться хоть тень сомнения относительно этого пункта, не может быть и речи ни о каком мире. Мало того, всякая речь о мире со стороны Русского является — в наиболее приятнейшем истолковании — тупоумием, а не то как преступлением и изменой, — изменой Русскому народу, которого даже из отдаленнейших концов Сибири «язык доводит до *Киева*» на поклонение его исторической святыне, который одинаково готов постоять за Киев, как и за Москву. Если же «польский патриот» будет отказываться и утверждать, что таких дерзких помышлений Поляки вовсе и не питают, то пусть *потрудится заявить о том всенародно*. Что они питали эти помышления очень недавно, всего шестнадцать-семнадцать лет тому назад, это доказывает-

ся историей последнего польского восстания: с тех пор Поляки не представили нам ровно *никаких* залогов в своем исправлении и отрезвлении — даже по отношению к Юго-западному краю. А без этих залогов, хотя бы только в виде единодушного открытого заявления всех польских публицистов и выдающихся общественных деятелей, мы не имеем ни малейшего повода полагаться на их голосовные и частные, с глазу на глаз, уверения, особенно когда заграничные Поляки сами, как будто о том лишь и заботятся, чтоб воздержать наше простодушие от всякого на этот счет самообольщения. Мятежнические действия Поляков в 1863 году в пределах Киевской, Волынской, Подольской губерний были, как известно, подавлены в несколько дней — никак не государственной силой, не распорядительностью начальства, а энергией самого русского местного сельского населения. Это свидетельство мысли и воли *самого народа*, вместе с упомянутыми выше разоблачениями польской истинной думы польскими же заграничными публицистами, должно бы, кажется, образумить и тех наших умственных недоносков, которые заражены каким-то полонофильским украинофильством и бредят какой-то федерацией 15-миллионного (!) «Южно-Русского народа» с «братьями-Поляками!» Казалось бы, ясно как день, что если подобные бредни, состоящие в прямом противоречии с заветными чаяниями Поляков, Поляками не преследуются, а поощряются, то стало быть они почему-либо на руку польскому политическому властолюбию. Казалось бы, современный образ действий Поляков в Галиции и страдания трех миллионов галицких Русских обличают в истинном свете существо польских воззрений на автономию Южноруссов. Но если такие логические соображения не под силу нашим многоумным «федералистам», то достаточно, думаем, было бы хоть только припомнить программу или план, начертанный знаменитым польским бунтарем Мерославским. План состоит в том, чтобы вместо открытых восстаний достигать польских целей пока лишь расшатыванием русской государственной крепости самими

же Русскими. Не утаивая своего глубокого презрения к русской интеллигентной среде, Мерославский выражает уверенность, что в ней всегда с избытком найдется ограниченных, наивных или пустых голов, которые полякам удобно будет поддеть на удочку демагогических или национально-революционных теорий (напр. хохломанства, сепаратизма, федерации), натравить их на русскую правительственную власть, затем, когда они довольно и с успехом в этом направлении поработают, воспользоваться ослаблением русского государства для осуществления польских замыслов, вышвырнув, разумеется, русских *глупышей* за борт. Так как этот драгоценный документ, попавший в руки правительства, был своевременно обнародован, — естественно было надеяться, что русское общество достаточно предупреждено, и «глупышей» не найдется... Нашлись и пошли на удочку, даже не остались без некоторой поддержки и в нашей мнимолиберальной печати, конечно не злоумышленности ее, а простоты ради...

Об этом крайнофильстве, впрочем, мы еще будем иметь случай говорить. Мы нисколько не смешиваем с ним естественную, законную любовь к малороссийской родине, к прелестным малороссийским песням, нарядам и говору. Справедливость понуждает, однако же, нас заявить, что виной недоразумения в этом отношении со стороны правительства всего более образ действий бывшего профессора Драгоманова, который, под видом бесхитростного ученого и литератора, состоял, как обнаружилось потом, агентом заграничной польско-украинофильской политической партии. Его эмиграция, его деятельность как эмигранта в Женеве, наконец, последняя его брошюра на французском языке, в которой он — «хотя *по принципу* и отвергает политическое убийство, однако же самый *факт* убийства 1 марта вполне одобряет и похваливает»⁴, окончательно свидетельствует — какова нравственная подкладка того фальшивонародного, преступного направления, которое называет себя «украинофильским» и только компрометирует не-

винное и безвредное пристрастие Малороссов к некоторым племенным их отличиям.

Итак, мы довольно, кажется, упростили «польский вопрос», приурочив его к *Киеву* и Юго-западному краю, от притязаний на которые Поляки все еще *не отrekliсь* — не только в своем *сознании*, но и *делом*, ибо продолжают интриговать, в той или другой форме, в ущерб русским государственным и народным в тех областях интересам. Нельзя же либерально простирать руки, чтобы сжать в своих дружеских объятиях человека, который, сладко вторя вашим либеральным речам, в то же самое время протягивает руку в ваш карман и тащит оттуда бумажник. Такого человека, поневоле, приходится ударить по пальцам, а если он не унимается, то впредь, до окончательного исправления, держать, хотя бы и скрепя сердце, наперекор нашему добродушию, «под интердиктом»...

Но дело идет не об одном Киеве и Юго-западном крае. Предположим, что с одной стороны нет даже никакого повода опасаться (хотя, к несчастью, при нашей административной неумелости и фальшивом общественном либерализме, именно *русским народным* интересам всегда и всюду может грозить опасность от «культурных» иноплеменников), — но есть и другой край, имеющий не менее, если не более, прав на наше внимание и охрану: это — Белоруссия. *Более* прав имеет она на нашу заботливость, на усиленное попечение именно потому, что она долее была нами забыта, и Русский народ в ней, отчасти по нашей вине, более *забит*, слабее народа Украины. Мы полагаем, что на *прямо* поставленный вопрос: следует ли предоставить *Белоруссию* Полякам, т. е. допустить в ней господство польского национального элемента, — ответит энергическим отрицанием даже большая часть русских публицистов, бродящих теперь в печати вокруг, да около «польского вопроса» и почему-то никак не попадающих в самую сердцевину. Надо надеяться, что редактор «Русской Мысли»⁵, например, не согласится выдать Белоруссов во власть Полякам и признает совершенно излишним *в наше время*, после восстания 1863-64 гг.,

всякий опрос русского населения. Кажется, оно высказалось достаточно! Если же так, то и программа нашей административной политики определяется сама собой: это — одновременно с энергическим подъемом русского местного народного элемента в экономическом, социальном и политическом отношениях, — энергическое же отрицание всяких прав польской национальности в крае, исключая, разумеется, области вероисповедной внутри ее пределов, — строго очерченных пределов: при этом, разумеется, никаких сделок, никаких компромиссов, ни тени каких-либо уступок. Под Белоруссией мы разумеем здесь губернии Могилевскую, Минскую, Витебскую, Виленскую и Гродненскую. Мы виноваты, мы в долгу перед этим краем! После возвращения его России при Екатерине, мы сами усиленно содействовали его ополячению — всей тяжестью правительственной власти, особенно в царствование Александра I, который, как известно, хотел даже слить нераздельно все эти губернии с созданной им «Польшей». Забвение русской истории, неуважение к правам русской народности, возведение национальной безличности в принцип, в обязательную высшую ступень «культурного» развития, благоговение к европеизму, оценка русских интересов сквозь призму европейских, фальшиво-либеральных доктрин и, вследствие этого, бессознательное служение интересам чужим, в ущерб русским, — вот господствующие черты нашей внутренней и внешней политики в эту эпоху, даже наперекор величавому вразумлению 1812 года. Для утешения угнетенной *польской* национальности подвергнут был, в упомянутом нами крае, сугубому гнету *Русский* простой народ. Русское общество, с своей стороны, не вдруг и даже довольно поздно, уразумело грех своего невежества. Можно сказать, к стыду нашему, что едва ли не в начале шестидесятых годов, после долгого перерыва, оно вновь, неожиданно, открыло для себя Белоруссию, словно какую Америку, и Христофором Колумбом в этом отношении явился для него чуть ли не М.О. Коялович с своими пламенными статьями в газете «День». Поль-

ское восстание довершило наше воспитание. Это позднее сознание не ослабляет, а лишь усиливает долг России перед Белоруссией.

Впервые ожил, вздохнул свободно и предался радостным надеждам Белорусский народ только при Муравьеве, «которого, разумеется, за то и предавали анафеме, купно с поляками, все наши так называемые «западники» и мнимые «либералы», от фельетонистов до государственных мужей включительно. После Муравьева и продолжавшего его дело генерала Кауфмана⁶ (управления графа Баранова⁷, по кратковременности, нечего и считать), наставшие русские правители края руководствовались, кажется, только одним принципом: действовать как раз в противоположном Муравьеву направлении, изгладить

М.Н. Муравьев

в польском обществе печальную память недавнего прошлого, поднять его дух и подавить дух русского населения. Десятилетняя, энергически последовательная административная деятельность именно в том смысле — истинный грех русской администрации перед Россией, несколько не исправленный и генералом Альбединским⁸. Мы уже указывали в «Руси» на современное печальное положение дел в нашей Северо-западной окраине, на деятельные интриги польского католического духовенства, на подъем польского общественного духа, на оскорбления, испытываемые Русскими, не находящими себе поддержки в представителях русской власти. Мы тогда же выразили мнение, что край этот имеет не одно стратегическое значение, и что, как ни важно в этом последнем отношении пребывание в нем нашего гениального

инженера, однако же, кроме инженерной гениальности, в этих именно губерниях едва ли не более, чем где-либо, требуется и административный талант, действующий в резко определенном, национальном русском направлении. Если относительно Юго-западных губерний поляки выражаются еще более или менее сдержанно, то относительно губерний Виленской и Гродненской, напр., они почти вовсе и не стесняются. Наши публицисты, вдруг, ни с того, ни с сего, поднявшие в печати польский вопрос в смысле более или менее благоприятном для Поляков, и не подозревая, какое содрогание производят их статьи в немногих истинно русских, достойных, еще невыгнанных отсюда русскими властями деятелях и во всех коренных Белоруссах, — как, поднимая дух в Поляках (т. е. вызывая наружу их дерзкую заносчивость), каждая статья повергает в уныние и без того подавленный дух Белорусса. Публицисты, затевающие миролюбивые мелодии, могут быть уверены, что каждый их гармонический аккорд сказывается на месте, в жизни, горьким диссонансом для русского крестьянина, для самых дорогих священных его интересов.

Что же касается Литвы, то помещаемое ниже письмо г. Мурашка⁹ достаточно поясняет, какого направления *обязана* держаться Россия по отношению к Литве, не только для своей государственной пользы, но и для пользы самого Литовского племени.

Вывод из всего этого следующий:

Пока русские народные интересы в Юго-западной Украине, в Белоруссии или вообще в Северо-западном крае не будут признаны первенствующими, главенствующими, исключаящими какое бы то ни было соперничество, пока они не будут упрочены твердо и незыблемо, пока пребывает хоть тень польских посягательств на безусловные права русской там национальности, пока Поляки не перестанут мечтать, не только о восстановлении Польши до раздела 1772 г., но даже о водворении в тех краях своего господства или хоть бы только о поддержании еще существующего, по нашей вине, их преоб-

ладания в какой бы то ни было форме, — *до тех пор* с нашей стороны не может быть и речи ни о каких не только миролюбивых заискиваниях, но и ни о каких уступках, способных лишь усилить польскую притязательность и ослабить наши способы обороны. Ибо наши отношения к полякам определяются именно этой потребностью *самообороны*, и наша политика в так называемой «Конгрессовке» или «Царстве Польском», или «Привислинском крае»¹⁰, другого значения, собственно говоря, не имеет. Только тогда, когда поляки вполне, искренно и безусловно откажутся от своих замыслов о восстановлении Польши со включением в ее границы нашей Украины и Белоруссии, вообще Северо-западных губерний без исключения, и согласятся ограничить смысл этого термина «Польша» значением чисто этнографическим, — только *тогда*, а не ранее, откроется возможность и примирения, и признания прав польской народности в ее естественных пределах. До тех пор Поляки, ни по чьей вине, как только по собственной, должны, по выражению Хомякова, приведенному в «Русской Мысли», оставаться *под интердиктом*¹¹.

Если же кому из Русских такой вывод покажется слишком суровым и строгим, то пусть же, повторяем, он попробует заручиться от всех польских передовых людей и вожаков торжественным, всенародным за себя и за потомков отречением от Киева, — хоть от одного *Киева*, от этого клича, не раз слышанного нами, за границей, в их застольных песнях: «Spotkamy sie w Kijowie!»¹². Кажется, это аргумент вразумительный: Киевом то, мы полагаем, не поступится ни один Русский, какой бы либеральной маниловщиной по отношению к Полякам ни был он одержим.

Комментарии к настоящему настроению духа у Поляков, обильно представляемые польскими заграничными газетами, сообщим после.

Аксаков И.С.

Об украинофильской агитации львовской газеты «Дело»

Мы в долгу перед газетой «Дело» (читай: *Дило*)¹, печатавшей в своем № 83-м, 27-го *жовтня* (т. е. октября: можно побиться об заклад, что современный галицкий народ никакого «жовтня» не знает) целую «отповедь» 41-му № «Руси». Газета «Дело» издается во Львове. Она служит органом тех недальновидных и мало остроумных русских Галичан, которые в свою очередь (конечно бес-сознательно, по крайней мере мы желаем так думать) служат орудием тайного австрийско-польского замысла, направленного против единства и целостности Русской державы, — орудием бессмысленной и бесплодной агитации в смысле малороссийского сепаратизма, образования общего союза или выделения из Русской державы и Русского народа 18-ти (!?) миллионов «Русинов» на федеративном начале! Попытаемся объяснить читателям историческое происхождение этой деятельной в настоящее время агитации.

Известно, что при первом разделе Польши в 1772 г. императрица Австрийская Мария-Терезия², хотя и обронила несколько слез по поводу расчленения соседнего государства, тем не менее согласилась насиловать свою робкую совесть и захватила (даже очень поспешно, ранее подписи раздельного акта, — захватила войсками) Галицию, населенную почти сплошь, за исключением западной ее части, тем русским племенем, которое по говору и по быту подходит к малороссийской его разновидности. Впрочем, о замене польского подданства австрийским Галицкая Русь в ту пору конечно не пожалела, да и повода

к тому не было: господствующим классом были Поляки, и русское население, т.е. народные массы, могло надеяться (и не ошиблось) на защиту австрийского правительства от несносного польского помещичьего гнета... Россия тогда только слагалась и еще не собрала всю Русскую землю, но с последним разделом Польши все разновидности Русского племени, исключая Руси Угорскую и Галицкую, слились в один великий Русский народ и вошли в состав единой Русской державы, ставшей таким образом непосредственным соседом и Галича. Соседство для Австрии, с точки зрения ее правительства, весьма неудобное. Оно не могло не будить в Галичанах сознания их племенного единства с тем Русским народом, духом которого созиждено одно из могущественнейших в свете государств и который, особенно после изгнания из пределов России Наполеона, наполнил славой своих подвигов весь мир, явился спасителем целой Европы. К счастью однако же для Австрии, русское правительство не только никогда не употребило во зло своего соседства, но, казалось, поставило себе особой задачей блюсти и поддерживать целостность Австрийской монархии столь же ревниво, как и австрийские государственные люди. Оно как бы отказывалось признавать даже факт единоплеменности с Россией значительной части австро-мадьярских подданных. (Да и до сих пор на картах русского генерального штаба и даже в официальных гимназических учебниках географии русские и славянские в Австрии города красуются под немецкими кличками, а не под их русскими или славянскими, употребительными в народе именованиями, напр., Лемберг вместо *Львов*, — Аграм, вместо *Загреб*, Лайбах вместо *Любляна*, и. т.д.). Мало того: когда Австрия, в 1849 г., была на краю гибели, угрожаемая взбунтовавшимися Мадыярами (при участии того самого графа Андраши, который еще недавно был первым министром Австрии, остается и теперь главным вдохновителем австрийской политики³), она была спасена и восстановлена во всех своих государственных правах, в своем господстве над входящими в ее состав племена-

ми, ни кем иным, как русскими же войсками, вследствие мольбы юного австрийского императора. Из рассказа об этом спасительном для Австрии русском походе, напечатанного в 50-х годах в «Русской Беседе», видно, какому диву дались русские солдаты, не подозревавшие о существовании Русских вне пределов Русской державы: «как же это так — спрашивали они офицеров — люди одного с нами языка, как есть наши, да не под нашим царем?» Несмотря на такое недоумение, русские войска не только не пытались колебать подданнической верности в подвластном Австрии русском населении, но, как сказано выше, восстановили над ним поколебавшуюся было австрийскую власть. Однако же все это ревностное, бескорыстное, доблестно-честное служение русского правительства интересам австрийским не спасло его от самых низких подозрений в тайных кознях и происках. Этого мало: долг благодарности за оказанное благодеяние (нисколько не затруднительный для великих духом и силой народов) оказался слишком тяжел для монархии, в которой и народа-то нет, — народа, определяющего своей народной личностью характер и бытие государства, — а имеется лишь случайная совокупность различных и духовно-разрозненных племен. В Австрии, как известно, единство национальной души, ход и развитие органической цельной национальной жизни заменяются механизмом управления и искусством взаимного сочетания и противопоставления или балансирования племенных эгоизмов и интересов. Подобному правительству нравственные обязательства и не под силу. Как ни смирна и смиренна наша Россия, но сознавать себя спасенной именно ей, было нисколько не лестно для австрийской государственной власти при единоплеменности большинства австрийских подданных с Русским народом, и Австрия воспользовалась первым удобным случаем — Крымской войной, чтобы отплатить нам самой «черной», как тогда выражались, «неблагодарностью», поразившей на смерть рыцарское сердце императора Николая. Мы, впрочем, нисколько не расположены винить ее за такой

образ действий. Он обуславливается самыми условиями бытия этой монархии, именно с той поры, как Наполеон I сдвинул ее с исторической ее основы и из священной Римской империи низвел на степень империи Австрийской. Эти условия самые печальные и способны вчуже внушить сожаление. Несчастной империи приходится ежечасно томиться заботой и страхом, постоянно ломать голову над вопросом: «чем ей быть», вечно заниматься эквилибристикой с вечным опасением потерять равновесие и упасть. Из Австрийской она обратилась теперь уже в Австро-Венгерскую империю, но и эта форма едва ли долго продержится⁴. Она в постоянных поисках за тем соусом, под которым должен быть изготовлен тот пестрый винегрет, на который так похож ее внутренний племенной состав, или, говоря без сравнений — за началом объединяющим. Она не может существовать сама по себе. Утратив поддержку России, она утратила вслед за тем свои итальянские владения и без особенного труда была вышвырнута из состава Германии, чем и был ослаблен немецкий, до той поры главный связующий Австрию цемент. И теперь она сильна единственно лишь поддержкой Пруссии, или, пожалуй, «Германской империи», которая указала ей новую политическую перспективу — на Славянском Юге, за Дунаем, и уверила ее, что поглощение Славянских племен, претворение их в «австрийскую национальность» — вот отныне призвание Австрии. Австрия и поверила, но, за неимением единой физиологической национальной основы, пытается воссоздать эту национальность на основе католического единства. Торжество ее в этом направлении будет вместе и торжеством католицизма. Впрочем, до торжества еще далеко. Как ни уверена Австрия в германской поддержке, тем не менее самой могучей помехой, самым грозным пугалом для нее по-прежнему остается Россия с ее естественной, нравственной центростремительной для Славян силой, при полном отсутствии каких бы то ни было властолюбивых не только происков и умыслов, но даже и помышлений. От того и это постоянное недоверие, по-

стоянная враждебность австрийского правительства к России, — враждебность, особенно распалившаяся с той поры, как целью всей его политики стали захват и претворение Славян, даже православных и на Балканском полуострове, в австрийско-католическую национальность. Из-под пасти медведя, даже тихого как овечка, не совсем-то безопасно красть медвежат... Вот почему, даже против желания государственных правителей Австро-Венгрии, в ней снуют в воздухе предчувствия и ожидания войны с Россией, которая сама настроена вовсе не воинственно и ни на кого нападать не собирается; вот почему Австро-Венгрия только о том и заботится, да и не может, по самой политической природе своей, не заботиться — как бы, тем или другим способом, ослабить внутреннюю целость и крепость России и силу внутренней, духовной и нравственной ее связи с миром Славянским... В безумной слепоте своей австро-мадьярские власти сами готовятся поставить России вопрос: быть ей или не быть, и вынудить ее на ответ... Лучше бы не вынуждали...

Но мы зашли далеко вперед и возвратимся к Галиции. Конечно, первой заботой Австрии, по приобретении этой русской области, было подточить узы единоплеменности ее с Россией, хотя, впрочем, вследствие значительного различия исторических судеб Галича и нашей Украйны, узы эти и не представляли тогда особенно жизненной силы. С этой целью, даже предваряя пробуждение национального сознания в массах галицкого русского населения, австрийское правительство дало Галичанам официальное именование *Рутенов* и старалось установить мнение, что они народ совершенно особый, — не Русские, а «Русины». И это ей отчасти удалось. Если в Галиции каждый русский крестьянин в отдельности и называет себя Русин, то во множественном числе, по духу русского языка, можно сказать уж никак не *Русины*, а Руссы, или Русские, точно также как Болгарин, Турчин во множественном не *Болгарины* и не *Турчины*. Тем не менее, такое отеческое внушение правительства пришлось теперь, как видно, по сердцу партии, одержимой страстью выделить

малорусскую разновидность Русского племени со всеми ее подразделениями из Русской державы. Газета «Дело», в своем ответе нам, зачисляет в *Русины* жителей не только Волыни, Подола, Киевской, Полтавской, Черниговской, но и Новороссийских, и Харьковской, чуть даже не Воронежской губернии, и число таковых «Русинов», обособляя их от остальной России, определяет в 18 миллионов, которые все дескать призваны к отдельному *розвою* (развитию) и будущности! Вот подивятся не только жители Харькова или Одессы, но и полтавские казаки такой новой, неслыханной для них кличке! Как ни забавно-нелепо такое усердие издателей «Дела», оно совершенно на руку и австрийским правителям, и Полякам... Авось либо, так или иначе, удастся помутить и без того не очень крепкий смысл юной русской интеллигенции, и произвести путаницу в ее понятиях — выдавши такое название за одну из принадлежностей «либеральной» программы будущего с *федераций* включительно! Не знаем только, на чем остановились наши домашние сепаратисты: на «Южноруссах» или «Русинах»?!

В своей неусыпной заботе об ограждении русского галицкого населения от влияния России, австрийские власти зорко следили за тем возбуждением народного сознания, которое естественно проявилось в Галиции вместе с подъемом образования, но на которое — в этом нельзя не сознаться — особенно сильно воздействовал духовный и политический рост самой России, широкое и блестящее развитие русской литературы, и более всего — возникновение в самом нашем отечестве народного направления как в словесности, так и в науке. Это воздействие нисколько не касалось области политической, а выразилось лишь в области языка и литературы, но для предусмотрительности австрийской никакие мелочи не были слишком мелки. Независимо от грозных репрессивных мер против всякого открытого сочувствия Русскому народу в России (мер, в которых, конечно, главными пособниками Австрии были Поляки), кажется, еще гораздо ранее появления у нас «украинофилов», ав-

стрийское правительство начало заботиться об удержании в русской галицкой письменной речи особенностей малорусского наречия. Предметами министерских распоряжений стали и буква, которую циркулярами велено было одно время выкинуть, и разные отдельные частички, фонетика и грамматика, и синтаксис... Понятно поэтому, что возникновение в самой России «украинофильства» было как раз кстати для австрийской власти, которая в дальновидности своей очень хорошо понимала, что оно не грозит Австрии никакой серьезной опасностью, а сослужить службу может. Однако же долго, очень долго «украинофильство» не находило себе почвы в Галиции и не в силах было ослабить того литературного и духовного единения с великой целостью всего политически-самостоятельного Русского народа, к которому стремились лучшие люди несамостоятельной Руси Галицкой.

Мы уже довольно говорили об «украинофильстве» и прежде; прибавим к тому лишь несколько слов. Малороссы всегда отличались особенно сильной, прочной любовью к своей родине; эта любовь заслуживает только уважения и всегда встречала себе полное сочувствие в русском обществе вообще, а в частности именно у представителей того направления, к которому принадлежит и наша газета. Бодянский, Максимович, Гоголь и многие другие *щирые* Малороссы были близкими людьми в доме отца редактора «Руси»⁵, в течении десятков лет. В конце сороковых и в начале пятидесятых годов, собираясь у автора «Семейной Хроники», Гоголь и другие Малороссы вместе с ним проводили целые вечера в дружном, под аккомпанемент рояля, пении малороссийских песен (которых в доме имелось обильное собрание с записанными на нотах мотивами). Особенным одушевлением отличался всегда Гоголь, обыкновенно сумрачный, задумчивый, а тут притопывавший и прискакивавший... Но никому из этих Малороссов и в голову никогда не всходило назваться «украинофилом». Всякий из них с негодованием отверг бы мысль о каком-либо сепаратизме или федерации, и уж конечно ни Гоголь, ни Максимович ни за что в мире

не отказались бы от литературного русского языка, ими так страстно любимого и лелеемого! С каким бы ужасом, как от святотатства, отпрянули они от уродования полновзвучных гармонических стихов Пушкина или Лермонтова через переложение их на говор мужиков из-под Гадяча или Лубен! Замечательно, что все эти горячие Малороссы были наиболее связаны дружбой и сочувствием с кругом так называемых славянофилов, — людей, для которых единство, целостность и величие всей нераздельной Руси было всегда одной из самых дорогих заповедей. Допуская полную свободу любви к родине, полный простор местным обычаям и народному говору, все они, и Москвичи, и Малороссы, дружно и братски обнявшись, стремились к одной цели, слагали общие усилия, дабы единым путем, широким братским союзом, *всей* Русской землей подвигать свое общее отечество к исполнению его мирового исторического призвания, к высшему просвещению, к познанию самого себя, к проявлению в силе всех сокровищ народного духа, таящегося во всех разновидностях Русского племени... А возможно ли это без высшего выражения духовного единства — единого литературного языка? Разве высшее развитие призвано не обобщать, а рознить? не поглощать провинциализмы, а укреплять их?

В конце сороковых годов, кажется, возник в Киеве небольшой кружок, которому, в подобие кличке «славянофилов», данной Белинским небольшому кружку людей, преданных делу нашего народного самосознания, кто-то и когда-то присвоил название «украинофилов». В них любовь к Малороссии доходила до некоторых излишеств, выражалась преимущественно в увлечении «казачиной», да «гетманщиной», что все объяснялось пылом юности и не представляло ничего серьезно предосудительного, кроме лишь некоторых неосторожных, необдуманых речей. К сожалению, правительство той поры отнеслось к таким неосторожностям слишком строго: некоторые из этих «украинофилов» были выслааны, а Шевченко попал в солдаты, в Закаспийскую степь.

Когда, во второй половине 50-х годов, Шевченко был возвращен и довольно долго прожил в Москве, мы имели возможность узнать его довольно близко. Он часто посещал больного в то время автора «Семейной Хроники», сердечно полюбил его, и в настоящую минуту перед глазами нашими – подаренный ему, с собственноручной надписью Шевченко, оттиск (едва ли не единственный) портрета, снятого поэтом с себя самого и вырезанного им на меди или на дереве... Мы можем свидетельствовать, что ни малейшего озлобления на нас, «москалей», Тарас Шевченко в то время не питал, восхищался, – как и мы все и притом как своими, родными, – мастерскими созданиями русского литературного языка; да, наконец, он и сам свой собственный дневник в степи писал не по малорусски и не по «русински», а по русски или «по российски», как любит выражаться газета «Дело»... Для нас нет ни малейшего сомнения, что то варварское искажение, которому подвергают Пушкина и других писателей, в том числе и самого Гоголя, усердные переводчики их творений на «русинский» или «украинский» язык, привело бы его в ужас и негодование, и не только как сына Русской земли, а даже просто как художника: эти переводы ведь – верх безвкусыя и безобразия, и мы думаем, что даже Гёте переведенный на плят-дейтш или Корнель на бретонское патуа – выходят лучше. Ничего общего не имеет кобзарь Тарас с его малосмысленными и притом, очевидно, лишенными всякого художественного чутья поклонниками, пытающимися сделать из его имени какой-то политический символ! Кстати: в 85 № газета «Дело» мечет громы за то, что могила Шевченко упала от старости и курган, в котором он положен, рассыпается. Газета рассказывает – и то конечно совершеннейший вздор – что всякий раз, как «верны сыны Руси подносили *гадку* реставрации могилы», то за это одно несли «тяжкие кары». Никто, вероятно, никогда и не препятствовал исправлению могилы, а обсыпалась она оттого, что поставлена в таком месте, где надзирать за ней некому. Вероятно, препятствия исправлению не последуют

и теперь, если только такое исправление не послужит предлогом для глуповатых манифестаций. Однако же «Дело», в заносчивости своей, а может быть и в сознании своей связи с австрийской властью, грозит России, что если «закордонным» (т. е. нашим, украинским) *Русинам* (!?) не позволят привести в порядок могилу Шевченко, то львовские Русины положили «отнестись *до кого следует* с просьбой о дозволении реставрации»... До кого же именно? Уж не до австрийского ли правительства, дипломатическим путем?!

Но это мимоходом. — Вся эта приверженность Малороссов к Малороссии, даже под именем «украинофильства», не представляла никакой вредной стороны вплоть до самого конца пятидесятых и начала шестидесятых годов, когда, одновременно с распространением учения Чернышевского и с зарождением нигилизма, стали чинить смуту в русском обществе и преимущественно в среде молодежи — Поляки; при их именно тайном содействии начали проявляться у нас первые попытки практического революционерства. Фальшивые либеральные влияния, как известно, были тогда в особенно сильном ходу, властвовали деспотически умами во всех слоях общества, и многие, не мысля даже ничего злого, а так, увлеченные призраком «либерализма», слепо попадались в ловушку. Просим извинения у читателей, что обращаемся снова к личным воспоминаниям, но они кое-что поясняют. Осенью 1861 г. Поляки, уже подготовлявшие восстание (что в то время отрицалось с пафосом благородного негодования как всеми начальствами, так и публикой, одинаково либеральничавшими), учинили торжественное публичное собрание в Городле, в память Люблинской унии⁶, составили и обнародовали протокол о том, что требуют восстановления Польши в старых пределах, которые тут же и перечислили, включив туда не только Белоруссию, но и всю Малороссию, Киев, Чернигов и даже Смоленск. Эта наглая выходка возмутила нас, и мы, во 2-м № только что начавшегося «Дня», 21 октября 1861 г., сказали по этому поводу несколько ис-

кренных слов Полякам, назвав их — по нашему мнению еще очень умеренно — только «безумными», «безумием как Божией карой пораженными, спешащими затушить всякую искру возможного к ним сочувствия»⁷. Такое не изысканно-деликатное отношение к Полякам было тогда не в обычае и произвело взрыв «либерального» негодования в русском обществе — против редактора «Дня»!.. Со всех сторон получили мы бранные, даже ругательные письма и записки, и между прочим длинное послание от малороссийской колонии в Петербурге, издававшей там «Основу», частью на русском литературном языке, частью на украинской *мові*. (Журнал этот через год или два зачах, за недостатком подписчиков).

Это послание было покрыто множеством подписей, в том числе двух профессоров Петербургского университета; одна подпись «гласила: «православный Поляк»... Оно содержало в себе строгий нам нагоняй от имени или во имя Малороссийского народа, объясняло с задором, что между Малороссами и Поляками нет теперь ни вражды, ни розни, что прежний антагонизм истекал единственно из социальных условий, но что с уничтожением крепостного права условия эти рушились, и нет де отныне у Малорусского народа никакого повода к неприязненному отношению к Полякам! напротив, Поляки и Малороссы должны и могут теперь соединиться вместе для создания новых форм политического бытия... В заключение высказывалось презрительное сожаление, что редактор «Дня», очевидно, не способен даже и возвыситься мыслью до понятия о федерации. Одним словом — это послание мало чем отличалось от позднейших программ Драгоманова и К°, и самой газеты «Дело»... Мы, конечно, не замедлили ответить федералистскому собору также посланием, хотя и единоличным, в котором вступились за Малорусский народ, так бессовестно оклеветанный его самозванными глашатаями, и на основании песен и исторических фактов доказали — кажется несомненно — что повод к восстаниям казаков заключался вовсе не в социальных только условиях, а главным об-

разом в антагонизме национальном и вероисповедном; мы напомнили о притеснениях и насилиях религиозных, чинимых в былые времена Поляками, которые и до сих пор не изменили своих воззрений на «хлопью» или «песью», т.е. русскую православную, веру, и до сих пор такие же фанатики папизма, как и встарь; мы указали на известный факт, что малороссийский крестьянин готов убить каждого, кто назовет его Мазепой, т.е. именем излюбленного сепаратистами героя; мы утверждали наконец, что отделять Малороссию от России, хотя бы в виде какой-то федерации, это все равно что резать ножом по живому телу, или кроить живой цельный организм; что авторы послания изменяют заветам того самого народа, которому думают служить или уверяют, что служат... Увы! пришлось ждать не долго и наши слова с яркостью оправдались. Как только вспыхнуло (через год с небольшим) польское восстание в Малороссии, народ справился с ним сам, в два дня, — перевязал бунтующих Поляков и явил пред всем светом — на чьей он, народ, стороне. Сколько мы знаем, у большей части подписавших послание глаза в ту пору раскрылись и опростались от напущенного в них Поляками тумана. В сердце «православного Поляка» мы не проникали. Но думаем, что для него, как и вообще для Поляков, никакие уроки истории не вразумительны. Впрочем, мало вразумительны они и для наших русских глаголемых «либералов». Ничто не могло их отрезвить, ни даже обнаружение секретной инструкции знаменитого Мерославского, который, выражая глубочайшее презрение к русскому модному либерализму, поучал своих Поляков, что русскому юноше следует только помахать перед носом погремушкой либерального тона, — он так ее, по простоте своей, и цапнет и попадетя на польскую уду, т. е. послужит, сам того не подозревая, польским целям, поможет Полякам достичь *своего*: а раз мы своего достигнем, поясняет Мерославский, так мы с этим русским пустоголовьем легко справимся, — покуда же станем толковать им и о федерации, и о социализме, — о чем угодно!

Что бы ни говорило «Дело» на своем уродливом языке, будто мы напрасно позволяем себе «обвинивачувати и засуджувати целые 18-ть миллионов Русинов» в солидарности с польскими и разными революционными замыслами, что эти 18 миллионов желают только *розвоя* своей особой литературы, просветы и т. д., что мы принадлежим к ворогам, которые *пхают* державу (т. е. нашу Россию) на «неприродный путь», но оно говорит неискренне. Не мы пхаем, а «Дело», партия федералистов и поляки пхают Русскую державу на путь неприродный, неисторический и ведущий к гибели. Не народ обвиняем мы, а тех, которые, составляя интеллигенцию в своем народе, всячески стараются искривить его инстинкты и сознание. Что Полякам «пхание» «Русинов» к обособлению от России и к федерации на руку — это мы выше доказали. Осуществления федерации они не чают, во всяком случае этой угрозы не опасаются, ни от Волыни и Подола, ни от Белоруссии отказать не хотят: краковская газета «Час» на днях исчислила Поляков в количестве 22-х миллионов, включив сюда, конечно, и 18 миллионов «Русинов»! Но по верным польским соображениям, насколько в русской молодежи федералистов, настолько менее у России полезных граждан и верных слуг... Что федералистические затеи не чужды связи с нашими революционными партиями, это подтверждается тем, что на знамени последних *федерализм* состоит в числе трех сакраментальных слов вместе с «коммунизмом и коллективизмом»... Это не значит, конечно, что каждый мечтающий о федерации в то же время террорист и революционер; это значит только, что каждый федералист, переходящий от мечты к *проповеди*, служит в то же время, сам того не понимая, программе революционной, и во всяком случае сеет смуту, — а это понимать он обязан, если в его голове хоть на один лот смысла.

Мы достаточно, кажется, пояснили, что уважаем в каждом любовь к родине и к народному творчеству, но мы, конечно, со всем Малорусским народом, так жестоко оклеветанным «Делом», г. Драгомановым и всеми совре-

менными «украинофилами», будем всеми силами противиться всякому посягательству на то единство Русской земли, которое жило в ее сознании еще до Татар, когда, по выражению летописца, сходилась в Киеве «вся земля просто русская» (т. е. не одни «Русины», но и Новгород, и Смоленск, и Курск, и Ростов, и прочие области) и которое, после разделения Русской земли временно на два русла (западное и восточное), предносилось перед ней в течение долгих многострадальных веков, пока дружными усилиями не было вновь созиждено в виде *всей* России. Мы не видим никакой надобности препятствовать бесплодной и смешной забаве сочинять и издавать сочинения и переводы на малороссийском крестьянском говоре. Жаль, конечно, что на это тратятся время и силы; впрочем, об утрате подобных сил, обличающих такое совершенное отсутствие художественного вкуса и такую скудость понимания, и жалеть-то едва ли стоит. В подобной скудости понимания следовало бы обвинить и самое «Дело», но на это, по некоторым данным, мы не имеем права, и потому вынуждены предположить нечто совсем другое. Можем ли мы поверить искренности «Дела», когда оно выражает негодование, что в *Одессе* и *Харькове* не дают «жизненного права месцевой (т.е. местной) русской (т. е. малорусской не на «российском» языке) литературе»? Местный язык Одесситов и Харьковцев – язык газеты «Дело»! Зачем так жестоко их *пхати, обвиновачувати* и *засуджувати*?! Во всем этом кривоблудании мысли и вкуса можно, пожалуй, не усматривать никакой политической опасности: мы и не усматриваем, но не можем оставаться равнодушными к тому, что может быть несколько сотен юношеских голов набиваются дурью, делающей их непригодными для серьезного труда на пользу России и в то же время пролагающей им торную дорожку в стан врагов Русского народа и государства...

Причем же тут Австрия? А вот причем. Вся ее задача в том, чтобы искоренить в сердце русского галицкого населения сочувствие и тяготение, хотя бы только духовное, к России. Прилагала она к решению этой задачи

разные способы, так как одной грубостью репрессивных мер можно было бы достичь только обратного результата, т. е. усилить в народе симпатию к Русской державе. Австрия то льстила населению, допуская развитие национального элемента в умеренной степени и под строгим надзором, то отдавала Галицкую Русь под тяжкую опеку польского класса, к которому принадлежит все галицкое дворянство. Польская автономия в Галиции совершенно подкупила Поляков в пользу Австрии и дала им возможность легально, всеми конституционными, хотя и в высшей степени несправедливыми способами двигать вперед, и не без успеха, дело ополячения и окатоличения Галицкой Руси. Лучших церберов на страже «московского влияния», конечно, и придумать было нельзя. Однако же австрийская центральная власть, особенно в последнее время, не обезнадеживает совсем и русскую часть Галиции, находя в ней все же не бесполезный противовес крайней заносчивости польских притязаний: обе стороны таким образом чают себе каждая от правительства защиты и поддержки для укрощения своего противника. Но если Австрия и соглашается поддерживать против Поляков русский элемент в Галиции, то, конечно, в той только степени, во сколько это для Австрии безопасно, а в настоящее время, можно сказать, и выгодно, благодаря тому направлению, которое в «Деле» обретает себе голос. Было в Галиции и несмотря на все препятствия возросло русское направление иное, старавшееся приблизиться к литературному русскому языку, хранившее память о древнем чистом православии; были между людьми этого направления имена, пользовавшиеся в Галиции всеобщей известностью и почетом. Надлежало сломить это направление, обесславить, измучить, утратить этих людей. И вот, благодаря Полякам, поддерживаемым центральной австрийской властью, цель достигнута — посредством слишком хорошо известного нашим читателям процесса 11-ти Русских во Львове⁸. Упомянутое направление подломлено, люди утрачены и измучены, к великому утешению для Австрии, для Поляков, для вся-

ческих сепаратистов и федералистов, а также (трудно бы и поверить!) и для наших истинно диких так называемых либералов. Понятно, что взамен этого направления Австрия всеми силами готова поддерживать *розвой мисцевой литературы* и федеративную похоть. «Дело» может служить образцом такого *розвоя*: от него достается и «России», и всем истинным Русским Галиции. Правда, оно как будто воюет иногда и с Поляками, но Поляки однако же за это нисколько не гневаются, благо «Дело» так усердно служит *их справе!* На случай же войны Австрии с Россией у Австрии конечно все пойдет в дело, все пригодится, — и мечты польские, и мечты «русинские»: они приобретут ей лишнюю горсть союзников!..

Так что же нам и толковать с газетой «Дело»! Если под сенью австрийской конституции оно не может выражать свою мысль иначе чем выражает, было бы разумней замолчать, нежели петь хором заодно с врагами Русского народа. Ибо, как бы ни хитрили и ни мудрили польские, австрийские и русинские интеллигенты, они будут посрамлены Русской землей, и скорее Днепр потечет вспять, чем поколеблется ее, созданное веками народное единство...

Пуле М.Ф. де.

К истории украинофильства

В февральской книжке *Русской Старины* за этот год помещена статья Н.И. Костомарова под названием *Украинофильство* (стр. 319-331)¹. В малороссийской литературе имя г. Костомарова пользуется такой известностью (не только у нас в России, но и в русских провинциях Австрии), что статья его, трактующая о предмете далеко не последней важности, не может не обратить на себя внимания.

М.Ф. Де-Пуле

Украинофильство, по мнению г. Костомарова, есть «стремление некоторых Малоруссов писать на своем родном наречии и вместе с тем изучать богатую сокровищницу народной поэзии» (стр. 319). Стремление это «истекало (говорит он) из присущей человеческому естеству любви к своему родному, из детства близкому, такой же любви как любовь человека к семье. Нельзя человеку сказать: не люби своих родителей, братьев, сестер, жены, детей: нельзя также говорить ему: не смей любить свою родную речь, которую услышал в первый раз от матери, и отвечал на нее детским лепетом; не смей любить того народа, среди которого увидел впервые

свет Божий!» (стр. 329). Появившись в первой четверти текущего столетия в разных местах Южной России, украинофильство, по мнению г. Костомарова, «расцвело в Харькове в 1830 и 1840 годах, сосредоточиваясь в кругу молодых университетских людей» (319), откуда оно перешло в Киев и отчасти в Одессу. Высший момент процветания его относится к 1861-1862 годам, когда издавался в Петербурге специальный для малороссийского края орган *Основа*, и когда было заявлено «о необходимости писать по-малорусски для простого народа книги с целью первоначального образования». Это заявление, по уверению Н.И. Костомарова, нашло себе не только одобрение, но и горячую поддержку со стороны бывшего тогда министром Народного Просвещения А.В. Головнина², который будто бы «проводил мысль о необходимости самому Министерству Народного Просвещения принять под свое покровительство намерение даровать малорусской речи право быть органом народного образования» (стр. 320). Но этим *благим* намерениям г. Головнина не суждено было осуществиться, отчасти по причине вспыхнувшего вслед за тем польского мятежа, заставившего «усматривать какую-то солидарность между малорусским писательством и польскими тенденциями», но главным образом благодаря будто бы какой-то записке, поданной министру Внутренних Дел, одержавшей верх над мнением А.В. Головнина. Вследствие таких неблагоприятных условий, стремление некоторых Малоруссов писать на своем родном наречии, именно для простого народа и с целью «первоначального его образования», стало подвергаться запрещением и стеснениям, которые незаслуженно тяготеют над малороссийскими писателями почти двадцать лет. Не будь этих стеснений, ничего бы другого, по мнению Н.И. Костомарова, и не произошло, как явилось бы в эти 18-19 лет «десятка два, три малорусских книг, которые, будучи написаны умно и даровито, принесли бы свою пользу, но уже никак не оказали бы никакого вреда» (стр. 331), а «все так называемые украинофилы занимались бы писанием малорус-

ских книг (для народа?), собиранием песен, дум, сказок, пословиц, составлением словарей и исследований, занятиями невинными и полезными», чего они теперь якобы не делают и принуждены как улитки «замкнуться в своих скорлупах и не показываться на свете с какими бы то ни было проявлениями любви к малорусской народности и к малорусской речи» (Ibid.).

Каждый непредубежденный читатель, надеемся, согласится с нами, что такой взгляд г. Костомарова на украинофильство страдает большою неопределенностью. Сузив понятие об украинофильстве до желания писать для простого народа книги «с целью первоначального образования», ваш почтенный историк, с другой стороны, дает этому понятию такой обширный объем, которого оно в существе своем совсем не имеет. По взглядам г. Костомарова, украинофилом будет всякий историк, всякий этнограф, занимающийся прошедшими судьбами или теперешним состоянием Малороссии, наконец, всякий уроженец того края. Но с такой точки зрения, число украинофилов можно увеличить еще несколькими миллионами Великоруссов, обитающих в так называемой Слободской Украине, в губерниях: Харьковской, Воронежской и Курской, живущих обок и вперемежку с Малоруссами, и не менее последних любящих свой край, более благодатный, чем примосковные и замосковные губернии. Наконец, к украинофилам надобно причислить бесчисленное множество всякого рода лиц, преимущественно образованных, постоянно или временно живущих в Малороссии, даже случайно попавших в нее, которые не могут оставаться равнодушными ни к красоте ее природы, ни к мягкости ее климата, ни к богатой народной поэзии, ни к языку, которым выражается эта последняя, ни к оригинальной малороссийской старине, ни к симпатичным сторонам южно-русского племени.

Суживая понятие об украинофильстве до составления учебников для народа в малороссийском наречии, г. Костомаров умалчивает и об изящной словесности,

и о других родах литературы, которые явятся (и не могут не явиться) естественным результатом «стремления некоторых Малоруссов писать на своем родном наречии». Такое одновременное ограничение и расширение понятия об украинофильстве, и подобные умалчивания, думается нам, произошли не вследствие какой-либо задней мысли, а по самой краткости статьи г. Костомарова, конечная цель которой — возвратиться, по занимающему вас вопросу, ко временам управления Министерством Народного Просвещения статс-секретаря Головнина. Но не будем слишком придирчивы и согласимся называть *украинофилами* всех любителей Малороссии и малороссийской речи, всех лиц, писавших на южно-русском наречии, заметив пока, что украинофильство подобного рода было простым и чистым, безо всяких тенденций, а что украинофильство позднейшее было, напротив, *тенденциозным*. Этого разделения Н.И. Костомаров и знать не хочет, считая украинофильство явлением естественным и уверяя, что оно было *всегда* безо всякой примеси, т.е. что киевские украинофилы 50-60 годов ничем не отличались от харьковских украинофилов 30-40 годов.

Что касается происхождения украинофильства, то мы решительно отказываемся объяснить, какие причины заставили г. Костомарова впасть в столь грубую и ни с чем не сообразную ошибку, т.е. считать украинофильство явлением естественным, органическим, вытекающим из природы южно-русского племени. Как же талантливый историк не сообразил следующих обстоятельств: если украинофильство — явление естественное, выходящее из действительных потребностей южно-русского племени, то почему же оно возникло только в первой четверти XIX, а не XVIII века, когда живее были воспоминания о прошлом, когда тоска по старине (если она только была) должна была чувствоваться сильнее? До Петра и при Петре Великом, в эпоху преобразования и гораздо позже, даже при Елизавете и отчасти при Екатерине II, т.е. в течение почти столетия, когда создавался наш книжный и государственный язык, когда возникала наша литера-

тура, — почему же в эту эпоху, столь благоприятную для Малоруссов по той культурной роли, которую тогда они играли, не возникло украинофильство? Если Малоруссам не дали бы положить в основу нашего государственного языка свою старинную письменность, возникшую под сильным влиянием польского языка, то кто же мешал им тогда писать на своем родном наречии, очищать его, развивать? Северно-русские культурные силы были тогда слабее и бороться с южными не могли, а Малороссия по правую сторону Днепра тогда еще и вовсе не принадлежала России. Если правительственное давление было очень сильно в XVIII веке, если тогда Малоруссам было не до украинофильства, то чем же, спрашивается, объяснить их пыл, их горячее участие, их столь видную роль в истории образованности вообще (след. и языка) XVIII века? Нет, украинофильство, даже самое простое и чистое, есть явление не органическое, а искусственное, вызванное прихотью людей образованных, литературным дилетантизмом; поэтому приурочивать его к потребностям всего южно-русского населения, как родной язык, якобы давимый и стесняемый до того, что запрещают любить его, не прочь преследовать его* даже в детском лепете ребенка, повторяющего слова своей матери-Малороссиянки, — подобные иеремиады по меньшей мере только жалкие и пустые слова, имеющие своим происхождением мутный источник.

Понятно, что раньше первой четверти настоящего столетия украинофильство не могло явиться (просим читателя не забывать, что говорится здесь об украинофильстве чистом); ибо до этого времени южно-русским образованным людям было не до того, не до этой прихоти: они были заняты великою историческою работою, исполнением той культурной миссии, которая выпала на их долю. В начале этого столетия закончилось то, чему

* Справедливость требует заметить, что об этих ужасах г. Костомаров говорит условно, а не утвердительно. Условно, а не отрицательно потому говорит г. Костомаров, что отрицание его («нельзя говорить того-то»), в соединении с речью о стеснениях малорусского языка, дает право предполагать, что автор допускает возможность этих стеснений.

было положено начало в конце XVII века, — полное духовное единение Малой России с Великою. В Малороссии явилась общерусская интеллигенция, т.е. такая же, как и во всей России (а не старшинская или казацкая, не полупольская), образовались такие же, как и во всей России, высшие и средние классы. Дело образования языка литературного и государственного в это время было уже покончено, и он, помимо участия в его фактуре, как орудие цивилизации, стал для Малороссии так же дорог, как и для всей России, стал *своим русским*, а не каким-то великорусским языком. Южно-русское наречие, еще с XVIII века начавшее постепенно спускаться в необразованные классы общества, в начале этого столетия почти осело на одном низшем классе народа, как бы застывшем в первичной форме земледельческого быта. Основание Харьковского университета имело громадное влияние не только на образование Малороссии, но и на распространение в ней северо-русской культуры с народным велико-русским говором и некоторыми обычаями³. Но и малороссийские краски в свою очередь не исчезали, и в свою очередь на всем отражались, что делало и делает еще весьма оригинальным и симпатичным облик нашего юга. Не сделался каким-то илотским наречием⁴ и язык южно-русский: его фонетические и лексические богатства, богатство народной поэзии, исторической и бытовой, начали привлекать к себе больше внимания, чем когда-либо прежде, ибо прежде, до выделения высших классов и интеллигенции, на них некому было обращать внимания, и каждому Малороссу они были присущи стихийным образом. Когда завершилось создание общего русского литературного языка, когда в этом направлении дела стало меньше, а результаты трудов стали обещать блестящие успехи только для крупных дарований, тогда начало появляться в разных местах украинофильство, писательство на малороссийском языке, положившее начало его литературной обработке. Побуждения к этому писательству вначале имели несколько юмористический характер (как у Котляревскаго и Основьянен-

ко), но потом они стали делаться серьезнее, из любви к южно-русскому наречию. Само собой разумеется, что Харьковский университет не мог остаться в стороне от этого украинофильского течения, и г. Костомаров совершенно правильно утверждает что процвело оно именно в этом университете, в Харькове, в тридцатых и сороковых годах. Но весь вопрос в том: какого сорта было это Харьковское украинофильство?

В статье «Харьковский университет сороковых годов»^{*} мы говорили о тех лицах, которых несомненно имел в виду и Н.И. Костомаров, упоминая о процветании украинофильства в Харькове в это и предшествующее десятилетие. Вот эти лица, имевшие посредственное влияние на развитие оного. Кроме Г.Ф. Квитки, жившего на своей даче Основе и не принадлежавшего к университету, сюда надо причислить: профессора русской истории и ректора университета П.П. Артемовского-Гулака⁵, профессора славянских наречий и истории И.И. Срезневского, адъюнкт-профессора русской словесности А.Л. Метлинского и искавшего тогда магистерства, состоявшего в должности суб-инспектора, Н.И. Костомарова. Зная за это время Харьковский университет упрекали нас в пристрастии и в неверной оценке Артемовского-Гулака. Пользуемся случаем, чтобы сказать что мы не прочь пойти на некоторые уступки при оценке Артемовского как человека вообще и как ректора университета; но мы снова утверждаем, что профессор он был не только бесполезный, но положительно вредный: это был большой краснобай, выезжавший на фразах, но не знавший своего предмета, не занимавшийся им, а потому и оставлявший своих слушателей в глубочайшем невежестве по отечественной истории. Артемовский был человек несомненно даровитый, умный, ловкий, с большим практическим тактом. Мы застали его уже ректором университета, уже с известностью как малороссийского автора; но во все время нашего пребывания в университете и в городе Харькове (до половины 1848 года)

^{*} См. *Вестник Европы* 1874 г., кн. 2, стр. 75-115.

Артемовский решительно не имел никакого влияния на распространение украинофильства между учащеюся молодежью: говорили, что он пишет хорошие малороссийские стихи с юмористическим оттенком, что он любит и поговорить подчас по-малороссийски, — но и только! Не знаем, так ли это было: в тридцатых годах, до поступления нашего в Харьковский университет (в 1842 г.) Артемовский не был то, что называется человеком литературным; если у него и было поэтическое дарование, то небольших размеров. Но посвяти он свои труды исключительно литературе, из него вышел бы весьма полезный деятель, хотя выбор такой деятельности для него был бы не так легок: он с одинаковым совершенством владел языками русским, польским и малороссийским; но, как человек очень умный и практический, едва ли отдавал он предпочтение последнему. И.И. Срезневский открыл чтение славянских наречий в 1843 году, по возвращении из своего путешествия по славянским землям. Прежняя его профессорская деятельность в Харькове нам неизвестна, как равно и влияние издававшегося им журнала, посвященного малорусской старине; зато деятельность его в Харькове, как слависта, вся прошла перед нашими глазами, и мы отлично знаем этого превосходного профессора, который, к сожалению, пробыл в Харькове всего четыре года. Срезневский был в то время славянофилом в буквальном смысле этого слова, но он никогда не был тем, что у нас называется в тесном смысле *славянофилом*. Вообще это был человек ума блестящего и живого, критического, отчасти склонного к сарказму. Любя все славянское, Срезневский горячо высказывал эту любовь и на своих лекциях, возбуждая в студентах охоту к изучению славянских наречий и подречий. С этой стороны он был и чехофилом, и полонофилом, и украинофилом, но не больше всего и не преимущественно, как может подумать читатель, особенно если ему известно, что Срезневский получил свое образование в Харьковском университете: светлый ум и истинно ученое направление не допускали его ни до каких крайностей. Первым

делом Срезневского, по занятии кафедры славянских наречий, было заставить студентов перевести «Отче Наш» на русские народные наречия и подречия, ближе других знакомые каждому. Пишущий эти строки сделал требуемое переложение на местный говор его родины (Липецкий уезд, Тамбовской губ.), умышленно уснастив свою работу *щоканьями* и *кагоканьями**: требование профессора не только удивляло, но и смешило тогдашнюю университетскую молодежь. Его завалили малороссийскими переложениями, но великорусских оказалось весьма мало. К удивлению нашему, вместо ожидаемого распекания, мы получили от профессора не только одобрительный, но и блестящий отзыв, выраженный им не без торжественности, в присутствии всех его слушателей, — похвала совершенно незаслуженная. Но, проводя славянофильское направление, И.И. Срезневский действовал как ученый, как филолог и этнограф, а не как литератор-романтик: последнее направление, сильно развитое тогда в Харьковском университете, он даже преследовал своими насмешками, выставляя его как помеху серьезным научным занятиям, которых он настойчиво требовал от студентов. Украинофилы дельные, научно и без задних мыслей занимающиеся, конечно, были ему близки и по душе; но украинофилов только разговаривающих, а тем более тенденциозных, он бы не потерпел: этнографический и исторический романтизм был совсем не в его натуре. Совершенную противоположность со Срезневским составлял А.Л. Метлинский, больше литератор чем ученый, чистокровный Малоросс, не совсем чисто говоривший по-русски, самый полный и отчасти восторженный украинофил. Его и Н.И. Костомарова мы застали как малороссийских авторов патентованных, уже известных, печатавшихся; но г. Костомарова мы почти совсем не знали, а потому и говорить здесь о нем не имеем права; Метлинского же знали отлично и были с ним потом близки и долго переписывались, даже по выезде его из Харькова в Киев. Мы утверждаем, что в Харькове

* *Що* – што (что), *каго* – каво (кого).

он был только чистым, хотя и восторженным украинофилом; но восторженно он относился ко всякой народной речи, ко всякому литературно-написанному студенческому труду. Он искреннее Срезневского, помнится, восторгался нашим переложением Молитвы Господней; он с особенным одушевлением бегал по Воронежским площадям и базарам, (летом 1849 г.), прислушиваясь к местному великорусскому говору. Очень может быть (и даже вероятно), что потом в Киеве, под влиянием иных условий, украинофильство Метлинского из чистого перешло в тенденциозное: как энтузиаст и романтик, он был способен ко крайностям, и светлость ума его могла помутиться, как это доказала кончина его, последовавшая от самоубийства.

Из молодого поколения, воспитавшегося под влиянием названных украинофилов, не вышло ни одного хоть сколько-нибудь равного им по литературным силам; мы говорим о двух-трех, а может и о десятке лиц, ничем себя не заявивших, и ни строчки по-малороссийски не написавших. Таких украинофилов мы причисляем к тому множеству лиц, любящих Малороссию и все малороссийское, которое с улучшением путей сообщения не перестает увеличиваться; себя самих мы также охотно причисляем к этой категории. Но литературное украинофильство, с переходом Н.И. Костомарова и Метлинского в Киев, совершенно замерло в Харькове. В этом городе теперь оставался один П.П. Артемовский-Гулак, который, говорят, много писал по-малороссийски, но ничего не печатал и уже не мог иметь никакого влияния на университетскую молодежь, ибо с 1849 года находился в отставке. Истые украинофилы никогда Срезневского не называли и не назовут своим собратом, и они, конечно, правы; но на самом деле в Харьковском университете не было профессора, который мог бы таким серьезным образом влиять на любовь к изучению народных наречий и местной этнографии, как покойный Измаил Иванович. При иных условиях, при том положении, какое приняло украинофильство в Киеве, Срезневский явился бы ему

таким же, если не более, противником, каким Белинский был для крайнофильства в его харьковской форме. В этом отношении наш знаменитый славист, всегда относившийся антипатично к деятельности Белинского, несомненно, сошелся бы со знаменитым критиком.

Белинский более чем не сочувствовал крайнофильству в его харьковской форме. Он преследовал его своими сарказмами и не изменил своего взгляда даже при появлении такого дарования, какое обнаружилось в Шевченке*. Не один пример Гоголя, действительно знаменательный, влиял на Белинского, но гораздо более то обстоятельство, что Белинский, как и все его современники, еще стояли на высоте того исторического понимания, на которое поставил нас Карамзин, и с которого они еще не были сбиты**. С этой точки зрения всякая попытка к созданию особенной малорусской литературы, особого литературного южно-русского языка, не может иначе казаться, как праздною затеей, вредною уже по одному тому, что она обессиливает общую литературную производительность. В самом деле, что такое Малороссия? Есть ли это страна покоренная Россией, присоединенная к ней силой оружия, трактатов и т. п.? «Малоруссы, говорит г. Костомаров, никогда не были покорены и присоединены к России, а издревле составляли одну из стихий, из которых складывалось русское государственное тело» (*Рус. Стар.* 1881 г., февр., 330), т.е. будет правильнее, если мы скажем (не затрагивая ничего самолюбия): Малороссия (вообще Юго-Западная Русь), покоренная Литвой, а затем угнетаемая Польшей, *воссоединилась* с Северо-Восточной Русью, составлявшей Московское государство. С патологической или романтической точки зрения на историю, из-за кулис, это *соединение* (или *воссоединение*) представляет немало мрачного: боли, страдания, ненужные жертвы, потоки слез и крови. Но стоит подняться выше, и по мере расширения горизонта картина изменяется и становится все светлей.

* См. Пыпин, «Белинский, его жизнь и переписка», т. 2, стр. 222-224⁷.

** На этой же высоте стоял и Соловьев в своей *Истории России с древнейших времен*⁸.

Роль Малороссии воссоединившейся явится тогда в нашей истории блестящей, славною, как роль культурная. Малороссия толкнула Москву на путь преобразований; Малороссия вызвала предшественников Петра и подготовила его реформы; без Малороссии не было бы ни Петра, ни его реформ, не было бы и Российской Империи как новой великой державы с ее всемирно-историческим значением. Чего, казалось бы, еще желать малороссийскому патриоту не из Галиции, где еще понятны романтизм и исторические мечтания? Правда, в XVIII веке Малороссия как бы исчезла и потонула в волнах Империи; но в этих волнах точно так же потонула и допетровская Москва, как в московских волнах потонули все малые и большие северо-восточные потоки старой русской жизни. Допуская разумность исторических мечтаний, пожалеть ли нам вместе с малороссийским патриотом, что в момент воссоединения и впоследствии не было отдало предпочтения западно-русской письменности перед письменностью московской, пред языком дьяков, «в приказах поседелых»? Но увы! Если допустить невозможное, если предположить, что московское правительство и потом сам Петр пожелали бы, даже насильственно, распространить язык малорусской письменности на счет великорусской, московской, то сама жизнь ни во что обратила бы такую попытку*. Почему? Да потому что язык старой московской письменности был чистейший, хотя и не обделанный русский самородок, а язык письменности малорусской весь просочился польской стихией. А потому, если бы подобное воображаемое преобладание и удалось, то разве на время: уже одни реформы Петра непременно разрушили бы это дело; ибо реформы эти совершались не по польским идеалам, а по общеевропейским, наводнившим русский литературный язык множеством всяких барбаризмов⁶. И тем не менее, такой отличный стилист по церковно-славянскому языку как Св. Димитрий Ростовский становится таковым

* См. о том же и о русском литературном языке в нашей статье «Тревожный вопрос русской педагогики» (*Русский Вестник* 1879 г. № 6, стр. 719-735).

не на своей родине, а после долгого пребывания в Великой России, где не от одного времени, не от упражнения только, а главнейшим образом от общения с живой самородной русской и с такой же церковно-славянской стихией, язык его очистился от полонизмов и окреп. Малороссы, ставшие почетными гостями со времен Елизаветы в обеих столицах и хотя еще иногда продолжавшие у себя дома, в семье, говорить на родном наречии, не только не обнаруживают никаких попыток к украинофильству (которое приурочивается главным образом к языку), но ревностно трудятся, вместе со всеми, над созданием государственного языка во всех его видах и формах (а не одного литературного) и сами же, коль скоро берутся за перо, употребляют этот язык во всех своих писаниях, даже и в таких, которые не подлежат никакой цензуре, как например частная переписка. Повторяем, что только таким непримечательным участникам нашей новой исторической жизни, каковы галицкие Малороссы, извинительны исторические мечтания. У них нет исторической почвы под ногами; они давно не живут русскою государственною жизнью и уже во второй раз живут в формах чужой государственности: прежде польской, теперь австрийской; им извинительны всякие фантазии, даже самого болезненного свойства. Они могут мечтать о создании *своего* особенного русского языка, своими же собственными средствами, писаниями нескольких более или менее сомнительных даровитостей, воображая, что для процветания этого языка не нужно ни политической независимости, ни государственных форм жизни; они могут *своим* русским языком считать писания харьковских украинофилов и не считать русским наш литературный язык, который может даже казаться им гонителем, мучителем *нового* русского языка, ими найденного. По неведению, по узкости своего местного горизонта, по своим отношениям к Полякам, которые их давят культурно и политически и от которых они мужественно отбиваются, им, до известной степени, естественно переносить свои порядки к нам в Россию, — воображать, что у нас в Мало-

россии происходит то же давление, только с переменной ролей, что их одноплеменники также мнутся и отбиваются как и они, обездоленные историей; что у нас идет какая-то грубая русификация, задушающая даже лепет младенцев. Им естественно не знать, что у нас прозвания «москаль» и «хохол» остались только в простонародье, несомненно с юмористической окраской, но уже безо всякой враждебности; что остальные типы, начиная от слуги, ремесленника, мелкого торговца и т. д., уже не говоря об образованных классах, стали у нас общими; что самые внешние формы жизни в Великой и Малой России теперь одни и те же, до того, что напр. Харьков, эта колыбель украинофильства, есть не что иное как южная Москва, создание по образу и подобию последней, а Киев не без стремлений походить на Петербург; что гражданственность, культура, идут у вас теперь не с юга на север, а наоборот, причем юг с такой страстностью ее принимает, что тотчас же бросает и свой деревенский костюм, и свою деревенскую речь. Харьковские украинофилы не нуждались в этих напоминаниях, в повторении этих азбучных истин: у них еще не было повода забыть их, не было причин помутиться их сознанию.

Малоросское писательство, сказали мы, было антипатично Белинскому и преследовалось его насмешками. Взгляд критика был у нас общим в продолжение 40-х и 50-х годов; но этот взгляд нисколько не мешал ни собиранию памятников народной малорусской словесности, ни изучению Малороссии в этнографическом и историческом отношениях. Если и существовало сильное цензурное давление, так оно было общим для всей литературы и для всех местностей; но мнение образованного общества, в указанную пору, с таким сочувствием относилось к трудам подобного рода как никогда ни прежде, ни после. В это время вспомнили и оценили такие труды, на которые прежде, например в первой половине сороковых годов, не обращалось никакого внимания. Достаточно указать на Метлинского как на собирателя

южно-русских песен; да и пример самого г. Костомарова, в качестве автора книги *Об историческом значении Русской народной поэзии*⁹, сюда также идет.

Украинофильство *тенденциозным* стало в Киеве, откуда оно в конце пятидесятих годов распространилось повсюду, но главным образом сосредоточилось в Петербурге, найдя там сильную поддержку почти во всех органах периодической печати. Но прежде скажем о *тенденциозности*, в противоположность харьковскому дилетантизму, не заботившемуся о пропаганде. Киевское украинофильство не было столь апатичным, а стремилось к распространению, к пропаганде, цель коей состоялась литературной обособленности, в литературном *сепаратизме*, в стремлении создать свой особый литературный язык, свою особую малороссийскую литературу. Мы сказали: в *сепаратизме*. Спешим еще раз оговориться, что имеем в виду сепаратизм только литературный, и о нем только одном будем говорить. Киевское украинофильство стало быстро распространяться, поддерживаемое, как мы сказали, нашею печатью в качестве стремления весьма либерального, так как оно изо всех сил добивалось высвободиться из оков общей литературы и общего литературного языка. Силы у украинофилов прибавило с появлением Шевченка, самого крупного литературного дарования, равного которому у них не было ни прежде, ни потом. Определив тенденциозность украинофильства, мы не указали степеней его; но для этого достаточно будет сказать, что Шевченко был самым ярким украинофилом и что статья Н.И. Костомарова, по поводу которой мы пишем, принадлежит к числу самых умеренных. Общественное положение Шевченка, его необразованность, среда и самое место (Заднепровье, Чигиринский уезд) где протекали его детские и юношеские годы, и где на Москалей он привык смотреть с польской точки зрения, все это только раздражало его литературный сепаратизм, как раздражила и, надобно думать, озлобила его ссылка. С Шевченком повторилось то же, что было с Кольцовым¹⁰: скачок из непосредственного народного быта

в литературный кружок, без малейшего к тому приготовления, одинаково испортил обоих. Разница лишь в том, что Кольцов, рабски подчинившийся Белинскому, кроме личного несчастья, не имел ни на кого вредного влияния; тогда как Шевченко сумел подчинить себе других. Конечно, не сила ума и дарования (у Кольцова их было не меньше), а слабость их (точнее: расслабление через романтическое отношение к народности) в этих *других* были причиной того странного явления, что деревенский хлопец стал авторитетом в кружке людей с университетским образованием. Вот причина, почему никто не позаботился об его образовании, никто не осмелился подумать об укрощении его страстной натуры, ни до ссылки его, ни после этой ссылки. По возвращении из ссылки, в качестве страдальца и признанного всеми таланта, которого стали переводить даже *московские* писатели, он, избалованный общим вниманием, в своих украинофильских стремлениях и даже в самом образе жизни стал доходить до безобразия, что неопровержимо свидетельствуют рассказы о нем и отчасти самая его переписка. От упомянутой выше ссылки пострадал, как известно, не один Шевченко, но и гг. Костомаров, Кулиш, Афанасий Маркович¹¹ и др. Любопытен взгляд Хомякова на эту историю, высказанный им в письме к Ю.Ф. Самарину от 30 мая 1847 года: «Малороссиян по-видимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость. Когда общественный вопрос только поднят и не только не разрешен, но даже и не близок к разрешению, люди по-видимому умные хватаются за политику!.. Не знаю, до какой степени было преступно заблуждение бедных Малороссиян; а знаю, что бестолковость их очень ясна. Время политики миновало» (*Русский Архив* 1873 г., кн. 3, стр. 327-328). Из этой тирады видно, что Хомяков безусловно обвинял кружок киевских украинофилов только в нелепости и бестолковости; но если ограничиться и одним этим, то есть считать все дело дурью и нелепостью, то несомненно главным виновником в этой печальной истории был Шевченко, кумир

кружка, пред которым только благоговели, но вразумить которого никто не осмеливался. После Шевченка следует упомянуть еще одного талантливого автора, писавшего по-малорусски, – г-жу Марко-Вовчка, даровитую рассказчицу из народного малороссийского быта, впрочем, потом совершенно оставившую этот род деятельности и перешедшую в ряды обыкновенных русских литераторов*. Итак Шевченко и Марко-Вовчок, Марко-Вовчок и Шевченко... Других литературных талантов, других дарований, необходимых для создания литературного (в данном случае малорусского) языка, мы не знаем. Но обыкновенно, вместо этого дуумвирата, провозглашают следующий триумвират: Шевченко, Костомаров и Кулиш! Эти имена твердят на все лады не одни наши украинофилы, но и галицкие. Но что такое Шевченко? – не более как наш Кольцов. Г. Костомаров, конечно, талантливый историк, но русский, а не какой-то малороссийский, ибо он ни одной своей монографии не написал на том языке, за который теперь так горячо ратует; притом же можно быть очень хорошим историком и не быть Карамзиным, можно написать десятки томов и не написать 2-3 томов исторического сочинения на малороссийском языке хотя сколько-нибудь равносильного *Истории Государства Российского*. Вообще историки, этнографы и т. п. ученые только в весьма редких случаях (как у нас Карамзин) являются первоклассными деятелями в создании литературного языка: для этого необходимы талантливые художники, поэты. Итак, у нашего украинофильства деятельной силы весьма немного, и притом силы не особенно высокого полета: куда же с такою силой создавать свой литературный язык! Но сила его, повторяем, заключалась в том *официальном* содействии, которое оно встретило у нас в начале шестидесятых годов. Обстоятельства для этого казались самыми благоприятными. Литературные интересы отошли на задний план. В самый разгар реформ освободительного свойства легко было принять

* Не излишне заметить, что г-жа Маркович (Марко-Вовчок) – уроженка великорусская.

(и еще легче выставить) украинофильский литературный сепаратизм за попытку к освобождению из крепостной зависимости от языка русского. Нетрудно было привести к убеждению и большинство наших тогдашних писателей и мыслителей, что язык, которым они пишут, есть какой-то *великорусский*, – нетрудно потому, что образование к тому времени если и распространилось у нас вширь, то значительно стало мельче. Сильный и решительный протест встретил г. Костомаров и украинофильство только в *Московских Ведомостях*. Слово «украинофильство» вошло у нас в употребление не в прошлом десятилетии, как думает г. Костомаров, а гораздо раньше, – кажется, со времен польского мятежа или тотчас же после него.

Отстраняя от украинофильства всякое подозрение в политической тенденции, мы надеемся, что г. Костомаров не будет на нас в претензии за то, что мы считали и считаем его украинофилом (конечно, тенденциозным). Это название ни оскорбить, ни напугать его не может: между русскими литераторами, ни строчки не написавшими по-малороссийски и даже совсем не знающими Малороссии*, теперь немало найдется украинофилов подобных ему, которые не прочь назвать Белинского «великорусским критиком», а Гоголя – изменником южно-русской «народности». Украинофильство, по мнению г. Костомарова, для Поляков все равно что «кость в горле». Положим, так; но какое украинофильство и при каких условиях? Если речь идет о Галиции, о борьбе русской народности против полонизации, тогда, конечно, украинофильство «кость в горле». Но в нашем юго-западном крае, где польские притязания встречают могущественный отпор со стороны правительства, кость эта уже будет рыбьей, а не говяжьей (или той, которая наименее опасна); когда же украинофильское движение будет упираться не на польский запад, не против полонизации, а начнет

* Н.И. Костомаров родом из Острогожского уезда Воронежской губернии, из Малороссии самой бледной и весьма обрусевшей. Артемовский-Гулак уроженец юго-западного края и Метлинский, родившийся в каком-то глухом хуторе Полтавской губернии, казалось бы, имели больше оснований к украинофильской ревности, чем наш почтенный историк.

действовать против русского востока, тогда картина совершенно изменится: получится зрелище весьма и весьма приятное для польского сердца. Почему? Да потому, что крайнофильство в своем поступательном движении на север и восток, не получив отпора, непременно произведет смуту в умах и сердцах русских людей, — явление опять-таки приятное для Поляков, а не для нас, Русских: нам ли желать еще розни между собой!

Украинофильство, мы сказали, стремится создать особый литературный язык... «Незачем создавать языка, коли он уже есть», говорит г. Костомаров (*Русск. Стар.*, стр. 327). Итак, значит, приходится иметь дело с фактом?.. Хорошо! Будем так и знать. Не станем удивляться, что горсть литераторов весьма микроскопической даровитости в немного лет успевает создать свой особый язык с великими претензиями на существование и на пропаганду; это явление не новость в славянском мире, где столько расплодилось отдельных литератур и где так велика племенная рознь, хотя, казалось бы, русским людям, живущим в могущественном государстве, следовало бы стоять в этом отношении выше каких-нибудь Словаков и Далматинцев. Малороссийский литературный язык есть, то есть существует; а если существует, значит, хочет жить, просить простора, воздуха... Давать ли?.. Если дать, то и белорусскому наречию надобно дать тот же простор, и тогда у нас появятся три языка: *русский*, *малорусский* и *белорусский*. Но скажут: «особых белорусских писателей еще нет. У них нет еще своих ни Шевченков, ни Костомаровых, ни Кулишей!» — Нет теперь, ответим, но появятся после; пример Малороссии непременно вызовет их. Притом же, как отказать Белоруссам в их лингвистическом сепаратизме (если он появится) когда они, как позже присоединенные, почти не принимали никакого участия в создании нашего литературного языка? Потворствуя блажи Малоруссов, отказывающихся от собственного создания, будет большою несправедливостью отказать и белорусским стремлениям. Надеемся, что наши крайнофилы, как люди образованные

(а Н.И. Костомаров, как историк, и кольми паче), указывать не будут на пример иноплеменных литературных языков, благополучно существующих и даже нарождающихся в нашей Империи. Пример этот нам, Русским, не указ и особенного существенного вреда нам не приносит, как принесет непременно это разделение *на ся* (так в тексте статьи — *ред.*), эти две или три русские литературы, каждая со своим языком. Государство не может так безусловно относиться к своему литературному языку, который есть в то же время и *его* язык, не может допустить ни его разделения, ни попыток, влекущих к его ослаблению. Литературный раскол неизбежно влечет за собой те же последствия, что и церковный: как с последним *не может* помириться церковь, так с первым государство; инославие, иноплеменность совсем в иных отношениях находится к ним обоим. «Но расход, скажут, возбуждает симпатии, вызывает защитников, а мы, украинофилы, на первых порах со стороны наших противников встречаем угрозы: вас пугают запрещениями, против нас возбуждают подозрения!..» Примем лично на себя эти укоры и скажем следующее: вам не симпатично украинофильство в своей новейшей форме, но мы иначе относились и относимся к украинофильству прежнему, дилетантскому, — называйте его как хотите. Мы ничего не имеем против писания рассказов, стихотворений, драматических пьес на малороссийском наречии*. Если этому мешают цензурные или иные препятствия, то мы от души желаем, чтобы они были устранены и чтобы подобные сочинения не были исключаемы из общих цензурных правил. Подобные литературные произведения сами по себе не представляют ничего сепаратного и нисколько не мешают их авторам переходить к более широкой деятельности в общей русской литературе, лишь бы автор под услови-

* Кстати, в начале прошлого десятилетия в одной из петербургских газет мы прочитали рассказ о появлении где-то в юго-западном крае необыкновенно даровитой поэтессы в среде тамошних крестьянок или казачек, причем, помнится, приводились ее малороссийские стихи и, кажется, экспромты. В статье говорилось, между прочим, что девушка эта была взята в Киев, где воспитание ее было предоставлено гг. Антоновичу и Драгоманову. Любопытно бы знать, что потом случилось с ней? Надеемся что киевские литераторы не оставят без внимания нашего вопроса.

ем образования овладел общим литературным языком. Не говоря о других, даже Шевченко мог бы быть небесполезным деятелем в общей литературе; не беда, если бы и не был, но жаль, что сделался тенденциозным украинофилом. Мы не видим также причины, почему нельзя позволить учителю сельской школы прибегать с учениками к народному говору? Почему сельский священник не может так же поступать со своими прихожанами даже в церкви, поучая их как проповедник?.. По-видимому, мы в своем украинофильстве пошли дальше Н.И. Костомарова; но это так кажется с первого взгляда: г. Костомаров высказал в своей статье много желаний, но они уже чрез меру широки...

Как частное лицо, всякий министр может желать и думать что ему угодно; но в качестве государственного деятеля он не вправе проводить эти думы в жизнь, коль скоро они вредны для государства. Может, конечно, встречаться и, к сожалению, встречается непонимание или нарушение своих обязанностей, своего служебного долга; но странно было бы эти нарушения долга считать авторитетными. «Даровать малорусской речи право быть органом народного образования» (стр. 320) ни один *русский* министр не может, не имеет права. Допустим, однако, невозможное; пусть народное образование имеет органом малороссийский язык. Но как же быть с учительскими семинариями? Для того, чтоб ученики их не забыли родного наречия, ведь необходимо будет обучать их там по-малороссийски, а для этого и их учителей, в тех заведениях, из которых они выходят, будет необходимо заставлять учиться не одному русскому языку, а двум. Стоя на такой точке зрения, легко дойти до притязаний, чтобы и в гимназиях (по крайней мере некоторых) и в университетах (Харьковском и Киевском) преподавание происходило на малороссийском языке. В настоящее время и армия есть действительная школа народного образования; есть отделы войск, почти наполовину состоящие из Малороссов. Ради последовательности, придется требовать, чтобы для обучения грамотности и военному

искусству Малороссов отбирали в особенные группы и давали бы им особых инструкторов и офицеров, говорящих по-малорусски, или специально к этому подготовленных. Нам возразят, что это крайности. Так. Но все эти крайности — неизбежный логический вывод из основного положения, от которого отправляется г. Костомаров в своих рассуждениях. Язык, как орган народного образования, суда, церкви и т. п., вовсе не то, что книга, написанная на том же самом языке, и г. Костомаров напрасно смешивает два эти понятия. Тут дело вовсе не в цензуре, не в законах о печати, которые не обнимают всего, да и обнять не могут. Повторяем, нет никакой надобности в особой строгой цензуре для книг на малороссийском языке; пусть печатаются всякие книги, — духовные, литературные, учебные и т. п. Мы не понимаем, почему бы не дозволить этой свободы в области слова. Но пропаганда — иное дело: она стесняет, давит, оскорбляет тех, на чей счет желает распространиться. Можно с удовольствием прослушать живую проповедь с малороссийской примесью в сельской церкви; но та же самая проповедь в городе (тем более губернском) уже будет смущать нас. Почему? Да потому, что в городах, как в центрах образования, нет никакой надобности прибегать к народному говору, и речь проповедника не на общем русском языке была бы тенденциозной претензией, не допускаемой и неприличною в храме.

Если малороссийский книжный язык есть факт, то нет причин не допускать появления на нем всякого рода учебников. Пусть по этим книжкам украинофилы обучают своих детей в своих домах, в домах украинолюбцев вообще, и даже в школах, не подлежащих правительственному контролю (если есть или могут быть такие школы). Но когда народные школы состоят в ведении правительства (Министерства Просвещения), тогда допущение в них таких учебников не может быть терпимо; ибо у государства есть *свой* язык, а вводить другой (хотя бы и не искусственный) — значит только вредить государству, нации.

Требования в средних учебных заведениях должны быть еще строже: здесь нельзя допускать, например, чтобы воспитанники говорили между собой помалороссийски (что проявляло бы умышленный сепаратизм); такое допущение будет служить признаком не гуманности, а распушенности, поблажки к пропаганде. В настоящую пору распространение нашего государственного языка (литературного и образованного) идет с изумительной быстротой. Даже такая крепкая племенная индивидуальность как еврейская, в лице своего учащегося молодого поколения, начинает забывать свой жаргон, и это не в Одессе одной, а даже в таких городах как Вильна. Другие народности идут, может быть, с меньшей охотой, но все убеждены в необходимости идти вперед, в этом направлении, а не поворачивать назад. О Малороссии и говорить нечего: здесь каждый крестьянин, каждый казак, пожив в городе, *eo ipso*¹², становится уже Москалем и над Москалем уже не подтрунивает; женщины — то же самое, хоть они консервативнее в этом, как и во многих отношениях. И вдруг украинофилы, со своими запоздалыми требованиями, со своими жалобами на какую-то жестокость, якобы пытающуюся «насильственными средствами уничтожить эту (малорусскую) народность (*Рус. Стар.*, февр. 1881 г., стр. 331)!..» Народность сама ассимилируется, сама бежит навстречу слиянию с общей матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, о насилии!.. Не с той ли стороны, напротив, идет насилие, которая становится поперек историческому движению и старается поставить ему преграды? Следуя мнению г. Костомарова, решение вопроса о языке в народных школах надобно предоставить даже не земским собраниям, а мирской сходке или, по выражению почтенного историка, «полной свободе» народа. Но ведь все образованные люди малороссийского происхождения, не принадлежащие к украинофилам, несомненно принадлежат к тому же малорусскому «народу», т.е. племени. Как же быть с ними? Допускать ли их к дебатам или не допускать, как изменивших своей «народности». Впрочем, с другой сто-

роны, такие вече были бы и бесполезны: на них можно было бы разработать вопрос о лингвистических ужасах и притеснениях, т.е. чьи младенцы и насколько утесняются в своем детском лепете? Замечательны следующие слова г. Костомарова, сказанные им тотчас после слов о свободе выбора школьного языка. «До сих пор этой свободы Малоруссам не давали, да и в большинстве народ малорусский никак не учили, уже не из той ли самой болезни нарушения государственного единства и спокойствия?!» (Стр. 328.) Замечательна эта фраза не по своей претензии на язвительный сарказм, а по своему крайнему украинофильству. Кому не известно, что простой народ по всей России, до недавнего времени, нигде и «никак не учили»; но украинофилу непременно надобно выделить Малороссию, непременно надобно сказать или дать понять что до *других* нам нет дела, а *нас* обязаны были учить. Справедливость требует сказать, что Н.И. Костомаров положительно высказывается против намерения «отлучать малорусских детей от русской образованной речи», сомневаясь, впрочем, в существовании такого намерения. «Мы, говорит он, желали бы, чтоб изучение книжного образованного русского языка в малорусских школах обязательно шло рядом с изучением научных предметов» (стр. 327)*. Но если так, зачем же было писать статью об украинофильстве и противопоставлять гуманности шестидесятых годов жестокость позднейшего времени, будто бы пытающуюся уничтожить малорусскую народность? Г. Костомаров упирает на трудности общерусского литературного языка для Малороссов, причем указывает на его конструкцию, слагавшуюся по западным образцам. Пора бы оставить в покое эту последнюю; пора признать, что наш литературный язык есть живой организм, а не труп; что он давно вышел из своего зачаточного, подражательного состояния, что он растет теперь правильно, и питается такими здоровыми источниками, как церковно-славянское слово, как ве-

* Далее указывается способ, как это сделать: предлагается издание учебников на двух языках, – мера оригинальная, но весьма не педагогичная!

ликорусская народная речь, как народная малорусская речь, кем-то якобы гонимая; но пора бы знать, что все эти живые источники ни в каком случае не могут заменить язык литературно-государственный. Что касается трудностей изучения литературного языка, то на то ведь и школа, чтобы одолевать трудности, и благо той школе, которая их не боится, не хлопочет о замене труда в учении забавами обучения; церковно-славянский язык будет потруднее нашего литературного языка, и однако же православный русский, тем более грамотный простолюдин, хорошо его понимает. Н.И. Костомаров, надеемся, согласится, что в русской народной православной школе изучение церковного языка, по крайней мере звание грамотности, вполне необходимо, и что этой необходимости весь Русский народ, без различия племен, очень желает. С точки зрения украинофильской эта необходимость и это народное желание не должны быть удовлетворяемы, ибо они соединяются с большими трудностями и будут давить малорусскую народную речь. Но как же быть, когда у православной русской (вообще славянской) церкви *свой* богослужебный язык, которым она никак не может поступиться и которому охотно подчиняется литературный язык Русских, Сербов и Болгар? Несмотря на переводы Священного Писания, на литературные славянские наречия и подречия, церковно-славянский язык в православной церкви несомненно сохранит на веки свое господство над ними. Были и будут, конечно, попытки к освобождению, к замене его (в богослужении) языком государственным; но эти попытки ни к чему не приводили и не приведут. В этом же отношении подчинения должны находиться и три русские народные наречия к своему литературному и государственному языку: даже приняв литературную форму, они могут быть терпимы только во второстепенном, служебном, а не в равномерном положении.

Формулируем выводы настоящей вашей статьи:

I. Мы признаем возможность существования малорусской литературы как *подлитературы* русской, а мало-

русского книжного языка как *подречия* русского литературного языка.

II. В этом их качестве, ограничивая свою деятельность пределами вышеуказанными в общих чертах, они должны подлежать общим условиям печати, какие в данный момент будут действовать в государстве.

III. В случае их попыток перейти указанные черты, стать на путь пропаганды, стремиться к совершенному отделению, возбуждать вражду или смущать дух русского образованного общества, — в таких случаях должен быть дан им сильный отпор, сильный, как во всяком внутреннем расколе, и в тех формах, какие государство и общество признают более удобными.

Нашей программой украинофилы, если хотят быть искренними, удовлетвориться не могут; но она была бы по душе малороссийским писателям харьковского периода, в этом мы вполне уверены. В украинофильстве, несомненно, есть одна симпатическая сторона — это горячая любовь к родной старине, к родному краю и ко всем племенным особенностям южно-русского племени; но жаль, что это похвальное чувство проявляется в такой антипатичной форме. Если это проявление возбуждается ревностью, страхом, как бы со временем не исчезло в общем русском море все малороссийское, не оставив после себя и следов, то такая близорукость, такая неуверенность в прочности и оригинальности основных черт малорусского племени решительно непонятны в людях образованных. Никто не желает такой *бледности* Малороссии, да она и органически невозможна, а если бы и была возможна, то была бы крайне нежелательна, скажем более, вредна: сила каждой национальности не в однообразии, а в разнообразии типов. Не одна природа южной России, не одно оригинальное малорусское наречие отличают ее от России северной; в ней выработался и тип особенный русского человека, *украинца* (но не украинофила), значительно отличающийся от типов московского, северного, восточного и западного. В русском языке людей этого типа почти никогда не исчезают

малороссийские звуки; поэтому и самый язык, оставаясь русским, получает особую мягкость, какую не услышите на севере; те же изменения в языке замечаются и у прирожденных Великоруссов, даже немного лет проживших в Малороссии. Стало быть, малороссийское наречие берет свое, не исчезает бесследно, а, уступая культурному давлению русского государственного и литературного языка, влияет в свою очередь и на них, подвигаясь с юга на север России. Чем далее, по мере распространения народного образования на юге России и неразлучного с ним литературного языка, тем это влияние малорусской народной речи и ее движение с юга на север будут больше и решительнее, тем, стало быть, и русский литературный язык все более будет изменяться и проникаться элементами малороссийскими. Это не мечты; таковы задачи нашей истории, нашей образованности. Противодействовать им можно только по близорукости или из-за ревности не по разуму. Пора успокоиться романтикам всякого рода; народные наречия никогда не вымрут до тех пор по крайней мере, пока будут существовать крестьянство и земледельческий быт.

Тихомиров Л.А.

Украинцы и малороссы

Мы помещаем ниже статью господина Волкова¹ относительно происхождения так называемого украинства, этой гнойной болячки на теле русского народа, — болячки, которая, «конечно», могла быть прививаемой только людьми враждебными великой русской национальности, только в совокупности своих составных частей вершившей свою великую

Л.А. Тихомиров

историческую миссию. Эта идея «украинства» гибельна совершенно одинаково для великороссов, малороссов, белорусов, вообще для всех русских, и в то же время отличается такой сочиненностью, таким узким чувством, такой бедностью культурной и политической мысли, что самое появление ее казалось бы неестественным, если бы, к несчастью, у нас в интеллигентной мысли не было множества и других, хотя, пожалуй, все-таки менее нелепых уклонений от здорового национального чувства и культурно-политического смысла.

Мы говорим об «интеллигенции» нашей, потому что идея украинства не есть идея народно-малорусская. Недавно в Государственной Думе (в заседании 31 мая) господин Родзянко² поведал интересный факт относительно того, как малороссийский народ относится к знаменитой «украинской мове», под звуки которой «украинцы» си-

лятся разрушать историческое создание всероссийского единства. У них в чисто малорусской губернии «группой лиц по обнаружении манифеста 17 октября³ предпринято было популярное объяснение сущности его и сущности положения и Высочайших милостей, дарованных населению, и возникла мысль, чтобы кроме издания этого труда на русском языке был сделан перевод (на украинскую мову), который был сделан одним из видных наших представителей — ученым в Екатеринославе, и затем группа лиц, в числе которых участвовал и я, обратилась в уездные и земские управы разослать по деревням. Но какой же получился результат? Когда наступило время земских собраний, от крестьянских гласных-малороссов через земские управы стали поступать заявления, что если будут вновь еще распространять столь полезные и важные издания, не печатать их на языке, которого они не понимают. «Выслушайте же голос, — обратился господин Родзянко к своим коллегам по Думе, — того народа, которому вы этот язык, так сказать, навязываете. Мнение это я вам доложил. Они просили на таком языке, которого не понимают, им впредь трудов не печатать».

Этот рассказ произвел в Думе сенсацию, но, в сущности, может казаться сколько-нибудь неожиданным только для людей, не знающих по-малорусски, не знающих и «украинской мовы». Этой «мове», конечно, может выучиться не только малоросс, но и немец, и всякий человек, как может научиться «эсперанто» и «волапюку». Но малоросс, специально не изучавший «украинской мовы», столь же мало может ее понимать, как и великоросс. В том же заседании Думы в своей превосходной речи А.И. Савенко⁴ категорически заявил: «Все украинство является ложью и фальсификацией. Член Думы Иванов (великоросс и «кадет»)⁵ требовал здесь преподавания в школах на украинском языке, заявляя, что население Малороссии не понимает русского языка. Я коренной малоросс, я всю жизнь провел в Малороссии, учился до поступления в гимназию в народной школе вместе с крестьянскими детьми и утверждаю, что наш народ — население Мало-

россии — абсолютно не понимает той тарабарщины, которую сочинили Грушевский⁶ и его сотрудники и преподнесли нам в качестве украинского языка».

«Точно так же, — заявил господин Савенко, — голоса за автономию Малороссии, исходили, главным образом, со стороны кадетов. Но из думского «Справочника» вы увидите, что председатель этой фракции Милюков⁷, товарищи председателя Шингарев⁸ и Некрасов⁹, секретарь Степанов¹⁰ и вчерашний оратор кадет Иванов — все коренные великороссы. Не странно ли, что великороссы требуют расчленения России? Но я им скажу, что мы, малороссы, будем бороться за единую Русь. Мы будем бороться за наше русское, мы не хотим быть инородцами в русском государстве. Мы — прямые потомки полян, северян и древлян, потомки созидателей русского государства, мы никогда не согласимся на роль инородцев. Есть предатели и среди нас, малороссов, которые отрекаются от русского имени и именуют себя украинцами, как есть отщепенцы среди великороссов, которые порвали с традициями своих предков. Но мы будем бороться за наше русское имя, мы будем крепко в своих руках держать знамя нашего великого Богдана, и с современными мазепинцами мы не пойдем так же, как наши предки, малороссийские казаки, 200 лет тому назад в трудный критический момент для России под Полтавой не пошли за Мазепой, но остались верны единой России».

Таковым только и может быть голос настоящего малоросса пред лицом лишения его собственной национальности, принадлежащей ему совершенно так же, как великороссу и белорусу. История России, русского языка, русской культуры, русской государственности начата в ту эпоху, когда нынешнее великорусское племя почти не существовало, не говоря уже о том, что великорусское племя и возникло из переселенцев Белой Руси и Руси Киевской, малорусской. Русское государство воздвигнуто в тех местностях, которые ныне называются «малорусскими», и лишь потом работа перешла, по причине татарского разгрома, по преимуществу в Москву. Но когда

исторические превратности кончились, Россия, сохраненная на Днестре малороссами, а в северо-восточных областях Москвою, снова начала свою объединенную жизнь. Русское государство строилось всеми русскими, русский язык создавался всеми, русская культура есть общее создание всех русских племен. Собственно, в выработке русского литературного языка роль малороссов, по крайней мере, одинакова с великороссами, и этот язык поныне продолжает обогащаться малорусскими словами и оборотами наравне с великорусскими. Точно так же русская территория заселяется совместно всеми русскими племенами, перемешивающимися между собой, что их даже и невозможно разграничить. Да такой нелепой мысли в народе и не существует.

Эта мысль об «украинстве», как о чем-то особенном от «русского», принадлежит только отрицательной части интеллигенции да сознательным врагам русской государственности. Как справедливо заметил в той же речи господин Савенко, «если удастся вбить клин в живое и целое тело русского народа, если удастся расколоть русский народ на две враждебные части, то это грозит смертельной опасностью великому русскому государству».

Нужно прибавить, что это грозило бы еще большей опасностью русской национальности во всех ее ветвях. Раздробление сил несет неизбежное ослабление каждому из разделившихся. В единстве культуры каждая часть нации, не только малороссы, великороссы и белорусы, помогают друг другу, но иной раз прямо спасают. Без помощи киевского просвещения невозможно бы было сохранение сколько-нибудь русского характера нашего просвещения. Даже и в тесном единении с малороссами мы все-таки не могли избежать самого ненормального давления западноевропейской культуры. Что было бы, если бы Москва и Петербург не опирались на малорусские силы? Наоборот, впоследствии, во время польского натиска, от вооруженной борьбы перешедшего к борьбе культурной, только единство русской культуры могло выручать малорусские приднепровские губернии. Злос-

частная Прикарпатская Русь точно так же, если еще не ополячилась, то обязана этим исключительно кое-каким веяниям общерусской культуры, теперь разъедаемой украинством на погибель Галиции.

Русское единство зиждется на таких глубоких основах племенного происхождения, истории, взаимной помощи и совместного великого будущего, что русскому народу нужно бы было сначала совершенно обезуметь, чтобы начать раздробляться на отдельные племена и языки. Но безумие в народах обыкновенно не появляется. Такие фантазии свойственны только интеллигенции, к которой всецело относится замечание сапожника, обучавшего покойного графа Л. Толстого. «Что же ты не удивился, когда граф захотел шить сапоги?» – спросили его. – «Нет, что же удивляться: у господ разные желания бывают», – отвечал философ сапожного цеха. Такие же фантастические пожелания проявляются в «украинстве», поскольку оно поддерживается лицами малорусского племени, а не переряженными поляками и евреями. Но состязания врагов русской национальности и русского государства – это уже не зрящая фантазия, а очень коварный план обессилить русских. И потому-то каждому малороссу надлежит помнить, что если фантазия шить сапоги – по крайней мере безвредна, то фантазия сочинять «украинскую мову» и национальность – это есть фантазия самоубийства.

Суворин А.С.

Маленькие письма.

Письмо СХІІІ за 17 февраля 1893 г.

Говоря об одной моей заметке, об «юго-западниках», «Киевское Слово»¹ напоминает, «что, по словам летописца, из Киева вышла Русь, но, к сожалению, вся вышла, так что у нас теперь русского человека не сыщешь и днем со свечой».

Неужели это правда? Мать городов русских — и там не сыскать русского человека и днем со све-

А.С. Суворин

чой. Что же это такое? Куда девался русский человек или во что он преобразился? Но мне этому не верится. Я мало знаю Киев, но там прекрасные русские извозчики из Орловской и Тульской губерний. Я верю даже в извозчиков, как в русскую силу. Журналисты — тоже в своем роде извозчики, не потому только, что они иногда ругаются, как извозчики, но главным образом потому, что они развозят идеи, понятия и факты. Если в Киеве нет русского человека, то каким же образом там процветают две русские газеты, «Киевлянин»² и «Киевское Слово», которые имеют успех и хорошо издаются. Сам г. Антонович, редактор «Киевского Слова», разве не русский человек? На чем же он основал значительный успех своей газеты? Про него говорят, что будто ему предлагают в Петербурге прекрасное финансовое и влиятельное место, но он упирается,

говоря, что это место не вознаградит его так, как вознаграждает «Киевское Слово». Кто же его читатели? Неужели поляки и евреи? Неужели они его поддерживают, а не русские люди? Ну, а профессора университета — разве среди них нет русских людей? А администрация края — разве и там нет русских людей? А монастырь и монашеская братия? Ведь это же русская сила и оставляет же она после себя след на земле помимо служения Богу?

Нет, тут что-то не так, а если это так, то ведь это — беда. На одних извозчиках далеко не уедешь, как бы ни были они крепки русским духом.

Мне думается, что вопрос этот, о котором «Киевское Слово» бросило две-три строки, заслуживает серьезного внимания, и напрасно киевские журналисты к нему не возвращаются постоянно.

Судьбе угодно было, чтоб мать городов русских делалась не центром, а окраиной. А относительно окраин у нас господствует убеждение, которое я не совсем разделяю. На них мы слишком обращаем внимание в ущерб внутреннему великорусскому ядру. То надо их обрусить, то надо им сделать льготы, то надо провести там стратегические дороги, помимо тех дорог, которые вызываются нуждами промышленности и торговли. А так как всякая железная дорога, не исключая и стратегических, служит и интересам населения, то окраины получают преимущество перед центром. Окраины надо обрусить. А для обрусения надо просветить прежде всего, и мы тратим великие деньги на народное образование на окраинах. Если поискать, то таких преимуществ найдется немало. Мне говорили, например, что на Кавказ государство тратит до 45 миллионов, а получает от него только 18 миллионов, т.е. Кавказ дает нам дефицит 27 миллионов. Между тем, если Кавказ сравнить с ядром России, то он даст 54 миллиона, т.е. не только покроет весь расход на него, но даст 9 миллионов избытка. Было бы любопытно подвести итоги тому, что нам стоят окраины, что поглощают они в ущерб центру, ядру нашему. Я не говорю, что такая политика не должна иметь места. Она вынуждается сложными причинами. Но мне кажется, пора бы попро-

бовать равновесия. А то ведь и теперь уже ясно, что грамотность на окраинах и благосостояние там выше, чем в центре нашем. Не пора ли позаботиться о центре и постараться поднять его так, чтоб он *силою своей культуры* притягивал к себе окраины, чтоб русские люди из центра являлись на окраинах, как несомненно культурные люди, знающие, полноправные в смысле образования общего и специального.

А то ведь, пожалуй, «Киевское Слово» и право: нет русского человека, нет его, конечно, в том европейском смысле, каковой необходим и на окраинах, и везде. С одним русским духом многого не сделаешь. Времена переменялись, и требуется образование, специальности, требуется борьба не полицейская только, а образовательная, политическая борьба с равным оружием в руках. Недостаточно, что вы бесспорно русский человек по убеждениям, по характеру, по преданности монархии и династии, но надо иметь еще образовательный авторитет. Мало той власти, которою вы облечены, необходима еще власть таланта, знания, просвещенной инициативы. Русский человек должен быть носителем культуры, он должен являться на окраинах как власть имеющий культурную.

А для всего этого необходимо поднять центр России, необходимо его культурно крепить и возвысить. Разве довольно нам одного Московского университета и нескольких высших школ в Москве и одной в Ярославле? Нам не худо бы иметь университетские факультеты по крайней мере в Нижнем, в Пензе или Симбирске, в Саратове, в Курске, в Воронеже. Русский человек должен блистать образованием, а не отставать от окраин; русская промышленность, торговля и земледелие должны стоять как пример развития для окраин, а не завидовать и не зависеть от них.

Вот о чем должны позаботиться «юго-западники», вот на что они должны употребить свои силы, если силы у них недюжинные, если взгляды у них широкие, русские. Прочность России, ее долголетие и ее крепость зависят от прочности центра, от притягательной, внутренней, органической силы его.

Розанов В.В.

Малороссы и великороссы

Я знаю в Петербурге одну великорусскую семью и притом характерную великорусскую семью¹, чиновную, служилую, бородатую, дисциплинированную, но в которой, правда, бабка по матери малороссиянка. В ней есть даровитый мальчик лет семнадцати, гимназист, страстный любитель всякого рода книжности и литературы. «Вот зачитывается всем о Малороссии, — ре-

В.В. Розанов

комендовал мне отец, — только и бредит Толстым и Украиной; выучился читать по-малороссийски, подписался на издание памятников южнорусской старины, и все-то ему казаки, и все-то ему Сечь, а географические разыскания Старицкого² читает так, как мы в свою пору читали Поля Феваля³ и Дюма». Я посмотрел на глубоко застенчивого юношу, рослого и неуклюжего, с глубокими умными глазами. Сам я никогда и ничего по-малороссийски не читал и понятия о Малороссии другого не имею, кроме того, что там рубашку засовывают в штаны, да, говорят, малороссиянки хороши собой. Так и не сумел я ничего сказать юноше: «ну, что же, только бы читал, а что читает — все равно». Ответ не остроумный, но в пустом относительно Малороссии сердце я ничего другого не нашел.

Лет семь назад получаю пространное «сочувственное» письмо о моем разборе «Легенды об инквизиторе» Достоевского⁴. Пишет чиновник, уже старый; душа у него горит разными мыслями; но вот что поразило меня где-то на второй или третьей странице длинного письма: «служу я в лесном ведомстве — вот уже тридцать лет, то по губерниям, то в Петербурге, и нахожу полное удовлетворение и счастье в своей службе и той ощутимой пользе, какую приношу моему дорогому отечеству». Пишет о разных книгах: «Московский сборник» К.П. Победоносцева⁵ — лежит у меня на столе около евангелия, и я вместе с вашей книгой о Понимании⁶ читаю его постоянно. И проч. Потом я с ним познакомился: такого так сказать на корню стоящего патриотизма, подобного чувства своей земли и родины, губерний, уездов, православных храмов, включительно до поклонения Толстому и Достоевскому, коих большие портреты повешены были у него на стене среди карточек семьи и видных деятелей лесного ведомства, я не встречал. Кое в чем он сомневался, например, в личном бессмертии души, но об этом не распространялся. Сейчас он уже дедушка; детей имеет десять человек — благовоспитанных, умных, прекрасно идущих в гимназии и университете, без «шалостей». Вот «кем и какими людьми крепка русская земля», — думывал я не раз, сидя в его тесной и чистенькой, переполненной домочадцами квартирке. «Что там литература и великие знаменитости! Пока по земле вот не стелются такие люди, такое население, которого от земли и почвы и отечества своего не отдерешь, все будет не твердо и эфемерно в истории. Фамилия его однако не была ни на «ов» ни на «ский». — «Да я малороссийского рода. Старые дворяне. Мои сородичи — однодворцы теперь, пашут землю, а я служу», — сказал он мне как-то. Так вот как! Положивший душу свою в петербургскую службу — коренной из коренных хохол. Он хорошо играл на скрипке, но уже ничего малороссийского не выписывал, а выписывал из Москвы «Вопросы философии и психологии»⁷. Вообще обрусел чистосердечно и окончательно.

Третье мое воспоминание о русско-хохлацких отношениях относится к гимназии. Учился со мною товарищ знаменитого великорусского рода, столь же знаменитого, как Пожарские, и прославившегося в ту же именно пору. Это была семья уже обедневшая (дворянская), но замечательно благородная. Отец их был профессор астрономии, а из сыновей один вышел замечательным музыкантом-композитором, другой — профессором математики, а третий — великим любителем филологии и почему-то преимущественно малороссийской филологии (теперь он профессор славянских наречий). И вот, помню я, забьется он (младший из трех братьев в далекую комнатку и читает своей няньке (старая их крепостная великороссиянка) то «Думы» Шевченки, то былины русские, то в изданиях Сахарова⁸ и Снегирева⁹ разные русские поверья, пословицы и проч. Читает и все бывало обращается к анализу языка и грамматических форм, что из чего и как фонетически образовалось. Такого тоже врожденного филолога я потом и среди ученых не встречал. Я тогда сам пылал социальными вопросами и философией — как я любовался, изредка заходя в его комнатку, а еще чаще в комнатку старушки-няни, всего в два аршина величины, этим союзом науки и остатка старого крепостного права (няня не захотела свободы и осталась «при господах»).

Имея в уме и памяти эти ясные и спокойные картины, просто я постигнуть не могу, когда мне попадают страницы и строки из русско-хохлацкой будто бы распри, вроде последнего письма г. Мордовцева. «Костомаров говорил, что малороссы даровитее великороссов и говорил это печатно, а не устно, как высказался Л.Ф. Пантелеев¹⁰ в обратном смысле по поводу саратовских молокан». Но Костомаров, прежде всего, писал на русском, общерусском языке и обогатил русскую науку: вот основной факт; а что к этому же он был и любителем Малороссии, то эта подробность только украшает его, увеличивает образование, обогащает сердце. И дай Господи им всем, малороссам, любить свою прекраснейшую Украину, не забывать

свое отечество — гнездо, но зачем же это противоположать Великороссии, которая есть уже не провинция, а мир, и имеет не историю уголка земного шара, а историю части земного шара. Великоросс универсален. Это все не Москва выросла в России, а именно великоросс, освободившись от губернских особенностей, вырос во всемирную фигуру просто «русского человека», дав серию типов от Губонина¹¹ до Тургенева, от Петра Великого до прасола — Кольцова, серию всеохватывающую, бесконечно разнообразную, худую во множестве точек, но в других точках — и гениальную, вещую, с огромным захватом в ширь земель и даль веков. Русские странники... — Какое это любимое для русских людей занятие просто «пошляться», от Трифона Коробейникова¹² и до сих пор. Идет-идет человек; зайдет в монастырь; но это — не цель, а только перепутье; он идет далее, бродит годы, побывал в Соловках, будет в Киеве, а пока собирается в Сибирь. Да зачем ему?! Да это — римлянин, который осматривает свои владения, будущее логово колоссальной державы, о которой он мечтает (я спрашивал, знаю, выведывал), хотя у него котомка за плечами, а осталось жить не полный десяток лет. Вот где родник русского политического чувства и истинный источник русской державы и державности. Это — не честолюбие. Не славолюбие. Это — мечта какая-то, туманная, охватить весь мир. Для чего? «Так — хорошо». Я помню впечатление одного великоросса от Швейцарии: «отвратительно, настрижено и перекрошено», — сказал он. Русский не переносит оборванности, прерванности, короткости, миниатюры. На Кавказе, Военно-Грузинской дороге, среди чудес природы, мне говорил тамбовец-ямщик: «Какая это клешему страна, Азия (ужасный жест презрения? того и гляди тебя или лошадь зашибет (обвалившимся камнем)) то ли дело у нас в Тамбовской губернии: как на ладоньке вся; едешь-едешь — и все ровно, и по всей России — ровно; а здесь»... и он, не договоря, плюнул. — «Зачем же ты здесь?» — «А заработки. Двадцатый год живу. Другие братья в Тамбове».

В Москве и у Троицы-Сергия я не видел малороссов-странников. Это умный, тихий и глубоко поэтический народ, но провинциальный. Ему страшно выехать из своей губернии; даже из своего города выехать жутко или неохота, и это не он на ярмарку едет, а ярмарка к нему едет (тип всех малороссийских ярмарок — что они передвижные, странствующие). Евреи оттого и привились к малороссам, как не привились и никогда не смогут привиться к великороссам, что неподвижный и рослый хохол требует хлопот около себя в области купли-продажи, спроса-предложения; ему нужно, чтобы «галушки в рот валились», а не то, чтобы еще нужно было их откуда-то доставать, готовить и уже в заключение кушать. «Запорожская сечь», я думаю, отчасти и образовалась от лени, а не одного «лыцарства» и усилия защитить «христианство от туретчины». Съел человек все под собою и около себя: теперь бы надо хлопотать, чтобы достать новый корм, торговать, учиться, промышлять, тогда хохол-буйвол с неодолимой энергией отправлялся «поцарапать Анатолийские берега» (Гоголь в «Тарасе Бульбе») — ломает, хватает, и, загребя полные руки съедобного и одевательного, ложится опять на острове Костице (Сечь) и гнусит песню под нос, как он защитил православие и Русь. Говорят у носорога есть какая-то птичка, очищающая ему чуть ли не рот от насекомых и от остатков пищи. Вот такую роль теперь и прежде выполняли около малороссов всякие Янкели и Соломоны: сожительство менее вредное и опасное, чем может показаться из Петербурга, где есть соперничество, тогда как на Украине принципиально нет и навсегда нет соперничества. «Марксисты» там ничего не поделают...

Из-за чего малороссу и великороссу ссориться? Малоросс глубоко личен; он свободолобив, субъективен; по всему вероятно именно малороссы дадут нам философию. Их свободному чувству мы можем завидовать доброй завистью, и, как отличительное наше качество — переимчивость (универсальность), то можем многому научиться у хохлов в сфере свободы личности и красо-

ты быта и частной жизни. Малороссы дали и великих нам государственных людей, Безбородко¹³, Трошинского, но спокойного уклада ума и характера. Ведь чтобы у руля стоять, надобен ум, а колесо рулевое не всякую же минуту надо вертеть. Но всюду, где входит в обязанности и права свои живость, оглядчивость, ежеминутная инициатива и принаравляемость, там малоросса невозможно поставить. Никогда Строгановы¹⁴, Демидовы¹⁵, Ермак¹⁶, Разин¹⁷ или Сперанский¹⁸, Новиков¹⁹, Суворов²⁰, никогда реформаторы России 60-х годов не могли выйти из Малороссии: это — явления великоросские и люди великороссы. Но великоросс уже принял в свою кровь большие притоки чудской крови (чудь, финны) и монгольской (татары), принял много и немецкой крови (последние два века), вообще он нимало не помышляет о чистоте своей породы, об однотонности и монотонности своей крови, а думает только о делах своих в истории. В зависимости от крови, он наименее фанатичен и нетерпим из всех решительно славянских племен. Уж если в Сибири мы переимчивы даже относительно якутов, а кубанские и терские казаки переимчивы относительно лезгин и проч., вообще если мы имеем прекрасный дар пластической влюбленности и пластического отражения в себе окружающих людей и стран, то не для чего зеркало души своей закрывать только перед хохлом, фанатичным провинциалом, одиночкой, умницей, который обогатил нас на целого Гоголя. А ведь Гоголи не рождаются как грибы, и, отдав нам такой гений, может быть Малороссия тем самым и уже добровольно снизошла навсегда на степень провинциализма слова и литературы. За этот великий дар, да и за много, что уже дала нам Украина, и еще что она даст нам в будущем, мы конечно должны положить этот «край» свой ближе всего к сердцу; мы должны сами лелеять и малорусскую песню, и всякий малорусский обычай, и каждую ниточку их своеобразия и своеобразия. Право, на месте правительства я заказал бы петербургской Академии Наук «Словарь хохлацких говоров», параллельно «Словарю великорусского языка»

Даля и «Русскому словарю» академического издания. Конечно, я не проектирую, а только намекаю, каким путем здесь следовало бы идти. И едва малороссы увидели бы, что мы, русские, их славим и поем, что мы уже давно не велико-руссы, а обще-руссы и все-руссы, все их раздражение против нас, и выражающееся в разных «сепаратизмах», разумеется бы умерло. Центр украинофильства в великороссифильстве. Как только мы теряем универсальность, мы получаем вокруг себя сепаратизмы. Мы от идей великого Рима возвращаемся к Лациуму первых консулов²¹, а где Лациум — там и враждебный ему Самниум²². Все это пройденные детские, археологические ступени нашей истории. После Петра Великого бороться с «Кобзарем» Тараса Шевченки все равно, что после Брюллова и Репина возвращаться к клубочным картинкам в издании Равинского²³. Петр Великий выучил бы сам и для себя какую-нибудь «думу», ввел бы бандуру и казачка в какое-нибудь роскошное петербургское уличное представление, и этой любовью, этой переимчивостью прихлопнул бы навсегда малороссийский культурный вопрос, как лезгины в «конвое Его Величества» в Петербурге прикончили историю лезгинского племени и языка на Кавказе. Август римский всех чужеродных богов сносил в Пантеон; и все боги умерли, кроме Юпитера. Рассказав несколько случаев в начале из русского чувства к малороссам, я указал, что и в русском сердце есть такой же психический пантеон, куда чем более мы внесем чужеродного, и хохлацкого, и даже польского, чешского и проч., тем выше подымется «бог Русской земли»...

Розанов В.В.

Голос малоросса о неомалороссах

Есть что-то несчастное и жалкое, горькое и в конце концов глупое, бесталанное, в положении и затем в психологии «каинства», которая обнимает у нас некоторую долю «общественных деятелей». Разрыв громадного тяготения к центру не обходится даром: люди летят «к черту» и попросту в сумасшедший дом. В непомерной злобе «на Россию», — от которой, впрочем, России ничего не делается и *никогда не делается*, — то человек набрасывается на Крылова¹, грубо упрекая его в обжорстве, то приравнивает «цианистому кали» поэзию и личность Тютчева², не замечая, что он, конечно, не Тютчева отталкивает от России, а сам со своими «общественными деятелями» отталкивается от Тютчева и летит куда-то «на 11-ю версту» от Петербурга, где врачи осматривают прискорбнобольных. Для оторвавшихся от России русских, полурусских и инородцев не предлежит вообще никакого пути, кроме вырождения и духовной смерти. Лично извести из себя «цивилизации» они, конечно, не могут, а старая цивилизация не координирует их шаги, и является «шаткая походка», «неверный шаг» целой биографии. Является гибель всей личности. Начавший в своем «я» судьбу Каина, ничего иного не получает, кроме трясения рук и ног, уныния, тоски и пугливого оглядывания, «не гонится ли кто за ним». Но никто за ним не «гонится», а гонит его внутренний грех и остатки своей совести.

Путь Даля и Востокова³, — двух немцев и лютеран, которые настолько были преданы России, что переменили даже фамилию — на русскую (Востоков) и под конец жизни перешли из лютеранства в православие: вот путь

и канон душевной жизни инородца в России. Оба, став «русскими» до такой глубины, возвеличили и имя германское, душу германскую, нравственный гений Германии. Они воистину показали всемирную перевоплощаемость и универсализм старой своей Германии. И не одна Россия держит над их головами венки особенного света, но и Германия осветилась особенным светом своей глубины, «потеряв» этих сынов. *На самом же деле* Германия, конечно, в отрехшихся от нее Дале и Остенеке (прежняя фамилия Востокова) получила в них так много, сколько не имеет в каком-нибудь «Михеле», в каком-нибудь безвестном профессоре или этнографисте. Здесь величие — не в филологии их, а именно в красоте особой преданности и особого национального перерождения.

И можно думать, что «Даль» чувствовал себя радостнее, чем теперешние «общественные деятели», — главная «общественность» которых заключается в том, что они в каждом ресторане подходят к буфету и выпивают рюмку водки «за гибель России». Таких очень много. Такие бегают на лекции и сами читают «рефераты»... Но, воистину, все это к гибели и унынию...

Заговорить об «инородчине» меня заставило не то, что сейчас пишется об этом вопросе в печати, а одно частное письмо... Получено оно было мною от одного малороссадворянина, которого я знаю лет 20 в Петербурге, и всегда любовался на то, как он радостно несет свою службу здесь, а ранее нес ее в провинции. Гармоничность всей его личности, с «государственным» оттенком, с высокой мыслью — «я служу Государю и отечеству» (чиновник лесного департамента министерства земледелия), всегда удивляла меня и как-то «подавала лучшие надежды на будущее» среди всеобщего нигилизма и отрицания... Но он любит и свою Малороссию, свою полтавскую усадьбу, — особой местной любовью. Нужно заметить, что *настоящие* любители России суть непременно свои специальные губернские любители, — вообще «губернские люди»: без этого «губернского чувства» как-то холодно и отвлеченно, риторично и не окрашено и общерусское

чувство. Только «симбирец» Карамзин мог стать великим «вообще русским»; только творец «Вечеров на хуторе близ *Диканьки*» — мог образовать в себе такую великую *общерусскую* тревогу... Без «своего уезда», без своей частной, *индивидуальной* родины — нет вообще *настоящего* русского. Это я давно замечал, — и захудание, захирение «родины *своего детства*», кажется, есть причина и общего «гражданского каинства» в России. Вот отчего так хочется *расцвета* и силы наших уездов, *поярче* — жизни туда, побольше *детской и ученической* памяти о первом, раннем своем «гнездышке». Он пишет мне:

«Простите, что я перейду к другой теме, которая меня тоже больно поразила на сих святочных днях. Это — съезд по народному образованию наших сельских учителей⁴, и ближайшим образом та резолюция съезда об «украинском языке» в народных училищах. Я, как Малоросс (с большой буквы в письме), имею право высказать и свое мнение относительно национализации школы в пределах Малороссии. Не признаю я прав за «украинским» языком в школе, а только за *общерусским* языком должно считаться право преподавания наук в низшей и средней школах в Малороссии. Вся ламентация украинцев о дурном влиянии великорусского языка на малорусских детей есть пустая, заведомо предательская речь. Все выходы украинцев на съезде по поводу общерусского, т.е. великорусского, языка имеют под собою почву исключительно *политическую* (подчеркнуто в письме). И надо было бы украинцам зажать прямо рот, сказав им, что они клеветают на русский язык. Я удивляюсь, как на съезде никто не сумел сразить их замечанием такого рода. Малороссы вообще люди набожные, и все те, кто несколько причастны к грамоте, чрезвычайно любят читать церковные книги, которые, как известно, печатаются у нас на *церковно-славянском языке*. Но читают же они эти книги без разумения, т.е. так, как гоголевский Петрушка читал, — следя лишь за одними буквами. А ведь церковно-славянский язык весьма близок к общерусскому и чисто малорусскому языкам. Читайте-ка: «Отче наш, Иже еси

на небесех! да святится Имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя» и т.д. Или же: «От сна встав, благодарю Тя, Пресвятая Троице, яко многая ради Твоея благодости и долготерпения не прогневался на мя лениваго и грешнаго, ниже погубил мя еси со беззакониями моими» и проч. Спрашиваю я вас, какое же из приведенных слов может быть непонятным для малоросса? Все слова для них ясны по смыслу, и в целом каждая молитва.

Итак, украинцы клеветают на общерусский язык; малороссы отлично его понимают, когда говорят с ними о предмете, не выходящем за пределы их понимания. Вот истину должен я сказать всю, что хохломаны *выдумали* (курс. в письме) сейчас такой, якобы малорусский язык, что я, природный малоросс, не могу и 10 строчек прочесть малороссийской газеты «Рада», чтобы «ихний» новый язык не послать к дьяволу. Ничего не могу разобрать, о чем газета толкует. Словом, «украинский» нынешний язык для истинных малороссов непонятен: это не язык Тараса Григорьевича Шевченко, Котляревского и Квитко-Основьяненко, который ясен, понятен и простому мужику, и интеллигенту, а такой, *какого еще никогда не было на свете*. Этот язык нарочито придуман, дабы разъединить русских людей, т.е. расколоть их на две половины, и чтобы, таким образом, каждая из них враждовала одна с другой. Для инородцев наших и заграничных, как-то: немцев, поляков, жидов, — ничего нет милее этой «выдумки нового украинского языка». Правительству следует стать на страже и не допускать в школе народной, в пределах Малороссии, пропагандировать этот «уродский» язык. Если же нужно дать детям начало познания грамоты на народном языке, то пусть учителя учат детей грамоте на действительно малорусском наречии и объясняются с детьми языком Шевченко и других *прежних* малорусских авторов. Нынешние же учителя в малорусских школах — это жидовские и австрийско-польские попухачи. Я таких учителей презираю и не позволил бы им тереться возле малорусского народа. Дорогой В.В., вступитесь вы за право русского языка в школах

на моей родине. Укажите правительству, что хохлы любят церковную грамоту, а раз они понимают ее, то тем более понимают нашу общерусскую речь и грамоту. Новый же украинский язык вон гнать в шею из школы».

Не меняю ни слова в письме. «Мову» он, природный малоросс, и, повторяю, с большим чувством своего детского гнезда, считает выдумкой, и выдумкой на политической, скверной почве. Это все усилия получить себе независимость, республику, «гетманшину» и, так как все настоящие гетманы умерли, то получить в «гетманы» из Петербурга Винавера⁵. Перспектива наиболее правдоподобная, потому что еврей, да еще адвокат, может быть, конечно, и Пушкиным, и гетманом. Евреи уже «окрылены» ко всему подобному... Ну-с, и затем начнется беспримерно пакостное существование, от которого стошнит не одних хохлов. Благородные малороссы, как мы уверены, и благороднейшие латыши, поляки, остзейские немцы, румыны на юге, татары, чухонцы, грузины, армяне равно видят поэзию своего края и личную свою биографическую поэзию в том, чтобы дать России из себя еще Шевченка или Гоголя, дать Багратиона (армянский род)⁶ или Лазарева⁷ и вообще приложить руки и сердце к созиданию все-России и России, *одной* России и *на- всегда* России, как огромной неизмеримой этнографической системы, экономической системы, как громадной политической и военной мощи. «Прикладывай руки к тому, *где башня уже строится*», а не начинай *каждый* новую свою башню; выходи и живи в городе, который уже *тысячу лет* стоит, и не начинай *одной своею* избой строить новый город. Вообще, прикладывайся, ставь между собою и между *другим* «+», а не «-», связывайся, цепляйся: вот социология, культура и цивилизация. Это все евреи внушили нам (незаметно) пакостные чувства; будучи сами «вразброд» и без дара строения царства, они подтачивают наше царство и советуют свое бездарное «вразброд» и нам. Но ведь у них каждого защитит всемирный кагал, а что и кто защитит хохла с «гетманом Винавером» и латыша с правдоподобным «президентом

Марголиным»⁸ — трудно сказать. Совет нам разделиться и рассеяться, конечно, очень выгоден евреям, которые *природно* все невидимо соединены. И войдут в «баре» тем легче, чем скорее все инородцы войдут в самостоятельную свободу. Вот уж, поистине как о *женщине*, так и об еврее: «cherchez la femme», «cherchez le Juif»⁹.

Скрынченко Д.В.

Война и «украинцы»

Какою злобою проникнуты по отношению к русским и русской культуре гг. не только бывшие закордонные, но и российские «украинцы», это читатели *Киева* видели хотя бы в том факте, что, напр., недавно принятый в русское подданство австрийский подданный, «украинец», врач по профессии, возражая *Киеву*, даже в переживаемое исключительное время не имел силы побороть свое нерасположение к русским, и не назвал себя русским или хотя бы малороссом; назвать себя малороссом, а тем более именем русского г. Л. не захотел, а «украинцем», очевидно, побоялся, и потому назвал себя «славянином»... Конечно, читать в чужой душе никто не в праве, но изображать собою ничего не понимающих и безразлично относящихся к подобным явлениям российской действительности едва ли будет с чьей-либо стороны нужно и тем более похвально. Как бы ни играть в «корректность» и не закрывать глаза на русских «украинцев», как бы ни идти с завязанными глазами навстречу всему тому, что пишет о мазепинской лояльности в России *Украинская жизнь*¹, нельзя же, в самом деле, остаться равнодушным к факту, о котором сообщило само же Телеграфное Агентство: *мазепинец Мелиневский*² был у *Талаат-бея*³, прося, чтобы Турция помогла образованию самостоятельной Украины и освобождению ее от русского господства.

Д.В. Скрынченко

Факт этот получает тем большее значение, если мы обратим внимание, *кто* такое этот г. Мелиневский. Оказывается, этот господин — крупная величина среди украинцев: вместе с известным и у нас в Киеве Грушевским, кстати сказать, профессором университета, г. Мелиневский основал дом имени Шевченко во Львове, занимался разработкой «украинской мовы», 21 февраля 1913 г. сжег во Львове портрет Русского Царя, требовал немедленного объявления войны России и т.п. И вот такой-то тип был, как сообщает *Колокол*⁴, *сотрудником киевской газеты «Рада»*⁵...

Но, конечно, наши российские украинцы — лояльны, а если кто-либо посмеет сомневаться в этом, тот лжец, «черносотенец», «человеконенавистник» и пр. Мало этого: украинцы — эти российские шуты гороховые — стали чувствовать себя настолько развязно, что делают уже указания русской печати о том, какой образ правления нужно ввести для них в Галичине и даже во всей Малороссии: «в аннексированных от Австрии областях вместо скорее колониальной политики *английского типа с полным сохранением всех местных особенностей и навыков управления*»... Господа Мелиневские из Австрии призывают на нас орды Турции, а наши российские украинцы, прищурившись одним глазком в сторону лояльности, другим жадно следят за закордонными Мелиневскими и пока что закидывают у нас словечки насчет «колониальной политики английского типа» и насчет сохранения в Галичине австрийских приемов и «навыков управления»... При этом с пресерьезным видом ссылаются на воззвание Верховного Главнокомандующего⁶, как будто оно имеет хоть какое-либо отношение к мазепинцам!..

На чем основаны эти странные надежды, мы не знаем, но определенно знаем настроение действительно русского общества по отношению к мазепинству: последнее *должно теперь безвозвратно умереть*, а если оно не захочет умереть, то его надо беспощадно задушить. И, думается мне, его заглушат, прежде всего, сами малороссы, потому что они — чисто русские люди и ничего общего с «украинством» не имеют.

Скрынченко Д.В.

Заметание следов

В последнее время по всему украинскому стану делается отбой с целью ввести русское общественное мнение и власти в заблуждение относительно истинных задач мазепинского движения в России. Заметать следы призван теперь мазепинский журнал «Украинская жизнь». Между прочим, и по моему адресу этот журнал говорит, что я ввожу в заблуждение читателей «умолчанием о том, что общность культурных интересов украинцев *отнюдь не означает общности политических платформ и стремлений*» (У.Ж. №11-12, стр. 114)¹.

Т.е. украинский журнал, с наивностью деревенского простачка, кого-то хочет уверить, что украинцы чужды политики, что им дайте одну украинскую культуру, и больше им ничего не надо и что, во всяком случае, политические мечты австрийских украинцев и российских совершенно не одинаковы, наоборот – российские украинцы проникнуты-де российской «ориентацией».

Но так ли это? И если так, то, значит, российские украинцы теперь *радуются* победам России над Австрией в частности, тому, что Зарубежная Русь присоединена к России?

Я самым тщательным образом перечитал все страницы «Украинской жизни» и нигде не нашел даже намека на то, чтобы мазепинский орган радовался нашим успехам или мучился теми или иными нашими военными неудачами. Наоборот: журнал тревожно настроен по поводу того, что Галичина и Буковина² присоединены к России; известный заядлый мазепинец С. Петлюра³ пишет, напр.: «та часть украинского народа, которая до сих пор жила в границах другого государства, где политические

права ее содействовали развитию национальной культуры, теперь, с занятием Галиции и Буковины русскими войсками, переживает дни мучительных переживаний. Она полна неясных предчувствий об участи, ожидающей ее» (там же, стр. 6).

Так толкует украинский орган, выходящий в России, переживания закордонных украинцев, а еще правильное своих собственных. Вот какова радость наших мазепинцев успехам русского оружия!.. Немцы прибалтийские, немцы-колонисты и немцы центра России, напр., бывший профессор Нежинского института⁴ Видеман, радуются тем или иным успехам кайзера, а наши украинцы, даже на краткий момент, не могли порадоваться слитию Галичины с Россией и полны мучительных тревог!.. Да и как украинцам радоваться, когда они искренне опечалены фактом присоединения этой области к нам? Ведь до войны русские украинцы неприкровоенно даже грозили России войной с Австрией и лелеяли мечту о европейском вмешательстве для разрешения мазепинского вопроса: «Украинский вопрос, говорилось в №5-6 названного журнала, теперь лежит в основе всей политики между Россией и Австрией и, как постоянная заноза в честолюбии русских монархистов, *стоит угроза войны с Австрией*. Страх этой войны, грозящей им (т.е. русским) страшными бедствиями» и т.д.; для украинцев нужно «некоторое поощрение со стороны великих держав» и тогда они «могли бы свое дело поставить пред всем светом»!!

И все это напечатано в московском журнале «Украинская жизнь»... Конечно, тут не сказано прямо, что необходимо российским мазепинцам поднять всю Украину против «москалей» и России, но ведь разве не ясно, что именно это хотел сказать московский журнал, но лишь не отважился попасть под уголовную статью закона?

Австрийские мазепинцы кричат: «Когда австрийские и германские полки уничтожат московского врага, когда в сердце Украины зашумят австрийские знамена, тогда на трупах вражеских московских орд восстанет Украина» («Народный голос», 19 авг., Черновцы⁵); или: «Главная

украинская Рада» жаждет, «чтобы на развалинах Царской империи взошло солнце вольной Украины» («Діло» №187) и т.п.; а в ответ на это российские украинцы, проживающие в Москве, и ясно видящие, что в настоящее время уместнее вести речь о развалинах не России, а именно Австрии, с наивностью простачков, прищуривающихся насчет русского добродушия и сердечной широты, заявляют: да стоит ли обращать внимание на австрийских украинцев? Тем более, что российские украинцы не замечают такой австрийской «ориентации» и простодушненько стремятся лишь к культурному объединению с австрийскими! Но позвольте, возражаем мы московским украинцам: а как же это вышло так, что и российские украинцы, пишущие в «Украинской жизни» и писавшие в Киевской «Раде», напр., Д. Донцов, В. Дорошенко, М. Мелиневский, О. Скоропис-Ялтуховский, А. Жук⁶ выпустили за границей воззвание «До громадської думки Європы», где заявляют: «Без отделения малорусских провинций России самый тяжелый разгром русского государства явился бы только слабым ударом?» «Украинская жизнь» сделала вид, что не слышала этого уличающего факта, опубликованного «Прикарпатской Русью»⁷, а вслед за нею и «Киевом», и негодуяюще кричит по адресу, напр., пишущего эти строки: донос, клевета!.. Вообще российские украинцы отмалчиваются, когда им указывают на негодование австрийских мазепинцев, и пишут статьи «об очередном доносе «Киева» на украинцев». Донос это или нет, предоставим разбираться в этом московским специалистам по украинской части, а тем временем опубликуем новый любопытнейший факт.

В Киевском артиллерийском складе находится украинский стяг, отобранный близ местечка Пржемышляны 123-м пехотным Козловским полком. Стяг устроен так: к длинному древку наверху прикреплены две синие ленты, на которых золотыми буквами буквально написано «Товариство Січ» и «Гаї коло Львова»; на одной стороне знамени нарисован портрет Мазепы, а на другой – рядом два герба – *Киева* и *Львова*, а внизу этих гербов изображе-

ны две пожимающие одна другую руки... На древке в той части, где на шнурок прикреплено знамя, прибито много металлических небольших щитков, на которых выдавлены следующие фамилии <...> очевидно — «січовиков».

И вот с этими «січовиками», которые проливают кровь наших братьев и вырезают несчастных «московфилов» Галичины, стремятся объединиться якобы только на культурной почве наши российские украинцы!.. До какого нравственного упадка надо дойти, чтобы тыкать в лицо этим цинизмом и издеваться над всякой человеческой правдой и над русской простотой, как делают это теперь заматающие следы явной измены наши российские мазепинцы! Но заместь этот след уже невозможно, скрыть свою настоящую физиономию украинцам уже нельзя: они разгаданы... Да и разгадать-то, впрочем, они сами помогли нам; вот, напр., что пишет мне по поводу моих статей неведомый мне украинец: «Вы называете нас мазепинцами, т.е. *изменниками для вас русских*, но для нас украинцев называться именем народного героя — больше, чем ласка»...

Чтобы еще дальше раскрыта была физиономия украинцев, приведу здесь извлечения из прокламаций, разбрасываемых среди наших солдат на театре войны от имени *Киевской какой-то «Обороны Украины»*: «Український народі! Війна Австрії й Німеччини проти Росії, яка тепер вибухла, дає тобі бажану нагоду до національного визволення. Ся війна готова розвалити російську державу, *сю величезну і страшну в'язницю народів, в якій і ти мучишся...* Побідить моськовський уряд, наш нарід ще довгі часи буде стогнати в ярмі. Побідить Австро-Угорщина й Німеччина, — ми матиме свободу національного розвитку.. В сій війні, яка тепер відбувається, нема сумніву, на чий бік стане Український нарід... *Хай же живе повстання проти Росії й її уряду.* Хай живе Українське Національне Зібрання в Києві! Хай живе самостійна, незалежна Україна!» И вот, именно теперь, после пережитых и переживаемых испытаний, мы можем и должны сказать, на чьей стороне стоят российские украин-

цы, как бы ни иезуитничали украинцы из «Украинской жизни»: российские украинцы – изменники и предатели наши и жаждут они лишь развала России, чтобы на ее костях создать «самостійну, незалежну Україну». А раз таковы стремления российских украинцев, то надо раз навсегда задушить и ту культуру «українську», которая жаждет гибели России. Хотя количество украинцев, помогающих гибели России, ничтожно, однако оно существует, и раз эта кучка поставила вопрос о самом существовании России, то надо беспощадно, отбросив некую сентиментальность, раздавить эту предательскую кучку. Пусть помнят все, у кого от сентиментализма и душевного ничтожества чувствуется расслабление суставов, пусть помнят они, что малорусский народ никакого отношения к украинцам не имеет; именно настоящая война лучше всего показала, что малороссы, так же, как и все русские люди, создают величие и славу единой и великой России, и попытка украинцев говорить от имени всего малорусского народа бунтарские речи, является жалкой попыткой проходимцев, наглецов и продажных людей, купленных на немецкие талеры.

Скрынченко Д.В.

К характеристике украинства

Еще в то кичливое время, когда Австрия беспрерывно шумела оружием в сторону России и когда эрцгерцог австрийский Франц-Фердинанд¹ беззастенчиво заявлял, что он будет *курфюрстом киевским*, еще в то время одна польская газета напечатала о том, что украинцы, на которых думал опереться покойный эрцгерцог, получают деньги из германского фонда, т.е. что они состоят на содержании у германского правительства и австрийского, как его агенты; мазепинцы с шумом, захотели было привлечь к суду за клевету польскую газету, но она не испугалась и ждала суда, но мазепинцы, боясь скандальных для них разоблачений Рачинского², Крысяка, отказались от суда.

Все это в свое время напечатано было в закордонной когда-то «Прикарпатской Руси», отчасти в «Новом времени»; об этом не особенно давно писал я в газете «Киев». Тогда разоблачения об украинцах не казались нашему обществу сенсационными, и, во всяком случае, такими, с какими стоило считаться: националистическая-де печать, так сказать, — «черносотенная», а с таковой в «порядочных» кругах не принято считаться!..

Ныне те же разоблачения и утверждения сделал бывший трудовик Г.А. Алексинский³, и сразу эти разоблачения приковали к себе внимание и стали «сенсационными», как называет их «Киевская мысль». 5 декабря 1914 года в 326 № газеты «Киев» я писал: «В Вене под редакцией Е. Бачинского издается «Вестник союза вызволения Украины»; здесь Румыния и Болгария приглашаются к выступлению против России, но что особенно

интересно, это воззвание к общественной мысли Европы — «до громадської думки Європи»⁴. Воззвание подписано уже не закордонними, а російськими українцями — Д. Донцовим, В. Дорошенком, М. Мелиневским, О. Скоропис-Ялтуховским, П. Зализняком и А. Жуком. Ныне «Киевская мысль», цитируя Алексинского, говорит о венском «Союзе освобождения Украины», о том, что он «на австрийские деньги подготавливает в России украинское вооруженное восстание и рабочую революцию», что «все, так называемые украинские социалисты-революционеры в Вене по направлению своей деятельности суть агенты австрийской военной и гражданской власти» и что «кроме Микола Зализняка в состав этой компании входят: Д. Донцов, В. Дорошенко, М. Мелиневский, О. Скоропис-Ялтуховский, А. Жук» («Киевская мысль» 1915 г. 10 апр. № 99). Правда, «Киевская мысль», всегда стоявшая у нас на страже украинских мечтаний, своих слов не говорит и выводов не делает, она лишь цитирует чужие разоблачения, не будучи в силах замолчать огромного скандала...

Для нас все эти скандальные разоблачения, идущие из подпольного мира разных предателей и изменников, интересны не потому, что они подтверждают правильность утверждения и разоблачений националистической печати, в том числе «Киева», а в том отношении, что все общество наше увидит, наконец, куда идут мазепинские чаяния в России, что мазепинская пропаганда в России — дело нешуточное: немцы не будут даром разбрасывать денег..

И вот теперь еще острее возникает вопрос: в какое положение станут российские украинцы? Неужели они и теперь, заметя следы, будут отрешиваться от австрийских украинцев? Неужели хоть кто-либо в России будет и теперь верить, что украинское движение преследует лишь культурные цели? И в каком нелепом положении окажутся теперь, напр., академики А.А. Шахматов⁵ и Перетц⁶, поддерживающие в России украинское движение,

печатающиеся в украинских изданиях и загрязнившие украинской пропагандой даже стены Академии наук?

Если российское украинское движение чуждо «австрийской ориентации», т.е. попросту — не болеет изменническими планами в отношении России, то почему некоторые русские периодические издания давали у себя приют австрийским мазепинцам, напр., Дм. Донцову, В. Дорошенке и др.? А куда шли украинские чаяния в России того же Д. Донцова, это не скрывал сам Донцов в московском журнале «Украинская жизнь»: когда в Галичине, еще в 1912 г., состоялось соглашение политическое между поляками и мазепинцами, то Донцов видел в этом факте не только «смерть» Галицким «москвофилам», но и дальше того: «без влияния на *русских* украинцев этот факт, разумеется, остаться не может, повышая их национальную сознательность («Укр. Ж.», март 1914 г., стр. 34). До какого бесстыдства доходила на страницах даже печатающихся в России украинских изданий украинская пропаганда, лучше всего видно из часто проводимой ею мысли, что русские (великороссы) — собственно не славяне, а более монголы, чем славяне. Тот же Донцов с удовольствием приводит слова немца Гетца о великороссах, именно, что «малороссы — более чистый тип славянина», что «для европейца гораздо труднее понять полный противоречий *синтез финского и славянского в характере русского*», что Россия боится, именно ввиду огромной разницы между русским и малороссом превратиться «из концентрированного, великорусского единого государства в слабо связанную унию автономных наций» («Укр. Ж.», там же, стр. 127, 128).

Конечно, Германия, объявляя скоропалительно войну России в союзе с рабски послушной ей Австрией, именно верила всем своим ученым и их приговорам о русском племени, верила также тем проходимцам и отбросам русского племени, которые выдают себя за Дорошенков, Хмельницких, Мазеп и Орликов, а в действительности, как едко замечает Алексинский, являются не Хмельницкими и Мазепами, а «только служат обыкновенными

агентами австрийского правительства»... Умная Германия поняла, что все эти Донцовы, Зализняки – просто жулики, «напивающиеся, как разоблачает Алексинский, до бесчувствия, содержащие метресс и поддерживающие всякий разврат» («К.М.») Но как не поняли всех этих сотрудничающих в «Украинской жизни» Донцовых, Дорошенок такие симпатичные, напр., люди как член Академии наук Алексей Александрович Шахматов? Как последнему не стыдно сотрудничать в украинских изданиях вместе с этими отбросами русского племени?

Скрынченко Д.В.

Украинская расправа

Из Львова пришло известие о той расправе, которую учинили, при поддержке австрийского правительства, галицийские «украинцы» над русскими учреждениями; все, связанное с именем русского, подверглось уничтожению или конфискации. Конечно, под именем «русского» не надо предполагать то, что осталось от нашествия русских войск на Галичину и в частности на Львов; разгрому подверглось то, что создано самими же галичанами, признающими себя русскими и являющимися сторонниками русской культуры¹. Народный дом, на создание которого русскими галичанами затрачены огромные средства, обращен в украинскую гимназию, знаменитая Ставропигия², бывшая всегда цитаделью и оплотом всего русского, стала местом украинских легионеров, русская ризница³ переименована в украинскую, общество знаменитого галицко-русского деятеля Качковского⁴ отдано во власть украинцам и т.п.

Печать далее сообщает, что поляки охотно идут в легионы для борьбы с русскими войсками, и что из этих добровольческих отрядов, формируемых, как сообщалось, и из поляков, составились уже целые корпуса.

Мы ставим эти два сообщения в одну плоскость: они красноречиво говорят нам о том, что русские мечтания о славянском единении решительно не удалось, и в частности, воззвание Великого Князя Николая Николаевича не имело никакого успеха. Вообще надо признать, что настоящая война нанесла жестокий, пожалуй, даже непоправимый удар славянофильскому романтизму. И это послужит нам, во всяком случае, не во вред, а на поль-

зу: может быть общество скорее станет на почву реальной политики. Чем трезвее и, пожалуй, даже энергичнее оно станет относиться к славянским проблемам и собственным нуждам, тем лучше будет для всех и, прежде всего, для нас самих. Не отрекаясь от идеалистических настроений по преимуществу свойственных русскому народу, мы, прежде всего, станем самими собою, а, стало быть, сделаемся и более сильными. Когда мы будем более сильными и национально более цельными, к нам само собою потянется все более слабое в славянстве; между тем, в настоящее время, когда мы стремимся привлечь к себе симпатии славян, эти последние понимают наши бескорыстные стремления как заискивание перед славянами, и потому ожесточенно отмахиваются от протянутых нами к ним братских объятий.

Но об этом течении в славянстве я заговорил лишь попутно. В настоящей статье я хочу обратить внимание читателей на другое, на поведение закордонных украинцев. С озлоблением, иногда почти с остервенением галицийские «украинцы» все силы свои направляют на то, чтобы уничтожить не только все нити, связывающие их с русской культурой, но и все то, что сделано другими галичанами, держащимися русской ориентации.

Стремясь к полному обособлению от русской культуры и к национально-политической независимости от России, галицкие «украинцы» считают первыми и главными своими врагами не немцев, не поляков, а русских: галицкие «украинцы», таким образом, уничтожают все мосты, которые могли бы быть переброшены к ним с русской стороны; проявляя крайнюю нетерпимость к галицко-русским учреждениям, «украинцы» явно подчеркивают, что они станут к России и русским во враждебные, прямо непримиримые отношения, этого нам нельзя забывать: это должно отрезвить у нас тех Маниловых от политики, которые в лице, напр., кн. Трубецкого⁵, жаждут мира с Галицкими «украинцами» и которые надеются на доброе сожительство с последними.

Гг. Трубецкие говорят: надо оставить неприкосновенными все учреждения Галицких «украинцев», их школу, их унию и т.п. Но теперь ясно, что никакими приманками этих «украинцев» не перетянуть в русскую сторону: они *навсегда останутся нашими самыми отчаянными врагами.*

В таком случае сам собой напрашивается один вопрос: на *кого* же собственно Россия будет опираться в Галичине, среди враждебно настроенного к русским «украинства»? Что толку будет от того, что мы сохранили бы, напр., «украинскую» мову в школе, суде, администрации? Не помогли ли бы мы тем самым враждебно настроенным к нам «украинцам» еще более отойти от нас и укрепиться в своих враждебных позициях? Мне кажется, и для гг. Трубецких настало время признать свои позиции по отношению к закордонным «украинцам» ошибочными и признать вместе с нами, что у нас есть и может быть одна опора в Галичине — это те элементы, которые всегда стремились к русской культуре и которые в зарубежной Руси всегда играли роль русского аванпоста. Уступками, попустительством, потакательством не купить нам «украинских» сердец Галичины; наоборот, таким путем мы лишь поддерживаем ту смуту, которая из пределов Австрии распространяется и в пределы России.

Когда местный, российский «украинец» Винниченко⁶ заявляет в московском журнале о том, что у «украинцев» нет никакого ни кровного, ни культурного родства с русскими, когда он оскорбительно бросает вызов русскому народу, считая его никчемным, неспособным к культуре, не давшим ничего миру, кроме грубой силы, то ясно, что «украинская» зараза закордонья становится угрожающей по отношению к самой России.

Кто знает, может быть грозному року угодно будет вести Россию по путям жестоких испытаний; может быть когда-нибудь исполнятся мечты врагов русского народа, желающих смести могучее государство в ничтожную Московию или даже прогнать русский народ за Урал. Но пока что мы, как нация, как народ с ярко выраженной инди-

видуальностью, не можем не сжиматься в упругий кулак и не можем не давать отпора всем, кто посягает на нас, как на государство и как нацию. И чем скорее мы станем более решительными и способными давать отпор в этом отношении, тем лучше будет это прежде всего для нас самих. По-видимому, мы уже начинаем пробуждаться от «непротивленчества», овладевшего, благодаря некоторой части нашей интеллигенции, нашими государственными артериями и приводящей иногда последние в состояние паралича: на днях выслан в Спасо-Евфимьевский монастырь⁷ униатский и «украинский» мастодонт гр. Шептицкий⁸, ловко сделавший Курск местом свидания с иезуитствующими проходимцами и центром для незаметной пропаганды унии и «украинства». Это дает нам надежду, что в Галичине будут следовать строгому курсу русской национальной политики.*

Что дает России дряблая политика, основанная на заговоре «прогрессистов», мы пока не знаем; но мы знаем, что национальная политика и только она одна создала великую Россию. Даже чуждые, враждебные русскому народу ветры, дующие в России непрерывно в течение 200 лет после Петра Великого, не сломили русского народа и государства. Русь жива и, несомненно, жизнеспособна, несмотря на ее неорганизованность и хаотичность: только так спаянная Русь оказалась способной выдержать ту страшную грозу, которая раздалась над нами с немецкой стороны. Но выдержала ли бы Русь эту грозу, если бы она представляла собой лишь федерацию народностей? Вы только представьте себе, что было бы с нашим государством, если бы и Польша, и Белоруссия, и Украина, и Грузия и Татария были автономными, по примеру Финляндии и захотели бы, как Финляндия, чувствовать себя «нейтральными». Едва ли кто стал бы сомневаться, что по такому государству Германия давно

* «Киевская мысль» уже поспешила взять гр. Шептицкого под свою защиту и замечает: «с января прошлого года гр. Ш-й жил под строгим надзором на положении арестованного. Никакие свидания ни с кем не разрешались, только несколько раз ему было разрешено посетить костел». Зачем эта ложь? Почему цензура ее допускает, способствуя тем самым дискредитации власти?

уже прошла бы торжественным маршем. Лишь только еврейские циники из «Киевской мысли» в лице Гомункулюса (Здеславского) позволяют себе оправдывать позицию «нейтральной» Финляндии: государство изнемогает в борьбе, а покоренная Финляндия играет в «нейтралитет», опираясь на Гомункулюсов и им подобных...

Возвращаясь к Галицким «украинцам», мы, стоя на родной почве своей истории, имеем все основания надеяться, что никаких авантюр с этими «украинцами» не будет: ход русской истории не допустит авантюр в политике с галицкими «украинцам»; авантюры могут лишь временно принести смуту, и только для того, чтобы раз навсегда повести в определенном, историей испытанном, курсе, наш государственный корабль.

Скрынченко Д.В.

«Украинские» подлоги

В последнее время начинают все более и заметнее шевелиться те, которые называют себя ходким теперь словом «украинцы». Снова выплывает на общественную поверхность украинствующий *поляк* Шемет¹. Последний, если верить «Русскому слову», вместе с членом Государственной Думы А.М. Александровым² ездил к министру народ. просвещения гр. П.Н. Игнатьеву³ ходатайствовать об открытии в Киеве или Лубнах гимназии с преподаванием на «украинской мове»; граф Игнатьев ответил будто бы на ходатайство в том смысле, что, на основании правил 1 марта 1914 года, «можно открыть среднее учебное заведение с преподаванием на любом языке», что на этом основании «будет разрешено и открытие украинской гимназии», если учредителем ее явится какое-либо другое лицо, а не Шемет, «осужденный по процессу выборжцев»⁴. В то же время московский журнал «Украинская жизнь» из всех сил старается убедить великороссов и правящие круги в том, что малороссы – особый от русских народ, имеющий свой язык, свою особую культуру, что для них нужна поэтому особая школа, своя администрация, духовенство, суд и т.д. «Украинская жизнь» делает, для доказательства своих положений, усердные экскурсы в область истории, причем в самое последнее время поставила тараном в этом отношении члена Одесского окружного суда Сергея Шелухина⁵. Если, стало быть, можно доказать, что Украина – особая страна, в которой живет особая этнографическая народность – украинцы, то само собою напрашивается вопрос, на каком же основании этой народности не да-

вать особой украинской школы, суда и т.д.? На каком основании правительство не удовлетворяет ходатайства Шемета об особой «украинской гимназии»?

Рассуждения и историческая аргументация г. С. Шелухина настолько любопытны, что мы считаем необходимым остановить на них внимание читателей. К Шемету же и «украинской гимназии» мы вернемся в конце настоящих рассуждений.

Как известно, все исторические экскурсии львовского проф. Грушевского, а вслед за ним и других «украинцев», направлены были к тому, чтобы доказать, что население, живущее на юге России — от Тмутаракани до Карпатских гор, *не* русское и даже, как утверждают некоторые украинские смельчаки, «ничего общего с русскими не имеющее», что историческим названием данной территории всегда было слово Украина; не будучи, однако, в силах разорвать связь с непреложными свидетельствами истории о Руси, и г. Грушевский, и его последователи вынуждены были оставить для этого населения название «України-Русі».

Член Одесского окружного суда, неожиданно выступивший на поприще южнорусского историка, старается смягчить резкий тон утверждений «украинцев»-фанатиков; и в своей брошюре «Немецкая колонизация на юге России»⁶, и в статье «Украинцы, русские, малороссы» («Украинская жизнь», июль-август 1916 года)⁷ Шелухин говорил даже, что и великороссы, и малороссы, и белоруссы — родные братья, одинаково сражающиеся теперь «за достоинство и целость России», но братья *особые* и, во всяком случае, *обособившиеся* друг от друга, причем малороссы, хотя и принадлежат к «исконно-русскому племени», однако имеют «свое *собственное народное* имя, притом действительно *тысячелетнее*», «свое *тысячелетнее прошлое, душу, свою культуру, свою историю*» (стр. 67. «У.Ж.»); именем народным для южнорусской территории, именем тысячелетним, является слово «Украина», а для насельника этой территории — «украинец». Смягчив резкости «украинцев»-фанатиков, г. Шелухин в осталь-

ном всецело примыкает к ним, требует для «украинцев» *особой* школы и т.п.

История южнорусская знает многих политических и неполитических иезуитов, приходивших в наш край из Польши и упражнявшихся над душой русского народа; г. Шелухин, конечно, знает об этих упражнениях, и, что особенно печально, сам следует иезуитским приемам; он мягко стелет, чтобы тем легче добиться того, что не сумели добиться более желчные и нетерпеливые из «украинцев»; его положение — *члена окружного суда* — дает его утверждениям видимость беспристрастия, правды; г. Шелухин тонко ведет свое «украинское дело», ловко переступая грани исторической правды и балансируя в той плоскости, где явное невежество, наивная убогость перемешаны с умышленными *подлогами*.

Я останавливаюсь на главных аргументах г. Шелухина, которые, при всем моем желании быть осторожным в суждениях, я не могу иначе назвать, как явными подлогами.

Настаивая на том, что собственным именем для территории южной Руси было слово «Украина» и, что, стало быть, для насельника ее, имеющего русское происхождение, должно быть слово «украинец», г. Шелухин, помимо ссылки на иностранцев — Боплана⁸, Лассоту⁹, Павла Алеппского¹⁰ и даже на Свод Российских Законов, опирается на свидетельство из Ипатьевской летописи¹¹; в то же время, в целях обособить «украинцев» от великороссов, г. Шелухин позволяет себе утверждать, что великороссы собственно *нерусские*, что «трудно было бы указать несколько мест из летописи, что *великороссы до XIII века сами не называли и не считали себя русскими*» (стр. 74).

Остановимся пока на разборе слова «украина».

Прежде всего, я должен указать на то обстоятельство, что в летописях тысячи раз употребляются в приложении к рассматриваемой территории слов «Русь», «Русская земля», а к насельнику ее слово «русский»; слово же «украина» употребляется лишь *несколько раз* и именно в Ипатьевской и Псковской¹² летописях. Уже одно это

обстоятельство должно бы вынуждать гг. Грушевских и Шелухиных к тому, чтобы рассматриваемую территорию называть только словом Русь, а не «Украина». Зачем, на каком основании употреблять такое название, которое было не в употреблении у наших предков? Зачем прибегать к названию «Украина», забывая, что это слово лишь, так сказать, промелькнуло на страницах летописей, между тем как предки наши ясно и категорически оставили нам определенное название, тысячи раз повторяемое — «Русь», «русский»? Зачем же, на каком основании выхватывать из летописи, так сказать, случайное название и отречься от того названия, которое искони было нашим и слилось с душой наших предков?

Но, оставляя в стороне эти рассуждения, обратим внимание на смысл, заключающийся в слове «украина».

Слово «украина» в Ипатьевской летописи, на которой базируется г. Шелухин, встречается лишь *четыре* раза; на один лишь случай употребления здесь и ссылается г. Шелухин, причем ссылке этой придает такой характер, который граничит с умышленным подлогом; *нарицательное* имя «украина», употребленное в летописи для обозначения области, находящейся у *края*, на *пограничьи* Киевского государства, г. Шелухин возводит в *собственное* и пишет его с большой буквы — «Украина»; правда, позднейшие издания летописи под влиянием современных идей и представлений, стали писать это слово с большой буквы, но в рукописи-то оно начинается с маленькой буквы, как имя *нарицательное*, означающее *пограничье* государства или области.

Г. Шелухин ссылается именно на то место Ипатьевской летописи, которое связано с 1187 годом; ускользая от необходимости выяснить смысл употребленного здесь слова «украина», г. Шелухин, наподобие наивного человека, кричит по адресу противников «украинского» движения: ага, вот видите, *как давно* здешняя земля называется словом «украина»!.. Конечно, несведущий читатель может усмотреть в словах ликующего Шелухина «откровение», но не может признать за откровение шелу-

хинские мысли всякий, кто сам переворачивал страницы летописей.

Содержание рассматриваемого места этой летописи следующее: половцы беспрестанно нападали на пограничную русскую область, шедшую по Переяславской земле; в 1187 году повторилась старая история, и русские князья вынуждены были идти против половцев. И вот, «князем же *русским*, идущим на ня», т.е. когда русские князья отправились на половцев, черные клобуки¹³, бывшие заодно с русскими князьями, изменили последним, а князь Владимир Глебович¹⁴ разболелся и умер, а между тем этот князь, умный и добрый, был надеждой тех русских, которые жили в этой беспокойной *пограничной* с половцами области; потому-то о нем «украина сильно постана», т.е. жалела как о защитнике. Смысл этого слова здесь настолько ясен, что только явным стремлением подделать это место в «украинском» смысле можно объяснить это слово так, как делает это г. Шелухин, употребляя его в смысле *собственного* имени.

Русское государство имело два пограничья, или, по тогдашнему, две «украины» — с восточной стороны от половцев, а с западной — от поляков, так называемую галицкую. Об этой последней говорится в летописи под 1213 годом (Ипатьев. лет. изд. 1871 г., стр. 490): «Данилу же возвратившуся к домови и еха с братом і прія Берестій и Угревеск и Верещин и Столпье, Комов и всю украину», т.е. окраину со стороны поляков; ни о какой иной «всей украине» здесь не идет речь, кроме пограничной земли с поляками, а иначе выйдет так, что будто Брест или Столпье, находящееся неподалеку от Холма, в состав «украины» не входило; но так толковать не решится и сам г. Шелухин, наоборот, он решительно называет «Украиной» всю ту область, куда входят и Брест, и Столпье и т.д.

В той же летописи еще один раз употребляется пресловутое слово «украина», но еще в более узком значении, именно не в смысле государственного пограничья, а даже пограничья небольшой области: под 1189 годом

говорится о том, что галичане послали послов к князю Ростиславу Берладнику¹⁵, бывшему в это время у своего родственника в *Смоленске*, «и приехавшу ему к украине Галицкой», т.е. к области находящейся на пограничьи галицкой земли; Смоленск, как центрально-русская земля, не называется уже «украиной».

Больше в Ипатьевской летописи слово «украина» не встречается. Впрочем, встречается близкое к этому слово «*украиняне*», но оно как раз говорит против того толкования, которое соединяет со словом «украина» г. Шелухин. Под 1268 годом говорится о войне между Шварном и Болеславом Польским¹⁶ около г. Холма, причем «*украинянами*» называются не русские, а поляки: «*ляхове украиняне*», т.е. пограничные с русскими.

Слишком ясно, что употребленное в Ипатьевской летописи слово «украина» является *нарицательным* именем, употреблявшимся для обозначения пограничья, *окраины*. Но в таком смысле это слово, обозначавшее область у края государства или местности, употреблялось до XVII века включительно, отнюдь не включая в себя этнический признак, как увидим дальше.

II.

В предшествующих строках я показал, какой подлог учинил член Одесского окружного суда С. Шелухин при толковании летописного слова «украина», несмотря на ясный, не допускающий кривотолков контекст речи в Ипатьевской летописи, в каком случае слово «украина» обозначает только окраину, пограничье, г. Шелухин упорно утверждает, что это слово «обозначает не чью-то окраину, а край, область, владение, отдельную землю («У.Ж.», стр. 78), «то же что страна, земля, край — по-французски *paus*, по латыни *terra*, по-немецки *Land*», а не окраину (стр. 75). В этой своей безнадежной попытке г. Шелухин пошел даже на такое героическое усилие, которое вызывает у читателя веселое настроение и улыбку над тем, как далеко может заходить у сектантов скудоумие; одесский судья пишет буквально так: «Киевские дворяне в ин-

струкции послам 4 января 1673 г. дали, между прочим, поручение наблюдать, чтобы при разграничении Польши и Турции «не *закроено* (курсив Шелухина) было к Турции их воеводство. Это место интересно выражением «закроено»: *оно, быть может, облегчит найти значение и происхождение термина «Украина»* (от «крайти» – кроить, украйти – откroить целый кусок земли: украина – то, что народ откroил себе в виде отдельного куска, отрезка) (стр. 65)... Жажда отстоять свое толкование пресловутого слова у г. Шелухина так велика, что он рискнул на явную нелепость: он готов усмотреть сакраментальный смысл даже там, что так нещадно побивает, прежде всего, хитросплетение самого Шелухина; слишком очевидно, что слово «краить» или кроить значит *отграничивать*, отрезывать один рисунок от другого, делать края, отделять, напр., один кусок материи от другого по *отграничивающей* линии.

Но возвратимся к историческим документам, выясняющим значение слова «украина».

Во всех документах, до XVII века включительно, это слово, как я уже говорил, обозначает *окраину, пограничье* и вовсе не приурочено специально к той области, которую теперь принято называть словом *Украина*, т.е. к Малороссии. В доказательство этой мысли можно привести сколько угодно свидетельств, как из русских, так и польских источников. Не желая утомлять читателей и не собираясь писать диссертации по данному вопросу, я, тем не менее, считаю необходимым привести здесь несколько таких свидетельств.

В псковской летописи, под 1274 годом, говорится о нашествии неприятелей на псковские села: «И пришед тайно и взяша с *украины* неколико *псковских* сел», т.е. неприятели, сделав тайное нападение, взяли несколько псковских сел на *пограничьи* (с «украины») Псковской области.

Под 1351 годом в той же летописи читаем о полоцком князе Андрее¹⁷: «И по сем Андрей, с *полочаны* из своая *украины* (т.е. из пограничья своей Полоцкой области),

пригнавшие (приехавши) без вести (т.е. без предуведомления, внезапно), повоевали неколико сел Воронежской волости».

Под 1588 годом в той же летописи записано: «Приходиша татарове крымские на русские города на *украинные*», т.е. на пограничные города Московского государства.

Кроме Южной Руси, Галицкой, Полоцкой и псковской, и Московская Русь употребляла рассматриваемое слово с подобным же значением. Великий князь Иван Васильевич¹⁸ в 1503 г. писал: «Приказали есмо своим *украинным* (живущим по пограничьи) князем и иным своим князем и наместником и волостелем и всем своим украинником» (чуть не сказал: «украинцам»).

В «Окружной грамоте бояр, окольничих и всех чинов Московского государства в Пермь Великую о сведении царя Василия Иоанновича с престола» от 1610 г. 20 июля говорится, что и дворяне, и дети боярские «слыша *украинных* городов от всяких людей (т.е. от пограничных), били челом ему, государю (Хрестоматия по русской истории М. Коваленского, т. II, стр. 110, Мск. 1915 г.)¹⁹.

В челобитной от Тарусского уезда (нынешней Калужской губернии) о сборе шуб для ополчения 1611 г. говорится: «Да у нас же, государи, через посад Тарусу и Торуской уезд лежит большая колужская дорога, и ездят от вас, бояр, ис полков многие гонцы и в *украинные* города (т.е. пограничные) и с *украин* (т.е. окраин) к вам бояром» (там же, стр. 127). Употребление слова «украина» на *Московской* и *Калужской* земле я особенно подчеркиваю.

Слово «украинный» много раз употребляется и в указе царя Михаила Федоровича о созыве собора 1642 года (там же, стр. 149, 150), и в других многих исторических документах.

Таким образом, ясно, что и в Киевской, и в Волынской, и Галицкой, и Полоцкой, и Псковской, и Пермской, и Калужской, наконец, московской Руси, т.е. на всем обширном пространстве русских земель, занятых русским народом, а не только в Малороссии употреблялось слово

«украина» и употреблялось именно в значении пограничья; *слово это принадлежит всему русскому народу*, а не специально той ветви последнего, которая известна под именем малороссов. И значит, называть производным от этого слова названием «украинец» следовало бы не только малороссов, но и белоруссов (полочан), и псковичей, и калужан, и москвичей, т.е. всех тех, кого называют «москалями». Но едва ли это улыбается всем тем, которые замутили свою душу в узких тенденциях «украинского» сепаратизма... Впрочем, южнорусские сепаратисты, никак не могущие подыскать себе подходящего названия и величавшие и величающие себя то «рутенами», то «украинцами», могут утешиться: полочане, псковичи, москвичи и вообще «москальи» никогда не отрекутся от своего названия *русских*.

Но положение «украинцев», узурпировавших себе название «украины», становится еще более затруднительным оттого, что и *поляки* заявляют претензии на это слово. И эти претензии вполне естественны: дело в том, что поляки всегда употребляли слово «украина». Приведем несколько свидетельств об этом из польских источников.

В знаменитой «Хронике» XVI века Матвея Стрыйковского²⁰ под 1519 годом записано: «Tegoz roku Albricht mistr Pruski, siostrzeniec krolevski, czynil szkody na ukrainie Polskey i Zmodskiey ziemi». Т.е. в том же году Альбрехт *Прусский*, племянник короля, учинял škody на *пограничьи польской и жмудской* земель.

Таким образом, район «украины», если последнюю понимать так, как понимают ее «украинцы», простирается и на Жмудскую землю, т.е. на низовья Немана.

Но и Жмудской землей не приходится ограничивать района «украины»: дело в том, что польский сейм 1551 года сделал постановление о новом налоге, предназначенном для уплаты жалованья ротмистрам — конным и пехотным офицерам, служившим на «ukrainie Moskovska i Tatarska, т.е., конечно, служившим на *пограничьи* с Московией и Татарией: ведь не служили же, в самом деле,

польские офицеры в стране (если понимать слово «украина» с смысле «украинцев») Московской и татарской!

В универсале Стефана Батория²¹ 1580 г. тоже встречается слово «украина» и все в том же смысле — пограничья польского государства; Стефан Баторий обращается к *старостам*, подстаростам, державцам, князьям «раном у гусерстwu на ukrainie: ruskiey, kijowskiey, wolynskiey, padolskiey у braczlawskiey mieszka яс зем», т.е. к старостам и т.д., живущим на пограничьи — русском, киевском и т.д.; все перечисленные области составляли пограничье польского государства. Кстати сказать, г. Шелухин, касаясь этого универсала, делает новый подлог: он выбирает из этого обращения слова: старостам, подстаростам, рыцарству и т.д. и представляет дело так, что как будто король «*обращается к Украине Русской, Киевской*» и т.д., т.е. как к этнографическому целому и имеющему *собственное* имя «Украина», между тем как, повторяем, обращение идет к князьям и старостам и между тем как «украина» употреблено здесь как *нарицательное* имя, обозначающее пограничье польского государства.

Так пишет, с явными подлогами, свою статью *член окружного суда*.

Что именно *русское* население жило на территории, отмечаемой в универсале Стефана Батория, это видно хотя бы и из прошения «шляхты Брацлавского воеводства» от 7 июля 1577 г. к королю о том, чтобы все официальные бумаги из королевских канцелярий в Брацлавское воеводство писались не иначе как только *на одном* русском языке (neinakszym, *одном* ruskom pismom majut bytu wydawany, *как всегда было раньше*, о чем «wsia szlachta, Rycerstwo Wojewodstwa Braslawskoho pokorno i nisko czelom bijut». См. Ignacy Połkowski. Sprawy wojenne króla Stefana Watorego. Krakow, 1887 г. Стр. 82.).

Предки нынешних «украинцев» не догадались назвать себя именем последних, а называли себя русскими и употребляли такие ультра-русские выражения, как «покорно и низко челом бить», т.е. точь-в-точь, как московские че-

лобитчики!.. Разве же в этом не ужас для «украинского» сердца?!

III.

Слово «украина», являясь общерусским и польским словом для обозначения *окраины* или *пограничья* государства или области, в таком именно смысле постоянно повторяется в польских и вообще южнорусских документах. И это вполне естественно: дело в том, что, благодаря несчастной судьбе, вся Южная Русь на много веков была закреплена за Польшей; закрепление за Польшей той Руси, конечно, содействовало и большему закреплению за ней, как пограничной для польского государства областью, и термина «украина». В этом смысле можно делать и утверждение, что слово «украина», так сказать, польского *политического* происхождения. Не будь долговременного, многовекового владычества Польши над южной Русью, *свое* же, русское слово «украина» не закрепилось бы так, сравнительно прочно, за южной Русью.

Употребляя постоянно это слово в приложении к южной Руси, поляки отнюдь не думали, что достаточно употреблять этот термин для обозначения южной Руси; наоборот, к этому своему пограничью поляки всегда присоединяли те понятия, которые собственно и являлись характерными для обозначения этого *юго-восточного их пограничья*: *Русь, русский*; польское, так сказать, логическое ударение было именно на последних словах, а не на слове «украина». Возьмите любую грамоту какого-либо польского короля, и вы увидите, что каждый из них носит в своем титуле имя *русский*, а не, напр., «украинский» и т.п. В грамоте, напр., Владимир-Волынку, т.е. городу той области, которую «украинцы» называют «украиной», от 1509 г., король Сигизмунд I²² титулуется королем *русским*: «Жигмонт, Божию милостию король польский, великий князь литовский, *русский*, князя прусское, жимойтское и иных. Били нам челом войт места Володимерского, и бурмистры, радцы, и вси мещане володимерские, Ляхове и Русь». (Хрестоматия Коваленского,

т. II, стр. 154.). То же самое встречаем в грамоте к Киевской области (стр. 152) и в бесконечном множестве других грамот.

Раз южная Русь составляла пограничную область польского королевства, то, конечно, иностранцы, посещавшие в то время эти области и Польшу, как, напр., Боплан, Лассота или диакон Павел Алеппский, на которых ссылается С. Шелухин, так и считали ее польским пограничьем; но если бы они и не сумели разобраться в этом термине «украина», то ничего бы удивительного в этом не было; не надо забывать, что даже современные иностранцы пишут о русской «развесистой клюкве» или о медведях, бродящих по улицам Москвы...

Объяснение г. Шелухина слова «украина» в смысле «страна», земля вообще, *terra, pays*, а не слова «окраина», «пограничье» представляется еще более произвольным и странным, если мы обратим внимание на то, *как понималось это слово самими людьми, напр., XVII века* — поляками и южнорусскими. Ведь чтобы понять известную эпоху, надо, так сказать, войти в нее живою своею сущностью, *переволлотиться*, насколько возможно, в человека *того времени*, усвоить его психологию, а не подходить к пониманию этой эпохи с *нынешней* представляемостью и *современными* тенденциями. А как сами люди XVII века понимали и считали те области, за название которых теперь идет столь ожесточенный спор, лучше всего видно из компетентного исследования строго научного и объективного, известного историка и выдающегося киевского русского деятеля Андрея Владимировича Стороженка²³ «Стефан Баторий и днепровские казаки» (Киев, 1904 года). В 1576 году, пишет здесь г. Стороженко, послан был некий Варфоломей Завацкий *ad castra finitima Kiow, Czerkaszy, Białacerkiew, Kaniow, Bracław, Winnicza et ad Boristenes*; т. е. Киев, Черкасы, Белая Церковь, Брацлав, Винница и Приднепровье вообще считались для поляков пограничными (*finitima*) областями.

Но еще более интересное, прямо отвечающее на занимающий нас вопрос об «Украине», свидетельство приво-

дит тот же писатель А.В. Стороженко; свидетельство это взято из книги известного польского писателя Самуила Грондского²⁴ «Historia belli cosaco-polonici»: «Margo enim polonice Край, inde *Ukrajna*, quasi provincia ad fines regni posita antiquitus quidem inhabitata, sed postmodum multis civitatibus ac pages aucta», т.е. граница — по-польски *край*, откуда слово *украина*, как провинция, расположенная у *границ* государства, в древности, конечно, не населенная, но после занятая множеством городов и сел» (Pest, 1789, стр.19).

Можно бы привести беспредельное множество доказательств того, что поляки и прежде всего польское правительство считали народ, живущий на этом их пограничьи, русским и только русским. Не желая утомлять дальше читателей ссылками в этом смысле на исторические акты и документы, я однако же не могу не привести здесь те из этих свидетельств, которые являются наиболее красочными и исчерпывающими.

В конце июля (1648 г.) польский король Ян Казимир²⁵ издал универсал о низложении с гетманства Богдана Хмельницкого и возведения на его место Семена Забузского²⁶; в этом универсале Ян Казимир прямо называет *русским народом* тот народ, который был якобы обманут Хмельницким и, вместе с турками, восстал против поляков: «изменник Хмельницкий, говорится в универсале, недостойный христианского имени, не порвал связи с языческим народом (т.е. турками), которого он втянул в пролитие христианской крови и на погибель *самого русского народа* и стародавней греческой веры» (sprzedawczyk Chmielnicki y niegodny imienia chrześcijańskiego nieprzystał związku z poganstwem, ktorego na krew chrestianską y na zgubę narodu samego Ruskiego y wiary starodawney greckiej. См. Архив Юго-западной России, т.IV, ч. III, стр. 312, Киев, 1914 г.).

Еще более интересно постановление польского сейма от 12 января 1650 года с подтверждением всех тех прав, которых добились казаки по Зборовскому договору²⁷; договор этот, заключенный между казаками и поляками

в октябре 1649 года, кажется, не сохранился, и тем ценнее является повторение этого договора вышеуказанным сеймом через три месяца после самого договора. Постановление сейма настолько любопытно, что я остановлюсь на нем подробнее.

В постановлении сейма слова «*народ русский*» повторяются *11 раз*. В самом начале постановления говорится, что единение *народов* польского, литовского и *русского* для Речи Посполитой является наилучшей скрепой (*jednoczenie narodów onych polskiego, litewskiego, ruskiego w tey Rzeczpospolitey jest naiwiękse firmamentum*), там же, стр. 382.).

Вынужденные казацкими победами, польский король и сейм должны были подтвердить условия Зборовского трактата, т.е. признать все старинные права и вольности для русского народа белорусской и южнорусской «украине», т.е. пограничий, как народа православного; цель этого сеймового постановления «совершенно успокоить *русский народ*, удовлетворить его в его греческой религии» (*naród Ruski wszystek uspokoić w ich religii greckiej ukontentowac*). Это «успокоение и удовлетворение русского народа» польский сейм стремился сделать одним путем – восстановлением поправленных поляками старых прав и вольностей в разных городах Белоруссии, нынешней Малороссии и Галичины, а именно: в Луцке, Хелминске, Витебске, Мстиславле, Купятичах (Минской губернии), Пермьшле, Смоленске, Могилеве, под Гродной, Вильне, Троках, Полоцке, Кобрине, Новгородке, Лиде, Игумене, Бобруйске, Красном Стане, Белзде (Галичина), Грубешове, Кременце (Волынь), Городке, Буске, Городне, Ратыне (Галичина), Пинске, Мозыре, Владимире, Киеве, Чернигове, Виннице, Стародубе, Речине, Львове (перечисляем эти русские города в том порядке, как они показаны в бумаге названного сейма); православные священники называются *русскими* (*popi ruski*). Значит, в представлении польского правительства во всем западнорусском крае – Галичине, Малороссии и Белоруссии жил, как и теперь живет, *единый русский народ*, которо-

му теперь позволено было беспрепятственно отправлять свое богослужение (przywracamy do odprawowania nabożeństwa wszystkiemu narodowi Ruskiemu). Любопытно, что слово «русский» в этом документе несколько раз повторяется с двумя буквами с (стр. 382-386).

Нельзя не отметить здесь, что казаки, борясь с поляками, преследовали, как видно из того же Зборовского договора, не свои *личные*, так сказать, казацкие интересы, а интересы *всего русского народа*, от нынешней Малороссии до Галичины и Белоруссии включительно; Русский народ и православная вера на всем пространстве нынешней западной Руси — вот те знамена, за которые шел умирать казак. Интересы Белоруссии уже по одному тому не были чужды казакам, что среди них, как документально доказал А.В. Стороженко, признаваемый и поляками выдающимся и объективным ученым исследователем в области польско-русской истории, было много предков нынешних белоруссов, напр., из Слуцка, Несвижа, Бобруйска, Новгородка и т.д.

Но не только в официальных бумагах, а и в литературе польской население южной Руси мыслилось как *русское*. Польский писатель С. Твардовский²⁸, в своей книге стихотворной «Woyna Domowa z kosaki i Tatory, Moskwą potem Szwedami i z Węgry przez lat dwanajcie Jana Kazimiera», напечатанной в 1687 году, т.е. *в конце XVII века*, говоря о присоединении Богдана Хмельницкого к Москве, пишет: «...i stą bez krwi zadney zda do Monarchiey przeszła jednowładczej Rusi wszystkiey», т.е. и с того времени, без пролития капли крови, южная Русь перешла к единодержавной монархии *всей Руси*.

Если поляки не иначе представляли и называли население южной Руси, как *руским* в XVII веке, то тем более это надо сказать о самосознании *самих* южноруссов; в том же XVII веке, в прошении Богдана Хмельницкого на имя царя Алексея Михайловича о воссоединении с Россией, южнорусское население называется «*российским*»: «Мы, Богдан Хмельницкий, гетман войска запорожского, и все

войско запорожское, и *весь мир христианский российской* до лица земли чолом бьет» (та же Хрест., т. II, стр. 177).

Конечно, южнорусское население, главным образом его верхние слои, постепенно полонизировалось, особенно после введения злосчастной унии; в обычаях, вере и особенно *языке* появилось много польских наслоек; польский лак постепенно стал расплзаться по телу многострадальной южной Руси. Поляки это отлично видели, к этому прилагали все свои, изощренные иезуитами, способности и власть, и потому страшно были потрясены переходом Малороссии в подданство к великой России. Насколько поляки встревожены были тем, что Малороссия отошла от них к Алексею Михайловичу, и особенно тем, что всему польскому теперь пришел здесь конец, видно из слов цитированного нами выше польского писателя Самуила Твардовского. Вот эти слова: Богдан Хмельницкий

«Sam uczynił na cerkiewne krzyże,
J poddaństwo i wiarę, i inne obrządk
Moskiewskie zaboronne
Przywiódł wszystkie. Tak jeb znów sie i krzcili
J strzygli tym zwyczajem, i nakze chodżyli
Jako ich derewlanie, nawieki zniszczywszy
Co w nich było Laszkiego» (стр. 115)²⁹.

Богдан Хмельницкий, как говорится выше у Твардовского, «приняв московских послов, принес присягу на верность Царю, а от них получил хоругвь и булаву; он отдал под власть Царя пограничные города — Киев, Чернигов, Брацлав и уезды, к ним тяготеющие, до самой линии Горыни, Роси и Тетерева; он привел к той же присяге и всех городских и иных должностных лиц, с тем, чтобы они приняли московские кресты на церквах, московское подданство и веру и иные суеверные обряды, чтобы они стриглись, крестились и одевались, как московские селяне, уничтожив на веки все то, что в них было ляшского (польского)».

Последние слова особенно показательны: из них видно, что южная Русь в XVII веке была заметно полонизирована.

Хотя Самуил Твардовский и боялся, что с переходом Малороссии в подданство Алексея Михайловича все польское вырвано из нее, и хотя сами южноруссы и распевали с 1654 года, что «та не мае ляха, та не мае жида, не мае унии», однако польские наслоения успели, за века польского владычества в южной России, как и в Белоруссии, глубоко внедриться в народную жизнь; «жид» и «лях» и многое «ляцкое» осталось в этой жизни; причем, в то время как «жид» сам приспособлялся к малороссу, поляк поджимал под себя и приспособлял к себе малоросса, коверкая его исконную русскую культуру, его душу, веру и такую его драгоценность, как русский язык. Коверкания эти были настолько заметны, что в конце XVIII века *поляк* Ян Потоцкий³⁰, *первый* из всех наблюдателей в этом направлении, провозгласил южную Русь как *Украину*, как понятие *собственное*, как понятие *этнографическое*. И, значит, наши гг. Грушевские и Шелухины лишь раздувают и популяризируют то, что пустил в оборот *поляк!*..

И когда теперь подумаешь, что наши «украинцы», как, напр., тот же член Одесского окружного суда г. Шелухин, так жалко ухватились за *польскую* мысль, когда представишь себе, что они судорожно вцепились за эти польские наслоения, видя в этом нечто свое национальное, «самостийное», меж тем как предки гг. Грушевских смертельным боем бились с «ляхами врагами» и распевали, напр., в «думах» о желтоводской битве 1648 г.³¹, что «придется ляшенькам в Польшу втикаты», грустно и больно становится на душе, стыдно делается за тех, которые, так сказать, плюнули на великое прошлое своих русских предков и обратились в озлобленных ренегатов.

IV.

Юго-западная Русь, как и Русь северо-западная, стали подвергаться окатоличествованию и ополячиванию

заметнее после Люблинской унии 1569 г. и особенно после Брестской церковной унии, причем под ударами польщизны пали собственно дворянские роды. Но и простой народ южной Руси к тому времени, когда поляк Ян Потоцкий удостоил возвести эту Русь в *собственное* географическое и этнографическое понятие, как якобы заселенную особой *этнографической* народностью, — успел ввести в свое наречие много полонизмов. И тем не менее эта принудительная эволюция южнорусского наречия вовсе не создала особой этнографической народности; народ продолжал, при всех чуждых ему наслоениях в языке, оставаться русским, и *русское самосознание* никогда не прекращалось в его душе.

И к каким только мерам, скажем попутно, не прибегали поляки, чтобы вытравить из души несчастного народа его русское самосознание! Просто жутко читать страшные страницы истории об этом. В настоящее время, как я уже писал, «Новое время», напр., с присущим нам русским идеализмом и забывчивостью, прокричало о Польше, как о «любимой сестре, так счастливо найденной», а недавно в Государственном Совете г. Нейгарт³² назвал польский народ «родимым»; «родимый» ли нам польский народ, об этом мы скоро узнаем, вероятно, весною, к какому времени определится выступление польской армии; но что этот «родимый» народ всегда посягал на душу русского народа, об этом огненными буквами записано в беспристрастной и, к сожалению, мало знаемой нами истории. Послушайте, как действовал этот народ по отношению к русским. В виленском Свято-Духовом монастыре, в день рождения Екатерины II, 21 апр. 1767 г., т.е. до присоединения Белой Руси к России, архиепископ Белорусский Георгий Конисский говорил, обращаясь к русским войскам, проходившим тогда Вильну³³: Вы, храброе воинство Российское, прошли *здешние провинции Русские*, как то: Белую Русь, Полесье, Волынь, Подолие, Украину Польскую (погран. области); посмотрите, что делают тут полки с православными: отнят у них свет учения, школам и семинариям быть не допускают...; веру, скажущу,

православную в последней нищете и простоте исповедать не допускают, гонят православный народ, как овец, не имущих пастыря, или до костелов, или до униатских церквей. Во время *самого Евангельского чтения* пришел в церковь нашу, прикащик *бьет народ плетью*, как скот, гоня из хлева, что близ самого Могилева в недавнем времени сделалось...; ставят виселицы, столбы, возгнещают костры, розги, терние другие мучительные орудия представляют. Отлучив детей от матерей и матерей от детей, детей убо пред очами матерей под розги кладут, а матерей пред очами детей (в местечке Уле Витеб. губ. Лепел. уезде теперь); на моих глазах схвачена девица, во 1-х, розгами, потом шиповником, *дабы веры нашей отверглась*, — не отверглась. Женщина полгода в тюрьме, с младенцем при сосцах, была теснена, и младенца там же в тюрьме, а мужа особо биенного и увеченного, лишилась; самой притом персты ручные жжены, *чтобы веры нашей отверглась*, — не отверглась; другая, в местечке Невеле, закована бывши при костеле, в куницу (железную цепь с ошейником), той же куницей удушена была до смерти; в прошедшем году в уездах Жаботинском, Мошенском, *Чигиринском, Черкасском* за веру Греко-Российскую многие разорение домов и побои мучительные, а несколько человек и самую смерть претерпели; двум отрублены головы, из тех сперва одному руки живому сожжены; в Мстиславском воеводстве, в запрошлом 1765 году в месяце декабре, до 80 человек дворян приговорены на жесточайшую казнь, т.е. живых в четверти разрубить...; молчу о пастырях бедных, священстве нашем; сколь многие из них изгнаны из домов; сколь многие в тюрьмах, в ямах глубоких, в псарнях вместе с псами, заперты бывают, гладом и жаждою моримы, сеном кормлены; сколь многие биты и изувечены, а некоторые и до смерти убиты». (Коваленский, т. II, стр. 134, Мскв. 1915 г.).

При чтении этих ужасных слов просто голова кружится: вот какими мерами созидалась Польша, а с нею и та «Украина» с ее польскими наслоениями, в которых современные «украинцы» усматривают свое, националь-

ное, хотя своим-то следовало считать лишь то, что уцелело из русского, остальное же, как вбитое куницами и пытками, едва ли следовало почитать своим, национальным... «Украинство» во всяком случае является, таким образом, *регрессивным* движением, потому что оно тянет Русь *назад*, к чужой народу польской петле, к привитым чрез посредство куниц полонизмам, а не к своему родному, постепенно прогрессирующему русскому.

При всех польских наслоениях народ Южной Руси остался русским, с русским, повторяю, самосознанием; из него не получилось даже, так сказать, промежуточной народности, вроде голландской или шведской, происшедших из народности германской. При таком условии едва ли есть какое-либо основание называть эту территорию, на которой живет этот народ, особым, тенденциозным именем «Украина», а самый народ «украинцами». Историческое название для этого народа *Русь, Россы*, причем последнее имя дано греками; имя Русь, с отливом отсюда населения, перенесено было на северо-восток, причем здесь оно даже упорнее удерживалось, чем на юге; на северо-востоке как князья, так и цари, включительно до Алексея Михайловича, назывались государями всея Руси; название Россия появляется в титуле Алексея Михайловича лишь *после присоединения* южной Руси к Москве. И это вполне понятно: дело в том, что именно в южной Руси, под влиянием греков, появилось название Россия, Россы. Еще Константин Багрянородный (X век)³⁴, наряду с названием «руссы» употребляет слово «россы»: «Россы, говорит он, стараются жить в мире с печенегами» (Коваленский, т. I, стр. 39, Москв. 1914 г.); знаменитая «Русская Правда» Ярослава Мудрого называется «Правдой Роськой» (см. список Академии Наук); имя «россы» встречается реже, чем имя «Русь»; последнее имя, а также слово «русский», кроме летописи, встречается в длинном ряде древних памятников, напр., в «Хождении игумена Даниила» (XII в.), в знаменитом «Слове о полку Игореве (XII в.), в записках Иоанна де Плано Карпини (1246 г.)³⁵: татары пошли против

«Руссии»; в определении церковного собора 1274 г.: «Аз Кюрил, смиренный митрополит всея Роуси», в «Слове о великом князе Дмитриии Ивановиче»: «Взыдем на горы Киевские и посмотрим с ровного Днепра по всей земли Русской», и т.д. без конца. Но, повторяем, наряду с этим именем, встречается и имя «Росия», «россы».

В XIV в. встречается уже имя *Малая Русь*; при Галицком князе Юрии II (до 1336 г.)³⁶ это имя вносится даже в титул князя: *Dei gratia natus dux minoris Russiae*³⁷. Насколько успешно название Малая Русь, Малая Россия привилось к той территории, которая зовется Малороссией, видно из того, что в XVII веке это название надо считать закрепленным за южной Русью; закрепили это название греки, путешествовавшие в северо-восточную Русь, независимую и действительно великую, чрез эту Русь подъяремную и сравнительно малую. Покойный ректор Киевского университета, известный историк Максимович, считаеый «украинцами» своим человеком, доказал, что название «Малая Россия», «Малороссия» — местного происхождения, а не занесено сюда с северо-востока; названный историк приводит такие, напр., доказательства: еще до присоединения Малороссии к Москве указанное название часто встречается в южной Руси церковных книгах, напр., в Анфологионе 1619 г. стоит название «России Малой», в «Октоихе» 1630 г. напечатано: «в граде Леондополи (Львов) *Малой России*»; то же Максимович (Собр. соч. Максимовича, т. II, стр. 310-311, Киев, 1877 г.) в статье «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси» приводит следующее интересное ответное письмо гетману Богдану Хмельницкому от Запорожской Сечи, написанное 3 января 1654 г., т.е. до присоединения Малороссии к Москве: «А замысел ваш, щоб удатися, и буди во всем народом *Малороссийским*, по обоих сторонах Днепра будучим, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего Монарха Российского за слушний быти признаем и даемо нашу войсковую вам порадую, абысте того дела не оставляли и оно кончили, як к наилучшой ползе отчизны нашей Малороссийской».

Во всяком случае, это закрепление за южной Русью названия Малой Руси, названия, в котором заключался *этнографический* признак и которое отвечало свойствам народа, его этнической сущности, является более ранним и более народным, чем закрепление поляками за южной Русью, как пограничной своей областью, названия «украина». Название Малая Русь обозначает племенное свойство народа и связывает последний с его предками, название же «Украина» отрывает народ от его древней истории, от предков и напоминает ему о самой печальной странице его истории – пребывании под владычеством Польши, с которым Малороссия всегда так напряженно боролась. Неясное, туманное этнически, название «Украина», как имя собственное, должно уступить дорогу другому, вполне естественному и народному названию «Малая Русь», «Малороссия».

Г. Шелухин приводит ряд малороссийских песен, в которых слово «украина» много раз повторяется, например:

*И полетив старый сокол
На чужую Украину
Живности доставаты...*

Или:

*Ой, у нашей славний України
Бувалы колысь бездолги годыны
Нихто украинців не рятував...*

Но, во 1-х, трудно сказать, *когда* слагались народные песни, может быть именно в период польского засилья; во 2-х, слова «чужая украина» в народном представлении именно означает туманную для народа *границу* света, то же самое понятие, что «на краю света». Что же касается второй песни, то несомненно, она является грубой подделкой начала XIX века. Доказано (напр., профессором Нежинского историко-филологического института

М. Сперанским)³⁸, что многие народные песни подделаны мазепинцами; народ не употребляет слова «украинцы»; известно, что в Киеве одно время действовала кучка мазепинцев, которая собирала в Киеве слепцов, обучала их под аккомпанемент бандуры петь *сочиненные в Киеве* же «думы», отправляла этих певцов по селам, а затем, вслед за этими бандуристами, посылала «собирателей народных песен», которые и записывали эти, сочиненные мазепинцами, песни!..

Знает ли об этом г. Шелухин, и если знает, то как чувствует себя его судейская совесть?

Вообще, все так называемое «украинское движение» основано на подлогах: подделаны многие универсалы Стефана Батория, гетманов Острианицы³⁹ и Хмельницкого, подделаны народные «думы», подделан Кулишем и его компанией «Кобзарь» Т. Шевченка, сплошной подлог в восьмитомных исторических трудах М. Грушевского, подлоги, наконец, и у члена Одесского окружного суда С. Шелухина.

В самом деле, какую смелость надо иметь, чтобы утверждать, как это делает г. Шелухин, что будто «великороссы до XIII века сами не называли и не считали себя русскими!» Они, перенеся с собою из южной Руси русские названия Галича, Ирпеня, Почайны, Переяславля, они, называвшие один из древнейших своих городов Старой *Руссой*, не знали, видите ли, только как себя называть; Андрей Боголюбский, переселившийся из киевского Вышгорода на северо-восток, и дети его не знали, кто они, а вот итальянец Плано де Карпини или татары научили их, подсказали им, что они именно русские!..

Поистине, только желчный «украинец» мог договориться до такой нелепицы.

Чтобы не полемизировать больше с г. Шелухиным, остановлюсь еще на заключительных строках его вышеуказанной статьи. Обращаясь к противникам «украинского движения», г. Шелухин угрожающе говорит: «Вы хотите, чтобы сам украинский народ формулировал

вам свои страдания и заговорил бы о них, а не его интеллигенция. Не дай Бог дожить до этого. Разве вы забыли из учебников истории, что народ о своих страданиях говорит *действиями*, а не словами, *да еще кровавыми действиями?*» (стр. 81). На такую рискованную меру пошел г. Шелухин, чтобы добиться прежде всего одного — школы с преподаванием на «украинской мове». К счастью г. Шелухина, этот буйный *призыв* его к южно-русскому народу, приправленный красноречивыми жестами в сторону «кровавых действий», почему-то сошел для г. Шелухина благополучно.

Не эти, впрочем, жесты занимают нас в данное время. Мы своими статьями хотели сказать, что гг. Шелухины — прежде всего лжецы; их кликушества не дойдут до народного сердца, потому что народ южной Руси сознает себя *только русским*, и в простой, неученой, но умной душе своей видит весь обман гг. Шелухиных. Пиша эти строки, я вовсе не фантазирую, не натаскиваю факты, не насиливаю своей совести: поезжайте по селам Малороссии, и вы узнаете подлинную народную правду. «Украинцам» хоть немного следовало бы задуматься над тем, почему это, несмотря на их многолетние и изумительные по своей настойчивости старания народ остается глух к их голосу? Устами А. Саликовского⁴⁰ «украинцы» кричат о «разрушительной деятельности шайки «Киева», Скрынченка и других ренегатов» («У.Ж.», там же, стр. 14). Полагаю, что разрушительной деятельностью занимаются именно «украинцы», а не мы, и «шайку»-то, кучку озлобленных ренегатов именно «украинцы» и составляют.

V.

В предшествующих главах я показал, что население южной и юго-западной России, также как и северо-западной, искони было русским, создавшим сначала юго-западную, а потом и северо-восточную русскую государственность. К несчастью, население это подверглось заметной полонизации в течение многих веков польского владычества, и тем не менее население это,

при всех польских наслоениях на нем, осталось русским, с русским самосознанием.

Начиная с самого конца XVIII века и особенно в XIX веке, благодаря отсутствию национального самосознания в русской интеллигенции, как правящей, так и общественной, поляки, в целях «пустить русина на русина», с злым желанием, чтобы, как выражался известный польский повстанец Мерославский, «русские раздирали друг друга собственными когтями», стали пропагандировать мысль, что население в Юго-западном и Северо-западном наших краях не является русским, что население это очень близко к польскому, что оно является как бы отпрыском польского, что на юго-западе живут так называемые «рутены» или, как потом наиболее привилось название, «украинцы», а на северо-западе живут «бело-ляхи» или «бело-хорваты». Польские усилия были направлены к тому, чтобы в названных краях денационализировать, если не всегда удавалось совершенно полонизировать, западнорусское население, чтобы постепенно вытравить тут самое понятие *Русь*.

С 60-х годов XIX века в Белоруссии появились общества, организованные поляками на польские деньги, которые стали, под разными предлогами, собирать около себя белорусскую, большей частью, уже окатоличенную и ополяченную интеллигенцию. Эта польская работа тут не прошла бесследно: появилось сепаратистическое, враждебное русским, движение «белорусизма», появились «белорусские» газеты и журнальчики, появились и требования об *особой школе* для белоруссов; газеты и журнальчики, о которых говорил и проф. Варшавского университета Карский⁴¹, были наполнены такими вымученными, непонятными народу словами, с таким обилием полонизмов, что народ их совершенно не понимал, и эти издания не имели распространения; их *даром* рассылали по селам...Я хорошо знаком особенно с журнальчиком «Наша Нива», — выходившим уже в начале XX века, под редакцией некоего Власова; Власов — сын великоросса

и ополяченной белорусски; около «Нашей Нивы» сгруппировались ополяченный Луцевич, окатоличенный Павлович и др. Власов стал таким же фанатиком «белорусизма», как и на юге «великоросс» Руссов⁴² сторонником и агентом «украинства»...

Приблизительно в то же время и даже несколько раньше и в Малороссии стало развиваться сепаратистическое движение — «рутенское» или «украинское». Видную роль в нем играл профессор Киевского университета В. Антонович, поляк, принявший православие; как поляк, для которого южная Русь была лишь «украиной» (пограничьем) Польши, он всеми силами своей души ненавидел Москву и все русское и в течение тридцати лет работал над тем, чтобы Малороссию, в культурном отношении, сделать «украиной» (пограничьем) Польши; он поддерживал и развивал то сепаратистическое движение, за которым теперь упрочилось название «украинского»; Антонович создал талантливую «украинца» М. Грушевского; по той же дорожке пошел и православный *еврей* Перетц, торжественно принятый недавно в члены Академии Наук...

Антонович, вместе с недавно скончавшимся Руссовым и Лысенком⁴³, а также некоторыми другими «дьячами» составил так называемую «украинскую *громаду*»; вместе с Руссовым и Лысенками работал над созданием «украинского» движения и директор Киевской гимназии В.П. Науменко.

В IV главе я говорил о том, что многие малорусские народные «думы» не обошлись без подделок и подлогов; в настоящее время я хочу сказать, что эти подделки не обошлись без участия некоторых киевских «громадян». Интересные сведения об этом дает профессор М. Сперанский в статье «Южнорусская песня и современные ее носители» (См. «Сборник историко-филологического общества», т. V, Киев, 1904 г.). М. Сперанский принадлежит к разряду так называемых «прогрессивных» профессоров, и тем интереснее читать его откровенную

статью; статья эта благожелательна «украинцам», но, по существу-то, она является разоблачением последних.

Оказывается, что многие «народные думы», напр., распевавшиеся известным «лырником» или бандуристом Т.М. Пархоменком, «подверглись влиянию со стороны *интеллигентных ценителей* народной поэзии» (стр. 125); что это за «влияние», об этом сам Сперанский, осторожно и деликатно, очевидно, чтобы не подорвать свою «прогрессивную» репутацию, говорит дальше; текст, напр., «думы про Морозенка» Пархоменко получил от нежинской обывательницы А.Ф. Поляковой», а «музыку для него либо сам сочинил (так сообщил он первый раз), либо (вернее) получил от Н.В. Лысенка (как говорил он в другой раз)», и в результате получился текст «думы» Пархоменка, являющийся «продуктом *новейшего производства*, популяризуемый при помощи народного певца» (стр. 137-138). Дума «Бегство трех братьев из Азова», «Вдова и три сына», «Смерть Богдана Хмельницкого» и пр. или взяты или «правлены» по книжке известного харьковско-черниговского украинца Б.Д. Гринченка⁴⁴ (Думы кобзарьскы), а музыка сочинена Н.Лысенком (стр. 140); в репертуаре Пархоменка было две-три «думы»; «остальные думы, говорит Сперанский, *даны ему интеллигентами*, разучены им потому, что их охотно слушают, а следовательно и *оплачивают* те же интеллигенты», которые «любят непосредственно или *тенденциозно* народную песню» (стр. 144). Текст и музыку одной из дум Пархоменку дал в Харькове И. Хороткевич, а музыку песни про Максима Железняка дал в Киеве Н. Лысенко (стр. 150).

Сперанский, как либерал, доволен, что чрез Пархоменко многие «думы» пойдут в народ (стр. 139). Но дело-то в том, что многие думы – «*новейшего производства*». Т.е. иначе говоря, разные «громадяне» или просто «украинцы» сочиняли песни, *выдавали их за народные*, начинали ими бандуристов и заказывали им: «нэ кажыны кому»... И бандуристы старались не проговариваться, хотя это иногда и трудновато было для них. Пархомен-

ко, напр., по словам Сперанского, «человек осторожный», себе на уме, уже немного *привыкший к расспросам*» (очевидно, разных «собирателей народных песен»...); он осторожно уклонялся от ответа на тот или другой вопрос, казавшийся ему щекотливым; когда же получались на один и тот же вопрос, но поставленный различным образом или в иной форме, ответы различные или противоречивые, то пойманный Пархоменко пробовал, и не всегда неудачно, вывернуться, а при неудаче даже прямо заявлял: «сёго не знаю», или: «сёго казать не можно» (стр. 106-107)... Пархоменку поневоле приходилось быть осторожным и «выворачиваться»: «думы», по словам Сперанского, сочиняли сами интеллигенты, давали их бандуристам, с придачей, вероятно, денег «на дорожку» по селам; дававшие «сами охотно слушали» свои тенденциозные песни и «оплачивали» за это (стр. 144).

А что «думы» пускались с тенденциозными прибавками, это видно хотя бы из упомянутой «думы про Морозенка», к которой сделана длинная прибавка с такими, напр., словами, довольно безвкусными: «*Товкли ж зов всих бокив* изо всей силы и хрещены й нехрещены *сусидоньки мылы*» (стр. 180)... Авань, дескать, народ поймет, *какие* это были «милые» соседы!..

И я нисколько не погрешу, если, в заключение своих затянувшихся строк, скажу, что «украинцы» и подлог, подлог и украинцы — это понятия неразделимые.

Создавшие «украинство» *поляки* радуются всякому успеху «украинцев» и скорбят во всех случаях неудач последних; они охотно поддерживают «украинцев» в своих органах печати, а «украинцы» охотно пользуются этими, как они заявляют, «органами народа, сроднившегося с нами в недолге» (Kurjer Nowy, 1916 г. № 43)⁴⁵. В Малороссии из поляков особенно поддерживает «украинское движение» лубенский мелкий помещик Шемет; он настойчиво хлопочет об открытии «украинских» гимназий, ездил для этого к министру народного просвещения гр. П.Н. Игнатьеву, и последний будто бы ему обещал удовлетворить «украинские» хлопоты; по хвастливым за-

явлениям Шемета, разглашенным «Киевской мыслью» и «Русским словом»⁴⁶, остановка будто бы пока лишь в том, что у Шемета «выборжский патент».

Мы, однако, сомневаемся, чтобы для открытия «украинских» гимназий *только* в этом была остановка. Есть и другие, более существенные остановки: во 1-х, трудно допустить, чтобы вопрос такой *национальной и государственной* важности, как данный, мог решаться *одним* министром и на основании случайных и к данному случаю неприменимых «правил 1 марта»; во 2-х, «украинские» гимназии, как передают галичане, учившиеся в подобных гимназиях, дают слишком убогое содержание, особенно по сравнению с польскими и немецкими гимназиями; в этих гимназиях ученики зубрят такую убогую вещь, как «Эней был парубок моторный»⁴⁷ столпа «украинства» Котляровского и учат даже тех «письменныкув», которые написали 10-15 строк в «украинском» духе, и не изучают таких действительных корифеев русских, как Пушкин или Лермонтов, и только потому, что они не писали на «украинской мове»; в 3-х, учреждать «украинские» гимназии — это значит созидать ту бурю, последствия которой придется испытать нашим потомкам. Едва ли русский министр, каких бы воззрений он ни был, решится взять на себя страшную ответственность пред русским народом, пред русской историей.

Да и вообще-то не верится, чтобы заявления Шемета были похожи на правду, не верится не потому только, что Шемет — «выборжец», которого государство лишило некоторых существенных прав, но и потому, что в самом же деле несуразно, чтобы Шемет имел где-либо в правящих кругах какой-либо успех. Напомню о том, что пропагандировал в 1905 году в своем «Хліборобе» г. Шемет: а) «Землі монастирські, удільні, державні і приватних власників повинні перейти *даром* у власність наряду, при тім на тех умовах, щоб землею уористувались тільки ті, хто обробляє її своєю працею, або працею своєї родини», б) чтобы чиновники не имели права «рішати державні питання кров'ю та насильством», в) уничтожение кос-

венных податей, г) полного равноправия, д) *выборных* чиновников, е) упразднения полиции, жандармов и земских начальников, ж) освобождения политических преступников, з) суда над властями, которые будто бы устроили во всем государстве «злодійску різанину» и и) наконец, «рідній мові» и автономии для «Украины»: «коли Україна буде мати автономію, коли ми матимемо свій сейм український»...

Вот почему и то обстоятельство, что мысль об «украинских» гимназиях пошла в оборот именно от Шемета, дает нам основание надеяться, что «украинских» гимназий не будет ни в Лубнах, ни в Киеве, ни вообще где-либо в России.

Меньшиков М.О.

Быть ли России Великой?

Сегодня южнорусское образованное общество отмечает 50-летие со дня смерти Т. Г. Шевченко. Грустная годовщина эта дает повод озлобленным и вздорным людям к возбуждению того междурусского раздора, который в последнее время из всех сил стараются раздуть австрийские немцы и поляки. Как известно, мечтательное украино-

М.О. Меньшиков

фильство тридцатых годов прошлого столетия довольно давно, именно в эпоху Шевченко, начало принимать оттенок революционный. Поддерживаемая врагами России, постепенно сложилась изменническая партия среди малороссов, мечтающая о разрушении Российской империи и о выделении из нее особого, совершенно «самостоятельного» украинского государства. По имени исторического героя этой партии — Мазепы — членов ее в последнее время зовут «мазепинцами», и они очень этим титулом гордятся. Читателям, без сомнения, известно, до каких нелепостей договаривается эта преступная партия и в коренной Малороссии, и в закордонной Руси. Никогда еще, кажется, политический психоз не развивался до такой болезненной остроты. Ни одно из инородческих племен — кроме разве поляков — не обнаруживает такой

воспаленной ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси. Самые ярые из них отказываются от исторических имен «Россия», «русские». Они не признают себя даже малороссами, а сочинили особый национальный титул: «Украина», «украинцы». Им ненавистна простонародная близость малорусского наречия к великорусскому, и вот они сочиняют свой особый язык, возможно более далекий от великорусского. Нужды нет, что сочиненный будто бы украинский жаргон является совершенно уродливым, как грубая фальсификация, уродливым до того, что сами малороссы не понимают этой тарабарщины, — фанатики украинского сепаратизма печатают названной тарабарщиной книги и газеты. В науку русской вообще и в частности южнорусской истории мазепинцы вносят систематические искажения и подлоги, а самые крайние психопаты этой партии провозгласили необходимость для малороссов жениться на еврейках для того, чтобы кровью и плотью как можно дальше отойти от общерусской закваски. К счастью, это бредовое состояние провинциальной психологии, ударившейся в сепаратизм, охватывает далеко не всю Малороссию, и даже в австрийской Галиции оно встречает до сих пор внушительный отпор. Тем не менее нельзя забывать, что политические помешательства заразительны: в силу этого государственная власть обязана глядеть на украиноманство как на одну из злокачественнейших язв нашей внутренней жизни. Этим объясняется вполне разумное решение правительства не допускать в Киеве под предлогом годовщины смерти народного поэта революционных выступлений как со стороны австрийских мазепинцев, так и со стороны наших. Я уже не раз докладывал читателю о планах Австрии возбуждением малороссов к бунту расчленив Российскую империю, столь страшную для придунайских экспроприаторов. Уже доказано участие в украинофильской пропаганде не только флоринов, но и прусских марок.

Благодаря стародавней оплошности нашей правящей бюрократии имя Шевченко давно уже служит знаменем

для южных сепаратистов. Не только в Малороссии, но и по всей России — включая Петербург — за эти пятьдесят лет сложился настоящий культ Шевченко, выражавшийся в обществах и кружках имени поэта, в ежегодных торжественных панихидах в день его смерти, в банкетах и вечерах в его память, в издании его «Кобзаря» и т. п. Великорусское общество, не читавшее «Кобзаря», особенно в полном его виде, с большой симпатией относится к культу южнорусского поэта. О нем судят по некоторым лирическим отрывкам («Думы мои, думы...» и т. п.), переведенным по-великорусски и понятным даже без перевода. Но тут случилось то же самое, что вы видите по всему необъятному фронту нашей государственности. Плохо подобранная, слишком барская и потому беспечная администрация наша далась в обман. Удовлетворившись поверхностным благополучием в Малороссии, она не заглянула за кулисы. А за официальными кулисами украинский вопрос совсем не тот, каким его хитрые украиноманы показывают снаружи. Для самих украиноманов и для малорусской интеллигенции «Кобзарь» издается без пропусков, то есть с крайне возмутительными выходками против российской власти и нашей имперской идеи. И правительство, и невежественное великорусское общество обрабатываются в том смысле, что Тарас Шевченко, «великий» и «гениальный» поэт, томившийся в крепостной неволе, только за то и был сослан в солдаты, куда-то в Среднюю Азию, что осмелился воспеть свою милую родину, ее чарующую природу, ее деревенскую жизнь со всеми преданиями и безыскусной прелестью простого быта. Такова лицевая сторона шевченковского культа, а изнанка ее совсем иная. Подлинный Шевченко, если восстановить запретные места, оказывается, подобно Мицкевичу, ослепленным ненавистью к нашей государственности и народности. Стихи, за которые Шевченко был наказан ссылкой и солдатской службой, были определены как государственное преступление, и таковыми они в действительности и были. Если говорить без фальшивых уверток, политическая поэзия

Шевченко есть возбуждение к мятежу и к разрушению государства. Украиноманы, создававшие культ Шевченко, его лирикой и романтикой прикрывали в самом деле преступную пропаганду, почин которой в этой области принадлежит именно Шевченко. Недаром яростнейший ненавистник России Михаил Грушевский, устроив «Литературно-наукове» товарищество во Львове, назвал его именем Шевченко. Эта своего рода украиноманская академия наук была создана для научного обоснования украинского сепаратизма. Она явилась большой фабрикой для всевозможных псевдоученых фальсификаций. С чисто польской наглостью, достойной какого-нибудь Духинского, г-н Грушевский в своей смехотворной истории, нашедшей покровительство в Петербурге, стал доказывать, что никаких великорусов или белорусов нет, что искони был только украинский народ как славянское племя, а уже от него путем колонизации и смешения с финскими племенами образовалась убудочная народность, называемая русской. Государство русское создали будто бы тоже украинцы: древние киевские князья были украинские князья, а летописец Нестор — украинский летописец. Насчитав в России и в Австрии до 30 миллионов будто бы особенного украинского племени, г-н Грушевский наметил столицей будущей Украины Киев и после недавней нашей революции перенес в Киев и Товарищество имени Шевченко. Пользуясь столбняком петербургской бюрократии после военного погрома, г-н Грушевский поднял за последние годы кипучую пропаганду. Во многих городах, начиная с Киева, появились «просвиты», то есть просветительные (якобы) общества на манер польских, начали издаваться «вистныки» и открываться «кныгарни», причем как просвиты, так и вистныки и кныгарни состояли в теснейшей связи с австро-галицкими учреждениями того же имени. Правительство наше недавно закрыло киевскую «просвиту», но в других городах просвиты продолжают благоденствовать. Нашлись хохлы и даже великороссы, которые горой вступились за обиженную будто бы Малороссию, за ее по-

литический сепаратизм, проповедуемый — как это было повсюду — через отчуждение языка и извращение истории. В сильной степени кадетствующая, полуинородческая наша Академия наук дала приют для скверной затей г-на Грушевского. В то время как на юге работают г-да Грушевские, Левицкие¹ и пр., на севере за тот же расовый разгром России хлопочут разные г-да Шахматовы, Чижевские² и т. п. Правительство наше издает циркуляры, но... ведь циркуляры можно не выполнять, не так ли? В распоряжении мятежных стихий имеется гениальное, как яйцо Колумба, разрешение всех циркуляров. Не исполнять их — и баста...

Пятьдесят лет прошло после смерти Шевченко, и для него наступил уже безпристрастный суд истории. Пусть темпераментные южане раздражаются преступными выходками в «Кобзаре», пусть преувеличивают до смешных крайностей значение своего народного поэта. Но что такое был Шевченко в его натуральную величину? Мне кажется, значение его поэзии довольно верно определил Белинский, указавший, что «простоватость крестьянского языка и дубоватость крестьянского ума» не составляют условий, благоприятных для великой поэзии. В самом деле, при всей чарующей задушевности некоторых дум и песен Шевченко, при всей прелести, свойственной первобытному творчеству, именно в силу первобытности это творчество не может быть великим. Как ни приятно было бы иметь еще одного великого русского поэта наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым и Фетом, в отношении Шевченко нельзя установить подобного места. Единственный поэт Украины, он остается второстепенным, как его страна, как вообще остается второстепенной провинция, хотя бы весьма богато одаренная. Шевченко — несомненный талант, но второразрядный, вроде нашего Кольцова или Никитина, вроде Майкова или Полонского, которых муза в лучших вещах достигала удивительной красоты; красоты, но не величия. Шевченко как поэта фольклора можно с восхищением читать и даже волноваться; если вы малоросс, то вместе

с Основьяненко непременно скажете: «Хорошо, батечку, хорошо... Сердце так и иока!» Но если вы просто русский, немец, француз, вы не почувствуете тех могучих, поднимающих ввысь ощущений, какие дает великая поэзия Пушкина, Гёте, Байрона, Шекспира – на какие бы языки вы ее ни перевели. Дело в том, что гений есть нечто державное, свойственное только великому племени, знавшему победы... Поэтический гений может явиться лишь на высоте героического, мирового подъема расы. Только на такой высоте всякое племя может сказать человечеству нечто значительное и вечное. Если данное племя недоразвилось до большой государственности, до большой культуры, если оно навсегда осталось провинцией, составною частью целого, то в нем нет психологических условий для большого творчества. Провинциалу, хотя бы очень даровитому, нечего сказать крупного, пока он находится в кругозоре своей провинции. Вспомните «Кобзаря», вспомните прелестную «Наймычку» или «Катерину» и т. п. Культурные категории, в которые укладываются эти типы и вся их драма, до того местны, до того случайны, до того первобытны, что как-то пропадают в масштабе цивилизации. Такие явления, как, например, чумачество, или крепостное право, или старая солдатчина, – они живописны, но подул новый ветер – и нет их: через пятьдесят лет необыкновенно трудно войти в психологию этих исчезнувших особенностей того быта. Даже гайдаматчина, где более героического элемента, по своей жалкой некультурности не могла дать материала ни для «Илиады», ни даже для «Полтавы». Шевченко был талантливый поэт и художник, художник не менее замечательный, чем поэт, но если бы он обладал гениальным талантом, как Гоголь или Мицкевич, ему пришлось бы, как этим писателям, искать родственного, более великого языка и более высокой культуры. Белорус Мицкевич сделался польским поэтом, Гоголь – русским писателем. Огромные дарования выбросили их со дна жизни. При более мелких способностях они остались бы, подобно Шевченко, краевыми, провинциальными писателями,

на творчестве которых, иногда удивительном, всегда лежит печать кустарности. Ни один кустарь, как бы он ни был одарен, не достигает высоты искусства. Искусство есть завершение большой культуры. У Южной России (называйте ее как хотите, Украиной или Малороссией) большой культуры никогда не было, ибо не было государственности сколько-нибудь выше зачаточных форм. Ясно, что этот край, как все отдельные части великого русского племени, в состоянии проявить величие лишь в тех условиях языка и мирозерцания, какие дала общая наша история. Гоголь не прогадал, променяв, как художник, полтавскую мову на общерусскую речь. Приняв этот общий знаменатель национального духа, Гоголь стал рядом с Пушкиным, а при полтавской мове остался бы никому не известным Рудым Панько. Украинomanы мечтают о «самостийной» государственности для будто бы 30-миллионного народа украинского. Но если бы были для этого данные, то это давно была бы не мечта, а факт. Малорусское племя в течение четырех веков пробовало сложиться в особое государство, но ничего не вышло: приходилось подчиняться то татарам, то литве, то полякам, то Москве. Бывали у нас русские украины не чета Запорожской Сечи, и те не выдержали. Великий Новгород был огромной и вполне организованной республикой, но и ему, пометавшись между сильными соседями, пришлось сойти со сцены. Более умеренные украинomanы мечтают о федерации автономных славянских народностей. Но что касается русских народностей, подобная федерация уже была испытана и повела к татарскому игу. Прелести федерации можно наблюдать теперь за Карпатами. Чехия, Галиция, Хорватия, Славония и прочие пользуются автономией, но что же толку? Автономия только подчеркивает мелкое строение этих племен: за столет ни одно из них не дало, кажется, ни одного великого человека. Даже вполне «самостийные» державы, вроде Румынии, Греции, Сербии: что касается культуры, их маленькая государственность дает какие-то карликовые

продукты. Провинции вообще остаются провинциями, какими бы королевскими титулами ни награждали их.

Как я уже высказывал однажды, наших яростных украинофилов нельзя считать русскими. Очевидно, в крови их проснулись те тюркские кочевники, которые когда-то терзали Южную Русь, пока не замучили ее до смерти. С бешенством племенной ненависти нельзя спорить; против господ мазепинцев потребна не идейная, а реальная государственная борьба. Но те из южнорусов, которые не отрекаются от общерусской семьи, пусть внимательно прочтут биографию своего «батюшки Тараса». Они увидят, до какой степени сердечно отнеслась Великороссия к украинскому таланту, и насколько он был обязан «жестоким москалям». Как ни оплакивают ужасы крепостной неволи Шевченко, ужасы его ссылки и солдатчины — на самом деле все это было до крайности смягчено вниманием и участием к Шевченко тех великороссов, с которыми он сталкивался. Не «москальи», а свои же земляки-хохлы немилосердно секли Шевченко в школе; родной дядя сек его подряд трое суток и чуть было не заporол до смерти. Ничего свыше пастуха или маляра родная Малороссия не обещала дать поэту: так он и погиб бы чабаном. А «свинья Энгельгардт» (помещик Шевченко)³, как и управляющий его, заметили способности мальчика к рисованию, и тогда, в каторжное будто бы крепостное время, уважили эти способности, послали мальчика учиться живописи в Варшаву, в Петербург. В Петербурге, едва лишь были открыты способности Шевченко, — посмотрите, какое горячее участие принимают в нем такие знаменитости, как Брюллов, Григорович, Венецианов, Жуковский⁴. Стоило крепостному парню обнаружить просто дарование, далеко не гениальное, в живописи — и вот он делается любимцем знати: за ним все ухаживают, собирают средства, выкупают из крепостной зависимости. Посмотрите, как бережно «холодный Петербург» поддержал искорку таланта, чуть было не погашенного в глуши провинции. Графиня Баранова, княжна Репнина, графиня Толстая, князь Васильчиков,

граф Толстой⁵ друг перед другом наперебой хлопчут за Шевченко и облегчают ему жизненный его путь. Ну а Малороссия? Как она встретила уже прославленного на севере поэта? С восторгом, конечно, но с каким? «Многочисленное украинское помещичье общество, — говорит один биограф (г. Яковенко)⁶, — не могло предложить своему народному поэту ничего лучшего, чем карты или пьянство». В знаменитой Мосевке, куда съезжалось до двухсот помещиков из трех губерний, в Мосевке, которую называли Версалем для Малороссии... Шевченко попал в так называемое общество «мочемордия». «Мочить морду» означало пьянствовать, а «мочемордой» признавался всякий удалой питух: неупотребление спиртных напитков называлось сухомордие или сухорылие. Члены, смотря по заслугам, носили титулы: мочемордия, высокомочемордия, пьянейшества и высокопьянейства. За усердие раздавались награды: сивалдай в петлицу, бокал на шею, большой штоф через плечо и пр., и пр. У Чужбинского⁷ читатель, если пожелает, может найти дальнейшее описание пьяных оргий. Такова была атмосфера «ридной Вкраины» в той области быта, где она пользовалась полнейшей самостоятельностью. Разве вместо безобразного пьянства (которое сделалось болезнью Шевченко и свело его в могилу), разве вместо дебошей то же общество не свободно было погружаться в науки, в искусства, в земледелие, в культурный труд? Украинomanы рисуют Шевченко как какого-то пророка и вождя — между тем втянувшийся в пьянство поэт быстро терял и талант, и то культурное развитие, которое дал ему «холодный Петербург». Украинomanы не могут забыть, что крепостного Шевченко как-то высекли. Но уже свободный и знаменитый, под пьяную руку он сам дрался и сек людей. Поссорившись как-то с шинкарем-евреем, Шевченко закричал своей компании: «А нуте, хлопцы, дайте поганому жидови хлесту!» Еврея моментально схватили и высекли. Такова была тогдашняя эпоха: насилия были в обиходе. Если уж оплакивать варварство тогдашней Великороссии, будто бы державшей Украину и ее поэта в неволе,

то нелишне припомнить, какова была сама Украина и каков был сам поэт. Когда за политическое преступление Шевченко был сослан в прикаспийские степи, то у всего кацапского начальства, у всего офицерства страшных николаевских времен Шевченко-солдат встречал самое сердечное, самое уважительное отношение. Нарушая закон, то есть рискуя потерпеть тяжелое взыскание, Шевченко-солдата освобождали от службы, принимали как равного в своем обществе, ухаживали за ним, разрешали все, что ему запрещалось (писать и рисовать), всеми мерами облегчали положение и старались выхлопотать прощение. Вопреки кричащей легенде, ссылка и заточение Шевченко (серьезно им заслуженные) почти всегда были призрачными — до такой степени великорусское общество высоко чтит талант, хотя бы и малорусский, хотя бы враждебный России... У нас, к сожалению, пустые сплетни предпочитают документальным данным. Мне кажется, фанатики украинского сепаратизма окажут себе услугу, если изучат биографию Шевченко: она должна действовать весьма охлаждающе.

Шевченко умер сорока семи лет, то есть годами старше Пушкина, но сопоставьте эти два имени — и вы почувствуете, что такое культурная Россия и что такое она захолустная, провинциальная. Что бы там ни болтали ограниченные умом политиканы, Россию создавать не нужно: она создана — и создана историей не в чигиринском или конотопском горизонте, а в очертаниях мировой державы.

Меньшиков М.О.
Могильщикам России

Итак, дождались мы и этого позора: в Киеве выкинуто красное знамя отделения Малороссии от России¹. Пусть это знамя, выброшенное жидами и мальчишками, тотчас же было сорвано и преступные скандалисты были избиты толпой. Революционные толпы бродили от политехникума до таких центральных пунктов, как Владимирский собор и площадь Богдана Хмельницкого. Такие же толпы двигались по киевскому Невскому проспекту — по Крещатику. «Да здравствует самостийна Украина! Да здравствует Австрия! Долой Россию!» — вот что кричали и ревели жида и мазепинцы пред австрийским консульством, причем, как гласит телеграмма, «протестовавших из публики демонстранты избивали». Если бы не вмешательство казаков и солдат, мятежники, несомненно, взяли бы верх: «Среди демонстрантов более половины было евреев. Руководил студент-еврей, разъезжавший верхом по городу и делавший свои распоряжения...»

Вот до какого позора додремались мы: в Киеве, на лоне «матери городов русских», раздались крики «Долой Россию!». В Киеве, где народ русский принял крещение и откуда, вместе с Новгородом, пошла наша государственность, сложилась змеиная измена, преступной низости которой нет меры и нет предела. Есть, впрочем, нечто еще более возмутительное и бессовестное, чем этот подлый бунт, — сентиментальное с разных сторон потворство ему. Микробы яда были бы совершенно безвредны, если бы не невинная и кроткая питающая их жидкость. Для множества ядовитых зараз у нас давно сложился общественный и даже государственный “бульон” вроде того,

на котором врачи разводят культуры чумы и холеры. Вот в чем истинный ужас нашей современности. «Невозможно не прийти соблазнам», — сказал Христос. Невозможно не возникать заразам — всяким заразам, и физическим, и психическим, но горе народу, если он потерял способность давать отпор ядам, отпор мгновенный и решительный, не допускающий никаких компромиссов. Горе народу, если разлагающаяся его общественность создает среду, благоприятную для всяких соблазнов. Вот на что должно обратить внимание наше правительство, если оно действительно стоит на исторической страже. Ведь кто же нибудь должен спасти Россию, нельзя же оставить ее на произвол подлеjších предательских стихий. Мы-то все думали, что во главе народа русского едет святой Георгий Победоносец, поражающий копьем дракона. Но дождались до жида-студента, который разъезжает на коне по Киеву, «дает свои распоряжения» и объявляет всему миру: «Долой Россию!». Чудесно!

Мне много раз доводилось разъяснять крайнюю опасность мазепинского движения. Прямо оскорбительно становится проповедовать азбучные истины, очевидные для детей и спорные лишь для тех, кто дремлет. Ровно три года назад в статье «Быть ли России великой?» я изложил значение этого разгорающегося бунта в связи с культом будто бы «великого» украинского поэта. Совсем нетрудно было доказать, что ничего великого в этом талантливом провинциальном поэте не было и не могло быть на уровне слишком зачаточной деревенской культуры. Переведите Шевченко на английский или французский язык, и он не найдет и дюжины читателей, тогда как Данте, Шекспир, Гёте, Пушкин читаются в переводах на все языки с не остывающим интересом. Впрочем, и малороссийские бунтари превозносят Шевченко как поэта лишь для отвода глаз: не в скромной поэзии этого полуграмотного крестьянина тут дело, а в очень нескромных его политических идеях. У нас, конечно, давно забыт «Кобзарь» без пропусков, да и едва ли он когда-либо был известен широкой великорусской публике. И просто «Кобзарь», даже

«с пропусками», отлично переведенный, никем у нас не читается, ибо устарел и неинтересен. Поэтому у нас сложилось общее представление, раздуваемое сверх меры малорусскими патриотами, будто Шевченко был совершенно невинный поэт, певец украинского неба и широкой степи и больше ровнехонько ничего. Подчиняясь этой подтасовке мнений, правительство наше очень долгое время смотрело благосклонно на то, что Шевченко сделался национальным героем малороссийской интеллигенции, ее пророком, учителем и загробным вождем.

Правительство разрешило не только сочинения Шевченко с пропусками и без пропусков, но и целые кружки, общества и учреждения его имени и, наконец, даже всероссийский памятник ему в «столице Украины» — в Киеве. Но то, чего не ведало или не хотело ведать правительство, прекрасно ведали подпольные бунтари. Правительство забыло, что Шевченко был наказан ссылкой и солдатской службой не за милые стишки о любви и женской красоте, а за государственное преступление, вполне точно установленное. Это преступление заключалось в возбуждении ненависти южнорусского народа к северорусскому и в воззваниях к бунту против нашей Государственности. Все это имелось и до сих пор значится, как и кощунства религиозные, в общеизвестных «пропусках» Шевченковой будто бы лирической поэзии. Хотя Шевченко вытянут из деревенской грязи великороссами (начиная с помещика Энгельгардта, пославшего его учиться живописи в Варшаву и Петербург), хотя не киевские хохлы, а петербургские москали (Брюллов, Григорович, Венецианов, Жуковский) обласкали его и возлелеяли, хотя не украинская знать, а великорусская (графиня Баранова, княгиня Репнина, графиня Толстая, князь Васильчиков, граф Толстой и др.) превознесла этого милого деревенского поэта и создала ему имя, тем не менее, он, хорошо распропагандированный поляками, воспевал ненависть к единой и нераздельной Руси, как она представлялась Богдану Хмельницкому. Правда, скончавшийся от болезненного пьянства Шевченко

умер рано (47 лет), умер уже значительно отрезвленный от бунтовских настроений молодости. Возможно, проживи дольше, он и совсем стяхнул бы с себя польские внушения и осудил бы, как Пушкин и Достоевский, свои «ошибки молодости». Это бывало с многими малороссами не меньшего, чем у Шевченко, таланта. Но смерть закрыла эту возможность, и потому Шевченко надо брать, каков он есть: как политического агитатора, ибо — если говорить правду — именно этим он только и дорог озлобленному мазепинскому сепаратизму.

Правительство русское достаточно медлило в мазепинском вопросе и слишком много упустило драгоценного времени. Хотя украиноманство разных оттенков существует уже более полувека, но мазепинство сложилось на глазах наших. Глубокой ошибкой власти было разрешать будто бы невинные формы украинской особой культуры — особый украинский театр, особую печать, особый язык в литературе и даже науке. Наша имперская власть этим путем благословляла опаснейший из раздирающих Россию сепаратизмов. Дошло до того, что Императорская Академия наук сделалась одним из центров яростной украинской пропаганды². Вообще плохо справляющаяся с своими задачами, эта академия увенчивала труды самых воспаленных ненавистников Империи русской, где проповедовалась «самостийна Украина вид Карпатив до Кавказа». Мало того, Академия наук пыталась узаконить искусственный, нарочно сочиненный Грушевским язык будущего украинского государства под короной Габсбурга... Что же после того негодовать на каких-то поляков и жидов, сеющих из всех сил междоусобие между тремя разновидностями великого племени русского?

Мы взываем к историческому долгу русской власти. Пора привести в действие государственный закон, оберегающий целостность Империи от государственной измены. Самое черное из возможных государственных преступлений налицо. В крике: «Долой Россию, да здравствует Австрия!» — заключается не только призыв к восстанию против Престола и законной власти, но и призыв к на-

шествию врага на родную землю, покушение на державную независимость Всероссийского государства. Это квалифицированная измена, и она заслуживает самой беспощадной строгости. Нет сомнения, правительству и теперь, как издавна, нашептывают в уши самые оптимистические речи: «Помилуйте, что же тут такого? Самая «обыкновенная» политическая демонстрация. Южане — впечатлительные люди, они просто пошумели в солнечный день на улице, и ничего из этого не вышло. Нужно простить это, нужно пренебречь. Само собой все уляжется. Демонстранты разбежались — вот и все. Не следует раздувать события, делать из мухи слона» и пр., и пр. Такими советами змеиной мудрости криводушные люди завораживают простодушных. Но да не будет же и на этот раз непростительного малодушия, вследствие которого правительство терпит, как на его глазах разгорается государственный пожар! Необходимо наверстывать упущенное время, необходимо спешить! Прежде всего, надо положить конец преступнейшей жидовско-польской инспирации мазепинского вопроса. Еврейские газеты с «Речью» во главе ежедневно и в статьях, и в заметках, и в сообщениях, и в телеграммах поддерживают и идею отторжения Малороссии, и все проявления этой идеи. Глупой подлости этой пора положить конец. Жиды, растратившие свое собственное государство и погубившие целый ряд других своею заразой, не годятся в учителя нам, русским, по части государственности. Поляки, растратившие свое государство и чуть не замучившие при помощи жидов всю Малую, Белую и Червонную Русь, тоже не годятся в учителя для нашей государственности. Угрызаемые ненавистью к могуществу единого православного народа русского, пусть эти предатели предлагают свои услуги кому угодно, только не нам!

Российское государство не есть великорусское, оно в той же степени малорусское и белорусское государство. И правительство русское состоит, как и парламент наш и суд, не только из великороссов, но из малороссов и белорусов. Уже целые века спаянные в одном стволе, родные

друг другу ветви Святой Руси — не отдельные земли, а одна земля. Во имя государственного единства мы, народ русский, умоляем государственную власть вспомнить о статье первой раздела первого основных государственных законов: «Государство Российское едино и нераздельно». Это нужно вспомнить, как о первом и верховном долге, ради которого все можно отложить и всем на время пренебречь. Как в первой заповеди Моисея, как в первом члене Символа веры, в первой статье основных законов заложена величайшая из идей, составляющих душу государственности. В забвении единого Бога тщетно было бы достигать второстепенные истины и добродетели. В забвении единства государственного тщетно было бы достигать осуществления второстепенных прав народных и обязанностей. Единство русское есть основная формула нашего политического бытия. Отказаться от нее или довести ее до унижения вроде киевского — это значит умышленно стать на край пропасти и ждать, что из этого может выйти. Элементарная честность требует, чтобы преступление называлось преступлением, и мы не видим нынче этой элементарной честности. Как денной грабеж называется почти официально уже не разбоем, а «экспроприацией», так попытка к бунту — «демонстрацией». Пора вернуться к честному и трезвому языку предков, к их здравым политическим понятиям, купленным великими страданиями и трудовым потом народным и благородной кровью. Пора сказать государственным изменникам в глаза то проклятие, которое они заслужили. Пора дать им почувствовать на шкуре их священный гнев народный. Подлецы и негодяи! Вы забыли, как предки ваши, еще задолго до Мазепы, служили то в татарском, то в польском, то в жидовском рабстве. Вы забыли бесконечные унижения и бесчестья, захваты земли вашей и имущества, попрание свободы вашей и веры. Вы забыли, как «рассобачий жид» (выражение Гоголя) держал в аренде ваши церкви, а ксендзы запрягали православных в оглобли. Вам надоела народная независимость, которую вы получили лишь в союзе с великорусским пле-

менем. Вас опять тянет под чью-то чужеземную пяту, вы тоскуете по старому холопству. Нет татар и Польши — вы скулите об австрийском иге, именно в те дни, когда ваши же родные братья, мученики Угорской Руси, испытывают всю горечь этого ига! Жиды, нашептывающие вам ваш гнусный выкрик: да здравствует Австрия! — хорошо знали, как больно ужалит этот голос из Киевской Руси сердца подъяремных ваших земляков...

И до свободного воссоединения Малой России с Великой Россией, и после него, в течение веков пролито общими предками нашими безмерное количество крови за общую нашу державу. В этом море крови, может быть, половина малороссийской. И все это должно пойти теперь насмарку, во славу и честь жидов, тянущих русское добро под австрийскую корону!.. Придумано не худо. Но, оставляя жидов и мазепинцев государственной расправе, что мы, великороссы, могли бы сказать нашим южным братьям, колеблющимся в соблазне? Слушайте, братья, змея-искусителя, да остерегайтесь от того, чтобы поверить ему! На что толкает Малороссию партия проклятого Церковью Мазепы? На «самостийность», то есть отдельное государственное существование. Но оглянитесь в историю: по силам ли оно было когда-нибудь Южной России? Как только татарский удар расколол Россию, ни один из осколков не мог вернуть свое державное существование, и даже самому крупному из русских племен — великорусскому — потребовались века, чтобы выбиться из-под власти какой-то степной орды. А вы, малороссы и белорусы, без нашей помощи никогда не выскочили бы из польско-жидовской петли. Поглядите, как крепко держит совсем обветшавший габсбургский обруч народы, когда-то имевшие крупную государственность. Допустим, что вы доведете до кровавого бунта и превращенная в развалины Малороссия добьется призрачной «самостийности». Но ведь Господь не уберет же врагов ваших, многочисленных соседей, с которыми придется воевать, истощая силы. И тот исполинский щит, который охраняет вас от всех давлений, — Русская Империя,

превратится в ваш могильный камень. Ибо отказаться от наследия Рюрика, от святой киевской земли, отказаться от завоеванных нами Бессарабии, Новороссии, Крыма, Донской области, Прикавказья и Черного моря, вы сами понимаете, России нельзя. Стало быть, вечный мир с Россией вы хотите променять на вечную войну? Не себе ли, предатели, вы роете этим яму?

Меньшиков М.О.
Сеятели ветра

Что такое «Заповіт» Шевченко, этот своего рода мало-российский гимн, который, судя по телеграммам, распевают теперь по всей Русской Империи «с дозволения» или без дозволения начальства? «Заповіт» — значит *заповедь*, предсмертное завещание поэта, и, чтобы судить вполне ясно, что такое был «батько Тарас» и связанное с ним теперешнее мазепинство, достаточно знать «заповіт» весь, не как он печатается в дозволенных изданиях, а как всеми поется.

Начинается «Заповіт» общеизвестными трогательными стихами:

*Як умру, то поховайте
Мене на могили,
Серед степу широкого,
На Україні милій.
Щоб ланы широкополи
І Дніпро, і кручи
Були видні, було чути
Як реве ревучій...*

Тут все невинно и жалобно и, как видит читатель, понятно для всякого великоросса без перевода. Единственное здесь нерусское слово «ланы» (поля) — слово польское. На этом месте и обрывается русский перевод, вероятно, известный большинству наших сановников. Но ведь в подлиннике он не обрывается. В подлиннике следует добавление, которое я советовал бы крепко усвоить и правительству, и всему русскому обществу. Вот что говорится о Днепре ревучем:

«Яко понесе у сине море кровь ворожу, от тоді я встану і долину (полечу) до самого Бога молитися; а до того я не знаю Бога».

Далее заповедується:

*Поховайте та вставайте,
Кайдани порвите
И ворожьєю злою кровью
Волю окропите.
И мене в семьи великій,
В семьи вильній, тихій
Не забудьте памянути
Не злим щирым словом.*

Как видите, раньше, чем Днепр не понесет кровь врагов Украины в синее море, Шевченко не хочет знать Бога, а вот когда случится это желанное событие, когда польются реки человеческой крови, широкие, как Днепр, «батько Тарас» согласен встать из могилы, полететь на небо и признать Господа. «Похороните меня, — говорит он, — да поднимайте восстание, порвите кандалы и свободу свою окропите злою кровью врагов». Вот что гласит подлинный «Заповіт», распеваемый повсюду, где собирается кучка охваченных мазепинским движением малороссов.

Спрашивается, какие же такие «вороги» были у Украины при Шевченко пятьдесят лет назад? Не поляки же и не татары. Не заглядывая в другие политические выпадения батьки Тараса, ясно, что единственные враги, которые стояли тогда в его воображении, были «москаля», которые будто бы держат Украину в плену, а украинцев — в кайданах, то есть в кандалах. Но правда ли это? Было ли это правдой тогда или вообще когда-нибудь в истории? *Никогда* это не было правдой и составляет самую обыкновенную ложь. Батько Тарас, помяни его Бог, в данном случае сознательно лгал, как лгут сознательно слишком озлобленные и не слишком умные люди, чересчур огорченные личным неудачничеством. Воссоединение

Малой России с Великороссией в XVII веке было, может быть, несколько вынужденное, но вынужденное не москалями, а поляками, жидами, турками, татарами. Православному народу русскому на Украине стало невтерпеж выносить хищничество и гнет всех народностей, какие тогда окружали Русь. Кое-как на время отбившись от поляков, без надежды совсем от них отбиться, Богдан Хмельницкий, вероятно, лучше нынешних мазепинцев оценивал тогдашние обстоятельства. Само собой, идеалом каждой области служит самостоятельная государственность, почему древний арийский мир делился на столько же государств, сколько было городов. И старинная Греция, и средневековая Европа, и наша удельная Русь дробились более чем на автономные — прямо-таки на державные микространства. Однако почему же ни-будь ведь случилось, что этот уклад общества оказался не по силам ни одному из государственных эмбрионов. Вечная война и вечная анархия дробления повели к тому, что, как отдельные клетки тела, отдельные города и области начали группироваться в более крупные республики и монархии. Не одной Украине в век Богдана Хмельницкого не по силам было отстоять свою «самостийность». Еще раньше ее к Москве подтянулись многие уделы, республики и монархии, и даже такого могучего склада, как Великий Новгород. Богдан Хмельницкий ясно видел, что на другой же день после освобождения от Польши у разоренной и слабой Украины, никогда не имевшей собственной государственности, явится уже не один наследственный враг — Польша, а и Турция, и Крым, и, наконец, Москва. Ведь в политике, как в гидростатике, давление надо выдерживать со *всех сторон*, иначе явится прорыв и разгром, иногда даже с той стороны, о которой вы и не думали (тяжкий пример — наша маньчжурская война). Поэтому Богдан Хмельницкий, посоветовавшись со старшиной казацкой и народом, поступил наиболее мудро, вступив в государственную кооперацию с Великороссией. Ведь эта страна была искони для малороссов своя же, православная, русская, а не какая-либо чужая.

С малороссийским наречием, как теперь, так и тогда украинец мог дойти до Белого моря, до Урала и за Урал. И всюду его встречали те же православные монастыри, храмы с золотыми крестами, тот же родной колокольный звон, то же церковнославянское Евангелие, те же молитвы, ладан, восковые свечки, мощи угодников. Почему же Великороссия — «чужая» для малоросса сторона, если за две тысячи верст от Киева, в Соловках, он встречал те же самые народные святыни, что и у себя в Киеве? Тот же был Бог, та же вера, тот же язык Церкви, то же благочестивое мирозерцание, почти тот же или, точнее, почти те же деревенские наречия (ибо великорусских наречий, как и малорусских, не одно, а много), встречал общую надежду на жизнь вечную и общее на земле национальное имя (ибо как великоросс никогда не называет себя «великоросс», а просто — русский, так и малоросс, и белорус называют себя русскими). Ясное дело, что если уже сливаться с каким-либо государственным племенем, то для Украины всего выгоднее было сливаться с Москвою. В склянке, где намешаны вода и масло, вода тянет к воде, масло — к маслу. Так естественно произошло воссоединение русских племен. Оно было добровольным, что гласит известная формула этого присоединения: «Волим под царя московского, православного». Откуда же, спрашивается, Тарас Григорьевич взял «ворогов» Украины, «кайданы» и необходимость поднимать кровавое восстание через четверть тысячелетия мирной жизни?

Он взял все это, мне кажется, из разных источников, как многие талантливые люди, лично обиженные судьбой. Очень часто талантливый человек принадлежит к невежественной и бездарной породе, и совершенно независимо от него его личный талант окрашивается расовой ограниченностью. Каждый из нас несет на себе все благословения и все проклятия предков, и у иных они причудливо перемешаны. Лично жизнерадостный человек, из которого брызжет смех и счастье веселых предков, в то же время бывает временами отравлен настроениями тех несчастных родичей, которые были так глупы, что уме-

ли только страдать. Как мне уже доводилось доказывать, вовсе не москали отравили воображение молодого Тараса Шевченко ужасами жизни. Что такое «неволя» — это впервые поэт наш почувствовал от руки родного дяди, коренного хохла, который чуть не засек племянника до смерти. Не москали же, а хохлы окружили детство даровитого мальчика глубоким невежеством, и грязью, и пьянством, и всею отравой необузданных страстей человеческих, созерцание которых так ранит впечатлительное сердце. Говорят: Тарас Шевченко был крепостной и, именно служа у своего барина, понял весь ужас рабства. Полноте, господа! Похоже ли это на правду? У бар того времени, конечно, возможны были и пинки, и подзатыльники, и розги на конюшне, но неужели те же самые побои и еще хуже любой крестьянский ребенок не встречал в родной семье? А у г-на Энгельгардта, как и у всякого помещика, деревенский мальчик кроме наказаний видел и нечто такое, чего дома не мог видеть: картину более опрятной, более красивой, более сдержанной и гуманной жизни. Видел *культуру* все же высшую, чем у родных чабанов.

Побольше бы поэзии, поменьше злобы...

Итак, где же неволя? Где кайданы? Присоединив Малороссию, Москва не тронула ни веры, ни языка, ни законов, ни обычаев этого русского края и, может быть, единственно, в чем погрешила (уже при Екатерине II), — обратила многих лично свободных крестьян в крепостное состояние. Но было ли это порабощением, специально направленным на Украину? Ничуть. Великорусские и малорусские крестьяне тоже были розданы помещикам, и это вовсе не казалось тогда унижением или угнетением народным, а естественным состоянием простонародья. Крепостное право существовало тогда и во всей культурной и свободолюбивой Европе, за редкими лишь исключениями. Для блага самого простонародья, экономически слабого, затянувшегося в неоплатные долги, не имеющего ни земли, ни инвентаря, считалось наилучшим прикрепить его к культурным и богатым хозяевам,

способным окультурить одичавший в нужде класс. Так решался вечный вопрос о пролетариате и об устройстве анархического элемента на земле.

Обращаюсь к тени «батька Тараса»: скажите-ка по совести, кто были малороссийские помещики, «угнетавшие» Украину, — москали или малороссы? В подавляющем большинстве чистокровные малороссы — Довгочухны, Перерепенки, Петухи, Коробочки etc. Так ведь это же ваша собственная плоть и кровь! Ведь эти помещики выходили из того же немножко выслужившегося на государственной службе малороссийского простонародья. А кто были ваши священники, епископы (вроде Феофана Прокоповича), фавориты (вроде братьев Разумовских¹), которые не случайно и не единолично, а всю массу тяготели к общей государственной власти? То были ваши же чистокровные малороссы. А кто были поставляемые Малороссией лихие офицеры, чудные солдаты, несравненные герои? Казаки, как львы боровшиеся за всю великую нашу Империю, единственную, какую Бог создал славянскому племени? Это были хохлы же. Наконец, какой народ в Малороссии, памятуя Бога и заветы предков, самым чистосердечным образом чтит престол Царский и несет насколько можно исправно все государственные тяготы? Народ малороссийский. Так где же ваша неволя, где кайданы, где воспаленная необходимость пролить целый Днепр великорусской крови? Что вы сказали бы, если бы какой-нибудь москаль-поэт оставил завещание своему народу пролить целую Волгу малорусской крови? Вы, пожалуй, назвали бы его недоумком и были бы совершенно правы.

В личной жизни Тарас Шевченко был кругом благодетельствован москалями и водил со многими из них большую дружбу. Откуда же у него явилась нелепая и преступная идея подбивать своих земляков к чудовищному мятежу? Я думаю, эта безотчетная идея у него сложилась так: талантливый от природы мальчик жадно хватал всякую необходимую для таланта культуру, и не его вина, что он встретил среди тогдашних крестьян-малороссов

крайне зачаточную, кустарную, лубочную умственную культуру в виде народных песен и старинных легенд. Один из несчастнейших в свете (как поселившийся на проходной дороге из Азии в Европу) народ малорусский настрадался за века своего подневольного существования, как редко кто. Особенно тяжкие остались воспоминания о литовско-польском иге и жидовском засилье. Особенно ярко в народе жили предания о гайдаматчине, о свирепых походах запорожцев, мстивших за поругание святынь народных, отвечавших на насилия чисто гуннским погромом Польши.

Маленький Тарас собственными ушами слышал то, чего теперь уже не услышишь в Малороссии, — древних кобзарей, которые от отцов своих и дедов передавали эпопею освобождения Украины от польского ига. Понятно, что маленький Тарас впитал в себя весь пафос этой ненависти к врагу, проникся им до костного, так сказать, мозга. Врагов в его время уже не было, а ненависть осталась. Гениальный и просвещенный Гоголь из того же материала создал малороссийскую «Илиаду» — «Тараса Бульбу». Менее одаренный и мало просвещенный Шевченко создал «Кобзаря», не более. Застарелую народную ненависть к полякам, иезуитам и жидам (вспомните первый проект памятника Богдану Хмельницкому, предложенный Микешиним²) — эту ненависть Шевченко безотчетно перенес на «москалей», смешав старые условия с новыми. Конечно, тут способствовали и личные обстоятельства жизни Шевченко, и крепостная его зависимость, и ссылка, и солдатчина, а главное — ненавистнические к России внушения того польского кружка, в котором Шевченко вращался в Варшаве. Эти внушения просто сбили с толку хоть и даровитого, но очень темного малоросса. Незаметно, может быть, для него самого поляки перевели стрелки его мышления, и весь тяжелый поезд озлобленности хохлацкой против Польши покатился в глазах Тараса по направлению к России. Это в истории человеческих настроений бывает очень часто: обида от одного срывается на другом. Работа многих великих людей, если не всех их,

вдохновлялась и искажалась пристрастиями, навеянными личной судьбой. Тем более это относится к средним талантам, лишенным культурного воспитания.

Как поэт народный, как поэт фольклора, Шевченко был в очень затруднительном положении: он унаследовал от деревенских кобзарей старое народное горе, источник которого уже сошел со сцены. Чтобы вместить это волнующее народ древнее чувство в современную поэзию, потребовалось дать ему современный источник. Где искать последний, Тарасу Шевченко подсказали поляки и возмущенные против России революционеры того времени. Помните, что Шевченко начал политически рассуждать в эпоху, когда Россия считалась палачом европейской свободы (наши контрреволюционные в Европе экспедиции), а последние годы жизни Тараса совпадают с расцветом русского нигилизма. Отсюда, мне кажется, пошло восстание малороссийского поэта из крестьян одновременно и на Бога, и на государство, и — в особенности — на родное государство. Шевченко, конечно, нельзя сравнивать со Львом Толстым, но у них общая черта — пристрастие к мужику и ненависть к старой человеческой культуре, особенно к формам религиозным и государственным. Возможно, что поэтический талант обоих писателей, исчерпывая всю натуру, не давал достаточно дарования для иных проникновений. Революционной озлобленностью им приходилось возмещать просто недостаток ясного понимания. О, эта озлобленность, политическая озлобленность!.. Какое это, в общем, дурное и жалкое чувство! Если оно суммируется в целом народе и переходит в инстинкт — плохое это предсказание для народа! Если ваши речи циничны, а песни унылы, если вам хочется вечно ныть и жаловаться, если вы что-то оплакиваете и на кого-то призываете месть, смотрите, не к глупой ли принадлежите вы породе? И не сидит ли в вас наследственный бес праздности, уныния, любоначала и празднословия? Люди умные не любят ни страдать, ни вспоминать о страданиях. Люди умные борются и побеждают, они непременно достигают счастья и уме-

ют беречь его. Вот почему люди умные добрее глупых. Владеть благодатною Украиной, «где все обильем дышит, где реки льются чище серебра», жить под горячим солнцем и голубым небом вблизи морей и гор, жить народом исторически огромным и независимым и желать раздробления своей земли, пролития по ней кровавых рек – согласитесь, это как будто не совсем умно. Еще в Библии сказано, что сеющий ветер пожинает бурю. Батько Тарас порядочно-таки посеял ветра в пустых головах кое-каких своих сородичей, и если когда-нибудь над мирной Украиной заревет ураган повстанья, может быть, купель крещения народа русского, старый Днепр, и в самом деле окрасится братской кровью.

Меньшиков М.О.
Долг Великороссии.
11 марта 1914 г.

Безобразные выходки киевских и львовских мазепинцев не останутся бесследными. Волна предательства, прокатившаяся по России в виде более или менее наглых украиноманских манифестаций всколыхнула русское общественное сознание и возбудила вполне уместную тревогу. Опровержения г-на Суковкина¹, киевского губернатора, едва ли в состоянии рассеять эту тревогу, ибо наперекор опровержениям нашлись десятки киевлян, готовых удостоверить факт преступной демонстрации. Г-н Суковкин как губернатор лицо столь же ответственное, сколь заинтересованное в том, чтобы в его городе не произошло названного чудовищного происшествия. При всей служебной добросовестности он едва ли в состоянии отнестись к данному событию вполне объективно. Г-н Суковкин со слов подчиненных ему полицейских властей официально утверждает, что сообщения «Нового времени» неправильны, между тем другое официальное лицо – член Государственной Думы Лелявский² категорически заявляет, что эти сообщения совершенно правильны. Он в разгар происшедшего был в Киеве, он «от лиц весьма уравновешенных и спокойных» слышал сообщения, что они были очевидцами безобразий и слышали позорные крики: «Долой Россию! Да здравствует Австрия!» Телеграммы «Нового времени» г-н Лелявский прочитал позднее и увидел, как они совпадали со всем слышанным им в Киеве. При таком серьезном разноречии официальных данных с неофициальными, безусловно, требуется официальная же проверка каким-нибудь

третьим способом, и эта проверка, по слухам, уже ведется.

Как бы ни были нравственно ничтожны негодяи, дерзнувшие оскорбить великое свое отечество в публично-мятежном бесчинстве, они должны быть разысканы и наказаны. Закон не должен бездействовать, ибо если оскорбление государства есть государственное преступление, то безнаказанность его явилась бы преступлением самого государства. У нас, лояльных русских граждан, нет иного правительства, кроме существующего, и потому мы на него именно возлагаем все наши надежды и всю ответственность перед родиной. Нельзя смотреть сквозь пальцы на мазепинские выступления — их нужно беспощадно наказывать, истребляя ядовитое семя в его всходах и самых корнях. Это относится не к одной лишь преступной выходке киевских мазепинцев, поддерживаемых жидами, поляками и кавказцами. Перуны вооруженной законом власти должны поражать государственную измену на всем пространстве ее досягаемости...

Бесспорно, *одна* ласточка не делает весны, и если бы в России действовала *одна* шайка предателей, она не могла бы возбуждать большой тревоги, но в последнее десятилетие выяснилось весьма широкое распространение мазепинства, опирающегося на две базы — на денежную поддержку Германии и на самую разнообразную поддержку Австро-Венгрии. При таком положении дел безумно было бы не придавать значения величайшей из опасностей, теоретически возможной для России *и уже готовящейся*. Если речь серьезно пойдет о разрушении единства русского народа, то это такая беда, ради предотвращения которой выгоднее вести ряд кровопролитнейших войн, нежели примириться с ней. Я хочу сказать, что если бы план немецких империй использовать мазепинский сепаратизм был поставлен как практическая задача, то, *не дожидаясь ее решения*, мы должны были бы воевать и с Германией, и с Австрией как с врагами, ведущими минный подкоп под наше государственное здание. Пока до этого дело не дошло, все-таки следует начать самую

деятельную и непримиримую борьбу со сравнительно бессильными проявлениями мазепинства в самой России. Не дожидаться же, господа, когда бессильное делается могучим и уже неодолимым. Мы во всем убийственно опаздываем, зевая да почесывая в затылке, но есть несчастья, присутствие которых должно сдвигать самую мертвую дремоту. И маленький поджог, и маленькая течь на корабле, и маленькая груда камней поперек рельсов, и маленькая доза яда — все это не такие явления, чтобы ждать разгара их последствий...

Кроме правительства, на котором лежит священный долг организации народной обороны, пора, мне кажется, вникнуть в мазепинскую измену и русскому обществу, в особенности великорусскому. Я вполне искренне верю общерусскому патриотизму многих образованных малороссов и большинства малороссийского простонародья. Между теми и другими я встречал таких одушевленных и стойких носителей имперской нашей идеи, что дай Бог очень и очень многим великороссам подняться до этого высокого уровня. Но *исключения* все-таки не *составляют правила* — общее же правило таково, что большинство «хохлов», считая себя русскими, недолюбливают «москалей» и довольно равнодушны к всероссийской идее, представляемой главным образом великороссами. К чему неравнодушны хохлы, и часто до пламенного обожания, так это к своей Украине — ее одну они называют «Украйна-маты». Хотя через тридцать девять лет минет уже три века объединения Великой и Малой Руси, но так как и московское, и петербургское правительство не отличалось широкими историческими горизонтами и не заглядывало в даль веков, то вместо быстрого слияния областей в одной великой культуре (что почти удалось первым Рюриковичам) получилось скорее закрепление бытовых различий и расхождение народных культур. Только со времен Екатерины II началось заметное влияние великорусской государственной культуры на Малороссию. В век Гоголя оно достигло своего апогея, но при Императоре Николае I уже зародилось украиноманство

в ряду других инородческих сепаратизмов и революционных течений. У нас проделали с украиноманством весь, так сказать, бюрократический ритуал борьбы со злом. Ритуал таков. Заметив зло, если оно совсем незначительное, его так или иначе подавляют. Но если зло оказывается сложное и страшное по своим последствиям, то у нас делают вид, что ничего не заметили. В упорном игнорировании зла проходят десятилетия, но наступает время, когда зло начинает выпирать из почвы, теснить и наступать. Тогда чаще всего теряют голову и идут на уступки. Все эти этапы были пройдены и мазепинским движением, не раз возобновляясь.

Обыкновенно игнорирование вещей близко к игнорации в отношении их. Говорят: «Какие пустяки! Что такое мазепинцы? Все это вздор, политическое мелкое сектантство, не более. Малороссы все лояльны, целый ряд их торжественно заявляет о своей лояльности». На это можно заметить, что ведь и сам Мазепа очень долгое время считался лояльным. Даже более того: он долго и был лояльным, но вот подите же, в конце концов оказался предателем. Мазепа был, подобно мазепинцам, польского воспитания, но православный. Еще до Петра Великого он вошел в доверие московских бояр. Именно лояльностью своей он обворожил фаворита Софьи — князя В.В. Голицына³ и добился гетманской булавы. Мазепа вполне добросовестно участвовал в Крымском походе Голицына, умел понравиться молодому Петру, усмирил даже одно восстание на Украине (Петрика)⁴, принимал деятельное участие в походах Петра к Азову. В начале шведской войны он воюет со шведами, строит Печерскую крепость и пр. Уже в возрасте за шестьдесят лет Мазепа вдруг сбрасывает свою лояльность и совершает сразу *двойную* измену: не только Петру, но и самой Малороссии. Немногим малороссам известно, что по тайному договору с королем Станиславом⁵ и Карлом XII Малороссия, восставшая на Петра, предназначалась целиком Польше, а Мазепа награждался княжеством по-

лоцким и витебским. Стало быть, не о самостоятельности Украины мечтал он, а о новом подчинении народа ненавистным ляхам. Вот вам психология предателя, всю долгую жизнь казавшегося верноподданным. Нынешние мазепинцы в огромном большинстве усвоили всю душу своего патрона, проклятого Церковью. Они притворяются безусловно верными России, они даже служат ей на всевозможных поприщах, иногда служат недурно, но в душе у них всю жизнь таится измена, и, может быть, двойная измена. Вместо «самостоятельности» Украины они охотно подведут свою родину под ярмо австрийцев, а сами не получают, конечно, вассального княжества, о котором мечтал Мазепа, но все-таки получают какую-нибудь подачку, хотя бы частичку «фон», которую получил за свое мазепинство г-н Василько, галицкий украиноман. Вот почему видимая лояльность еще ровно ничего не говорит; надо помнить, что под нею очень часто затаены застарелые ненависть и измена.

Как ни больно признать это, довольно широкие слои малорусского общества (особенно интеллигенции и буржуазии) охвачены острым сепаратистским настроением и в национально-государственном смысле ненадежны. Подобно всем народностям, под властью чужой культуры малороссы имеют как бы две политические души вместо одной, и одна из них — чужая, великорусская. Натурализуясь, как немцы и поляки, переходя невольно на наш язык и сливаясь с нами в общеевропейском быте, обрусевшие малороссы с болью в сердце чувствуют, что они изменяют Украине и что второе их поколение едва ли даже вспомнит, откуда оно родом. Измена вполне естественная и неизбежная, но все же чувствуется как некий грех, а за грехом следует нередко внутреннее раскаяние, оплакивание прошлой верности, идеализация невозвратной «чистоты». Несомненно, в украинском, как и во всяком сепаратизме, только 50 процентов обдуманного краевого сепаратизма, остальные же 50 процентов приходятся на романтику — особенное чувство жалости к тому, что уже брошено не без основания. В эпоху рыцарства последнее

оказалось далеко не таким обаянием, как в века последующие, когда оно исчезло. «Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает. Пусть арфа сломана, аккорд еще рыдает». Этот гаснущий огонь, этот рыдающий аккорд прошлого составляет то прекрасное, что чувствуется сепаратистами в своем сердце.

Представьте на миг, что все малороссы позабыли свою историю, — они тотчас же позабыли бы и о своем сепаратизме, ибо современность как она есть всегда кажется прозаичной, слишком обыкновенной, чтобы о ней думать или говорить. Малороссы тщательно собирают остатки своей гетмановщины и считают национальным то, чего уже нет. Они рядятся под Дорошенко, под Шевченко, хотя те их земляки которые не знают или забыли прошлое, всего охотнее надевают современный пиджак и даже смокинг. Но даже наряженный во фрак хохол иногда горько вздыхает о свитке деда, будто бы более прелестной и более национальной. «Все мгновенно, все пройдет — *что пройдет, то будет мило*». Если бы это естественное явление исчерпывалось свитками, гопаком, гречаниками и т.п., включая родную «мову», никому не пришлось бы в голову мешать этому. Но романтика захватывает и круг великих основ народности — идею расы и государства, и вот тут начинается страшная государственная опасность. *В одной империи не может быть нескольких национальностей или такая империя обречена на довольно быструю гибель*. Вовсе не прихоть заставляет западные народы отстаивать национальное единство в черте одного государства. История показывает, что только строго национальные государства бессмертны или отличаются удивительным долголетием; таковы были Древний Египет республиканский Рим, современная Англия или Франция, Китай, Япония. Наоборот, как только строго национальное царство расширялось в империю народов, начинался внутренний, ничем непогасимый раздор и подобные кооперации разных племен быстро рушились. вспомните, как недолго просуществовали древняя Персия, Ассирия-Вавилония, империя Александра

Македонского, императорский Рим. Как быстро расползались по швам империи гуннов, монголов, арабов, испанцев. В ближайшее к нам время разлезлась по швам польская империя (ибо по конструкции своей это была империя, то есть семья народов, друг другу чуждых). На наших же глазах это происходит с Турцией. Та же участь, несомненно, грозит и Австрии, и другим плохо склеенным монархиям имперского типа. И это независимо от внутреннего режима. Рассеялись деспотическая империя Карла V⁶ и анархическая республика Речи Посполитой. Величайшая из когда-либо бывших империй – Великобритания с каждым десятилетием становится все более призрачной. Такая непрочность пестрых государств заставляет и русское общество глубоко задуматься о судьбе своего отечества.

Надолго ли хватит России, если инородный элемент дошел до 33 процентов и если к центробежному стремлению врозь присоединяются десятки миллионов населения, считавшегося коренным русским, каковы малороссы и белорусы? Известно, что у нас имеются идиотические партии, проповедующие свой захолустный национализм, белорусский и даже сибирский... Пусть эти партии главным образом пополняются жидами, поляками, кавказцами и другою озлобленною против России инородчиной, но факт тот, что средь бела дня составляются заговоры на развал и раздел нашей Империи между ее составными элементами. Можем ли мы, великороссы, оставаться беспечными? И не на нас ли лежит первый долг бороться с этого рода сверхгосударственной изменой? Ведь Империя Российская есть по преимуществу *наша*, великороссийская Империя, и это настолько очевидно, что не требует доказательств. Но мы едва ли правильно поступаем, когда делаем вид, что отказываемся от этого преимущества и готовы совсем опустить державный скипетр среди русских братьев. Не от нас зависит, признать малороссов и белорусов русскими или нерусскими: это сложилось еще до Империи и до начала русской государственности. Даже вне России есть четы-

рехмиллионное население, называющее себя русскими. Не смея отрицать ни общего племенного происхождения, ни народного имени, ни их братских прав в родной семье, мы, великороссы, обязаны отстаивать с величайшей энергией все преимущества своего численного преобладания и исторического первенства. Не *за ними*, а *за нами* стоит право побед, подвиг великого освобождения из-под татар и Литвы, громозвучная слава отражения целого ряда нашествий. Не малороссийские и белорусские, а великорусские монархи явились собирателями общей земли предков и приобретателями ближайших пустынь. Еще до присоединения Малороссии и Белоруссии мы завоевали татарские царства и Сибирь и дали отпор таким завоевателям, как Мамай, Стефан Баторий, Густав Адольф⁷, Карл XII. Мазепинцы кричат, будто Малороссия присоединилась к Москве лишь как автономная держава. Но велик ли был клочок Малороссии, попросившейся при Богдане Хмельницком в наше подданство, и велика ли была допущенная без всяких обязательств «автономия» этого клочка?

Пора великорусскому обществу вспомнить свою царственную роль в истории русских племен, пора возродить в себе дух великой расы, строившей Империю. На нас лежала *постройка*, на нас же лежит *и ремонт* обветшавшего здания...

II.

13 марта 1914 г.

Заграничные мазепинцы устроили публичный скандал членам нашего парламента, прибывшим в столицу Галицкой Руси. От более культурных людей можно бы ожидать большей вежливости, но хамы остаются хамами, обличая глубокое варварство своей породы. Говоря о породе, я убежден, что мазепинцы вполне справедливо отрекаются от имени русских: по духу и темпераменту это обруселое потомство половцев и печенегов, поднимающее вновь войну со Святой Русью. Сказалась чуждая благородным обычаям гостеприимства низшая раса,

только и способная что на насилие, если оно безнаказанно. Надо заметить, что стертые с лица земли степные тюркские народцы оттого и исчезли, что кроме мелкого разбойничества они ни на что не были способны. Этот низкий уровень умственных способностей передался через ряд столетий и их мазепинскому отродью. Кроме дерзости самого дурного тона, выступления будто бы украинской расы во Львове с камнями против мирных гостей отдают феноменальной глупостью. Что же это, в самом деле, за аргумент — камень, брошенный в члена русской Государственной Думы, православного протоиерея, выходившего из собора? Вполне идиотический аргумент, как и крики: «Долой кацапов, долой изменников!»

Впрочем, что касается слова «изменники», брошенного в лицо членам нашего парламента, — в нем, пожалуй, кроется некоторый смысл. Слишком уже долго мы, «кацапы», потворствовали государственному преступлению крайноманства. Если оно представляет гнусную измену русской Империи и народности, то ведь и наше потворство отдает той же изменой, хотя менее сознательной. Что давно пора и русскому правительству, и народу проснуться и наказать крамолу, свившую себе бесчисленные змеиные гнезда у нас же дома, показывает напечатанная в «Голосе Руси»⁸ телеграмма киевского отдела Всероссийского национального союза. На общем собрании отдела А.В. Стороженко сделал очень ценный доклад о мазепинской опасности. Из доклада и оживленных прений выяснилась вся преступная, предательская подкладка мазепинской пропаганды. Это подземная война с нами, уже начатая двумя немецкими империями в виде подготовки к войне надземной. Не о «самостийной» Украине идет речь, а об отторжении двадцати пяти миллионов малороссов под австрийско-польское иго. Г-н Стороженко сам малоросс, как и большинство киевских националистов, — следует прислушаться к тревожному голосу этих сведущих людей. «Правительственные власти и национально-русские общественные силы, — говорит телеграмма, — обязаны неусыпно бороться

с повсеместным развитием мазепинских политических организаций в виде клубов, газет, журналов, обществ содействия начальному образованию, кооперативов, книгариен, музыкальных гуртков и других, которые под предлогом этнографически-культурных задач на самом деле работают над уничтожением в широких народных слоях русского национального чувства и постепенно приучают народные массы к мысли о необходимости отделения Южной России от Империи. Киевский отдел с прискорбием должен признать, что столь большая государственная опасность мало сознается. По мнению русских киевлян, необходимо немедленно принять целый ряд мер к прекращению вредной деятельности упомянутых организаций». Телеграмма подписана товарищем председателя отдела почтенным профессором Армашевским⁹, который, если не ошибаюсь, сам малоросс и давно живет в Киеве. Когда читаешь эти глубоко тревожные напоминания петербургским властям из глубины России, с самого места крамольного движения, то в самом деле чувствуешь, что тут мы имеем не одну измену, а две: предательство мазепинцев и беспечную снисходительность нашу к этому предательству.

Россия гибнет от слишком заметного возобладания в ней типа самодовольной, оптимистической бюрократии. Сидит себе в Северной Пальмире раззолоченный сановник, принимает доклады на слоновой бумаге, наслаждается раболепием толпы подведомственных чинов и в самом деле думает, что он маленький «царь и бог», как любят величать себя даже захолустные исправники. Никакой политики, кроме благополучной, он не признает, никаких глубоких и сложных процессов народного быта, а главное — никакой драмы. В тиши роскошного казенного кабинета его превосходительству искренне кажется, что ни в природе нет никаких океанов и ураганов, ни в государстве никакой политики дальше тридцати верст от городов. Так как ведь над каждым изнеженным сановником есть другой, еще более престарелый и нуждающийся в покое сановник, то каждая ступень табели о

рангах старается дополнить собой лестницу общего благополучия, по крайней мере — «отчетного». Именно отсюда идет пагубная привычка петербургских сфер никак не реагировать на острые явления жизни и прятать их под сукно, как страусы в пустыне при виде неприятеля прячут голову под крыло. Именно этой пагубной привычке мы обязаны чудовищным разрастанием таких явлений, которые своевременно могли бы быть погашены легко и быстро. У нас многими десятилетиями не хотели признавать финляндское брожение — и дожили до поголовного обращения Финляндии в вооруженный против России лагерь, в авангард для шведо-германского десанта. Долгими десятилетиями игнорировали сепаратизм прибалтийских народностей — и дожили до «латышской революции», которую пришлось усмирять уже карательными отрядами. Долгими десятилетиями смотрели сквозь пальцы на «какой-то» бунд еврейский, на «какую-то» социал-демократию среди петербургских рабочих, на «какие-то» бредни о земле среди крестьян», на «какой-то» задор кавказских инородцев — и дожили до еврейского мятежа, до крестьянской пугачевщины, до столичных выступлений двухсоттысячной рабочей армии забастовщиков, до московских баррикад, до кавказских свирепых бунтов. На моей памяти десятки лет все хорошо знали о революционной пропаганде во флоте — и благополучно дождались до «Потемкина», до севастопольского, кронштадтского, свеаборгского, владивостокского восстаний¹⁰. И так далее, и так далее. Скажите, где петербургские оптимисты не промедлили, где они не опоздали? *Nous arrivons toujours trop tard*¹¹, как поет полиция в одной оперетке. То же самое гибельное промедление, то же опоздание замечается и в громадном мазепинском движении, значение которого давно и превосходно замечено не в Петербурге... а в Вене и Берлине.

Последние телеграммы говорят о борьбе киевского губернатора г-на Суковкина с местной патриотической организацией, только что удостоившейся Всемиловистой телеграммы Государя Императора. Я совершенно не-

знаком с партией «Двуглавого Орла», не видал ни одного номера этой газеты, совсем не знаю г-на Голубева¹² и потому не имею определенного суждения о действиях этого кружка. Знаю только по газетам, что это нечто ультрапатриотическое, вроде «Тройного» одеколона, близкого к чистому спирту. А ргіогі признаю, что г-н Суковкин имеет право и долг подавлять во вверенной ему губернии всякие беспорядки, и даже патриотические, если бы они возникли. Меня только озадачивает повышенное рвение наших провинциальных господ Суковкиных преимущественно в одну сторону – в сторону патриотических выступлений. Жиды, поляки, кавказцы, мазепинцы устраивают бесконечно более злокачественные и преступные, хоть и несколько более прикровенные демонстрации. Жиды и их прихвостни поют «Заповіт», говорят зажигательные речи на банкетах, кричат кое-где: «Долой Россию и да здравствует Австрия!» – и им это сходит с рук без больших потерь и убытков. Такая повадка отнюдь не у одного г-на Суковкина, а почти сплошь у нашей либеральной бюрократии, особенно кадетствующей. Помните, еврей убил главу правительства в Киеве. Первым чисто рефлексивным движением сердца следующего по власти министра В.Н. Коковцова¹³ было вызвать по телеграфу войска для защиты евреев. Никто не нападал на них, и даже проекта никакого погрома не было, а русская власть уже манифестировала своей предусмотрительностью к соплеменникам Мордки Богрова¹⁴. Манифестация оказалась не только напрасной, но вдвойне обидной, ибо одновременно всякое проявление справедливого возмущения чувств народных против государственного злодейства евреев было запрещено, как якобы провокация к погрому. Но позвольте же, наконец: в каком государстве мы обитаем – в чужом или в собственном? Ведь даже в чужом государстве были бы допущены те митинги негодования, те лекции и доклады, которыми пытались реагировать киевские националисты на еврейский террор. Ах, заявляет администрация, против евреев этого нельзя: это возбуждает страсти! Ах, против мазепинцев –

нельзя: это вносит раздор между двумя частями населения!

На это хочется сказать со всею почтительностью: неправда, не «это» вносит раздор, а, может быть, отсутствие «этого». Раздор уже давно существует, как вы проглядели его — это удивительно! Но раздор, подобно поджогу, существует, может быть, потому, что его не гасят и не дают гасить. Революция 1905 года всем памятна. Жиды очень долго творили невообразимые бесчинства, рвали портреты Государя и публично пускали по улице собак с короной на голове, пока не лопнуло терпение простого народа. Не местных властей, которые, увы, только и сумели, что оказаться бессильными предотвратить беспорядки, а уличного простонародья. Даже уличное простонародье в памятную осень 1905 года оказалось по государственным и национальным своим инстинктам несравненно более надежным, нежели иные губернаторы, шествовавшие в процессиях с красными знаменами. Разве этого не было? Или разве это было сто лет назад?

Мне кажется, русское патриотическое общество вправе умолять власть и даже настаивать на том, что необходимо проснуться в отношении разгорающегося мазепинского бунта и принять неотложные и крайне решительные меры. Эти меры должны быть двоякого рода: государственные и общественные. Государство само должно бороться доступными ему средствами, парализуя измену в ее зачатии, и не должно мешать обществу вести ту же борьбу всеми культурными способами. Слишком утонченные и выхолненные наши бюрократы напоминают ту французскую аристократию, которая до такой степени изнежила себя, что в эпоху великой революции не сумела отстоять ни короля, ни трона, ни наследственных замков, ни прав. Плачевная растерянность чиновной знати в эпоху попа Гапона¹⁵ и лейтенанта Шмита¹⁶ дает грустное предсказание для будущего. «Неделание и непротивление» — вот что повергает нашу государственность в паралич. До того дошли, что и правительство, и общество боятся наказывать преступников, если они чуть по-

крупнее. «Ах, зачем создавать мучеников! Зачем тяжелой карой делать ореол вокруг имени какого-нибудь ничтожного негодяя!» – вот, между прочим, какую фразой прикрывается иногда бездействие прокуратуры и суда. Но позвольте, господа: едва ли вы вправе рассуждать, нужно или не нужно привлекать преступников к суду. Вы обязаны это сделать, если преступление обозначилось, и никто не давал вам разрешения миловать злодеев. Священный долг судебной власти – преследовать зло и карать его – заложен в самом основании государства. Отказываясь бороться со столь тяжкими видами преступлений, какова государственная и национальная измена, вы обрекаете народ на беспомощное состояние. Какая же выгода иметь государственность недееспособную? Это хуже, чем иметь в Москве Царь-колокол, который не звонит, и Царь-пушку, которая не стреляет. Ведь если не наказывать преступников из опасения, что банда их товарищей сочтет их мучениками, то пришлось бы отказаться от борьбы и с мазуриками и хулиганами. Покойный профессор Сергеевский¹⁷, пламенный патриот, так охарактеризовал скрытый лозунг ослабевшей демократии: «Ешь меня, собака!» Грустно то, что этот лозунг проводится от лица России и за народный счет.

Народ вовсе не так сентиментален, как изнеженные канцеляристы. Народ довольно здраво судит о преступлениях: «Дурная трава – из поля вон», «Паршивая овца все стадо портит». В качестве неорганизованной массы народ не может иначе расправляться с лиходеями, как путем стихийного самосуда, но даже эта варварская форма суда все-таки представляет какой ни на есть суд, а не отсутствие суда. Неужели для кого-нибудь полезно доводить народ до отчаяния, до гражданской войны? А между тем взгляните объективно: что же такое эти уличные драки монархистов с жидами и мазепинцами, как не вспышки гражданской войны? Если уже теперь по нескольку раз в год приходится и в столице, и в крупных городах высылать на улицы усиленные наряды полиции и казаков, дабы сдерживать инородческие и революци-

онные выступления и оберегать одну часть населения от разгрома со стороны другой, то не ясно ли, что эпохе оптимистического бездействия следует положить конец? Что значат ваши общего характера циркуляры местным властям и бумажные внушения азбучных истин? Необходимы действия, а не слова.

III.

15 марта 1914 г.

Кроме государственной борьбы с мазепинской изменой необходима общественная борьба, и во главе ее должны стоять мы, великороссы. Не мы одни, ибо, повторяю, Российская империя есть общее достояние русского племени во всех его областных подразделениях. Это общий дом и для малороссов, и для белорусов, и для сибиряков, из которых многие так ограничены, что тоже воображают себя «особой» национальностью. Если захотеть, то из стомиллионного народа можно, как и в эпоху Нестора, накроить десятки будто бы отдельных племен, но отдельность их будет чисто мнимая. «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Древляне, Ноугородьцы, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, после же Воляняне», — говорит летописец. Правда, «имяху бо обычаи свои и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав». Но ведь и теперь обычаи и нравы у нас встречаешь чуть не в каждом уезде разные. Национальность выше своих вариаций, как целое выше части. Мы, великороссы, должны отстоять сложившееся в истории наше первенство среди малороссов и белорусов и, я уверен, отстоим его, но величайшая из наших побед должна состоять в том, чтобы доказать, что самая борьба этих русских племен с нами, русскими, в корне своем нелепа. Мы должны устами ученейших историков и талантливейших публицистов доказать, что теперешнее русское государство — до сих пор единственная возможная форма державной самостоятельности и белорусов, и малороссов. Их сепаратизм кроме жидовско-польских внушений и немецких грошей поддерживается еще отча-

янным их историческим невежеством, и это невежество надо рассеять. К сожалению, у нас нет ни одного классического, пригодного для школ учебника русской истории. На совести покойного (ибо, в сущности, он умер как ученый) Иловайского¹⁸ лежит то, что скучнейшим и бесцветнейшим своим учебником он отвалил от интереса к русской истории длинный ряд поколений, прошедших школу, и этим способствовал упрочению в России космополитических идей. Правительство охотно бросает сотни тысяч рублей на покупку племенных жеребцов и целые миллиарды на создание флота. Но, может быть, неизмеримо полезнее было бы отпустить несколько высоких премий на создание основного учебника русской истории, увлекательного и правдивого, способного втянуть окончившего школу образованного гражданина в многотомную драму тысячелетней нашей истории. Даже из не вполне совершенных творений Карамзина и Соловьева и белорусы, и малороссы могли бы вынести сознание глубокой необходимости нашего национального единства, то есть крайней полезности для них самих держаться Великороссии, как утопающие держатся за гранитный утес. Ведь уже был в истории великий ураган, как бы смывший с материка России и белорусов, и малороссов. Сколько столетий они, несчастные, томилась в чужой неволе! И несомненно, томилась бы и до сих пор, если бы не окрепшая в XVII веке Москва. Может быть, не случись этого, под боком Москвы уже давно не было бы самого имени Малой и Белой России, а были бы десятки миллионов опояченных холопов под пятой уксендза и еврея.

С фанатиками ввиду их досадного недостатка — глупости — неприятно спорить, но если есть среди малорусских и белорусских сепаратистов люди рассудительные и дорожащие правдой, то давайте спорить. Великороссы в состоянии выдержать не только бунт, но и мирный спор со своими западными и южными собратьями и доказать чисто объективную бессмыслицу их претензий. «Мы не хотим быть русскими!» — кричат с мозгами набекрень са-

мые озлобленные из сепаратистов. На это есть резонный ответ. Не хотите, так и Господь с вами. Что касается вас, кучки народных отщепенцев, то кому какое дело до того, чего вы хотите или не хотите. Записывайтесь хоть в патагонцы, не только что в австрийцы. Но что касается ваших народностей, то тут уместны два вопроса: 1) точно ли малороссы и белорусы не хотят быть русскими? и 2) могут ли они осуществить свое нехотение? Я думаю, на оба вопроса серьезный ответ может быть только отрицательным. Великороссия еще не провалилась сквозь землю, а пока этого не случится, наше государственное племя будет сопротивляться отсечению от себя живых частей. Уж это как вам угодно — нравится ли вам это или нет, — но рубить себя заживо мы не дадим. Но если бы Великороссия сегодня и провалилась бы сквозь землю, едва ли не завтра то же самое случилось бы и с Малой Россией, и с Белой: их голыми руками забрали бы, как стадо без пастуха, более организованные и более сильные соседи.

Рассудительные люди должны признать, что даже великие державы нынче с большим напряжением отстаивают свое существование. Даже величайшие державы не находят возможным жить более в одиночку, а собираются артелями, по трое и больше. Мазепинцы скажут: да ведь существуют же небольшие державы, вроде Румынии или балканских монархий, держится же даже такая мелочь, как Голландия, Бельгия, Дания, Люксембург. Держатся они, это точно, но разве не ясно, что их существование политически ничтожное, отравленное постоянной опасностью захвата со стороны больших соседей? Как глыбы снега весной по оврагам, эти маленькие народности еще доживают свое средневековое бытие, дотаивают, так сказать, пока не дотают вовсе. Всем понятно, что в ближайшую же великую войну, как было в эпоху Наполеона, многие из этих самостоятельных лилипутов исчезнут сразу и без следа.

В какой панике живут маленькие народы, видно по недавним народным демонстрациям в Швеции: и королю, и крестьянству вдруг почудилось, что Швеции угрожает

русское завоевание, — и произошел трогательный обмен клятвами защищать отечество до последней капли крови. Хотя в России не найдется даже сумасшедших людей, которых бы интересовала Швеция в качестве добычи, но маленькая страна чувствует грозное присутствие около себя великих народов, из которых если не один, то другой может просто неосторожным движением причинить Швеции катастрофу. Дания и Голландия чувствуют себя еще беззащитнее, а Бельгию, кажется, хоть голыми руками бери, она даже и не подумает защищаться. Румыния, правда, существует довольно спокойно, но лишь благодаря тайному соучастию с одним из тройственных трестов. Но насколько дорого обходится Румынии призрачная ее самостоятельность, показывает необходимость держать при семимиллионном населении армию в пять корпусов. Если бы мы вооружались в той же пропорции, то нам пришлось бы при 180-миллионном населении держать сто тридцать корпусов вместо сорока (беру круглые цифры). Даже при тройном и четверном напряжении обороны, крайне истощающем маленькие страны, все же слишком ясно, что погибни Россия в борьбе с немецкими империями, и вся коллекция маленьких балканских корон очутится в австрийском Гофбурге. Страшась этой участи, даже такие лютые враги, как сербы и греки, заключают коалицию с Румынией, и весьма возможно, что даже ограбленная с головы до ног Болгария попросится в кооператив со своими грабителями. Но ведь такой кооператив очень смахивает на федерацию небольших народностей вроде германских или австрийских. Раз и наши сепаратисты не мечтают дальше чем о федерации, то во что же обратится их «самостийность»? Сладость подобной федерации к тому же весьма сомнительна. Даже такая крупная величина, как Венгрия, вполне независимая внутри своих границ, спит и видит, как бы выйти из федерации.

Лично я очень симпатизирую тому племенному строю, который дал столь пышное процветание Северной Америке и англосаксонским колониям вообще. Но кроме от-

дельных конституций Штатов в Америке имеется общая конституция, причем в неделимом государстве признан и один национальный язык. Соединенные Штаты, отгородившиеся от остальной планеты величайшими из океанов, до сих пор могли позволять себе maximum внутренней свободы, но уже и теперь широко допущенное соревнование с коренным племенем переселенцев из Европы и Азии приходится ограничивать. При свободном состязании англосаксов с немцами, ирландцами, неграми, итальянцами и славянами получается такое впечатление, что «через столетие в Америке не останется ни одного англосакса». Это пророчество Густава Лебона¹⁹, мыслителя слишком вдумчивого, чтобы бросать пустые фразы. В результате неслыханного американского прогресса выйдет то, что наследие господствующего народа достанется евреям, которые будут управлять слегка обангличаненными неграми и славянами.

Россия не исключение в природе; в гигантской черте ее, включающей множество племен, идут кипучие расовые, социальные и культурные процессы, и коренному русскому племени вовсе не все равно, остаться ли наверху или очутиться внизу. Некоторые азиатские племена (евреи, татары) размножаются быстрее русских и кое-где начинают уже численностью своей теснить державный народ. Те же белорусы и малороссы уже давно вопят, что их задавили жида и поляки. Судя по письмам с юга, одним из способов, какими евреи разжигают мазепинскую ненависть к Великороссии, служит такой довод: русское правительство насильно держит евреев в черте оседлости и еврейство, естественно, теснит несчастных белорусов и малороссов. Справедливость требует, чтобы черта оседлости была снята и чтобы тяжесть еврейского вселения была распределена по всей площади Империи. «Кацапы, — пишут мне хохлы, — напустили на нас жидов и хотят, чтобы мы погибли от этого». На это странное рассуждение я отвечаю так: не кацапы напустили жидов на вашу русскую землю, а поляки. Если жида составляют заразу в черте оседлости, то было бы бессмысленно раз-

носить эту заразу по всей стране. Если разгружать Россию от жидов, то нужно это делать постепенным вытеснением вредного племени за границу. Где же это видано, чтобы болезнь лечить перенесением ее на здоровое тело? Евреи в личиночном состоянии — паразиты, в полном развитии — хищники, и составляют одинаково грозную опасность для всей России. Но и кроме евреев найдутся могущественные инородческие внедрения, с которыми нашим потомкам придется бороться не на жизнь, а на смерть. Для этой великой, хоть и бескровной борьбы нам, русским племенам, потребуются союзники, и малороссам не меньше, чем великороссам. Не выгоднее ли нам держаться друг друга, пока мы еще не сплошь заполнены нашествием всевозможных иноплеменных?

С давних времен, и особенно с Петра Великого, Малороссия вносила свой вклад в национальную русскую культуру. Вклад этот был не всегда положительным, и мы, например, вовсе не благодарны за наплыв в XVIII веке южнорусских латинизированных монахов вроде Феофана Прокоповича и фаворитов. Но в лице Гоголя Полтавская Украина подарила Святой Руси большой национальный талант. Гоголь многое дал России, но Россия еще больше дала Гоголю, точнее говоря, дала все, ибо на простонародном наречии он не поднялся бы выше Котляревского или Шевченко. И помимо Гоголя Малороссия высылает к верхам общества много даровитых людей, однако если быть вполне справедливым, то нельзя не признать, что Великороссия за эти двести шестьдесят лет не нуждалась в культурной поддержке юга. Великороссы сами выдвинули из своей среды подвижников и иерархов, более замечательных, нежели Феофан, и государственных людей — чем Трошинский, и великих писателей, более всеобъемлющих, чем Гоголь, и великих поэтов, более гениальных, чем просто даровитый «Тарас Григорыч». Если пересмотреть современные таланты в области науки, искусства, техники, печати, сцены, свободных профессий, то попадают, конечно, и малороссийские имена, но значительно в меньшем количестве, нежели

великороссы. Это совершенно естественно и говорится не для хвастовства (великороссов ведь вдвое больше, чем малороссов), а для того лишь, чтобы оправдать наиболее выгодную для всех великорусскую культуру как единую национальную. Она во многом уступает более древним европейским культурам, но в черте своей Империи не уступает никакой. Если сколько-нибудь допустимо говорить о русской цивилизации, то она в лице своих великих людей все же более великорусская цивилизация, нежели какая иная. Следует оговориться, что эта цивилизация не замкнутая: она обильно питается всем — отечественным и всесветным, что ей посылает Бог, и в том числе дает самое широкое гостеприимство малорусским, белорусским и... к сожалению, даже еврейским талантам. Но ведь так поступает всякая великая цивилизация. Англичане, например, натаскали в век Возрождения три четверти греческих корней в свой язык, а мы теперь обворовываем англичан, французов, немцев. Надо раз навсегда признать, что этого рода воровство — святое воровство. Всякий народ имеет не только право, но и долг брать у соседей все лучшее, что бы там ни появилось в области ума и вкуса. Несомненно, мы обворовываем и ненавистников наших — малороссов, заимствуя у них все прелестное, что создает их природа и народный гений. Ясно, что в завершении такого процесса должна получиться не теперешняя русская культура, а какая-то другая, более роскошная, где все провинциальные стихии найдут нечто свое, родное. Мазепинцы не способны к усвоению великодержавной культуры, и это жаль. На гопаке да галушках далеко не уедете, господа предатели, как ваш Мазепа далеко не уехал, отстаивая и по тому времени уже слишком зачаточный идеал подъяремой Украины.

Чуть же вы поднимете претензии ваши над уровнем галушек и гопака, они оказываются довольно жалкими. Все своеобразное, из чего бы могла развиваться большая культура, в Малороссии уже исчезло, какие бы таланты среди вас ни явились, они вынуждены идти если не в Ве-

ликороссию, то в Австрию и выражать себя если не на «кацапском» языке, то на немецком.

Наряду с государственной борьбой против мазепинской измены мы, великороссы, обязаны оглядеть свое культурное вооружение, обязаны выдвинуть к верхам власти, науки, искусства и труда народного новые ряды талантов. Раз завязалась культурная борьба — а она завязалась! — ответим на камни дикарей новыми внушениями ума и знания, новым могуществом сильной расы. Россию строили не одни лишь великие полководцы-великороссы, но и великие писатели, великие художники, великие артисты и ученые. В нашем имени «великороссы» есть указание, в чем секрет нашей силы — в сравнительном величии.

Струве П.Б.

Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу

Гораздо позже, чем я хотел, отвечаю на письмо Украинца¹, обращенное ко мне и озаглавленное: «К вопросу о самостоятельной украинской культуре».*

Автор чрезвычайно осторожен в своих положительных и научных воззрениях и крайне резок в своих полемических суждениях и лирических излияниях. С одной стороны, он говорит, что го-

П.Б. Струве

тов считаться с возможностью того, что «украинскому народу суждено вполне слиться с великорусским и всецело воспринять его культуру, что тем зачаткам новой украинской культуры, которые были созданы в течение последнего столетия, предстоит погибнуть и из них не выработается цельная и самобытная культура». А с другой стороны, он приглашает «признать, что народу украинскому присуща особая воля или какая-то мистическая сила, побуждающая его отстаивать свою самобытную национальную индивидуальность... если стремление

* *Русская Мысль*, май, 1911 г.

Украины к своей самобытной культуре Божье дело, то никакие земные силы его не одолеют».

Я предпочитаю иметь дело с тем лицом автора, которое сомневается и считается с разными возможностями, ибо полагаю, что мы призваны обсуждать дела национальностей и народностей, как дела земные, и невместно нам по поводу этих дел призывать имя Божие.

Автор облегчил мне изложение по существу моей точки зрения, ибо он сам для иллюстрации своей мысли привлек весьма поучительный сравнительный материал, который и я имел в виду в своих заметках*, но из экономии места оставил без рассмотрения.

Я не отрицаю вовсе того, что в известном смысле существует «самостоятельная малорусская культура», и я не желаю вовсе исчезновения малорусского языка. Смысл того, что я утверждал в своих заметках, иной. А именно, я глубоко убежден, что наряду с общерусской культурой и общерусским языком — культура малорусская или украинская есть культура местная, или областная. Это положение «малорусской» культуры и «малорусского» языка определилось всем ходом исторического развития России и может быть изменено только с полным разрушением исторически сложившегося уклада не только русской государственности, но и русской общественности. Между тем мой оппонент отрицает, чтобы для Малороссии и Великороссии существовал один «общий культурный язык», и в этом смысле он отрицает «культурное единство» Украины с Великороссией. Правда, это отрицание плохо вяжется с тем, что он сам утверждает в другом месте своего письма; «исторические судьбы связали украинский народ с великорусским навсегда... поэтому дальнейшее развитие украинского народа возможно только в связи и в тесной всесторонней солидарности с великорусским народом».

В тех заметках, которые вызвали ответ Украинца, я указываю, что в нашем споре самое употребление тер-

* *Русская Мысль*, январь, 1911 г.² Перепечатано в моем сборнике *Patriotica*, стр. 520-525.

мина «великорусский» опасно и нежелательно: оно вводит в заблуждение, будто та культура и тот язык, которые этим термином обозначаются, стоят, так сказать, в одном ряду с «малорусским» и «белорусским». С узколингвистической точки зрения это, может быть, и правильно (хотя и то лишь с весьма значительными оговорками и ограничениями), но с культурно-исторической точки зрения это прямо неверно. Язык «Полного Собрания Законов», язык Пушкина, Гоголя, Тургенева и Льва Толстого, будучи, по своей лингвистической основе, великорусским, по своему культурно-историческому значению есть общий русский язык, есть «койнэ»* всех русских народностей, входящих в состав Российской Империи. Русский язык есть, конечно, не только книжная, но и разговорная $\chi\omicron\iota\nu\acute{\eta}$ – вернее, рядом и в связи с книжным, письменным общерусским языком жизнь постоянно творит и разговорный, устный общерусский язык**. При этом разговорный общерусский язык, конечно, в широчайшей мере воспринимает местные особенности, особенности диалектов и сообразно этим особенностям видоизменяется по местностям. Вот почему это непрерывное образование и преобразование на местах разговорной русской $\chi\omicron\iota\nu\acute{\eta}$ часто представляет на первый взгляд лишь местную порчу чистого русского языка. На самом же деле, тут сложный и пестрый процесс выработки разговорной $\chi\omicron\iota\nu\acute{\eta}$ Российской Империи. Пусть нам режет ухо тот русский

* Κοινή (подразумевается: $\gamma\lambda\acute{\omega}\tau\tau\alpha$) – общий язык, обозначение общегреческого языка, сложившегося на основе аттического диалекта в эпоху эллинизма. В истории греческого языка аттическая литературная $\chi\omicron\iota\nu\acute{\eta}$ сменила собой ионическую. Образованию в эллинистическую эпоху общегреческого обиходного языка, от которого, за исключением одного пелопоннесского диалекта, происходят все современные новогреческие наречия, предшествовало образование и господство сперва ионического, а потом аттического языка, как языков общелитературных. Литературное объединение Греции совершилось раньше политического. Первоначальные общегреческие языки восходят главным образом не к политическим связям и влияниям, а держатся и действуют в области литературы. Иначе совершался процесс латинизации Италии. Ср. J. Wackernagel in Die Griechische und lateinische Litteratur und Sprache. Dritte verbesserte und vermehrte Auflage Berlin u. Leipzig 1912, S. 380 (Kultur des Gegenwart I, 7).

** Подобно тому как «для эллинистической эпохи мы должны различать два общих языка, устную Κοινή , обиходный или народный язык, и другой, более или менее находящийся под влиянием первого, но в своей основе аттический литературный язык, письменную Κοινή ». P. Kretschmer in Einleitung in die Altertumswissenschaft von Gercke u. Norden I. band. S. 171.

язык, на котором говорят местные люди в Киеве, Одессе, Харькове и других южных городах. Но мы не должны забывать, что этот и неблагозвучный, и неправильный, пронизанный местными звуковыми, лексическими и синтаксическими особенностями язык, «отвратительный» «русско-малорусский волапук», как выражается Украинец, навсегда объединил эти города с остальной Россией. Я не сомневаюсь к тому же, что разговорный общерусский язык наших южных городов оказал свое влияние на таких писателей, как Чехов и Короленко и через них обогатил и нашу литературную $\chi\omicron\nu\nu\acute{\eta}$. Это взаимодействие подобно тому, которое происходило тогда, когда язык простого народа вторгся в литературную греческую речь, в результате чего создался язык греческого оригинала «Нового Завета», язык, народный характер которого недавно так превосходно осветил Дейссманн*.

Таким образом, я исхожу из убеждения, что есть общерусская культура и ее орган, общерусский язык; положение и значение этого общерусского языка по отношению к местным наречиям или языкам русского корня аналогично положению ново-верхненемецкого языка по отношению к диалектам Германии. Я не вижу, как можно оспаривать этот тезис, хотя я и понимаю, что можно направить все усилия на то, чтобы завоевать и в России малорусскому (украинскому) языку другое положение и придать ему другое значение.

И тут я перехожу к тому странному утверждению моего оппонента, которое гласит, что существование русской нации и русской культуры в моем смысле есть порождение фантазии... русской интеллигенции и что мое мнение: «гегемония русской культуры в России есть плод всего исторического развития нашей страны и факт совершенно естественный», что это мнение «сложилось под влиянием официальной русской исторической науки». Я не знаю, что мой противник разумеет под этим

* Ср. *ero Das Licht vom Osten* 2-te Auflage. Tübingen, 1909. SS. 37-99. См. также Dr. Ludwig *Radermacher*. *Neutestamentliche Grammatik. Das Griechisch des Neuen Testaments im Zusammenhang mit der Volkssprache*. Tübingen, 1911. SS. 1-23.

наименованием, но это меня не смущает и даже не интересует, потому что подобная ссылка по существу никакого значения иметь не может*.

Ход русской культуры, приведший к гегемонии «великорусского» языка и к превращению его в русскую *χοινή*, определился тем, что центр государственности и связанной с ней культуры оказался сперва в Москве, а потом в Петербурге, который в культурном отношении, да и по своему населению был ничем иным, как отпрыском или колонией (в античном смысле) той же Москвы. Если бы Петр I центр новосоздаваемой русской государственности переместил в Киев, в России сложилась бы другая *χοινή*, с гораздо большей примесью южнорусских элементов, но только и всего. Русская *χοινή* все-таки должна была сложиться. При той политической и культурной связи, которая со второй половины XVII века установилась между Украиной и остальной русской Россией, сплотившейся вокруг Москвы, культурное их объединение не могло не совершиться. Если бы общий культурный рост России шел быстрее, чем это происходило на самом деле, культурное объединение совершилось бы еще быстрее и полнее.

Теперь перейдем к тому вопросу, который ставит Украинец: почему «при столь продолжительной политической раздробленности Германии, при существовании в ней сильных политически-партикуляристических течений, при отсутствии религиозного единства, в ней никогда не возникало сколько-нибудь заметного стремления к культурному партикуляризму?»

Автор беседовал на эту тему с двумя видными немецкими учеными, в которых я узнаю выдающегося гейдельбергского экономиста и известного базельского философа

* Замечу мимоходом, что такой либеральный и ко всем местным особенностям благосклонный автор, как покойный *А.Н. Пыпин*, определенно признает существование общерусского (книжного) языка и видит в малорусском языке язык местный. Ср. его «Историю русской этнографии», т. III (СПб., 1891 г.). Введение, стр. 7 и 9. Вряд ли Пыпина, только на склоне своей жизни попавшего в академию наук, можно зачислить в «официальную» науку в том смысле, в каком о ней говорит Украинец. О взглядах М.П. Драгоманова в его доэмиграционный период я скажу ниже.

фа. Факты, почерпнутые из бесед с этими представителями немецкой науки, не объяснили, однако, Украинцу явлений, происходящих на его родине.

Процесс создания общенемецкого языка в общем и целом в настоящее время разъяснен, и, собственно говоря, не Украинец у своих немецких собеседников, а они у него должны были бы спрашивать: почему, при наличности общерусского языка, как книжной и разговорной *χοινή*, у интеллигенции отдельных русских племен, в частности, всего яснее у интеллигенции украинской, возникло и резко обозначилось такое стремление к культурному партикуляризму, которое в Германии никогда не обозначалось в такой форме и в настоящее время совершенно уже немыслимо?

Различие между Германией и Россией заключается именно в этом. В немецком населении Германии местные особенности языка и быта так же, если не более, велики, как и в русском населении России, но интеллигенция Германии никогда не задавалась тенденцией придать этому фактическому партикуляризму тот воинствующий характер, то идейное заострение, которое мы встречаем в России.

Общенемецкий язык начал складываться в XV веке в канцеляриях австрийских (пражской и венской), а также в саксонской (курфюршеской). Это был язык первоначально «приказный». Лютер своим переводом библии сделал саксонский «канцелярский» язык языком великого религиозного и идейного движения и тем завоевал для него весь немецкий мир*. Зачинателями общенемецкого языка, таким образом, были императоры, курфюрсты и другие государи с их чиновниками, с одной стороны, вожди духовного движения — с другой. Но ни в эпоху Лютера, ни позже, до XVII века не существовало еще

* Значение Лютера в истории немецкого языка оценивается, впрочем, различно разными, даже новейшими исследователями. Шерер и Бурдах (в своей *Nhd. Schriftsprache. Hall. Habilitationsschrift. 1883*, у меня имеется в виде двух первых листов недопечатанной книги) обрисовывают его роль и место в этом процессе иначе, чем Социн (*Schriftsprache u. Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache. Heilbronn, 1888*) и в особенности Клыге (*Von Luther bis Lessing. Sprachgeschichtliche Aufsätze. 4-e Auflage, Strassburg, 1904*).

единого немецкого книжного языка. Не только было еще разделение между нижненемецким и верхненемецким книжным языком; в сущности, в течение всего XVI века существовало несколько верхненемецких книжных языков. Немецкий народ в эту эпоху был многоязычен даже в литературном отношении*. В XVII веке, в эпоху величайшей политической раздробленности Германии, на основе великого дела Лютера было создано объединение Германии в области языка. Это объединение не поглотило отдельных языков, как «местных» и «народных» наречий, но оно создало единый язык литературы, школы, государственной и общественной жизни.

Кто же создал этот единый язык, который послужил могущественнейшим орудием национального объединения и во всех других областях? Конечно, создание единого языка было делом всего народа, но в самом народе активная роль в этом отношении принадлежала *интеллигенции*. В борьбе против стародавнего авторитета латинского языка в школе и науке, в борьбе с прельстительным для высших классов превосходством французской речи, в борьбе с государственным партикуляризмом, который отчасти опирался на вероисповедную раздвоенность немецкого народа, трудами ученых, литераторов, духовных, педагогов, т.е. интеллигенции, был выкован для народа единый национальный язык.

Создание единого национального языка, при сохранении местных особенностей, не притязающих на национально-государственное значение, было великим патриотическим деянием немецкой интеллигенции. Этим она оказала своему народу, его политическому и культурному развитию величайшую услугу. При династической раздробленности политического тела она создала единство национального духа.

Ни разу на пространстве этого 200-летнего процесса сложения общенемецкого языка (теперь он уже окончательно стал языком не только «книжным» или «литературным», но и действительно общенародным) мы не видим со стороны интеллигенции сколько-нибудь

* Это выясняет Бурдах в цит. выше сочинении.

серьезных и сознательных попыток противопоставить процессу этого объединения партикуляристские идеалы и тенденции, которые хотя бы в идее подрывали и разрушали национально-духовное единство, как факт прошлого, настоящего и будущего. Благодаря этой позиции интеллигенции вопрос о правах «местных» или «народных» наречий не получал того идейно-политического заострения, которое он получил у нас, например, в притязаниях и чаяниях лиц, отстаивающих «самобытную украинскую культуру».

Только при таком идейном заострении мог возникнуть самый спор о том, есть ли и должен ли оставаться русский язык «Полного Собрания Законов» и Пушкина *χουή* всех русских народностей. *Это заострение есть, конечно, дело интеллигенции и пока присутствует только в интеллигентском сознании.* В этом отношении я должен не только отвергнуть упрек в том, что рассуждаю как «русский интеллигент» и преподношу фантазии интеллигенции, но и перейти в наступление против моего оппонента. Пока заострение украинского партикуляризма есть задача и — *sit venia verbo*³ — выдумка еще чисто интеллигентская. Народные массы еще не вложились в эту борьбу, и от вовлечения их в нее зависит и возможность самой борьбы, как крупного общественного явления, и степень ее остроты. В народных украинских массах пока происходит, насколько я вижу, только стихийный процесс преобразования малорусского быта и языка элементами, которые несет с собой новая городская и промышленная культура, всеобщая воинская повинность, школьное образование на русском языке, русская книга и русская газета, распространение которых, как оно ни незначительно абсолютно, и теперь должно быть несравненно больше, чем распространение книги и газеты малорусской.

Из разговоров с «украинцами» я убеждался, что они пуще всего — и *объективно* они правы в своих страхах — боятся этого *стихийного* процесса поглощения и отмирания малорусского языка в самих народных массах. *Это — процесс, которому подвергаются в известной мере*

все диалекты под напором более могущественного и в то же время родственного книжного и вместе с тем живого языка, который есть зараз и язык государственности, и язык высшей культуры, и наконец язык новых экономических форм*.

Конечно, и сейчас можно в университетах читать специальные курсы на украинском языке (хотя зачем это делать, я откровенно не понимаю), но все-таки университетская культура в России, если в русской жизни не произойдут какие-нибудь огромные культурные перевороты, неразрывно сплетена с русским языком. То же, думается мне, следует сказать и о средней школе. Что касается начальной школы, то положение в ней местного языка, на котором дети начинают говорить и думать, определяется, конечно, педагогическими соображениями. Не будучи педагогом, я не берусь сказать, как следует учить прирожденного малоросса общерусскому языку. Но для меня не подлежит сомнению, что одна из главных, и образовательных, и практических задач начальной школы заключается в том, чтобы всякого русского приобщить к органу русской культуры, русскому языку, и что к этому нужно стремиться всеми разумными способами. Это нужно так же, как знание арифметики, это есть, если можно так выразиться, обязательная общегражданская грамотность. И в то же время «украинцы» правы, если они опасаются, что такое приобщение к русскому языку опасно для той будущности украинского языка, о которой мечтают они. Сделать из украинского языка «ровню» языку русскому после двух последних столетий русской истории можно только искусственными мерами, искусственно-оборонительными и искусственно-наступательными. «Естественное», «стихийное» развитие, опирающееся

* «Все наречия *plattdeutsch* в настоящее время испытывают жестокий натиск со стороны верхненемецкого языка, который, благоприятствуемый школой, церковью, казармой и, наконец, газетой, проник в самые отдаленные уголки Нижней Германии. Больше всего при этом страдают городские диалекты, так что трудно назвать теперь хоть один город, где бы большинство населения говорило на *plattdeutsch*, не затронутом верхненемецким языком. Лишь там, где настоящее крестьянство блюдет *plattdeutsch*, - там оно является чистым и обнаруживает силу сопротивления». Dr. Hubert Grimme. *Plattdeutsch Mundarten*. Leipzig, 1910, S. 16.

на могущественные процессы в экономической жизни, благоприятствует общерусскому языку.

Ведь не следует забывать, что он язык не только государственности, но и новой хозяйственной культуры. Капитализм разговаривает и будет разговаривать не по малорусски, а по-русски. Помимо этого, поскольку капитализм привлекает на украинскую почву «великорусское» население, он этим самым непосредственно вносит в первоначальную этническую цельность Украины известное разложение, могущественно усиливающее общерусский элемент в ущерб малорусскому. Этот экономический процесс было бы интересно изучить именно с *культурной* точки зрения, как борьбу партикуляризма с объединительными течениями, глубоко коренящимися во всем ходе нашего экономического и социального развития. Если в области промышленной культуры воздействие русской культуры на украинскую связано с возникновением и развитием южно-русской каменноугольной и металлургической, отчасти, вероятно, и свеклосахарной промышленности, то в области торговли оно обозначилось гораздо раньше. Еще Иван Аксаков в своем «Исследовании о торговле на украинских ярмарках»^{*} блистательно показал, что пионерами торговой культуры на исследованной им Украине явились великороссы, раса, вообще в торговом отношении чрезвычайно одаренная. «Малороссиянин, — писал Аксаков в своем поистине классическом исследовании, чтение которого должно доставлять наслаждение всякому экономисту с историческими вкусами, — не только прежде, но даже и теперь не ездит сам с товарами и за товарами в Великую Русь, никогда не ходит на заработки в северные губернии, и если необходимость заставляет его иногда двинуться с места, так он идет только на Юг, на Дон, в Бессарабию. Поэтому великорусские промышленники не стали дожидаться требования со стороны малоросса, а сами явились к нему, так сказать, на дом, соблазняя его товаром, избавляя его от хлопот перевозки, навязывая ему товар

^{*} СПб., 1858 г.

в бессрочный кредит. Сначала таможенные заставы, отделявшие Малороссию от России, еще останавливали это движение, но с уничтожением застав и с прекращением пошлинного сбора, тысячи русских ходебщиков Орловской, Владимирской и великорусских старообрядческих слобод Черниговской губернии спустились тучей на Украину и оживили ее сельские ярмарки.

Этот мирный промышленный набег, это постоянное вторжение деятельной, живой великорусской стихии не только продолжается и поныне, но еще и усиливается, с тою разницею, что бродячее торговое великорусское племя наконец оседает. По свидетельству купцов, городские центры лет уже с сорок тому назад стали возрастать: число капиталов в городах увеличивается. Но кто же усиливает эти городские центры в Малороссии? Великорусские торговцы. Если проследить происхождение всех сколько-нибудь значительных торговцев Украинских городов, то окажется, что все они родом из Калуги, Ельца, Тулы и других чисто великорусских мест. Ходебщики Ковровского и Вяземского уездов, Владимирской губ., известные под названием офеней, исходив сторону вдоль и поперек и ознакомясь с нею довольно, приписались к городам Новороссийского края — и большинство новороссийского купечества составлено из них. Не говорим про Сумы и Харьков, города, созданные русскими торговцами, но и в Полтаве, в Лохвицах, в Лубнах — везде ворочают торговлею «фундаментальною», по купеческому выражению, Русские; мелкою, розничною — евреи.

«Мы утверждаем это, основываясь на рассмотренных нами именных списках купечества во многих городах Малороссии и на личных наших расспросах, но мы имеем в пользу своего мнения свидетельство и за прежнее время. Шаронский, известный автор топографического описания черниговского наместничества, составленного в 1785 и 86 годах и изданного в Киеве в 1851 году, говорит на стр. 21, что в Малой России, кроме «нежинских греков, почти нет настоящих не только оптом торгующих купцов, но ниже порядочных щепетильников. Весь торг

красных и мелких товаров состоит в руках великороссийских купцов, которые их по частым ярмаркам развозят. Хотя же по городам, — продолжает Шаронский, — особенно в Киеве и есть из природных тамошних купцы, мелким разным товаром торгующие, но в сравнении великороссийских они весьма малое и недостаточное количество составляют». Далее, на 22 странице: «во всей малой России нет ни одного купца из природных малороссиян, который бы собственного денежного капитала тысяч 30 имел».

«Таким образом, малороссиянин сам почти не двигается с места, а удовлетворение его нужд и все торговые хлопоты приняли на себя Евреи и Великороссияне. И жид и Великороссиянин тормозят его беспрестанно, но туго поддается влиянию последнего упорный быт малоросса. Чем кончится эта внутренняя борьба, оживится ли дух малороссийского народа, проявится ли он в промышленности или на ином поприще деятельности, уступив поле торговли более способному племени, — мы не берем на себя решение этого вопроса, но указываем только на факт и предлагаем образованным Малороссиянам поверить наши указания статистическими исследованиями. Мы полагаем, что эти исследования приведут их, между прочим, к такому выводу, что малороссийские свободные, сельские и городские сословия переходят в значительном размере в сословие чиновническое, что только весьма малая часть записывается в гильдии, и что из записанных в гильдии весьма многие не производят никакой торговли»*.

Этот один факт, роль великороссов в торговой культуре Украины, показывает, как несообразно утверждать, что культурное объединение Малороссии с московско-петербургской Россией есть дело голого политического насилия или хотя бы только государственного приказа. Тут было и остается множество чисто культурных связей, действующих стихийно и неотвратимо, — связей, о которых часто не снится поверхностной, тенденциозно-воинствующей публицистике национального вопроса.

* Стр. 6 и 7.

Итак, моя точка зрения в украинском вопросе довольно ясно. Не имея ничего против культурных украинских стремлений, как стремлений поддерживать и пестовать «местные» особенности быта и языка, я сознательно и решительно высказываюсь против заострения этих «областных» тенденций до политического и культурного партикуляризма, отрицающего общерусскую культуру, ее орган и символ — общерусский язык, и стремящегося областное украинское начало поставить в один ряд и на одну ступень с национальной стихией, которая, по моему глубокому убеждению, в единой России должна быть в этом смысле единой.

Точка зрения эта должна быть, по крайней мере, теоретически понятна моему почтенному оппоненту. Он, как это явствует и из его письма, «драгомановец». Я очень высоко чту М.П. Драгоманова и считаю, что ему в русской политической публицистике принадлежат крупнейшие заслуги. Более того, я во многом схожусь с теми взглядами М.П. Драгоманова и на украинский вопрос, которые были высказаны им в его русских статьях, опубликованных в 70-х гг. XIX века*. Правда, многое я понимаю иначе, чем понимал Драгоманов даже тогда,

* Современные «украинцы» и в том числе Б.А. Кистяковский⁴, издатель русских *Политических Сочинений* Драгоманова, вышедших в Москве в 1908 г. и до сих пор, к сожалению, мало оцененных русской читающей публикой (пользуюсь случаем, чтобы настойчиво рекомендовать читателям эту замечательную книгу и вообще все сочинения этого крупного публициста-ученого), проводят разграничительную черту между взглядами Драгоманова до эмиграции и после эмиграции. «В его (Драгоманова) более ранних статьях заметно некоторое колебание при решении вопроса о значении и роли украинской литературы, но в позднейших работах, написанных за границей, эти колебания исчезли» (вступительная статья Кистяковского, стр. XXXV). Еще решительнее высказывается Сергей Ефремов⁵ в своей недавно вышедшей книге *История Украинского письменства, видано за допомогою Миколи Дмитрієва* (Видавництво «Український учитель»). Киев, без обозначения года, который говорит: «Власне Драгоманов і сам перейшов досить довгу й характерну еволюцію в своїх поглядах на українське письменство, і рік 1876 становить виразну границю між його початковими, скажу так — «українофільськими» поглядами і пізнішими, щиро вже українськими. В своїх перших працях» як «Рускіє в Галиції», «Літературне движєніє в Галиції» й особливо в серії статей, під псевдонімом Українець друкованих у «Правді» — «Література російська, великоруська, українська й галицька», стоїть автор ще на українофільському становищі. Українське письменство, нарівні з новішим (після Гоголя) письменством у самих великоросів, було тоді для його тільки частиною російського, — того, що «малює життя передової меншости так званої образованої громади», — погляд, що нагадує ніби ту «літературу для домашнього обихода», якою пекли українцям очи Слав'янофіли на початку 60-х років і яку згодом прийняли й поміркованіші українці як Костомаров» (стр. 359-360).

и это различие, думается мне, определяется не только и не столько различными симпатиями, сколько коренным *теоретическим* разногласием в понимании некоторых сторон социальной эволюции. Взглядами Драгоманова я воспользуюсь для того, чтобы осветить перед моим оппонентом и его единомышленниками занимаемую мною в украинском вопросе позицию.

Прежде всего укажу на то, что тогда Драгоманов признавал существование общерусской литературы и общерусского языка. В своей брошюре «По вопросу о малорусской литературе», изданной в 1876 г. в Вене*, Драгоманов ссылается на свои мне сейчас недоступные малорусские статьи, в которых он доказывал своим галицийским братьям**, что «в России действительно существует общерусская литература, которая вовсе не синоним великорусской или московской». Поясняя свою мысль, Драгоманов говорит, что эта литература «вовсе не противоположна русской или малорусской», что она есть «литература общества всероссийского, дворянско-чиновнического, продукт общей с XVIII в. *государственной* истории и культуры» (напр., в беллетристике «Онегин», «Мертвые души», «Рудин»). «Рядом с этой литературой, – продолжает Драгоманов, – после Гоголя растет народная *великорусская* литература (сказки Пушкина, большая часть комедий и драм Островского, народные пьесы Некрасова, педагогические издания, как *Родное Слово*, рассказы Петрушевского и др.), а еще раньше стала расти народная же украинская»***.

Не будучи в состоянии, по своей добросовестности и образованности, отрицать наличность общерусской стихии литературы и языка, Драгоманов, в данном случае отдавая дань своеобразному народничеству, критерий «народности» литературы усматривает в признаке социально-классовом. Народная литература с этой точ-

* Брошюра эта перепечатана во II томе заграничного издания «Собрания политических сочинений» М.П. Драгоманова, выпущенного редакцией „Освобождения» (Париж, 1906 г.), стр. 153-199.

** Ср. об этих статьях в цитированной ниже малорусской «Истории украинской литературы» Сергея Ефремова.

*** Стр. 16 отдельного венского издания.

ки зрения есть литература, да позволено будет так выразиться, простонародная, т.е. литература, либо близкая по языку к обиходной «народной» речи, а по изложению — к народному «стилю», либо написанная на сюжеты «народной» жизни.

Такое понимание «народного» характера выражается Драгомановым и в другом месте его брошюры. Цитируя из Добролюбова следующее место: «настоящие малороссы, свободные от влияния русского языка, так же чужды языку книжной литературы, как и наши простолюдины. Ведь и у нас (в Великороссии) язык книжной литературы собственно не русский, и через сто лет над нами, конечно, будут также смеяться, как мы теперь смеемся над языком ассамблей петровского времени», — Драгоманов прибавляет: «а смеемся мы именно вследствие того, что подвинулись по дороге к народному — великорусскому языку»*.

То понимание «народного» характера литературных произведений, которое обнаруживается в этих рассуждениях Драгоманова, так сказать, эстетически неприемлемо для современного сознания. «Народный» характер литературного произведения не определяется для нас социально-классовым критерием.

Но, будучи для нас субъективно-эстетически неприемлемым, это понимание в то же время представляется нам и объективно-социологически ошибочным. Тут опять-таки ясность взгляда такого беспристрастного и образованного ученого-публициста, каким был Драгоманов, затуманивается его народничеством. Именно народничеством, а не демократизмом. Фактически, конечно, в цитате из Добролюбова все оказалось неверным. Теперь, почти через сто лет после того как писал Пушкин, мы не смеемся над языком великого поэта, а восхищаемся этим до сих пор пленительно-живым языком; точно так же через 50 лет после смерти Добролюбова язык его не устарел, хотя многие его идеи многим из нас представляются порядочно устаревшими.

* Стр. 52-53 отдельного венского издания.

В демократизм как Добролюбова, так и Драгоманова было подмешано довольно много народничества. Поэтому в процессе демократизации литературы и культуры они не были достаточно чутки и внимательны к тому явлению, которое можно охарактеризовать как выравнивание по высшему уровню. Образование национальной литературы и общенародного языка есть именно явление такого порядка. Вообще развитие человеческих потребностей и средств их удовлетворения складывается из двух процессов. С одной стороны, происходит аристократическое выделение личности с ее вкусами и требованиями из широкой ее объемлющей среды: и отдельный человек и целые слои (классы, группы) хотят быть не такими, как другие, быть «отличными», лучше, красивее. С другой стороны, неудержимо совершается «демократическое» распространение, или правильнее было бы сказать, обобщение на широкую среду этих «аристократических» завоеваний «привилегированных» личностей и групп.

Это наблюдение применимо и к языку, который есть тоже средство удовлетворения человеческих потребностей. Книжный язык выделяется из устной речи по аристократическому «избранию». Но затем этот аристократический избранник демократизируется, становится всеобщим достоянием. Книжный язык демократизируется, когда и поскольку он становится разговорным.

Конечно, существует и обратный ток. Разговорный или устный язык становится в известной мере «книжным». Пушкин утверждал, что лучшим русским языком говорят московские просвирни. Лютер со свойственной ему мужичьей выразительностью говорил, что тот, кто хочет хорошо писать по-немецки, должен выпрашивать домовитую хозяйку, уличных мальчишек, рыночных торговцев и всем этим людям «auf Maul sehen» (буквально: «смотреть в харю»). Лютер и Пушкин учились у улично-го мальчишки и просвирни, но зато они заставили также учиться у себя и мальчишку, и просвирню.

В том и заключается демократическое призвание аристократов языка, чтобы, беря у улицы, в то же время

учить улицу. И это относится одинаково как к индивидуальным художникам языка, так и к целым аристократическим наслоениям языка. Язык высших классов может завоевать низшие классы; язык избранных может покорить себе массы.

Добролюбов, Драгоманов и вообще все народничество склонны видеть только, как Пушкин учится у просвирни. И они не замечают, как просвирия учится у Пушкина.

Между тем в образовании общенародного, национального языка эта сторона дела едва ли не важнее. Расстояние между книжной и разговорной *χοινή* уменьшается не только потому, что книга сближается с разговором и за ним следует, но также и потому, что книга нормирует разговор.

С исторической точки зрения совершенно несообразно игнорировать, что великие национальные языки рождаются столько же на улицах и в крестьянских избах, сколько и в канцеляриях и при дворе, в кабинетах литераторов и ученых.

Тот факт, что язык Пушкина, Гоголя и Тургенева был языком «дворянско-чиновнического общества», не мешал этому языку, вопреки Драгоманову, стать основой русского общенародного языка, на котором, худо ли, хорошо ли, говорит вся интеллигенция и полуинтеллигенция России и начинает уже говорить и весь «народ» и в специфическом «социальном» смысле этого термина. Конечно, в действительности живой и живущий язык всего народа есть целая лестница языков. На этой лестнице литературный или книжный язык — лишь аристократическая верхушка, подпираемая и питаемая множеством местных и даже индивидуальных наречий, на которых бесчисленные люди говорят и творят дело и безделье изо дня в день.

Но за то, что книжный язык есть такая аристократическая верхушка, он вовсе не заслуживает нашего демократического презрения. Это естественное и неотъемлемое положение книжного языка, вытекающее из его существа, соответствующее его идее — быть отвержен-

ной и в то же время текучей нормой еще более текучей, живой и живьем творимой речи.

Конечно, книжный язык может омертветь, но тогда история сама снесет его на кладбище, куда, как орган живого общения людей между собой, попал даже латинский язык, несмотря на то, что на нем писали великие мыслители и ученые вплоть до XIX века, что на нем отчасти записано первоначальное право великих культурных народов Европы.

Совершенно особый характер получил вопрос об языке и борьба за него в современной Греции. Тут ход вещей противоречит явно всем народническим схемам.

В новой Греции в качестве литературного языка утвердилась византийская, архаическая и архаизирующая, переработка аттической литературной *χοινή* (*Καθαρεύουσα*). Рядом с ней существует обиходный «народный» язык (*Δημοτική*), распадающийся на диалекты. Началось интеллигентно-народническое движение в пользу замены архаического книжного языка языком «народным». В этом движении приняли участие крупные писатели-интеллигенты, некоторые проживающие за границей ученые греки (например, Психари в Париже) и даже иностранцы (например, покойный знаменитый византист Крумбахер), а из политических партий — социалисты. Против этого движения вульгаристов (их прозвали *μαλλιαροί*, длинноволосые) восстала другая часть интеллигенции (в том числе большинство студенчества), и это «антинародническое» движение увлекло за собой народ. «Чистый» язык оказался национальным знаменем, и как национальный символ победил язык «народный». В итоге обильной перипетиями борьбы права «чистого» языка, как языка государственного, были в 1911 г. закреплены в конституции, и в нее введено специальное запрещение — без разрешения вселенского патриархата изменять словесную форму греческого текста Священного Писания (еще в 1901 г. попытки перевода Священного Писания на «народный» язык вызвали в Афинах кровопролитные уличные сцены). «Борьба теперь закончена, я думаю,

навсегда — пишет профессор Гейзенберг. — Народному языку в Греции предстоит та же участь, что во всех индоевропейских странах: с ростом культуры он оттесняется и медленно вымирает. И в Греции книжный язык сделал огромные успехи в своем распространении... Неудержимо, — говорит далее немецкий автор, — совершается тот же процесс, что у нас в области языка Plattdeutsch»*. Тот же автор справедливо замечает, что эта победа книжного языка сама по себе вовсе не означает омертвления народной речи. В том взаимодействии книжного языка и разговорной речи, в котором волею судеб и сознательным решением греческой нации руководящая роль присвоена языку книжному, достопочтенному наследию славного национального прошлого, и теперь творится и впредь будет твориться живой общенациональный язык.

Влествице русских языков и наречий, образующих живую «язычную» жизнь русских народностей, наш «книжный» или «литературный» язык есть в одно и то же время и аристократическая верхушка, и та словесная оболочка, в которую только и может облечься всенародный национальный дух. Аристократическая верхушка — потому что на нем творили великие художники слова, добытчики нашей мировой славы, на нем с петербургского Синая изрекало свою волю великодержавное государство. И в то же время — непререкаемая словесная оболочка всенародного, национального духа, ибо убог и жалок, беспомощен и безграмотен в национально-духовном смысле тот русский человек, где бы он ни родился, на Москве, на Украине или в Петербурге, который не может понимать Пушкина и Льва Толстого, не может сознательно прочесть манифестов 19 февраля и 17 октября.

Я бы хотел тут для разъяснения своей мысли призвать в свидетели того же М.П. Драгоманова.

Обсуждая на основании западно-европейской литературы вопрос о значении местного языка в начальной школе, Драгоманов в 1874 г. на страницах *Вестника*

* Ср. Professor August Heisenberg. Die jüngste Entwicklung der Sprachfrage in Griechenland in *internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst u. Technik* №22 за 1911 г.

Европы отстаивал и обосновывал идею местных «книг для чтения» («читальников», как писали тогда). «Для таких читальников даже такие чисто-этнографические и филологические подразделения России, как Малороссия, Белоруссия, Великороссия, будут слишком крупны, ибо, например, и наречия, и условия быта, а следовательно и наглядного образования степной великорусской Саратовской губернии, будут совсем иные, чем лесной Вологодской и т.д. Для России, быть может, будет нужно 30-40 букварей и 10-15 читальников, которые бы, *начиная разное учить дитя читать, наблюдать окружающее и знать далекое, кончали бы одним и тем же, т.е. делали подрастающего сознательным гражданином России*, знающим ее и владеющим ее литературным языком, органом общественной и нравственной ее жизни, и в то же время давали ему возможность сознательно владеть всем материальным и нравственным богатством местной родины»*.

Превосходная мысль и превосходная формула! Попробуем уяснить себе ее смысл. В выше цитированной нами заграничной брошюре о малорусской литературе Драгоманов изъясняет, с ссылкой на статьи в *Вестнике Европы*, что он никогда не требовал «изгнания» русского литературного языка из малорусских школ и что он настаивает только на «постепенном переходе от местного народного языка к государственному в элементарных школах».

В той же брошюре Драгоманов ставит малорусское движение в один ряд с новокельтским и провансальским движением и с литературным возрождением Plattdeutsch трудами Клауса Грота и Фритца Рейтера. Это совершенно верное сближение, но его именно и оспаривают радикальные украинцы по отношению к украинству в пределах России. Правда, Драгоманов, по своему народничеству, сильно преувеличивал значение и силу таких движений, как новокельтское, провансальское и нижне-немецкое (т.е. plattdeutsch) возрождения. По отношению

* Статья «Народные наречия и местный элемент в обучении». *Вестник Европы*, 1874 г., август, стр. 570.

к Plattdeutsch он находился под влиянием довольно фантастических воззрений Клауса Грота, которые теперь не нуждаются даже в опровержении*.

Любопытно вообще, что Драгоманов, как народник и областник, преувеличивал местные различия, их устойчивость и способность к развитию. Он, по-видимому, не сознавал, что в условиях современной социальной эволюции объединительные тенденции, во всяком случае, внутри больших этнических групп, не могут не играть большей роли, чем тенденции и силы дифференцирующие.

Современное хозяйственное развитие, создавая в целом ряде областей и отношений новую дифференциацию, в области языка имеет тенденции обобщать и нивелировать. Так же, как Гамбург по экономическим причинам, несмотря ни на какую агитацию, не мог бы вернуться в культурной жизни к нижненемецкому языку, который в начале XVII века уступил там место верхненемецкому, так, по экономическим же причинам, Киев, Одесса, Екатеринбург, Харьков не могут говорить по-малорусски. Вообще я сомневаюсь, может ли даже в качестве местного языка малорусский язык держаться и удержаться в городах. А ведь в культурной жизни современных народов руководящая роль во многих, если не во всех отношениях принадлежит городу вообще и, в особенности, большому городу.

Тут я перехожу к одному пункту, в котором обнаруживается мое разногласие с Драгомановым. Последний, как мы видели, признавал (в первой половине 70-х гг. по крайней мере) за общерусским литературным языком положение и значение языка государственного.

Но *pointe* моей мысли заключается в том, что общерусский язык в его обоих проявлениях, и как письменная *χοινή*, и как *χοινή* разговорная, есть для русских племен язык более чем государственный, есть язык общекультурный и общенародный. Мне могут указать, что тот язык, который я называю русской разговорной *χοινή*, не-

* Ср. о них, между прочим, выше цитированные сочинения Socin`a и Grimme.

доступен необразованному прирожденному малороссу или белоруссу, а что русская письменная *χοινή* не всегда доступна даже простолюдину-великороссу. Но это указание будет просто ссылкой на общеизвестный факт русской народной безграмотности, на плачевное состояние народного образования в России. Крестьянин Вюртемберга или Шлезвига отличается от крестьянина Минской, Полтавской, Орловской губерний не тем, что первый утратил, а второй сохранил свое местное наречие, а тем, что один безграмотен и темен, а другого школа и жизнь делают — по выражению Драгоманова — «сознательным гражданином» своей родины, который рядом с местным наречием в известной мере владеет и общенародным языком, символом и орудием национальной культуры.

При таком понимании проблема общерусской культуры и общерусского языка не совпадает целиком с политической проблемой государственного устройства России. Можно представить себе, что Россия в своем государственном и административном устройстве будет развивать начала областной самостоятельности и даже приблизится к федеративному строю.

Это предположение само по себе несколько не устраняет вопроса о культурном преобладании общерусского языка в русской России. Когда сопоставляют Россию с Австрией и пророчат ей австрийскую будущность с таким развитием многокультурности, которое устраняет самое понятие государственного языка, то забывают все-таки, что русская Россия внутри себя никогда не сможет представить австрийской «фигуры», что история создала, создает и будет создавать культурное единство русского племени. Никакой политический переворот не сможет разрушить этого единства. Тот факт, что великорусский элемент лег в основу русской литературной и разговорной *χοινή*, не может быть устранен, думается мне, никакими политическими средствами. Это основной факт русской культуры, исторически обусловленный нашим

государственным развитием, но уже независимый от политических форм и административных порядков.

Я не сомневаюсь однако в том, что политическое заострение областных культурных стремлений сможет внести много нежелательного и прямо-таки разрушительного в русскую жизнь. Если, например, малорусская интеллигенция будет нести в народ систематическую проповедь, что культурная гегемония общерусского языка держится только политическим насилием, «панским» господством, есть бюрократическое измышление, — этим будет натворено много вреда.

От различного отношения украинской интеллигенции вопреки моему почтенному оппоненту, я полагаю, что украинскому движению в России интеллигентский характер присущ гораздо больше, чем всем другим нашим общественным движениям — к своим собственным задачам зависит и содержание, и тон ее культурно-просветительной деятельности. Одно — культивировать свой «местный» быт, его особенности, родной язык, его литературу, носящую интимный характер, пахнущую землей, другое — сознательно работать над созданием национальности и широкой национальной культуры. До известной степени эти задачи идут даже вразрез одна с другой. Русский письменный, а за ним и разговорный язык, став из великорусского общерусским, вдосталь нахлебался шведско-остзейской канцелярщины и до сих пор с трудом переваривает те французские и немецкие заимствования, которыми его обогатила и продолжает обогащать интеллигенция, и за которыми неудержимо тянется, вопреки всякому народничеству, и народ.

Эта быль молодцу не укор. Только выйдя на широкий путь жадных заимствований, только побывав в учениках у Вольтера и немецких «гелертеров», только прогнанный сквозь строй сотен томов «Полного Собрания Законов» русский язык мог стать органом великого национального целого, языком великой мировой державы. Из шведско-немецко-французской купели русский язык вынырнул силачом. Так же было и с немецким языком.

Все яснее и яснее становится теперь, когда началось систематическое обследование рукописного наследия той эпохи, что образование общенемецкого, т.е. новонемецкого языка произошло в процессе целого культурного переворота, который характеризуется идущей сверху жадной рецепцией римского и канонического права, вытесняющего право национальное, рецепцией искусственного риторического латинского стиля и синтаксиса, который стал основой синтаксиса новонемецкого языка, рецепцией «западных» настроений и идей гуманизма и ренессанса. Национальное духовное объединение совершилось через космополитическую учебу. Только поколение Гёте и Шиллера, действительно, переварило и усвоило все заимствования, претворив их в национальную ткань*.

Нет ни малейшего сомнения в том, что при создании общенародного языка всегда пропадают известные краски, язык теряет свою интимность, свою «земляность», ибо удаляется от земли, перестает прямо и просто вырастать из цельного «быта». Когда Драгоманов в 1874 г., отстаивая малорусский язык в начальной школе, предлагал составление для всей России 10-15 различных книг для чтения («читальников»), тот малорусский язык, о котором он помышлял, совсем не предназначался к роли языка целой национальной культуры. Я думаю, что «земляной», «местный» малорусский язык в значительной мере погибает и погибнет в том новом малорусском языке, который украинские патриоты горделиво мечтают поставить, как равнозначный и равноправный, рядом с языком «Полного Собрания Законов» и Пушкина. Правда, малорусский язык как «книжный» имеет свою историю, но эта история, так сказать, усеченная; правда, в Галиции малорусский язык и теперь занимает такое культурно-социальное положение, которое заставляет его вырастать в национальный язык маленькой на-

* Cp. Konrad Burdach. Bericht über Forschungen zum Ursprung der neuhochdeutschen Schriftsprache und des deutschen Humanismus (Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie d. Wissenschaften vom Jahre 1903). Стр. 5-6 отдельного оттиска.

циональности, но в Галиции нет естественной почвы для того общерусского языка, который создан вместе с современной Россией и ее создал, и с которым язык малорусский должен здесь «считаться и посчитаться» совсем иначе, чем в Галиции – с польским.

Таким образом, перед «украинским движением» в России и тем самым, по крайней мере, теоретически и перед малорусским языком – два пути. Один путь – скромного областного развития. На этом пути малорусский язык будет сохраняться (главное – сохраняться!) и расти как местный язык, как язык местной художественной литературы и, может быть, в известных границах, определяемых чисто педагогическими соображениями, как язык местной начальной школы; на этом пути он может облюбить свои краски, он будет держаться и освежаться в «народных» низах, в тех тихих и глубоких заводях народной жизни, в которых сельский, главным образом, быт укрывается от всеуравнивающей и вседробящей железнодорожной, фабричной, митинговой, кафешантанной и кинематографической цивилизации. На этом пути не может возникнуть никакого ни соперничества, ни еще менее враждебности между «общенародной», национальной и местной стихией.

Но возможно поставить украинское движение на другие рельсы и указать малорусскому языку другой путь. Возможно, конечно, дать и этому языку общественное и государственное задание, вывести его из тихих закоулков сельского быта, где его интимную речь подслушивает народолюбивый слух поэтов природы и быта, и привести на политическое торжище, сделав организующим орудием в социальной и политической борьбе. Тут речь, конечно, будет идти не только о наиболее целесообразном обучении в начальной школе; не о широчайшем распространении священного писания, не о том, чтобы любовно поддерживать и блюсти бытовые особенности, которым угрожает нивелирующая цивилизация. Нет, тут ставится проблема создания из местного «быта» и «наречия» новой национальной и всеобъемлющей культуры,

которая должна соперничать с культурой общерусской и вытеснять ее с территории «этнографической» Украины. Новейшие идеологи украинства обозначают первое понимание малорусской проблемы как «украинофильскую» точку зрения — на ней стоял Костомаров всю свою жизнь, а Драгоманов — по крайней мере до 1876 г. Второе понимание, которое, по-видимому, владеет теперь умами малорусской интеллигенции, именуется «украинской» точкой зрения*. Мой почтенный оппонент Украинец колеблется между этими двумя точками зрения, пытаясь сохранить в столь странном положении какое-то равновесие.

Я не думаю, чтобы это было возможно. Я не думаю также, чтобы со стороны русской общественной мысли было правильно замалчивать истинное положение вещей и, по временным соображениям политической тактики, стирать те резкие грани, которыми одно понимание вопроса отделяется от другого. Разногласие это таит под собой огромную культурную проблему, чреватую — если интеллигентская «украинская» мысль ударит в народную почву и зажжет ее своим «украинством» — величайшим и неслыханным расколом в русской нации, который явится, по моему глубочайшему убеждению, подлинным государственным и народным бедствием. Все наши «окраинные» вопросы окажутся совершенными пустяками в сравнении с такой перспективой «раздвоения» и — если за «малороссами» потянутся и «белоруссы» — «растрояния» русской культуры.

Могут сказать, что господствующая теперь реакция делает неблагоприятным обсуждение всех этих проблем. Конечно, в реакционных сумерках все серо и все красно. Конечно, законные культурные требования и проведение принципа формального равноправия смешиваются властью и вдохновителями реакции в одну кучу с радикальным партикуляризмом. Но в этом — помимо непосредственной вредности политической реакции — именно и заключается ее опасность для будущего

* Ср. выше цитату из г. Сергея Ефремова.

страны и нации. Заменяя борьбу культурных и политических направлений полицейскими преследованиями, отрицающими право и возмущающими правосознание, реакция усыпляет общественную мысль, делает ее вялой, рыхлой, я бы сказал, тупой. Когда реакционеры вопят о «мазепинстве» и рисуют какие-то фантастические картины австрийско-польско-украинской войны с Россией в целях отторжения от нее Украины, когда в диком бессмыслии Меньшиковы призывают полицейских скорпионов против малорусского театра и малорусской литературы, все эти реакционные неистовства наносят двоякий вред общерусской культуре. Они, с одной стороны, озлобляют и ожесточают малороссов и тем самым питают радикальный украинский партикуляризм с его противонациональными и противогосударственными настроениями. С другой стороны, они заставляют людей, которым противно всякое полицейское насилие, отстраняться от изучения и осмысливания с истинно государственной точки зрения тех трудных национально-политических проблем, которыми полна жизнь нашего государства, и либо закрывать глаза на эти проблемы, либо их замалчивать, либо, наконец, трактовать их с недостаточной прямоотой и глубиной. Недавно в заседании одного московского общества академик Ф.Е. Корш⁶ укорял русскую интеллигенцию за то, что она незнакома с украинским движением и не вдумывается в него. Это верно и в отношении тех, кто взывает к полиции и ее средствам против вполне законных стремлений в духе культурного украинофильства. Но это не менее верно и в отношении тех, кто, по благодущию или невниманию, с культурным украинофильством смешивают воинствующий партикуляризм, желающий областное начало поставить на место общенационального и тем самым покушающийся на культурное единство русской России. Та националистическая реакция, альфой и омегой которой являются полицейские меры преследования, между прочим тем и опасна, что в остальном обществе она поселяет равнодушные и недомыслие. Но из-за того, что политическая ре-

акция без смысла бьет на все стороны и топчет право, не следует, чтобы общественная мысль должна была погрязать в тупом благодушии, в то время когда в жизни зреют жестокие проблемы и сеются великие бури.

Не может подлежать сомнению, что когда падет реакция, все эти вопросы, и в том числе и проблема украинская, встанут с гораздо большей ясностью. К этому моменту должно сознательно готовить себя русское общественное мнение.

Я лично полагаю, что, будучи по традиции украинофильским (по новейшей терминологии), русское прогрессивное общественное мнение должно энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с «украинством», как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории — общерусскую культуру.

Струве П.Б.

Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение

Великие события, которые разыгрываются на наших глазах, будут несомненно способствовать здоровому решению целого ряда наших внутренних вопросов. Какие бы не предвиделись и не были возможны колебания и ошибки, есть что-то поистине *направляющее* и *оздоравливающее* в самих событиях. Они сдувают или сдунут всякую пыль и гниль, они освободят здоровые ростки и силы, дадут им развернуться и окрепнуть.

Так, разом наметились правильные пути к решению польского вопроса. И на другом вопросе, я уверен, события скажутся таким же оздоравливающим образом. Я разумею так называемый «украинский вопрос». В этом вопросе до сих пор сталкивались, в сущности, крайние точки зрения. С одной стороны, имеется налицо какая-то странная подозрительность ко всему малорусскому, ставившая на место здоровых государственных начал и принципов чисто полицейское отношение к областным особенностям. С другой стороны, в русском общественном мнении не столько настоящую симпатию, сколько отчасти равнодушное, отчасти сентиментальное снисхождение, находила себе вздорная мысль, что малорусская культура есть культура, которая может притязать на место рядом с культурой общерусской или, попросту, русской. Русская же культура трактовалась как какая-то «великорусская», или «областная», тогда как исторически и политически «великорусское» начало есть лишь основа культуры общерусской, единственной *национальной* культуры в единой русской земле.

Отсюда вытекали разные несообразные требования, в сущности, совершенно доктринального свойства, в своем осуществлении грозившие разрушить единство русской культуры.

На продолжении этой тенденции лежит идея «украинского» государства, «украинской» автономии и т.п. требования. Ни для кого не секрет, что в Галиции, именно государственной оторванностью которой от общерусской культуры и раздуто «областное» и «местное» до значения «национального», эти идеи и требования служили радикальной «украинской» интеллигенции материалом для любезной австрийцам и германцам *противорусской* агитации, направленной на отторжение от России целых громадных ее областей, как якобы не русских, но «украинских», и на вытеснение России чуть ли не в Азию.

Только что мне на глаза попался номер «*Berliner Tageblatt*» от 1-го октября нового стиля, в котором видный член «украинской» фракции австрийского рейхсрата д-р Евгений Левицкий¹ развивает следующий проект.

Весь юг и юго-запад России должны образовать независимую «Украину». *«Московитская Россия должна быть оттеснена от Черного моря, и между Россией и Балканами в областях Украйны должен быть против России продвинуто засов».*

Неизвестно чему, — наглости ли автора этого проекта, или его круглому невежеству, — следует приписать то, что он Одессу, Николаев (автор пишет «Миколаев»), Херсон называет «украинскими» городами, очевидно желая возбудить в доверчивых немецких читателях мысль, что эти города напрасно считаются русскими. Всякий, знакомый с историей и действительностью России, знает, что Одесса, Херсон и Николаев — суть создания русского государства на почве, в вековой борьбе отвоеванной им у Турции, и что даже, если признавать существование «украинской» национальности, то исторические и реальные права ее на названные русские города, пожалуй, меньше даже, чем права Турции.

Г-н Левицкий настойчиво приглашает Дунайскую монархию и союзную с ней Германскую Империю к *«хозяйственному проникновению»* в будущую «независимую Украину», обещая при этом великую наживу германскому капиталу и предприимчивости. Современная же Украина, по словам «украинского» депутата, изнывает якобы не только под политическим, но и под экономическим гнетом московитского государства!

В беззастенчивой противорусской агитации таких «украинцев» как г-н Левицкий есть несомненно полезная сторона. Эта агитация способна отрезвить русское общественное сознание и изменить его от невнимательно-равнодушного отношения к так называемой «украинской» проблеме. «Украинская» опасность не есть выдумка, но она существует и будет существовать *лишь* постольку, поскольку притязания так называемых «украинцев» на какую-то особую государственность и национальную культуру рядом с культурой общерусской не будут в русском образованном обществе встречать надлежащего отпора. В рамках Великой России, которая не есть вовсе «Великороссия», т. е. не есть областная величина и сила, а величина и сила *национальная*, должно быть место для малорусского наречия и для областных особенностей малорусской ветви русского народа. Но эти скромные и законные областные требования, вполне примиримые с естественным и необходимым *господством общерусской культуры, как единственной национальной культуры единого русского народа*, не могут и не должны иметь ничего общего с «украинством» в той его извращенной форме, в которой оно является орудием борьбы «австро-германизма» против единой и нераздельной России.

Не будем делать себе иллюзий: всякое расширение украинства за пределы начала областного, всякое превращение его в начало национальное, сталкивает его с фактом и идеей единой и нераздельной России, той великой России, которая в 1914 г. вступила в бой с австрийской ложью и германским насилием.

Австро-германское украинство гг. Левицких да будет для одних устрашающим, для других предостерегающим знаменем и примером той огромной культурной и политической опасности, той великой измены всей русской истории, которую несет с собой самая мысль о *раздвоении* русской культуры и национальности. Для того, чтобы утвердить такое раздвоение, действительно нужно с военной помощью австро-мадьяр и германцев прогнать Россию с Черного моря, т. е. вычеркнуть два века русской истории.

Однако современные К.У.К. («цесарские и королевские») Мазепы *опоздали* именно на два века.

Бердяев Н.А.
Россия и Великороссия

I.

Ядро России подверглось в процессе революции наибольшему разложению, оно стало очагом большевизма. Многие даже видят в большевизме характерно великорусское явление. В великорусском племени есть метафизическая истеричность и склонность к болезненной одержимости. Это чувствовалось всегда в великорусских сектах, в самосожигателях, в хлыстах, это гениально отразилось в творчестве Достоевского, это обнаруживается в неспособности признать права относительного, в исключительной склонности к крайнему и предельному. Малороссы более рассудительны, в них сильнее инстинкт самосохранения.

В Малороссии не было того духовного напряжения, которое вызвано было татарским игом, и там всегда сильнее были западные влияния. Нет национальности великорусской, как нет национальности малорусской, есть лишь русская национальность. Но существуют племенные особенности, которых отрицать невозможно. И великорусские особенности оказались роковыми в ходе революции.

Н.А. Бердяев

Сила, собиравшая Великую Россию, уничтожила своё собственное тысячелетнее создание. Русская революция существенно отличается от всех бывших в мире революций и более всего от революции французской — она разложила Россию, единую и великую, и тяжело ранила русское национальное чувство. Россия — величайшее в мире государство — рассыпалась в несколько месяцев, превратилась в кучу мусора. Дело всей русской истории, дело собирания России с Ивана Калиты, дело Петра Великого, дело всей русской культуры — Пушкина и Достоевского — отменяется, истребляется, объявляется ненужным, злым делом. В русской революции обнаружилась темная реакционная стихия, враждебная историческому прогрессу, враждебная всякой культуре большого стиля. Такого отречения от собственной истории, такой измены великим историческим заветам не было ещё никогда и нигде. Это — самоубийство народа, отказ его от великого прошлого и великого будущего во имя корысти данного мгновения, из нигилизма, объявшего душу народную. Ныне живущее поколение русского народа не выдержало исторического испытания, оно не пожелало нести жертвы, которых требуют великие задачи, оно размотало полученное от предков наследство, принадлежащее не ему одному, но всем потомкам. Россия великая и единая, великое и единое русское государство, великая и единая русская культура созданы не нашим поколением, за ними стоят подвиги, жертвы и усилия многих поколений, всего русского народа на протяжении тысячелетнего существования. Русский народ имеет свою единую, неделимую судьбу, свой удел в мире, свою идею, которую он призван осуществлять, но которой может изменить, которую может предать в силу присущей ему человеческой свободы. Распадение связи времен, полный разрыв между прошлым и будущим, надругательство над великими могилами и памятниками прошлого, жажда истребления всего бывшего и отошедшего, а не воскресения его для вечности, есть измена идее народа, как великого целого, есть предательство ценностей, непреходящих по

своему значению. Русский народ в самый ответственный час своей истории отрекается от великого во имя малого, от далекого во имя близкого, от ценностей во имя благополучия призрачного и преходящего. На место Петра возносятся Ленин и Троцкий, на место Пушкина и Достоевского — Горький и безымянные люди. Пушкин предвидел эту возможность и гениально раскрыл её в «Медном Всаднике». Произошло восстание Евгения, героя «Медного Всадника», против Петра, маленьких людей с их маленькими и частными интересами против великой судьбы народа, против государства и культуры. И нарушен был завет Пушкина:

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия.
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут,
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!*

Само явление Пушкина возможно было потому, что Петр «вздернул Россию на дыбы», приобщил к мировой культуре и уготовил русскому народу удел великого народа. Но маленький Евгений не хотел принять великой судьбы народа, он в ужасе отступил перед жертвами, которых требует эта судьба.

*Добро, строитель чудотворный!
Шепнул он, злобно задрожав,
Ужо тебе.*

Он не мог примириться с гибелью своих личных, частных надежд, не вынес столкновения великого дела Петра со своими маленькими делами, со своей маленькой судьбой. Не мирилась с этим и большая часть русской интеллигенции, а ныне не вынес этого взбунтовавшийся народ

русский. В русской революции и в предельном её выражении — большевизме произошло восстание против Петра и Пушкина, истребление их творческого дела. Долгий идейный путь русской интеллигенции с Белинского вел к этому восстанию и истреблению. Традиционное русское народничество всегда было враждебно великому государству и великой культуре, всегда требовало свержения ценностей во имя народного блага и народных интересов, истребления качеств во имя количества.

II.

Многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он сознавал эту органическую связь. Он был поэтом императорской, великодержавной России. Связан с делом Петра и со всем петербургским периодом русской истории и Достоевский. Своеобразное славянофильство Достоевского не мешало ему иначе оценивать Петра, чем оценивали его старые славянофилы. Все герои Достоевского — герои петербургского, императорского периода русской истории. В душе их отразилась вся сложность судьбы Великой России. Великая русская литература связана с великим русским государством. Русская литература поведала всему миру о существовании единой нераздельной России, духовно объединенной единым, царственным русским языком. Эманации великого русского языка покоряли все народности, населяющие Россию, духовной мощью своей заставляли признать русскую литературу своей литературой, вызывали сознание принадлежности к единой, великой культуре Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого. Ныне посягнули на это царственное значение русского языка. Первыми посягнули украинцы, которые совершают отступничество от народа Пушкина и Достоевского, свержают царственный русский язык во имя малорусского наречия и разделяют Россию. Побеждают духи партикуляризма, провинциализма, сепаратизма. Эти духи, эти

мелкие бесы так же разрушают Великую Россию и русскую культуру, как и большой бес интернационализма. Отрицается с разных концов существование России, русского народа, русской идеи. **Русское** подменяется частными, партикуляристическими определениями, в том числе и **великорусским**. Великий русский народ не хочет более существовать, он уступает место каким-то новым, частным, малым образованиям, он раздавлен сверху отвлеченным чудовищем интернационала, снизу мелкоэгоистическими национальными самоутверждениями.

Вот почему нужно прямо и решительно заявить — никакой великорусской культуры нет, как нет и культуры малорусской, есть только единая русская культура, объединенная великим русским языком, который не есть язык великорусский. Нет великорусской истории, есть лишь русская история. Образование северного великорусского государства и великорусской культуры было бы завершением распада России, возведением болезни, переживаемой Россией, в идею. Провинциально-областных особенностей Великороссии и великорусского племени, равно как Малороссии и малорусского племени, никто не отрицает. Но национальность есть лишь русская, а не великорусская и малорусская, культура русская, государство русское, охватывающее многие провинциальные особенности. Великороссия есть лишь центральное ядро России, вокруг которого образовалось русское государство и русская культура, но весь смысл существования этого ядра в том, что оно являлось носителем русской великодержавности и русской культурной идеи.

III.

Россия не только географическое понятие, она измеряется не только материальными пространствами. Россия прежде всего духовное понятие, она имеет внутреннее измерение, не прикрепленное ни к каким губерниям и областям... Духовно существует Россия, русский народ и русская культура. Она задумана в мысли Божьей, и бытие её превышает наше ограниченное эмпирическое существование. Разрушить замысел Божий не в силах

злой человеческий произвол. Духовного бытия России не могут убить никакие материальные катастрофы. Если от России останется лишь одна из великорусских губерний и в ней лишь небольшая кучка людей останется верной духовному бытию России и идее России, то и на этом небольшом пространстве, в этой небольшой кучке будет продолжать существовать Россия, и она перейдет в вечность. И загнанные в катакомбы, мы будем продолжать себя чувствовать сынами России и будем верны великой русской культуре Пушкина и Достоевского, подобно тому, как мы будем продолжать себя чувствовать христианами и сынами церкви и после того, как гонения на церковь Христову загонят нас в катакомбы и там придется нам творить свои молитвы. Никакая внешняя, материальная судьба не может нас заставить изменить русской идее. Верность до конца возможна и тогда, когда не осталось уже никаких земных надежд. А нам рано ещё терять всякие надежды. Россия может ещё воскреснуть. Быть может, она должна была умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни. В этом великая тайна христианского искупления, существующая не только для отдельных людей, но и для целых народов. В русскую идею входит страдание, как необходимый внутренний момент. Пусть лучше существует страдающая, больная и неустроенная Россия, чем благоустроенные и самодовольные штаты Великороссии, Малороссии, Белороссии и других областей, возомнивших себя самостоятельными целыми.

Распадение России, отделение от нее окраин поставило центр великорусский в трагическое положение. Необходимо оздоровить и организовать великорусский центр России. Это вполне оправданное и здоровое движение. Но оно не должно поддаваться заразной болезни распада и провинциального партикуляризма. Колонизация окраин, которая совершалась на протяжении всей русской истории, не была злым недоразумением, это был внутренне оправданный и необходимый процесс для осуществления русской идеи в мире. Так называемая Великороссия сама по себе не могла и не может существовать, она обречена на бедственное и нищенское су-

ществование. Нельзя мыслить Великую Россию без юга, без его богатств. И нельзя не видеть страшной измены и страшного преступления в разрушении всего дела русской истории, осуществлявшего идею России.

Русский народ должен был пройти через неслыханные унижения и падения, чтобы в нем пробудилось сознательное национальное чувство и сознательная национальная активность. Огромное значение в оздоровлении русского народа и в освобождении его от злого наваждения будет иметь начавшееся гонение на церковь. Революция посягнула на святое святых народной души, она обнаружила свою антихристианскую природу, как раньше обнаружила антинациональную природу. И если жив ещё русский народ, если он не окончательно духовно погиб, в нем должно пробудиться острое религиозно-национальное чувство. Великий народ может достойно существовать, если он останется в глубине своей верен вечным духовным основам своего существования. Франция и после всех падений и измен остается в духовной своей основе Францией средневековой, католической, рыцарской, в ней не окончательно умер тот дух, который предков нынешних французов подвинул на крестовые походы. Это почувствовалось во время войны. Православная церковь не только святыня для всякого верующего, но и великая ценность, великое духовное сокровище русской культуры, духовная основа жизни русского народа. С церковью связана и русская идея, призвание русского народа в мире. Если русский народ окончательно перестанет быть христианским народом, то он потеряет своё значение в мире. Должна быть осознана русская идея, национальная и религиозная, выводящая нас в мировую ширь, преодолевающая всякий замкнутый национальный провинциализм. История идет к соединению, а не к разъединению, т. е. христианство должно побеждать в ней языческий партикуляризм. Русская идея, вдохновленная вселенским христианством, победит и страшного беса интернационализма — это отвратительное искажение идеи вселенского единства и братства человечества.

Трубецкой Н.С.
К украинской проблеме

1.

Петровская реформа составляет резкую грань между двумя эпохами истории русской культуры. С первого

Н.С. Трубецкой

взгляда кажется, что при Петре произошел полный перерыв традиции, и что культура послепетровской России не имеет ничего общего с допетровской, ничем с ней не связана. Но такие впечатления обычно бывают ошибочны: там, где с первого взгляда существуют такие резкие перерывы традиции в истории какого-нибудь народа, ближайшее рассмотрение большей частью обнаруживает призрачность этого перерыва

и наличие с первого взгляда незаметных связей между двумя эпохами. Так обстоит дело и с отношением послепетровской культуры к допетровской. Как известно, историки русской культуры постоянно указывают на целый ряд явлений, связующих послепетровский период русской культуры с допетровским и позволяющих утверждать, что петровская реформа была подготовлена определенными течениями допетровской культуры. Если окинуть взглядом все эти доказываемые историками связующие нити между допетровской и послепетровской культурой, то получается картина, которую можно опи-

сать так: о резком и полном перерыве традиции можно говорить только в том случае, если под «русской культурой» разумеется только ее великорусскую разновидность; в культуре же западнорусской (в частности украинской) при Петре резкого перерыва традиции не произошло, а поскольку эта украинская культура и до Петра начала проникать в Москву, порождая там определенные сочувственные ей течения, можно считать, что культурная реформа Петра была подготовлена и в Великоруссии.

В течение XV, XVI и первой половины XVII века культура Западной Руси и культура Руси Московской развивались настолько разными путями, что к половине XVIII-го века различие между этими двумя культурами стало чрезвычайно глубоким. Но, в то же время, живое сознание общерусского единства и общности византийского культурного преемства не позволяли рассматривать обе культуры как вполне независимые друг от друга и заставляли смотреть на эти две культуры, как на две разные редакции (разные индивидуации) одной и той же общерусской культуры. После присоединения Украины на очередь стал вопрос о слиянии обеих этих редакций русской культуры воедино. При этом, однако, вопрос ставился в форме довольно обидной, как для великорусского, так и для малорусского* национального самолюбия: думали не столько о слиянии обеих редакций русской культуры, сколько об упразднении одной из них, как редакции «испорченной», и сохранении другой, как единственной «правильной» и подлинной. Украинцы считали московскую редакцию русской культуры испорченной благодаря безграмотности москвичей, попрекали москвичей отсутствием школ и кичились перед ними постановкой школьного дела. Москвичи же считали украинскую (вообще западнорусскую) редакцию русской культуры испорченной благодаря еретическому латинско-польскому влиянию. Может быть, благоразумные люди понимали,

* Говорим «малорусский», «украинский», хотя во всех этих случаях правильнее было бы говорить «западнорусский»; в названную эпоху в верхних (в культурном отношении) слоях западнорусского общества различия между малороссами и белоруссами не делалось.

что в этом споре каждая из сторон была одновременно и права и неправа, что великороссам надо было заводить школы, а украинцам — избавиться от многих черт, позаимствованных у поляков. Но благоразумных было мало, а большинство и с той, и с другой стороны, занимало непримиримую позицию. Поэтому практически вопрос сводился к тому, — какую из двух редакций русской культуры следует целиком принять, и какую целиком отвергнуть. Решать должно было правительство, т. е., в конечном счете, царь. Правительство встало на сторону украинцев, — что с точки зрения политической было совершенно правильно: неизбежное недовольство великороссов могло привести разве только к бунтам чисто местного характера, тогда как недовольствие украинцев могло значительно затруднить и даже сделать невозможным настоящее воссоединение Украины. Но, вставши на сторону украинцев, московское правительство сделало в направлении признания «правильности» украинской редакции русской культуры только первые шаги. Правда, это были самые ответственные шаги: «исправление» богослужебных книг (т.е. замена московской редакции этих книг редакцией украинской) и вся реформа Николая¹. В этой области была проведена полная унификация, причем великорусское было заменено украинским. Но в остальных областях культуры и жизни такой унификации до Петра проведено не было: в Украине царил чистая западнорусская редакция культуры без всякой великорусской примеси, в Великороссии — смесь московской культуры с западнорусской, причем в этом подмешивании западнорусских элементов к великорусской культуре одни представители высшего класса (тогдашние «западники») шли довольно далеко, другие же (тогдашние московские националисты), наоборот, старались соблюдать чистоту великорусской традиции.

Царь Петр поставил себе целью европеизировать русскую культуру. Ясно, что для выполнения этой задачи могла быть пригодна только западнорусская, украинская редакция русской культуры, уже впитавшая в себя

некоторые элементы европейской культуры (в польской редакции этой последней) и проявлявшая тенденцию к дальнейшей эволюции в том же направлении. Наоборот, великорусская редакция русской культуры, благодаря своему подчеркнутому европофобству и тенденции к самодовлению, была не только непригодна для целей Петра, но даже прямо мешала осуществлению этих целей. Поэтому Петр эту великорусскую редакцию русской культуры постарался совсем искоренить и изничтожить, и единственной редакцией русской культуры, служащей отправной точкой для дальнейшего развития, сделал украинскую редакцию.

Таким образом, старая великорусская, московская культура при Петре умерла; та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры. Это можно проследить по всем отраслям культуры. Возьмем, например, литературу. Литературным языком, применяемым в изящной, в религиозной и в научной литературе как в Московской, так и в Западной Руси, был язык церковнославянский. Но редакция этого языка в Киеве и в Москве до XVII-го века были не совсем одинаковы, как в отношении словарного состава, так и в отношении синтаксиса и стилистики. Уже при Никоне киевская редакция церковнославянского языка вытеснила московскую в богослужебных книгах. Позднее то же вытеснение московской редакции редакцией киевской наблюдается и в других видах литературы, так что тем церковнославянским языком, который послужил основанием для «славяно-российского» литературного языка петровской и послепетровской эпохи, является именно церковнославянский язык киевской редакции. В Московской Руси существовала богатая поэтическая (стихотворная) традиция, но традиция эта была преимущественно устная; писанных поэтических произведений до нас дошло немного, но по тем, которые дошли (напр. «Повесть о Горе-Злочастьи»), мы можем составить себе отчетли-

вое представление об особенностях этой поэтической традиции: язык ее был довольно чистый великорусский с небольшой примесью церковнославянского элемента и уснащенный некоторой традиционной поэтической условностью, стихосложение было не силлабическое и не тоническое, а покоилось на тех же принципах, как стихосложение великорусской народной песни. Между тем, в Западной Руси сложилась иная, чисто книжная поэтическая традиция, примыкающая к польской, и потому основанная на силлабическом стихосложении и на употреблении рифмы. Писались эти «вирши» в Западной Руси как на том русско- (точнее белорусско-) польском жаргоне, который в Западной Руси служил разговорным и деловым языком высших классов русского общества, так и на языке церковнославянском. В Великороссию такие западнорусские стихотворения (притом, разумеется, на церковнославянском — т. е. общерусском литературном языке того времени) проникали уже и до Петра: популярны были, например, подобные стихотворения Симеона Полоцкого². Завелись в Москве даже и местные подражатели этому роду поэзии: назовем хотя бы известного Сильвестра Медведева³. Со времен Петра русская поэзия старого великорусского типа окончательно ушла «в народ»: для высших (в культурном смысле) слоев общества отныне стала существовать только поэтическая традиция, ведущая свое начало от западнорусских силлабических вирш на церковнославянском языке. Прозаическая повествовательная литература существовала как в Московской, так и в Западной Руси, но в этой последней подавляющее польское влияние не позволяло развиваться самостоятельному творчеству, так что повествовательная литература была почти всецело переводная; в Московской же Руси существовала и своя самостоятельная традиция прозаической повести, которая как раз в XVII-м веке стала особенно крепнуть и подавать надежды на успешное дальнейшее развитие (ср. напр. «Повесть о Савве Грудцыне»). В то же время в течение всего XVII-го века западнорусская переводная повесть широ-

ким потоком вливается в Московскую Русь. Русская повествовательная прозаическая литература послепетровского периода примыкает именно к этой западнорусской традиции переводных повестей: туземная московская традиция погибла, так и не успев вполне развиться. Ораторское искусство, по всей вероятности, существовало и в Московской Руси: стиль произведений протопопа Аввакума⁴ — определенно ораторский, и, несмотря на свою кажущуюся безыскусственность, предполагает старую устную традицию проповедничества. Но эта традиция не имеет ничего общего с традицией схоластической риторики, насажденной в Западной Руси братскими школами и Могилянской Академией⁵. Москва познакомилась с этой украинской проповеднической традицией задолго до Петра. При Петре же знаменитые ораторы-украинцы, Феофан Прокопович и Стефан Яворский⁶, окончательно закрепили эту традицию. Вся русская риторика послепетровского периода, как церковная, так и светская, восходит именно к этой украинской традиции, а не к традиции московской, которая так и погибла окончательно, не оставив о себе других свидетельств, кроме указаний, извлекаемых из произведений расколоучителей, вроде Аввакума. Наконец, литература драматическая в допетровскую эпоху имела только в Западной Руси. В Москве своей самостоятельной традиции драматической литературы не было: при дворе ставились, и то очень редко, — драматические произведения украинских авторов (напр. Симеона Полоцкого). Русская драматическая литература послепетровского периода генетически связана именно с украинской школьной драмой. Таким образом, мы видим, что во всех своих отраслях послепетровская русская литература является прямым продолжением западнорусской, украинской литературной традиции.

Ту же картину мы наблюдаем и в других видах искусства, — в области музыки, как вокальной (преимущественно церковной), так и инструментальной, в области живописи (где великорусская традиция продолжала жить только у старообрядцев, а вся послепетровская русская

иконопись и портретопись восходит к традиции западнорусской) и в области церковной архитектуры (т.е. того единственного вида архитектуры, в котором за «русским стилем» признавались известные права*). Но это все примыкание к западнорусским традициям и отвержение московских традиций наблюдается не только в искусствах, но и во всех прочих сторонах духовной культуры послепетровской России. Отношение к религии и направление развития церковной и богословской мысли естественно должны были примкнуть именно к западнорусской традиции, раз западнорусская редакция русского богослужения еще при Никоне была признана единственно правильной, раз Могиланская Академия стала общерусским рассадником высшего духовного просвещения, и раз большинство русских иерархов долгое время были именно питомцами этой Академии. Западнорусской являлась и традиция послепетровской русской школы, методов духа и состава преподавания. Наконец, характерно, что и самый взгляд на старую великорусскую культуру, усвоенный в послепетровскую эпоху был по происхождению своему западнорусский: о культуре допетровской московской Руси было принято (да, можно сказать, и сейчас еще принято) высказывать те же суждения, которые в XVII веке высказывали «ученые» украинцы...

2.

Таким образом, на рубеже XVII и XVIII веков произошла украинизация великорусской духовной культуры. Различие между западно-русской и московской редакциями русской культуры было упразднено путем искоренения московской редакции, и русская культура стала единой.

Эта единая русская культура послепетровского периода была западнорусской, украинской по своему происхождению, но русская государственность была по своему происхождению великорусской, а потому и центр культу-

* О западнорусской традиции в русском зодчестве, живописи и ваянии послепетровского периода ср. замечания П.Н. Савицкого⁷ в статье «Великороссия и Украина в русской культуре», в журнале «Родное Слово», 1926, № 8.

ры должен был переместиться из Украины в Великороссию. В результате и получилось, что эта культура стала не специфически великорусской, не специфически украинской, а общерусской. Все дальнейшее развитие этой культуры в значительной мере определялось именно этим ее переходом от ограниченного, местного к всеобъемлющему, общенациональному. Западно-русская редакция русской культуры сложилась в эпоху, когда Украина была провинцией Польши, Польша же была в культурном отношении провинцией (притом глухой провинцией) романо-германской Европы; но со времени Петра эта западнорусская редакция русской культуры, став единой общерусской, тем самым сделалась для России столичной, Россия же сама к тому времени стала претендовать на то, чтобы быть одной из важнейших частей «Европы». Таким образом, украинская культура как бы переехала из захудалого уездного городка в столицу. Сообразно с этим ей пришлось существенно изменить свою дотоле сильно провинциальную внешность. Она стремится освободиться от всего специфически-польского и заменить все это соответствующими элементами коренных, романогерманских культур (немецкой, французской и т.д.). Таким образом, украинизация оказывается мостом к европеизации. В то же время меняется языковая база культуры. Прежде в Западной Руси наряду с книжным литературным церковнославянским языком существовал особый русско-польский жаргон, служивший разговорным и деловым языком высших классов общества. Но после того как украинская редакция русской культуры стала общерусской, этот русско-польский жаргон, символизировавший собой польское иго и провинциализм, разумеется, не мог продолжать существовать. Господствовавший в Великороссии, выработавшийся в среде московских приказных великорусский разговорный деловой язык, испытал на себе чрезвычайно сильное влияние этого русско-польского жаргона, — но в конце концов все-таки победил, вытеснил его и сделался единственным деловым и разговорным языком высших классов, при-

том не только Великороссии, но и Украины. Между этим языком и языком церковнославянским, продолжавшим играть роль литературного, завязались тесные отношения как бы некоего осмоса (взаимопросачивания): русский разговорный язык высших классов сильно «оцерковнославянился», литературный церковнославянский язык сильно «обрусел», и, в результате, оба совпали в одном современном, русском языке, который одновременно является и литературным, и разговорно-деловым языком всех образованных русских, т.е. — языковой базой русской культуры.

Таким образом, культурная украинизация Великороссии и превращение украинской культуры в культуру общерусскую совершенно естественно привели к тому, что эта культура утратила свой специфически украинский провинциальный характер. Специфически же великорусского характера она приобрести не могла уже в силу того, что, как сказано выше, преемственность специфически великорусской культурной традиции была окончательно и бесповоротно пресечена, и сохранялась разве только преемственность канцелярского языка московских приказных. Отсюда — отвлеченно общерусский характер всей послепетровской «петербургской» культуры.

Но подчеркивание отвлеченно-общерусского вело практически к отвержению конкретно-русского, т. е. к национальному самоотрицанию. А такое самоотрицание естественно должно было вызвать против себя реакцию здорового национального чувства.

Положение, при котором во имя величия России практически преследовалось и искоренялось все самобытно русское, — это положение было слишком нелепым, чтобы не породить против себя протеста. Неудивительно поэтому, что в русском обществе появились течения, направленные к утверждению самобытности и выявлению русского национального лица. Но, поскольку эти течения направлены были именно против отвлеченности общерусской культуры и стремились заменить ее конкретностью, они неминуемо должны были принять определенно

областнический характер: при всякой попытке придать русской культуре более конкретно-национальное обличие неизбежно приходилось выбирать одну из индивидуаций русского народа, – великорусскую, малорусскую или белорусскую, ибо конкретно существуют великороссы, малороссы и белоруссы, а «общеруссы» являются лишь продуктом абстракции. И действительно, мы видим, что течения в пользу конкретно-национальной русской культуры протекают параллельно в двух руслах – великорусском и малорусском*. Замечателен именно строгий параллелизм этих двух русел. Параллелизм этот приходится наблюдать во всех проявлениях помянутого течения. Так, в области литературы мы видим, начиная с конца XVIII-го века, целый ряд произведений нарочито простонародных по языку и по стилю; произведения эти образуют две строго параллельные линии эволюции – великорусскую и малорусскую; в обеих наблюдается сначала пародийно-юмористическое направление (в великорусской – «Богатырь Елисей» В. Майкова, в малорусской – «Энеида» Котляревского), которое затем сменяется романтически-сентиментальным направлением с упором на народно песенную стилистику (кульминационный пункт в великорусской – Кольцов, в малорусской Шевченко), а это направление, в свою очередь, в половине XIX-го века переходит в направление «гражданской скорби» (явившегося своеобразным русским вырождением европейской «мировой скорби») и обличительства. Романтическая идеализация допетровской старины, нашедшая себе выражение и в литературе, и в историографии, и в археологии, и порожденная тоже той же потребностью к конкретно-национальному, – выступает тоже одновременно и параллельно все в тех же двух главных руслах, великорусском и украинском. То же следует сказать и о народничестве, и о разных видах «хождения в народ». Всякий народник (поскольку он устанавливал свое сознание на реальный, конкретный «народ») непре-

* Белорусское русло тоже всегда существовало, но всегда было развито слабее.

менно становился до, известной степени, и «краевиком», и пламенным поборником определенных специфически великорусских или специфически украинских* простонародных черт или бытовых форм.

Таким образом, несмотря на то, что влечение к конкретно-национальному в Санкт-Петербургский период принимало формы областничества или установки на какую-нибудь одну определенную индивидуацию русского племени (великорусскую, украинскую и т.д.), – самое это явление было общерусским. Ибо общерусскими были самые причины этого явления, – отличительный для России послепетровского периода отрыв верхов русской культуры от конкретного народного фундамента, и вызванные этим отрывом специфическая отчужденность между интеллигенцией и народом и тоска по воссоединению народа с интеллигенцией. А потому, общерусской является и проблема реформы культуры, или построения нового здания культуры, в которой верхние этажи органически вырастали бы из народного фундамента. Проблема эта стоит и сейчас перед всеми частями русского племени, перед великорусами так же, как перед украинцами и белоруссами.

3.

В связи с проблемой реформы русской культуры в указанном выше направлении возникает вопрос: должна ли эта новая реформированная культура быть общерусской, или же общерусская культура вовсе существовать не должна, а должны быть созданы новые реформированные культуры для каждой отдельной разновидности русского племени?

Вопрос этот с особой остротой ставится именно перед украинцами. Он сильно осложнен вмешательством политических факторов и соображений, и обычно соединяется с вопросом о том, должна ли Украина быть совершенно

* Для краткости мы всюду говорили только о двух наиболее крупных частях русского племени или территории. Но аналогичные явления возникали (хотя и с меньшей интенсивностью) и в других, более дробных частях, – в Белоруссии, в разных казачьих областях, в Сибири и т.д.

самостоятельным государством, или полноправным членом русской федерации, или автономной частью России? Однако связь между политическим и культурным вопросом в данном случае вовсе не обязательна. Мы знаем, что существует общенемецкая культура, несмотря на то, что все части немецкого племени не объединены в одном государстве, знаем, с другой стороны, что индусы имеют свою вполне самостоятельную культуру, несмотря на то, что давно лишены государственной независимости. Поэтому и вопрос об украинской и об общерусской культуре можно и должно рассматривать вне связи с вопросом о характере политических и государственно-правовых взаимоотношений между Украиной и Великороссией.

Мы видели выше, что общерусская культура послепетровского периода имела некоторые крупные недостатки, породившие влечение к ее реформе в конкретно-национальном направлении. Некоторые поборники украинского культурного сепаратизма стараются представить дело так, будто та культура, которая существовала в России до сих пор, была вовсе не общерусской, а только великорусской. Но это фактически неверно: мы уже видели выше, что началом создания общерусской культуры послепетровского периода послужила духовная украинизация Великороссии, что эта общерусская культура преемственно связана только с западнорусской, украинской культурой допетровского периода, а не с старой великорусской культурой, традиция которой оборвалась в конце XVII-го века. Нельзя отрицать и того совершенно очевидного факта, что не только в создании, но и в развитии этой общерусской культуры наряду с великоруссами принимали активное участие и украинцы, притом именно как таковые, не отбрасывая своей принадлежности к украинскому племени, а, наоборот, утверждая эту свою принадлежность: нельзя выкинуть из русской литературы Гоголя, из русской историографии — Костомарова, из русской филологии — Потебни⁸ и т.д. Словом, что русская культура послепетровского периода является общерусской и что для украинцев она

не чужая, а своя — этого отрицать невозможно. Таким образом, если эта культура воспринималась некоторыми украинцами как не вполне своя, и если при сопоставлении ее с духовным и бытовым укладом украинского простонародия несоответствие между культурным верхом и народным фундаментом бросалось в глаза, — то это наблюдалось не только на Украине, но и в Великороссии и, следовательно, было вызвано не тем, что культура была якобы великорусской, а совсем иными причинами.

Каждая культура должна иметь между прочим две стороны: одну обращенную к конкретному этнографическому народному фундаменту, другую — обращенную к вершинам духовной и умственной жизни. Для прочности и здоровья культуры необходимо, во-первых, чтобы между этими двумя сторонами существовала органическая связь, а, во-вторых, чтобы каждая из этих сторон действительно отвечала своему назначению, — т.е. чтобы сторона, обращенная к народным корням, соответствовала индивидуальным чертам данного конкретного этнографического фундамента, а сторона, обращенная к духовным вершинам, по своему развитию соответствовала духовным потребностям избранных, выдающихся представителей нации.

В общерусской культуре послепетровского периода эти две стороны или «этажи» культуры развиты были неодинаково. «Нижний этаж»*, обращенный к народным корням, был очень мало приспособлен к конкретным чертам русского этнологического типа и потому плохо выполнял свое назначение: вследствие этого, человек «из народа» мог приобщиться к культуре, только вполне (или, в лучшем случае, — почти вполне) обезличившись,

* Во избежание недоразумений спешим оговориться, что в выражения «верхний» и «нижний» этаж мы не вкладываем никакого элемента оценки. Мы не только не хотим решать здесь вопроса о том, который из этих этажей «ценнее», но просто отрицаем даже самую правомерность постановки такого вопроса. Образы верхнего и нижнего этажей здесь изображают не разные степени совершенства или ценности культуры, а лишь две разные функции культуры, ценность же и совершенство зависит не от этих функций, а от одаренности творца, совершенно независимо от того, работает ли он в верхнем или в нижнем этаже. Поэзия Кольцова эстетически гораздо ценнее, чем поэзия Бенедиктова: вместе с тем Кольцов был в «нижнем», а Бенедиктов⁹ — в «верхнем» этаже культуры...

подавив в себе и утратив некоторые существенные именно для «народа» черты. Наоборот, «верхний этаж» общерусской культуры, обращенный к высшей духовной и умственной жизни, развит был настолько, что, во всяком случае, вполне удовлетворял духовные потребности русской интеллигенции.

Представим себе теперь, что должно произойти, если всю эту общерусскую культуру на территории Украины заменить новосозданной специально украинской культурой, не имеющей ничего общего с прежней общерусской. Населению Украины придется «оптирывать» за ту или за другую культуру. Если новой украинской культуре удастся приспособить свой нижний этаж к конкретному этнографическому фундаменту, — то народные низы, разумеется, будут оптирывать именно за эту новую украинскую культуру, ибо, как сказано выше, в прежней, общерусской культуре эта обращенная к народным корням сторона развита была очень плохо и к индивидуальным чертам народа совсем не была приспособлена. Но для того, чтобы за эту новую украинскую культуру оптировали не только народные низы, но и квалифицированные верхи (т. е. наиболее качественная интеллигенция), — нужно, чтобы и верхний этаж этой культуры соответствовал высшим духовным запросам квалифицированной интеллигенции Украины еще в большей мере, чем соответствующая сторона прежней, общерусской культуры. В противном случае, интеллигенция (притом именно качественная, квалифицированная, наиболее ценная с точки зрения культурного творчества интеллигенция) Украины в своем подавляющем большинстве будет оптирывать за общерусскую культуру, а самостоятельная украинская культура, лишенная сотрудничества этой наиболее ценной части украинского народа, будет обречена на вырождение и смерть.

Беспристрастно взвешивая шансы, приходим к заключению, что насколько вероятно и правдоподобно, что новая украинская культура удовлетворительно разрешит задачу приспособления нижнего этажа культурного

здания к народным корням, настолько же совершенно невероятно, чтобы эта культура сколько-нибудь удовлетворительно могла разрешить другую задачу, — создания нового «верхнего этажа», способного удовлетворить высшим запросам интеллигенции в большей мере, чем соответствующий верхний этаж прежней, общерусской культуры. Успешно конкурировать с общерусской культурой в удовлетворении высших духовных запросов новая украинская культура не будет в состоянии. Прежде всего, она не будет обладать той богатой культурной традицией, которой обладает общерусская культура: а примыкание к такой традиции и исхождение из нее значительно облегчает работу творцам высших духовных ценностей, — даже в том случае, когда дело идет о создании принципиально совершенно новых ценностей. Далее, для создания высших культурных ценностей громадное значение имеет качественный отбор творцов. Поэтому, для успешного развития этой стороны культуры необходимо, чтобы объемом того этнического целого, в котором данная культура развивается, был как можно больше: чем многочисленнее носители данной культуры, тем больше (при прочих равных условиях) будет и абсолютное число рождающихся среди этих носителей культуры талантливых людей, а чем больше талантливых людей, тем, во-первых, интенсивнее развитие «высшего этажа» культуры, а, во-вторых, тем сильнее конкуренция; конкуренция же повышает самое качество культурного строительства. Таким образом, даже при прочих равных условиях, «верхний этаж» единой культуры крупной этнологической единицы будет всегда качественно совершеннее и количественно богаче, чем у тех культур, которые могли бы выработать отдельные части той же этнологической единицы, работая каждая за себя, независимо от других частей. Каждый непредубежденный представитель данного этнологического целого не может не сознавать этого, и потому, естественно, при полной свободе выбора будет «оптировать» за культуру этнологического целого (в нашем случае, — за культуру общерусскую), а не за культуру части этого целого

(в нашем случае, за украинскую культуру). Оптировать за украинскую культуру может, следовательно, только либо человек определенным образом предубежденный, или человек, свобода выбора коего стеснена. При этом, все сказанное относится как к творцам высших культурных ценностей, так и к «потребителям», т.е. ценителям этих ценностей: по самому существу дела всякий творец высших культурных ценностей (если только он действительно талантлив и сознает свою силу) стремится к тому, чтобы продукты его творчества стали доступны и были оценены возможно большим числом настоящих ценителей; а каждый настоящий ценитель («потребитель») таких культурных ценностей высшего порядка, в свою очередь, стремится к тому, чтобы пользоваться продуктами творчества возможно большего числа творцов; значит, — обе стороны заинтересованы в расширении, а не в сужении поля данной культуры. Ограничение этого поля может быть желательно только, с одной стороны, для бездарных или посредственных творцов, желающих охранить себя против конкуренции (настоящий талант конкуренции не боится!), а, с другой стороны, — для узких и фанатичных краевых шовинистов, не доросших до чистого ценения высшей культуры ради нее самой и способных ценить тот или иной продукт культурного творчества лишь постольку, поскольку он включен в рамки данной краевой разновидности культуры. Такие люди и будут главным образом оптировать против общерусской культуры и за вполне самостоятельную украинскую культуру. Они сделаются главными адептами и руководителями этой новой культуры и наложат на нее свою печать, — печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией. Эти же люди, конечно, постараются всячески стеснить или вовсе упразднить самую возможность свободного выбора между общерусской и самостоятельно-украинской культурой: постараются запретить украинцам знание русского литературного

языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь. Ибо если украинцы не будут ненавидеть все русское, то всегда останется возможность оптирования в пользу общерусской культуры. Однако нетрудно понять, что украинская культура, создаваемая в только что описанной обстановке, будет из рук вон плоха. Она окажется не самоцелью, а лишь орудием политики и, притом, плохой, злобно-шовинистической и задорно-крикливой политики. И главными двигателями этой культуры будут не настоящие творцы культурных ценностей, а маниакальные фанатики, политиканы, загипнотизированные навязчивыми идеями. Поэтому в этой культуре все, — наука, литература, искусство, философия и т.д., — не будет самоценно, а будет тенденциозно. Это откроет широкую дорогу бездарностям, пожинаящим дешевые лавры благодаря подчинению тенденциозному трафарету, — но зажмет рот настоящим талантам, не могущим ограничивать себя узкими шорами этих трафаретов. Но главное, можно очень сомневаться в том, что эта культура будет действительно национальна. Полно воплощать в культурных ценностях дух национальной личности могут только настоящие таланты, работающие вовсе не для каких-то побочных политических целей, а лишь в силу иррационального внутреннего влечения. Таким талантам в описанной выше злобно-шовинистической обстановке не окажется места. Политиканам же нужно будет главным образом одно — как можно скорей создать свою украинскую культуру, все равно какую, только чтобы не была похожа на русскую. Это неминуемо поведет к лихорадочной подражательной работе: чем создавать заново, не проще ли взять готовым из-за границы (только бы не из России!), наскоро при-

думав для импортированных таким образом культурных ценностей украинские названия! И в результате, созданная при таких условиях «украинская культура» не будет органическим выражением индивидуальной природы украинской национальной личности и мало чем будет отличаться от тех «культур», которые наспех создаются разными «молодыми народами», статистами Лиги Наций. В этой культуре демагогическое подчеркивание некоторых отдельных, случайно выбранных и, в общем, малосущественных элементов простонародного быта будет сочетаться с практическим отрицанием самых глубинных основ этого быта, а механически перенятые и неуклюже применяемые «последние слова» европейской цивилизации будут жить бок о бок с признаками самой вопиющей провинциальной ветоши и культурной отсталости; и все это — при внутренней духовной пустоте, прикрываемой кичливым самовосхвалением, крикливой рекламой, громкими фразами о национальной культуре, самобытности и проч. ... Словом, — это будет жалкий суррогат, не культура, а карикатура...

Таковы те неприглядные перспективы, которые ожидают украинскую культуру в том случае, если она пожелает заменить общерусскую, вытеснить общерусскую, вообще если она вступит на путь конкуренции с общерусской культурой. Положение, при котором каждому культурному украинцу придется решать, желает ли он быть русским или украинцем, это положение неизбежно повлечет за собой крайне невыгодный с точки зрения развития украинской культуры отбор культурных работников. Ставя вопрос об украинской и общерусской культурах в форме дилеммы («или-или»), украинцы обрекают свою будущую культуру на то незаманчивое состояние, которое мы обрисовали выше. Из этого следует, что такая постановка вопроса для украинцев по существу невыгодна. Во избежание вышеобрисованного плачевного будущего, украинская культура должна быть построена так, чтобы не конкурировать с общерусской, а дополнять со-

бой общерусскую, другими словами, украинская культура должна стать индивидуацией культуры общерусской.

Выше мы уже указали на то, что «нижний», т.е. обращенный к народному фундаменту, этаж культурного здания должен быть построен заново, и что в этой постройке украинская культура вполне естественно может и должна проявить свою индивидуальность; с другой стороны, мы указали и на то, что в верхнем этаже культуры, включающем в себя высшие культурные ценности, украинской культуре невозможно конкурировать с общерусской. Таким образом, здесь намечается некоторое естественное разграничение сферы общерусской и украинской культуры. Разграничение это, конечно, еще не исчерпывается вышеизложенным, т.к. ведь, кроме упомянутых нами «нижнего» и «верхнего» этажей, культура должна иметь еще и этажи «средние», промежуточные. Но все же самый принцип разграничения этим указан.

4.

Те же принципы и соображения должны быть положены в основу разграничения сфер общерусской и белорусской, великорусской и т.д. областных культур. Ведь, как сказано выше, неприлаженность «нижнего» этажа культурного здания к конкретному народному фундаменту была в послепетровской русской культуре явлением повсеместным. В будущем предстоит исправить этот недостаток, согласовать с конкретной национальной индивидуальностью русского народа ту сторону русской культуры, которая обращена к народным корням, другими словами, — плотнее пригнать культуру к народу и тем обеспечить постоянное участие «людей из народа» в культурном строительстве. При этом естественно, что, поскольку культура в упомянутой своей стороне будет приспособляться к конкретным индивидуальным чертам русского народа, вся эта работа должна быть сильно дифференцирована по отдельным краевым и племенным районам: ведь «русский народ вообще» есть абстракция, конкретно же существует великорусс (со своими раз-

новидностями — северный великорус, южный великорус, помор, волгарь, сибиряк, казак и т.д.), белорус, малоросс-украинец (тоже со своими разновидностями) и приспособляться «нижний» этаж культуры в каждом данном краю должен именно к данной конкретной индивидуальной разновидности русского народа (к данной краевой индивидуации русской национальной личности). Благодаря этому, русская культура в будущем должна внешне сильно дифференцироваться по отдельным краям и областям, и вместо прежней отвлеченной мундирно-безличной однородности должна появиться радуга ярко выраженных местных оттенков.

Однако, величайшей ошибкой было бы видеть в развитии этих местных разновидностей единственную или главную цель культурной работы. Не следует забывать, что, кроме стороны, обращенной к народным корням, у всякой культуры должна быть и другая сторона, — обращенная к духовным вершинам. И горе той культуре, в которой эта сторона развита недостаточно, вследствие чего культурные верхи нации вынуждены удовлетворять свои высшие духовные потребности ценностями не своей родной, а иноземной культуры! Поэтому, одновременно с разработкой и развитием тех сторон культуры, которые обращены к народным корням, должна идти интенсивная работа в области «верхних» культурных ценностей. И, если работа над «нижним» этажом здания русской культуры, как указано выше, по самой природе своей требует дифференциации применительно к отдельным русским племенам и краям, то, наоборот, работа над «верхним этажом» русской культуры опять таки по самой своей природе — требует сотрудничества всех русских племен. Насколько в области работы над «нижним этажом» краевые перегородки естественны и необходимы для достижения максимальной пригнанности культуры к конкретному этнографическому фундаменту, настолько в работе над «верхним» этажом эти перегородки искусственны, излишни и вредны. Самое существо этой стороны культуры требует максимальной

широты диапазона, и всякое ограничение этого диапазона рамками краевых перегородок будет ощущаться как ненужная помеха и творцами культурных ценностей, и потребителями этих ценностей. Воздвижения краевых перегородок в этой области культуры могут желать только посредственные, боящиеся конкуренции творцы да маниакально-фанатичные краевые шовинисты. Но если в угоду таким посредственным творцам и недоразвитым ценителям культурных ценностей краевые перегородки будут утверждены не только в нижнем, но и в верхнем этаже культурного здания, то в отдельных частях страны создастся такая удушливая атмосфера провинциального застоя и торжествующей второстепенности, что все действительно одаренные и духовно возросшие люди будут бежать из провинции в столицу, а на местах, в конце концов, не окажется и тех культурных работников, которые необходимы для вышеупомянутой работы в «нижних» этажах культурного здания.

Итак, краевая и племенная дифференциация русской культуры отнюдь не должна доходить до самого верха культурного здания, до ценностей высшего порядка. В «верхнем этаже» будущей русской культуры племенных и краевых перегородок быть не должно; этим он будет отличаться от «нижнего этажа», в котором племенные и краевые перегородки должны быть сильно развиты и отчетливо выражены. Резкой грани между этими двумя «этажами», конечно, быть не должно: один должен постепенно и незаметно переходить в другой, — иначе культура не будет единой системой, т. е. не будет культурой в истинном смысле слова. Поэтому и краевые перегородки, ярко выраженные в нижней части культурного здания, будут постепенно стусевываться чем выше и чем дальше от народного фундамента, а на самой вершине культурного здания этих перегородок и вовсе заметно не будет. Важно, чтобы между вершиной и низом культурного здания существовало постоянно взаимодействие, — чтобы вновь создаваемые ценности верхнего запаса определяли собой направление дифференцированного и индивидуализованного в краевом отношении творчества ценностей

нижнего запаса, и, наоборот, чтобы культурные творения краевых индивидуаций России, суммируясь друг с другом, нейтрализуя друг в друге специфически местные, частные черты, но подчеркивая общие, определяли собой дух культурной работы верхнего этажа. Этим требованием постоянного взаимодействия между верхом и низом культурного здания должны определяться роль, форма и размеры краевых перегородок: эти перегородки должны обеспечивать правильную краевую индивидуализацию культуры, но отнюдь не должны мешать взаимодействию верха и низа культурного здания. Ясно, что точно регламентировать всего этого невозможно: в каком-нибудь одном частном вопросе данная краевая перегородка будет выше, в другом — ниже; важно только, чтобы смысл этих перегородок понимался правильно и чтобы их не превращали в самоцель.

Для того, чтобы русская культура, несмотря на краевую и племенную дифференциацию в нижней своей части, все же была единой системой, необходимо одно главное условие: в основе как единого «верхнего этажа», так и всех краевых вариантов «нижнего этажа» здания русской культуры должен быть положен один и тот же организующий принцип. Таким принципом, одинаково родным для каждой племенной индивидуации русского народа, заложенным в глубине народной души и в то же время способным стать основой и для ценностей верхнего запаса, рассчитанных на квалифицированных носителей высшей общерусской культуры, — является Православная Вера. Некогда именно этот принцип был жизненным нервом всей русской культуры, и именно благодаря ему западнорусская и московская индивидуации русской культуры оказались способными вновь воссоединиться. Позднее характерное для послепетровского периода слепое увлечение секуляризованной, обезбоженной и безбожной, антихристианской европейской культурой*

* Христианской в своем целом эта европейская культура была (или, по крайней мере, хотела быть) лишь в средние века; со времени т.н. «возрождения» она стала противопоставлять себя христианству, и именно эта ее форма, противопоставленная Церкви, а в конце концов и всякой религии вообще, и усваивалась европеизованной Россией после Петра.

в значительной мере подорвало и разрушило в культурных верхах русской нации этот завещанный от предков устой русской жизни, не заменив его ничем; поскольку умонастроение этой отвергнувшей православные устои интеллигенции проникло в народные массы, оно породило в этих массах полное духовное опустошение. Но лучшие представители как простого народа, так и интеллигенции болезненно ощущали эту духовную пустоту, и потому религиозные искания, часто принимающие самые парадоксальные формы, являются характерной чертой жизни русского народа и интеллигенции всего послепетровского периода. Эти религиозные искания не могли найти себе удовлетворения, пока русская культура была по существу внерелигиозна, а Церковь, поставленная государством в подчиненное положение, стояла вне культуры (во всяком случае, вне основного русла высшей общерусской культуры). Поэтому религиозные искатели шли вразброд, и только случайно некоторые из них в своих исканиях «открыли» Православие. После переживаемой ныне эпохи владычества коммунизма, когда духовная опустошенность безрелигиозной (а потому и антирелигиозной) культуры предстала в своем обнаженном виде и дошла до кульминационной точки, несомненно должна (уповая на помощь Господню) наступить решительная реакция. Будущая русская культура должна стать в идеале оцерковленной сверху донизу. Православие должно проникать не только в народный быт, но и во все части здания русской культуры, вплоть до высших вершин этого здания. Только тогда каждый отдельный русский человек будет находить в русской культуре полное успокоение и удовлетворение для всех самых глубинных потребностей своего духа, и только тогда русская культура будет сверху донизу единой системой, несмотря на внешнюю свою краевую и племенную дифференцированность.

5.

В настоящее время мы присутствуем при увлечении краевой дифференциацией русской культуры. В частно-

сти, на Украине преобладают прямо-таки стремления к полному культурному сепаратизму. В значительной мере объясняется это политикой советской власти, потворствующей культурному сепаратизму для того, чтобы этим обезоружить сепаратизм политический, далее — устранением большинства наиболее квалифицированной интеллигенции Украины от решающей роли в культурной работе и, с другой стороны, наплывом галицийской интеллигенции, национальное самосознание которой совершенно изуродовано как многовековым приобщением к духу католицизма, так и польским рабством и той атмосферой провинциально-сепаратистской национальной (точнее, языковой) борьбы, которая всегда была так характерна для прежней Австро-Венгрии. Что касается до населения Украины, то известные слои этого населения сочувствуют не столько тем конкретным формам, которые принимает украинизация, сколько тому, что это движение с виду направлено к отделению от Москвы, — от Москвы коммунистической: таким образом, культурный сепаратизм на Украине питается антикоммунистическими («мелкобуржуазными» по советской терминологии) настроениями известных кругов населения; настроения же эти сами по себе вовсе не связаны логически с культурным сепаратизмом и напр. при старом режиме служили, как раз наоборот, опорой централизма. Ко всему этому присоединяется и то обстоятельство, что творчество в «верхнем этаже» культуры, в котором общерусское единство сильнее всего может и должно проявляться, сейчас затруднено и искусственно ограничено благодаря политическому господству коммунизма, который не дает другим создавать культурных ценностей, а, в то же время, сам неспособен создать высших ценностей, отвечающих сколько-нибудь развитым духовным потребностям. Но, главным образом, увлечение украинизацией объясняется, конечно, прелестью новизны, и тем, что украиноманам, долгое время подавлявшимся и загнанным в подполье, вдруг предоставили полную свободу действия. Как бы то ни было, в этой области в настоящее время несомненно

наблюдается много уродливого. Украинизация обращается в какую-то самоцель и порождает неэкономную и нецелесообразную растрату национальных сил. В будущем жизнь внесет, разумеется, свои поправки и очистит украинское движение от того элемента карикатурности, который внесли в это движение маниакальные фанатики культурного сепаратизма. Многие из того, что создано и создается этими ретивыми националистами, обречено на гибель и забвение. Но самая правомерность создания особой украинской культуры, несовпадающей с великорусской, уже не подлежит отрицанию, а правильное развитие национального самосознания укажет будущим творцам этой культуры как ее естественные пределы, так и ее истинную сущность и истинную задачу, — быть особой украинской индивидуацией общерусской культуры. Только тогда культурная работа на Украине приобретет такой характер, при котором в ней получают возможность принять участие (притом не за страх, а за совесть) действительно лучшие элементы украинского народа.

Это случится тогда, когда в основу народной жизни Украины (а также и других областей России-Евразии) будет полагаться не потворство эгоистическим инстинктам и голому самоутверждению биологической особи, а примат культуры, и как личное, так и национальное самопознание. К борьбе за эти идеалы евразийство и призывает всех русских, как великоруссов, так и белоруссов и украинцев.

Лосский Н.О.
**Украинский
и белорусский сепаратизм**

Выработанная Европой высокая культура, ценная для всего человечества, продолжает развиваться с различными вариациями в ряде европейских государств.

Несмотря на сложность строения этих государств, в каждом из них выработалось единое национальное сознание, ценимое большинством граждан государства сознательно или, по крайней мере, подсознательно. Но в то же время, в каждом из них имеются лица, отталкивающиеся от великого национального целого и предпочитающие ему особенности своей провинции.

Н.О. Лосский

Они хотели бы возвести свою провинцию на степень нации, образующей самостоятельное государство. Предпочитая ценности своей провинции ценностям великой нации, в состав которой они входят, они начинают критиковать её ценности, стараются видеть в ней действительные или воображаемые недостатки, и проникаются ненавистью к ней. Дальше своей колокольни они ничего не видят. Такое умонастроение нельзя назвать национализмом: это — провинциализм.

В наше время среди украинцев-эмигрантов сильно развился украинский национализм, пропитанный ненавистью к России, доходящий до утверждения, что враг

номер один — не коммунизм, а русский народ. После падения советской диктатуры такие украинцы хотят отделения Украины от России и образования от неё самостоятельного государства. Но ведь в течение всей своей истории украинцы считали себя русскими и, соединившись в XVII веке с Россией, естественно, так слились с нею, что в большинстве случаев в общественной жизни даже и вопрос не подымался о том, кто великоросс и кто малоросс.

Сепаратисты ненавидят слово «Малороссия». Они упускают из виду, что это название почетное, возникшее не в России, а в Византии. Основную часть страны греки называли «Малая», например, словами «Малая Эллада» они называли основную Грецию на Балканском полуострове, а разросшаяся греческая колония в Южной Италии — это «Большая Эллада». Так и в применении к Руси в Византии словами «Малая Россия» была названа Галицко-Волынская Русь, а впоследствии это название распространилось на всю юго-западную Русь. Оно означает, что «Малороссия» есть основная Россия. Недаром в Летописи Нестора говорится: «Се повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть». Слова «малоросс», «белорус», «великоросс» подчеркивают единство этих трех ветвей русского народа.

Фанатики-сепаратисты, желая доказать, что русские и украинцы — два разных народа, и преувеличивая значительность Украины, распространяют ложные представления о ней. Об этом сказано в книге, которую написал любящий Малороссию и Россию украинец А. Царинный (Стороженко) «Украинское движение»¹. Князь А.М. Волконский² написал к этой книге обстоятельное введение. В нём он говорит о четырех неправдах движения украинских сепаратистов «о неправде этнографической, филологической, хронологической и географической».

«Неправда этнологическая заключается в утверждении, что издревле существовал особый украинский народ». Из Несторовской летописи мы знаем племена и ме-

ста, где они расселились, «знаем, что все это были близкие по родству племена, объединенные современниками под общим именем славян, а позднее, с установлением государственности, под именем русских».

«Филологическая неправда состоит в утверждении, что малоросский или украинский язык самостоятельного, тоже славянского, но не русского происхождения. Единство древнерусского языка бесспорно установлено наукой. Возьмите отрывки из Новгородской, Киевской и Галицкой летописи, вычеркните имена и года, дайте простому смертному, хотя бы и хорошо знакомому со славянской грамматикой пусть определит из которой летописи каждый отрывок». Конечно, специалист-лингвист найдет различия, но не языка и даже не диалектов, а только говоров. Три наречия русского языка, малоросское, белорусское и великорусское стали развиваться после татарского нашествия, когда Малороссия и Белоруссия были отдельны от остальной Руси и вошли в состав Литовско-Русского Государства, вступившего потом в унию с Польшей.

Хронологическая неправда, говорит князь Волконский, «состоит в сознательном переселении позднейших исторических событий, понятий, имен в предыдущие века», например, в утверждении, что Владимир Святой был правителем Украины и крестил украинцев. «Неправда географическая состоит в том, что имя Украины совершенно произвольно распространяют на соседние с ней земли. Украина никогда до Черного моря не доходила: то пространство, которое со времен Екатерины Великой звалось Новороссией, было в киевский период «степью», привольем враждебных Руси кочевников. С XV века оно принадлежало Турции; еще в XVII веке оно оставалось для русских людей чужой землей: недаром звали его «Диким полем». От Турции его отвоевала Русская Империя».

До середины XII века Киевский период был блестящей эпохой истории Руси. Ростовско-Суздальская Русь находилась в теснейшей культурной и государственной

связи с Киевской областью. Непонятно, каким образом серьезный историк может вопреки очевидности отрывать историю великорусских княжеств от истории Киевского периода. Современный украинский историк Дорошенко³ в книге «История Украины» пишет: «Украина и Россия принадлежат к одной и той же политической системе, управлялись одной и той же династией, имели главой Церкви Киевского митрополита и, таким образом, до известной степени имели общую жизнь».

Напомню, только небольшое количество фактов, известных всякому историку. Ярослав Мудрый был князем в Новгороде и потом, победив Святополка Окаянного, стал также князем Киевским, а после смерти Мстислава овладел еще и Тмутараканским княжеством. Умирая, он поручил своему старшему сыну Изяславу Киев и Новгород. Сын его Святослав «владел Черниговом и землями, охватывавшими в общей сложности громадное пространство от Чернигова до Рязани и Мурома, включая сюда и земли вятичей. Ему же досталась и далекая Тмутаракань». Сын Ярослава Всеволод «получил самую южную землю Переяславскую, земли по Волге, а также Ростов, Суздаль и Белоозеро». Итак, с самого начала будущая Великороссия находилась в тесной связи с Киевской областью. Другой, не менее значительный и почитаемый всеми русскими великий князь Владимир Мономах (1113-1125), будучи приглашен в Киев, остался вместе с тем князем переяславским и ростово-суздальским. Не менее тесная связь Владимиро-Суздальской Руси и будущего Московского государства с Киевской областью сохранялась благодаря духовенству, главному носителю культуры того времени.

Примером могут служить проповеди епископа Серапиона, который был сначала архимандритом Киево-Печерского монастыря, а в 1274 году стал епископом во Владимире в Суздальской области. Его проповеди были одним из образцов «Киевской школы проповедничества». Митрополит Максим перешел из Киева во Владимир в 1299 году. Митрополит св. Петр, родом из Галиции,

существенно содействовал возвышению Москвы, когда перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву (1308-1325). Митрополит св. Алексей (1355-1377) родился в Москве, но он был сыном черниговского боярина, переселившегося в Москву. Живя в Москве, они, тем не менее, титулировались: «Митрополит Киевский и всея Руси».

Впервые после политического обособления юго-западной от северной и северо-восточной Руси, когда Галиция, Волынь и Киевская область вошли в состав Литовско-Русского государства, вступившего потом в унию с Польшей, началось то развитие языка и общественной жизни, вследствие которого возникли три ветви русского народа – великороссы, малороссы и белорусы. Но и после политического обособления малороссы и белорусы сознавали себя русскими и боролись против ополячения и окатоличивания за сохранение своей русскости и православия. Даже в XIX веке, когда галичане во время революции 1848 года организовали национальный Совет, они назвали его «Головна Руска Рада». Когда Подкарпатская Русь была после первой мировой войны присоединена к Чехословакии, был произведен в ней референдум с целью выяснить, какой язык хотят иметь в школе карпатороссы. 82% карпатороссов пожелали русского языка, и только 18% подали голос за украинский язык. После присоединения части Малороссии к России в XVII веке, украинский народ, спустя короткое время, так слился с остальными русскими, что в большинстве случаев только по фамилии или по месту рождения можно было догадаться, кто малоросс, кто великоросс, и кто белорус.

Все три ветви русского народа совместными усилиями выработали великую культуру, которая в конце XIX и начале XX века была на уровне западноевропейской культуры. Чтобы согласиться с этим, достаточно вспомнить русскую литературу, музыку, науку, инженерное искусство; после великих реформ Александра II русский суд был выше западноевропейского; высоко развилось зем-

ское и городское самоуправление; благолепие русского православного богослужения теперь стало известно всему миру. Русский литературный язык принадлежит к числу особенно высоко развитых языков. Выработали его совместными усилиями и великороссы, и малороссы, и белорусы. Достаточно вспомнить имена Гоголя и Короленко, чтобы признать участие украинцев в том великом достижении.

Даже Шевченко писал свой дневник, не предназначенный для печатания, на общерусском литературном языке. Думая о России, украинцам следовало бы руководиться примером такого гения, как Гоголь. В своих произведениях Гоголь прекрасно изобразил привлекательные черты малороссов и природы Малороссии. Он страстно любил свою родину, но вместе с тем он любил весь русский народ, русский язык и Россию, как государство. Национальное сознание его было великодержавное русское. Интеллигентные малороссы творили в XIX веке великую культуру в неразрывной связи со всем русским народом, не отделяя себя от великороссов. Таковы, например, в области литературы Капнист, Гнедич (переводчик Илиады), Гоголь, Достоевский, Короленко, Мордовцев; в области философии Г.С. Сковорода, профессора Т.Ф. Осиповский⁴, С.С. Гогоцкий, и особенно Юркевич⁵, приглашенный из Киевского университета в Московский; в области других наук упомяну из множества видных ученых лишь несколько имен: историк Костомаров, лингвист Потембня, математик В.Г. Имшенецкий, зоолог А.О. Ковалевский, минералог В.И. Вернадский, сын его русский историк Г.В. Вернадский, геолог Н.И. Андрусов, Данилевские, Петрушевские, Прокоповичи. В области живописи всем известны Лосенко, Левицкий, Боровиковский, Репин, гениальный Врубель, композиторы Березовский, Бортнянский, Ведель. В государственной деятельности — князь Александр Андреевич Безбородко в царствование Екатерины II и Павла I, граф Иван Васильевич Гудович, выдающийся полководец⁶. Да разве всех перечислишь.

В состав подлинного национализма входит любовь к значительным событиям исторического прошлого народа. К великому прошлому Малороссии принадлежит множество событий и процессов, неразрывно связывающих ее с Россией. Блестящий Киевский период был, как установлено с абсолютной очевидностью, тем общим корнем, из которого вслед за ним выросли на западе украинская и на северо-востоке великорусская ветвь русского народа. Когда юго-западная Русь политически была обособлена от северной и северо-восточной Руси, украинцы и белорусы вели героическую борьбу за сохранение своей русскости и Православия, основывая братства (например, Львовское), школы, типографии. После соединения части Малороссии с Московским государством, которое вскоре стало Российской Империей, малороссийский народ вместе с великорусским создал величие Империи. Тяжелую борьбу приходилось вести русскому народу вместе с Малороссией против турок и крымских татар. В 1677-1681 годах происходила русско-турецкая война, в которой следует отметить два чигиринские похода.

Для защиты Малороссии в первом чигиринском походе 1677 г. участвовала русская армия из 32 тысяч бойцов и около 25 тысяч казаков с гетманом Самойловичем⁷ во главе. Во втором чигиринском походе в 1678 г. русская армия состояла из 50000 и около 40000 было казаков. По Бахчисарайскому мирному договору турки признали Левобережную Малороссию и Киев частью Русского государства. Особенно ясно обнаружилось отношение малороссов к России, когда шведская армия Карла XII вторглась на Украину. Мазепа изменил России, но за ним последовало менее 5000 казаков, а остальное население осталось верным России, выдержало осаду Полтавы, боролось со шведами в составе русской армии, а также в партизанских отрядах.

Говоря о великом прошлом Украины, связывающем ее с великим прошлым России, на первый план нужно

поставить воспоминание о первоклассной культуре, выработанной сообща всеми тремя ветвями русского народа во второй половине XIX века и в начале XX века. Если сепаратистам-украинцам удалось бы отделить Украину от России и образовать самостоятельное государство, культура Украины пострадала бы. Отрекшись от великой прошлой культуры, выработанной путем органической связи всех трех ветвей русского народа, шовинисты-украинцы достигли бы только ускоренного развития провинциальных особенностей своего языка и своего быта. Любовь к своему быту и наречию может и должна быть удовлетворена в форме федерации с остальными областями России, федерации такой, при которой единство культуры и великие задачи ее были бы сохранены.

В наше время появился и белорусский сепаратизм. О нем после рассмотрения украинского сепаратизма можно высказать очень кратко аналогичные соображения. Подобно украинскому, белорусский язык с его фонетическими и морфологическими особенностями стал развиваться в XIV-XVI веках, западные области русского народа были политически обособлены от восточных. Как и украинцы, белорусы все время боролись за свою русскость и за Православие против ополячивания и окатоличивания. Сознание того, что белорус есть русский, мне хорошо знакомо, потому, что я сам белорус, родившийся в Двинском уезде Витебской губернии в местечке Креславка на берегу западной Двины. Учась в Витебской гимназии, я, в возрасте двенадцати лет, читал только что появившуюся книгу «Витебская старина» (1883 г.)⁸. Из нее я узнал о нескольких веках борьбы белорусов за свою русскость и Православие. С тех пор мне стало ясно, что называние себя белорусом имеет географическое значение, а этнографически для белоруса естественно признавать себя русским, гражданином России.

Ульянов Н.И.
**Происхождение
украинского сепаратизма**

Введение

Особенность украинского самостийничества — в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит и никакими «железными» законами не объяснимо. Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. Единственный образец «угнетения» — указы 1863 и 1876 гг., ограничивавшие свободу печати на новом, искусственно создававшемся литературном языке — не воспринимались населением как национальное преследование. Не только простой народ, не имевший касательства к созданию этого языка, но и девяносто девять процентов просвещенного малороссийского общества состояло из противников его легализации. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выражавшая никогда чаяний большинства народа, сделала его своим политическим знаменем. За все 300 лет пребывания в составе Российского Государства, Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощенной народностью».

Н.И. Ульянов

Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Ныне украинское самостийничество дает образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковнославянский язык, утвердившийся на Руси со времен принятия христианства, и еще более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского Государства, во время и после его существования. Самостийники меняют культурно-историческую терминологию, меняют традиционные оценки героев событий прошлого. Все это означает не понимание и не утверждение, а искоренение национальной души. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочиненному партийному национализму.

Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала якобы пробуждается «национальное чувство», потом оно растет и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового. На Украине этот цикл совершался в обратном направлении. Там сначала обнаружилось стремление к отделению, и лишь потом стала создаваться идейная основа, как оправдание такого стремления.

В заглавии настоящей работы не случайно употреблено слово «сепаратизм» вместо «национализма». Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением ненародным, вненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует, по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием

антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам. Ю. Щербакивскому и Ф. Вовку доподлинно стало известно, что русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственных лопарям, самоедам и вогулам, тогда как украинцы — представители переднеазиатской круглоголовой расы, пришедшей из-за Черного моря и осевшей на местах, освобожденных русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледником и мамонтом¹. Высказано предположение, усматривающее в украинцах остаток населения утонувшей Атлантиды.

И это обилие теорий, и лихорадочное культурное обособление от России, и выработка нового литературного языка не могут не бросаться в глаза и не зарождать подозрения в искусственности национальной доктрины.

* * *

В русской, особенно эмигрантской, литературе существует давнишняя тенденция объяснять украинский национализм исключительно воздействием внешних сил. Особенное распространение получила она после первой мировой войны, когда вскрылась картина широкой деятельности австро-германцев по финансированию организаций вроде «Союза Вызволения Украины» по организации боевых дружин («Сичевые Стрельцы»), воевавших на стороне немцев, по устройству лагерей-школ для пленных украинцев. Д.А. Одинец, погружившийся в эту тему и собравший обильный материал, был подавлен грандиозностью немецких планов, настойчивостью и размахом пропаганды в целях насаждения самостийни-

1. Щербакивский Ю. Формация украинской нации. Прага, 1942; То же. Нью-Йорк, 1958.

чества². Вторая мировая война явила еще более широкое полотно в этом смысле.

Но с давних пор историки, и среди них такой авторитет, как проф. И.И. Лаппо, обратили внимание на поляков, приписывая им главную роль в создании автономистского движения.

Поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины. Она заложена ими еще в эпоху гетманщины. Но и в новые времена их творчество очень велико. Так, самое употребление слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими. Оно встречается уже в сочинениях графа Яна Потоцкого³. Другой поляк, гр. Фаддей Чацкий, тогда же вступает на путь расового толкования термина «украинец». Если старинные польские анналисты, вроде Самуила Грондского, еще в XVII веке выводили этот термин из географического положения Малой Руси, расположенной на краю польских владений («*Margo enim polonice kraj; inde Ukraina quasi provincia ad fines Regni posita*»)⁴, то Чацкий производил его от какой-то никому кроме него неизвестной орды «укров», вышедшей якобы из-за Волги в VII веке⁵.

Поляков не устраивала ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей». Внедрение «Украины» началось еще при Александре I, когда, ополячив Киев, покрывши весь правобережный юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и прибрав к рукам открывшийся в 1804 году харьковский университет,

2. Одинец Д.А. Из истории украинского сепаратизма // Современные Записки. № 68.

3. Potocki Jan. Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829.

4. Такое толкование принято было М.С. Грушевским. Но чувствуя его неудобство для украинофильства и для всей своей исторической схемы, он, тем не менее, ни к какому другому ясному объяснению не пришел. Уже в 1919 г. в «Короткой Истории Украины», на стр. 3 он пообещал: «А звитки назва України пішла – се потім побачимо». Но ни в этой, ни в других книгах не посвятил нас в результаты «побачення». Один из его последователей и, кажется, учеников, Сергей Шелухин, считает все его суждения по этому поводу – «хаосом догадок». См.: Шелухин С. Украина – назва нашої землі з найдавніших часів. Прага, 1936.

5. Thadeusz Chacki. O nazwiku Ukrainy i poczetku kozak w // Собр. соч. Варшава, 1843-1845.

поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края.

Хорошо известна роль польского кружка в Харьковском университете в смысле пропаганды малороссийского наречия как литературного языка. Украинскому юношеству внушалась мысль о чуждости общерусского литературного языка, общерусской культуры и, конечно, не забыта была идея нерусского происхождения украинцев⁶.

Гулак и Костомаров, бывшие в 30-х годах студентами Харьковского университета, подверглись в полной мере действию этой пропаганды. Ею же подсказана и идея всеславянского федеративного государства, провозглашенная ими в конце 40-х годов. Знаменитый «панславизм», вызывавший во всей Европе яростную брань по адресу России, был на самом деле не русского, а польского происхождения. Князь Адам Чарторыйский на посту руководителя русской иностранной политики открыто провозгласил панславизм одним из средств возрождения Польши.

Польская заинтересованность в украинском сепаратизме лучше всего изложена историком Валерианом Калининкой, понявшим бессмысленность мечтаний о возвращении юга России под польское владычество. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России⁷. Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности. В этом же духе составлена и программа Людвига Мерославского накануне польского восстания 1863 года.

«Вся агитация малороссианизма — пусть перенесется за Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числом Хмельничины. Вот в чем состоит вся наша панславистическая и коммунистическая школа!.. Вот весь польский герценизм!»⁸.

6. См. об этом: Волконский А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920; Царинный А. Украинское движение: краткий исторический очерк. Берлин, 1925.

7. Tarnowsky A. Ks. W. Kalinka. Krak w 1887, с.167-170.

8. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II. М., 1909, с. 182.

Не менее интересный документ опубликован В.Л. Бурцевым 27 сентября 1917 г. в газете «Общее Дело» в Петрограде. Он представляет записку, найденную среди бумаг секретного архива примаса униатской церкви А. Шептицкого после занятия Львова русскими войсками.

Записка составлена в начале первой мировой войны, в предвидении победоносного вступления австро-венгерской армии на территорию русской Украины. Она содержала несколько предложений австрийскому правительству на предмет освоения и отторжения от России этого края. Намечалась широкая программа мероприятий военного, правового, церковного порядка, давались советы по части учреждения гетманства, формирования сепаратистски настроенных элементов среди украинцев, придания местному национализму казацкой формы и «возможно полного отделения украинской церкви от русской».

Пикантность записки заключается в ее авторстве. Андрей Шептицкий, чьим именем она подписана, был польский граф, младший брат будущего военного министра в правительстве Пилсудского. Начав свою карьеру австрийским кавалерийским офицером, он впоследствии принял монашество, сделался иезуитом и с 1901 по 1944 г. занимал кафедру львовского митрополита. Все время своего пребывания на этом посту он неустанно служил делу отторжения Украины от России под видом ее национальной автономии. Деятельность его, в этом смысле, один из образцов воплощения польской программы на востоке.

Программа эта начала складываться сразу же после разделов. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании. Они достигли того, что малороссийские националисты, несмотря на застарелые антипатии к Польше, сделались усердными их учениками. Польский национализм стал образцом для самого мелочного подражания, вплоть до того, что сочиненный П.П. Чубинским гимн

«Ще не вмерла Украина» был неприкрытым подражанием польскому: «Jeszcze Polska ne zginela».

Картина этих более чем столетних усилий полна такого упорства в энергии, что не приходится удивляться соблазну некоторых историков и публицистов объяснить украинский сепаратизм одним только влиянием поляков⁹.

Но вряд ли это будет правильно. Поляки могли питать и взращивать эмбрион сепаратизма, самый же эмбрион существовал в недрах украинского общества. Обнаружить и проследить его превращение в видное политическое явление — задача настоящей работы.

Запорожское казачество

Когда говорят о «национальном угнетении» как о причине возникновения украинского сепаратизма то либо забывают, либо вовсе не знают, что появился он в такое время, когда не только москальского гнета, но самих москалей на Украине не было. Он существовал уже в момент присоединения Малороссии к Московскому Государству, и едва ли не первым сепаратистом был сам гетман Богдан Хмельницкий, с именем которого связано воссоединение двух половин древнего русского государства. Не прошло и двух лет со дня присяги на подданство царю Алексею Михайловичу, как в Москву стали поступать сведения о нелояльном поведении Хмельницкого, о нарушении им присяги. Проверив слухи и убедившись в их правильности, правительство вынуждено было послать в Чигирин окольного Федора Бутурлина и думного дьяка Михайлова, дабы поставить на вид гетману неблаговидность его поведения. «Обещал ты, гетман Богдан Хмельницкий, со всем войском запорожским в святой Божией церкви по непорочной Христовой заповеди перед святым Евангелием, служить и быть в подданстве

9. Особенно склонен к этому С. Н. Щеголев, собравший обильный материал в польской публицистике XIX-XX вв. См. его «Современное украинство», 1914, а также, ранее вышедшее «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма», Киев 1912.

и послушании под высокой рукой его царского величества и во всем ему великому государю добра хотеть, а ныне слышим мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочию и, еще хуже, соединились вы с неприятелем великого государя Карлом Густавом, королем шведским, который, с помощью войска запорожского его царского величества, отторгнул многие города польские. И ты, гетман, оказал пособие шведскому королю без соизволения великого государя, забыл страх Божий и свою присягу перед святым Евангелием»¹⁰.

Хмельницкого упрекали в своеволии, в недисциплинированности, но не допускали еще мысли об отложении его от Московского Государства. А между тем, ни Бутурлин, ни бояре, ни Алексей Михайлович не знали, что имели дело с двоеданником, признававшим над собой власть двух государей; факт этот стал известен в XIX веке, когда историком Н.И. Костомаровым найдены были две турецкие грамоты Мехмет-Султана к Хмельницкому, из которых видно, что гетман, отдавшись под руку царя московского, состоял в то же время подданным султана турецкого. Турецкое подданство он принял еще в 1650 году, когда ему послали из Константинополя «штуку златоглаву» и кафтан, «чтобы вы с уверенностью возложили на себя этот кафтан, в том смысле, что вы теперь стали нашим верным данником»¹¹.

Знали об этом событии, видимо, лишь немногие приближенные Богдана, в то время как от казаков и от всего народа малороссийского оно скрывалось. Отправляясь в 1654 году в Переяславль на раду, Хмельницкий не отказался от прежнего подданства и не снял турецкого кафтана, надев поверх него московскую шубу.

Через полтора с лишним года после присяги Москве султан шлет новую грамоту, из которой видно, что Богдан и не думал порывать с Портой, но всячески старался представить ей в неверном свете свое соединение с Мо-

10. А.Ю.З.Р., т. III, №369.

11. Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий, данник оттоманской порты // Вестник Европы. 1878. Т. VI.

сквой. Факт нового подданства он скрыл от Константинополя, объяснив все дело как временный союз, вызванный трудными обстоятельствами. Он по-прежнему просил султана считать его своим верным вассалом, за что удостоился милостивого слова и заверения в высоком покровительстве.

Двоедушие Хмельницкого не представляло чего-нибудь исключительного; вся казачья старшина настроена была таким же образом. Не успела она принести присягу Москве, как многие дали понять, что не желают оставаться ей верными. Во главе нарушивших клятву оказались такие видные люди, как Богун и Серко. Серко ушел в Запорожье, где стал кошевым атаманом, Богун, уманский полковник и герой Хмельничины, сложив присягу, начал мутить все Побужье.

Были случаи прямого уклонения от присяги. Это касается, прежде всего, высшего духовенства, враждебно относившегося к идее соединения с Москвой. Но и запорожцы, вовсе не высказывавшие такой вражды, вели себя не лучше. Когда Богдан окончательно решился отдаться царю, он запросил мнение Сечи, этой метрополии казачества. Сечевики ответили письмом, выразившим их полное согласие на переход «всего малороссийского народа, по обеим сторонам Днепра живущего, под протекцию великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского». И после того, как присоединение состоялось и Богдан прислал им в Сечь списки с жалованных царских грамот, запорожцы выражали радость по поводу «закрепления и подтверждения превысоким монархом стародавних прав и вольностей войска малороссийского народа»; они воздавали «хвалу и благодарность Пресвятой Троице и поклоняемому Богу и нижайшее челобитствие пресветлейшему государю». Когда же дошло до присяги этому государю, запорожцы притихли и замолчали. Покрывая их, гетман всячески успокаивал московское правительство, уверяя, что «запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех

в дело почитать нечего». Только с течением времени Москве удалось настоять на их присяге¹².

Когда началась война с Польшей и соединенное русско-малороссийское войско осаждало Львов, генеральный писарь Выговский уговаривал львовских мещан не сдавать города на царское имя. Представителю этих мещан Кушевичу, отказавшемуся от сдачи, переяславский полковник Тетеря шепнул по-латыни «вы постоянны и благородны».

Сам Хмельницкий к концу войны сделался крайне неприветлив со своими коллегами — царскими воеводами; духовник его, во время молитвы, когда садились за стол, перестал поминать царское имя, тогда как полякам, с которыми воевали, старшина и гетман оказывал знаки приязни. После войны они решились на открытое государственное преступление, нарушив заключенный царем виленский договор с Польшей и вступивши в тайное соглашение с шведским королем и седмиградским князем Ракочи о разделе Польши. Двенадцать тысяч казаков было послано на помощь Ракочи¹³. Все три года, что Хмельницкий находился под московской властью, он вел себя как человек, готовый со дня на день сложить присягу и отпасть от России.

Приведенные факты имели место в такое время, когда царской администрации на Украине не существовало, и никакими насилиями она не могла восстановить против себя малороссов. Объяснение может быть одно: в 1654 году существовали отдельные лица и группы, шедшие в московское подданство неохотно и думавшие о том, как бы скорей из него выйти.

* * *

Объяснение столь любопытного явления надлежит искать не в малороссийской истории, а в истории днепровского казачества, игравшего руководящую роль в событиях 1654 года. Вообще, истоки украинского самостий-

12. Эварницкий Д.И. История Запорожских казаков. СПб, 1895. Т. II. С. 248.

13. А.Ю.З.Р., т. III, № 369; Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Т. II. С. 8.

ничества невозможно понять без обстоятельного экскурса в казачье прошлое. Даже новое имя страны «Украина» пошло от казачества. На старинных картах территории с надписью «Украина» появляются впервые в XVII веке, и если не считать карты Боплана, надпись эта всегда относится к области поселения запорожских казаков. На карте Корнетти 1657 г. между «Bassa Volinia» и «Podolia» значится по течению Днепра «Ukraine passa de Cosacchi». На голландской карте конца XVII века то же самое место обозначено: «Ukraine of t. Land der Cosacken».

Отсюда оно стало распространяться на всю Малороссию. Отсюда же распространились и настроения, положившие начало современному самостийничеству. Далеко не все понимают роль казачества в создании украинской националистической идеологии. Происходит это, в значительной степени, из-за неверного представления о его природе. Большинство почерпает свои сведения о нем из исторических романов, песен, преданий и всевозможных произведений искусства. Между тем, облик казака в поэзии мало сходен с его реальным историческим обликом.

Он выступает там в ореоле беззаветной отваги, воинского искусства, рыцарской чести, высоких моральных качеств, а главное — крупной исторической миссии: он борец за православие и за национальные южно-русские интересы. Обычно, как только речь заходит о запорожском казаке, встает неотразимый образ Тараса Бульбы, и надобно глубокое погружение в документальный материал, в исторические источники, чтобы освободиться от волшебства гоголевской романтики.

* * *

На запорожское казачество с давних пор установилось два прямо противоположных взгляда. Одни усматривают в нем явление дворянско-аристократическое — «лыцарское». Покойный Дм. Дорошенко, в своей популярной «Истории Украины з малюнками», сравнивает запорожскую Сечь со средневековыми рыцарскими орденами.

«Тут постепенно выработалась, — говорит он, — особая воинская организация наподобие рыцарских братств, что существовали в Западной Европе». Но существует другой, едва ли не более распространенный взгляд, по которому казачество воплощало чаяния плебейских масс и было живым носителем идеи народовластия с его началами всеобщего равенства, выборности должностей и абсолютной свободы.

Эти два взгляда, не примиренные, не согласованные между собой, продолжают жить по сей день в самостоятельной литературе. Оба они не казачьи и даже не украинские. Польское происхождение первого из них не подлежит сомнению. Он восходит к XVI веку и встречается впервые у польского поэта Папроцкого. Наблюдая панские междоусобия, грызню магнатов, забвение государственных интересов и весь политический разврат тогдашней Польши, Папроцкий противопоставляет им свежую, здоровую, как ему казалось, среду, возникшую на окраинах Речи Посполитой. Это — среда русская, казачья. Погрязшие во внутренних распрях поляки, по его словам, и не подозревали, что много раз были спасены от гибели этим окраинным русским рыцарством, отражавшим, подобно крепостному валу, напор турецко-татарской силы. Папроцкий восхищается его доблестью, его простыми крепкими нравами, готовностью постоять за веру, за весь христианский мир¹⁴. Произведения Папроцкого были не реалистическим описанием, а поэмами, вернее, памфлетами. В них заложена та же тенденция, что и в «Германии» Тацита, где деморализованному, вырождающемуся Риму противопоставляется молодой, здоровый организм варварского народа.

В той же Польше начинают появляться сочинения, описывающие блестящие воинские подвиги казаков, сравнить с которыми можно только подвиги Гектора, Дидомеда или самого Ахилла. В 1572 году вышло сочинение панов Фредро, Ласицкого и Горецкого, описывающее

14. «Do Polak w». Перепечатано П. Кулишем в приложении ко II т. его «Истории воссоединения Руси» с редкого издания, вышедшего в Кракове в 1575 г.

похождения казаков в Молдавии под начальством гетмана Ивана Свирговского. Каких только чудес храбрости там не показано! Сами турки говорили взятым в плен казакам: «В целом королевстве польском нет подобных вам воинственных мужей!». Те скромно возражали: «Напротив, мы самые последние, нет нам места между своими, и потому мы пришли сюда, чтобы или пасть со славою, или воротиться с военной добычею». Все попавшие к туркам казаки носят польские фамилии: Свирговский, Козловский, Сидорский, Янчик, Копытский, Решковский. Из текста повествования видно, что все они шляхтичи, но с каким-то темным прошлым; для одних разорение, для других провинности и преступления были причиной ухода в казаки. Казачьи подвиги рассматриваются ими как средство восстановления чести: «или пасть со славою, или воротиться с военной добычею». Потому они и расписаны так авторами, которые сами могли быть соратниками Свирговского¹⁵. Еще П. Кулиш заметил, что сочинение их продиктовано менее высокими мотивами, чем поэмы Папроцкого. Они преследовали цель реабилитации провинившихся шляхтичей и их амнистии. Подобные сочинения, наполненные превознесением храбрости дворян, ушедших в казаки, наделяли рыцарскими чертами и все казачество. Литература эта, без сомнения, рано стала известна запорожцам, способствуя распространению среди них высокого взгляда на свое общество. Когда же «реестровые» казаки начали, в XVII веке, захватывать земли, превращаться в помещиков и добиваться дворянских прав, популяризация версии об их рыцарском происхождении приобрела особенную настойчивость. «Летопись Грабянки», «Краткое описание о казацком малороссийском народе» П. Симоновского, труды Н. Маркевича и Д. Бантыш-Каменского, а также знаменитая «История Русов» — наиболее яркие выражения взгляда на шляхетскую природу казачества.

15. См.: Костомаров Н.И. Гетман Иван Свирговский // Исторические монографии. СПб., 1863. Т. 2.

* * *

Несостоятельность этой точки зрения вряд ли нуждается в доказательстве. Она попросту выдумана и никакими источниками, кроме фальшивых, не подтверждается. Мы не знаем ни одного проверенного документа, свидетельствующего о раннем запорожском казачестве как о самобытной военной организации малороссийской шляхты. Простая логика отрицает эту версию. Будь казаки шляхтичами с незапамятных времен, зачем бы им было в XVII и XVIII веках добиваться шляхетского звания? К тому же Литовская Метрика, русские летописи, польские хроники и прочие источники дают в достаточной мере ясную картину происхождения подлинного литовско-русского дворянства, чтобы у исследователей мог возникнуть соблазн вести его генезис от запорожцев.

Еще труднее сравнивать запорожскую Сечь с рыцарским орденом. Ордена хоть и возникли, первоначально, за пределами Европы, но всем своим существом связаны с нею. Они были порождением ее общественно-политической и религиозной жизни, тогда как казачество рекрутировалось из элементов, вытесненных организованным обществом государств европейского востока. Возникло оно не в гармонии, а в борьбе с ними. Ни светская, ни церковная власть, ни общественный почин не причастны к образованию таких колоний, как Запорожье. Всякая попытка приписать им миссию защитников православия против Ислама и католичества разбивается об исторические источники. Наличие в Сечи большого количества поляков, татар, турок, армян, черкесов, мадьяр и прочих выходцев из неправославных стран не свидетельствует о запорожцах как ревнителях православия.

Данные, приведенные П. Кулишем, исключают всякие сомнения на этот счет. Оба Хмельницких, отец и сын, а после них Петр Дорошенко, признавали себя подданными султана турецкого — главы Ислама. С крымскими же татарами, этими «врагами креста Христова», казаки не столько воевали, сколько сотрудничали и вкуче ходили на польские и на московские украины.

Современники отзывались о религиозной жизни днепровского казачества с отвращением, усматривая в ней больше безбожия, чем веры. Адам Кисель, православный шляхтич, писал, что у запорожских казаков «нет никакой веры» и то же повторял униатский митрополит Рутский. Православный митрополит и основатель киевской духовной академии – Петр Могила – относился к казакам с нескрываемой враждой и презрением, называя их в печати «ребелизантами». Сравнить сечевую старшину с капитулом, а кошевого атамана с магистром ордена – величайшая пародия на европейское средневековье. Да и по внешнему виду казак походил на рыцаря столько же, сколько питомец любой восточной орды. Тут имеются в виду не столько баранья шапка, оселедец и широкие шаровары, сколько всякое отсутствие шаровар. П. Кулиш собрал на этот счет яркий букет показаний современников, вроде оршанского старосты Филиппа Кмиты, изображавшего в 1514 году черкасских казаков жалкими оборванцами, а французский военный эксперт Дальрак, сопровождавший Яна Собесского в знаменитом походе под Вену, упоминает о «дикой милиции» казацкой, поразившей его своим невзрачным видом.

Уже от начала XVIII века сохранилось любопытное описание одного из казачьих гнезд, своего рода филиала Сечи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посетить Хвастов – стоянку знаменитого Семена Палея и его вольницы: «Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нем что звери. По земляному валу ворота частые, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палеевщина лежит человек по двадцати, по тридцати; голы что бубны, без рубах нагие, страшны зело. А когда мы приехали и стали на площади, а того дня у них случилось много свадеб, так нас обступили, как есть около медведя; все казаки палеевщина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нет; страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое,

что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного»¹⁶. Сохранился отзыв о палеевцах и самого гетмана Мазепы. По его словам, Палей «не только сам повседневым пьянством помрачаясь, без страха Божия и без разума живет, но и гультейство также едионравное себе держит, которое ни о чем больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной».

Запорожская Сечь, по всем дошедшим до нас сведениям, недалеко ушла от палеевского табора — этого подобия «лицарських орденів, що існували в західній Європі».

* * *

Что касается легенды демократической, то она — плод усилий русско-украинских поэтов, публицистов, историков XIX века, таких как Рылеев, Герцен, Чернышевский, Шевченко, Костомаров, Антонович, Драгоманов, Мордовцев. Воспитанные на западно-европейских демократических идеалах, они хотели видеть в казачестве простой народ, ушедший на «низ» от панской неволи и унесший туда свои вековечные начала и традиции. Не случайно, что такой взгляд определился в эпоху народничества и наиболее яркое выражение получил в статье «О казачестве» («Современник», 1860 г.) где автор ее, Костомаров восставал против распространенного взгляда на казаков как на разбойников, и объяснял казачье явление «последствием идей чисто демократических».

Костомаровская точка зрения живет до сих пор в СССР. В книге В.А. Голобуцкого «Запорожское казачество»¹⁷ казаки представлены пионерами земледелия, распахивателями целины в Диком поле. Автор видит в них не воинское, а хлебопашеское, по преимуществу, явление. Но его аргументация, рассчитанная на непосвященную читательскую массу, лишена какой-либо ценности для исследователей. Он часто прибегает к недостойным приемам, вроде того, что хозяйство реестровых казаков

16. «Путешествие попа Лукьянова». Цит. по: Кулиш П. Польская колонизация юго-западной Руси // Вестник Европы. 1874. Т. II.

17. Киев, 1957.

XVII века выдает за дореестровый период казачьего быта и не стесняется зачислять в казаки неказачьи группы населения, мещан, например. Кроме того, он совершенно уклонился от возражения на труды и публикации, не согласные с его точкой зрения.

Когда Костомаров, вместе с Белозерским, Гулаком, Шевченко, основал в Киеве, в 1847 году, «Кирилло-Мефодиевское Братство», он написал «Книги бытия украинского народу» — что-то вроде политической платформы, где казацкое устройство противопоставлялось аристократическому строю Польши и самодержавному укладу Москвы.

«Не любила Украина ни царя, ни пана, скомпонувала собі козацтво, есть то истее братство, куды кожный пристаючи був братом других, чи вин був прежтого паном, чи невольником, аби христианин, и були казаки миж собою вси ровни и старшины выбирались на ради и повинни були слугувати всим по слову христовому, и жадной помпи панской и титула не було миж козаками». Костомаров приписывал казакам высокую миссию: «Постановило козацтво виру святую обороняти и визволяти ближних своих з неволи. Тим то гетман Свирговский ходив обороняти Волощину, и не взяли казаки миси з червонцами, як им давали за услуги, не взяли тим, що кровь проливали за виру та за ближних и служили Богу, а не идолу золотому»¹⁸. Костомаров в тот период был достаточно невежественен в украинской истории. Впоследствии он хорошо узнал, кто такой был Свирговский и зачем ходил в Валахию. Но в эпоху Кирилло-Мефодиевского Братства авантюрная грабительская экспедиция польских шляхтичей легко сошла у него за крестовый поход и за служение «Богу, а не идолу золотому».

По Костомарову, казаки несли Украине такое подлинно демократическое устройство, что могли осчастливить не одну эту страну, но и соседние с нею.

18. Kostomarov M. Knyhy bytija ukrains'koho narodu / texte publi par E. Borschak avec une introduction et des notes. Paris, 1947. Второе их издание с переводом на французский язык: «Le livre de la genese du peuple ukrainien», par Georges Luciani. Paris, 1956.

Приблизительно так же смотрел на запорожскую Сечь М.П. Драгоманов. В казачьем быту он видел общинное начало и даже склонен был называть Сечь «коммуной». Он не мог простить П. Лаврову, что тот в своей речи на банкете, посвященном 50-летию польского восстания 1830 г., перечислив наиболее яркие примеры революционно-демократического движения (Жакерия, Крестьянская война в Германии, Богумильство в Болгарии, Табориты в Чехии) — не упомянул «Товариства (коммуны) Запорожского»¹⁹. Драгоманов полагал, что Запорожье «самый строй таборами заимствовало от чешских таборитов, которым ходили помогать наши Волынцы и подоляне XV века». Одной из прямых задач участников украинофильского движения Драгоманов считал обязанность «отыскивать в разных местах и классах населения Украины воспоминания о прежней свободе и равноправности». Он включил это в качестве особого пункта в «Опыт украинской политико-социальной программы», выпущенной им в 1884 г. в Женеве. Там популяризации казачьего самоуправления в эпоху Гетманщины и, особенно, «Сечи и вольностей товариства запорожского» — придается исключительное значение. «Программа» требует от поборников украинской идеи всемерно их пропагандировать и **подводить их к теперешним понятиям о свободе и равенстве у образованных народов**²⁰.

Это вполне объясняет широкое распространение подобного взгляда на запорожское казачество, особенно среди «прогрессивной» интеллигенции. Она его усвоила в результате энергичной пропаганды деятелей типа Драгоманова. Без всякой проверки и критики он был принят всем русским революционным движением. В наши дни он нашел выражение в тезисах ЦК КПСС по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией: «В ходе борьбы украинских народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета, — говорится там, — а также против турецко-татарских набегов, была

19. Драгоманов М. Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос. Казань, 1907. С. 35.

20. С. 21.

создана военная сила в лице казачества, центром которого в XVI веке стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа».

Составители тезисов проявили значительную осторожность, ни о коммунизме казачьем, ни о свободе и равенстве не упоминают — оценивают казачество исключительно как военную силу, но «прогрессивную роль» его отмечают в соответствии с традиционной украинофильской точкой зрения.

Между тем, историческая наука давно признала неуместность поисков «прогресса» и «демократии» в таких явлениях прошлого, как Новгородская и Псковская республики или Земские Соборы Московского Государства. Их своеобразная средневековая природа мало имеет общего с учреждениями нового времени. То же старое казачество. Объективное его изучение разрушило как аристократическую, так и демократическую легенды. Сам Костомаров, по мере углубления в источники, значительно изменил свой взгляд, а П. Кулиш, развернув широкое историческое полотно, представил казачество в таком свете, что оно ни под какие сравнения с европейскими институтами и общественными явлениями не подходит. На Кулиша сердились за такое развенчание, но опорочить его аргументацию и собранный им документальный материал не могли. Обращение к нему и по сей день обязательно для всякого, кто хочет понять истинную сущность казачества.

Демократия в наш век расценивается не по формальным признакам, а по ее общественно-культурной и моральной ценности. Равенство и выборность должностей в общине, живущей грабежом и разбоем, никого не восхищают. Не считаем мы также достаточным для демократического строя одного только участия народа в решении общих дел и выборности должностей. Ни древняя, античная, ни новейшая демократия не мыслили этих начал вне строгой государственной организации и твердой власти. Господства толпы никто сейчас с понятием народовластия не сближает. А запорожским казакам именно

государственного начала и недоставало. Они воспитаны были в духе отрицания государства. К своему собственному войсковому устройству, которое могло бы рассматриваться как прообраз государства, у них существовало малопочтительное отношение, вызывавшее всеобщее удивление иностранцев. Популярнейший и сильнейший из казачьих гетманов — Богдан Хмельницкий — немало терпел от своевольтва и необузданности казаков. Все, кто бывал при дворе Хмельницкого, поражались грубому и панибратскому обхождению полковников со своим гетманом. По словам одного польского дворянина, московский посол, человек почтенный и обходительный, часто принужден был опускать в землю глаза. Еще большее возмущение вызвало это у венгерского посла. Тот, несмотря на радушный прием, оказанный ему, не мог не вымолвить по-латыни: «Занесло меня к этим диким зверям!»²¹. Казаки не только гетманский престиж ни во что не ставили, но и самих гетманов убивали с легким сердцем. В 1668 г. под Диканькой они убили левобережного гетмана Брюховецкого. Правда, это убийство было совершено по приказу его соперника Дорошенко, но когда тот выкатил несколько бочек горелки, казаки, подвыпив, надумали убить к вечеру и самого Дорошенко. Преемник Брюховецкого, Демьян Многогрешный, признавался: «Желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мне смерть приключится, то у казаков такой обычай — гетманские пожитки все разнесут, жену, детей и родственников моих нищими сделают; да и то у казаков бывает, что гетманы своею смертью не умирают; когда я лежал болен, то казаки собирались все пожитки мои рознести по себе»²². К «розносу» гетманских пожитков казаки готовы были в любую минуту. Сохранилось описание банкета, данного Мазепой в шведском стане в честь прибывших к нему запорожцев. Подвыпив, запорожцы начали тянуть со стола золотую и серебряную посуду, а когда кто-то осмелился указать на неблагоприятность такого поведения, то был тут

21. См.: Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1859. Т. I. С. 320-330.

22. Соловьев С. М. История России. М., 1961. Т. XII. С. 424.

же прирезан. Если такой стиль царил в эпоху Гетманщины, когда казачество пыталось создать что-то похожее на государственное управление, то что было в сравнительно ранние времена, особенно в знаменитой Сечи? Кошевых атаманов и старшину поднимали на щит или свергали по капризу, либо под пьяную руку, не предъявляя даже обвинения. Рада, верховный орган управления — представляла собой горластое неорганизованное собрание всех членов «братства». Боярин В.В. Шереметев, взятый татарами в плен и проживший в Крыму много лет, описывал в одном письме к царю Алексею Михайловичу свое впечатление от татарского Курултая или, как он его называет, «Думы». «А дума бусурманская похожа была на раду казацкую; на что хан и ближние люди приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дело никакими мерами сделано не будет». На необычайное засилье самовольной толпы жалуются все гетманы. Казачество, по словам Мазепы, «никогда никакой власти и начальства над собой иметь не хочет». Казачья «демократия» была на самом деле охлократией.

Не здесь ли таится разгадка того, почему Украина не сделалась в свое время самостоятельным государством? Могли ли его создать люди, воспитанные в антигосударственных традициях? Захватившие Малороссию «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления. Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII века. Не создав своего государства, казаки явились самым неуживчивым элементом и в тех государствах, с которыми связывала их историческая судьба.

* * *

Объяснения природы казачества надо искать не на Западе, а на Востоке, не на почве, удобренной римской культурой, а в «диком поле», среди тюрко-монгольских

орд. Запорожское казачество давно поставлено в прямую генетическую связь с хищными печенегами, половцами и татарами, бушевавшими в южных степях на протяжении чуть не всей русской истории. Осевшие в Приднепровье и известные чаще всего под именем Черных Клобуков, они со временем христианизировались, обрусели и положили начало, по мнению Костомарова, южнорусскому казачеству. Эта точка зрения получила сильное подкрепление в ряде позднейших изысканий, среди которых особенным интересом отличается исследование П. Голубовского. Согласно ему, между степным кочевым миром и русской стихией не было в старину той резкой границы, какую мы себе обычно представляем. На всем пространстве от Дуная до Волги «лес и степь» взаимно проникали друг друга, и в то время как печенеги, торки и половцы оседали в русских владениях, сами русские многочисленными островками жили в глубине тюркских кочевий. Происходило сильное смешение кровей и культур. И в этой среде, по мнению Голубовского, уже в киевскую эпоху стали создаваться особые воинственные общины, в составе которых наблюдались как русские, так и кочевые инородческие элементы. Основываясь на известном «Codex Samaritanicus» конца XIII века, Голубовский самое слово «казак» считает половецким, в смысле стража передового, дневного и ночного²³.

Толкований этого слова много, и выводилось оно всегда из восточных языков, но прежние исследователи сопровождали свои утверждения аргументацией и соответствующими лингвистическими выкладками. Только В.А. Голобуцкий, автор недавно вышедшей работы о запорожском казачестве, отступил от этой хорошей академической традиции. Отметив тюркское его происхождение и истолковав как «вольного человека», он ничем не подкрепил своего открытия. Нетрудно заметить руководившее им желание — закрепить филологически за словом «казак» то значение, которое придавалось ему в националистической публицистике и поэзии XIX века.

23. Голубовский П. Печенеги, торки, половцы. Киев, 1884.

Некоторые исследователи идут дальше Голубовского и ищут следов казачества в скифских и в сарматских временах, когда на нашем юге подвизались многочисленные ватаги, добывавшие пропитание грабежами и набегами. Степь искони дышала разбоем, хищничеством и той особой вольностью, которую так трудно отождествить с современным понятием свободы. Наиболее яркую печать наложила на казачество самая близкая к нему по времени татарская эпоха степной истории. Давно обращено внимание на тюркско-татарское происхождение казачьей терминологии. Слово «чабан», например, означающее пастуха овец, заимствовано от татар. От них же заимствовано и слово «атаман», производное от «одаман», означающее начальника чабанов сводного стада. Сводное же стадо составляли десять соединенных стад, по тысяче овец в каждом. Такое стадо называлось «кхош». Казацкое «кош» (становище, лагерь, сборное место) и «кошевой атаман» вышли из этого степного лексикона. Оттуда же «курень» и «куренный атаман». «Значение куреня, — по словам Рашидед-Дина, — таково: когда в поле кибитки во множестве стоят кругом в виде кольца, то называют это КУРЕНЬ».

Объяснить проникновение в среду днепровских казаков тюркско-монгольской кочевой терминологии не так уж трудно ввиду близости Крыма. Но наиболее вероятным ее источником были казаки же, только не свои, русские, а татарские. Представление о казачестве как специально русском явлении до такой степени распространено у нас и в Европе, что о существовании иноплеменных казачьих скопищ редко кому известно. Между тем, Дон и Запорожье были, надо думать, младшими братьями и учениками казаков татарских.

На существование татарских казаков имеется множество указаний. Оставляя в стороне вопрос о большой Казахской орде за Каспием, которую некоторые историки, как Быкадоров и Эварницкий, ставят в родственную связь со всем казацким миром, мы ограничимся более близкой нам территорией — Причерноморьем.

В 1492 г. хан Менгли-Гирей писал Ивану III, что войско его, возвращаясь из-под Киева с добычей, было ограблено в степи «ордынскими казаками». Об этих ордынских или «азовских» казаках-татарах неоднократно пишут русские летописцы со времен Ивана III, характеризуя их как самых ужасных разбойников, нападавших на пограничные города и чинивших необычайные препятствия при сношениях Московского Государства с Крымом. «Поле не чисто от азовских казаков», читаем мы постоянно в донесениях послов и пограничных воевод государю. Татарские казаки, так же как русские, не признавали над собой власти ни одного из соседних государей, хотя часто поступали к ним на службу. Так, отряды татарских казаков состояли на службе у Москвы, не гнушалась ими и Польша. Известно, по крайней мере, что король Сигизмунд-Август призывал к себе белгородских (аккерманских) и перекопских казаков и посылал им сукно на жалованье. Но чаще всех привлекал их себе на помощь крымский хан, имевший постоянно в составе своих войск крупные казачьи отряды. Разбойничая на пространстве между Крымом и московской Украиной, татарские казаки были в военном, бытовом и экономическом отношении самостоятельной организацией, так что польские летописцы, зная четыре татарские орды (заволжскую, астраханскую, казанскую, перекопскую), причисляли к ним иногда пятую — казацкую²⁴.

Надо ли после этого ходить далеко на Запад в поисках образца для запорожской Сечи? Истинной школой днепровской вольницы была татарская степь, давшая ей все — от воинских приемов, лексикона, внешнего вида (усы, чуб, шаровары) до обычаев, нравов и всего стиля поведения.

Прославленные морские походы в Туретчину выглядят совсем не патриотическим и не благочестивым делом. Сами украинофилы прошлого века знали, что ка-

24. См. об этом: Кулиш П. История воссоединения Руси. Т. I; Польская колонизация юго-западной Руси; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.:Л., 1948; Gunter St kl. Die Entstehung des Kosakentums. Muchen:lsar-Verlag, 1953.

заки «розбивали по Черному море христианске купецтво заодно с бесурменским, а дома плиндрували руськи свои городи татарским робом»²⁵.

«Были в Швеции казаки запорожские, числом 4.000, пишет одна польская летопись, — над ними был гетманом Самуил Кошка, там этого Самуила и убили. Казаки в Швеции ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар». Под 1603 годом повествуется о походе казаков под начальством некоего Ивана Куцки в Боркулабовской и Шупенской волостях, где они обложили население данью в деньгах и натуре. «В том же году в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своевольство: что кто хочет, то делает. Приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил казакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть: все люди плакали, Богу-Создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда казаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою брали; один казак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3, 4, женщин или девиц 4 или 3»²⁶.

Чем эта картина отличается от вида крымской орды, возвращающейся с ясырем из удачного набега? Разница может быть та, что татары своих единоверцев и единоплеменников не брали и не продавали в рабство, тогда как для запорожских «лыцарей» подобных тонкостей не существовало.

Школа Запорожья была не рыцарская и не трудовая крестьянская. Правда, много крепостных мужиков бежа-

25. Твори Пантелеймона Кулиша. Львов, 1910. Т. VI. С. 578.

26. Соловьев С.М. История России. Т. X. С. 438.

ло туда, и много было поборников идеи освобождения селянства от крепостного права. Но принесенные извне, эти идеи замирали в Запорожье и подменялись другими. Не они определяли образ Сечи и общий тонус ее жизни. Здесь существовали свои вековые традиции, нравы и свой взгляд на мир. Попадавший сюда человек переваривался и перетапливался, как в котле, из малоросса становился казаком, менял этнографию, менял душу. В глазах современников как отдельные казаки, так и целые их объединения носили характер «добычников». «Жен не держат, землю не пашут, питаются от скотоводства, звериной ловли и рыбного промысла, а в старину больше в добычах, от соседственных народов получаемых, упражнялись»²⁷. Казакование было особым методом добывания средств к жизни, и тот же Папроцкий, воспевавший казаков как рыцарей, признается в одном месте, что в низовьях Днепра «сабля приносила больше барышей, чем хозяйство». Именно поэтому в казачество шли не одни простолюдины, но и шляхта, подчас из очень знатных родов. Насколько возвышенными были их цели и устремления, видно из случая с знаменитым Самуилом Заборовским. Отправляясь в Запорожье, он мечтал о походе с казаками на московские пределы, но явившись в Сечь и ознакомившись с обстановкой, меняет намерение и предлагает поход в Молдавию. Когда же татары приходят с дружеским предложением идти совместно грабить Персию, он охотно соглашается и на это. Запорожские мораль и нравы хорошо были известны в Польше: коронный гетман Ян Замойский, обращаясь к провинившимся шляхтичам, выставлявшим в оправдание прежних проступков свои заслуги в запорожском войске, говорил: «Не на Низу ищут славной смерти, не там возвращаются утраченные права. Каждому рассудительному человеку понятно, что туда идут не из любви к отчеству, а для добычи»²⁸.

27. Миллер Г.Ф. Рассуждение о запорожцах // Чтения в Московском обществе Истории и Древностей Российских. 1846. № 5. С. 58.

28. Кулиш П. Польская колонизация юго-западной Руси.

Даже в поздние времена, в начале XVIII века, казаки не стеснялись называть свое ремесло его собственным именем. Когда Булавин поднял на Дону восстание против Петра Великого, он отправился в Запорожье с целью прибрать там себе помощников. Сечь заволновалась. Одни стояли за немедленное соединение с донским атаманом, другие боялись порывать с Москвой. Дошло до смены кошевого и старшины. Умеренная группа одержала верх и порешили всей Сечью не выступать, а разрешить желающим присоединиться к Булавину на свой риск. Булавин встал в Самарских городках и обратился к запорожцам с призывом: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, **ВОРЫ** и **РАЗБОЙНИКИ!** Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в черны вершины самарские!»²⁹.

До учреждения оседлого реестрового казачества в середине XVI века термином «казак» определялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удаляться в степь за линию пограничной охраны и жить там наподобие татарских казаков, т.е., в зависимости от обстоятельств, ловить рыбу, пасти овец или грабить.

Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. Один — оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой — гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею.

Высказанная многими русскими историками, мысль эта поддержана ныне немецким исследователем Гюнтером Штеклем, полагающим, что первыми русскими

29. Соловьев С.М. История России. Т. XV. С. 180..

казаками были обрусевшие крещеные татары. В них он видит отцов восточнославянского казачества.

Что касается легенды, приписывающей запорожцам миссию защиты славянского востока Европы от татар и турок, то она ныне достаточно развенчана накопившимся документальным материалом и трудами исследователей. Казацкая служба на краю Дикого поля создана инициативой и усилиями польского государства, а не самого казачества. Вопрос этот давно ясен для исторической науки.

Захват Малороссии казаками

Кто не понял хищной природы казачества, кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймет ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события, ему предшествовавшего, в середине XVII века. А событие это означало не что иное, как захват небольшой кучкой степной вольницы огромной по территории и по народонаселению страны. У казаков с давних пор жила мечта получить в кормление какое-нибудь небольшое государство. Судя по частым набегам на Молдаво-Валахию, эта земля была раньше всех ими облюбована. Они ею чуть было не овладели в 1563 г., когда ходили туда под начальством Байды-Вишневецкого. Уже тогда шла речь о возведении этого предводителя на господарский престол. Через 14 лет, в 1577 г., им удается взять Яссы и посадить на трон своего атамана Подкову, но и на этот раз успех оказался непродолжительным, Подкова не удержался на господарстве. Невзирая на неудачи, казаки чуть не целое столетие продолжали попытки завоевания и захвата власти в дунайских княжествах. Прибрать их к рукам, учредиться там в качестве чиновничества, завладеть урядами — таков был смысл их усилий.

Судьба к ним оказалась благосклоннее, чем они могли предполагать, она отдала им гораздо более богатую и обширную, чем Молдавия, землю — Украину. Выпало такое счастье, в значительной мере неожиданно для

них самих, — благодаря крестьянской войне, приведшей к падению крепостного права и польского владычества в крае.

Но прежде чем говорить об этом, необходимо отметить одну важную перемену, совершившуюся в середине XVI века. Речь идет о введении так называемого «реестра», под которым разумелся список тех казаков, что польское правительство приняло к себе на службу для охраны окраинных земель от татарских набегов. Строго ограниченные числом, доведенным с течением времени до 6000, подчиненные польскому коронному гетману и получившие свой войсковой и административный центр в городе Терехтемирове над Днепром, реестровые казаки наделены были известными правами и льготами: избавлялись от налогов, получали жалованье, имели свой суд, свое выборное управление. Но, поставив эту избранную группу в привилегированное положение, польское правительство наложило запрет на всякое другое казакованье, видя в нем развитие вредного, гулящего, антиправительственного элемента.

В ученой литературе эта реформа рассматривается обычно как первое юридическое и экономическое разделение внутри казачества. В реестровых видят избранную касту, получившую возможность обзаводиться домом, землей, хозяйством и применять, нередко в больших размерах, труд работников и всевозможных слуг. Советским историкам это дает материал для бесконечных рассуждений о «расслоении», об «антагонизме».

Но антагонизм существовал не в казачьей среде, а между казаками и хлопами. В Запорожье, как и в самой Речи Посполитой, хлопов презрительно называли «чернью». Это те, кто, убежав от панского ярма, не в силах оказались преодолеть своей хлебоборной мужицкой природы и усвоить казачьи замашки, казачью мораль и психологию. Им не отказывали в убежище, но с ними никогда не сливались; запорожцы знали случайность их появления на низу и сомнительные казачьи качества. Лишь небольшая часть, пройдя степную школу, беспово-

ротом меняла крестьянскую долю на профессию лихого добычника. В большинстве же своем холопский элемент расплылся: кто погибал, кто шел работниками на хутора к реестровым, а когда наплыв такого люда был большим, образовывал скопища, служившие пушечным мясом для ловких предводителей из старых казаков, вроде Лободы или Наливайки, и натравливался на пристепные имения польских магнатов.

Взаимоотношения же между реестровыми и нереестровыми, несмотря на некоторые размолвки, никогда не выражались в форме классовых или сословных распрей. Сечь для тех и других была колыбелью и символом единства. Реестровые навещают ее, бегут туда в случае невзгод или ссор с польским правительством, часто объединяются с сечевиками для совместных грабительских экспедиций.

Реестровая реформа не только не встречена враждебно на низу, но окрылила все степное гультайство; попасть в реестр и быть причисленным к «лыцарству» стало мечтой каждого запорожского молодца. Реестр явился не разлагающим, а скорей объединяющим началом и сыграл видную роль в развитии «самосознания».

Вчерашняя разбойная вольница, сделавшись королевским войском, призванным оберегать окраины Речи Посполитой, возгорелась мечтой о некоем почетном месте в панской республике; зародилась та идеология, которая сыграла потом столь важную роль в истории Малороссии. Она заключалась в сближении понятия «казак» с понятием «шляхтич». Сколь смешной ни выглядела эта претензия в глазах тогдашнего польского общества, казаки упорно держались ее.

Шляхтич владеет землями и крестьянами по причине своей воинской службы в пользу государства; но казак тоже воин и тоже служит Речи Посполитой, почему же ему не быть помещиком, тем более, что бок о бок с ним, в Запорожье жили, нередко, природные шляхтичи из знатных родов, шедшие в казаки? Свои вождедения реестровое войско начало выражать в петициях и обра-

щениях к королю и сейму. На конвокационном сейме 1632 года его представители заявили: «Мы убеждены, что дождемся когда-нибудь того счастливого времени, когда получим исправление наших прав рыцарских и ревностно просим, чтобы сейм изволил доложить королю, чтобы нам были дарованы те вольности, которые принадлежат людям рыцарским»³⁰.

Скапливая богатства, обзаводясь землей и слугами, верхушка казачества, в самом деле, стала приближаться, экономически, к образу и подобию шляхты. Известно, что у того же Богдана Хмельницкого было земельное владение в Субботове, дом и несколько десятков челяди. К середине XVII века казачья аристократия по материальному достатку не уступала мелкому и среднему дворянству. Отлично понимая важность образования для дворянской карьеры, она обучает своих детей панским премудростям. Меньше чем чрез сто лет после введения реестра среди казацкой старшины можно было встретить людей, употреблявших латынь в разговоре. Имея возможность, по характеру службы, часто общаться со знатью, старшина заводит с нею знакомства, связи, стремится усвоить ее лоск и замашки. Степной выходец, печенег, готов вот-вот появиться в светской гостиной. Ему не хватает только шляхетских прав.

Но тут и начинается драма, обращающая ни во что и латынь, и богатства, и земли. Польское панство, замкнувшись в своем кастовом высокомерии, слышать не хотело о казачьих претензиях. Легче завоевать Молдавию, чем стать членом благородного сословия в Речи Посполитой. Не помогают ни лояльность, ни верная служба. При таком положении многие издавна начали подумывать о приобретении шляхетства вооруженной рукой.

* * *

Украинская националистическая и советская марксистская историографии до того затуманили и замутили

30. См.: Голубев П. Могила. Т. 1. С. 403-407; Грушевский М. История Украины-Руси. Т. 8, ч. 1. С. 143-144.

картину казачьих бунтов конца XVI и первой половины XVII века, что простому читателю трудно бывает понять их подлинный смысл. Меньше всего подходят они под категорию «национально-освободительных» движений. Национальной украинской идеи в то время в помине не было. Но и «антифеодальными» их можно назвать лишь в той степени, в какой принимали в них участие крестьяне, бежавшие на Низ в поисках избавления от нестерпимой крепостной неволи. Эти крестьяне были величайшими мучениками Речи Посполитой. Иезуит Скарга – яростный гонитель и ненавистник православия и русской народности, признавал, что нигде в мире помещики не обходятся более бесчеловечно со своими крестьянами, чем в Польше. «Владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что он зарабатывает, но и убивает его самого, когда захочет и как захочет, и никто не скажет ему за это дурного слова».

Крестьянство изнемогало под бременем налогов и барщины; никаких трудов не хватало оплачивать непомерное мотовство и роскошь панов. Удивительно ли, что оно готово было на любую форму борьбы со своими угнетателями? Но, нашедши такую готовую форму в казачьих бунтах, громя панские замки и фольварки, мужики делали не свое дело, а служили орудием достижения чужих выгод. Холопская ярость в борьбе с поляками всегда нравилась казачеству и входила в его расчеты. Численно казаки представляли ничтожную группу; в самые хорошие времена она не превышала 10000 человек, считая реестровых и сечевиков вместе. Они никогда почти не выдерживали столкновений с коронными войсками Речи Посполитой. Уже в самых ранних казачьих восстаниях наблюдается стремление напустить прибежавших за пороги мужиков на замки магнатов. Но механизм и управление восстаниями находились, неизменно, в казачьих руках, и казаки добивались не уничтожения крепостного порядка, но старались правдами и неправдами втереться в феодальное сословие. Не о свободе шла тут речь, а о привилегиях. То был союз крестьянства со своими по-

тенциальными порабитителями, которым удалось, с течением времени, прибрать его к рукам, заступив место польских панов.

Конечно, запорожцам предстояло, рано или поздно, — либо быть раздавленными польской государственностью, либо примириться с положением особого воинского сословия, наподобие позднейших донцов, черноморцев, терцев, если бы не грандиозное всенародное восстание 1648 г., открывшее казачеству возможности, о которых оно могло лишь мечтать. «Мне удалось совершить то, о чем я никогда и не мыслил», — признавался впоследствии Хмельницкий.

Выступления мужиков поляки боялись гораздо больше, чем казаков. «Число его сообщников простирается теперь до 3000, — писал королю гетман Потоцкий по поводу выступления Хмельницкого. — Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украину, тогда эти три тысячи возрастут до ста тысяч». Уже первая битва при Желтых Водах выиграна была благодаря тому, что служившие у Стефана Потоцкого русские жолкнеры перешли на сторону Богдана. В битве под Корсунем содействие и помощь русского населения выразились в еще большей степени. К Хмельницкому шли со всех сторон, так что войско его росло с необыкновенной быстротой. Под Пилявой оно было столь велико, что первоначальное ядро его, вышедшее из Запорожья, потонуло в толпе новых ополченцев. Когда в самый разгар восстания была собрана рада в Белой Церкви, на нее явилось свыше 70000 человек.

Никогда доселе казацкое войско не достигало подобной цифры. Но она далеко не выражает всего числа восставших. Большая часть шла не с Богданом, а рассыпалась в виде так называемых «загонов» по всему краю, внося ужас и опустошение в панские поместья. Загоны представляли собою громадные орды под начальством какого-нибудь Харченко Гайчуры или Лисенко Вовгуры. Поляки так их боялись, что один крик «вовгуровцы идут» повергал их в величайшее смятение.

На Подоле свирепствовали загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Половьяна, Морозенко. Каждый из этих отрядов представлял солидное войско, а некоторые могли, по тем временам, почитаться громадными армиями. «Вся эта сволочь, — по выражению польского современника, — состояла из презренного мужичья, стекавшегося на погибель панов и народа польского».

«Было время, — говорил гетман Сапега, — когда мы словно на медведя ходили укрощать украинские мятежи; тогда они были в зародыше, под предводительством какого-нибудь Павлюка; теперь иное дело! Мы ополчаемся за веру, отдаем жизнь нашу за семейства и достояние наше. Против нас не шайка своевольников, а великая сила целой Руси. Весь народ русский из сел, деревень, местечек, городов, связанный узами веры и крови с казаками, грозит искоренить шляхетское племя и снести с лица земли Речь Посполитую».

Чего в течение полувека не могло добиться ни одно казачье восстание, было в несколько недель сделано «презренным мужичьем» — панская власть на Украине сметена точно ураганом. Мало того, всему польскому государству нанесен удар, повергший его в состояние беспомощности. Казалось, еще одно усилие — и оно рухнет. Не успела Речь Посполитая опомниться от оглушительных ударов при Желтых Водах и под Корсунем, как последовала ужасающая катастрофа под Пилявой, где цвет польского рыцарства обращен в бегство как стадо овец, и был бы, безусловно, истреблен, если бы не богатейший лагерь, грабежом которого увлеклись победители, прекратив преследование. Это поражение, вместе с повсеместной резней панов, ксендзов и евреев, вызвало всеобщий ужас и оцепенение. Польша лежала у ног Хмельницкого. Вздумай он двинуться со своими полчищами вглубь страны, он до самой Варшавы не встретил бы сопротивления. Если бывают в жизни народов минуты, от которых зависит все их будущее, то такой минутой для украинцев было время после пилявской победы. Избавление от рабства, уничтожение напора воинствующей

щего католичества, полное национальное освобождение — все было возможно и достижимо в тот миг. Народ это инстинктивно чувствовал и горел желанием довести до конца дело свободы. К Хмельницкому со всех сторон неслись крики: «Пане Хмельницкий, веди на ляхив, кинчай ляхив!»

Но тут и выяснилась разница между чаяниями народа и устремлениями казачества. Повторилось то, что наблюдалось во всех предыдущих восстаниях, руководимых казаками: циничное предательство мужиков во имя специально казачьих интересов.

Возглавивший волею случая ожесточенную крестьянскую войну, Хмельницкий явно принял сторону иноземцев и иноверцев-помещиков против русских православных крестьян. Он не только не пошел на Варшаву и не разрушил Польши, но придумал обманный для своего войска маневр, двинувшись на Львов и потом долго осаждая без всякой надобности Замостье, не позволяя его в то же время взять. Он вступил в переговоры с поляками насчет избрания короля, послал на сейм своих представителей, дал торжественное обещание повиноваться приказам нового главы государства и, в самом деле, прекратил войну и отступил к Киеву по первому требованию Яна Казимира.

Для хлопов это было полной неожиданностью. Но их ждал другой удар: еще не достигнув Киева, где он должен был дожидаться посланников короля, гетман сделал важное политическое заявление, санкционировавшее существование крепостного права в Малой России. В обращенном к дворянству универсале он выражал пожелание, «чтобы сообразно воле и приказанию его королевского величества, вы не замышляли ничего дурного против нашей греческой религии и против ваших подданных, но жили с ними в мире и содержали их в своей милости»³¹. Мужиков возвращали опять в то состояние, из которого они только что вырвались.

31. Supplementum ad historica Russiae monumenta ex archivis ad bibliotecis extraneis. Petropoli, 1848. S. 185-187; Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. СПб., 1859. Т. 1. С. 289.

Измена продолжалась и при новом столкновении с Польшей, в 1649 г. Когда крестьянская армия под Зборовом наголову разбила королевское войско, Хмельницкий не только не допустил пленения короля, но преклонил перед ним колени и заключил договор, который был вопиющим предательством малороссийского народа. По этому договору Украина оставалась по-прежнему под польской владой, а об отмене крепостного права не было сказано ни слова. Зато казачество возносилось на небывалую высоту. Состав его увеличивался до 40000 человек, которые наделялись землей, получали право иметь двух подпомощников и становились на заветный путь постепенного превращения в «лыцарей». Старшина казачья приобретала право владеть «ранговыми местностями» — особым фондом земель, предназначенным для пользования чинов казачьего войска на то время, пока человек занимал соответствующую должность. Самое войско казачье могло теперь смотреть на себя как на войско короля и Речи Посполитой в русских землях; недаром Богданов посланный сказал однажды гетману Потоцкому: «Речь Посполитая может положиться на казаков; мы защищаем отечество». Гетман казацкий получал все чигиринское староство с городом Чигирином «на булаву», да к этому прихватил еще богатое местечко Млиев, доставлявшее своему прежнему владельцу, Конецпольскому, до 200000 талеров дохода³².

Но зборовским условиям так и не пришлось стать действительностью. Крестьянство не мирилось с положением, при котором лишь 40000 счастливых получают землю и права свободных людей, а вся остальная масса должна оставаться в подневольном состоянии. Крестьяне вилами и дубинами встречали панов, возвращавшихся в свои имения, чем вызвали шумные протесты поляков. Гетману пришлось, во исполнение договора, карать ослушников смертью, рубить головы, вешать, сажать на кол, но огонь от этого не утихал. Казни раскрыли народу глаза на роль Богдана и ему, чтобы не лишиться окончательно presti-

32. Там же. Т. II. С. 9.

жа, ничего не оставалось, как снова возглавить народное ополчение, собравшееся в 1652 г. для отражения очередного польского нашествия на Украину.

В исторической литературе давно отмечено, что страшное поражение, постигшее на этот раз русских под Берестечком, было прямым результатом антагонизма между казаками и крестьянством.

* * *

Здесь не место давать подробный рассказ о восстании Хмельницкого, оно описано во многих трудах и монографиях. Наша цель – обратить внимание на нерв событий, ясный для современников, но необычайно затемненный историками XIX–XX вв. Это важно как для того, чтобы понять причину присоединения Украины к Московскому Государству, так и для того, чтобы понять, почему на другой же день после присоединения там началось «сепаратистское» движение.

Москва, как известно, не горела особенным желанием присоединить к себе Украину. Она отказала в этом Киевскому митрополиту Иову Борецкому, отправившему в 1625 г. посольство в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитья Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве. Это важно иметь в виду, когда читаешь жалобы самостийнических историков на «лихих соседей», не позволивших будто бы учредиться независимой Украине в 1648–1654 гг. Ни один из этих соседей – Москва, Крым, Турция – не имели на нее видов и никаких препятствий ее независимости не собирались чинить. Что же касается Польши, то после одержанных над нею блестящих побед ей можно было продиктовать любые условия. Не в соседях было дело, а в самой Украине. Там попросту не существовало в те дни идеи «независимости», а была лишь идея перехода из одного подданства в другое. Но жила она в простом народе – темном, неграмотном, непричастном ни к государственной, ни к общественной жизни, не имевшем никакого опыта политической организации. Представленный крестьянством,

городскими жителями — ремесленниками и мелкими торговцами, он составлял самую многочисленную часть населения, но вследствие темноты и неопытности роль его в событиях тех дней заключалась только в ярости, с которой он жег панские замки и дрался на полях сражений. Все руководство сосредотачивалось в руках казачьей аристократии. А эта не думала ни о независимости, ни об отделении от Польши. Ее усилия направлялись как раз на то, чтобы удержать Украину под Польшей, а крестьян под панамы, любой ценой. Себе самой она мечтала получить панство, какового некоторые добились уже в 1649 г., после Зборовского мира.

Политика казачества, его постоянные предательства были причиной того, что победоносная, вначале, борьба стала оборачиваться, под конец, неудачами для Украины. Богдан и его приспешники постоянно твердили одно и то же: «Нехай кождый з своего тишится, нехай кождый своего глядит — казак своих вольностей, а те, которые не приняты в реестр, должны возвращаться к своим панам и платить им десятую копу». Между тем, по донесениям московских осведомителей, «те де казаки по-прежнему у пашни быть не хотят, а говорят что они вместе все за христианскую веру стояли, кровь проливали»³³.

Удивительно ли, что измученный изменами, изверившийся в своих вождях, народ усматривал единственный выход в московском подданстве? Многие, не дожидаясь политического разрешения вопроса, снимались целыми селами и поветами и двигались в московские пределы. За каких-нибудь полгода выросла Харьковщина — пустынная прежде область, заселенная теперь сплошь переселенцами из польского государства.

Такое стихийное тяготение народной толщи к Москве сбilo планы и расстроило всю игру казаков. Противостоять ему открыто они не в силах были.

Стало ясно, что народ пойдет на что угодно, лишь бы не остаться под Польшей. Надо было либо удерживать

33. Воссоединение Украины с Россией: Документы и Материалы. М., 1954. Т. III, № 82.

его по-прежнему в составе Речи Посполитой и сделаться его откровенным врагом, либо решиться на рискованный маневр — последовать за ним в другое государство и, пользуясь обстоятельствами, постараться удержать над ним свое господство. Избрали последнее.

Произошло это не без внутренней борьбы. Часть матерых казаков во главе с Богунем откровенно высказалась на Тарнопольской раде 1653 г. против Москвы, но большая часть, видя как «чернь» разразилась восторженными криками при упоминании о «царе восточном», приняла сторону хитрого Богдана. Насчет истинных симпатий Хмельницкого и его окружения двух мнений быть не может — это были полонофилы; в московское подданство шли с величайшей неохотой и страхом. Пугала неизвестность казачьих судеб при новой власти. Захочет ли Москва держать казачество как особое сословие, не воспользуется ли стихийной приязнью к себе южнорусского народа и не произведет ли всеобщего уравнивания в правах, не делая разницы между казаком и вчерашним хлопом? Свидетельством такого тревожного настроения явилась идея крымского и турецкого подданства, сделавшаяся вдруг популярной среди старшины в самый момент переговоров с Москвой. Казачьей элите она сулила полное бесконтрольное хозяйничанье в крае под покровительством такой власти, которая ее совсем бы не ограничивала, но от которой можно всегда получить защиту.

В середине 1653 года Иван Выговский рассказывал царским послам о тайной раде, на которой присутствовали одни полковники да высшие войсковые чины. Там обсуждался вопрос о турецком подданстве. Все полковники на него согласились, за исключением киевского Антона Ждановича да самого Выговского. Подчеркивая свое москвофильство, Выговский нарисовал довольно бурную сцену: «И я гетману и полковником говорил: хто хочет тот поддавайся турку, а мы едем служить великому государю христианскому и всем черкасом вашу раду скажем, как вы забыли Бога так делаете. И гетман де меня за то хотел казнить. И я де увидя над собою такое дело, по-

чал давать приятелем своим ведомость, чтоб они до всего войска доносили тою ведомость. И войско де, сведав про то, почали говорить: все помрем за Выговского, кроме ево никто татарам не смеет молыть»³⁴. Так ли на самом деле вел себя Выговский — неизвестно; вернее всего, рисовался перед московскими послами, но факт описанного им сближения вполне вероятен.

Турецкий проект — свидетельство смятения казацких душ, но вряд ли кто из его авторов серьезно верил в возможность его осуществления по причине одиозности для народа турецко-татарского имени, а также потому, что народ уже сделал свой выбор. Роман Ракушка Романовский, известный под именем Самовидца, описывая в своей летописи переяславское присоединение, с особым старанием подчеркнул его всенародный характер: «По усией Украине увесь народ с охотой тое учинил».

То был критический момент в жизни казачьей старшины, и можно понять нервозность, с которой она старалась всеми способами получить от царских послов документы, гарантирующие казачьи вольности. Явившись к присяге, старшина и гетман потребовали, вдруг, чтобы царь в лице своих послов присягнул им со своей стороны и выдал обнадеживающие грамоты. «Николи не бывало и впредь не будет, — сказал стольник Бутурлин, — и ему и говорить о том было непристойно, потому что всякий подданный повинен веру дати своему государю»³⁵. Он тут же, в церкви, объяснил Хмельницкому недопустимость такой присяги с точки зрения самодержавного принципа. Столь же категорический ответ был дан через несколько дней после присяги, когда войсковой писарь И. Выговский с полковниками явился к Бутурлину с требованием «дать им письмо за своими руками, чтобы вольностям и маетностям быть по-прежнему». При этом послам было сказано, что если они «такова письма не дадут и стольником де и дворяном в города ехать не для чево, для того

34. Там же. № 166.

35. Статейный список посольства В.В. Бутурлина. См.: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1954. Т. III, № 205.

что всем людям в городех будет сумление»³⁶. Это означало угрозу срыва кампании по приведению к присяге населения Малороссии. Послов пугали опасностью передвижения по стране, вследствие разгула татарских шаек. Послы не испугались и ни на какие домогательства не поддались, назвав их «непристойными». «Мы вам и преж сего сказывали, что царское величество вольностей у вас не отнимает и в городех у вас указал государь до своего государева указу быть попрежнему вашим урядником и судитца по своим правам и маетностей ваших отнять государь не велит». Бутурлин настаивал лишь на том, чтобы казаки, вместо требования гарантийного документа, обратились к царю с челобитьем. Просимые блага могут быть получены только путем пожалования со стороны монарха.

Не будем здесь вдаваться в рассмотрение самостийнической легенды о так называемой «перяславской конституции», о «перяславском договоре»; она давно разоблачена. Всякого рода препирательства на этот счет могут сколько угодно тянуться в газетных статьях и в памфлетах — для науки этот вопрос ясен. Источники не сохранили ни малейшего указания на документ, похожий хоть в какой-то степени на «договор»³⁷. В Перяславле в 1654 г. происходило не заключение трактата между двумя странами, а безоговорочная присяга малороссийского народа и казачества царю московскому, своему новому суверену.

* * *

Не обещавший ничего в момент принятия присяги, царь оказался потом необычайно щедрым и милостивым к своим новым подданным. Ни одна почти их просьба не осталась без удовлетворения. Сущей неправдой должно быть объявлено утверждение М.С. Грушевского, будто «далеко не все эти желания были приняты московским правительством». Москва дала уклончивый ответ толь-

36. Там же.

37. Сюжет этот исчерпывающе освещен в кн.: Мякотин В.А. Перяславский договор 1654 года. Прага, 1930.

ко на просьбу о жаловании запорожскому войску. Бояре при этом ссылались на частный разговор Хмельницкого с Бутурлиным в Переяславле, в котором гетман сказал, что на жаловании не настаивает. Москва, однако, вовсе не отказалась платить казакам, она лишь хотела, чтобы жалованье шло из тех сумм, что будут собираться с Украины в царскую казну, и потому откладывала этот вопрос до упорядочения общих фискальных дел.

Городам, хлопотавшим перед царем об оставлении за ними Магдебургского права, оно было предоставлено, духовенство, просившее о земельных пожалованиях и о сохранении за собою прежних владений и прав, — получило их, остатки уцелевшей шляхты получили подтверждение своих старинных привилегий. Казачеству предоставлено было все, о чем оно «било челом». Реестр казачий сохранен и увеличен до небывалой цифры — 60.000 человек, весь старый уряд сохранен полностью, оставлено право выбирать себе старшину и гетмана, кого захотят, только с последующим доведением до сведения Москвы. Разрешено было принимать и иностранные посольства.

Царское правительство предоставило широкую возможность каждому из сословий ходатайствовать об установлении наилучших для себя условий и порядков. Такие ходатайства поступили от городов (через гетмана), от духовенства, от казачества. Только голос крестьянства — самого многочисленного, но, в то же время, самого темного и неорганизованного класса, не раздался ни разу и не был услышан в Москве.

Произошло это в значительной мере оттого, что казачество заслонило от нее крестьянство. Это было тем легче сделать, что само крестьянство ничего так не хотело, как называться казаками. Как до Хмельницкого, так и при нем, оно шло в казачьи бунты с единственной целью избавиться от панской неволи. Попасть в казачье сословие — значит стать свободным человеком. Оттого все сотни тысяч мужиков, поднявшихся в 1648-1649 гг., так охотно именовали себя казаками, брили головы и на-

девали татарские шаровары, и оттого подняли они возмущенный вопль, когда узнали, что зборовский трактат возвращает их в прежнее мужицкое состояние, взявши в казачий парадиз всего 40000 счастливых. По донесениям московских пограничных воевод, расспрашивавших украинских беженцев, можно составить себе представление о необычайной давке, создавшейся вокруг реестрования. Каждый хотел попасть в список и ничего не жалел для этого. Гетман сделал из этого источник собственного обогащения, «имал с тех людей, которых писал в реестр, золотых червонных по 30-ти и по 40-ку и больше. Кто ково больше мог дать, того и в реестр писал, для того, что никто в холопстве быть по прежнему не хотел»³⁸.

Крестьяне в момент присоединения к Москве не выступили как сословие и не сформулировали своих пожеланий, потому что отождествили себя с казаками, наивно полагая, что этого достаточно, чтобы не числиться мужиками. Московскому же правительству трудно было разобраться в тогдашней обстановке.

Подводя итог челобитьям и выданным в ответ на них царским грамотам, исследователи приходят к заключению, что внутреннее устройство и социальные отношения на Украине после переяславского присоединения установились такие, каких хотели сами малороссы. Царское правительство формировало это устройство в соответствии с их просьбами и пожеланиями. Казаки хотели оставить все так, «как при королях польских было». Лично Б. Хмельницкий, в разговоре с Бутурлиным, выразил пожелание, чтобы «кто в каком чину был по ся места и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мещанин мещанином; а казаком бы не судитца у полковников и сотников». То же было выражено и письменно в челобитной царю: «права, уставы, привилеи и всякия свободы... елико кто имяше от веков от князей и панов благочестивых и от королей польских... изволь твое царское величество утвердить и своими грамотами государскими укрепить».

38. Воссоединение Украины с Россией. Т. III, № 82.

ти навеки»³⁹. В подтверждение этих своих пожеланий и челобитий гетман прислал в Москву копии жалованных грамот польских королей. И эти грамоты, и собственные просьбы казаков выражали взгляд на них как на сословие, а весь их «устрий» мыслился как внутренняя сословная организация. Соответствующим образом и гетманская власть понималась как власть военная, распространявшаяся только на войско запорожское, но не имевшая никакого касательства к другим сословиям и вовсе не призванная управлять целым краем.

* * *

До 1648 года казачество было явлением посторонним для Украины, жило в «диком поле», на степной окраине, вся же остальная Малороссия управлялась польской администрацией. Но в дни восстания польская власть была изгнана, край оказался во власти анархии, и для казаков появилась возможность насаждать в нем свои запорожские обычаи и свое господство. Картина их внедрения темна, как по недостатку источников, так и по неуловимости самого явления. За шесть ужасных лет, когда непрестанно горели села и города, татарские шайки охотились за людьми и тысячами уводили в Крым, когда гайдамаки, с одной стороны, польские карательные отряды, с другой, превращали в пустыни целые местности, когда огромные территории переходили из рук в руки — трудно было установиться какой-либо администрации. Историческое исследование до сих пор не касалось этого вопроса. Если искать в тогдашней Малороссии подобие управления, то это было, вернее всего, то, что принято называть «законами военного времени», т. е. воля начальника армии или воинского отряда, занимавшего ту или иную территорию.

В силу своего военного опыта и организованности, казаки завладели всеми важными постами в народном ополчении, придав ему свое запорожское устройство, подразделения, обозначения, свою субординацию. По-

39. Там же. № 205, 243.

тому казацкие чины — полковники, сотники — явились властью также для малороссийского населения тех мест, которые были заняты их отрядами. И над всеми стоял гетман войска запорожского с войсковой канцелярией, генеральным писарем, обозным, войсковым судьей и прочей запорожской старшиной. Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины, система эта переносилась теперь на огромную страну с трудовым оседлым населением, с городами, знавшими магдебургское право.

Как действовала она на практике, мы не знаем, но можно догадываться, что «практика» меньше всего руководилась правовым сознанием, каковое не было привито степному «лыцарству», воспитанному в антигосударственных традициях.

Пока существовала надежда удержать Малую Русь под польским владычеством, гетман и его окружение рассматривали свою власть в ней как временную. Зборовский и Белоцерковский трактаты не оставляют места ни для какой гетманской власти на Украине после ее замирения и возвращения под королевскую руку. Положение казачества и его предводителей, согласно этим трактатам, значительно улучшается, оно увеличивается в числе, ему предоставляется больше прав и материальных средств, но оно по-прежнему не мыслится ничем, кроме особого вида войска Речи Посполитой. Гетман — его предводитель, но отнюдь не правитель области, он лицо военное, а не государственно-административное. Такой же взгляд внушала старшина и царским послам в Переяславле в дни присоединения к Московскому государству. Верховной властью в крае считалась отныне власть царская. Это было до такой степени всем понятно, что ни Богдану, ни старшине, ни кому бы то ни было из тогдашних малороссиян в голову не приходило ходатайствовать перед царем о создании краевого правительства или какой-нибудь автономной, местной, по своему происхождению, административной власти. Такой мысли не высказывалось даже в устных разговорах с Бутурлиным.

По словам Д.М. Оди́нца, очень авторитетного историка, «кроме московского государя, акты 1654 г. не предусматривали существования на территории Украины никакого другого общегосударственного органа власти»⁴⁰.

* * *

Но в ученой литературе поднят, с некоторых пор, вопрос: неужели казаки, пришедшие в московское подданство в качестве фактических хозяев Малороссии, так таки ни разу и не пожалели об утрате своего первенствующего положения? Почему ни в одной челобитной, ни в одном разговоре нет намека на желание продолжать управление страной? Некоторые исследователи (В.А. Мякотин, Д.М. Оди́нец) объясняют это консерватизмом старшины и гетмана, не сумевших за шесть бурных лет осознать перемены, происшедшей в их положении и продолжавших держаться за старую форму казачьих выгод. Вряд ли можно согласиться с таким соображением. Хмельницкому, сказавшему однажды в подпитии: «Я теперь единовладный самодержец русский» (это было еще в первый период восстания, в конце 1648 г.) — конечно ясна была его общекраевая роль. Понимала ее и старшина. Если, тем не менее, в Переяславле о ней не было сказано ни слова, то в этом надо видеть не близорукость, а как раз наоборот — необычайную дальновидность и тонкое знание политической обстановки. Хмельницкий знал, что ни на какое умаление своих суверенных прав Москва не пойдет; а выдвигать идею гетманской власти значило покушаться на ее верховные права. Всякая заминка в деле воссоединения могла дорого обойтись Богдану и казачьей верхушке, ввиду категорического требования народа, не желавшего ни о чем слышать, кроме присоединения к Москве. Гетман и без того замаран был своей крепостнической полонофильской политикой. Он мог разом лишиться всего, что с таким трудом завоевал в течение шести лет. Нам сейчас ясно, что если бы московское пра-

40. Эта цитата, приведенная В.А. Мякотиним в его труде «Очерки советской истории Украины», взята, по-видимому, из неопубликованной еще работы Д.М. Оди́нца.

вительство лучше разбиралось в социальной обстановке тех дней, оно могло бы совершенно игнорировать и гетмана, и старшину, и все вообще казачество, опираясь на одну народную толщу. Старшина это отлично понимала и этим объясняется ее скромность и сговорчивость в Переяславле. Она не оспаривала царского права собирать налоги с Малороссии. Напротив, Хмельницкий сам внушал Бутурлину, «чтобы великий государь, его царское величество указал с городов и мест, которые поборы наперед сего бираны на короля и на римские кляшторы и на панов, собирать на себя». То же говорил генеральный писарь Выговский, предлагая скорей прислать налоговых чиновников для производства переписи. Единственно, о чем просил Хмельницкий, это чтобы сбор податей в царскую казну предоставить местным людям, дабы избежать недоразумений между населением и московскими чиновниками, непривычными к малороссийским порядкам и малороссийской психологии. Москве эта просьба показалась вполне резонной и была удовлетворена без возражений.

Боярам, конечно, в голову не приходило, какое употребление сделают из нее казаки. Оставаясь верными своей степной природе добычников, они никогда не приносили реальных, практических выгод в жертву отвлеченным принципам. «Суверенные права», «национальная независимость» не имели никакой цены в сравнении с фактической возможностью управлять страной, распоряжаться ее богатствами, расхищать земли, забалаять крестьян. О национальной независимости они даже не думали, как потому, что в то время никто не знал, что с нею делать, так и по причине крайней опасности этой материи для казачьего благополучия. В независимой Украине казаки никогда бы не смогли превратиться в правящее сословие, тем более — сделаться помещиками. Революционное крестьянство, только что вырвавшееся из панского ярма и не собиравшееся идти ни в какое другое, хлынуло бы целиком в казаки и навсегда разрушило привилегированное положение этого сословия.

Но казачество не для того наполнило половину столетия бунтами во имя приобретения шляхетских прав, не для того прошло через кровавую эпопею хмельничины, чтобы так просто отказаться от вековой мечты. Оно избрало самый верный метод — как можно меньше говорить о ней. Хлопоча о сословных казачьих правах и выговаривая привилегии, Богдан с товарищами думал о гораздо большем — об удержании захваченной ими реальной власти. Хитрость их в предупреждении подозрений сказалась в безоговорочном признании установившегося во время восстания порядка на Украине как временного. На самом деле это был тот порядок, о котором они мечтали и который намерены были удерживать всеми средствами. Стремилась только выиграть время, получше изучить московских политиков, проникнуть в их замыслы и узнать их слабые места.

Когда это было сделано, когда царское правительство допустило несколько ошибок, способствовавших укреплению положения Богдана, обстановка для него стала складываться благоприятно. С этих пор он и мысли не допускал о временности гетманского режима, но учинился таким неограниченным властителем в Малороссии, каким никогда не был польский король. Из предводителя войска он сделался правителем страны. Что же до русского царя, то его административный аппарат попросту не был допущен в Малороссию до самого XVIII века. Власть на Украине оказалась узурпированной казаками.

Борьба казачества против установления государственной администрации Малороссии

Считалось само собой разумеющимся, что после присяги и прочих формальностей, связанных с присоединением Малороссии, московские воеводы должны заступить место польских воевод и урядников. Так думал простой народ, так говорили казаки и старшина, Выговский и Хмельницкий. Два года спустя, после переяславской рады, Павел Тетеря, посланный Хмельницкого, уверял

в Москве думных людей, будто войско запорожское желает, «чтобы всеми городами и месты, которые в запорожском войске, владеть одному царскому величеству».

Но московское правительство до самой смерти Хмельницкого не удосужилось этого сделать. Все его внимание и силы устремлялись на войну с Польшей, возгоревшуюся из-за Малороссии. Оно поддалось на уговоры Богдана, просившего повременить как с описью на предмет обложения, так и с присылкой воевод, ссылаясь на военное время, на постоянное пребывание казачества в походах, на незаконченность реестрования. В течение трех лет Москва воздерживалась от реализации своих прав. А за это время гетман и старшина, распоряжаясь как полные хозяева, приобрели необычайный вкус к власти и к обогащению, собирали налоги со всех слоев населения в свою пользу, судили, издавали общеобязательные приказы. Казачьи учреждения присвоили себе характер ведомств верховной власти. Появись московские воеводы в Малороссии сразу же после переяславской присяги, у казаков не было бы повода для такого эксперимента. Теперь они проделали его удачно и, окрыленные успехом, сделались смелыми и наглыми. Когда правительство, в 1657 г., решительно подняло вопрос о введении воевод и взимании налогов, Хмельницкий отказался от собственных слов в Переяславле и от речей своих посланных в Москве. Оказалось, что «и в мысли у него не было, чтоб царское величество в больших городах, в Чернигове, в Переяславле, в Нежине, велел быти своего царского величества воеводам, а доходы бы собирая, отдавати царского величества воеводам. Будучи он, гетман, на трактатах царского величества с ближним боярином В.В. Бутурлиным с товарищи, только домолвили, что быти воеводам в одном г. Киеве...»⁴¹.

Смерть Богдана помешала разгореться острому конфликту, но он вспыхнул при преемнике Хмельницкого Иване Выговском, начавшем длинную цепь гетманских измен и клятвопреступлений. В его лице старшина вста-

41. Акты Южной и Западной России. Т. III, № 369.

ла на путь открытого противодействия введению царской администрации и, тем самым, на путь нарушения суверенных прав Москвы. «Воеводский» вопрос приобрел исключительное политическое значение. Строго говоря, он был причиной всех смут, заполнивших вторую половину XVII века. Воеводы сделались страшилищем, кошмаром, преследовавшим казачью старшину во сне и наяву. Малейший намек на их появление повергал ее в лихорадочное состояние. Воеводами старались запугать весь народ, представляя их людьми жестокими, алчными, бессердечными; говорили, будто они запретят малороссам ношение сапог и введут лапти, что все население погонят в Сибирь, местные обычаи и церковные обряды заменят своими москальскими, крестить младенцев прикажут посредством погружения в воду, а не обливанием... Такими рассказами москвичам создали репутацию задолго до их появления в крае.

Характерно для всей второй половины XVII века обилие жалоб на всевозможные москальские насилия. Но тщетно было бы добираться до реальных основ этих жалоб. Всегда они выражались в общей форме, без ссылок на конкретные факты и всегда исходили от старшины. Делалось это чаще в устной, а не в письменной форме на шумных радах при избрании гетманов или при объяснениях по поводу каких-нибудь казачьих измен. Ни в московских, ни в малороссийских архивах не найдено делопроизводств и расследований по поводу обид или притеснений, учиненных над малороссами царскими чиновниками, нет указаний на самое возникновение таких документов. Зато много оснований думать, что их и не было.

Вот эпизод, относящийся к 1662 году. Наказной гетман Самко жаловался царю на московских ратных людей, которые, якобы, били, грабили переяславцев и называли их изменниками. По его уверениям, даже воевода кн. Волконский принимал в этом участие и мирволил бунянам, вместо того, чтобы карать их. Но когда царь отправил в Переяславль стольника Петра Бунакова для сыска

виновных — Самко отказался от расследования и приложил все усилия, чтобы замять дело. Он заявил, что иные обиженные пали на войне, другие в плену, третьим некого привлекать к ответственности потому, что обидчики исчезли. Бунаков прожил в Переяславле месяц — с 29 мая по 28 июня — за все это время привели к нему одного только драгуна, пойманного в краже. Его били кнутом на козле и провели сквозь строй. Призвав казачьих начальников, Бунаков спросил: будут ли наконец челобитные от переяславцев на московских ратных людей? Те отвечали, что многие переяславцы уже помирились со своими обидчиками, а новых челобитий, по их мнению, скоро не будет и потому они полагают, что ему, Бунакову, нет смысла проживать здесь более⁴². На глуховской раде, при избрании в гетманы Д. Многогрешного, в 1668 году, царский посланный кн. Ромодановский в ответ на заявления старшины о том, что служилые люди устраивают пожары с целью грабежа, — говорил: «О том великому государю не бывало ни от кого челобитья ни прежде сего, ни в последнее время; если же бы челобитье такое было, против челобитья был бы сыск, а по сыску, смотря по вине, тем вором за их воровство и казнь учинена была бы. Знато, то дело ныне затеяли вы, чтоб воеводам в городах не быть»⁴³. Гетман и старшина не нашлись, что на это возразить. Не получив отражения в актовом, документальном материале, злоупотребления царских властей расписаны зато необычайно пышно, во всякого рода памфлетах, воззваниях, анонимных письмах, в легендарных историях Украины. Этого рода материал настолько обилен, что соблазнил некоторых историков XIX века, вроде Костомарова, принимавшего его без критики и повторявшего в своих ученых сочинениях версию о злоупотреблениях московских властей.

Что московская бюрократия XVII века не может служить образцом добродетели, хорошо известно. Но какова бы она ни была у себя дома, она обладала редким поли-

42. Соловьев С.М. История России. Т. XI, кн. VI. С. 116.

43. Костомаров Н.И. Руина // Вестник Европы. 1879. Т. IV (авг.).

тическим тактом в деле присоединения и колонизации чужих земель. В противоположность англичанам, португальцам, испанцам, голландцам, истреблявшим целые народы и цивилизации, заливавшим кровью острова и материи, Москва владела тайной удержания покоренных народов не одним только принуждением. Меньше всего у нее было склонности применять жестокие методы в отношении многочисленного, единокровного, единоверного народа малороссийского, добровольно к ней присоединившегося. Правительство царя Алексея Михайловича и все последующие превосходно знали, что такой народ, если он захочет отойти, никакой силой удержать невозможно. Пример его недавнего отхода от Польши у всех был в памяти. В Москве поэтому ревниво следили, чтобы чиновники, попадавшие в Малороссию, не давали своим поведением повода к недовольству. От единичных, мелких злоупотреблений уберечься было трудно, но борьба с ними велась энергичная. Когда стольник Кикин, в середине 60-х годов, обнаружил, что в списках податного населения попадают казаки, занесенные туда по небрежности или по злой воле царских писцов — оным писцам учинено было строгое наказание. Такому же сыску и наказанию подверглись все переписчики, замеченные в лихоимстве, по каковому поводу гетман со всеми полтавскими казаками приносили царю благодарность. В Москве следили за тем, чтобы малороссиян даже худым словом не обижали. После измен гетманов — Выговского, Юрия Хмельницкого, Брюховецкого, после бесчисленных переходов казаков от Москвы к Польше, от Польши к Москве, когда самые корректные люди не в силах были сдерживать своего раздражения на такое непостоянство, некоторые русские воеводы в прилегающих к Украине городах взяли привычку называть приезжавших к ним для торга малороссов изменниками. Когда в Москве об этом стало известно, воеводам был послан указ с предупреждением, что «если впредь от них такие неподобные и поносные речи пронесутся, то будет им жестокое наказание безо всякой пощады». Даже са-

мых знатных особ резко одергивали за малейшее нарушение малороссийских «вольностей». До нас дошла отписка из Москвы на имя кн. М. Волконского — воеводы Каневского. В 1676 году этому воеводе попался в руки лазутчик с правого берега Днепра, признавшийся, что ходил от враждебного гетмана Дорошенко с «воровским листом» к полковнику Гурскому. Это же подтвердил и слуга полковника. Волконский, не предупредив левобережного гетмана Самойловича, которому подчинен был Гурский, начал дело о его измене. Самойлович обиделся и пожаловался в Москву. Оттуда Волконский получил отставку и выговор: «То ты дуростию своею делаешь негораздо, вступаешься в их права и вольности, забыв наш указ; и мы указали тебя за то посадить в тюрьму на день, а как будешь на Москве, и тогда наш указ сверх того учинен тебе будет»⁴⁴. Запрещал и Петр попрекать украинцев изменой Мазепы. В некоторых важных случаях он грозил даже смертной казнью за это.

При таких строгостях и при таком уважении к дарованным им правам казаки имели возможность мирным, лояльным путем добиваться устранения воеводских злоупотреблений, если бы таковые были. Но злоупотреблений было меньше, чем разговоров о них. Московская администрация на Украине, не успев появиться и пустить корни, была форменным образом вытеснена отсюда. Не она нарушала дарованные украинцам права и привилегии, а казачество постоянно нарушало верховные права Москвы, принятые и скрепленные присягой в Переяславле.

* * *

Впервые о введении войск в Малороссию заявлено было гетману Выговскому, в конце 1657 г. Для этой цели отправлен в Малороссию стольник Кикин с известием, что идут туда войска под начальством кн. гг. Ромодановского и В.Б. Шереметева. Кроме того, для участия в раде едут царские посланные — кн. А.Н. Трубецкой и Б.М. Хи-

44. Соловьев С.М. История России. Т. XII, кн. VI. С. 487.

трово. Войска посылались в города в качестве обыкновенных гарнизонов, и воеводам не было дано административных прав — ни суд, ни сбор податей, ни какие бы то ни было отрасли управления их не касались. Рассматривались они как простая воинская сила для удержания царских владений. Кикину приказано было разъяснить городским жителям, что их вольностям опасности не грозят, и что войска присылаются для оберегания края от ляхов и от татар. Поляки, в свое время, не допускали возведения крепостей на Украине, вследствие чего она оставалась беззащитной в случае внешнего нападения. Об укреплении ее и о защите с помощью царских войск просили Хмельницкий и старшина в 1654 г., включив в свою мартовскую челобитную специальный пункт по этому поводу. И позднее, как Хмельницкий, так и Выговский настаивали на удовлетворении этой просьбы. О присылке войск ходатайствовал в 1656 г. Павел Тетеря, — в бытность свою послом в Москве. Со стороны казачества Москва меньше всего могла ожидать какой-нибудь оппозиции. Но тут и выяснилось, как плохо знала она своих врагов и своих друзей на Украине. Получилось так, что в городах и селах весть о приходе московских войск встречена была с одобрением, даже с восторгом, тогда как враждебная реакция последовала со стороны гетмана и казаков. Мещане, мужики и простые казаки выражали царскому стряпчему Рагозину, когда он ехал к Выговскому, желание полной замены казачьей администрации администрацией царской. Котляр, наказной войт в Лубнах, говорил: «Мы все были рады, когда нам сказали, что будут царские воеводы, бояре и ратные люди; мы, мещане, с казаками и чернью заодно. Будет у нас в Николин день ярмарка, и мы станем советоваться, чтоб послать к великому государю бить челом, чтоб у нас были воеводы». То же говорили бедные казаки: «Мы все рады быть под государевою рукою, да лихо наши старшие не станут на мере, мнутяся, только вся чернь рада быть за великим государем». Нежинский протопоп Максим Филимонов прямо писал боярину Ртищеву: «Изволь милостивый

пан советовать царю, чтоб не откладывая взял здешние края и города черкасские на себя и своих воевод поставил, потому что все желают, вся чернь рада иметь одного подлинного государя, чтоб было на кого надеяться; двух вещей только бояться: чтоб их отсюда в Москву не гнали, да чтоб обычаев здешних церковных и мирских не переменили... Мы все желаем и просим, чтоб был у нас один Господь на небе и один царь на земле. Противятся этому некоторые старшие для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотят от нее отступиться»⁴⁵. Примерно то же говорили запорожцы, отправившие в Москву свое посольство тайно от Выговского.

В июне 1658 г., когда воевода В.Б. Шереметев шел в Киев, жители на всем пути приветствовали его, выходили навстречу с иконами, просили прислать царских воевод в остальные города⁴⁶. Зато у гетмана и старшины весть о приходе царских войск вызвала панику и злобную настороженность. Она усилилась, когда стало известно, что стольник Кикин, по дороге, делал казакам разъяснения касательно неплатежа им жалованья. Царское правительство не требовало с Малороссии, в течение четырех лет, никаких податей. Оно и теперь не настаивало на немедленной их уплате, но его тревожили слухи о недовольстве простого казачества, систематически не получавшего жалованья. Боясь, как бы это недовольство не обратилось на Москву, оно приказало Кикину ставить народ в известность, что все поборы с Украины идут не в царскую, а в гетманскую казну, собираются и расходуются казацкими властями.

Выговский почуял немалую для себя опасность в таких разъяснениях. Мы уже знаем, что Москва, согласившись на просьбу Богдана платить жалованье казакам, связывала этот вопрос с податным обложением; она хотела, чтобы жалованье шло из сумм малороссийских сборов.

Ни Хмельницкий, ни его посланные Самойло Богданов и Павел Тетера никаких возражений по этому пово-

45. Соловьев С.М. История России. Т. XI, кн. VI. С. 21.

46. Русский Биографический Словарь. СПб., 1911. Т. 23. С. 145.

ду не делали, да и трудно представить себе какие-либо возражения, но содержавшая пункт о жаловании челобитная Богдана, которую он посылал в Москву в марте 1654 г., оказалась утаенной от всего казачества, даже от старшины. Лишь несколько лиц, в том числе войсковой писарь Выговский, знали об изложенных там просьбах⁴⁷. Старый гетман, видимо, не хотел привлекать чье бы то ни было внимание к вопросу о сборе податей и к финансовому вопросу в целом. В «бюджет» Малороссии никто, кроме гетманского уряда, не должен был посвящаться. Нельзя не видеть в этом нового доказательства изменности целей, с которыми захвачена власть над Южной Русью. Впервые статьи Хмельницкого оглашены в 1659 г. во время избрания в гетманы его сына Юрия, но в 1657 г. Выговский столь же мало заинтересован был в их огласке, как и Богдан. Разъяснения Кикина ускорили разрыв его с Москвой. Он приехал в Корсунь, созвал там полковников и положил булаву. «Не хочу быть у вас гетманом; царь прежние вольности у нас отнимает, и я в неволе быть не хочу». Полковники вернули ему булаву и обещали за вольности стоять вместе. Затем гетман произнес фразу, означавшую форменную измену: «Вы, полковники, должны мне присягать, а я государю не присягал, присягал Хмельницкий». Это, по-видимому, даже для казачьей старшины было не вполне пристойное заявление, так что полтавский полковник Мартын Пушкарь отозвался: «Все войско запорожское присягало великому государю, а ты чему присягал, сабле или пищали?»⁴⁸. В Крыму московскому посланнику Якушкину удалось проведать, что Выговский шупает почву на случай перехода в подданство к хану Мегмет-Гирею. Известна и причина: «царь присылает к ним в черкасские города воевод, а он, гетман, не хочет быть у них под началом, а хочет владеть городами сам, как владел ими Хмельницкий»⁴⁹.

47. Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся. М., 1870. С. 25.

48. Соловьев С.М. История России. Т. XI, кн. VI. С. 16.

49. Там же. С. 14.

Между тем, кн. Г.Г. Ромодановский с войском семь недель дожидался гетмана в Переяславле, и когда Выговский явился — упрекал его за медлительность. Он ставил на вид, что пришел по просьбе Хмельницкого, да и самого же Выговского, тогда как теперь ему не дают кормов в Переяславле, отчего он поморил лошадей, и люди от бескормицы начинают разбегаться. Если и впредь кормов не дадут, то он, князь, отступит назад в Белгород. Гетман извинился за неполадки, но решительно просил не отступать, ссылаясь на шаткость в Запорожье и в других местах. Весьма возможно, что он был искренен в данном случае. Выговский пользовался чрезвычайной непопулярностью среди «черни»; в нем справедливо усматривали проводника идеи полного главенства старшины в ущерб простому казачеству. Запорожцы тоже его не любили за то, что он запрещал им рыбу ловить и вино держать на продажу. Они готовы были при первом удобном случае восстать на него. Гетман это знал и боялся. Присутствие московских войск на Украине было ему, в этом смысле, на руку. Ромодановскому он прямо говорил: «После Богдана Хмельницкого во многих черкасских городах мятежи и шатости и бунты были, а как ты с войском пришел, и все утихло. А в Запорожье и теперь мятеж великий...». Но, видимо, опасность пребывания царских войск в крае перевешивала в его глазах ту выгоду, которую они ему приносили. Именно в этот момент, т. е. с приходом Ромодановского, у него окончательно созрело решение об измене.

Между тем, на гетмана восстал Мартын Пушкарь — полтавский полковник. Среди других начальных людей замечена была тоже шатость, так что Выговский казнил в Гадяче некоторых из них, а на Пушкаря отправился походом, призвав на помощь себе крымских татар. В Москве встревожились. К гетману послали Ивана Апухтина с приказом не расправляться самовольно со своими противниками и не приводить татар, но ждать царского войска. Апухтин хотел ехать к Пушкарю, чтобы уговорить его, но Выговский не пустил. Он в это время уже

был груб и бесцеремонен с царскими посланниками. Он осадил Полтаву, взял Пушкаря вероломством и отдал город на ужасающий погром татарам. Москва, тем временем, успела вполне узнать о его намерениях. Со слов митрополита киевского, духовных лиц, родни покойного Хмельницкого, киевских мещан и всяких чинов людей стало известно о сношениях Выговского с поляками на предмет перехода к ним. 16 августа 1658 года прибежали в Киев работники из лесов с известием, что казаки и татары идут под город, а 23 августа Данило Выговский — брат гетмана — явился к Киеву с двадцатитысячным казацко-татарским войском. Воевода Шереметев не дал застигнуть себя врасплох и отбил нападение с большим для Выговского уроном. Казаки, таким образом, объявили Москве настоящую войну. 6 сентября 1658 г., гетман Выговский заключил в Гадяче договор с польским послом Беневским, согласно которому запорожское войско отказывалось от царского подданства и заложило за короля. По этому договору Украина соединялась с Речью Посполитой на правах, якобы, самобытного государства под названием «Великого Княжества Русского». Гетман избирался казаками и утверждался королем пожизненно. Ему принадлежала верховная исполнительная власть. Казачий реестр определялся в 30000 человек. Из них гетман имел право ежегодно представлять королю несколько человек для возведения в шляхетское достоинство с таким расчетом, чтобы число их из каждого полка не превышало 100. Договор был составлен так, что многие жизненные для Украины вопросы оставались неразрешенными и туманными. Такова была проблема Унии. Малороссы видеть ее у себя не хотели, но фанатизм польских католиков был не меньший. Они приходили в ярость при одной мысли о возможных уступках схизматикам. Польскому комиссару Беневскому, заключавшему договор с Выговским, пришлось долго уламывать депутатов сейма в Варшаве. «Мы теперь должны согласиться для вида на уничтожение Унии, чтобы их приманить этим, — говорил он, — а потом... мы создадим закон, что каждый может

верить, как ему угодно, — вот и Уния останется в целости. Отделение Руси в виде особого княжества будет тоже не долго: казаки, которые теперь думают об этом, — перемрут, а наследники их не так горячо будут дорожить этим и мало-помалу все примет прежний вид»⁵⁰. Такой же коварный замысел у поляков существовал относительно реставрации крепостного права. Ни полномочия земельных владельцев, ни права крестьян, что будут жить на их землях, совершенно не оговаривались в трактате. Выговский и старшина молчаливо продавали простой народ в рабство, из которого он с такими мучениями вышел во время Хмельничины. Несмотря на то, что рада состояла из избранной части казачества, договор вызвал у нее так много сомнений, что едва не был отвергнут. Спас положение Тетеря, крикнув: «Эй! Згодимоса, панове-молодцы, з ляхами — бильшо будемо мати, покирливо телятко дви матери сосет!». На последовавшем после этого пиру, Выговский уверял казаков, будто все они по этому договору будут произведены в шляхетство⁵¹.

* * *

Выяснилось, однако, что далеко не все войско запорожское последовало за Выговским, многие остались верны Москве, и выбрав себе нового гетмана Беспалого, начали войну с Выговским. 15 января 1659 г. кн. А.Н. Трубецкой с большим войском выступил на помощь Беспалому. Но в конце июня это войско постиг жестокий разгром под Конотопом. Туда пришли татарский хан и Выговский со своими приверженцами. Один из русских предводителей, кн. С.Р. Пожарский, увлекшись преследованием казаков, попал в ловушку, был смят татарами и очутился со своим войском в плену. Самого его за буйное поведение (он плюнул хану в лицо) казнили; остальных русских пленных, в количестве 5000 человек, казаки вывели на поле и перерезали, как баранов⁵². Узнав о гибели

50. Костомаров Н.И. Гетманство Выговского. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. II. С. 186.

51. Там же. С. 142.

52. Соловьев С.М. История России. Т. XI, кн. VI. С. 51.

отряда Пожарского, Трубецкой в страшном беспорядке отступил в Путивль. Если бы татары захотели, они могли бы в этот момент беспрепятственно дойти до самой Москвы. Но хан, поссорившись с Выговским, увел свои войска в Крым, а Выговский должен был вернуться в Чигирин. Он пробовал оттуда действовать против москвичей, выслав на них своего брата Данилу с войском, но 22 августа Данило был наголову разбит.

30 августа, воевода Шереметев писал из Киева царю, что полковники переяславский, нежинский, черниговский, киевский и лубенский – снова присягнули царю. Услышав об этом, западная сторона Днепра тоже стала волноваться и почти вся отошла от Выговского. Казаки собрались вокруг Юрия Хмельницкого – сына Богдана, который 5 сентября писал Шереметеву, что он и все войско запорожское хочет служить государю. В тот же день, воевода Трубецкой двинулся из Путивля на Украину и везде был встречаем с триумфом, при громе пушек. Особенно торжественную встречу устроил Переяславль. Население повсеместно присягало царю.

Получилось так, как предсказывал Андрей Потоцкий, прикомандированный поляками к Выговскому и командовавший при нем польским вспомогательным отрядом. Наблюдая события, он писал королю: «Не изволь ваша королевская милость ожидать для себя ничего доброго от здешнего края. Все здешние жители (Потоцкий имел в виду обитателей правого берега) скоро будут московскими, ибо перетянет их к себе Заднепровье (восточная сторона), а они того и хотят и только ищут случая, чтоб благовиднее достигнуть желаемого»⁵³. Измена Выговского показала, как трудно оторвать Украину от Московского Государства. Каких-нибудь четыре года прошло со дня присоединения, а народ уже сжился с новым подданством так, что ни о каком другом слышать не хотел. Больше того, он ни о чем так не мечтал, как об усилении этого подданства. Ему явно не нравились те широкие права и привилегии, что казачество выхлопотало себе в ущерб

53. Там же. С. 54.

простому народу. Некоторые из писем направленных в Москву содержали угрозу: если царь не пресечет казачий произвол и не утвердит своих воевод и ратных людей, то мужики и горожане разбегутся со своих мест и уйдут, либо в великорусские пределы, либо за Днепр. Этот голос крестьянского и городского люда слышится на протяжении всех казачьих смут второй половины XVII столетия. Протопоп Симеон Адамович писал в 1669 г.: «Воля ваша; если прикажете из Нежина, Переяславля, Чернигова и Остра вывести своих ратных людей, то не думайте, чтоб было добро. Весь народ кричит, плачет: как израильяне под египетскою, так они под казацкою работою жить не хотят; воздев руки молят Бога, чтоб по-прежнему под вашею государскою державою и властью жить; говорят все: за светом государем живучи, в десять лет того бы не видели, что теперь в один год за казаками»⁵⁴.

10 октября 1659 г. Юрий Хмельницкий со старшиной прибыл в Переяславль к Трубецкому. Старшина извинялась за измену и жаловалась, что принудил ее к этому «Ивашко Выговский».

* * *

Измена Выговского раскрыла московскому правительству глаза на страшный антагонизм между казачеством и крестьянством. Начали в Москве понимать также, что десятки тысяч казаков только называются казаками, а на самом деле — те же крестьяне, которых матерые казаки и притесняют, как мужиков. После Зборова и Переяславля им удалось правдами и неправдами попасть в реестр и получить формальное наименование казака, но не воспользоваться ни одной из казачьих привилегий. Старое казачество их знать не хотело. Их устранили от участия в казацких радах, пускали туда в незначительных количествах, а то и вовсе не пускали. При избрании Выговского, в Чигирине, рада сплошь состояла из старшины, полковников, сотников; когда «чернь» захотела проникнуть во двор в котором происходила рада, перед нею

54. Там же. С. 384.

захлопнули ворота. Во всех петициях предъявленных старшиною московскому правительству, после измены Выговского, неизменно значился пункт о недопущении «черни» к разрешению войсковых дел. Борьба с нею приняла столь острый характер, что, начиная с конца шестидесятых годов XVII века, полковники начинают заводить себе «компании» – наемные отряды, помимо тех казаков, над которыми начальствовали и, как раз, для удержания в повиновении этих самых казаков. Гетманы, точно так же, создают при себе гвардию составленную чаще всего из иноземцев. Еще при Хмельницком состояло 3.000 татар, правобережные гетманы нанимали поляков, а Мазепа выпросил у московского правительства стрельцов для охраны своей особы, так что один иностранный наблюдатель заметил: «Гетман стрельцами крепок. Без них хохлы давно бы его уходили, да стрельцов бояться»⁵⁵. Постепенно, Мазепа заменил их польскими сердючками полками. В 1696 году, киевский воевода кн. Барятинский получил от стародубского жителя Сулова письмо, в котором тот пишет: «Начальные люди теперь в войске малороссийском все поляки. При Обидовском, племяннике Мазепы, нет ни одного слуги казака. У казаков жалоба великая на гетманов, полковников и сотников, что для искоренения старых казаков, прежние вольности их все отняли, обратили их себе в подданство, земли все по себе разобрали. Из которого села прежде на службу выходило казаков по полтораста, теперь выходит только человек по пяти или по шести. Гетман держит у себя в милости и призрении только полки охотничьие, компанейские и сердючкие, надеясь на их верность и в этих полках нет ни одного человека природного казака, все поляки... Гетман в нынешнем походе стоял полками порознь, опасаясь бунту; а если б все полки были в одном месте, то у казаков было совершенное намерение старшину всю побить»⁵⁶.

Бунт полтавского полковника Пушкаря против Выговского был бунтом этой демократической части ка-

55. Костомаров Н.И. Гетман И.С. Мазепа // Русская История в жизнеописании ее главнейших деятелей. СПб., 1876. Вып. VI.

56. Соловьев С.М. История России. Т. XIV, кн. VII. С. 597-598.

зачества против «значных». Когда старшина, бросив Выговского и собравшись вокруг Юрия Хмельницкого, искала путей возвращения под царскую руку, она прежде всего домогалась устранения простого народа от участия в политической жизни и добивалась полной его зависимости от «значных». В предъявленных кн. Трубецкому 14 статьях, значился пункт и о воеводах, которых казачество нигде кроме Киева не хотело видеть.

Но события 1657-1659 гг. укрепили Москву в сознании необходимости внимательнее прислушиваться к голосу низового населения и по возможности ограждать его от хищных поползновений старшины. Это отнюдь не выражалось в потакании «черни», в натравливании ее на «значных», как утверждает Грушевский. Будучи государством помещичьим, монархическим, пережившим в XVII веке ряд страшных бунтов и народных волнений, Москва боялась играть с таким огнем, от которого сама могла сгореть. Не установлено ни одного случая, когда бы царское правительство применяло подобные методы в Малороссии. Но оно прекрасно поняло, что не казаки удерживают страну под царской властью, а простой народ. В ответ на 14 статей, Трубецкой выдвинул свои пункты: Гетману без совета всей черни в полковники и в начальные люди никого не выбирать и не увольнять. Самого гетмана, без царского указа не сменять. Начальных людей гетман не может казнить смертью, как это делал Выговский, без участия царского представителя. Запрещается распространять казачьи порядки на Белоруссию. Воеводам царским быть в Переяславле, Нежине, Чернигове, Браславле, Умани, но в войсковые казачьи права и вольности не вступаться, у реестровых казаков на дворах не ставиться и подвод у них не брать. Без царского указа войн не начинать и на войну не ходить. За самовольное ведение войны — смертная казнь.

Сопоставление этих условий и контр-условий ясно обнаруживает стремление старшины изменить дух и букву переяславского присоединения, в то время как Москва упорно стоит на их сохранении.

Хотя новый гетман и руководившие им казацкие вояты приняли требования Трубецкого и подписали их не прошло и года, как Юрий Хмельницкий изменил.

* * *

Необычайный переплет событий на Украине, вызванный изменой Выговского, сорвал фактически и отсрочил еще на несколько лет намеченное Москвой введение воевод. Только в Киеве им удалось удержаться; в большинстве же других городов, вследствие поднявшейся сумятицы, воеводы не утвердились. Возобновление переговоров о введении воеводского управления началось лишь в 1665 году по инициативе гетмана Брюховецкого. Но, чтобы понятной стала самая его инициатива, необходимо сказать несколько слов о приходе к власти этого человека.

Иван Мартынович Брюховецкий начал свою карьеру, как кошевой атаман в Сечи. Отсюда он стал вмешиваться в события левого берега, заявив себя ревностным сторонником Москвы, но в отличие от Самка и Золотаренка, представлявших «значное» казачество, Брюховецкий держал сторону «черни». Его соперничество носило, таким образом, социальный характер. Когда, 18 июня 1663 г., собралась в Нежине «черневая» рада, т. е. такая в которой участвовали наряду со «значными» также простые казаки, ни в каких реестрах не состоявшие, то царскому посланнику кн. Гагину не дали даже прочитать царского указа об избрании гетмана — толпа начала выкрикивать имена кандидатов, главным образом, Самка и Брюховецкого. Запорожцы кинулись на сторонников Самка, столкнули кн. Гагину с его места и провозгласили гетманом Брюховецкого. В свалке убито было несколько человек, а Самко едва спасся бегством в воеводский шатер. Он жаловался на незаконность выборов. Гагин созвал новую раду, но она оказалась для Самко еще более печальной по своим результатам. Те, что стояли, вначале, за него, — перешли теперь на сторону Брюховецкого.

«Чернь», не довольствуясь «избирательной» победой, кинулась грабить возы старшины, а потом резать и саму старшину. Три дня продолжались убийства. Самко и Золотаренко выволокли на войсковой суд, обвинили в измене и казнили вместе с толпой их сторонников.

Пред нами – первый случай прихода к власти «черни», сумевшей выдвинуть на гетманство своего ставленника. Этим объясняется успех Брюховецкого в первые годы его гетманства. Ему удастся довольно быстро навести порядок на левой стороне Днепра, а потом перекинуться и на правый, где его влияние стало расти так быстро, что встревожило П. Тетерю, заставив его искать путей для перехода на сторону Москвы. Сам Иван Выговский, всеми оставленный, но носивший титул «гетмана русского и сенатора польского», стал подумывать об измене королю.

В 1664 г. он снесся с полковником Сулимою, дабы поднять восстание в пользу царя, перебить польских старост и отнять имения у шляхты. Он был расстрелян поляками. «Чернь», по обеим сторонам Днепра, тяготела, как прежде, к Москве. Почувствовав за собой мощь низового казачества, крестьянства и горожан, Брюховецкий сразу понял, какую позицию должен занять в отношении Москвы. В 1665 г. выражает он желание «видеть пресветлые очи государевы» и 11 сентября является в Москву во главе пышной свиты в 535 человек. Поведение его в Москве столь необычно, что заслуживает особого внимания. Он сам просит царя о присылке воевод и ратных людей в украинские города и сам выражает пожелание, чтобы сборы с мещан и с поселян, все поборы с мельниц, кабаков, а также таможенные сборы шли в пользу государя. Просит он и о том, чтобы митрополит киевский зависел от Москвы, а не от Константинополя. Казалось, появился наконец гетман захотевший всерьез уважать суверенные права Москвы и понимающий свое подданство не формально, а по-настоящему. Желая дать как можно больше доказательств благих намерений, Брюховецкий выражает пожелание жениться на девушке из почтенно-

го русского семейства. За него сватают княжну Долгорукую и самому ему жалуют боярское звание.

Враги Брюховецкого, «значные» казаки, находившиеся в лагере П. Тетери и П. Дорошенко, объявили его изменником и предателем казачества, но, совершенно очевидно, поведение Брюховецкого объясняется желанием быть популярным в народе. От гетмана выбранного «черню» народ ждал политики согласной с его чаяниями. Известно, что когда воеводы стали прибывать в малороссийские города, жители говорили казацким старшинам в лицо: «Вот наконец Бог избавляет нас; впредь грабить нас и домов наших разорять не будете»⁵⁷.

Тем не менее, по прошествии известного времени, «боярин-гетман», по примеру Выговского и Хмельницкого, изменил Москве. Причины были те же самые. Почувствовав себя прочно, завязав крепкие связи в Москве, заверив ее в своей преданности и в то же время снискав расположение простого украинского народа, гетман вступил на путь своих предшественников — на путь беззастенчивого обогащения и обирания населения.

Окружавшая его старшина, вышедшая из «черни», очень скоро забыла о своем происхождении и начала притеснять вчерашнюю братию с таким усердием, что превзошла прежнюю «значную» старшину. Результат не замедлил сказаться. Прелесть добычи породила ревность и боязнь лишиться хотя бы части ее. В московской администрации, которую сами же пригласили, стали усматривать соперницу. И это несмотря на то, что воеводы лично никаких податей не собирали, собирали по-прежнему «полковники с бурмистрами и войтами по их обычаям». Собранные суммы передавались воеводам. Местная казначья администрация не упразднялась и не подменялась москалями. Тем не менее, не успели воеводы с ратными людьми прибыть в города, а им уже стали говорить: «Вот казаки заведут гиль и вас всех отсюда погонят». Русских стали называть злодеями и жидами. Особенно заволновалось Запорожье. Запорожцы, в отличие от реестровой

57. Костомаров Н.И. Руина // Вестник Европы. 1879. Т. III (июнь). С. 449.

старшины, боялись воевод не по фискальным, а по военным соображениям. Они заботились, чтобы не было пресечено их привольное разбойничье житье в Сечи. Малейший намек на покушение, в этом смысле, вызывал у них реакцию. Когда Москва, по совету Брюховецкого, решила послать свой гарнизон в крепость Кодак, расположенную близко к Сечи и служившую как бы ключом к Запорожью, это послужило причиной антимосковских выпадов сечевиков. В мае 1667 г. ими было зверски перебито московское посольство во главе со стольником Лодыженским, ехавшее по Днепру в Крым. Кроме того, они стали сноситься с правобережным гетманом Дорошенко, с Крымом, с поляками, со всеми врагами Москвы. К казачьему недовольству присоединилось открытое раздражение высшего духовенства, перепуганного просьбой Брюховецкого о поставлении в Киев митрополита московской юрисдикции. Сам царь отклонил это ходатайство, заявив, что без согласия константинопольского патриарха не может этого сделать, но малороссийское духовенство насторожилось и повело интригу для отпадения Украины. Совокупность этих причин, к которым примешалось множество личных дел и обстоятельств, вроде того, что Дорошенко поманил Брюховецкого перспективой распространения его власти на оба берега, обещав поступиться ему своей булавой, при условии измены Москве, — привели к тому, что Брюховецкий в конце 1667 г. собрал раду из полковников и старшины, где выработан был план изгнания московских войск и воевод из Малороссии. Сначала запретили платить подати царю. Крестьяне, чуя недоброе, неохотно повиновались, а кое-где и совсем противились приказам старшины, как это имело место в Батуринском и Батманском уездах. За это их мучили и грабили до того, что им нечем стало платить. Сборщиков податей жестоко преследовали, особенно мещан-откупщиков; им резали бороды и грозили: «будьте с нами, а не будете, то вам, воеводе и русским людей жить всего до масленицы»⁵⁸.

58. Соловьев С.М. История России. Т. XII. С. 366.

В Москве, узнав о начавшейся шатости, решили сделать последнее усилие, чтобы удержать старшину от измены — послали 6 февраля 1668 г. увещательную грамоту гетману: «А если малодушные волнуются за то, что нашим воеводам хлебных и денежных сборов не ведать, хотят взять эти сборы на себя, то пусть будет явное челобитье от всех малороссийских жителей к нам, мы его примем милостиво и рассудим, как народу легче и Богу угоднее»⁵⁹. Но быть может, именно эта грамота и ускорила взрыв. Из нее видно, что царь не прочь был пересмотреть вопрос о воеводских функциях, при условии челобитья от всех малороссиян. Ему хотелось слышать голос всей земли, а не одной старшины, не одного казачества. Этого старшина больше всего и боялась.

Разрыв с Москвой произошел 8 февраля. Воевода и начальники московского войска в Гадяче, явившись в этот день к гетману, чтобы ударить челом, не были приняты. Потом гетман призвал немца — полковника Ягана Гульца, командовавшего московским отрядом, и потребовал, чтобы тот немедленно уходил из города. Гулец взял с него клятву, что при выходе ничего худого ему сделано не будет. Воеводе Огареву с криком и бранью сказали: «Если вы из города не пойдете, то казаки вас побьют всех». Московских людей в Гадяче стояло всего 200 человек, крепости в городе не было, воеводе ничего не оставалось, как отдать приказ о выступлении. Но когда подошли к воротам, они оказались запертыми. Гульца с начальными людьми выпустили, но стрельцов, солдат и воеводу остановили. На них бросились казаки. Только немногим удалось вырваться из города, но и их настигли и убили. Догнали и убили немца Гульца с товарищами. Огарев, раненый в голову, был взят местным протопопом и положен у себя, а жену его с позором водили по городу, учинив величайшее зверство. Ей отрезали грудь. После этого гетман разослал листы во все концы с призывом очищать остальные города от московских ратных людей.

59. Там же. С. 368.

Через четыре месяца, 7 июня 1668 г., Брюховецкий был убит казаками. Он весьма просчитался в своих сношениях с Дорошенко; тот не только не был намерен отдавать ему булаву, но потребовал, чтобы Брюховецкий сложил свою. Выяснилось, также, что приближенные Брюховецкого не любят его и ждут случая перейти на сторону Дорошенко. В таком положении, гетман решил поддаться турецкому султану и отправил послов в Константинополь. Но дни его были сочтены. Под Диканькой он узнал о приближении Дорошенко и когда тот явился, свои же собственные казаки, совместно с дорошенковцами, убили «боярина-гетмана».

В результате его измены турецкий подданный Дорошенко захватил 48 городов и местечек. Москва потеряла, кроме фуража и продовольствия, 183 пушки, 254 пшеницы, 32 тысячи ядер, всякого имущества на 74 тысячи рублей, да деньгами 141000 руб.⁶⁰ По тем временам это были крупные суммы.

Как только Дорошенко ушел на правую сторону Днепра, вся левобережная Украина снова стала переходить к Москве.

Здесь нельзя не сказать несколько слов о Дорошенке, который по сей день остается одним из кумиров самостийнического движения и поминается в качестве борца за «незалежность». Этот человек причинил украинскому народу едва ли не больше несчастий, чем все остальные гетманы вместе взятые. История его такова. После измены Выговского, только Киев продолжал оставаться в московских руках, вся остальная правобережная Украина отдана была полякам. С избранием Юрия Хмельницкого она на короткое время вернулась к царю с тем, чтобы с его изменой опять попасть в польские руки. Тетеря, в продолжении своего короткого гетманства, удерживал ее в королевском подданстве, а когда на смену ему, в 1665 году, пришел Петр Дорошенко, тот заложился за турецкого султана главу обширной рабовладельческой империи. У турок существовал взгляд на юго-восток Ев-

60. Соловьев С.М. История России. Т. XII. С. 374.

ропы, как на резервуар рабской силы, почерпаемой с помощью крымских, азовских и белгородских (аккерманских) татар. Их набеги на Русь и Польшу представляли собой экспедиции за живым товаром. Десятки и сотни тысяч славян поступали на невольничьи рынки в Константинополе и в Малой Азии. Но до сих пор этот ясырь добывался путем войн и набегов; теперь, с утверждением на гетманстве Дорошенко, татары получили возможность административно хозяйничать в крае. Период с 1665 по 1676 г., в продолжении которого Дорошенко оставался у власти, был для правобережной Украины временем такого опустошения, с которым могут сравниться только набеги Девлет-Гирея в середине XVI века. Татары, приходившие по зову Дорошенка и без оногo, хватали людей направо и налево. Правый берег превратился в сплошной невольничий рынок. Торговля в Чигирине шла чуть не под самыми окнами гетманского дома. Жители начали «брести розно», одни бежали в Польшу, другие на левый берег, третьи — куда глаза глядели. В 1672 г. Дорошенко привел в Малороссию трехсоттысячное турецкое войско и разрушил Каменец-Подольский, в котором все церкви обращены были в мечети. «Здесь все люди видят утеснение от турок, Дорошенко и нас проклинают и всякое зло мыслят» — писал про правый берег каневский полковник Лизогуб. Под конец, там начался голод, так как люди годами ничего не сеяли из-за татарского хищничества. По словам гетмана Самойловича, Дорошенко и сам, в конце концов, увидел, что ему «не над кем гетманить, потому что от Днестра до Днепра нигде духа человеческого нет, разве где стоит крепость польская». Лавируя между Польшей, Москвой и Крымом, Дорошенко нажил себе множество врагов среди даже значного казачества. Против него действовали не только левобережные гетманы, но поднялись также избранные запорожцами Суховей, Ханенко и другие. Залавировавшись и заинтриговавшись, он кончил тем, что сдался на милость гетману Самойловичу, обещавшему ему от имени Москвы приют и безопасность. Переехав в Москву, Дорошенко назначен

был вятским воеводой, в каковой должности и умер. Сбылось, таким образом, слово, сказанное, как-то раз, Демьяном Многогрешным – преемником Брюховецкого: «А сколько своевольникам ни крутиться, кроме великого государя, деться им негде». Многогрешный, видимо, понимал, что пока вся толща украинского народа стихийно тяготеет к Москве, казачья крамола обречена на неудачу.

* * *

Знаменитая украинская исследовательница и патриотка А.Я. Ефименко, которую трудно заподозрить в симпатии к самодержавию, писала: «Как союз Малороссии с Россией возник в силу тяготения к нему массы, так и дальнейшая политика русского правительства, вплоть до второй половины XVIII столетия, имела демократический характер, не допуская никакой решительной меры, направленной в интересах привилегированного сословия против непривилегированного»⁶¹.

Кончилось, однако, тем, что «привилегированным» удалось восторжествовать и над этой политикой, и над непривилегированным населением Украины. Соблюдая все дарованные ей права и вольности, но, постоянно терпя нарушение своих собственных прав, Москва вынуждена была, в сущности, капитулировать перед половецкой ордой, зубами и когтями вцепившейся в ниспосланную ей судьбой добычу.

В течение полувека, протекшего со смерти Богдана Хмельницкого до измены Мазепы, Москва была измотана непрерывными гетманскими интригами, «замятнями», переходами на польскую сторону. Не успевала вводить воевод, как через некоторое время приходилось выводить их снова. В этом и заключался метод казачьей борьбы против царской администрации. Существенной

61. Ефименко А. Малорусское дворянство // Вестник Европы» 1891. Т. IV, (авг.). Александра Яковлевна Ефименко создала себе крупное имя в науке и неоднократно чествовалась на ученых съездах. Она открыла на севере России древнюю форму крестьянского хозяйства, так наз. «дворище», а некоторое время спустя, это же явление обнаружила в Белоруссии («печище»). Ее перу принадлежит ряд ценных работ по русской и по украинской истории. В 1919 г. она была расстреляна петлюровцами за то, что дала у себя приют преследуемому ими человеку. См. ее некролог, написанный С.Ф. Платоновым, в журнале «Дела и Дни». 1920. № 1.

его частью была антимосковская агитация, жалобы на воеводские притеснения и неустанные требования полного упразднения воевод. Бывали случаи, когда Москва сурово вычитывала казакам их измены; особенно сильную речь произнес в 1668 г. на глуховской раде кн. Г.Г. Ромодановский. В ответ на просьбу старшины о выводе государевых ратных людей из малороссийских городов, он прямо спросил: «Какую вы дадите поруку, что впредь измены никакой не будет?» Гетман и старшина на это промолчали. «И прежде были договоры, — сказал Ромодановский, — перед святым Евангелием душами своими их крепили и что ж? Соблюли их Ивашка Выговский, Юраська Хмельницкий, Ивашка Брюховецкий? Видя с вашей стороны такие измены, чему верить? Вы берегесь все города оборонять своими людьми, но это дело несбыточное. Сперва отберите от Дорошенки Полтаву, Миргород и другие; а если бы в остальных городах царских людей не было, то и они были бы за Дорошенком»⁶².

Несмотря на столь категорические заявления, Москва не выдержала бесконечной гетманской крамолы и сдалась. Как только удалось заключить более или менее прочный мир с поляками и объединить всю оставшуюся Украину под одним гетманом Самойловичем — она свела свою администрацию на нет, и фактически отдала край в гетманское, старшинское управление.

До учреждения «Малороссийской коллегии» в 1722 г., правительство довольствовалось номинальным пребыванием Малороссии в составе Российского Государства. Оно содержало в некоторых городах воинские гарнизоны, но от управления краем фактически устранилось. Все доходы с городов и сел Малороссии остались в гетманской казне. Пропагандистские измышления самостийников о грабеже Украины царским правительством рассчитаны на невежественных людей и не выдерживают соприкосновения с серьезным исследованием этого вопроса. Даже за короткое пребывание воевод в некоторых украинских городах, правительство не поживилось ни одним рублем

62. Соловьев С.М. История России. Т. XII. С. 389.

из местных сборов — все шло на военные нужды Малороссии. Приходилось нередко посылать туда кое-что из московских сумм, потому что казачье начальство совершенно не заботилось о состоянии крепостей.

Старшина дошла до того, что и этими присылками воспользовалась, как прецедентом, чтобы выпрашивать у царя денежные подачки. Когда Мазепа своим хищничеством довел край до финансового истощения, генеральная канцелярия обратилась в Москву за деньгами на жалованье охотничьему войску. Там были немало удивлены и ответили, что если раньше и были дотации, то объяснялось это военным временем, а теперь никакой войны нет. Москва напоминала, что «всякие доходы в Малороссии за гетманом, старшиною и полковниками, и бить еще челом о деньгах стыдно». Петр Великий, позднее, говорил: «Можем непостыдно решить, что некоторый народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостью похвалиться не может, как по нашей царского величества милости, малороссийский, ибо ни единого пенязя в казну нашу во всем малороссийском краю с них брать мы не повелеваем». Это была правда.

Полвека спустя, в 1764 г., было разработано секретное наставление Н.А. Румянцеву, при назначении его малороссийским генерал-губернатором, где между прочим говорилось: «От сей толь обширной, многолюдной и многими полезными произраращениями преизобильной провинции, в казну государственную (чему едва кто поверить может) доходов никаких нет. Сие однакож так подлинно, что напротив того еще отсюда отпускается туда по сороку по восьми тысяч рублей»⁶³.

М.С. Грушевский, возмущавшийся тем, что Москва в Переяславле не удовлетворила, якобы, казачью просьбу о том, «чтобы все доходы с Украины поступали в местную казну и выдавались на местные нужды», — мог бы совершенно успокоиться при виде практики фактически установившейся в Малороссии. Из страны, действительно, не уходило «ни единого пенязя», все оставалось в ру-

63. Бумаги Императрицы Екатерины II. СПб., 1871. Т. I. С. 389.

ках местных властей. Другой вопрос, действительно ли собиравшиеся деньги «выдавались на местные нужды»? Если бы выдавались, не было бы такого вопиющего неустройства во всех делах, не было бы народного ропота и недовольства, и не было бы волшебного превращения, за ничтожно-короткий срок, запорожских голодранцев в обладателей огромных состояний. Уже в XVIII веке малороссийские помещики оказываются гораздо богаче великорусских, как землями, так и деньгами. Когда у Пушкина читаем: «Богат и славен Кочубей, его поля необозримы» – это не поэтический вымысел. Петр Великий глубоко ошибался, полагая, будто «свободами», «привилегиями» и «легкостью» пользуется весь малороссийский народ. Народ чувствовал себя не лучше, чем при поляках, тогда как «свободы» и «легкости» выпали на долю одному «значному» казачеству, налегшему тяжелым прессом на все остальное население и обдиравшему и грабившему его так, как не грабила ни одна иноземная власть. Только абсолютно бездарные, ни на что не способные урядники не скопили себе богатств. Все остальные быстро пошли в гору. Мечтая издавна о шляхетстве и стараясь всячески походить на него, казаки лишены были характерной шляхетской брезгливости к ростовщичеству, к торговле, ко всем видам мелкой наживы. Особенно крупный доход приносили мельницы и винокурни. Все они оказываются в руках старшины. Но главным источником обогащения служил, конечно, уряд. Злоупотребление властью, взяточничество, вымогательство и казнокрадство лежат в основе образования всех крупных частных богатств на Украине.

Величайшими стяжателями были гетманы. Нежинский протопоп Симеон Адамович писал про гетмана Брюховецкого, что тот «безмерно побрал на себя во всей северской стране дани великие медовые, из винного котла у мужиков: по рублю, а с казака по полтине, и с священников (чего и при польской власти не бывало) с котла по полтине; с казаков и с мужиков поровну от сохи по две гривны с лошади, и с вола по две же гривны, с мельницы по пяти и по шести рублей же брал, а кроме того от коле-

са по червонному золотому, а на ярмарках, чего никогда не бывало, с малороссиян и с великороссиян брал с воза по десять алтын и по две гривны; если не верите, велите допросить путивльцев, севчан и рылян...»⁶⁴. Сохранилось много жалоб на хищничество гетмана Самойловича. Но всех превзошел Мазепа. Он еще за время своей службы при Дорошенко и Самойловиче скопил столько, что смог, согласно молве, проложить золотом путь к булаве. А за то время, что владел этой булавой, — собрал несметные богатства. Часть из них хранилась в Киево-Печерском монастыре, другая в Белой Церкви и после бегства Мазепы в Турцию досталась царю. Но Петру сообщили, что это далеко не все — много было зарыто и запрятано. С собой Мазепа успел захватить такие богатства, что имел возможность в изгнании дать займы 240.000 талеров Карлу XII, а после смерти гетмана при нем найдено было 100.000 червонцев, не считая серебряной утвари и всяких драгоценностей. Петру, как известно, очень хотелось добиться выдачи Мазепы, для каковой цели он готов был пожертвовать крупными суммами на подкуп турецких властей. Но гетман оказался богаче и перекупил турок на свою сторону⁶⁵.

Сам собой возникает вопрос, почему царское правительство допустило такое закабаление Малороссии кучкой «своевольников», почему не вмешалось и не пресекло хозяйничанья самочинно установившегося, никем не уполномоченного, никем не избранного казачьего уряда? Ответ прост: в правление Алексея Михайловича, Московское царство, не успевшее еще оправиться от последствий Смуты, было очень слабо в военном и экономическом отношении. Потому и не хотело принимать, долгое время, в свой состав Малой России. Приняв ее, обрекло себя на изнурительную тринадцатилетнюю войну с Польшей. Оно само постоянно содрогалось от внутренних бунтов и потрясений. С восьмидесятых годов начались дворцовые перевороты, правление малолетних

64. Соловьев С.М. История России. Т. XII. С. 384.

65. Костомаров Н.И. Гетман И.С. Мазепа // Русская История в жизнеописании ее главнейших деятелей. СПб., 1876. Вып. VI.

царей и временщиков. До самого XVIII века оно пребывает в состоянии слабости. А там начинается Великая Северная война, поглотившая на целую четверть столетия его внимание и энергию.

Удерживать при таких обстоятельствах обширный, многолюдный край с помощью простой военной силы не было никакой возможности. Только с ее же собственной помощью можно было удержать Малороссию — завоевать ее симпатии или, по крайней мере, лояльность.

Казачье буйство, само по себе, ничего страшного не представляло, с ним легко было справиться; опасным делала его близость Польши и Крыма. Каждый раз, когда казаки приводили татар или поляков, москвичи терпели неудачу. Так было под Конотопом, так было под Чудновым. Казаки знали, что они страшны возможностью своего соотрудничества с внешними врагами, и играли на этом.

Надо было уступать их прихотям, не раздражать без особой нужды, смотреть сквозь пальцы на многие проступки и строго следить за соблюдением дарованных им прав. Все первые пятьдесят лет после присоединения Малороссии представляются старательным приручением степного зверя. Многие государственные люди в Москве теряли терпение в этой игре и приходили к мысли отказаться от Украины. Таков был знаменитый А.Л. Ордин-Нащокин, вершитель внешней политики при Алексее Михайловиче. Своими непрерывными изменами и путчами казаки до того ему опротивели, что он открыто высказывался за лишение Украины русского подданства. Только глубокая религиозность царя Алексея Михайловича, приходившего в ужас при мысли об отдаче православного народа католикам или магометанам, не позволяла распространения подобных тенденций при дворе.

Начало «идеологии»

Решающие перемены в судьбах народов, вроде тех, что пережила Малороссия в середине XVII века, проходят, обычно, под знаком каких-нибудь популярных

лозунгов, чаще всего религиозных или национальных. С 1648 по 1654 г., когда шла борьба с Польшей, простой народ знал, за что он борется, но у него не было своего Томаса Мюнцера, способного сформулировать идею и программу движения. Те же, которые руководили восстанием, преследовали не народные, а свои узко-кастовые цели. Они беззастенчиво предавали народные и национальные интересы, а к религиозным были достаточно равнодушны. Ни ярких речей или проповедей, ни литературных произведений, никаких вообще значительных документов отражающих дух и умонастроения той эпохи, Хмельничина не оставила. Зато много устных и письменных «отложений» оставила по себе вторая половина XVII века, отмеченная знаком господства казачества в крае. В эту эпоху выработалось все то, что потом стало навязываться малороссийскому народу, как форма национального сознания. Идеологией это назвать трудно по причине полного отсутствия всего, что подходило бы под такое понятие; скорей, это была «психология» — комплекс настроений созданный пропагандой. Складывался он постепенно, в практике борьбы за власть и за богатства страны. Практика была низменная, требовавшая сокрытия истинных целей и вожделений; надо было маскировать их и добиваться своего под другими, ложными предложениями, мутить воду, распускать слухи. Клевета, измышления, подделки — вот арсенал средств пущенных в ход казачьей старшиной.

В психологическом климате, созданном таким путем, первое место занимала ненависть к государству и к народу, с которыми Южная Русь соединилась добровольно и «с радостью», но которые стояли на пути осуществления хищных замыслов казачества.

Семидесятилетие, протекшее от Хмельницкого до Полуботка, может считаться настоящей лабораторией антимосковской пропаганды. Началась она при жизни Богдана и едва ли не сам он положил ей начало.

Первым поводом послужил инцидент 1656 года, разыгравшийся в Вильне, во время мирной конференции

с поляками. Хмельницкий послал туда своих представителей, давши повод думать, что рассматривает себя не царским подданным, а главой независимого государства. Весьма возможно, что то была не простая бестактность, а провокационный шаг, предпринятый с целью проследить реакцию, которая последует с разных сторон и прежде всего со стороны Москвы. На царских дипломатов он произвел тягостное впечатление. Они вынуждены были напомнить казакам об их присяге, и о неуместности их поступка. Те уехали, но пустили по Украине слух, будто московский царь снова хочет отдать ее ляхам за согласие, после смерти Яна Казимира, избрать его на польский престол. Особенно усердно прибегали к этому приему после Андрусовского перемирия 1667 г., по которому русские вынуждены были уступить полякам всю правую сторону Днепра, за исключением Киева. Но и Киеву, по истечении двух лет, надлежало отойти к той же Польше. Всем воочию было видно, что русские это делают по горькой необходимости, в силу несчастного оборота войны, принудившего их помириться на формуле: «кто чем владеет». Известно было, что и исход войны определился, в значительной мере, изменами Выговского, Ю. Хмельницкого, Тетери и Дорошенко. «Ведомо вам самим, — говорил в 1668 г. кн. Ромодановский на Глуховской раде — что той стороны Днепра казаки и всякие жители от царского величества отлучились и польскому королю поддались сами своею охотою прежде Андрусовских договоров, а не царское величество их отдал, по тому их отлучению и в Андрусове договор учинен». Гетман Демьян Многогрешный перед всей радой должен был признать правильность этих слов. «Нам ведомо подлинно, — заявил он, — что тамошние казаки поддались польскому королю сами; от царского величества отдачи им не бывало»⁶⁶. Тем не менее, по всей стране разнесена была клеветническая молва.

Другим излюбленным мотивом антирусской пропаганды служили пресловутые воеводы, их мнимые зверства и притеснения. Легенда о притеснениях складыва-

66. Соловьев С.М. История России. Т. XII, кн. VI. С. 388.

лась не из одних слухов и нашептываний, но имела и другой источник — гетманские универсалы. Редкий гетман не изменял царю, и каждый вынужден был оправдывать свою измену перед народом и казаками.

Выговский, задумав отпадение от Москвы, тайно поручил миргородскому полковнику Лесницкому послать в Константинов воззвание и созвав у себя раду из сотников и атаманов, обратиться к ней с речью: «Присылает царь московский к нам воеводу Трубецкого, чтоб войска запорожского было только 10.000, да и те должны жить в Запорожье. Пишет царь крымский очень ласково к нам, чтоб ему поддались; лучше поддаться крымскому царю: Московский царь всех вас драгунами и невольниками вечными сделает, жен и детей ваших в лаптях лычных водить станет, а царь крымский в атласе, аксамите и сапогах турецких водить будет»⁶⁷.

Измена Ю. Хмельницкого сопровождалась выступлением П. Тетери перед народом. Казачий златоуст порассказал таких страхов о замыслах Москвы против Украины, которые он якобы разузнал во время своего посольства, что казаки пришли в неопишемый ужас.

Но самые яркие универсалы вышли из-под пера Брюховецкого: «Послы московские с польскими комиссарами присягою утвердились с обеих сторон: разорять Украину отчизну нашу милую, истребив в ней всех жителей больших и малых. Для этого Москва дала ляхам на наем чужеземного войска четырнадцать миллионов денег. О таком злом намерении неприятельском и ляцком узнали мы через Духа Святого. Спасаясь от погибели, мы возобновили союз с своею братьею. Мы не хотели выгонять саблю Москву из городов украинских, хотели в целости проводить до рубежа, но москали сами закрытую в себе злобу объявили, не пошли мирно дозволенною им дорогою, но почали было войну. Тогда народ встал и сделал над ними то, что они готовили нам; мало их ушло живых».

На Дон отправлено было более красочное послание. В нем москали обвинялись в том, что «постановили

67. Там же. Т. XI, кн. VI. С. 16.

православных христиан на Украине живущих всякого возраста и малых отрочат, мечем выгубить, слобожан захватив, как скот в Сибирь загнать, славное Запорожье и Дон разорить и в конец истребить, чтобы на тех местах, где православные христиане от кровавых трудов питаются, стали дикие поля, зверям обиталище, да чтобы здесь можно было селить иноземцев из оскуделой Польши». Для большей убедительности, Брюховецкий приводит и конкретные примеры московской жестокости: «В недавнее время, под Киевом, в городах: Броварах, Гоголеве и других, всех жителей вырубил не пощадив и малых деток». В заключение, донцов призывают подняться против Москвы: «Будьте в братском единении с господином Стенькою, как мы находимся в неразрывном союзе с заднепровскою братьею нашею»⁶⁸.

Неразборчивостью лжи поражают все гетманские универсалы такого рода. Вот что писал Мазепа в объяснение причин побудивших его перейти к Карлу XII: «Московская потенция уже давно имеет всезлобные намерения против нас, а в последнее время начала отбирать в свою область малороссийские города, выгонять из них ограбленных и доведенных до нищеты жителей и заселять своими войсками. Я имел от приятелей тайное предостережение, да и сам вижу ясно, что враг хочет нас, гетмана, всю старшину, полковников и все войсковое начальство прибрать к рукам в свою тиранскую неволю, искоренить имя запорожское и обратить всех в драгуны и солдаты, а весь малороссийский народ подвергнуть вечному рабству». По словам Мазепы, трусливые москали, всегда удиравшие от непобедимаго шведского войска, явились теперь в Малороссию не для борьбы с Карлом, «не ради того, чтобы нас защищать от шведов, а чтобы огнем, грабежом и убийством истреблять нас»⁶⁹. Чем менее благовидны и менее народны были мотивы измены, тем большим количеством «тиранств» московских надо было ее оправдать. Измена Мазепы породила наиболь-

68. Соловьев С.М. История России. Т. XII. С. 370.

69. Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1795. Т. XV. С. 216-218.

шее количество агитационного материала и антимосковских легенд. Особенно старались мазепинцы-эмигранты, вроде Орлика, войскового писаря — самого доверенного человека Мазепы. Читая его письма, прокламации, меморандумы, можно подумать, что москали, в царствование Петра, учредили какое-то египетское рабство на Украине, — били казаков палками по голове, обрубали шпагами уши, жен их и дочерей непременно насиловали, скот, лошадей, имущество забирали, даже старшину били «смертным боем».

* * *

Мятежных гетманов поддерживала высшая церковная иерархия на Украине. Несмотря на жестокое польское гонение, малороссийский епископат проникнут был польскими феодальными замашками и традициями. Свою роль в православной Церкви он привык мыслить на католический образец. «Князь Церкви» — таков был идеал украинского архиерея. Именно на почве ущемления этого «княжества» со стороны братств, многие вроде Кирилла Терлецкого, Ипатия Потeya, Михаила Рагозы, ударились в Унию. Оставшимся верными православию, хоть и пришлось пережить эпоху преследований, но как только поляки, проученные Хмельничной, заговорили ласковым голосом, пообещав распространить на них права и привилегии католических бискупов, верхушка украинской Церкви колебнулась в их сторону. Пугал ее переход в московскую юрисдикцию. Числясь в ведении Константинополя, она фактически оставалась независимой. Подчиненность тамошнему патриарху была номинальная и ничем ее не стесняла, особенно в экономической области. Грек Паисий Лигарид указывал, что суммы на Церковь собираются большие, а Св. София и прочие соборы приходят в ветхость, попы и меньшая церковная братия живут бедно, куда идут деньги — неизвестно.

Боязнь контроля и ограничения сделала малороссийских архиереев противниками царского подданства. Они уклонились от присяги после Переяславской Рады.

Когда в Киев явился воевода кн. Куракин, митрополит Сильвестр Коссов мешал ему строить там крепость, пускавая в ход угрозы и проклятия. Дионисий Балабан, ставший митрополитом после Сильвестра, был неприкрытым сторонником польской ориентации и состоял в сговоре с Выговским. Таким же полонофилом, связанным с интригами гетмана Дорошенко, был епископ Иосиф Тукальский, а другой епископ, Мефодий Филимонов, проносил открыто в Киеве проповеди против Москвы.

Но все это не шло в сравнение с активностью львовского епископа Иосифа Шумлянского — униата, тайного католика. В случае отторжения Украины от Москвы, поляки метили сделать его митрополитом Киевским. Шумлянский создал целый агитационный аппарат и когда, при царице Софье, в Кремле начались смуты, он при поддержке поляков отправил на Украину армию монахов, снабженных письменной инструкцией, дававшей указания, как сеять порочащие Москву слухи. Инструкция предписывала запугивать казаков готовящимся искоренением их со стороны Москвы и обнадеживать королевской милостью. Духовенство приказано было манить обещанием полной церковной автономии. Туча прокламаций занесена была на Украину.

Заслуживает внимания одна нота, звучащая в «преlestных листах» и в речах: обвинение москвичей в отступлении от православного благочестия. Сначала это выражалось в сдержанной форме, Москве приписывалось намерение изменить малороссийские религиозные обряды, ввести погружение младенцев в воду при крещении, вместо обливания. Не успели это высказать, как пошел слух, будто украинские попы, непривычные к такому способу крещения, потопили множество младенцев. Во время конфликта царя с патриархом Никоном, гетман Брюховецкий писал в своем универсале: «Святейший отец наставлял их (москвичей), чтобы не присовокуплялись к латинской ереси, но теперь они приняли Унию и ересь латинскую; ксендзам служить в церквах позволили. Москва уже не русским, но латинским письмом писать

начала»⁷⁰. Легенда об отступничестве получила столь широкое распространение, что ее счел нужным повторить, в своих воззваниях к малороссийскому народу, Карл XII. Он тоже уверял, будто Петр давно задумал искоренить в своем государстве греческую веру, по каковому случаю вел переговоры с Папой Римским. Инспирированы были эти курьезные манифесты Мазепой, открывшим Карлу главную причину единения малоруссов с великоруссами – православную веру. Идея представлять москалей неправославными принадлежит не Мазепе и не казакам; она родилась в Польше. На Гадячской раде 6 сентября 1658 г., польский посол Беневский говорил казакам: «Что приманило народ русский под ярмо московское? Вера? Неправда: у вас вера греческая, а у москалей вера московская! Правду сказать, москали так верят, как царь им прикажет. Четырех патриархов святые отцы установили, а царь сделал пятого и сам над ним старшинство; чего соборы вселенские не смели сделать, то сделал царь!»⁷¹.

Нам уже приходилось говорить, что Польша издавна была фабрикой памфлетов, книг, речей, направленных против России.

В XVI столетии это были богословско-полемические сочинения, по преимуществу. После Ливонской войны и Смуты к ним начали примешиваться политические памфлеты, полные хвастовства о том, как «мы их часто одолевали, побивали и лучшую часть их земли покорили своей власти». Литература эта вызвала в XVII веке дипломатические конфликты и требования со стороны Москвы уничтожения «безчестных» книг и наказания их авторов и издателей.

Но с особенной энергией заработала польская агитация после присоединения Малороссии к Московскому Государству. Боярин А.С. Матвеев, управлявший одно время Малороссийским Приказом, писал впоследствии, как он затребовал к себе в Москву образцы этой агитации. «И из черкасских городов привезли многие про-

70. Соловьев С.М. История России. Т. XII. С. 370.

71. Костомаров Н.И. Гетманство Выговского. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. II. С. 142.

писные листы, которые объявились противны Андрусовским договорам и московскому постановлению и книгу Пашквиль, речением славенским: подсмеяние или укоризна, печатную, которая печатана в Польше. В этой книге положен совет лукавствия их: время доходит поступать с Москвою таким образом, и время ковать цепь и Троянского коня, а прочее явственнее в той книге»⁷².

Весь фонд анекдотов, сарказмов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самостийничество пользуется по сей день, — создан поляками. Знаменитая «История Русов» представляет богатейшее собрание этого агитационного материала, наводнившего Украину после ее присоединения к России. Часто речи, вложенные авторами этого произведения в уста казачьим деятелям и татарам, не требуют даже анализа для выявления своего польского происхождения. Такова, например, речь крымского хана о России: «В ней все чины и народ почти безграмотны и множеством разноверств и странных мольбищ сходятся с язычеством, а свирепостью превосходят диких... между собою они безпрестанно дерутся и тиранствуют, находя в книгах своих и крестах что-то неладное и не по нраву каждого». Казачьему предводителю Богуну приписаны тоже слова, выражающие распространенный польский взгляд на Россию: «В народе московском владычествует самое неключимое рабство и невольничество в высочайшей степени, и что у них кроме Божьего да царского, ничего собственного нет и быть не может и человеки, по их мыслям, произведены в свет будто для того, чтобы в нем не иметь ничего, а только рабствовать. Самые вельможи и бояре московские титулуются обыкновенно рабами царскими и в просьбах своих всегда пишут они, что бьют ему челом; касательно же посполитова народа, то все они почитаются крепостными»⁷³.

Когда Выговский изменил царю и собрал раду в Гадяче, туда приехал польский посланный Беневский. Речь

72. История о невинном заточении боярина Матвеева. М., 1785. С. 61.

73. История Русов // Чтения в Московском обществе Истории и Древностей Российских. 1846. № 4. С. 98.

его к казакам — великолепный образец красноречия рассчитанного на слушателей знающих, что каждое слово оратора — ложь, но принимающих ее, как откровение.

«Все доходы с Украины царь берет на себя, установили новые пошлыны, учредили кабаки, бедному казаку нельзя уже водки, меда или пива выпить, а про вино уже и не вспоминают. Но до чего, паны-молодцы, дошла московская жадность? Велят вам носить московские зипуны и обуваться в московские лапти! Вот неслыханное тиранство!.. Прежде вы сами старшин себе выбирали, а теперь москаль дает вам кого хочет; а кто вам угоден, а ему не нравится, того прикажет извести. И теперь вы уже живете у них в презрении; они вас чуть за людей считают, готовы у вас языки отрезать, чтоб вы не говорили и глаза вам выколоть, чтоб не смотрели... да и держат вас здесь только до тех пор, пока нас поляков вашею же кровью завоюют, а после переселят вас за Белоозеро, а Украину заселят своими московскими холопами»⁷⁴.

Казакам, конечно, лучше было знать, приказано ли им носить зипуны и обуваться в лапти, но какой-то «идейный базис» надо было подвести под измену. Поэтому, когда их спросили: «А що! Чи сподибалась вам, панове-молодцы, рацея его милости пана комиссара?» — последовал восторженный крик: «Горазд говорить!»

Пасквилями, наветами, подметными письмами, слухами полна вся вторая половина XVII века. Поколения вырастали в атмосфере вражды и кошмарных рассказов о московских ужасах.

Зная по опыту могущество пропаганды, мы только чуду можем приписать, что малороссийский народ в массе своей не сделался русофобом.

Сочинение антирусских памфлетов продолжалось до самого упразднения гетманства в 1780 г. Теперь достаточно хорошо выяснено, что рассадником этого творчества на Украине была войсковая канцелярия — бюрократический центр казачьего уряда. Чинов этого учреждения помянул в XX веке Грушевский, как беззаветных патриотов,

74. Костомаров Н.И. Гетманство Выговского. С. 142.

трудившихся «в честь, славу и в защиту всей Малороссии».

Установлено, что стараниями этих «патриотов» размножались и долгое время ходили по рукам фальшивые речи Мазепы к казакам в 1708 году и столь же фальшивая речь Полуботка. Кроме школы войсковых канцеляристов существовал новгород-северский кружок, возглавлявшийся сначала Г.А. Полетикой, а после его смерти О. Лобысевичем. Недавно одним самостийническим историком высказано предположение, что именно членами этого кружка инспирирована книга Бенуа Шерера «*Annales de la Petite Russie ou Histoire des cosaques sarogogues*», вышедшая в 1788 г. в Париже⁷⁵. Книга эта, написанная вполне в казацком духе, полна извращений истины. По мнению упомянутого историка, новгород-северцы не только снабдили Шерера материалами, но и впоследствии, через своих заграничных агентов, представляли ему новые сведения «спонукаючи його до новой публикации».

Как им, так в особенности чинам войсковой канцелярии, принадлежит честь обобщения и оформления казачьего творчества, заложившего основу современной самостийнической «платформы». Их стараниями стал меняться взгляд и на гетманскую власть. До Хмельницкого гетманы были простыми военными предводителями; недаром слово «гетман» произошло от «Hauptmann». В лучшем случае, это был глава казачьего сословия. Но после того, как Богдан усвоил тон народного вождя, после того, как царь Алексей Михайлович предельно ослабил свою власть в Малороссии, к военному характеру гетманских функций стали прибавляться черты гражданского правителя. Этого оказалось достаточно, чтобы пылкие головы забыли о подданстве и стали смотреть на булаву как на скипетр. Следствием этого явилось некое освящение личности самих держателей булавы.

После смерти Богдана мы не видим на его месте ни одного сколько-нибудь значительного человека. Все это

75. Оглоблин А. «*Annales de la Petite Russie*» Шерера и «История Русов» // Научный Збірник Українського Вільного Університету. Мюнхен, 1948. Т. V.

простые властолюбцы типа Выговского и Самойловича, авантюристы вроде Тетери и Дорошенко, алчные печенеги вроде Брюховецкого или законченные карьеристы и себялюбцы, как Мазепа. Тем не менее, уже в XVII веке началась их идеализация. Когда заинтригованный Выговский, отвергнутый казачеством, брошенный старшиной, был расстрелян поляками, — левобережный гетман Брюховецкий оповестил народ, что Выговский пострадал «за правду». Сам Брюховецкий, убитый собственными казаками, удостоился впоследствии тоже доброго слова. Гетмана Д. Многогрешного, как известно, схватила и обвинила в измене сама генеральная старшина, потребовав от Москвы его наказания, но когда Москва, плохо верившая в действительную измену гетмана, сослала его в Сибирь в угоду казачеству, та же самая старшина стала распространять слух о невинном заточении Многогрешного. То же было с Самойловичем. Московские бояре ни минуты не верили в его виновность и даже жалели, но они не могли не считаться с категорическим требованием старшины убрать неугодного предводителя. Этот гетман снискал себе в народе всеобщую ненависть. Тем не менее, и из него сделали страдальца за Украину. Но самого неожиданного ореола удостоился Мазепа. Сомнительный малоросс, человек польского склада, задумавший под конец жизни присоединить Украину снова к Речи Посполитой, на условиях Гадячского протокола, крепостник и притеснитель крестьянства, стяжатель, он сам знал, что его ненавидят в народе и в старшине, и поэтому шагу не делал без своих сердюков, игравших при нем роль янычаров. Это был самый, может быть, непопулярный из всех гетманов. Когда он изменил, за ним никто не пошел, за исключением двухтысячной банды запорожцев, да нескольких человек генеральной старшины. Тем не менее, ни один гетман не превознесен так в качестве национального героя, как Мазепа.

Похоже, что «патриоты», трудившиеся «в честь, славу и в защиту всей Малороссии», поставили задачей создать ей пышную галерею «отцов отечества» и всевоз-

можных героев. В уста им вложено немало выражений любви к родине. Но старания патриотов пропадают при соприкосновении с документальным материалом и при сколько-нибудь критическом подходе к летописям, вышедшим из кругов войсковой канцелярии. На практике мы видим переходы из одного подданства в другое, но ни разу не видим намерения создать «незалежную» Украину. Это не значит, что все речи гетманов сочинены позднейшими их почитателями. Об Украине-матери, «отчизне», читаем иногда в гетманских универсалах. Но мы уже не заблуждаемся насчет этих патриотических излияний. Они – простое порождение логики казачьего путчизма. Затевая бунты для удержания узурпированной власти и материальных выгод, старшина не могла приводить этих мотивов в оправдание своего поведения, надо было аргументировать *ad populum*, пускаться в декламацию о любви к родине, о благе народа. Вот почему поляк Мазепа, затеяв свою измену исключительно по личным побуждениям, счел нужным клясться перед распятием, что начинает дело для блага всей Украины.

Чем беспутнее, чем аморальнее гетманы, чем больше вреда народу приносили своими похождениями, тем с большей слезой в голосе произносили слово «отчизна».

Национальная нота казачьей «публицистики» тех дней – один из видов демагогии и маскировки. Это почувствовали в XIX веке многие украинофилы. Даже Тарас Шевченко, заунывный певец казаччины, срывался иногда с тона и начинал совсем не в лад:

*Рабы пидножки, грязь Москвы,
Варшавы смиття ваши паны,
Ясновельможные гетманы.*

Установление крепостного права в Малороссии

В антирусской пропаганде есть особо острый пункт, требующий специального рассмотрения. До сих пор он

остается «действующим» по причине крайнего невежества русского общества в украинской истории. Речь идет об установлении крепостного права в Малороссии, которое приписывается москалям. Они, по словам Петрика, «позволили нашему гетману раздавать старшинам маестности, старшины позаписовали себе и детям своим в вечное владение нашу братью, и только что в плуги их не запрягают, а уж как хотят так и ворочают ими, точно невольниками своими»⁷⁶.

Сообщение это очень авторитетное. Принадлежа к казачьей аристократии и занимая — до своего бегства в Запорожье — видный пост в войсковой канцелярии, Петрик превосходно знал картину закрепощения простого народа. Конечно, он и сам «запрягал в плуги» крестьянскую братью, ибо трудно поверить, чтобы будучи правой рукой генерального писаря Кочубея — тогдашнего друга Мазепы, он остался чистым агнцем, не запятанным всеобщей крепостнической практикой. Не соверши он какого-то преступления по службе, после чего вынужден был бежать, он безусловно не порицал бы москалей за то, что те «позволили» ему сделаться крупным помещиком. Только попав в Сечь, в вынужденную оппозицию к гетману, обрушился он на это «позволение», забывши, что Москва «позволила» и многое другое — сбор податей, администрирование и полное управление краем. Петрик великолепно знал это и тем не менее остался верным казачьей традиции переносить ответственность за свои грехи на Москву.

Позднее, введение крепостного права в Малороссии приписано было императрице Екатерине Второй. Кому не известна «Русская История» гр. А.К. Толстого?

*Messieurs, — им возразила
Она: — vous me comblez,
И тотчас прикрепил
Украинцев к земле.*

76. Соловьев С.М. История России. Т. XVI, кн. VII. С. 499.

Событие это связывают с указом 3 мая 1783 г., положившим, по всеобщему мнению, конец свободе в малороссийском крае.

*Унылый томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:
Отчизны моя любезной
Порабощенье воспою.*

Так начинается «Ода на рабство» В.В. Капниста, появившаяся вскоре после указа 1783 года. По всем правилам ложноклассической поэтики, сильно тронутый сентиментализмом, поэт удаляется сначала «на холм древами осененный», потом «уклоняется» в густую рощу, где, севши «под мрачным мшистым дубом», предается горестному созерцанию несчастья обрушившегося на Малороссию.

*Куда ни обращаю зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь.*

Из ламентаций его видно, что роковой указ рассматривается, как грань между двумя эпохами малороссийской жизни. Одна — светлая, счастливая, свободная, другая отмеченная знаком рабства, слез и стенаний.

*Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там твердо зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! Судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.*

«Одно» только слово, один законодательный акт. Так представляли и представляют себе введение крепостного права на Украине девяносто девять процентов образованных людей в России. Для полубразованных и совсем необразованных пущена с давних пор еще более грубая версия, согласно которой украинский народ, освободившись от польских помещиков, попал в другое рабство, к помещикам русским, которым царица раздала земли и крестьян в Малороссии.

*Катерина вража баба,
Що ты натворила!
Степ широкий, край богатый
Панам роздарила.*

Вирши эти приобрели всероссийскую известность, цитировались в тысячах речей и журнальных статей, раздавались с трибуны Государственной Думы, даже здесь, в эмиграции, приведены А.В. Карташевым в «Очерках по истории русской Церкви», вышедших в 1959 году в Париже⁷⁷. В полном согласии с либеральной версией, он упрекает Екатерину за «введение в обширных пределах Украины не бывшего там крепостного права».

В Советском Союзе таких образцов – не меньше. Раскрыв «Историю русской литературы XVIII века» проф. Д.Д. Благого⁷⁸, можно прочесть об указе 1783 г., как о «закрепощении крестьян, до того бывших лично свободными».

Что после этого требовать от публицистики и всяких безответственных видов печатного слова?

Весь этот ворох бранных стихов, слезливых и высокопарных од, возмущенных речей и проклятий – превосходный образец невежества, обывательского восприятия истории и сознательно распускаемых с политическими целями легенд.

77. Т. II. С. 469.

78. М.: Учпедгиз, 1951. С. 402.

Новое рабство, действительно, установилось на Украине, и было, по словам народа, «хуже лядского». Но за кабалителями выступили не великороссы, а свои домо-рощенные паны, вышедшие из среды казачества. И произошло это не по указу Екатерины, а задолго до него. В положение украинского крестьянства указ 3 мая 1783 г. не внес никаких изменений, и, по мнению исследователей, не был даже замечен крестьянством. Земли были расхищены и мужики закреплены задолго до воцарения Екатерины.

Вот пункт 8-й указа, наиболее нас занимающий: «Для известного и верного получения казенных доходов в наместничествах Киевском, Черниговском и Новгородско-Северском, и в отвращение всяких побегов к отягощению помещиков и остающихся в селениях обитателей, каждому из поселян остаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан, кроме отлучившихся до состояния сего Нашего указа; в случае же побегов после издания сего указа поступать по общим государственным установлениям»⁷⁹.

Пункт этот дополняется соответствующими штрихами, разбросанными в других частях указа — распоряжением оставлять на усмотрение помещиков раскладку податей с крестьян в частновладельческих деревнях, и запрещением принимать беглых малороссийских поселян. Даже если бы мы не располагали никакими другими документами, кроме этого пункта, его достаточно было бы для установления факта существования крепостничества в Малороссии до 1783 года. Мы видим здесь весь характерный крепостной ландшафт — «помещиков», «частновладельческие деревни», «поселян», «побеги» доставляющие помещикам «отягощения». То обстоятельство, что поселяне не просто уходят, а бегут, свидетельствует о невозможности легального ухода с места. Это и есть главный признак зависимости. Целью Екатерининского указа было не введение крепостничества, уже существо-

79. Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. XXI, № 15.724. С. 907.

вавшего в крае, а распространение на Малороссию административных мер, связанных с фиском и действовавших во всех прочих российских губерниях. Такая унификация была бы невозможна при различии экономически-правовых отношений.

* * *

Процесс установления нового крепостного права ныне представляется довольно ясным. Он достаточно изучен благодаря трудам самих же украинских историков XIX века, таких как Лазаревский, Ефименко, Романович-Словатинский. К ним присоединилось исключительно ценное исследование В.А. Мякотина, изданное в эмиграции⁸⁰.

В общих чертах он рисуется так: Хмельничина уничтожила в крае все дворянские вотчины, а заодно уничтожила чуть не все дворянство. Речь идет не об одних только ополяченных и окатоличенных шляхтичах, но также о панах, сохранивших православие: те из них, что, подобно Адаму Киселю, боролись с народом в польских рядах, разделили судьбу поляков и были физически истреблены либо изгнаны. Уцелели только примкнувшие к Хмельницкому. Жизнь, дворянское звание и усадьбы они сохранили, но ни земель, населенных крестьянами, ни тем более самих крестьян, как феодально-зависимых, вернуть не могли. Численно, они представляли горсточку. Во время присяги царю Алексею Михайловичу их насчитали не более двухсот. Хотя царское правительство относилось к ним с наибольшим уважением, выделяя из всех прочих слоев украинского населения (первая милостивая грамота после Переяславской рады адресована была малороссийскому дворянству), тем не менее, эти потомки старой южнорусской знати оказались нежиз-

80. Лазаревский А.М. Описание Старой Малороссии. В 3 т.; Он же. Малороссийские посполитые крестьяне; Он же. Исторические очерки полтавской Лубенщины. Он же. Из истории сел и селян Левобережной Малороссии; Ефименко А.Я. Малорусское дворянство // Вестник Европы. 1891. Т. IV, (авг.); Романович-Словатинский А. Дворянство в России. Киев, 1912; Мякотин В.А. Очерки Социальной Истории Украины в XVII-XVIII в. Прага, 1924-1926. Вып. I-III. Фрагменты ее печатались в «Русском Богатстве» в 1912 г. № 8, 10, 11.

неспособными и быстро сошли на нет, растворившись в массе казачества. Не они были заводчиками нового крепостничества; его ввели казаки.

Еще раз: когда говорим «казаки», имеем в виду не те 360 тысяч, бывших с Хмельницким под Зборовом в 1649 году, даже не тех, которых записывали в реестр, а людей запорожской школы — численно небольшую, но сплоченную группу, составлявшую окружение Богдана, а потом образовавшую неписанное старшинское сословие. Рекрутировалось оно путем «естественного отбора». Если про казачий реестр один современник выразился: «Можнейшие пописались казаками, а подлеишие остались в мужиках», то в старшину выбивались можнейшие из можнейших — самые хищные и пронырливые. Уже в момент присоединения к Московскому государству, они обнаружили в полной мере свою столетнюю мечту учредиться помещиками и занять место изгнанных польских панов. Первые же посланники к Алексею Михайловичу — войсковой судья Самойло Богданов и переяславский полковник Тетеря — били челом в Москве о «привилеях на хартиях золотыми словами писанных: мы судье, на местечко Имглеев Старый с подданными там будущими и со всеми землями издавна до Имглеева належащими, а мне полковнику на местечко Смелую также с подданными в ней будущими, и со всеми землями к ней належащими». Такие же грамоты выданы были генеральному писарю Ивану Выговскому, проявившему особенную жадность к маетностям. Он не только просил о подтверждении тех грамот на землю, что выхлопотал от польского короля, но бил челом о новых. Царь ни в чем не отказывал. Почти каждый видный урядник, с течением времени, обзавелся желанным документом на имение.

Мы указывали, что московское правительство плохо разбиралось во внутренних малороссийских делах; милостями осыпало прежде всего тех, через кого рассчитывало привязать к себе новый край, а таковыми сумели представить себя казаки. Внушая высокое мнение о своей роли, они, соответствующим образом, умаляли, вер-

нее замалчивали, роль крестьянства. Сделать это было тем легче, что времена были крепостнические, во всем мире мужик ставился ни во что, о нем часто забывали, а на Украине, вдобавок, он сделался жертвой собственных иллюзий. Надевши в дни Хмельничины баранью шапку и объявив себя казаком, он счел это достаточной гарантией от крепостной неволи. Если же ему и в реестр удавалось попасть, то свобода казалась навеки обеспеченной. Удивительно ли, что эти люди ни разу не подали голоса? Ни просьб, ни челобитий московскому правительству от них не поступало и держались они так, чтобы в них никто не заподозрил крестьян. А матерое казачество все делало с своей стороны, чтобы затемнить в глазах Москвы казацко-крестьянские отношения. Оно добилось передачи этого вопроса на свое собственное разрешение. Уже в мартовской челобитной 1654 г. Хмельницкий писал: «Мы сами смотр меж себя иметь будем и кто казак, тот будет вольность казацкую иметь, а кто пашенный крестьянин, тот будет должность обыкшую его царскому величеству отдавать как и прежде сего».

Выдавая жалованные грамоты старшине и не возражая против помещичьего землевладения на Украине, Москва сама его не вводила, считая это делом внутренне малороссийским. Впрочем, судьба грамот выданных после Переяславской рады была незадачливая, они остались лежать, в шкапулках, в тайных кладовых, даже в земле закопанные и не принесли своим владельцам никакой пользы. Московским приказным людям казаки говорили, что народ непременно убьет их если узнает о существовании у них таких документов.

Таким образом, самый простой, легальный способ завладения землями посредством царского пожалования оказался самым трудным. Гораздо большего успеха достигли окольным путем. Начали с «ранговых маестностей» — населенных земель назначенных для содержания казачьего уряда. Каждому крупному воинскому чину положено было жалованье в виде такого имения, жители которого обязывались различными повинностями в пользу

владельца-урядника. По существу это была та же панская вотчина, только не частновладельческая, а войсковая, находившаяся во временном пользовании. Владели ею до тех пор, пока занимали соответствующий пост; лишившись чина, лишались и маетности. Помещичий характер такого имения не бросался в глаза и не будил, на первых порах, призрака крепостной эксплуатации.

Доставались ранговые маетности, прежде всего, «бунчуковому товариству», состоявшему при генеральном уряде, при гетмане, «под бунчуком». Из его числа выходили генеральные писаря, судьи, обозные — все важные чины. Одновременно наделялось значковое или полковое товариство, состоявшее при полковом значке.

Кроме ранговых маетностей, придуман был и другой вид войсковых вотчин. Значные казаки, дав своим детям образование «с латынью» и даже без оной, приписывали их затем к генеральной войсковой канцелярии, как это практиковалось в Польше. На содержание таких приписанных молодых людей определили не меньшие маетности, чем на ранги. Порабощение мужика началось под видом служения войску Запорожскому. Но очень рано у старшины зародилось намерение превратить войсковые экономии в частную и в наследственную собственность. С течением времени это и было сделано.

Существовало немало земель «к диспозиции гетманской надлежащих», из которых выделялись часто куски, передававшиеся в личное владение тому или иному казаку. Вместе с ними и население, зависевшее прежде от «войска», переходило в частную зависимость.

Хотя верховным распорядителем всего земельного фонда Малороссии считался московский царь, и самыми законными документами на право владения были царские жалованные грамоты, но уже Хмельницкий, помимо Москвы, начал раздавать маетности своею властью. Эта практика приобрела широкие размеры после того, как старшина добилась ее легализации. Обращаться каждый раз в Москву за пожалованием с некоторых пор перестали, все раздачи сосредоточились в руках гетмана,

а Москва утверждала их постфактум. Роль царского правительства свелась, под конец, исключительно к такой санкции. Генеральная войсковая канцелярия сделалась с этого момента источником земельных приобретений и у всех, кто имел туда доступ, вошло в обычай выпрашивать себе земли.

Но расхищение шло также другим, нелегальным порядком. Более или менее богатые казаки начали округлять владения путем скупки за бесценок «грунтов» у обнищавших крестьян. Царское правительство решительно запрещало такую практику, так как она вела к уменьшению тягловых единиц и к сокращению доходов казны, но казаки, при попустительстве гетманов и старшины, продолжали скупать грунты потихоньку. Для отторжения крестьянской земли не брезговали ни приемами ростовщичества, ни игрой на народных бедствиях. Отец гетмана Данилы Апостола давал в неурожайный год деньги нуждавшимся, прибегавшим к займу, «чтоб деток своих голодную смертью не поморити», а потом за эти деньги отнимал у них землю. Полковник Лизогуб содержал шинок, с помощью которого опутал долгами мужиков и за эти долги тоже отбирал землю.

О подвигах его сохранился красочный документ — жалоба некоего Шкуренка, взявшего у Лизогуба 50 золотых займы. «Дай мне в арешт грунта свои, а я буду ждать долг, пока спрможешься с деньгами» — сказал полковник. «Я и отдал свой грунтик, но не во владенье, а в застановку (в заклад). А как пришел срок уплаты, стал я просить Лизогуба подождать, пока продам свой скот, который нарочно выготовил для продажи. А Лизогуб задержал меня в своем дворе и держал две недели, требуя отдачи долга. Со слезами просил я отпустить меня домой, так как жена моя лежала на смертной постели. Но Лизогуб тогда же со своим господарем (управляющим) оценил мой грунтик и насильно послал меня к конотопскому попу, говоря: иди к попу, и как поп будет писать, будь при том. Поп написал купчую, но без свидетелей с моей стороны и без объявления в Ратуше. Так пан Лизогуб и завладел моим

грунтом, хотя я и деньги ему потом носил»⁸¹. На своем «грунту» крестьянин нигде не чувствовал себя прочно, потому что всякому более или менее «мощному» казаку позволено было посягать на него правдами и неправдами. Уже вскоре после Хмельничины наблюдаются случаи, когда старшина «силомоцью посидает людские грунта». В гетманство Мазепы подобная практика приобретает характер народного бедствия. Особенно свирепствовал любимец Мазепы, полковник Горленко. «Где было какое годное к пользе людской место, все он своими хуторами позанимал, а делал это так, что одному заплатит, а сотни людей должны неволею свое имущество оставлять. Куда ни глянешь — все его хутора, и все будто купленные, а купчие берет, хотя и не рад продавать»⁸².

Что касается пространств пустых, незаселенных, которых в то время много было на Украине, то и они очень быстро оказались расхвачанными путем «займования» по праву первого владения. Дохода с них не было, но его предвидели в будущем. Очень скоро, главная масса земель сосредоточилась в руках казачьей аристократии.

*«Эй дуки вы, дуки!
За вами вси луги и луки!
Нигде нашому брату нетеязи стати
И коня попасти!»!*

Параллельно с мобилизацией земель идет процесс превращения крестьянства в крепостное состояние. Никакого права на такое обращение казачество не имело и никто не давал ему этого права. Совершено было все путем грубого произвола и насилия. А.Я. Ефименко резюмирует это так: «Вместе с г. Лазаревским, который посвятил десятки лет добросовестного труда детальному выяснению фактической стороны происхождения большей части малорусских крупных дворянских родов, мы

81. Ефименко А. Малорусское дворянство // Вестник Европы» 1891. Т. IV (авг.). С. 533.

82. Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. 1875. Кн. 9.

должны признать, что малорусское панство выросло на всяческих злоупотреблениях своею властью и положением. Насилие, захват, обман, вымогательство, взяточничество — вот содержание того волшебного котла, в котором перекипала более удачливая часть казачества, превращаясь в благородное дворянство»⁸³.

Первоначально, после освобождения края от польской власти, крестьянин имел право свободного передвижения и перехода с одной земли на другую. Казакам это было, даже, выгодно до поры до времени; техника закрепощения требовала, чтобы возможно больше народа согнано было с насиженных мест и заменено новым. Но когда этот процесс кончился, свобода передвижения стала величайшим неудобством для новых помещиков, и ее всеми мерами стали пресекать.

Так, в 1707 году по приказу Мазепы полтавский полковник всех уходящих на слободы «не только переимал, грабил, забурал, вязеннем мордовал, киями бил, леч без пощадення вешати рассказовал»⁸⁴. В 1739 г. генеральная войсковая канцелярия запрещает переходы под угрозой смертной казни. Мотивировалось это желанием пресечь якобы побег за границу. Узнав об этом, русское имперское правительство отменяет свирепое запрещение, но на практике полковые канцелярии продолжают действовать в духе постановления 1739 г., ссылаясь на Литовский статут. Через 18 лет, гетман Разумовский, своею властью, издает распоряжение равносильное запрету переходов. По этому распоряжению, крестьянин, собирающийся оставить владельца, должен оставить ему и все свое имущество, да кроме того, обязан взять от владельца письменное свидетельство об отходе. После этого, крестьянину ничего кроме бегства не оставалось. По словам все той же компетентной исследовательницы А.Я. Ефименко, весь процесс закрепощения крестьян «совершился чисто фактическим, а не юридическим путем, без всяко-

83. Ефименко А. Малорусское дворянство. С 532.

84. Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий // Русский Архив. 1875. Кн. 8. С. 408.

го, по крайней мере, непосредственного вмешательства государственной власти».

Стоило какому-нибудь казаку сделаться «державцею», т. е. получить административную власть над известным округом, как он уже претендовал на «послушенство» крестьян этого округа. Сначала это выражалось в сравнительно скромных требованиях, потом требования росли, увеличивались, пока не завершались полным порабощением. Если казак располагал незаселенной землей, он приманивал на нее крестьян обещанием всевозможных льгот, а когда те поселялись, они оказывались через некоторое время в тяжелой зависимости от владельца. Обычно, поселявшиеся слободами на таких землях крестьяне получали право не нести никаких повинностей в пользу землевладельца в течение первых десяти лет. По отбытии этого срока они обязаны были платить владельцу по сто талеров в год, осматривать местный млинок (мельницу) и возить из него розмол. И это все. Никаких других повинностей не полагалось. Новые паны, однако, начали повсеместно нарушать это обычное право, — требовать годовой чинш раньше положенного срока и облагать слобожан различными работами. Гетман Мазепа узаконяет этот произвол и издает в первые годы XVIII века универсалы, согласно которым крестьяне два дня в неделю обязаны работать в пользу соседних панов, да еще платить овсяную дань. Видимо, в это время начала складываться известная народная песня:

*Ой горе нам — не гетманщина —
Надокучила вража панщина
Шо ходячи поиси, сидячи выпшися!
Як на панщину йду — торбу хлиба несу,
А з панщини йду — ани кришечки
Обливають мене дрибни слизочки!*

Сечевики, постоянно враждовавшие с Мазепой, нередко пользовались в своей агитации крепостнической политикой гетмана, как мотивом для разжигания недо-

вольства в народе. Из Запорожья шли обличительные листы: «Мы думали, что после Богдана Хмельницкого, народ христианский не будет уже в подданстве; видим, что напротив, теперь бедным людям хуже стало, чем при ляхах было. Прежде подданных держала у себя только старшина, а теперь и такие, у которых отцы не держали подданных, а ели свой трудовой хлеб, принуждают людей возить себе сено и дрова, топить печи, да чистить конюшни».

В 1727 году, некая Даровская, в Стародубском полку, потребовала от своих слобожан явиться на панщину в то село, где она жила. «Мы не поехали, — рассказывают слобожане, — помня договор, чтобы платить только годовой чинш по сту талеров и быть уже свободными от всякой панщины. Поноровивши некоторое время, Даровская снова прислала нам приказ, чтобы ехали мы на ту панщину неотменно и мы, исполняя тот приказ Даровской, яко комендерки своей, выслали на панщину тридцать пять своих парубков, которых Даровская приказала всех без исключения тирански батожем бить, причитаючи вину его, что за первым разом не поехали на панщину. А потом позваны были во владельческое село и все мы, хозяева где зазвавши нас во двор приказала Даровская, по одному оттуда выводя, нещадно киями бить, от которого бою недель по шесть и побольше многие из нас пролежали»⁸⁵.

Закабалению подверглась значительная часть тех простых казаков, что вели свое хозяйство на крестьянский манер и ничем, фактически, от крестьян не отличались. Сыграв роль пушечного мяса во дни Хмельничины, они теперь стали «мясом» закрепощения. Через каких-нибудь десять лет после смерти Хмельницкого, стольнику Кикину довелось слышать речи полкового судьи Клима Чернушенко про полтавского полковника Витязенко: «Нас казаков полковник Витязенко многим зневажает и бьет напрасно, а жена его жен наших напрасно же бьет и безчестит; и кто казак или мужик упадет хоть в малую

85. Ефименко А. Малорусское дворянство // Вестник Европы» 1891. Т. IV, (авг.). С. 543.

вину, и полковник его имение все, лошадей и скот берет на себя. Со всего полтавского полка согнал мельников и заставил их на себя работать, а мужики из сел возили ему на дворовое строение лес, и устроил он себе дом такой, что у самого гетмана такого дома и строения нет; а город наш Полтава весь опал и огнил, и о том у полковника радения нет; станем мы ему об этом говорить — не слушает»⁸⁶.

Таковы были светлые времена, когда все «кущи, села, грады хранил от бед свободы щит» и когда «благо, счастье народно со всех сторон текло свободно». Не будь Капнист сыном миргородского полковника, ложь, лежащая в основе его оды, не так бы бросалась в глаза. Она могла быть объяснена невежеством, незнанием прошлого. Но человек, у которого еще отцы и деды закабалили крестьян по методу Даровской, меньше всего имел право проливать «унылый томный звук» по поводу екатерининского указа.

Указ был одним из серии узаконений, порожденных другой, более важной и общей реформой, объявленной в 1780 году. Реформа эта — упразднение гетманства и всех казачьих порядков в Малороссии. В 1781 году упразднены Малороссийская Коллегия, Генеральный суд, центральные войсковые и полковые учреждения, территория гетманщины разделена на наместничества Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, где вся администрация, суд и управление должны были отправляться с тех пор по общероссийскому образцу. То был полный конец казачьего уряда, существовавшего около 130 лет. Жалели о нем немногие, больше те, что кормились от него; «мощные» же казаки, в массе своей, давно превратились в «благородное российское дворянство», ничем от великоросских собратьев не отличавшееся. Состоя на службе в столицах, заседая в Сенате и Синоде, сделавшись генералами, министрами, канцлерами империи, добившись всего, о чем мечтали их предки, они не имели уже причин жалеть о казачьих привилегиях. Из рассадника смут превратились в опору порядка и трона.

86. Соловьев С.М. История России. Т. XII, кн. VI. С. 356.

Только небольшая горсточка продолжала скорбеть о бунчуках и жупанах. К ней, без сомнения, принадлежал В.В. Капнист. В его роду, по-видимому, долго жили казацкие предания и антимосковские настроения. Многие самостийнические истории Украины ссылаются на визит какого-то Капниста в 1791 году, к прусскому министру Герцбергу. Грушевский излагает этот эпизод так: «Недавно из секретных бумаг прусского государственного архива стало известным, что в 1791 году, когда испортились отношения между Россией и Пруссией, к тогдашнему прусскому министру Герцбергу явился украинец Капнист, потомок известного украинского рода, сын заслуженного миргородского полковника. Он объяснил Герцбергу, что его прислали земляки, пришедшие в отчаяние от «тирании российского правительства и князя Потемкина». «Казацкое войско, – говорил он, – очень огорчено тем, что у него отобрали старые права и вольности и обратили его в регулярные полки; оно мечтает возвратить себе эти старые порядки и вольности, старое казацкое устройство (*ancienne constitution des Cosaques*)». По поручению земляков Капнист спрашивал министра, могут ли они надеяться на помощь Пруссии, если восстанут против «русского ига». Но министр дал уклончивый ответ, не предполагая, чтобы у Пруссии действительно могла возникнуть война с Россией. Поэтому Капнист уехал, сказав, что на будущее время, если прусское правительство того пожелает, оно может войти в сношения с украинцами через его брата, путешествовавшего тогда по Европе»⁸⁷.

Ни Грушевский, ни другие самостийнические авторы не дают нам подробностей столь интересной архивной находки, вследствие чего личность посланного остается неясной. Грушевский не называет его имени, прилагая молчаливо к своему тексту портрет поэта Василия Васильевича Капниста, но «Велика История Украины» прямо называет его «графом Василием Капнистом»⁸⁸ Можно

87. Грушевский М. Иллюстрированная История Украины. СПб., 1913 С. 486.

88. Велика История Украины. Львов: Виннипег, 1948. С. 553.

простить авторам анахронизм, связанный с титулом (в графском достоинстве Капнисты значатся только с 1876-1877 г.), но гораздо труднее примирить с их утверждением факт поездки поэта за границу в 1791 г. Ни биографы, ни историки литературы ничего такого не сообщают — напротив, дружно уверяют, что с 1783 по 1796 г. он проживал почти безвыездно в своем имении «Обуховка» на Полтавщине. А второго Василия в числе его братьев, кажется, не обреталось. Но пусть это был не автор «Ябеды» и «Оды на рабство», даже не брат его, а скажем, племянник — все равно, эпизод этот — свидетельство политического климата, в котором создавалась «Ода».

Плач ее был плачем о гетманстве, а вовсе не об утрате крестьянской свободы. На крестьян и на крепостное право там даже намека нет, «свобода» упоминается абстрактно и ее можно понимать как угодно. Будь наш поэт печальником горя народного, ему бы надо было быть им не в 1783 году, а гораздо раньше, когда Витязенки, Лизогубы, Горленки закрепощали народ и «вязаннем мордовали».

Не назвав крепостничества, как предмета своей печали, Капнист умолчал об отмене гетманского режима, скорбеть о котором было непристойно, да и в обществе это не встретило бы сочувствия. Гетманство уже при Даниле Апостоле было тенью прежнего уряда, а при Разумовском носило чисто декоративный характер. Его отмена в 1780 г. не вызвала ни возражений, ни скольконибудь значительных разговоров и толков. Оно пало, как перезревший плод с дерева. Ни у кого из последних казакоманов не хватило духа выступить с его защитой. Зато удалось отомстить самодержавию и извлечь агитационный эффект из указа 1783 года. Представить его, как введение крепостного права и пролить по этому поводу «поток слез» — сулило верный успех в либеральном столичном обществе, в радищевских и новиковских кругах.

Антимосковская пропаганда здесь, как встарь, не могла обойтись без маскировки и должна была скрывать истинные причины озлобления, подменяя их ложными, более благовидными.

Катехизис

Все, что казачество за сто лет гетманского режима наговорило, накричало на радах, написало в «листах» и универсалах — не пропало даром. Уже про ближайших сподвижников Мазепы, убежавших с ним в Турцию, самостийнические писатели говорят, как о людях, «перековавших» свои казачьи вожделения «в гранитную идеологию»⁸⁹.

Впоследствии все это попало в летописи Грабянки, Величко, Лукомского, Симановского и получило значение «исторических фактов». Казачьи летописи и основанные на них тенденциозные «истории Украины», вроде труда Н. Маркевича, продолжают оставаться распространителями неверных сведений вплоть до наших дней.

Но уже давно выделился среди этих апокрифов один, совершенно исключительный по значению, сыгравший роль Корана в истории сепаратистского движения. В 1946 году, в сотую годовщину его опубликования, состоялось под председательством Дм. Дорошенко заседание самостийнической академии в Америке, на каковом оный апокриф охарактеризован был, как «шедевр украинской историографии»⁹⁰.

Речь идет об известной «Истории Русов».

Точной даты ее появления мы не знаем, но высказана мысль, что составлена она около 1810 г. в связи с тогдашними конституционными мечтаниями Александра I и Сперанского⁹¹. Распространяться начала, во всяком случае, до 1825 г. Написана чрезвычайно живо и увлекательно, превосходным русским языком карамзинской эпохи, что в значительной степени обусловило ее успех. Расходясь в большом количестве списков по всей России, она известна была Пушкину, Гоголю, Рылееву, Максимовичу, а впоследствии — Шевченко, Костомарову, Кулишу, многим другим и оказала влияние на их творчество.

89. Велика История Украины. Львов : Виннипег, 1948. С. 527.

90. Америка: газета. Филадельфия, 1946. 12 окт.

91. Киевская старина. 1893. Т. I. С. 41-76.

Первое и единственное ее издание появилось в 1846 г. в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» в Москве. Издатель О.М. Бодянский сообщает в предисловии такие сведения о ее происхождении: Г. Полетика, депутат малороссийского шляхетства, отправляясь в Комиссию по составлению нового уложения, «имел надобность необходимую отыскать отечественную историю», по каковой причине обратился к Георгию Конисскому, архиепископу Белорусскому, природному малороссу, который и дал ему летопись, «уверяя архипастьерски, что она ведена с давних лет в кафедральном могилевском монастыре искусными людьми, сносившимися о нужных сведениях с учеными мужами Киевской Академии и разных знатнейших малороссийских монастырей, а паче тех, в коих проживал монахом Юрий Хмельницкий, прежде бывший гетман малороссийский, оставивший в них многие бумаги и записки отца своего гетмана Зиновия Хмельницкого, и самые журналы достопамятностей и деяний национальных, и что при том она вновь им пересмотрена и исправлена». Полетика, по словам Бодянского, сличив полученную им летопись с другими известными ему малороссийскими летописями, «и нашед от тех превосходнейшею», всюду руководствовался ею в своих работах, как член комиссии. Заключает Бодянский свое предисловие словами: «Итак, история сия, прошедши столько отличных умов, кажется должна быть достоверною».

Давно, однако, замечено, что из всех казачьих историй она – самая недостоверная. Слово «недостоверная» явно недостаточно для выражения степени извращения фактов и хода событий, изложенных в ней. Если про летопись Самойла Величко часто говорят, что она составлена неразборчивым компилятором, собиравшим без критики все, что попало, то у автора «Истории Русов» виден ясно выраженный замысел. Его извращения – результат не невежества, а умышленной фальсификации. Это нашло выражение, прежде всего, в обилии поддельных документов, внесенных в «Историю». Взять, хоть бы, Зборовский договор.

«Народ русский со всеми его областями, городами, селениями и всякою к ним народною и национальною принадлежностью увольняется, освобождается изъе­м­лет­ся от всех притязаний и долегливостей польских и литовских на вечные времена, яко из веков вольный, са­мо­быт­ный и незавоеванный, а по одним добровольным до­го­во­рам и пактам в ед­но­сть польскую и литовскую при­над­ле­жа­щий».

Тщетно было бы искать что-нибудь подобное в до­ше­д­шем до нас подлинном тексте Зборовского трактата 1649 г.⁹² Никакого «народа русского», да еще «со всеми его областями, городами, селениями» там в помине нет; речь идет лишь о «войске запорожском», и самый трактат носит форму «Объявления милости его королевского величества войску запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной». Там можно прочесть: «Его королевское величество оставляет войско свое запорожское при всех старинных правах по силе прежних привилегий и выдает для этого тотчас новую привилегию». Столь же трудно найти там обозначение «границ русской земли», которое есть в трактате поддельном. И уж конечно, совсем невозможно обнаружить фразу: «Народ русский от сего часу есть и мабуть ни от кого, кроме самого себя и правительства своего, независимым».

Грубой подделкой надо считать и грамоту царя Алексея Михайловича, выданную будто бы 16 сентября 1665 г. казакам, участвовавшим в осаде Смоленска. «Жалуем отныне на будущие времена оно­го военного малороссийского народа от высшей до низшей старшины с их потомством, которые были только в сем с нами походе под Смоленском, че­сти­ю и достоинством наших российских дворян. И по сей жалованной нашей грамоте никто не должен из наших российских дворян во всяких случаях против себя их понижать». Таких ложных документов попало в «Историю Русов» много, а еще больше легенд и фантастических рассказов.

Не этим, впрочем, определяется ее исключительное место в русской, даже в мировой литературе. Мы знаем

92. Собрание Государственных Грамот и Договоров. Т. III, № 137.

немало подделок, сыгравших политическую роль: «Константинов дар», «Завещание Любуши», «Завещание Петра Великого» и проч., но сочинения, в котором бы история целого народа представляла сплошную легенду и измышление, — кажется, не бывало. Появиться оно могло только в эпоху полной неразработанности украинской истории. До самой середины прошлого столетия не начиналось сколько-нибудь серьезного ее изучения.

В то время как по общей русской истории появились в XVIII веке обширные труды Татищева, Шлецера, Миллера, Болтина, кн. Щербатова и других, завершенные двенадцатитомной «Историей Государства Российского» Карамзина, — историей Украины занимались случайные любители вроде Рубана, Бантыша-Каменского или какого-нибудь Анастасевича и Алексея Мартоса.

Конечно, и русские историки XVIII века не имели еще опыта, которым располагала современная им западноевропейская наука, но они старались идти в ногу с нею, понимали ее задачи и методы, применяя их по мере сил к изучению своего исторического процесса. Уже у Татищева высоко развито чувство документа, первоисточника, и критическое к ним отношение. Миллер и Шлецер создали, в этом смысле, школу западноевропейского образца. Ничего подобного не наблюдалось в украинской историографии. Она еще не вышла из стадии увлечения занятными эпизодами, анекдотами, либо декламацией на патриотические темы. В оправдание украинских историков можно сказать, что писать более или менее объективную историю Украины было гораздо труднее, чем историю любой другой страны. Нужен был добрый десяток Миллеров и Шлецеров, чтобы отделить в казачьих летописях правду от выдумки и из порожденных эпохой гетманщины документов отобрать подлинные. Но и то правда, что образованные малороссы, бравшиеся в XVIII и в начале XIX века за историю своего края, горели любовью больше к нему, чем к истине. Они весьма неохотно расставались с легендами и с подделками, предпочитая их «тьме низких истин».

В такое-то незрелое время появилась цельная, законченная, прекрасно написанная «История Русов». Читатели самые образованные оказались беззащитными против нее. Осмыслить факт столь грандиозной фальсификации никто не был в состоянии. Она без всякого сопротивления завладела умами, перенося в них яд казачьего самостийничества.

Не только простая публика, но и ученые историки XIX века пользовались ею, как источником и как авторитетным сочинением.

Едва ли не самая ранняя критика ее предпринята была в 1870 году харьковским профессором Г. Карповым⁹³, назвавшим «Историю Русов» «памфлетом» и решительно предостерегавшим доверять хотя бы одному приведенному в ней факту. Костомаров, всю жизнь занимавшийся историей Украины, только на склоне лет пришел к ясному заключению, что в «Истории Русов» «много неверности и потому она, в оное время переписываясь много раз и переходя из рук в руки по разным спискам, производила вредное в научном отношении влияние, потому что распространяла ложные воззрения на прошлое Малороссии»⁹⁴. В свои ранние годы, Костомаров принимал «Историю Русов» за полноценный источник.

Автор памфлета явно строил свой успех на читательской неосведомленности и несколько не заботился о приведении повествования хотя бы в некоторое соответствие с такими важными источниками, как русские и польские летописи или с общеизвестными и бесспорными фактами, как завоевание юго-западной Руси литовскими князьями. Он это завоевание, попросту, отрицает. Можно пройти мимо его рассуждений о скифах, сарматах, печенегах, хазарах, половцах, которые все зачисляются в славяне; можно доставить себе веселую минуточку,

93. Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся. М., 1870.

94. Письмо в редакцию «Вестник Европы». 1882. Т. IV (авг.). Там же Костомаров предостерегает от неосторожного пользования казацкими Летописями, составленными сплошь людьми, занимавшими видные казачьи чины. «Во всех наших летописях, — замечает он, — необходимо пройти руке беспристрастного и добросовестного критика». Это завещание до сих пор не выполнено украинофильской историографией.

читая производство имени печенегов от «печеной пищи», которой они питались, а имен полян и половцев от «степей безлесных», хазар и казаков — «по легкости их коней, уподобляющихся козьему скоку», но анекдотичность метода сразу же зарождаёт подозрение, как только дело доходит до «мосхов». Тут за филологической наивностью обнаруживается скрытая политика. Оказывается, народ этот, в отличие от других перечисленных, произошёл не от князя Руса, внука Афетова, а от другого потомка Афета — от князя Мосоха, «кочевавшего при реке Москве и давшего ей сие название». Московиты или мосхи ничего не имеют общего с русами и история их государства, получившего название Московского, совершенно отлична от истории государства русов. Умысел, скрытый под доморощенной лингвистикой, выступает здесь вполне очевидно.

«История Русов» не только не признаёт единого общерусского государства X-XIII веков, но и населявшего его единого русского народа. Те, что назывались русами, хоть и объединялись вокруг Киева, как своего центра, но власть этого центра не распространялась, вопреки русской начальной летописи и нашим теперешним научным представлениям, на необъятную равнину от Чёрного до Белого морей и от Прибалтики до Поволжья, а охватывала гораздо более скромную территорию. В нее входили кроме Киевского княжества — Галицкое, Переяславское, Черниговское, Северское, Древлянское. Только эти земли и назывались Русью. Впоследствии, при Иване Грозном, когда Московское царство стало именоваться Великой Россией, обозначенным выше землям пришлось называться Малой Россией.

Напрасно приписывают М.С. Грушевскому авторство самостийнической схемы украинской истории: главные ее положения — изначальная обособленность украинцев от великороссов, отдельность их государств — предвосхищены чуть не за сто лет до Грушевского. Киевская Русь объявлена Русью исключительно малороссийской.

Удивляет только полнейшее равнодушие к этому периоду. Когда пишется общая история страны, то акцент

падает, естественно, на самые блестящие и славные времена. У Малороссии же нет более яркой эпохи, чем эпоха Киевского государства. Казалось бы, великие дела, знаменитые герои, национальная гордость – все оттуда. Но история Киевского государства, хотя бы в самом сжатом изложении, отсутствует в «Истории Русов». Всему, что как-нибудь относится к тем временам, отведено не более 5-6 страниц, тогда как чуть не 300 страниц посвящено казачеству и казачьему периоду. Не Киев, а Запорожье, не Олег, Святослав, Владимир, а Кошка, Подкова, Наливайко определяют дух и колорит «Истории Русов».

Экскурс в древние времена понадобился, единственно, ради генеалогии казачества; оно, по словам автора, существовало уже тогда, только называлось «казарами». Казары не племя, а воинское сословие; так называли «всех таковых, которые езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги; а сие название получили, наконец, и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества, коему служили в собственном вооружении, комплектуясь и переменяясь так же своими семействами. Но когда во время военное выходили они вне своих пределов, то другие гражданского состояния жители делали им подмогу и для сего положение у них складка общественная или подать, прозванная наконец с негодованием Дань Казарам. Воины сии, вспоможествуя часто союзникам своим, а паче грекам, в войнах с их неприятелями переименованы от царя греческого Константина Мономаха из Казар Казаками и таковое название навсегда уже у них осталось».

Автор с негодованием отвергает версию, по которой казачество, как сословие, учреждено польскими королями. Малороссия – казачья страна от колыбели; но казаки не простые гулятьи, а люди благородного дворянско-рыцарского сословия. Их государство, Малая Русь, никогда никем не было покорено, только добровольно соединялось с другим, как «равное с равными». Никакого захвата Литвой и Польшей не было. Уния 1386 года – ни позорна, ни обидна. Именно тогда, будто бы, учрежде-

но «три гетмана с правом наместников королевских и верховных военачальников и с названием одного коронным Польским, другого Литовским, а третьего Русским». Здесь «русские» т. е. казачьи гетманы объявлены, как и само казачество, очень древним институтом, а главное, им приписано не то значение предводителей казачьих скопищ, какими они были в XVI-XVII вв., до Богдана Хмельницкого, но правителей края, представителей верховной власти. Их приближают к образу и подобию монархов. «По соединении Малой России с державою польскою, первыми в ней гетманами оставлены потомки природных князей русских Светольдов, Ольговичей или Олельковичей и Острожских кои по праву наследства... правительствовали своим народом уже в качестве гетманов и воевод». В списке этих выдуманных гетманов-аристократов встречается, впрочем, один, в самом деле имевший отношение к казачеству — кн. Дмитрий Вишневецкий.

Источники сохранили нам кое-что об этом человеке. Он действительно принадлежал к старой русской княжеской фамилии и сделался казачьим предводителем, под именем Байды. Ему приписывается создание знаменитой запорожской Сечи на острове Хортице в 1557 г. Это был типичный атаман понизовой вольницы, вся деятельность которого связана была с Запорожьем. Его даже гетманом никогда не называли. Но «Истории Русов» угодно было расписать его, как правителя всей Малороссии. По ее словам, он «наблюдал за правосудием и правлением земских и городских урядников, возбуждая народ к трудолюбию, торговле и хозяйственным заведениям и всякими образами помогал ему оправиться после разорительных войн и за то все почтен отцем народа».

Расписав польско-литовский период, как идиллическое сожителство с соседними народами и как времена полной национальной свободы, автор совсем иными красками изображает присоединение Малороссии к Москве. Это черный день в ее истории, а Богдан Хмельницкий — изменник. Сказано это, правда, не от собственно-

го лица, а посредством цитат из поддельных документов, где описывается ропот казаков в дни Переяславской рады и нарекания на гетмана, которого называют «зрадцею», предателем, подкупленным московскими послами, и попрекают «пожертвованием премногих тысяч братии положившей живот свой за вольность отечества» и которые «опять продаются в неволю самопроизвольно». «Лучше бы нам, — говорят казаки, — быть во всегдашних бранях за вольность, чем налагать на себя новые оковы рабства и неволи».

Но чувствуя, что объяснить факт присоединения одной изменой Хмельницкого невозможно, автор измышляет какой-то «ультиматум» Польши, Турции и Крыма, потребовавший от Хмельницкого войны с Москвой для отнятия Астрахани и побудивший гетмана к переговорам с Россией. «По обстоятельствам настоящим, надобно быть нам на чьей ни на есть стороне, когда нейтралитета не приемлется».

* * *

Объявив казачество и гетманов солью земли, приписав им рыцарское и княжеское достоинство, утвердив за ними право на угодыя и на труд крестьян «по правам и рангам», автор видит в них главных деятелей малороссийской истории. Нет таких добродетелей и высоких качеств, которыми они не были бы украшены. Любовь их к отчизне и готовность жертвовать за нее своею кровью может сравниться с образцами древнеримского патриотизма, по доблести же и воинскому искусству, они не имеют себе равных в мире. Победы их неисчислимы. Даже находясь в составе чужих войск, казаки играют всегда первенствующую роль, а их предводители затмевают своим гением союзнических полководцев. Михайло Вишневецкий, явившийся, якобы, на помощь москвичам при взятии Астрахани, оттесняет на второй план царских воевод и берет в свои руки командование. Только благодаря ему Астрахань оказывается завоеванной. Успехи русских под Смоленском в 1654 г. объясняются ни чем иным, как

участием на их стороне полковника Золотаренко. Документальные источники свидетельствуют, что Золотаренко явился под Смоленск во главе не более чем тысячи казаков и пробыв под осажденным городом пять дней, ушел ничем себя не проявив. Это не помешало автору «Истории Русов» сделать его героем смоленского взятия, приписать ему план и выполнение осады и даже вложить в уста длинные наставления по части военного искусства, которые он читал царю Алексею Михайловичу. Любопытно также описание битвы при Лесной, где, как известно, Петром Великим разбит был корпус генерала Левенгаупта, шедший на соединение с Карлом XII. Оказывается, в этой битве трусливые москали, как всегда, не выдержали шведского натиска и побежали. Битва была бы неминуемо проиграна, если бы Петр не догадался прибегнуть к помощи малороссийских казаков, бывших при нем. Он употребил их, как заградительный отряд, приказав беспощадно рубить и колоть бегущих. Казаки повернули москалей снова против неприятеля, и тем закончили бой полной победой. Исход сражения под Полтавой, точно так же, решен не москалями, а казаками под начальством Палея. Чтобы не бросить тени на воинскую честь тех, что находились с Мазепой в шведском стане, автор отрицает их участие в Полтавском сражении. По его словам, Мазепа, перейдя к Карлу, держался... «строгого нейтралитета». Он все время околачивался в обозе и всеми мерами уклонялся от пролития православной крови.

Казачьи подвиги спасали не одну Россию, но всю Европу. Принцу Евгению Савойскому не взять бы было Белграда, если бы Мазепа не отвлек крымские силы созданием военной базы на Самаре (о которой мы, кстати, ничего не знаем), а Салониками завладели цесарские войска, единственно, благодаря Палею, запершему татар в Бессарабии⁹⁵.

95. Современному читателю нетрудно заметить сходство этого мотива с пропагандой наших дней, утверждающей, будто Гитлер не утвердился на Волге и не завладел всем миром исключительно по вине самостийнических партизан Бандеры и Бульбы.

Намеренное выпячивание воинских доблестей казачества объясняется, по-видимому, не простым сословным или национальным чванством. Если правы исследователи относящие время написания «Истории Русов» к первой четверти XIX века, то в ней надлежит искать отражение толков в среде малороссийского дворянства вызванных проектом восстановления украинского казачества. Малороссийский генерал-губернатор кн. Н.Г. Репнин, утвержденный в этой должности с 1816 г., представлял, как известно, Александру I и Николаю I меморандумы на этот предмет. Самым серьезным возражением против такого проекта могло быть укоренившееся со времен Петра Великого убеждение в военной несостоятельности казаков. Они не умели вести регулярных войн с европейски обученными войсками. «И понеже можете знать, — писал Петр Мазепе, — что войско малороссийское нерегулярное и в поле против неприятеля стать не может». Казацкий способ сражаться служил для Петра образцом того, как не следует воевать. Всякое отступление от регулярного боя он именовал «казачеством». После неудачной Головчинской битвы он сердился: «а которые бились и те казацким, а не солдатским боем, и про то злое поведение генералу князю, Меньшикову накрепко разузнать». Известно было неумение казаков осаждать города. Вообще, там, где нельзя было взять неприятеля врасплох лихим налетом или обманом, там казаки долго не трудились; тяготы и жертвы войны были не в их вкусе. Шведы, за полугодовое сотрудничество с ними, прекрасно разгадали эти качества. До нас дошел разговор короля Карла XII со своим генерал-квартирмейстером Гилленкроком под Полтавой во время ее осады. «Я думаю, — заявил Гилленкрок, — что русские будут защищаться до последней крайности и пехоте вашего величества сильно достанется от осадных работ».

Карл: «Я вовсе не намерен употреблять на это мою пехоту; а запорожцы Мазепины на что?» Гилленкрок: «Но разве можно употреблять на осадные работы людей, которые не имеют о них никакого понятия, с которыми на-

добно объясняться через толмачей и которые разбегутся, как скоро работа покажется им тяжелой и товарищи их начнут падать от русских пуль»⁹⁶.

Степной половецкий характер военного искусства обрекал казаков на мелкую служебную роль во всех армиях, в составе которых им приходилось участвовать — в польской, русской, турецкой, крымской, шведской. Везде они фигурировали в качестве легкого вспомогательного войска.

Составители «Истории Русов» это знали и всеми силами старались представить военную историю своих предков в ином виде. Это было важно и с точки зрения восстановления казачества.

Но как объяснить слишком общеизвестные факты поражений? В этих случаях, непременно, на помощь приходят всевозможные «измены» и «предательства». Молниеносное взятие Меньшиковым Батурина, базы мазепинцев, пришлось объяснить именно такой изменой. Приступ Меньшикова, оказывается, был отбит и сердюки наполнили ров трупами россиян; русские бежали и покрыли бы себя вечным позором, если бы не прилуцкий полковник Нос. Он убедил Меньшикова через старшину своего Сельмаху остановиться, вернуться и войти в город через тот участок укреплений, который находился под защитой самого Носа. Меньшиков послушался, вошел на рассвете тихонько в город, когда сердюки, отпраздновав вчерашнюю победу, крепко спали, и напал на них сонных.

Канадская газета «Наш Вик» в сто сороковую годовщину Полтавской битвы писала: «Коли Батурин героично, по конотопському, змагався з москалями, знайшався сотник Иван Нис, раньше пидкуплений московськими воеводами, який передав ворогови плян оборони миста, вказавши на таємний вхід»⁹⁷. Таких образцов распространности и живучести в самостийнической среде легенд «Истории Русов» можно найти не мало.

96. Соловьев С.М. История России. Т. XV. С. 271.

97. Шимко В. Полтавська трагедія // Наш Вик=Our Age. Торонто, 1949. 3 вересня (сент.).

Эпизод со взятием Батурина, где Меньшиков велел, будто бы, перебить всех поголовно, вплоть до младенцев, — заслуживает особого внимания. Жестокости тут описанные встречаются только в историях ассирийских царей или в походах Тамерлана. Перевязанных «сердючких старшин и гражданских урядников» он колесовал, четвертовал, сажал на кол, «а дальше выдуманы новые роды мучения самое воображение в ужас приводящие». Тела казненных Меньшиков бросал на съедение зверям и птицам и покинув сожженный Батурин, жег и разорял по пути все малороссийские селения, «обращая жилища народные в пустыню». Меньшиковский погром, в совокупности с бесчинствами остальных русских войск, якобы грабивших Украину, превращается под пером автора «Истории Русов» в картину грандиозного бедствия, вроде татарского нашествия. «Малороссия долго тогда еще курилась после пожирившего ее пламени».

Настойчивое подчеркивание одиозности Меньшикова, за которым историки не находят ни приписываемой ему украинофобии, ни перечисленных жестокостей, заставляет предполагать скрытую причину ненависти. Вряд ли она вызвана одним взятием Батурина. Никаких особенных жестокостей, кроме неизбежных при всяком штурме, там не было. Сожжен и разрушен только замок в котором засели сердюки. Но штурм был действительно сокрушительный, потому что засевшие ждали себе шведов на помощь, и для Меньшикова промедление было смерти подобно. Начальствовавший над сердюками полковник Чечел, успевший бежать, но пойманный казаками и приведенный к Меньшикову, вовсе не был им казнен, но вместе с есаулом Кенигсекком и некоторыми другими взятыми в плен мазепинцами — отправлен в Глухов, где вскоре собралась казачья рада, низложившая Мазепу, избравшая на его место Скоропадского и казнившая публично взятых в Батурине изменников. Не знаем мы за Меньшиковым и всех прочих приписываемых ему зверств. Зато сохранилось известие, дающее основание думать, что агитация против него вызвана

личной ненавистью Мазепы и его ближайшего окружения. Началась она года за три до взятия Батурина и связана с самым зародышем мазепиной измены. Измена эта фабриковалась, как известно, в Польше, при дворе Станислава Лещинского. Поляки давно обхаживали Мазепу посредством его кумы — княгини Дольской, но без заметного успеха; хитрый гетман не поддавался ни на какие соблазны. Только одно письмо княгини из Львова укололо его в самое сердце. Дольская писала, что где-то ей, однажды, пришлось крестить ребенка вместе с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, и за обедом, когда княгиня упомянула про Мазепу, генерал Ренне, присутствовавший там, будто бы сказал: «Умилосердись Господь над этим добрым и разумным господином; он бедный и не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет отставя его, сам в Украине быть гетманом». Шереметев, якобы, подтвердил слова Ренне, а на вопрос Дольской: «Для чего же никто из добрых приятелей не предостережет гетмана?» — ответил: «Нельзя, мы и сами много терпим, но молчать принуждены»⁹⁸. Именно после этого письма, воцаряется при гетманском дворе атмосфера недовольства и ропота против Москвы, усугубляемая ростом расходов на войну и на постройку Киево-Печерской крепости, которую Петр потребовал возвести. Имя Меншикова занимало особое место и в той агитации мазепинцев, что развернулась широко, главным образом за границей, после бегства и смерти Мазепы. Ему приписывалось угнетение украинцев, даже при помощи «всемогущей астрологии, которой дотоле во всей Руси не бывало и перед которою все было безмолвно, почитая направление и действие ее магнита божественным или мистическим произведением».

Зверства царского любимца не ограничились по уверению «Истории Русов», батуринскими избиениями, но распространились на тех чиновников и знатных казаков, что не явились «в общее собрание» для выборов нового гетмана. Они, по подозрению в сочувствии Мазепе,

98. Соловьев С.М. История России. Т. XV. С. 215.

«отыскиваемы были из домов их и преданы различным казням в местечке Лебедино, что около города Ахтырки». Казни были, разумеется, самые нечеловеческие, а казням предшествовали пытки «батожем, кнутом и шиною, т.е. разженным железом водимым с тихостию или медленностью по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и воздымались».

Жертвами таких истязаний сделалось, якобы, до 900 человек. Сейчас можно только удивляться фантазии автора, но на его современников картина меньшиковских зверств производила, надо думать, сильное впечатление. Им неизвестно было, что число единомышленников Мазепы ограничивалось ничтожной горстью приближенных, что не только не было необходимости казнить людей по подозрению в сочувствии гетману, но и те из заговорщиков вроде Данилы Апостола и Галагана, которые, побыв с Мазепой в шведском стане, вновь перебежали к Петру, — не были ни казнены, ни лишены своих урядов. Данило Апостол сделался впоследствии гетманом. Дано было согласие сохранить жизнь и булаву самому Мазепе, после того, как он, пробыв некоторое время в шведском стану, дважды присылал к Петру с предложением перейти снова на его сторону, да привести заодно с собой короля Карла и его генералов. От Мазепы перебежали в 1709 г. — генеральный есаул Дмитр Максимович, лубенский полковник Зеленский, Кожужовский, Андриан, Покотило, Гамалия, Невинчаний, Лизогуб, Григорович, Сулима. Несмотря на то, что все они вернулись после срока назначенного Петром для амнистии, и явным образом отвернулись от гетмана в силу того, что безнадежность его дела стала очевидной, Петр их не казнил, ограничившись ссылкой в Сибирь. Можно ли поверить, чтобы милуя таких «китов», он занимался избием плотвы?

Известно, что «плотва» не только не пострадала, но благоденствовала. Лет через 5-6 после мазепиной измены, сами малороссы доносили царским властям, что «многие, которые оказались в явной измене, живут сво-

бодно, а иным уряды и маестности даны, генеральная старшина и полковники к таким особливый респект имеют: писарь генеральный Григорий Шаргородский был в явной измене, но когда пришел из Бендер от Орлика, то поставлен в местечке Городище урядником». Нежинский полковник Жураковский открыто покровительствовал мазепинцам, «выбрал в полковые судьи Романа Лазаренка, в полковые есаулы — Тарасенка, в сотники — Пыроцкого — все людей подозрительной верности». «Много сел роздано людям замешанным в измену мазепину; много сел роздано изменничьим сродникам, попам и челядникам, которые служат в дворах»⁹⁹.

Генеральная и полковая старшина спешила как бы награждать людей за их измену.

Злостный пасквиль на Петра и Меншикова, выведенных палачами украинского народа, — только одна из глав великой эпопеи московских жестокостей, развернутой на страницах «Истории Русов». Чего только не написано про кн. Ромодановского, разграбившего, якобы, и сжегшего Конотоп за то, что московские войска в 1659 г. потерпели поражение недалеко от этого города! Чего только не написано про лихоимство, жадность, бесчеловечность московских воевод! Самое их появление на Украине изображено на манер Батыева нашествия: «Они тянулись сюда разными дорогами и путями и в три месяца наполнили Малороссию и заняли все города и местечки до последнего. Штат каждого из них довольно был многочисленный; они имели при себе разных степеней подьячих и с приписью подьячих, меровщиков, весовщиков, приставов и пятидесятских с командами. Должность им предписана в Думном Приказе и подписана самим думным дьяком Алмазовым; а состояла она в том, чтобы пересмотреть и переписать все имение жителей до последнего животного и всякой мелочи и обложить все податями. Для сего открыты им были кладовые, амбары, сундуки и вся сокровенность, не исключая погребов, пасек, хлебных ям и самых хлевов и голубятен. По городам

99. Соловьев С.М. История России. Т. XVI. С. 592.

и местечкам проезжие на базар дороги и улицы заперты были и обняты караулами и приставами. Со всего привозимого на базар и вывозимого с него взимаема была дань по расписанию воевод, а от них всякая утайка и флитировка истязается была с примерною жестокостью, а обыкновенные в таких случаях прицепки и придирки надсмотрщиков оканчивались сдирствами и побоями. Новость сия сколько, может быть, ни обыкновенна была в других сторонах, но в здешней она показалась жестокою, пагубною и самую несносною. Народ от нее восстал, изумился и считал себя погибшим». Воеводам приписывается грубое обращение с самими гетманами. Юрия Хмельницкого Шереметев вытолкал, якобы, из своей ставки «с крайним бесчестием от пьяных чиновников».

Пересказать все приписанные москалям притеснения невозможно. Тут и тягости постоя царских войск после Прутского похода, и насильственные захваты земель русскими вельможами, бесчеловечное их обращение с крепостными, вроде того, что позволял себе какой-то брат Бирона в Стародубском уезде, заставлявший женщин кормить щенят своей грудью. Автор проявляет необыкновенную находчивость, чтобы изобразить «несносное презрение в земле своей от народа ничем их (малороссов) не лучшего, но нахального и готового на все обиды, грабления и язвительные укоризны».

Изощряясь в подыскании красок для очернения русских, автор с чрезвычайной симпатией отзывается о шведах, пришедших с Карлом XII на Украину. Хорошо известно, что вели они себя там далеко не по-джентельменски. Карл был воинствующим протестантом и еще в Саксонии и в Польше успел насильственно обратить около 80 костелов в лютеранские кирхи. К православной вере испытывал еще меньшее уважение. Церкви православные занимал для постоя и устраивал там конюшни. Известны многочисленные случаи жестокостей по отношению к местному населению — сожжение деревень и истребление жителей. Отправляясь в Малороссию, король

рассчитывал найти там богатые склады хлеба и всяческих припасов заготовленных Мазепой, но придя, не нашел ничего. Мазепа оказался ничтожным союзником. Тогда начался грабеж украинского населения. «История Русов» не упоминает о нем ни одним словом, приход Карла описывает так: «Вступление шведов в Малороссию нимало не похоже было на нашествие неприятельское и ничего оно в себе враждебного не имело, а проходили они селения обывательския и пашни их как друзья и скромные путешественники, не касаясь ничьей собственности и не делая вовсе тех озорничеств, своевольств и всех родов бесчинств, каковы своими войсками обыкновенно в деревнях делаются под титулом: «Я слуга царский! Я служу Богу и государю за весь мир христианский! Куры, гуси, молодилцы и девки нам принадлежат по праву войны и по приказу его благородия!». Шведы, напротив, ничего у обывателей не вымогали и насильно не брали, но где их находили, покупали у них добровольным торгом и за наличные деньги. Каждый швед выучен был от начальства говорить по-русски сии слова к народу: «Не бойтесь! Мы ваши, а вы наши!»».

Мало было, однако, сочинить подобную идиллию, надо было еще объяснить широко известный факт ожесточенной борьбы малороссийского населения со «скромными путешественниками». И тут автор «Истории Русов» не остановился перед сочинением гнусного пасквиля на свой народ. Этот народ он уподобляет «диким американцам или своенравным азиатцам». Он находит, что, убивая шведов целыми партиями и поодиночке, украинцы делали это, единственно, по своей глупости; шведы же вызывали их ярость тем, что не умели говорить по-русски и не крестились. Приводя в русский лагерь пленного шведа, малоросс получал за это «сначала деньгами по несколько рублей, а напоследок по чарке горелки с приветствием: «Спасибо, хохленок!»».

Автор злорадно уверяет, что за свое усердие украинцы не были даже награждены. Награды и производства сыпались на великоруссов, а они остались «притчею в лю-

дех». «И хотя они в истреблении армии шведской более всех показали ревности и усердия, хотя они около года губили шведов... остались без вознаграждения и уважения». Автор с большим удовольствием описывает, как запорожцы, ушедшие с Мазепой в Турцию, мстили потом малороссийскому народу за его верность России, совершая набеги вкупе с татарами и бессарабцами.

* * *

Мазепинская легенда преподнесена чрезвычайно искусно. Хитрого, вкрадчивого карьериста, каким был Мазепа, нет и в помине. Перед нами — «отец отечества», ставящий благоденствие Украины выше собственной жизни. Боясь цензуры, автор не решается превозносить его добродетели от собственного имени, он прибегает к излюбленному приему — введения в текст фальшивых документов, сочиненных либо им самим, либо какими-нибудь «патриотами» из войсковой канцелярии. Одним из таких документов рисующих Мазепу великим государственным мужем, служит его воззвание, якобы, выпущенное в связи с приходом Карла XII в Малороссию. Поставив гетмана в позу человека снедаемого заботами за свой край, он приписывает ему рассуждение о возможном исходе борьбы между Петром и Карлом. Если победит царь, малороссам по-прежнему суждено испытывать известное им уже бремя московского деспотизма — истребление многочисленных семейств, предание казни невинных людей, клевету и поношения. Если же Петр будет сокрушен доблестным шведским королем, то Малороссия неминуемо будет присоединена к Польше. Судьба страны определится, в значительной степени, поведением самих украинцев в этот важный для них час. Что они изберут, к которой стороне присоединятся? Современный читатель, хорошо знающий, что весь «патриотический» план Мазепы заключался в присоединении Украины к Польше на условиях Гадячского договора, не без любопытства прочтет о мудром намерении гетмана не приставать ни к одной из сторон. Ссылаясь на свой про-

должительный политический опыт, он считает за благо не воевать ни со шведами, ни с поляками, ни с русскими, но, собрав собственное войско, быть готовыми отстаивать свою землю от всякого, кто на нее посягнет. Согласно «Истории Русов» такое войско у Мазепы существовало в момент вторжения Карла XII. Он будто бы стоял с ним на Десне, а свою главную квартиру учредил где-то между Стародубом и Новгород-Северским. Отсюда он и обратился будто бы к малороссам с воззванием.

Только полное незнакомство широкой читающей публики с событиями того времени вынуждает нас вкратце восстановить их истинную картину, необходимую для понимания степени ее искажения в «Истории Русов».

Поведение Мазепы накануне измены хорошо известно¹⁰⁰. Окончательное решение предать Петра созрело у него до вторжения Карла в Россию. Оно ускорено было письмом княгини Дольской и приложенным к нему письмом самого короля Станислава Лещинского, полученными 16 сентября 1707 г. Гетман уже тогда открыл свой замысел Орлику. Когда же Орлик обратил его внимание на возможность победы Петра, Мазепа воскликнул: «Или я дурак прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будет в состоянии не только Украины, но и государства своего от потенции шведской оборонить!» Верность царю он намерен был хранить до исхода поединка между Петром и Карлом. Выжидать результатов войны в бездействии — такова была тактика гетмана. Он меньше всего рассчитывал, что Украина станет театром военных действий и был ошеломлен известием о движении короля не на Москву, по Смоленской дороге, как подсказывала военная логика, а на юг — в Малороссию. «Дьявол его сюда несет! Все мои интересы превратит и войска великороссийские за собою внутрь Украины впровадит». Мазепа, видимо, не знал, что марш короля, поставивший его в столь трудное положение, подсказан Карлу поляками, обнадежившими шведов казачьей помощью, т. е., в конечном счете, вы-

100. Соловьев С.М. История России. Т. XVI. С. 592.

зван был изменой самого Мазепы. Совершить роковой шаг надлежало не в конце, а в самом начале кампании и в полной неизвестности ее исхода. А не совершить было невозможно: поляки успели многое разболтать, да могли и выдать тайну сношений с ними гетмана из чувства местности. Мазепе поэтому остался единственный путь — обманывать Петра до тех пор, пока не подойдут шведы, дабы открыто перейти к ним.

Когда царские генералы к осени 1708 г. сосредоточили свои войска у Стародуба, они послали приглашение и гетману явиться туда же с казаками. Мазепа притворился больным, жалуясь на «педокгричную и хирокгричную» болезнь, не позволявшую ему даже на коне сидеть. Притворство так хорошо удалось, что сам Меншиков стал уговаривать Петра не настаивать на приезде старика, потому что «от педокгричной и хирокгричной приключилась ему апелепция». Меншиков хотел только выяснить какие-то частные вопросы в беседе с гетманом, для какой цели отправился к нему в Батурин.

У Мазепы, тем временем, шли совещания с его приближенными о посылке гонца к Карлу XII. Гетман пребывал в состоянии крайней нерешительности, чем вызывал немалое раздражение заговорщиков. После дебатов, даже ссор, послан был с письмом к королю Быстрицкий — правитель Шептаковской волости. От встречи с Меншиковым решено было всячески уклоняться. Послали к нему племянника Мазепы Войнаровского с уведомлением об отъезде гетмана в Борзну, где его ждет киевский архиерей для соборования, «понеже конечно при кончине своя жизнь обретается». Меншиков опечалился: «жаль такого хорошего человека». Но вместо того, чтобы вернуться назад, решил как можно скорее ехать в Борзну, чтобы застать гетмана в живых. Это повергло в ужас Войнаровского. Ночью он бежал, чтобы предупредить Мазепу. Тем временем в Борзну прискакал Быстрицкий с известием о приближении Карла. Король обещал быть у Мокшанской пристани 22 октября, но в этот день не явился, а 23-го прибежал Войнаровский, объявивший,

что завтра к обеду приедет в Борзну Меньшиков для свидания с умирающим гетманом. Мазепа «порвался, как вихрь» и немедленно помчался в Батурин, а ночью 24 октября был уже у шведов. Никакой штаб-квартиры «между Стародубом и Новгород-Северским» и никакой многочисленной армии на Десне не существовало. Боясь казаков и не доверяя им, Мазепа их попросту не собрал, предпочитая опираться на польских сердюков¹⁰¹. Казачье войско пришлось собирать новому гетману – Скоропадскому. «В здешней старшине, – доносил Петру Меньшиков, – кроме самых вышних, також и в подлом (простом) народе с нынешнего гетманского злого учинку никакого худа ни в ком не видать».

«Вооруженный нейтралитет» был позой, придуманной для Мазепы автором «Истории Русов». Еще большей фантастикой может считаться приписанное Мазепе утверждение, будто шведский и польский короли, по его настоянию, обещали не разорять Украины, а покровительствовать ей во время своего нашествия. Удалось якобы гетману добиться согласия на нейтралитет Украины в предстоящей войне и от единой православной России. При заключении мира Малороссия могла выступить как самостоятельное государство, каким она была до польского владычества – со своими князьями, с древними правами и привилегиями. По словам «воззвания», великие европейские державы – Франция и Германия – согласны гарантировать такой порядок вещей.

Самостийнические историки видят в этом воззвании свой идеал национальной независимости. «История Русов» была, по-видимому, главной виновницей того, что с этим идеалом связано имя Мазепы – самого непопулярного и самого ненационального из гетманов. Однако, возложив на него столь важную историческую миссию автор «Истории Русов» вынужден был и всю личность Мазепы представить в исключительно выгодном свете. Прежде всего, он рисует его человеком религиозным,

101. К Мазепе пришли в шведский лагерь только сечевики-запорожцы в количестве от 1.500 до 2.000 человек.

богобоязненным, создателем многих церквей. Мазепа и в самом деле выстроил их немало, но, по словам Костомарова, дальше этих внешних знаков благочестия его религиозная жизнь не пошла. Во всяком случае, не из нее вытекало его поведение после измены, когда он, перебежав к Карлу, продолжал якобы соблюдать «нейтралитет», боясь пролития крови единоверцев. В прошлом, он этой крови не жалел, особенно крови своих разоблачителей, таких как Кочубей и Искра, таких как Палей, которого он упек в Сибирь, да и таких, как его прежний начальник и благодетель — гетман Самойлович. Есть основание думать, что, служа при Дорошенко генеральным писарем, он не чужд был работорговли. По крайней мере, кошевой Серко перехватил его однажды по дороге в Константинополь, куда он вез в подарок султану от Дорошенко 14 левобережных казаков. Подметное письмо, найденное в Киеве в 1670 году, прямо утверждает, что Мазепа людей русских православных продавал татарам и туркам. «История Русов» обо всем этом, конечно, не упоминает. Только уклониться от объяснения хорошо всем известной казни Искры и Кочубея, открывших измену Мазепы, — не сочла возможным. Но тут она, нисколько не задумываясь, приписала эту казнь не Мазепе, а царю Петру. Гетман до самой смерти остался кротким, добродетельным господином, умирая сжег даже ларец, в котором хранились списки его единомышленников, дабы не ввергнуть их в беду. Что никаких таких списков не могло существовать, ясно было не только историкам, но и современникам. Петр писал Апраксину: «Он не токмо с совету всех, но из пяти персон сие зло учинил». «История Русов», между тем, не прочь повернуть дело так, что он этого зла и не собирался учинять, что переход его на сторону Карла был вынужденным по причине поведения все того же глупого народа и казаков, не пожелавших соблюдать «нейтралитета» и видеть в шведах своих лучших друзей и освободителей, к чему призывал поддельный манифест Мазепы.

Чтобы покончить с темой Мазепы и с ее трактовкой в «Истории Русов», приведем выдержку из Костомарова, посвятившего Мазепе под конец своей жизни обширную монографию. Вот каким представляется ему это боже-ство самостийников:

«Гетман Мазепа, как историческая личность, не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности»¹⁰².

* * *

Не менее ярко и столь же неверно представлен в «Истории Русов» эпизод с полковником Полуботком — героем последней вспышки казачьего путчизма. Предательство Мазепы поставило перед Петром вопрос о реформе управления на Украине, которая служила бы гарантией неповторения измен и бунтов. Получив наглядный пример шаткости старшины и полной преданности простого народа, Петр решился на то, на что не могли решиться предыдущие цари — смелее опираться на народ и лишиться старшину захваченных ею прав бесконтрольного хозяйничанья в крае. Первым шагом к такому преобразованию было учреждение Малороссийской Коллегии — особого ведомства по управлению Малороссией, созданного в 1722 г. Состояла она из шести штаб-офицеров под председательством бригадира Вельяминова. Официально это был как бы совет при гетмане Скоропадском, но он имел право надзора за судьями и приема жалоб от населения

102. Костомаров Н.И. Мазепа. М., 1883. С. 446.

на казачьи власти, даже на верховный войсковой суд и войсковую канцелярию. Коллегия следила за всей входящей и исходящей перепиской канцелярии и осуществляла наблюдение за финансами.

В именном указе по поводу ее учреждения сказано, что «она учинена не для чего иного, токмо для того, дабы малороссийский народ ни от кого, как неправедными судами, так и от старейшины налогами, утесняем не был».

После измены и бегства Мазепы притеснение мелко-го казачества и крестьян не только не ослабло, но приняло еще большие размеры. «Полковники обращали себе в подданство многих старинных казаков. Нежинский полковник в одной Верклеевской сотне поневолил более 50 человек, полтавский полковник Черняк закабалил целую Нехворощенскую сотню... переяславского полка березинской сотни баба Алексеиха Забеловна Дмитрияшиха больше 70 человек казаков поневолила». Жалобы и челобитья простого народа рисуют знакомую, по предыдущей главе, картину беззастенчивого закабаления: «полковники казаков соседей своих по маетностям принуждают за дешевую цену продавать свои грунты, мельницы, леса и покосы». По жалобе казаков на нежинского полковника Журковского, гетман Скоропадский дал им универсалы, ограждавшие от дальнейших обид, но, когда они с этими универсалами явились к полковнику, тот обобрал их, бил, посадил в тюрьму и держал до тех пор, пока они не дали письменного обязательства быть у него навеки в подданстве¹⁰³.

После рассылки по всей Украине печатного указа, объяснявшего задачи новой коллегии, старшина почувствовала, что ее управлению приходит конец, а когда увидела, что Петр не на шутку начинает выводить на чистую воду все ее дела о неправильно захваченных землях и несправедливо закрепощенных людях, она пришла в ужас. Но ее ждал еще один удар. Петр замыслил полное упразднение гетманства. Когда умер Скоропадский, но-

103. Соловьев С.М. История России. Т. XVI. С. 592.

вые гетманские выборы не были назначены. Царь велел исполнять обязанности гетмана черниговскому полковнику Павлу Полуботку, советуясь во всех делах с генеральной старшиной и с Малороссийской Коллегией. Не подлежит сомнению, что не умри Петр так рано, Скоропадский вошел бы в историю, как последний украинский гетман. Но наступившая после смерти императора реакция и гибель многих его начинаний вызвали, в числе прочих мероприятий, реставрацию малороссийского гетманства. В 1727 году, по предложению того же Меньшикова, состоялись гетманские выборы и булава, лежавшая праздну пять лет, вручена была Данилу Апостолу – бывшему мазепинцу, ушедшему к Карлу XII, а потом снова перебежавшему к царю.

Эпизод с Полуботком разыгрался, согласно «Истории Русов», на почве введения малороссийской коллегией налогов. Сообщается об этих налогах таким тоном, будто они введены впервые. Автор, видимо, забыл, как он несколькими десятками страниц ранее поносил и проклинал Москву за взимание непосильных податей и поборов в Малороссии. Теперь оказалось, что до учреждения Малороссийской Коллегии, т. е. до 1722 г., никаких таких поборов и не было. Москва, действительно, ничего в свою пользу не получала, но малороссийский народ платил очень тяжелые подати в гетманскую казну. В 1722 году все было оставлено по-прежнему: финансы Украины, как и прежде, оставались отделенными от общероссийских финансов, но произошло нечто небывалое дотоле – Малороссийская Коллегия обложила налогом привилегированный слой казачества – старшину. Это и дало повод к жалобам на податное бремя. Вина Полуботка заключалась якобы в том, что он вместе со старшиной выступил перед Сенатом с просьбой об избавлении казачьих чинов от обложения. Сенат, по словам «Истории Русов», внял и освободил, но Петр, вернувшись из персидского похода, восстановил налоги, а самого Полуботка с его приспешниками вызвал в Петербург.

Когда они предстали перед царем и снова просили об избавлении от тягот и о возвращении старых привилегий, Петр, по внушению Меншикова, назвал их будто бы изменниками и «повелел истязать и судить Тайной Канцелярии». Тайная Канцелярия после пыток раскаленным железом осудила всех на пожизненное тюремное заключение с конфискацией всего имущества. Услышав такой приговор, Полуботок, по словам «Истории Русов», произнес перед царем смелую речь, обличая незаконность его поступка и несправедливость кары постигшей старшину. Он не только напомнил царю о невыносимых податях, покорно выплачиваемых населением, но о строительстве крепостей, о рытье каналов и осушении болот, где гибнут тысячи малороссов от голода и усталости, напомнил о нарушении царскими чиновниками стародавних прав и обычаев малороссийских, о ненависти царских фаворитов, безжалостных врагов Украины, правящих ею на манер азиатских тиранов. «Я знаю, что нас ожидают цепи и мрак тюрьмы, где нас уморят голодом и лишениями, по московскому обычаю, но пока я жив, я скажу тебе всю правду, государь».

После столь эффектной речи дается мелодраматическое описание смерти Полуботка в Петропавловской крепости, куда к нему якобы пришел Петр Великий, чтобы попросить прощения. Полуботок не простил его, и умирая, произнес еще одну блестящую речь: «За неповинные страдания мои и моих земляков будем судиться у нелицеприятного судьи, Бога нашего: скоро станем перед ним, и он рассудит Петра и Павла».

Эти речи Полуботка, сохранные нам «Историей Русов», пользовались необычайным успехом среди фрондирующей казачьей старшины, расходясь по рукам во множестве списков. Кроме «Истории Русов» они попали в «Les annales de la Petite Russie» Бенуа Шерера, вышедшие в Париже в 1788 г. Кроме того, портрет Полуботка с выгравированной под ним цитатой из его «речи» висел чуть не в каждом полковничьем и сотницком доме. По мнению позднейших исследователей, изображен был

на нем не Павел, а его отец Леонтий Полуботок, но это нисколько не мешало почитанию черниговского полковника, причисленного к лику национальных героев.

Надо ли говорить о том, что история Полуботка, как все аналогичные эпизоды, изложена «Историей Русов» в самом превратном виде, а речи его сочинены?

Подложность их давно не вызывала сомнений, даже у самостийников. Один из них, Александр Оглоблин, признал это недавно совершенно открыто¹⁰⁴.

* * *

При спокойном рассмотрении в свете документального материала, какой мы находим у таких историков, как С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, А.М. Лазаревский¹⁰⁵, дело Полуботка и самая личность его выступают в совсем ином виде. Не бескорыстный патриотизм, а печать все того же казачьего хищничества лежит на них.

Конфликт «местоблюстителя» гетманских клейнодов с Малороссийской Коллегией был вызван не одним лишь обложением податьми правящего сословия, но рассылкой по полкам универсалов, предоставлявших право простым казакам подавать в коллегию жалобы на притеснения со стороны старшины.

Мы уже видели, как в течение полу столетия старшина ожесточенно боролась против такого права. Она старалась всеми силами изолировать простое казачество от царской администрации, она хотела быть его высшим и последним начальством. А теперь позволено было не только казакам жаловаться на своих полковников и сотников, но и крестьянам на помещиков. Крестьяне воспрянули духом, стали вести себя более независимо, а кое-где и побили помещиков. Жертвой таких расправ сделался один из казачьих магнатов, известный Забела. Тогда Полуботок с своими товарищами решился на от-

104. Оглоблин А. «Annales de la Petite Russie» Шерера и «История Русов» // Науковий Збірник Українського Вільного Університету. Мюнхен, 1948. Т. V.

105. Соловьев С.М. История России. Т. XVIII, гл. III; Костомаров Н. И. Петр Великий // Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1876. Вып. VI.; Лазаревский А. М. Павел Полуботок // Русский Архив. 1880.

крытое нарушение царского приказа. А приказ запрещал кому бы то ни было издавать универсалы без согласия Малороссийской Коллегии. Превысив власть, Полуботок, вкупе со старшиной, выпустил универсал, направленный против Малороссийской Коллегии и требовавший от крестьян повиновения своим помещикам. Петр усмотрел в этом рецидив старой казачьей крамолы и вызвал Полуботка с его приближенными в Петербург для объяснения. Прослышав об этом, стародубские и любецкие поселенцы послали туда своих челобитчиков с жалобами на старшину и с просьбой заменить казачий суд имперским. Полуботок с товарищами объявили это посольство фальшивым, подстроенным Малороссийской Коллегией. Петру, видимо, давно надоело положение, при котором обо всяком нестроении в Малой России невозможно было иметь ясного представления. Обнаружился ли факт растущей безлошадности среди казаков, гетман объяснял это поставкой подвод проезжим великороссам, а сами казаки работами, которыми утесняют их полковники; оказывалось ли, что в некоторых городах ратуши «стали пусты», гетман винил в этом генералов и офицеров, расквартированных в данных городах и требовавших себе на кухни всяких запасов, а жители доносили, что хотя ратуши, действительно, снабжают войска продовольствием, но для этой цели с народа идут поборы на ратуши, а беда лишь в том, что поборы значительно превышают то, что требуется для прокорма гарнизонов, потому что «тем корыстуются полковники, сотники, атаманы и войты».

В случае с Полуботком, царь решил добиться более объективной информации о положении на Украине, он отправил туда Румянцева — доверенное лицо, с целью опроса населения. Полуботок с товарищами, крайне заинтригованные наказом, данным царскому посланному, решились на подкуп подьячих сенатской канцелярии с целью выведать содержание секретной инструкции. Когда это удалось, они отправили в нужные места ходяков, снабженных тоже инструкцией, предупреждавшей

и указывавшей что делать, как отвечать на вопросы Румянцева, какие сведения давать, а каких не давать. Посланы были распоряжения о сожжении документов. У самого Полуботка в доме служанка Марья сожгла какие-то бумаги, а палачу, состоявшему в ведении гетмана, приказано было эту Марью убить, да и еще кое-кого, чьих доносов и показаний опасались. Полковникам и сотникам приказывалось спешно помириться с обиженными ими людьми и даже ублажить их чем можно. Сыну Полуботка Андрею приказывалось призвать сотника любецкого и заверить его в полном удовлетворении, которое будет дано людям его сотни, лишь бы они, да и сам сотник, не жаловались Румянцеву на Полуботка. Велено писать жалобы на россиян, на их бесчинства, на тяготы от постоя войск. От своих людей, находившихся в казачьих отрядах, стоявших при границе на реке Коломаке, удалось добиться составления петиции на царское имя с жалобами на притеснения великорусского начальства, его несправедливости и незаконные поборы. Все было сделано, чтобы парализовать работу Румянцева и сбить его планы. Тем не менее, многое ему удалось узнать, а главное, убедиться в страшном недовольстве народа казачьим режимом. Еще до получения от него донесений, Петр узнал о проделках Полуботка, о подкупе подьячих, и приказал учинить следствие. Все бумаги арестованных попали в руки властей, благодаря чему вскрылась не только картина их происков, но и многие беззакония на Украине, которые хотели скрыть.

Ни одному из перечисленных выше авторов, просматривавших исторический материал, связанный с этим эпизодом, не попадалось сведений о пытках каленым железом, да и вообще о каких-либо пытках. Не найдено намека и на знаменитые речи Полуботка. Странно было бы и предполагать, чтобы крепостник, ненавидимый собственным народом, мог морально торжествовать над царем, державшим в руках многочисленные свидетельства народного недовольства старшиной и всеобщего требования упразднить ненавистные старшинские порядки.

Судя по сохранившимся известиям о том, что Полуботку были показаны все эти материалы, можно заключить об обратной картине: не он укорял царя, а царь обличал его самого. Власти располагали документальными данными о его личных злоупотреблениях — скупке казацких земель, незаконном закреплении во время управления черниговским полком.

Сам Полуботок, не дождавшись конца следствия, умер в крепости осенью 1724 года. Единомышленники его, Савич и Черныш, просидели еще около 2 лет и освобождены при Екатерине I, по ходатайству «врага Украины» кн. Меншикова.

Дело Полуботка означает переломный момент в судьбе казачьей старшины. Она ясно стала понимать, что эпоха ее хозяйничанья в Малороссии кончилась, что царь, раздраженный бесконечными путчами и изменами, решил прибегнуть к вернейшему средству ее обуздания — поднять на нее постоянно кипевшую ярость народа. Боязнь все потерять была, по-видимому, настолько сильна, что украинская аристократия перестает держаться за старинные казачьи права и все силы употребляет на удержание накопленных реальных выгод и ценностей. Она вступает на путь быстрого превращения в российское дворянство. История полна метаморфоз и перевоплощений; и это не первый случай, что насильническая буйная стихия становится, с течением времени, своей полной противоположностью. Отбросив прежние казачьи иллюзии, степная вольница вступила на путь имперского строительства Малороссии и всей России. Из нее вышли великолепные государственные, военные и церковные деятели, множество ученых, писателей, да едва ли не вся та интеллигенция, которая, вместе с петербургской и московской, создала культуру мирового значения.

Такое превращение облегчено было смертью Петра. Петр не шибко жаловал и великорусское дворянство. Бывали минуты, когда он задумывался над его упразднением. Безусловно, между великорусским и малорусским шляхетством образовалась некая общность судьбы

и общность интересов. Поэтому восстановление гетманства в 1727 г. и упразднение Малороссийской Коллегии надо рассматривать не иначе, как в связи с приходом к власти дворянства, открывшего после кончины Петра эру своего процветания. Характерно, что бригадира Вельяминова, главу Малороссийской Коллегии, привлекли к ответственности за какие-то «злоупотребления». Не в злоупотреблениях было дело, а в том, чтобы уничтожить петровскую политику, потворствовавшую крестьянину в ущерб помещику. Российское дворянство помогло малороссийскому избавиться от этой грозной опасности, а малороссийское, в свою очередь, поняв ее, совершило быстрый «спуск на тормозах», отказавшись от прежнего казачьего обличья и казачьего самоуправления. Гетманство Данилы Апостола, а потом Кирилла Разумовского создано было как бы для того, чтобы облегчить эту эволюцию. Но и тут украинских помещиков не покидала строгая расчетливость. Они до самого воцарения Петра III туго шли на «превращение». Причина заключалась в неравенстве прав. Как ни прибеднялось, ни хныкало малороссийское шляхетство, постоянно твердившее о каких-то «оковах», оно пользовалось гораздо большими вольностями и льготами, в смысле государственной службы, чем его великорусские собратья. В этом отношении оно стояло ближе к польскому панству. Сливаться с великорусским благородным сословием на основе его строгой и неукоснительной службы государству, ему не очень хотелось. Только когда Петр III и Екатерина, своими знаменитыми грамотами, освободили российское дворянство от обязанности служить, сохранив за ним, в то же время, все права и блага помещичьего сословия — у малороссов отпали всякие причины к обособлению. С этих пор они идут быстро на полную ассимиляцию. Впоследствии, А. Чепе один из приятелей В. Полетики и, по-видимому, вдохновитель «Истории Русов», снабжавший ее автора необходимыми материалами и точками зрения, — писал своему другу: пока «права дворян русских были ограничены до 1762 г., то мало-

российское шляхетство почло за лучшее быть в оковах, чем согласиться на новые законы. Но когда поступили с ними по разуму и издан указ государя императора Петра III о вольностях дворян (1762 г.) и высочайшая грамота о дворянстве (1785), когда эти две эпохи поровняли русских дворян в преимуществах с малороссийским шляхетством, тогда малороссийские начали смело вступать в российскую службу, скинули татарские и польские платья, начали говорить, петь и плясать по-русски»¹⁰⁶.

* * *

«История Русов» известна была сначала под именем «Летописи Конисского», но уже в середине XIX века начали приходить к заключению о неправдоподобности участия могилевского архиепископа в ее составлении. Автора стали усматривать в том самом Григории Полетике, которому, по утверждению Бодянского, Конисский вручил летопись. Григорий Полетика родился в 1725 году, в семье одного из казацких старшин, следовательно, хорошо помнил время усиленного закрепощения крестьянства и, одновременно, неприязнь к Петру за ущемление им старшинского произвола. Человек суровый, холодный, беспощадный в обращении с подчиненными, как его характеризует один из самостийнических историков, он был ревностным сторонником насаждения крепостного права на Украине и глашатаем исключительного господствующего положения казачьего дворянства. Его перу принадлежат две записки, развивающие эту идею.

Естественно, он стал центром притяжения ему подобных; вокруг него собрался тот кружок, из которого вышла «История Русов». Сын его Василий, подобно отцу, принимал близко к сердцу интересы своего сословия и составил «Записку о начале, происхождении и достоинстве малороссийского дворянства». Высказано мнение, что он, а не отец его — истинный автор «Истории Русов»¹⁰⁷.

106. Киевская Старина. 1893. Т. 1. С. 54.

107. Лазаревский А.М. Отрывки из семейного архива Полетик // Киевская Старина. 1891. №4.

Вопрос об авторстве занимает нас меньше, чем другой; почему в конце XVIII — в начале XIX веков все еще существовали люди, недовольные имперским правительством и облакавшие свое недовольство в старинные казачьи формы? Казалось бы, запорожская вольница добилась всего, о чем мечтала — богатства, власти, земель, крепостных крестьян. Чем могли питаться теперь ее антирусские настроения? Для подавляющего большинства прежней старшины — ничем.

Мы знаем, что оно прекратило всякую фронду и стало оплотом самодержавия наряду с великорусским дворянством. Но осталась кучка не до конца «устроенных». Чтобы понять ее недовольство, надо пристальнее присмотреться к «Истории Русов» с ее навязчивой идеей шляхетства-казачества. Это главная тема и политический нерв произведения.

«Шляхетство, по примеру всех народов и держав, естественным образом составлялось из заслуженных и отличных в земле пород и всегда оно в Руси именовалось рыцарством, заключающим в себе бояр, происшедших из княжеских фамилий, урядников по выборам и простых воинов, называемых казаками по породе, кои производят из себя все чины выборами и их по прошествии урядов возвращая в прежнее звание, составляли одно рыцарское сословие искони тако самым их статутным правом утверждаемое, и они имели вечистую собственностью своею одне земли с угодьями, а посполством владели по правам и рангам и повинность посполитых была установлена правами. А владевшие ими в отношении власти их над посполством считались и назывались отчичами или вотчинниками, от слова и власти взятых по древним патрициям, то есть отцам народным управлявшим первоначальными семействами и обществами народными, с кротостью и характером отеческими. Духовенство, выходя из рыцарства по избрании достойных, отделялось только на службу Божию, а по земству имело одно с ними право». Автор с возмущением отвергает мне-

ние, будто казаки судились по каким-то собственным, специально для них изданным законам, а не по обычному шляхетскому праву, «по статутным артикулам для шляхетства узаконенным».

Судя по тому, как часто, кстати и некстати, подчеркивается их рыцарское достоинство, к каким изощренным приемам фальши прибегает автор, чтобы утвердить за ними шляхетские права, можно заключить о болезненной чувствительности этого пункта. Весь тон повествования похож на страстный ответ кому-то, кто оспаривает казачье дворянство. Перед нами драма той части потомков Кошек, Подков, Гамалиев, которая успела добиться всего, кроме прав благородного сословия.

Не было, кажется, случая, чтобы имперское правительство лишало малороссийского помещика земель и крестьянских душ только за то, что он не дворянин; помещики продолжали владеть, де факто, теми и другими, но сами отлично знали, что это противозаконно. Страдало их самолюбие и от таких «мелочей», как недопущение, на первых порах, в Шляхетный кадетский корпус (открытый в 1731 г.) детей малороссов, «поелику-де в Малой России нет дворян». Казачество так быстро сделало помещичью карьеру, что не успело еще изгладиться из памяти его происхождение. Граф Румянцев в письмах к Екатерине II рассказывает, что при выборах в Комиссию по составлению Нового Уложения редкое собрание обходилось без саморазоблачений; всегда кого-нибудь собственные же соседи публично уличали в отсутствии у него дворянского звания. Тогда обиженный вставал и начинал перечислять всех крупных вельмож — своих земляков, ведущих род либо «от мещан», либо «от жидов». Царское правительство смотрело на это сквозь пальцы, оно неуклонно вело политику превращения местных самочинных «агариив» в российских дворян. Те же выборы в екатерининскую комиссию 1767 г., проводившиеся в Малороссии по сословному принципу, как во всей России, означали фактическое признание тамошних помещиков за дворян. Со времен царя Алексея Михайловича

началась практика выдачи всевозможных грамот, закреплявших за панями в вечное потомственное владение земель и угодий. Совершенно ясное узаконение малорусского дворянства произведено распространением на Малороссию (в 1782 г.) закона о губерниях и уравнием крестьян и помещиков обеих частей государства по указу 1783 г. Наконец, через два года явилась Жалованная Грамота Российскому Дворянству, относившаяся в одинаковой мере как к великоруссам, так и к малоруссам.

Но одно дело — общее законодательство, а другое бюрократическая практика. В скрипучей машине необъятной империи колеса вертелись не всегда гладко. На Украине оказалось столько оттенков и категорий панства, что их трудно было перевести на всероссийскую шкалу.

Продолжал, также действовать род государственно-го преступления, учиненного Богданом Хмельницким, который, получив согласие царя на небывало высокую цифру казачьего реестра в 60000 человек, так и не составил этого реестра. Когда заходила речь о жаловании казакам, и московское правительство требовало списки, их не оказывалось. Никто не знал, сколько в Малороссии казаков и неизвестно было, кто казак, а кто мужик. Вопрос этот решался, обычно, по личному усмотрению старшины.

Дворянское звание закрепляли сначала за чинами войскового уряда, что было довольно просто, тем более, что большинству этих тузов шляхетство давно было пожаловано либо польскими королями, либо царями московскими. Сравнительно легко справились с полковой аристократией, приравняв полковников к бригадирам, полковых есаулов, хорунжих и писарей — к ротмистрам, сотников — к поручикам и т. д. Но оставалось много званий, которых табель о рангах не предвидела и не вмещала. С ними были вечные недоразумения, усугубленные деятельностью малороссийских депутатских дворянских собраний. Призванные разбирать права своей страждущей братии, они, по словам А.Я. Ефименко, «завели чуть

что не открытую торговлю дворянскими правами и дипломами».

Все это способствовало недовольству и популярности того «учения», согласно которому казацким потомкам вовсе не нужно доказывать свое шляхетство, поскольку казачество извеку было шляхетским сословием.

До какой степени проблема «прав» тревожила умы, и какой климат создавала она на Украине, можно судить по тому, что еще в шестидесятих годах XVIII века южное дворянство, в массе своей, не могло предъявить никаких документов в подтверждение своего «благородного» происхождения: объясняли это гибелью семейных архивов во время смут и войн. Однако, лет через пятнадцать-двадцать, ко времени возникновения комиссии о разборе дворянских прав в Малороссии, до ста тысяч дворян явилось с превосходными документами и с пышными родословными.

Оказалось, что Скоропадские, например, происходят от некоего «референдаря над тогочной Украиной», Раславцы — от польских магнатов Ходкевичей, Карновичи — от венгерских дворян, Кочубеи — от татарского мурзы, Афендики — от молдавского бурколаба, Капнисты — от мифического венецианского графа Капнисты, жившего на острове Занте. Появились самые фантастические гербы. Весь Бердичев трудился над изготовлением бумаг и грамот для потомков сечевых молодцов. Поддельность их гербов и генеалогий была настолько общеизвестна, что появились сатирические поэмы вроде: «Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны».

*«Да вже ж наши дворяне гербы посилають,
А що я був дворянин, то-того й не знають».*

Этот дворянин, еще недавно косивший, молотивший, жавший и лишь в последнее время «трохи як розживсь» сочинил себе тоже герб:

*«Вон у мене герб який
 В деревянем цвिति
 Ще ни в кого не було
 В Остерском повити.
 Лопата написана
 Держалом у гору,
 Побачивши скаже всяк,
 Що воно без спору.
 У середини грабли,
 Выла и сокира,
 Якими було роблю,
 Хоть яка сквира».*

В таком же духе написано прошение пана депутата Плецинского, который просит его уволить от обязанностей выборной своей службы по той причине, что он «посвятил всю свою жизнь шинковому промыслу»¹⁰⁸.

Когда до Герольдии дошли сведения о злоупотреблениях на почве «посилания» гербов, она стала придирчивой и затруднила доступ в дворянство тем, кто еще не успел попасть туда. Особенности строгости начались с 1790 года.

В этот трудный для известной части малороссийского шляхетства период, когда оно втайне раздражено было против имперского правительства, возник рецидив казачьих настроений, вылившийся в сочинении фантастической «Истории Русов».

Все, чем казачество оправдывало свои измены и «заятни», свою ненависть к Москве, оказалось собранным здесь в назидание потомству. И мы знаем, что «потомство» возвело эту запорожскую политическую мудрость в символ веры. Стоит разговориться с любым самостийником, как сразу обнаруживается, что багаж его «национальной» идеологии состоит из басен «Истории Русов», из возмущений «проклятой» Екатериной II, которая «зачипала крюками за ребра и вишала на шибеници наших украинських казакив». Казачья идеология сделана наци-

108. Киевская Старина. 1882. Т. II; 1888. Т. III.

ональной украинской идеологией. В противоположность европейским и американским сепаратизмам, развивавшимся, чаще всего, под знаком религиозных и расовых отличий либо социально-экономических противоречий, украинский не может основываться ни на одном из этих принципов. Казачество подсказало ему аргумент от истории, сочинив самостийническую схему украинского прошлого, построенного сплошь на лжи, подделках, на противоречиях с фактами и документами. И это объявлено ныне, «шедевром украинской историографии».

«Возрождение»

Для первой половины XIX века констатировано полное затухание казачьего автономизма, что вполне понятно, если принять во внимание исчезновение самого казачества. Помимо горсти фрондеров типа Полетики, державшихся трусливо и ворчавших ничуть не грознее членов московского Аглицкого клуба, никакого политического национализма на Украине в то время не существовало. По словам Грушевского, уже со времен Петра Великого началось стирание граней в культурном облике малоруссов и великоруссов. Образованные украинские силы, особенно духовенство, широко были привлечены к строительству Российской Империи. «Великорусский язык входит в широкое употребление не только в сношениях с российскими властями, но влияет и на язык внутреннего украинского делопроизводства, входит и в частную жизнь, и в литературу Украины»¹⁰⁹.

Этот «великорусский» язык был, разумеется, тем общероссийским языком, в выработке которого малоруссы приняли одинаковое, если не большее участие вместе с великоруссами. Именуя его великорусским, Грушевский делает вид, будто он, как нечто чуждое, принесен извне государственным порядком, хотя ни фактов насильственного его внедрения не приводит, ни открытого утверждения в этом смысле не позволяет себе. «По мере

109. Грушевский М. Иллюстрированная История Украины. СПб., 1913 С. 430.

того, — говорит он, — как культурная жизнь обновленной России понемногу растет, с середины XVIII века великорусский язык и культура овладевают все сильнее и глубже украинским обществом. Украинцы пишут по-великорусски, принимают участие в великорусской литературе, и много их становится даже в первые ряды нового великорусского литературного движения, занимают в нем выдающееся и почетное положение».

Процесс слияния малороссийского шляхетства с великорусским шел так быстро, что окончательное упразднение гетманства при Екатерине не вызвало никакого сожаления. Все прочие перемены встречены столь же легко, даже с сочувствием. Если небольшая кучка продолжала твердить о прежних «правах», то очень скоро «желание к чинам, а особливо к жалованию» взяло верх над «умоначертаниями старых времен». Как только разрешился в благоприятную сторону вопрос о проверке дворянского звания, южнорусское шляхетство окончательно сливается с северным и становится фактором общероссийской жизни. Забвение недавнего автономистского прошлого было так велико, что по словам того же Грушевского «созидание национальной жизни» пришлось начинать «заново на пустом месте»¹¹⁰.

Все, что подходило под понятие национальной жизни на Украине в первой половине XIX столетия, представлено было любителями народной поэзии и собирателями фольклора, добрая половина которых состояла из «кацапов», вроде Вадима Пассека, И.И. Срезневского, А. Павловского. Даже Н.И. Костомаров до двадцатилетнего возраста не знал, великорусс он или малорусс.

Что же до природных украинцев — М.А. Максимовича, А.Л. Метелинского, И.П. Котляревского, Е.П. Гребенки, то они не только не противопоставляли украинизма руссизму, но всячески подчеркивали свою общероссийскую природу, нисколько не мешавшую им быть украинцами. «Скажу вам, что я сам не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал

110. Там же. С. 431.

преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом и, как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой».

Эти слова Гоголя могут считаться выражающими настроение подавляющего числа тогдашних малороссийских патриотов. Весь их патриотизм заключался в простой, естественной, лишенной какой бы то ни было политической окраски, любви к своему краю, к его природе, этнографии, к народной поэзии, к песням и танцам. Самая деятельность их заключалась в собирании этих песен и сказок, в изучении языка и быта, в сочинении собственных стихов и повестей на этом языке. «Наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену народности, — писал Максимович в предисловии к своему сборнику малороссийских песен, — начинается уже сбываться желание: да создастся поэзия истинно русская».

Этот человек, любивший Украину, никогда не забывал, что она — русская земля. «Уроженец южной киевской Руси, где земля и небо моих предков, я преимущественно ей принадлежал и принадлежу донине, посвящая преимущественно ей и мою умственную деятельность. Но с тем вместе, возмужавший в Москве, я также любил, изучал и северную московскую Русь, как родную сестру нашей киевской Руси, как вторую половину одной и той же святой Владимировой Руси, чувствуя и сознавая, что, как их бытие, так и уразумение их одной без другой, недостаточны, односторонни».

Слова эти, сказанные в ответ на приветствия по случаю 50-летия его литературной деятельности в 1871 г., как нельзя лучше характеризуют всю жизнь Максимовича и все его ученые труды. Его филологические и исторические работы, журналы «Киевлянин» и «Украинец», издававшиеся им в 40-60 годах, встречались всегда одинаково благожелательно, как русским, так и малороссийским обществом. Когда основался Киевский университет св. Владимира, Максимович, в то время совсем еще молодой профессор ботаники в Москве, назначается его ректором.

Пост был чрезвычайно ответственный. Правительство Николая I ставило задачей киевскому университету противодействие польскому влиянию в крае. Это были те времена, когда среди поляков господствовала точка зрения, выраженная Владиславом Мицкевичем – сыном поэта, согласно которой спрашивать киевлян, хотят ли они жить с Польшей, все равно, что «*demandez aux habitants de Moscou et de Tver, s'ils sont Russes*». К тому же и профессура нового университета состояла, на первых порах, преимущественно из поляков.

Максимович блестяще справился со своей задачей. Установив наилучшие отношения со своими коллегами поляками, он в то же время противопоставил их культурному влиянию свое собственное – русское. Сам гр. С.С. Уваров – министр народного просвещения – был в восторге. Однажды, в 1837 г., он совершенно неожиданно приехал в Киев и сразу отправился в Университет. Там в это время происходил акт, на котором Максимович читал речь «Об участии и значении Киева в общей жизни России». Уваров так был захвачен этой речью, что едва дал оратору закончить ее, бросившись к нему с горячим рукопожатием¹¹¹. Эпизод этот – лучшее свидетельство того, какой национальной жизнью жил этот выдающийся украинец того времени.

Таков же, примерно, был Амвросий Метелинский (1814-1869) – профессор харьковского и киевского университетов, – восторженный романтик и идеалист, страстный собиратель народной поэзии. В предисловии к своему сборнику южно-русских песен, выпущенному в Киеве в 1854 г., он писал все в том же духе единства русского народа и русской культуры: «Я утешился и одушевился мыслью, что всякое наречие или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомнен-

111. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. С. 20.

ный признак кровного единства и залог святой братской любви между его единоверными и единокровными сынами и племенами».

Русское столичное общество не только не враждебно относилось к малороссийскому языку и произведениям на этом языке, но любило их и поощряло, как интересное культурное явление. Центрами новой украинской словесности в XIX веке были не столько Киев и Полтава, сколько Петербург и Москва. Первая «Грамматика малороссийского наречия», составленная великоруссом А. Павловским, вышла в СПб., в 1818 году. В предисловии автор объясняет предпринятый им труд желанием «положить на бумагу одну слабую тень исчезающего наречия сего близкого по соседству со мною народа, сих любезных моих соотчичей, сих от единые со мною отрасли происходящих моих собратьев».

Первый сборник старинных малороссийских песен, составленный кн. М.А. Цертелевым, издан в 1812 году в Петербурге. Следующие за ним «Малороссийские песни», собранные М.А. Максимовичем, напечатаны в Москве в 1827 г. В 1834 году там же вышло второе их издание. В Петербурге печатались Котляревский, Гребенка, Шевченко. Когда Н.В. Гоголь прибыл в Петербург, он и в мыслях не держал каких бы то ни было украинских сюжетов, сидел над «Гансом Кюхельгартенем» и намеревался идти дорогой тогдашней литературной моды. Но вот через несколько времени пишет он матери, чтобы та прислала ему пьесы отца. «Здесь всех так занимает все малороссийское, что я постараюсь попробовать поставить их на театре». Живя в Нежине, он не интересовался Малороссией, а попав в москальский Петербург, стал засыпать родных письмами с просьбой прислать подробное описание малороссийского быта. В Петербурге поэтов, писавших по-украински пригревали, печатали, выводили в люди и создавали им популярность. Личная и литературная судьба Шевченко — лучший тому пример. «Пока польское восстание не встревожило умов и сердец на Руси, — писал Н.И. Костомаров, — идея двух русских

народностей не представлялась в зловещем виде, и самое стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало призраком разложения государства, но и самими великороссами принималось с братской любовью».

* * *

Говоря о «национальной жизни», Грушевский имел в виду не таких людей, как Метелинский и Максимович, и не любовь к народу и к народной поэзии. Национальные его устои связаны с радами, бунчуками, с враждой к московщине. Но если этот национализм пришлось создавать «заново, на пустом месте», то каким чудотворным словом поднят был из гроба Лазарь казачьего сепаратизма? Штампованная марксистская теория без труда отвечает на этот вопрос: развитие капитализма, нарождение буржуазии, борьба за рынки.

Кого сейчас способно удовлетворить такое объяснение? Не говоря уже о внутреннем банкротстве самой теории, не существует, сколько нам известно, ни одной серьезной попытки приложения ее к изучению капиталистического развития на Украине в XIX в. Капитализма собственно-украинского, отличного от общероссийского, невозможно обнаружить, до такой степени они слиты друг с другом. А о борьбе за «внутренний рынок» смешно говорить при виде украинских богачей, сидевших в Москве и в Петербурге, как у себя дома.

Не экономикой, не хозяйственными интересами и потребностями объясняется возрождение казачьего автономизма после полувекового мертвого периода. Пошел он не от цифр ярмарочной торговли, а от книги, от литературного наследства.

Существует марокканская легенда, согласно которой все мужское еврейское население было истреблено однажды арабами. Тогда жены убитых попросили позволения посетить могилы мужей. Им это было разрешено. Посидев на кладбище, они забеременели от покойников

и таким путем продолжили еврейскую народность в Марокко.

Украинский национализм XIX века также получил жизнь не от живого, а от мертвого — от кобзарских «дум», легенд, летописей и, прежде всего, — от «Истории Русов».

Это не единственный случай. Существовало лет сто тому назад ново-кельтское движение, поставившее целью возродить кельтский мир в составе Ирландии, Шотландии, Уэльса и французской Бретани. Стимулом были древняя поэзия и предания. Но рожденное не жизнью, а воображением, движение это дальше некоторого литературного оживления, филологических и археологических изысканий не пошло.

Не получилось бы никаких всходов и на почве увлечения казачьей словесностью, если бы садовник-история не совершила прививку этой, отрезанной от павшего дерева ветки, к растению, имевшему корни в почве XIX века.

Казачья идеология привилась к дереву российской революции и только от него получила истинную жизнь.

То, что самостийники называют своим «национальным возрождением», было не чем иным как революционным движением, одетым в казацкие шаровары. Это замечено современниками. Н.М. Катков в 1863 г. писал: «Года два или три тому назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества»¹¹². Украинофильство XIX века, действительно, представляет причудливую амальгаму настроений и чаяний эпохи гетманщины с революционными программами тогдашней интеллигенции.

Ни Гоголь, ни Максимович, ни один из прочих малороссов, чуждых революционной закваске, не прельстился «Историей Русов», тогда как в сердцах революционе-

112. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863 год. М., 1887. Вып. 1. С. 276-279.

ров и либералов она нашла отклик. И еще любопытнее: самый горячий и самый ранний отклик последовал со стороны не украинцев, а великороссов. М.П. Драгоманов впоследствии с некоторой горечью отмечал что «первая попытка в поэзии связать европейский либерализм с украинскими историческими традициями была предпринята не украинцами, а великоруссом Рылеевым»¹¹³.

* * *

Кондратий Федорович Рылеев — «неистовый Виссарий» декабристского движения, был из тех одержимых, которые пьянели от слов «свобода» и «подвиг». Они их чтили независимо от контекста. Отсюда пестрота воспетых Рылеевым героев: Владимир Святой, Михаил Тверской, Ермак, Сусанин, Петр Великий, Волынский, Артамон Матвеев, Царевич Алексей. Всех деятелей русской истории, которых летопись или молва объявили пострадавшими за «правду», за родину, за высокий идеал, он награждал поэмами и «думами».

Берясь за исторические сюжеты, он никогда с ними не знакомился сколько-нибудь обстоятельно, доверял первой попавшейся книге или просто басне. Не трудно представить, каким кладом оказались для него «История Русов» и казачьи летописи, где что ни имя, то герой, что ни измена, то непременно борьба за вольность, за «права».

*Пусть гремящей, быстрой славой,
Разнесет везде молва,
Что мечом в битве кровавой
Приобрел казак права!*

Едва ли не большее число его «дум» посвящено украинскому казачеству: Наливайко, Богдан Хмельницкий, Мазепа, Войнаровский — все они борцы за свой край, готовые жертвовать за него кровью.

113. Листы на Наддніпрянську Україну.

*Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу.
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.*

Так говорит Наливайко в «Исповеди». Ему же вложены в уста ставшие знаменитыми стихи:

*Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На притеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла,
Но где скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

Не менее благородные и возвышенные чувства звучат в «Войнаровском», где измена Мазепы рассматривается, как «борьба свободы с самовластьем».

Войнаровский, такой же карьерист и стяжатель, как его дядюшка Мазепа, представлен пылким энтузиастом свободы, ринувшимся на ее защиту.

*Так мы свои разрушив цепи
На глас свободы и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.*

Нигде больше, ни в русской, ни в украинской литературе образ Малороссии и казачьих предводителей не овеян такой романтикой высокого подвига, как в поэмах и «думах» Рылеева. «Думы и поэмы великорусса Рылеева, замечает Драгоманов, — сеяли в целой России и в Украине не одни либеральные идеи, но, бесспорно, поднимали на Украине и национальное чувство. Еще в 50-х годах, я помню, «Войнаровский» и «Исповедь Наливайки» пере-

писывались в наших тайных тетрадях рядом с произведениями Шевченко и читались с одинаковым жаром»¹¹⁴.

Шевченко шел по тропе, проложенной Рылеевым, и был его прямым учеником. Даже русофобия, которой насыщена его поэзия, — не оригинальна, она встречается у Рылеева. Это те стихи в «Войнаровском», что посвящены жене его, казачке, стоически переносящей выпавшие на ее долю невзгоды.

*Ее тоски не зрел москаль,
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.
Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть.*

Если не считать небольшой группы казакоманов, типа Полетики, то не только в простом народе, но и в образованном малороссийском обществе времен Рылеева редко встречались люди, способные назвать москаля «врагом страны своей родной». Не трудно отсюда заключить о роли поэм «великорусса Рылеева». Облаченный им в римскую тогу казачий автономизм приобретал новизну и привлекательность, родился с европейским освободительным движением, льстил местному самолюбию. Алчные казачьи страсти прикрывались ризой гражданских добродетелей, сословные путчи гетманской эпохи возводились в ранг жертвенных подвигов во имя свободы, а добычники и разбойники выступали в обличи Брутов и Кассиев. Какой живительной водой вспрыскивала такая поэзия чахлые остатки поборников казачьих идеалов!

«Примите выражения признательности моей и моих соотечественников, которых я знаю», писал Рылееву Н. Маркевич, автор одной из «Историй Малороссии», — «Исповедь Наливайко глубоко запала в наши сердца... Мы не забыли еще высокие дела великих людей Мало-

114. Листы на Наддніпрянську Україну.

россии... Вы еще найдете у нас дух Полуботка»¹¹⁵. Не один дух Полуботка, но и дух Мазепы разбужен Рылеевым. Силуэт гетмана, виднеющийся на заднем плане поэмы «Войнаровский» и в других думах, очерчен с несомненной симпатией. Это человек высоких помыслов, могучих сил. Можно сказать, что не Войнаровский, а он истинный герой поэмы. Войнаровский готов жертвовать Украине всем, что у него есть:

*... стране родимой
Отдам детей с женой любимой;
Себе одну оставлю честь.*

Мазепа же готов ей и честью жертвовать. Образ его овеян трагизмом и жестокой, но благородной драмой. Поэт не судит его за измену; лежала ли в основе ее правда или ложь — все равно; важно, что он весь предан Украине.

*И Петр и я — мы оба правы;
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей.*

* * *

Сколько известно, никто из литературоведов, занимавшихся творчеством Рылеева, не придавал национального значения казачьим сюжетам его поэм. В них видели только образцы «гражданской лиры». Попадись что-нибудь похожее из татарской либо турецкой истории, оно было бы воспето с одинаковым пылом. Действительно, украинофильство нашего поэта до того книжное, начитанное, что в какое-нибудь политическое его значение не верится. И все же есть основание думать, что оно не случайно.

Не надо забывать, что Рылеев — декабрист, а декабристский заговор в значительной мере и, может быть, в большей, чем мы предполагаем, был заговором

115. Русская Старина. 1888. Декабрь. С. 599.

украинско-польским. Эта его сторона наименее изучена, но игнорировать ее нельзя.

Что в Польше, задолго до декабристов, существовали тайные патриотические организации и что эти организации готовились к восстанию против русского правительства, хорошо известно. Граф Солтык и полковник Крыжановский засвидетельствовали на следствии, что мысль о необходимости войти в контакт с русскими тайными обществами возникла у них в 1820 году¹¹⁶. Из показаний М.П. Бестужева-Рюмина перед следственной комиссией видно, что между Директорией южного декабристского общества и обществом польским заключено было в 1824 г. формальное соглашение, по которому поляки обязывались «восстать в то же самое время, как и мы» и координировать свои действия с русскими повстанцами¹¹⁷. Но в этом сказалась только одна из сторон польской заинтересованности в русском бунте. Поляки много работали над разжиганием едва тлевшего под золой уголька казачьей крамолы и над объединением ее с декабристским путчем. Делалась ставка на возвращение Польше, если не всей Малороссии, то, на первый случай, значительной ее части. По договору 1824 г., Южное общество обнадружило их получением Волынской, Минской, Гродненской и части Виленской губерний¹¹⁸. Но главные польские чаяния связывались с украинским автономистским движением. По словам С.Г. Волконского, поляки питали «большую надежду на содействие малороссийских дворян, предлагая им отделение «Малороссии от России»¹¹⁹. От союза с малороссийским дворянством ожидали большего, чем от офицерского восстания, но в массе своей южные помещики оказались вполне лояльными по отношению к самодержавию. Только очень небольшая кучка встала на путь декабризма и связанного с ним украинского сепаратизма.

116. Беккер И. Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3.

117. Восстание декабристов: Материалы. М., 1950. Т. IX. С. 73.

118. Там же. С. 72.

119. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб, 1909. С. 300.

Здесь не приходится придавать значения наличию среди главарей «Союза Благоденствия» Муравьевых-Апостолов потомков гетмана Данилы, но пройти мимо Общества Соединенных Славян вряд ли возможно. И это не потому, что в числе его членов был большой процент малороссийской шляхты. Ни М.В. Нечкина, ни новейший исследователь Соединенных Славян Жорж Луциани не находят у них ни малейшего намека на «украинофильство»¹²⁰. Но незаметно для самих себя они вовлечены были в русло националистической идеологии желательной полякам. Своим, если не возникновением, то направлением, обязаны они поляку Ю.К. Люблинскому, связанному с патриотическими польскими организациями. Это он подсказал им название и идею «Соединенных Славян».

Идея, хоть и старинная, мало общего имела с балканским панславизмом XVII века, представленным Гундуличем, Крижаничем. Не было у поляков сколько-нибудь крепких связей и с чехами, за исключением разве литературных. Практически ни Сербия, ни Далмация, ни Чехия их не интересовали. Зато Малая Русь, входившая некогда в состав Речи Посполитой, была предметом страстных воцелений. Нигде пропаганда общности славян и федеративного всеславянского государства не велась так настойчиво, как здесь. Можно думать, что лозунг «соединенных славян», провозглашавший независимость каждой страны, сочинен был специально для пробуждения казачьего автономизма. Нигде в других краях он не насаждается с таким старанием.

В 1818 г. основывается в Киеве масонская ложа «Соединенных Славян», а через четверть века, в Киеве же — «Кирилло-Мефодиевское Братство», поставившее во главу угла своей программы все то же общеславянское федеративное государство. Даже во второй полови-

120. Нечкина М.В. Общество Соединенных Славян. М., 1927. Georges Luciani. La Societ des Slaves Unis. Universit de Bordeaux, 1963. На стр. 34 здесь можно прочесть: «Pas un mot, pas une allusion dans leurs declarations, pas un geste de leur comportement de supposer qu'ils aient le moins sympathise avec une forme quelconque de l'ukrainisme».

не XIX века, идеей всеславянской федерации увлекался Драгоманов. И нигде, кроме Малороссии, не видим столь ясно выраженного польского влияния и польской опеки в отношении подобных организаций. Так, надпись «Jednoe Slowianska», украшавшая знак ложи «Соединенных Славян», не оставляет сомнений в польском ее происхождении. Основателем и первым ее правителем был поляк Валентин Росцишевский, управляющим мастером другой поляк Франц Харлинский, а в числе членов — Иосиф Проскура, Шимановский, Феликс Росцишевский и многие другие местные помещики-поляки¹²¹. А.Н. Пыпин и последующие историки считают эту ложу идейной матерью одноименного декабристского общества, хотя прямой связи между ними не установлено.

Существовали в Малороссии другие масонские организации, инспирированные или прямо созданные поляками. Была в Житомире ложа «Рассеянного мрака» и ложа «Тамплиеров»; в Полтаве — ложа «Любовь к истине», в Киеве «Польское патриотическое общество», возникшее в 1822 г. и тотчас же, как эхо, появившееся вслед за ним «Общество малороссов», состоявшее из поборников автономизма. «Где восходит солнце?» — гласил его пароль, и ответ: «В Чигирине».

Из дел следственной комиссии о декабристах видно, что резиденцией «Общества Малороссов» был Борисполь, а «большая часть членов оного находятся в Черниговской губернии, а некоторые в самом Чернигове»¹²². М.П. Бестужев-Рюмин не очень выгодно о них отзываясь: руководитель общества В.Л. Лукашевич «нравственности весьма дурной, в губернии презираем, и я слышал, что общество его составлено из людей его свойства»¹²³. Это тот самый Лукашевич, что поднимал когда-то бокал за победу Наполеона над Россией¹²⁴. Он был одной из самых деятельных фигур в декабристско-малороссийско-

121. Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 303.

122. Восстание декабристов: Материалы. Т. IX. С. 41.

123. Там же.

124. Киевская Старина. 1903. № 12. С. 137; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 302.

польских взаимоотношениях. Кроме «Союза Благоденствия» и «Малороссийского общества», мы его видим в ложе «Соединенных Славян», в полтавской ложе «Любовь к истине» и говорили также о его членстве в польских ложах.

Масонские ложи признаны были, по-видимому, наиболее удобной формой встреч и единения двух российских фронд — декабристской и украинствующей.

Особенный интерес, в этом смысле, представляет полтавская ложа, где наряду с членами Союза Благоденствия М.Н. Новиковым, Владимиром Глинкой и М. Муравьевым-Апостолом, представлены были малороссы, вроде губернского судьи Тарновского, екатеринославского дворянского предводителя Алексева, С.М. Кочубея, И. Котляревского и многих других. Был там, конечно и Лукашевич. Первым ее руководителем значился Новиков, начальник канцелярии кн. Репнина. По словам Муравьева-Апостола, «он в оную принимал дворянство малороссийское, из числа коих способнейших помещал в общество называемое Союз Благоденствия. Полтавскую ложу Муравьев прямо именует «рассадником тайного общества»¹²⁵. После Новикова руководство перешло к Лукашевичу, про которого Бестужев-Рюмин сказал, что «цель одного (сколь она мне известна), присоединение Малороссии к Польше». На одном из допросов Бестужев показал, будто Лукашевич «адресовался к Ходкевичу, полагая его значущим членом польского общества, предлагая присоединиться к оному и соединить Малороссию с Польшею»¹²⁶.

Основой и направляющей силой южного масонства являлись поляки, которым принадлежала в те дни культурная гегемония во всем малороссийском крае, а в некоторых губерниях (Киевской, например) — большая часть земельных владений.

На следствии Рылееву был задан вопрос о связях декабристов с польскими тайными обществами. Он отго-

125. Восстание декабристов: Материалы. Т. IX. С. 189.

126. Там же. С. 40, 62.

ворился своей слабой осведомленностью на этот счет, но признался, что слышал о них от Трубецкого и от Корниловича, который дня за два до 14 декабря приносил Трубецкому копию какого-то договора между поляками и южным обществом декабристов, касательно будущих русско-польских границ. От Трубецкого он слышал, будто «Южное общество через одного из своих членов имеет с оными (поляками) постоянные сношения, что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции Литву, Подолию и Волынь»¹²⁷.

Согласно С.Н. Щеголеву, в 1824 г. кн. Яблоновский представитель «Польского патриотического общества» начал особенно энергичные переговоры с декабристами. Результатом его усилий явился съезд польских и русских заговорщиков в Житомире в начале 1825 года. На этом «славянском собрании» присутствовал будто бы и К.Ф. Рылеев. На съезде поставлен был и одобрен вопрос о независимости Малороссии, каковую поляки считали необходимой «для дела общей свободы».

Фома Падурра, главный оратор на эту тему, не придумал для украинского национализма никакого другого обличья, кроме старого казачьего. По его мнению, верным средством поднять народ было — напомнить ему «казацкую славу». В этом плане он и начал потом, вкупе с другим помещиком Ржевусским («атаман Ревуха»), пропаганду среди украинского населения. В Саврани они основали «школу лирников», обучая собранных «народных» певцов игре на инструменте и текстам патриотических казачьих песен, сочиненных Падуррой и положенных на музыку Ржевусским. Подготовив целую партию таких певцов, они пустили их по кабакам, вечерницам и прочим сборищам простого люда¹²⁸.

К сожалению, Щеголев, описавший этот эпизод, пользовался источниками недоступными нам здесь,

127. Восстание декабристов: Материалы. Т. I. С. 180. (Центрархив).

128. Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. С. 27.

за границей, в силу чего мы лишены возможности проверить степень основательности всего им рассказанного.

Как бы то ни было, можем не сомневаться в одном: Рылеев был давнишним полонофилом, состоявшим в литературных и идейных связях с польскими националистами и вряд ли будет ошибкой сказать, что своими казачьими сюжетами он обязан больше полякам, чем украинцам. Несомненно также, что в декабристской среде был усвоен взгляд на Малороссию, как на жертву царской тирании, а на казачьих главарей, как на борцов и мучеников за свободу. Имена Дорошенко, Мазеп, Полуботков ассоциировались с делом народного освобождения. Фигуры их окутывались флером романтики и в таком виде подносились интеллигентной публике и позднейшим поколениям. «Я не знаю, как в моих руках очутилась «Исповедь Наливайки» Рылеева, — пишет в своих воспоминаниях Вера Засулич, она стала для меня самой священной вещью»¹²⁹. Мог ли в представлении этой женщины, ничего кроме социалистической литературы не читавшей, выдержать соперничество с романтическим героем исторический Наливайко — грубый разбойник и кондотьер, бунтовавший во имя расширения привилегий реестровых казаков, требовавший земель под Брацлавом и готовый резать носы и уши хлопам, которые захотели бы втереться в казачье сословие и уйти от своих панов?

* * *

Казакomanия декабристов была не простым литературным явлением, и ею отличался не один Рылеев. Декабристы, можно сказать, стояли у власти на Украине. Генерал-губернатором малороссийским был в то время кн. Н.Г. Репнин — брат видного декабриста С.Г. Волконского и сам большой либерал. Его дед, фельдмаршал Репнин, подозревал его в причастности к убийству Павла I. Стремясь быть «отцом» вверенного ему края и, в то же время, человеком «новых веяний», он собирал вокруг себя все выдающееся, что было на Украине, — привлек

129. Былое. 1919. XIV. С. 94.

И.П. Котляревского, первого поэта, начавшего писать по-украински, учредил малороссийский театр в Полтаве, приглашал к себе в дом людей свободомыслящих, среди которых первое место занимали члены декабристских южных обществ. У него можно было встретить и Пестеля, и Орлова, и Бестужева-Рюмина. Но к числу свободомыслящих он относил также людей типа Василия Полетики, «свободомыслие» которых вызывалось не закончившейся к тому времени проверкой дворянских прав. Эти стародубские и лубенские маркизы Позы постоянно вертелись при генерал-губернаторском дворе, который до известной степени может рассматриваться как один из центров «возрождения» украинского сепаратизма.

Дочь кн. Репнина, Варвара Николаевна, благоговевшая перед подвигом своего дяди С.Г. Волконского и насквозь проникнутая духом декабризма, была в то же время почитательницей и покровительницей Тараса Шевченко. Тот и другой были для нее явлениями одного порядка. Существует предположение, что Репнин был одним из вдохновителей «Истории Русов». Такое подозрение высказал М.А. Максимович, человек очень осведомленный.

На этом примере видно, как российский космополитический либерализм преобразался на украинской почве в местный автономизм. Декабристы первые отождествили свое дело с украинизмом и создали традицию для всего последующего русского революционного движения. Герцен и Огарев подражали им, Бакунин на весь мир провозгласил требование независимой Польши, Финляндии и Малороссии, а петрашевцы, при всей неясности и неопределенности их плана преобразования России, тоже успели подчеркнуть свой союз с сепаратизмами, в том числе с малороссийским. Это одна из закономерностей всякого революционного движения. В.А. Маклаков, один из лидеров демократического лагеря, находясь уже в эмиграции, выразил это так: «Если освободительное движение в войне против самодержавия искало всюду союзников, если его тактикой было раздувать всякое не-

довольство, как бы оно ни могло стать опасным для государства, то можем ли мы удивляться, что для этой цели и по этим мотивам оно привлекло к общему делу и недовольство «национальных меньшинств»?»¹³⁰.

Только немногим удалось устоять против этой логики, и первым среди них надо назвать Пушкина. Он тоже был «декабристом» и лишь случайно не попал на Сенатскую площадь. «История Русов» была ему отлично знакома. Он напечатал отрывок из нее в своем «Современнике», но он не поставил дела Мазепы выше дела Петра и не воспел ни одного запорожца, как борца за свободу. Произошло это не в силу отступничества от увлечений своей молодости и от перемены взглядов, а оттого, что Пушкин с самого начала оказался проницательнее Рылеева и всего своего поколения. Он почувствовал истинный дух «Истории Русов», ее не национальную украинскую, а сословно-помещичью сущность. Думая, что автором ее, действительно, был архиепископ Г. Конисский, Пушкин заметил: «Видно, что сердце дворянина еще бьется под иноческой рясою».

На языке либерализма «сердце дворянина» звучало, как «сердце крепостника». Теперь, когда нам известны вполне корыстные интересы, вызвавшие рецидив казачьих страстей, породивших «Историю Русов», можно только удивляться прозорливости Пушкина.

Революционная русская интеллигенция в своем отношении к сепаратизму пошла путем не Пушкина, а Рылеева. «Украинофильство», под которым разумелась любовь не к народу малороссийскому, а к казацкой фронде, сделалось обязательным признаком русского освободительного движения. В развитии украинского сепаратизма оно было заинтересовано больше самих сепаратистов. Шевченко у великорусских революционеров почитался больше, чем на Украине. Его озлобленная казакомания приходилась русскому «подполью» больше по сердцу, чем европейский социализм Драгоманова.

130. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. Т. I. С. 222.

* * *

При всем обилии легенд, облотивших имя и искаживших истинный его облик, Шевченко может считаться наиболее ярким воплощением всех характерных черт того явления, которое именуется «украинским национальным возрождением». Два лагеря, внешне враждебные друг другу, до сих пор считают его «своим». Для одних он — «национальный пророк», причисленный чуть не к лику святых; дни его рождения и смерти (25 и 26 февраля) объявлены украинским духовенством церковными праздниками. Даже в эмиграции ему воздвигаются памятники при содействии партий и правительств Канады и США. Для других он предмет такого же идолопоклонства, и этот другой лагерь гораздо раньше начал ставить ему памятники. Как только большевики пришли к власти и учредили культ своих предтеч и героев — статуя Шевченко в числе первых появилась в Петербурге. Позднее, в Харькове и над Днепром, возникли гигантские монументы, величиной уступающие, разве только статуям Сталина. Ни в России, ни за границей, ни один поэт не удостоился такого увековечения памяти. «Великий украинский поэт, революционер и мыслитель, идейный соратник русских революционных демократов, основоположник революционно-демократического направления в истории украинской общественной мысли» — такова его официальная аттестация в советских словарях, справочниках и энциклопедиях. Она унаследована еще от подпольного периода революции, когда у всех интеллигентских партий и направлений он считался певцом «народного гнева».

Даже произведения его толкуются в каждом лагере по своему. «Заповит», например, расценивался в свое время в русском подполье, как некий революционный гимн. Призыв поэта к потомкам — восстать, порвать цепи и «вражою злою кровью вольность окропити» понимался там, как социальная революция, а под злой кровью — кровь помещиков и классовых угнетателей.

Совсем иную трактовку дает самостийнический лагерь. В 1945 г., в столетнюю годовщину со дня написания «Заповита», он отметил его появление, как величайшую веху в развитии национальной идеи, как призыв к национальной резне, ибо «кровь ворожа», которую Днепр «понесе з Украины у синее море», ничьей, как москальской, великорусской, быть не может.

Приводим этот пример не для оценки правильности или неправильности обоих толкований, а как характерный случай переплетения у «великого кобзаря» черт русской революционности с украинским национализмом.

Правда, и та, и другой были поставлены лет 80 тому назад под большое сомнение таким видным социалистом и украинофильским деятелем, как М.П. Драгоманов. Шевченко ему казался величиной дутой в литературном и в политическом смысле. Революционность его он не высоко ставил и никогда бы не подписался под сочетанием слов «революционер и мыслитель». Он полагал, что с мыслью-то как раз и обстояло хуже всего у Тараса Григорьевича.

Из Академии Художеств Шевченко вынес только поверхностное знакомство с античной мифологией, необходимой для живописца, да с некоторыми знаменитыми эпизодами из римской истории. Никакими систематическими знаниями не обладал, никакого цельного взгляда на жизнь не выработал. Он не стремился даже в противоположность многим выходцам из простого народа восполнять отсутствие школы самообразованием. По словам близко знавшего его скульптора Микешина, Тарас Григорьевич не шибко жаловал книгу. «Читать он, кажется, никогда не читал при мне; книг, как и вообще ничего не собирал. Валялись у него на полу и по столу растерзанные книжки «Современника», да Мицкевича на польском языке». Такая отрасль знания, как история, к которой ему часто приходилось обращаться в выборе сюжетов — что дало основание Кулишу в 50-х годах объявить его «первым историком» Украины — оставляла желать много лучшего в смысле усвоения. «Российскую

общую историю, — пишет тот же Микешин, — Тарас Григорьевич знал очень поверхностно, общих выводов из нее делать не мог; многие ясные и общеизвестные факты или отрицал, или не желал принимать во внимание; этим оберегалась его исключительность и непосредственность отношений ко всему малорусскому». Некоторых авторов, о которых писал, он и в руки не брал, как например, Шафарика и Ганку. Главный способ приобретения знаний заключался очень часто в прислушивании к тому, о чем говорили в гостиных более сведущие люди. Подхватывая на лету обрывки сведений, поэт «мотав соби на уса, та перероблював соби своим умом»¹³¹.

Не верил Драгоманов и в его хождение в народ, в пропаганду на Подоле, в Кириловке и под Каневом, о которой сейчас пишут в каждой биографии поэта советские историки литературы, но которая сплошь основана на домыслах. Кроме кабацких речей о Божией Матери, никаких образцов его пропаганды не знаем. Достойна развенчания и легенда о его антикрепостничестве. Дворянский человек, чье детство и молодость прошли в унижительной роли казачка в барском доме, не мог, конечно, питать теплых чувств к крепостному строю. Страдал и за родных, которых смог выкупить из неволи лишь незадолго до смерти. Но совершенно ошибочно делать из него на основании этих биографических фактов певца горя народного, сознательного борца против крепостного права. Крепостной крестьянин никогда не был ни героем его произведений, ни главным предметом мыслей. Ничего похожего на некрасовскую «Забытую деревню» или на «Размышления у парадного подъезда» невозможно у него найти. Слово «панщина» встречается чрезвычайно редко, фигуры барина-угнетателя совсем не видно и вся его деревня выглядит не крепостной. Люди там страдают не от рабства, а от несчастной любви, злобы, зависти, от общечеловеческих пороков и бедствий. Тарасу Григорьевичу суждено было дожить до освобождения

131. Драгоманов М. Шевченко, Украинафили и социализм // Громада. 1879. № 4.

дения крестьян. Начиная с 1856 года, вся Россия только и говорила, что об этом освобождении, друзья Шевченко, кирилло-мефодиевцы, ликовали; один он, бывший «крипак», не оставил нам ни в стихах, ни в прозе выражения своей радости.

Не было у него и связей с русскими революционными демократами; он попросту ни с кем из них не был знаком, если не считать петрашевца Момбелли, виденного им как-то раз на квартире у Гребенки. Да и что представляли собой революционные демократы того времени? Мечтатели, утописты, последователи Фурье и Сен-Симона, либо только что нарождавшиеся поборники общинного социализма. Найдите в литературном наследии Шевченко хоть какой-нибудь след этих идей. Даже причастность его к Кирилло-Мефодиевскому Братству, послужившая причиной ареста и ссылки, была более случайной, чем причастность Достоевского к кружку Петрашевцев.

Но если не социалист и не «революционный демократ», то гайдамак и пугачевец глубоко сидели в Шевченко. В нем было много злобы, которую поэт, казалось, не знал на кого и на что излить. Он воспитался на декабристской традиции, называл декабристов не иначе, как «святыми мучениками», но воспринял их якобинизм не в идейном, а в эмоциональном плане. Ни об их конституциях, ни о преобразовательных планах ничего, конечно, не знал; не знал и о вдохновлявшей их западноевропейской идеологии. Знал только, что это были люди, дерзнувшие восстать против власти, и этого было достаточно для его симпатий к ним. Не в трактатах Пестеля и Никиты Муравьева, а в «цареубийственных» стихах Рылеева и Бестужева увидел он свой декабризм.

*Уж как первый-то нож
На бояр, на вельмож,
А второй-то нож
На попов, на святош,
И молитву сотворя,
Третий нож на царя!*

В этом плане и воздавал он дань своим предшественникам.

*... а щоб збудить
Хиренну волю, треба миром
Громадою обух сталить,
Та добро выгострить сокиру
Та й заходиться вже будить.*

Особенно сильно звучит у него нота «на царя!».

*Царив, кровавих шинкари
У пута кутии окуй,
В склипу глибоком замуруй!*

Здесь мы вряд ли согласимся с оценкой Драгоманова, невысоко ставившего такую продукцию поэта. С литературной точки зрения, она в самом деле не заслуживает внимания, но как документ политического настроения, очень интересна.

Драгоманов судил о Шевченко с теоретических высот европейского социализма, ему нужны были не обличения «неправд» царей на манер библейских пророков, а протест против политической системы самодержавия. Шевченко не мог, конечно, подняться до этого, но духовный его «якобинизм» от этого не умаляется.

На русскую шестидесятническую интеллигенцию стихи его действовали гораздо сильнее, чем методические поучения Драгоманова. Он — образец революционера не по разуму, а по темпераменту.

* * *

Кроме «царей», однако, никаких других предметов его бунтарских устремлений не находим. Есть один-два выпада против своих украинских помещиков, но это не бунт, а что-то вроде общественно-политической элегии.

*И доси нудно, як згадаю
 Готический с часами дом;
 Село обидране кругом,
 И шапочку мужик знимае,
 Як флаг побачить. Значит пан
 У себе з причетом гуляе.
 Оцей годованый кабан,
 Оце лядащо-щирый пан
 Потомок гетмана дурного.*

При всей нелюбви Тарас Григорьевич не призывает ни резать, ни «у пута кутии» ковать этих панов, ни жечь их усадьбы, как это делали великорусские его учителя «революционные демократы». На кого же, кроме царей, направлялась его ненависть?

Для всякого, кто дал себе труд прочесть «Кобзарь», всякие сомнения отпадают: на москалей.

Напрасно Кулиш и Костомаров силились внушить русской публике, будто шевченковские «понятия и чувства не были никогда, даже в самые тяжелые минуты жизни, осквернены ни узкою грубою неприязнью к великоросской народности, ни донкихотскими мечтаниями о местной политической независимости, ни малейшей тени чего-нибудь подобного не проявилось в его поэтических произведениях»¹³². Они оспаривали совершенно очевидный факт. Нет числа неприязненным и злобным выпадам в его стихах против москалей. И невозможно истолковать это как ненависть к одной только правящей царской России. Все москали, весь русский народ ему ненавистны. Даже в чисто любовных сюжетах, где украинская девушка страдает, будучи обманута, обманщиком всегда выступает москаль.

*Кохайтеся чернобривы,
 Та не з москалями,
 Бо москали чужи люди
 Роблять лихо з вами.*

132. Основа. 1861. Т. IV. С. 53.

Жалуясь Основьяненку на свое петербургское житье («кругом чужди люди»), он вздыхает: «тяжко, батько, жити з ворогами». Это про Петербург, выкупивший его из неволи, давший образование, приобщивший к культурной среде и вызволивший его впоследствии из ссылки.

Друзья давно пытались смягчить эту его черту в глазах русского общества. Первый его биограф М. Чалый объяснял все влиянием польской швеи — юношеской любви Шевченко, но вряд ли такое объяснение можно принять. Антирусизм автора «Заповита» не от жизни и личных переживаний, а от книги, от национально-политической проповеди. Образ москаля, лихого человека, взят целиком со страниц старой казацкой письменности.

В 1858 г., возмущаясь Иваном Аксаковым, забывшим упомянуть в числе славянских народов — украинцев, он не находит других выражений, кроме как: «Мы же им такие близкие родичи: как наш батько горел, то их батько руки грел!» Даже археологические раскопки на юге России представлялись ему грабежом Украины — поисками казацких кладов.

*Могилы вже розривають,
Та грошей шукають!*

Сданный в солдаты и отправленный за Урал, Тарас Григорьевич, по словам Драгоманова, «живучи среди москалей солдатиков, таких же мужиков, таких же невольников, как сам он, — не дал нам ни одной картины доброго сердца этого «москаля», какие мы видим у других ссыльных... Москаль для него и в 1860 г. — только «протисвит», как в 1840 г. был только «чужой чоловік»¹³³.

* * *

Откуда такая русофобия? Личной судьбой Шевченко она, во всяком случае, необъяснима. Объяснение в его поэзии.

133. Драгоманов М. Шевченко, Українофіли і соціалізм // Громада. 1879. № 4.

Поэтом он был не «гениальным» и не крупным; три четверти стихов и поэм подражательны, безвкусны, провинциальны; все их значение в том, что это дань малороссийскому языку. Но и в оставшейся четверти значительная доля ценилась не любителями поэзии, а революционной интеллигенцией. П. Кулиш когда-то писал: если «само общество явилось бы на току критики с лопатой в руках, оно собрало бы небольшое, весьма небольшое количество стихов Шевченко в житницу свою; остальное бы было в его глазах не лучше сору, его же возмечает ветер от лица земли». Ни одна из его поэм не может быть взята целиком в «житницу», лишь из отдельных кусков и отрывков можно набрать скромный, но душистый букет, который имеет шансы не увянуть.

Что бы ни говорили советские литературоведы, лира Шевченко не «гражданская» в том смысле, в каком это принято у нас. Она глубоко ностальгична и безутешна в своей скорби.

*Украино, Украино!
Сирце мое, ненько!
Як згадаю твою долю
Заплаче серденько!*

Называя ее «сиромахой», «сиротиной», вопрошая «зашо тебе сплюндровано, зашо, мамо, гинешь?» — поэт имеет в виду не современную ему живую Украину, которая «сплюндрована» ничуть не больше всей остальной России. Это не оплакивание страданий закрепощенного люда, это скорбь о ее невозвратном прошлом.

*Де подилось казачество,
Червоны жупаны,
Де подилась доля-воля,
Бунчуки, гетманы?*

Вот истинная причина «недоли». Исчез золотой век Украины, ее идеальный государственный строй, уничтожена казачья сила. «А що то за люди були тии запо-

рожци! Не було й не буде таких людей!». Полжизни готов он отдать, лишь бы забыть их «незабутни» дела. Волшебные времена Палиев, Гамалиев, Сагайдачных владеют его душой и воображением. Истинная поэзия Шевченко – в этом фантастическом никогда не бывшем мире, в котором нет исторической правды, но создана правда художественная. Все его остальные стихи и поэмы, вместе взятые, не стоят тех строк, где он бредит старинными степями, Днепром, морем, бесчисленным запорожским войском, проходящим, как видение.

О будущем своего края Тарас Григорьевич почти не думал. Раз, как-то, следуя шестидесятичной моде, упомянул о Вашингтоне, которого «ждемся таки колись», но втайне никакого устройства, кроме прежнего казачьего, не хотел.

*Оживут гетманы в золотом жупани,
Прокинеться воля, казак заспива
Ни жида, ни ляха, а в степях Украины
Дай то Боже милый, блисне булава.*

Перед нами певец отошедшей казачьей эпохи, влюбленный в нее, как Дон Кихот в рыцарские времена. До самой смерти героем и предметом поклонения его был казак.

*Верзется гришному усатый
З своєю волею мени
На черном вороном кони.*

Надо ли после этого искать причин русофобии? Всякое пролитие слез над руинами Чигирина, Батурина и прочих гетманских резиденций неотделимо от ненависти к тем, кто обратил их в развалины. Любовь к казачеству оборотная сторона вражды к Москве.

Но и любовь и ненависть эти – не от жизни, не от современности. Еще Кулишем и Драгомановым установлено, что поэт очень рано, в самом начале своего творчества попал в плен к старой казачьей идеологии. По словам

Кулиша, он пострадал от той первоначальной школы, «в которой получил то, что в нем можно было назвать *faute de mieux* образованием», он долго сидел «на седалище губителей и злоязычников»¹³⁴.

По-видимому, уже в Петербурге, в конце 30-х годов нашлись люди, просветившие его по части Мазеп, Полуботков и подсунувшие ему «Историю Русов». Без влияния этого произведения трудно вообразить то прихотливое сплетение революционных и космополитических настроений с местным национализмом, которое наблюдаем в творчестве Шевченко. По словам Драгоманова, ни одна книга, кроме Библии, не производила на Тараса Григорьевича такого впечатления, как «История Русов». Он брал из нее целые картины и сюжеты. Такие произведения, как «Подкова», «Гамалия», «Тарасова Нич», «Выбир Наливайка», «Невольник», «Великий Льох», «Чернец» — целиком навеяны ею.

Прошлое Малороссии открылось ему под углом зрения «Летописи Конисского»; он воспитался на ней, воспринял ее, как откровение, объяснявшее причины невзгод и бедствий родного народа. Даже на самый чувствительный для него вопрос о крепостном праве на Украине, «летопись» давала свой ответ — она приписывала введение его москалям. Не один Шевченко, а все кирилло-мефодиевцы вынесли из нее твердое убеждение в москальском происхождении крепостничества. В «Книгах Бытия Украинского Народу» Костомаров писал: «А нимка царица Катерина, курва всесвитная, безбожница, убийница мужа своего, востанне доканала казачтво и волю, бо одибравши тих, котри були в Украини старшими, надилела их панством и землями, понадавала им вильну братию в ярмо и поробила одних панами, а других невольниками»¹³⁵. Если будущий ученый историк позволял себя такие речи, то что можно требовать от необразованного Шевченко? Москали для него стали источником всех бедствий.

134. Кулиш П. История воссоединения Руси. Т. II. С. 25.

135. Kostomarov M. Knyhy bytija ukrainskoho narodu. Paris, 1947.

*Ляхи були — усе взяли,
Кровь повыпивали,
А москали и свит Божий
В путо закували.*

По канве «Истории Русов» он рассыпается удивительными узорами, особенно на тему о Екатерине II.

Есть у Шевченко повесть «Близнецы», написанная по-русски. Она может служить автобиографическим документом, объясняющим степень воздействия на него «Истории Русов». Там рассказывается о некоем Никифоре Федоровиче Сокире — мелком украинском помещике, большом почитателе этого произведения.

«Я сам, будучи его хорошим приятелем, часто гостил у него по несколько дней и кроме летописи Конисского, не видал даже бердичевского календаря в доме. Видел только дубовый шкаф в комнате и больше ничего. Летопись же Конисского в роскошном переплете постоянно лежала на столе и всегда заставлял я ее раскрытою. Никифор Федорович несколько раз прочитывал ее, но до самого конца ни разу. Все, все мерзости, все бесчеловечья польские, шведскую войну, Биронова брата, который у стародубских матерей отнимал детей грудных и давал им щенят кормить грудью для свой псарни — и это прочитывал, но как дойдет до голштинского полковника Крыжановского, плюнет, закроет книгу и еще раз плюнет».

Переживания героя этого отрывка были, несомненно, переживаниями самого Шевченко. «История Русов» с ее собранием «мерзостей» трансформировала его мужицкую ненависть в ненависть национальную или, по крайней мере, тесно их переплела между собой. Кроме «Истории Русов», сделавшейся его настольной книгой, поэт познакомился и со средой, из которой вышло это евангелие национализма. Приехав в середине 40-х годов в Киев, он не столько вращался там в университетских кругах среди будущих членов Кирилло-Мефодиевского Братства, сколько гостил у хлебосольных помещиков Черниговщины и Полтавщины, где его имя было извест-

но и пользовалось популярностью, особенно среди дам. Некоторые из них сами пописывали в «Отечественных Записках».

Мужское общество чаще всего собиралось на почве «мочемордия», как именовалось пьянство. А. Афанасьев-Чужбинский, сам происходивший из лубенских помещиков, красочно описывает тамошние празднества в честь Бахуса. По его словам, пьянство процветало, главным образом, на почве скуки и безделья, сами же по себе помещики представляли «тесный кружок умных и благородных людей, преимущественно гуманных и пользовавшихся всеобщим расположением». В этом обществе можно было встретить и тех оставшихся в живых сподвижников и друзей В.Г. Полетики, из чьей среды вышла «История Русов». Встречи с ними происходили также при дворе генерал-губернатора кн. Репнина, с которым Шевченко познакомился через А.В. Капниста, сына поэта. О Мазепе, о Полуботке, о Петре и Екатерине, а также о присоединении Малороссии, как печальной дате в истории края, он мог послушаться здесь вдоволь. Недаром именно на эти годы близости с черниговскими и полтавскими помещиками падают самые неприязненные его высказывания о Богдане Хмельницком.

Во всей эпопее Хмельничины он видел только печальный, по его мнению, факт присоединения к Москве, но ни страданий крестьянского люда под «лядским игом», ни ожесточенной борьбы его с Польшей, ни всенародного требования воссоединения с Россией знать не хотел. Величайшая освободительная война украинского крестьянства осталась вовсе незамеченной вчерашним крепостным.

В московском периоде истории его опять печалит судьба не крестьянства, а казачества. Он плачет о разгоне Сечи, а не о введении нового крепостного права. Возмущаясь тем, что «над дитьми казацкими поганци панують», он ни разу не возмутился «пануваньем» детей казацких над его мужицкими отцами и дедами, да и над ним самим. Период после присоединения к России представля-

ется ему сплошным обдиранием Украины. «Москалики що заздрили то все очухрали».

Драгоманов не без основания полагал, что черниговские и полтавские знакомства оказали на Шевченко гораздо более сильное влияние, чем разговоры с Гулаком, Костомаровым и Кулишем. Патриотизм его сложился, главным образом, в левобережных усадьбах «потомков гетмана дурного», где его носили на руках, где он был объявлен надеждой Украины, национальным поэтом, где нашлась даже почитательница, готовая на собственный счет отправить его на три года в Италию.

«Национальным поэтом» объявлен он не потому, что писал по-малороссийски и не потому, что выражал глубины народного духа. Этого как раз и не видим. Многие до и после Шевченко писали по-украински, часто лучше его, но только он признан «пророком». Причина: он первый воскресил казачью ненависть к Москве и первый воспел казачьи времена, как национальные. Костомарову не удастся убедить нас, будто «Шевченко сказал то, что каждый народный человек сказал бы, если б его народное чувство могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на дне его души»¹³⁶. Поэзия его интеллигентская, городская и направленческая. Белинский, сразу же по выходе в свет «Кобзаря», отметил фальшь его народности:

«Если господа Кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотчичей, то в этом они очень ошибаются; их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурами и замашками, свойственными всем плохим пиитам, часто несколько не народны, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, следовательно, по всем этим признакам — они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего».

Лет через сорок то же самое повторил Драгоманов, полагавший, что «Кобзарь» «не может стать книгою

136. Воспоминания о двух малярах // Основа. 1861. Т. IV. С. 53.

ни вполне народной, ни такой, которая бы вполне служила проповеди «новой правды» среди народа».

Тот же Драгоманов свидетельствует о полном провале попыток довести Шевченко до народных низов. Все опыты чтения его стихов мужикам кончались неудачей. Мужики оставались холодны¹³⁷.

Подобно тому, как казачество, захватившее Украину, не было народным явлением, так и всякая попытка его воскрешения, будь то политика или поэзия, — не народна в такой же степени.

Несмотря на все пропагандные усилия самостийнической клики, вкупе с советской властью, Шевченко был и останется не национальным украинским поэтом, а поэтом националистического движения.

Первые организации

Слово «организация» плохо вяжется с маленьким кружком, известным под именем «Кирилло-Мефодиевского Братства», возникшим в Киеве при университете Св. Владимира, в 1846-1847 г. Он не успел ни организовать, ни начать действовать, как был ликвидирован полицией, усмотревшей в нем революционное общество, вроде декабристского. Идеи насильственного ниспровержения государственного строя у его членов не было, но успели выработаться кое-какие взгляды на будущее устройство России и всех славянских стран. Это устройство представлялось на манер древних вечевых княжеств — Новгорода и Пскова. В бумагах Н.И. Костомарова, самого восторженного из членов братства, сохранилась запись: «Славянские народы воспрянут от дремоты своей, соединятся, соберутся со всех концов земель своих в Киев, столицу славянского племени, и представители всех племен, воскресших из настоящего унижения, освободятся от чужих цепей, воссядут на горах (киевских) и загремит вечевой колокол у Св. Софии, суд, правда и равенство во-

137. Громада. 1879. № 4.

царятся. Вот судьба нашего племени, его будущая история, связанная тесно с Киевом»¹³⁸.

«Матери городов русских» предстояла роль матери всех славянских городов.

Нетрудно в этом отрывке уловить все тот же мотив «Соединенных славян», звучащий в названиях одного из декабристских обществ и киевской масонской ложи. При этом не обязательно предполагать, как это часто делают, идейную преемственность между декабристами и кирилло-мефодиевцами. Гораздо вернее допустить, что те и другие имели общего учителя панславизма в лице поляков. Недаром «Книги бытия украинского народа», написанные Костомаровым, как некое подобие «платформы» братства, хранят на себе ясный след влияния «Книг польского народа и польского пилигримства» Мицкевича. Кроме того, во время их написания, в 1846 г., Костомаров часто встречался с поляком Зеновичем — бывшим профессором Кременецкого лицея, расадника польского национализма. Зенович был ревностным поборником идеи всеславянского государства.

Главные принципы Кирилло-Мефодиевского кружка давно выяснены и сформулированы. А.Н. Пыпин дает краткую их сводку в таком виде: освобождение славянских народностей из-под власти иноплеменников, организация их в самобытные политические общества федеративно связанные между собою, уничтожение всех видов рабства, упразднение сословных привилегий и преимуществ, религиозная свобода мысли, печати, слова и научных изысканий, преподавание всех славянских наречий и литератур в учебных заведениях¹³⁹. К этому надо прибавить, что такая всеславянская федерация мыслилась не монархической, а республиканской, демократической. Про царя говорили, что он «хоть який буде розумний, а як стане самодержавно панувати, то одуриє». Всеми общими делами должен заведовать «общий сла-

138. Сб. памяти Тараса Шевченко, Київ, 1915. Аналогичные высказывания можно найти в незаконченном романе Костомарова «Паныч Натальч». См.: Georges Luciani. Le livre de la genese du peuple ukrainien. Paris, 1956. P. 46.

139. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. С. 156-157.

вянский собор из представителей всех славянских племен».

Малороссия мыслилась в числе независимых славянских стран, «как равная с равными» и даже чем-то вроде лидера федерации.

Независимая украинская государственность основывалась, таким образом, на европейском демократическом мировоззрении. На этом же строилась «внутренняя» политика, в частности, преподавание в школах на простонародном разговорном языке. Оправдывалась эта мера соображениями культурного прогресса. Главной целью был не язык сам по себе, а мужицкая грамотность. Поднять образовательный уровень простого народа считали возможным только путем преподавания на том наречии, на котором народ говорит.

Идея эта — западного происхождения; там она горячо обсуждалась и породила обширную литературу. Отголоском ее в России были учебники на тульском наречии, которые писал впоследствии Л.Н. Толстой, для своей яснополянской школы. То же собиралось делать вятское земство. Члены братства не связывали с этим намерения отделиться от общерусского литературного языка; напротив, преподавание на своем наречии способствовало бы, по их мнению, скорейшему приобщению малорусса к литературному языку и к сокровищам общерусской культуры.

В 1847 г., по доносу одного студента, подслушавшего разговоры братчиков, они были арестованы и разосланы по более или менее отдаленным местам. Только к концу 50-х годов выходят из ссылки и съезжаются в Петербург. Общества своего не возобновляют, но образ их мыслей, по-прежнему, — «прогрессивный». Это и дало основание Каткову не делать различия между украинофильством и всеми другими «бродячими» элементами русского общества.

Если не считать довольно бледных Гулака и Белозерского, то самыми видными фигурами Кирилло-Мефодиевского Братства были Шевченко, Кулиш и Ко-

стомаров. Шевченко «видным» был, больше, как поэт, чем как член братства, с которым был очень слабо связан. Вдохновителем, «теоретиком» и душой всей группы был Н.И. Костомаров — молодой в то время профессор истории киевского университета.

Из «Автобиографии» его можно заключить, что любовь к малороссийскому народу явилась у него, в значительной степени, случайно и объяснялась тем, что никакого другого поблизости не было. До 18 лет будущий украинский патриот не знал даже малороссийского языка. По крови он был полувеликорусс-полумалорусс. Отец его, воронежский помещик, был русским, но мать — украинка и происходила из крепостных. Костомаров сам рассказывает, как отец его, будучи уже пожилым человеком, облюбовал себе из числа своей дворни жену, бывшую в то время маленькой девочкой, отправил ее в Петербург учиться, поместил в институт для благородных девиц и когда она по окончании его вернулась образованной, воспитанной барышней — женился на ней. Будущий историк, таким образом, родился и вырос в семье совершенно русской по духу и по культуре. Малороссийские симпатии появились у него в Харькове, по окончании университета, в 1836–1837 г. и внушены были, главным образом, И.И. Срезневским тоже великоруссом, увлекшимся собиранием украинской народной поэзии и выпустившим в 30-х годах свои знаменитые «Запорожские Древности». «Мною овладела какая-то страсть ко всему малороссийскому, — признавался Костомаров. — Я вздумал писать по-малорусски, но как писать? Нужно учиться у народа, сблизиться с ним. И вот я стал заговаривать с хохлами, ходил на вечерницы и стал собирать песни». Однажды на такой вечернице хлопцы чуть не побили молодого народолюбца, приревновав его к девицам.

Ко времени своего хождения в народ, Костомаров был уже демократом и поборником прав крестьянства. Демократические страсти наложили печать и на его занятия историей, которую он полюбил больше всех других наук. Он рано задался вопросом: «отчего это во всех историях

толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик земледелец, труженик, как будто не существует для истории».

«Скоро я пришел к убеждению, что историю нужно изучать не только по мертвым летописям и запискам, а и в живом народе. Не может быть, чтобы века прошедшей жизни не отпечатывались в жизни и воспоминаниях потомков; нужно только приняться, поискать и верно найдется многое, что до сих пор упущено наукой. Но с чего начать? Конечно, с изучения своего русского народа, а так как я жил тогда в Малороссии, то и начать с малорусской ветви. Эта мысль обратила меня к чтению народных памятников. Первый раз в жизни добыл я малорусские песни издания Максимовича 1827 г., великорусские песни Сахарова и принялся читать их. Меня поразила и увлекла неподдельная прелесть малорусской народной поэзии, я никак и не подозревал, чтобы такое изящество, такая глубина и свежесть чувства были в произведениях народа столь близкого ко мне и о котором я, как увидел, ничего не знал»¹⁴⁰. Костомаров признается, что была еще одна причина любви его к малороссийскому народу — старинное его общественное устройство, совпадавшее с демократически-республиканскими идеалами историка. Казачество с его «радами» — общими сходками, на которых решались важнейшие вопросы, с его выборным начальством, со своим судоустройством, с полным отсутствием какой бы то ни было аристократии или автократии, представлялось той республикой, к которой так лежало сердце будущего кирилло-мефодиевца. Мы уже приводили в одной из первых глав цитату из его «Книги бытия украинского народу» восхвалявшую казаков за их порядки и обычаи. Распространение их на всю Украину представлялось ему величайшим прогрессом и благодеянием для народа. «Незабаром були б на Вкраине уси казаки, уси вильни и ривни, и не мала б Украина над собою ни царя, ни пана, оприч Бога единого, и дивлячись на

140. Автобиография // Литературное наследие. СПб., 1890. С. 28.

Украину так бы зробилося и в Польши, а там и в других славянских краях»¹⁴¹. «Республиканское» казачье устройство в большей мере, чем народные песни привязало Костомарова к Украине. Сильного соперника имела она только в лице Господина Великого Новгорода. Перед этой древнерусской республикой Костомаров благоговел настолько, что когда его, после следствия по делу кирилло-мефодиевцев, отправляли из Петербурга в ссылку, он, проезжая мимо Новгорода и завидев издали купола св. Софии, встал в коляске, снял шляпу и разразился такими шумными приветствиями древней колыбели народоправства, что сидевший с ним рядом жандарм пригрозил вернуть его снова в Третье Отделение, если он не сядет и не перестанет витийствовать¹⁴². Севернорусским народоправствам, во главе которых стоял Новгород, посвящена была впоследствии одна из лучших его монографий.

Костомаров разрывался в своей любви между Новгородом и Украиной, и трудно сказать, кого из них любил больше. В сочинениях его ясно проступает тенденция сблизить между собою обе эти симпатичные ему земли и найти между ними национальное сходство. «В натуре южнорусской — по его словам — не было ничего насильствующего, нивелирующего, не было политики, не было холодной рассчитанности, твердости на пути к предназначенной цели. То же самое является на отдаленном севере в Новгороде». Найдя в словаре Даля несколько слов записанных в Новгородской Губернии и бытовавших также на Украине, он заключил об общей языковой основе у ильменских и днепровских славян. Прибавив к этому несколько других наблюдений, построил теорию, по которой «между древними ильменскими славянами и южноруссами было гораздо большее сходство, чем между южно-руссами и другими славянскими племенами русского материка». По его мнению, «часть южно-русского племени, оторванная силою неизвестных нам теперь

141. Книги бытия украинского народу.

142. Пыпин А. Некролог Костомарова // Вестник Европы. 1885. Май.

обстоятельств, удалилась на север и там водворилась со своим наречием и с зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родине»¹⁴³. Этот опыт удачного присоединения Новгорода к Украине, а вслед за Новгородом — Пскова и Вятки, как филиалов древней республики, лучше всяких рассуждений уясняет нам стимулы политической мысли и деятельности Костомарова.

Причиной, по которой его республиканско-демократические мечтания вылились в украинофильские формы, были все те же легенды и летописи казачества, «открывшие глаза» историку на запорожский республиканизм, на старинную тягу украинцев к свободе и независимости, и на душителя этой свободы — московского царя, того самого, что некогда уничтожил «Ричь Посполиту Новгородску вильну и ривну». «Побачила Украина що попалась у неволю, бо вона по своей простоте не пизнала, що такое було царь московский, а царь московский усе ривно було, що идол и мучитель»¹⁴⁴.

Еще раз надо вспомнить и юный возраст кирилло-мефодиевцев, и романтизм, породивший повальное увлечение этнографией, филологией, историей, — вспомнить полную неизученность украинской истории, чтобы понять, почему даже такие люди, как Костомаров, составившие себе впоследствии ученое имя, попали в плен к фальсифицированной истории. Человек пылкий, увлекающийся, он всей душой принялся служить тому евангелию, в которое уверовал. Здесь мы не собираемся давать очерка его трудов, отметим лишь, что в них можно найти все основные положения «Истории Русов», начиная с тезиса об Украине, как издревле обособленной стране. Он пишет статью «О двух русских народностях», усматривая национальную разницу между ними с незапамятных времен. Он считает, что русское имя принадлежало первоначально югу, Киевщине, и только потом пе-

143. Две русския народности. Исторические монографии и исследования. СПб., 1863. Т. I. С. 229.

144. Книги бытия.

ренесено на северо-восточные области, представлявшие собой, как бы колонии Киева. Украина представляется рассадником «федеративного начала», которое она несомненно распространила бы на всю древнюю Русь, если бы не монгольское нашествие. Национальный дуализм Литовско-Русского государства и последующая инкорпорация его в состав короны польской рассматриваются, как природное влечение украинцев к федеративным формам государственного устройства. Таким же влечением отмечена и политика гетманского периода, «когда казаки, освободившись от господства панов, думали сохранить свою самостоятельность, вступивши в союз с какой-нибудь из соседних стран, то с Польшей, с которой так недавно резались, то с Турцией, полагаясь на ее обещание хранить неприкосновенность их веры и народности, несмотря на то, что судьба христианских народов, находившихся уже под турецкой властью, должна была заставлять их ожидать себе иной участи, — то с Московским Государством, с которым сознательно связывались узами единоверия и с которым действительно соединились только на началах полного подчинения»¹⁴⁵. Демократические идеи Костомарова-федералиста нашли здесь удачное сочетание с известной нам тезой «Истории Русов» о том, что малороссы никогда никем не завоевывались, но всегда соединялись с другими народами по своей воле, «как равные с равными».

Не менее удачное сочетание наблюдается и в вопросе о народоправстве. По «Истории Русов», на Украине, от самой древности, «князья или верховные начальники избираемы были от народа в одной особе, но на всю династию, и потомство выбранного владело по наследию». Костомаров подхватил этот мотив, связав его с деятельностью веча, как органа верховной народной власти, и с выборностью должностных лиц у казаков. Казачья рада представилась ему продолжением традиций древнего веча, прообраза исконных демократических порядков.

145. По поводу книги М.О. Карловича // Вестник Европы. 1885. Т. II (апр.).

Все эти ранние статьи Костомарова написаны без достаточного знакомства с предметом и совершенно не аргументированы. Порой кажется, что их писал не историк. Первое глубокое погружение его в исторические источники произошло в 50-х годах, когда он начал работать над историей Богдана Хмельницкого. Знакомство с документальным материалом не могло не обратить его внимания на легендарный характер соответствующих страниц «Истории Русов», но это еще не послужило стимулом к критике тенденциозного памятника. Во множестве последующих работ он продолжал рассматривать присоединение Малороссии к Москве, как печальный факт, а пятидесятилетний период гетманщины — самым светлым временем. В этом смысле, он долго оставался верен своему кирилло-мефодиевскому манифесту — «Книгам Бытия Украинского Народу». А там про эту эпоху измен и междоусобий сказано: «и есть то найсвятйша и найславнийша война за свободу». Даже в «Руине», где приводимый им яркий материал говорит сам за себя и рисует гетманский период, как черную страницу в истории края, — Костомаров ретуширует картину в духе «Истории Русов». Он медленно освобождался от духовного плена этого произведения. Окончательно освободился только под конец жизни. Демократом и народолюбом остался навсегда, но занятия малороссийской историей произвели в его украинско-националистических воззрениях целый переворот. Хищные крепостнические устремления казачества открылись ему в полной мере, и мы уже не слышим под конец жизни историка восторженных гимнов запорожскому лыцарству. Ясна стала несправедливость и нападок на Екатерину II, как главную виновницу закрепощения украинского крестьянства. Под конец Костомаров вынужден был назвать «Историю Русов» «вредным» произведением. Вытаскивая из своего ученого мышления одну за другой занозы вонзившиеся туда в молодости, Костомаров незаметно для себя ощипал все свое национально-украинское оперение. Оставшись украинцем до самой смерти он, тем не менее, подверг очень

многое строгой ревизии. Даже царь московский перестает быть «идолом и мучителем». В 1882 г., в статье «Задачи Украинафильства»¹⁴⁶, он упоминает о царе в совсем ином тоне: «Малорусс верен своему царю, всей душой предан государству; его патриотическое чувство отзывчиво и радостью, и скорбью к славе и к потерям русской державы ни на волос не менее великорусса, но в своей домашней жизни, в своем селе или хуторе, он свято хранит заветы предковской жизни, все ее обычаи и приемы, и всякое посягательство на эту домашнюю святыню будет для него тяжелым незаслуженным оскорблением». Здесь историк как бы возвращается к юношескому, к харьковскому периоду своей жизни, и, отбросив все политическое, что было привнесено «Историей Русов», оставляет одни романтические элементы любви к малороссийскому народу. Под старость, он перестает приписывать малороссам не существовавшую у них враждебность к единому российскому государству, перестает возбуждать и натравливать их на него. Политический национализм представляется ему отныне делом антинародным, разрушающим и коверкающим духовный облик народа. Таковы, например, его высказывания против упорного стремления некоторых кругов искусственно создать новый литературный язык на Украине.

* * *

Сходную с Костомаровым эволюцию совершил Пантелеймон Александрович Кулиш. Правда, взгляды его излагать очень трудно по причине непостоянства. Он часто и круто менял свои точки зрения на украинский вопрос. Зато в государственно-политических воззрениях оставался более или менее тверд: подобно прочим кирилло-мефодиевцам, никогда не отрекался от республиканско-федералистических убеждений.

Так же, как Костомаров, он начал с этнографии, с увлечения народной поэзией и первоначально его украинство мало чем отличалось от украинства Метлинского

146. Вестник Европы. 1882. Т. 1 (февр.).

или Максимовича. Недаром Максимович оказывал ему всяческую поддержку и покровительство. Годом к 20-ти Кулиш начал печататься у него в «Киевлянине»; писал по-русски исторические романы из украинской жизни.

Кирилло-мефодиевская идеология отразилась впервые в его «Повести об украинском народе», напечатанной в 1846 г. Это «вольный» очерк истории Украины с ясно проступающей мыслью, что она могла бы быть в прошлом самостоятельной, если бы не измена малороссийского дворянства и не московское владычество. С симпатией говорится в этом сочинении о казачестве как лучшей части малороссийского народа.

Видно, что не одни поэмы Рыльева или поддельные кобзарские «думы», а и летопись Грабянки, и «История о презельной брани», и «История Русов» в то время известны были ему. Лет через 10 — он уже законченный националист казачьего толка. Двухтомные «Записки о южной Руси», вышедшие в 1856-1857 г., — памятник этого второго периода его писательства. Казакам в нем воскурятся фимиам, как вождям южно-русского народа.

Это они привили ему чувство собственного достоинства и раскрыли глаза на нелепые притязания и спесь польской шляхты. Случилось это потому, что «нося оружие и служа отечеству наравне со шляхтою, казаки создавали себе тем же путем, что и она, понятие о своем благородстве и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой или польской шляхты». Будучи «двигателями народных восстаний», они передали эти чувства народу. Хмельничина представлялась в то время Кулишу не борьбой крестьянства с помещиками, а «едва ли не единственным примером войны из-за оскорбленного чувства человеческого достоинства».

Превращение Кулиша из романтического Савла в апостола казачьего евангелия ярче всего проявилось в разнице оценок повестей Гоголя. Первоначально, они вызывали у него шумное восхищение.

«Надобно быть жителем Малороссии, или лучше сказать, малороссийских захолустий, лет тридцать назад,

чтобы постигнуть до какой степени общий тон этих картин верен действительности. Читая эти предисловия, не только чувствуешь знакомый склад речей, слышишь родную интонацию разговоров, но видишь лица собеседников и обоняешь налитанную запахом пирогов со сметаной или благоуханием сотов атмосферу, в которой жили эти прототипы гоголевской фантазии»¹⁴⁷.

Но уже в 1861 г., в «Основе», можно прочесть: «Мы все те, кто в настоящее время имеет драгоценное право называться украинцем, объявляем всем, кому о том ведать надлежит, что разобранные и упомянутые мною типы гоголевых повестей — не наши народные типы, что хотя в них кое-что и взято с природы и угадано великим талантом, но в главнейших своих чертах они чувствуют, судят и действуют не по-украински, и что поэтому при всем уважении нашем к таланту Гоголя, мы признать их земляками не можем»¹⁴⁸.

К этому же времени относятся антирусские выпады в духе «Истории Русов», обвинение имперского правительства во введении «неслыханного в Малороссии закрепощения свободных поселян», в бесчисленных притеснениях простого народа, в грабеже земель, во «введении в малороссийский трибунал великорусских членов», следствием чего явились «сцены насилий и ужасов, от которых становится волос дыбом у историка».

По словам Костомарова, в 60-х годах Кулиша «считали фанатиком Малороссии, поклонником казаччины; имя его неотцепно прилипало к так называемому украинофильству». После этого происходит метаморфоза. Лет на десять он умолкает, сходит со страниц печати и только в 1874 г. снова появляется. В этом году вышла первая книга его трехтомного сочинения «История воссоединения Руси». Продолжительное молчание объяснялось занятиями по истории Малороссии. Кулиш подверг рассмотрению важнейшее событие в ее судьбе — восстание

147. Записки о жизни Гоголя. 1856. С. 6.

148. Основа. 1861. Обзор литературы.

Хмельницкого и присоединение к Москве. Он поднял гору материала, перебрал и передумал прошлое своего края и, по словам того же Костомарова, «совершенно изменил свои воззрения на все малорусское, и на прошедшее, и на современное». Широкое знакомство с источниками, критическое отношение к фальсификациям, представили ему казачество в неожиданном свете. Рыцарские доспехи, демократические тоги были совлечены с этого разбойного антигосударственного сборища. Друзья, в том числе и Костомаров, были недовольны таким слишком открытым сокрушением кумиров, которым служили всю свою жизнь, но серьезных возражений против приведенных Кулишем данных — не сделали. Развенчав казачество, он по иному оценил и поэзию своего друга Шевченко.

В украинофильских домах портреты Кулиша и Шевченко всегда висели вместе, как двух апостолов «национального возрождения». Теперь один из них называет музу своего покойного друга — «полупьяною и распущенною». Тень поэта, по его словам, «должна скорбеть на берегах Ахерона о былом умоисступлении своем». Под умоисступлением разумелась национальная ненависть, главным образом русофобия, разлитая в стихах Шевченко. Тут и поношение имен Петра, Екатерины и все выпады против москалей. Только освободившись сам от обольщений казачьей лжи и фальши, Кулиш понял, как портит эта ложь поэзию «кобзаря», которого он сравнивал некогда с Шекспиром и Вальтер Скоттом. По его словам, отвержение многого, что написано Шевченко в его худшее время, было бы со стороны общества «актом милосердия к тени поэта».

Появился стихотворный отпор ему по поводу славы Украины. Творец «Заповита» считал ее казацкой славой, которая никогда не «поляже». Кулиш уверял, что она «поляже», что казаки не украшение, а позор украинской истории.

*Не герои правды и воли
В камыши ховались
Та з татаринoм дружили,
З турчином еднались.*

...

*Павлюкивци й Хмельничане,
Хижаки – п'яници,
Дерли шкуру з України
Як жиды з телици,
А зидравши шкуру, мясом
З турчином делились,
Поки вси поля кистками
Билими покрылись.*

Осудил Кулиш и свою прежнюю литературную деятельность. Про «Повесть об украинском народе», где впервые ярко проявились его националистические взгляды, он выразился сурово, назвав ее «компиляцией тех шкодливых для нашего разума выдумок, которые наши летописцы выдумывали про ляхов, да тех, что наши кобзари сочиняли про жидов, для возбуждения или для забавы казакам п'яницам, да тех, которые разобраны по апокрифам старинных будто бы сказаний и по подделанным еще при наших прадедах историческим документам. Это было одно из тех утопических и фантастических сочинений без критики, из каких сшита у нас вся история борьбы Польши с Москвою»¹⁴⁹. Надобно знать благоговение, с которым Кулиш в ранние свои годы произносил слова «кобзарь» и «думы», чтобы понять глубину происшедшего в нем переворота.

Вызван он не одними собственными его изысканиями, но и появлением трудов, вроде «Критического обзора разработки главных русских источников до истории Малороссии относящихся» проф. Г. Карпова. Сами украинофилы немало сделали для разоблачения подделок. Стало известно, например, что «Дума о дарах Батория», «Дума о чигиринской победе, одержанной Наливайкой

149. Кулиш П. Крашанка.

над Жолкевским», «Песня о сожжении Могилева», «Песня о Лободе», «Песня о Чурае» и многие другие – подделаны в XVIII и в XIX вв. По заключению Костомарова, специально занимавшегося этим вопросом, нет ни одной малороссийской «думы» или песни, относящейся к борьбе казаков с Польшей, до Богдана Хмельницкого, в подлинности которой можно быть уверенным¹⁵⁰.

Замечено, что украинские подделки порождены не любовью к поэзии и не страстью к стилизации. Это не то, что «Оссиан» Макферсона или «Песни западных славян» Мериме. Они преследуют политические цели. Сфабрикованы они теми же кругами, которые фабриковали фальшивые документы из истории казачества, сочиняли исторические легенды, включали их в летописи казацкие и создали «Историю Русов». Весьма возможно, что некоторые песни были подделаны в оправдание и подкрепление соответствующих страниц «Истории Русов».

Узнав все это, Кулиш начал с таким же пылом ополчаться на прежних своих идолов, с каким некогда служил им. Недостаток образования, недостаток научных знаний в области отечественной истории стал в его глазах величайшим пороком и преступлением, которого он не прощал националистически настроенной интеллигенции своего времени. Тон его высказываний об этой интеллигенции становится язвительным и раздраженным. Попав в начале 80-х годов в Галицию, он приходит в ужас от тамошних украинофилов, увидев тот же ложный патриотизм, основанный на псевдонауке, на фальсифицированной истории, еще в большей степени, чем в самой Украине. Деятели галицийского национального движения потрясли его своим духовным и интеллектуальным обликом. В книге «Крашанка», выпущенной в 1882 г. во Львове, он откровенно пишет об этих людях, не способных «подняться до самоосуждения, будучи народом систематически подавленным убожеством, народом последним в цивилизации между славянскими народа-

150. Костомаров Н.И. Историческая поэзия // Вестник Европы 1874. Т. VI (дек.).

ми». Он обращается к местной польской интеллигенции с призывом «спасать темных людей от легковерия и псевдо-просвещенных от гайдамацкой философии».

Окончательно порвать с украинизмом, которому они посвятили всю жизнь, ни Кулиш, ни Костомаров не нашли в себе сил, но во всей их поздней деятельности чувствуется стремление исправить грехи молодости, направить поднятое ими движение в русло пристойности и благоразумия.

* * *

До 1861 г., когда в Петербурге начал выходить журнал «Основа», никакой групповой деятельности украинофилов не наблюдается. Но и «Основа» просуществовала лишь до 1862 года. По словам И. Франко, она закрылась «не от злоключений, а от истощения сил»¹⁵¹. Хотя она посвящена была украинской теме, печаталась не только по-русски, но и по-украински, тем не менее, политики там не было.

В литературе часто можно встретить утверждения, будто журнал этот дал толчок к возникновению националистического кружка в Киеве, под именем «Громада». Какое-то оживление украинской мысли он мог вызвать, но у «Громады» были, по-видимому, другие вдохновители в лице неизменных польских патриотов. Недаром она появилась накануне польского восстания и вместе с его подавлением замерла до 1868 года. Этот ранний период «Громады» очень темен. К концу же 60-х годов она выглядела собранием университетской молодежи, увлеченной этнографией, статистикой, археологией и всяческим изучением своего края. В 1873-1874 г. ей удается открыть в Киеве «Юго-Западный Отдел Русского Географического Общества», в котором и сосредоточилась ее деятельность.

Но под академической внешностью таился все тот же дух европейских либерально-демократических мечтаний и вкусов.

151. Словарь Брокгауза-Эфрона. Т. 41. С. 314.

Надо, впрочем, сказать, что дух этот сидел непрочно и не глубоко в большинстве, если не во всех членах «Громады». Только один был вполне и до конца им захвачен, по каковой причине и приобрел руководящее положение в кружке. Это был молодой профессор древней истории в киевском университете, Михаил Петрович Драгоманов. Не исключена возможность, что он приходился родственником тому декабристу Драгоманову, что упоминается в числе членов «Общества Соединенных Славян». Семейные ли предания или влияния среды были тому причиной, но тяготение к политике и к революционно-социалистическим идеалам появилось у него чуть не на школьной скамье. К концу 60-х годов он был уже человеком не только овладевшим европейской литературой в этой области, но и успевшим выработать свои собственные убеждения. Они до того своеобразны, что многие до сих пор не знают, к какому из существовавших в XIX веке социалистических направлений следует его относить. Отсутствие направленчества, столь выгодно отличавшее его от всех русских революционеров того времени, как раз и было его первой характерной чертой. Нелюбовь к догмам, к застывшим схемам, трезвость в оценках и суждениях, врожденная неприязнь к утопиям и политическим фантазиям, все это в соединении с глубокими знаниями, широким теоретическим горизонтом делало фигуру Драгоманова редким явлением среди российской интеллигенции. П.Б. Струве называл его «подлинно научным социалистом». Будучи убежденным противником абсолютизма, он не только не одобрял цареубийств и прочих видов революционного террора, но и насильственного ниспровержения самодержавия путем восстания никогда не проповедовал. Социалистическое преобразование мира связывалось у него не с кровавой революцией, а с рядом постепенных реформ. Национальный вопрос, точно так же, имел не доминирующее, а подчиненное значение. Оставаясь всю жизнь патриотом родного края, он ничего не ставил выше социализма, космополитизма и всего того, что по его сло-

вам не разъединяет, а связывает людей. Он и землякам своим предлагал называться «европейцами украинской нации». Национальный украинский вопрос мыслился им как вопрос либерально-социалистического переустройства общества. Прежде всего, он был средством вовлечения в политическую жизнь широких слоев населения. Национальные движения представлялись Драгоманову движениями массовыми, в которых принимают участие трудящиеся классы населения, «хранители духовного типа каждой национальности». «Рабочее сословие уже вошло в сферу международной жизни... выступление на политическую сцену просвещенного крестьянства только усилит движение, начатое рабочим классом».

Раз сдвинутая с мертвой точки посредством «национального пробуждения» народная толща неминуемо должна будет подойти к разрешению социальных проблем и к преобразованию государственно-политического строя. «Космополитизм в идеях и целях, национальность в основе и форме культурной работы» — так выразил Драгоманов свою украинскую «платформу»¹⁵². Сущим обскурантизмом и кустарщиной, с его точки зрения, было бы выведение общественно-политических и государственных форм «з почуття національного, з душі етнографічної». Подобно тому, как космография Коперника и Ньютона не могла вырасти из национального чувства, так и в области социально-политических идей все значительное могло возникнуть и возникло не на узко-национальной, а на широкой международной основе. Ничем не ограниченное народное волеизъявление, свобода и неприкосновенность личности, свобода совести, слова, печати, собраний, которые он хотел видеть у себя на родине, — столь же украинские, сколь и французские, английские, американские. Против сепаратизма, как такового, он ничего не имел. В принципе, признавал право на свободное государственное существование не только за каждой нацией или племенем, но «за каждым селом». Понимая столь широко начало самоопределе-

152. Опыт украинской политико-социальной программы. Женева, 1884.

ния, он, в то же время, требовал не меньшей широты ума в его применении. Он был упорным противником бессмысленного, никакими реальными потребностями не вызванного отделения одного народа от другого. Прогрессивное значение исторически сложившихся великих европейских государств было ему ясно в полной мере; раздробление их он считал великим политическим и культурным бедствием. В существовании таких государств заинтересованы, по его мнению, все населяющие их народы; надо только, чтобы ни один народ не чувствовал себя там чужим, и чтобы все имели полную возможность ничем не стесненного национального развития.

Такая постановка вопроса предполагала не столько отделение того или иного народа от общего государства, сколько преобразование его на началах приемлемых для каждого живущего в нем племени. Разрешение национальной проблемы мыслилось в плоскости общественно-политической. Для Украины в особенности. Драгоманов отрицал наличие в ней сепаратизма или каких бы то ни было тенденций к отделению от России. Вся масса народа об этом не помышляет, если же какая-то кучка и питает подобное намерение, то это до того ничтожное меньшинство, что его и во внимание принимать не приходится¹⁵³. То же самое он внушал позднее галицийским украинофилам. Да если бы сепаратизм и существовал, это нисколько не изменило бы его отношения к вопросу об отделении. «Отделение украинского населения от других областей России в особое государство (политический сепаратизм), — есть вещь не только во всяком случае очень трудная, если не невозможная, но при известных условиях вовсе ненужная для каких бы то ни было интересов украинского народа». Он указывает на тысячу нитей, духовно и материально связывающих Украину с Россией, порывать которые без особой нужды было бы безумием и величайшим ущербом для народа. Своих национальных свобод Украина может полнее и успешнее добиться

153. См.: Драгоманов М. Некролог М.А. Максимовича // Вестник Европы. 1874. Март.

не на путях сепаратизма, а в недрах Российского Государства и эти свободы суть те же самые, за которые борется революционная русская интеллигенция. Российская Империя представлялась Драгоманову обветшалым зданием, неспособным существовать далее в прежнем виде. Ее централизация, при необъятной территории, превращается в тормоз для культурного, экономического и всякого иного развития народа. Таким же тормозом представлялось ему неограниченное самодержавие, противодействовавшее росту народного самоуправления. Не победив этих двух препятствий, Украина не может мечтать ни о каких национальных задачах, а победить их можно только вкуче со всеми российскими народами и, прежде всего, с великоруссами. Драгоманов поэтому от своего имени и от имени своих последователей заявлял: «Люди, посвятившие себя освобождению украинского народа, будут самыми горячими сторонниками преобразования всей России на началах наиболее благоприятных для свободы развития всех ее народов»¹⁵⁴.

«Политическая свобода есть замена национальной независимости». Достаточно добиться в полной мере прав человека и гражданина, чтобы тем самым оказалась приобретенной и большая часть прав национальных, а если к этому прибавить широкое самоуправление общинное, уездное и губернское, то никакого другого ограждения неприкосновенности местных обычаев, языка, школьного обучения и всей национальной культуры искать не приходится. Децентрализация управления Российской Империей – вот то, над чем упорно работает мысль Драгоманова. В своем «Опыте украинской политико-социальной программы» он делит всю Россию на 20 областей по принципу экономическому, географическому и социальному. Малороссийская народность, по этой схеме, оказывается разделенной между областями Полесской, Киевской, Одесской, Харьковской. Области делятся на уезды и волости представляющие собой самоуправляющиеся общины. Все хозяйственные, культур-

154. Опыт Украинской полит.-соц. программы. С. 31-32.

ные и бытовые дела решаются самим народом; к компетенции общероссийского правительства относятся лишь дела общие всем областям. При таком строе украинцам никто абсолютно не мешает создавать собственную литературу, театр и музыку, ни сохранять старинные обычаи, ни устраиваться экономически с наибольшей для себя выгодой.

* * *

Значение Драгоманова не в том, что он был социалист, а в том, что среди социалистов являл редкий пример трезвого, уравновешенного и широко образованного человека. При его направляющей роли украинское движение имело шанс приобрести характер разумного и привлекательного движения. Сделавшись вождем, он имел возможность сдерживать гайдамацкие проявления украинизма в стиле Шевченко и давать ему культурное направление. Авторитет его среди громадян был бесспорный и его воззрения безмолвно принимались всей группой. Но эта безмолвность означала не столько единомыслие, сколько отсутствие политической мысли. То были хорошие этнографы и статистики, вроде Чубинского и Рудченко, хорошие филологи и литературоведы, вроде Житецкого, Михальчука, Антоновича; они наполнили «Записки» киевского отдела Русского Географического Общества ценными трудами, но в политическом отношении были людьми малоразвитыми. Драгомановский социализм принимали потому, что ничего ни изобрести, ни противопоставить ему не могли.

Но было очевидно, что такой политический облик кружка мог удерживаться до тех пор пока сам «мэтр» оставался во главе его. Стоило ему в 1877 г. уехать за границу, как этнографы, филологи, любители народных песен остались без политического компаса.

Отъезд Драгоманова, в какой-то степени, — знаменательное событие, веха, означающая новый этап в истории украинизма. Но событие это получило превратное толкование в самостийнической литературе. Его связы-

вают с притеснениями украинофильства в России, особенно с гонениями на малороссийский язык.

Тому, кто когда-нибудь перелистывал самостийнические брошюры и книги, хорошо известно, какое место уделяется в них теме «знищення вкраїнської мови».

Сам Драгоманов, по выезде из России опубликовал письмо писательскому конгрессу в Париже с жалобой на запрещение украинской литературы русским правительством¹⁵⁵. Повод к такой демонстрации дан двумя правительственными указами 1863 и 1876 гг.

Современный русский читатель так мало осведомлен об этом важном эпизоде, что многое, связанное с ним, будет ему непонятно без некоторых необходимых справок.

Из предыдущих глав видно, что не только вражды правящей России к малороссийскому языку не существовало, но была определенная благожелательность. Петербургские и московские издания на украинском языке — лучшее тому свидетельство. Благожелательность эта усилилась в царствование императора Александра II.

В 1861 г. возникла идея печатания официальных государственных документов по-малороссийски, и первым таким опытом должен был быть манифест 19 февраля об освобождении крестьян. Инициатива исходила от П. Кулиша и была положительно встречена на верхах. 15 марта 1861 г. последовало высочайшее разрешение на перевод. Но когда перевод был сделан и через месяц представлен на утверждение Государственного Совета, его не сочли возможным принять. Кулиш еще до этого имел скандальный случай перевода Библии с его знаменитым «Хай дуфае Сруль на Пана» (Да уповаєт Израїль на Господа). Теперь, при переводе манифеста, сказалось полное отсутствие в малороссийском языке государственно-политической терминологии. Украинофильской элите пришлось спешно ее сочинять. Сочиняли путем введения полонизмов или коверканья русских слов. В результате

155. «La littérature oukrainienne proscrite par le Gouvernement Russe». Rapport present au Congres litteraire de Paris (1878) par Michel Dragomanow. Geneve, 1878.

получилось не только языковое уродство, но и совсем непонятный малороссийскому крестьянину текст, по крайней мере, менее понятный, чем обычный русский. Напечатанный впоследствии в «Киевской Старине», он служил материалом для юмористики.

Но когда в 1862 г. Петербургский Комитет Грамотности возбуждает ходатайство о введении в Народных школах Малороссии преподавания на местном наречии, оно принимается к рассмотрению и сам министр народного просвещения А.В. Головнин поддерживаает его. По всей вероятности, проект этот был бы утвержден, если бы не начавшееся польское восстание, встревожившее правительство и общественные круги.

Выяснилось, что повстанцы делали ставку на малороссийский сепаратизм и на разжигание крестьянских аграрных волнений на юге России, посредством агитационных брошюр и прокламаций на простонародном наречии. И тут замечено было, что некоторые украинофилы охотно сотрудничали с поляками на почве распространения таких брошюр. Найденные при обысках у польских главарей бумаги обнаружили прямые связи украинских националистов с восстанием. Известен случай с Потемней, двоюродным братом знаменитого языковеда, присоединившимся к повстанцам. Едва ли не главными информаторами, раскрывшими правительству глаза на связь украинского национализма с восстанием, были сами же поляки, только не те, что готовили восстание, а другие — помещики правого берега Днепра. Сочувствуя восстанию и налаживая связи его вожakov с украинофилами (с учителями воскресных школ, со слушателями «Временной педагогической школы»), они пришли в величайшее смятение, когда узнали, что повстанцы берут курс на разжигание крестьянских бунтов на Украине. Лозунг генерала Мерославского о пробуждении «нашей запоздавшей числом Хмельничины» был для них настоящим ударом. Пришлось выбирать между освобождением Польши и целостью своих усадеб. Они выбрали последнее.

Собрав таким путем сведения о характере украинофильства, в Петербурге решили «пресечь» крамолу. Будь это в какой-нибудь богатой политическим опытом европейской стране, вроде Франции, администрация уладила бы дело без шума, не дав повода для разговоров и не вызывая ненужного недовольства. Но русская правящая среда такой тонкостью приемов не отличалась. Кроме циркуляров, приказов, грозных окриков, полицейских репрессий, в ее инструментарии не значилось никаких других средств. Проекту преподавания на малороссийском языке не дали ходу, а печатание малороссийских книг решили ограничить.

18 июля 1863 года министр внутренних дел П.А. Валуев обратился с «отношением» к министру народного просвещения А.В. Головнину, уведомляя его, что с монаршего одобрения он признал необходимым, временно, «впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Святейшего Синода и шефом жандармов» допускать к печати только такие произведения на малороссийском языке, «которые принадлежат к области изящной литературы», но ни книг духовного содержания, ни учебников, ни «вообще назначаемых для первоначального чтения народа» — не допускать. Это первое ограничение самим министром названо было «временным» и никаких серьезных последствий не имело — отпало на другой же год. Но оно приобрело большую славу по причине слов: «малороссийского языка не было, нет и быть не может», употребленных Валуевым. Слова эти, выхваченные из текста документа и разнесенные пропагандой по всему свету, служили как бы доказательством презрения и ненависти официальной России к украинскому языку, как таковому. Большинство не только читателей, но и писавших об этом эпизоде, ничего о нем, кроме этой одиозной фразы, не знало, текста документа не читало. Между тем, у Валуева не только не видно презрения к малороссийскому языку, но он признает ряд малороссийских писателей на этом языке, «отличившихся более или менее замечательным талантом».

Он хорошо осведомлен о спорах ведущихся в печати относительно возможности существования самостоятельной малороссийской литературы, но сразу же заявляет, что его интересует не эта сторона проблемы, а исключительно соображения государственной безопасности.

«В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер, вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным». Прежняя малороссийская письменность была достоянием одного лишь образованного слоя, «ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись под предлогом распространения грамотности и просвещения за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии». Министра беспокоит не распространение малороссийского слова, как такового, а боязнь антиправительственной пропаганды на этом языке среди крестьян. Не следует забывать, что выступление Валуева предпринято было в самый разгар крестьянских волнений по всей России и польского восстания. Его и пугает больше всего активность поляков: «Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и потому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков».

Ни в «отношении» Валуева, ни в каких других высказываниях членов правительства, невозможно найти враждебных чувств к малороссийскому языку. А.В. Головнин, министр народного просвещения, открыто возражал против валуевского запрета. Впоследствии, в эпоху второго указа, министерство земледелия печатало аграрные брошюры по-малороссийски, не считаясь с запретами.

Что же касается знаменитых слов о судьбах малороссийского языка, то необходимо привести полностью всю ту часть документа, в которой они фигурируют. Тогда окажется, что принадлежат они не столько Валуеву, сколько самим малороссам. Министр ссылается на затруднения, испытываемые петербургским и киевским цензурными комитетами, в которые поступает большинство перечисленных им книг «для народа» и учебников. Комитеты боятся их пропускать по той причине, что все обучение в малороссийских школах ведется на общерусском языке и нет еще разрешения о допущении в училищах преподавания на местном наречии. «Самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. **Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может** и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных России и гибельных для Малороссии»¹⁵⁶.

Из этого отрывка видно, что выраженное в нем суждение о малороссийском языке принадлежит не самому Валуеву, а представляет резюме соответствующих высказываний «большинства малороссиян». Очевидно, это «большинство» не воспринимало правительственные запреты, как «национальное угнетение».

Валуевский запрет продолжался недолго, но через тринадцать лет, в 1876 году, снова издан указ, запрещающий

156. Лемке М. Эпоха Цензурных реформ 1859-1865 годов. СПб., 1904. С. 302-304; Хрестоматия по истории СССР. М., 1952. Т. III. С. 157-158.

появление газет, духовной, общественно-политической литературы, а также концертов и театральных представлений на украинском языке. Только исторические памятники и беллетристику можно было по-прежнему печатать невозбранно. Этому предшествовало закрытие киевского отдела Русского Географического Общества, считавшегося центром украинофильства.

Опять, как в случае с Валуевым, русское общество ответило на правительственное мероприятие протестами и демонстрациями. Петербургский профессор Орест Миллер плакал однажды, на публичном собрании по поводу того, что «нашим южным братьям не дают Божьего слова читать на родном языке». Но, как и при Валуеве, указ 1876 г. преследовал все ту же цель государственной безопасности. На этот раз, паника перед призраком развала государства началась среди самих украинцев.

Появление указа связано с именем М.В. Юзефовича, большого патриота своего края и любителя народного слова. Никаким противником родного языка его нельзя представить. Он был причастен к литературным начинаниям «Громады» и под его редакцией вышло несколько томов Актвов по истории южной России. В 1840 г. он занимал должность помощника попечителя киевского учебного округа, но к началу 70-х гг. жил на покое, в отставке. Подозревать его в карьеризме, в желании выслужиться, вряд ли возможно — он просто до смерти боялся революции и расчленения России. Это он — автор ставшего знаменитым выражения «Единая неделимая Россия», написанного по его предложению на памятнике Богдану Хмельницкому. Нападая с такой злобой на этот лозунг, самостийники, видимо, не подозревают о его украинском происхождении. Усмотрев за невинной, по внешности «культурнической» деятельностью «Громады» призрак отделения Малороссии от России, а в Драгоманове почувствовав противника существующего строя, он поднимает тревогу и не успокаивается до тех пор, пока власти не учреждают в 1875 г. особой комиссии по расследованию этого дела. Приглашенный в комиссию

он представляет сведения о связях громадян с галицийскими «диячами» и об участии их в польско-австрийской интриге, направленной к отторжению Малороссии.

Мы сейчас полагаем, что никакого серьезного участия в этой интриге они не принимали, но человеку того времени не так просто было в этом разобраться. Даже Драгоманов, писавший в 1873 г. разъяснительные статьи в «Правде» с целью убедить галичан в полном отсутствии на Украине сепаратизма, тем более австрофильской партии, должен был признать наличие «двух-трех масок, размахивающих картонными мечами». Какие-то, пусть ничтожные по численности, элементы, связанные с галицкими деятелями, существовали среди громадян. Знал, быть может, Юзефович об их деятельности такое, чего мы еще не знаем. В особенности же напуган он был тем, что галицкая народолюбивая печать запестрела с некоторых пор, статьями и заметками о народном недовольстве в Малороссии и о желании ее присоединиться к Австрии. Дошло до того, что, по словам Драгоманова, начали примеривать к Украине корону св. Стефана Угорского, заводили речи о «Киевском Королевстве»; Сичинский в заседаниях сейма говорил «про можливість Ukrainiam convertere политично до Австрії, як релігійно до Риму»¹⁵⁷.

Результатом расследования было закрытие киевского отдела Географического Общества, лишение Драгоманова кафедры в университете и ограничение малороссийской печати.

* * *

Как ни убедительно звучит версия, объясняющая эмиграцию Драгоманова этими репрессиями, она не имеет под собой оснований. Несмотря на шум, поднятый вокруг Указа 1876 г., никаким ударом для украинского движения он не был. На практике он почти не соблюдался. Спектакли устраивались под носом у полиции без всякого разрешения, листки и брошюры печатались

157. Драгоманов М. Листы на наднипряньску Украину. Киев, 1917. С. 47.

при полном попустительстве властей. Некий Тарас Новак имел случай беседовать в 1941 г. с престарелой вдовой драматурга Карпенко Карого — Софьей Виталиевной Тобилевич, вспоминая с восторгом о гастролях театра Кропивницкого, как раз в годы «реакции». Театр встречал великолепный прием по всей России, особенно в Москве и в Петербурге. Его пригласили ко двору, в Царское Село, где сам император Александр III наговорил актерам всяческих комплиментов. Когда же Кропивницкий пожаловался одному из великих князей на киевского генерал-губернатора, не допуская (во исполнение указа) спектаклей театра в Киеве, то великий князь успокоил: об «этом старом дураке» он поговорит с министром внутренних дел. После этого препятствий не чинилось нигде¹⁵⁸.

Хотя формально и официально все ограничения украинской печати отпали только в 1905 году, фактически они не соблюдались с самого начала.

Не успели опубликовать указ, как началось постепенное его аннулирование. Сама киевская и харьковская администрация подняла перед правительством вопрос о ненужности и нецелесообразности запретов¹⁵⁹.

Вскоре, вместо закрытых «Записок» Географического Общества, стал выходить журнал «Киевская Старина», вокруг которого собрались те же силы, что работали в Географическом Обществе.

Указ 1876 г. никому, кроме самодержавия, вреда не принес. Для украинского движения он оказался манной небесной. Не причиняя никакого реального ущерба, давал ему долгожданный венец мученичества. Надобно послушать рассказы старых украинцев, помнящих девяностые и девятисотые годы, чтобы понять всю жажду гонений, которую испытывало самостийничество того времени. Собравшись в праздник в городском саду, либо на базарной площади, разряженные в национальные костюмы, «сусильники» с заговорщицким видом затягивали

158. Новое Русское Слово. New York, 1953. 25 июня.

159. Грушевский М. Иллюстрированная История Украины. СПб., 1913. С. 512.

«Ой на горе та жнеци жнуть»; потом с деланным страхом оглядывались по сторонам в ожидании полиции. Полиция не являлась. Тогда чей-нибудь зоркий глаз различал вдаль фигуру скучающего городского на посту — такого же хохла и, может быть, большого любителя народных песен. «Полиция! Полиция!» Синие шаровары и пестрые плахты устремлялись в бегство «никем не гонимы». Эта игра в преследования означала неудовлетворенную потребность в преследованиях реальных. Благодаря правительственным указам она была удовлетворена.

Мотивы, по которым Драгоманов покинул Россию, ничего общего с преследованиями не имели. Как ни странно, его пугали земские реформы Александра II, которые он приветствовал вместе со всей интеллигенцией. Лет через 10 после их осуществления, они ему показались опасными для социалистического дела. «Практическая будущность на ближайшее время, — писал он, — принадлежит в России тем, своего рода политическо-социальным оппортунистам, которые не замедлят в ней появиться среди земств, и для которых теперешние социалисты-революционеры только расчищают дорогу». Он предложил всем «чистым» социалистам теперь же перенести свою деятельность в страны, где предстоящий России политический вопрос, так или иначе, уже решен»¹⁶⁰.

Но был еще один мотив. О нем обычно не говорится, но он подразумевается во всех речах и действиях Драгоманова.

Дело в том, что украинофильство, в лучшие свои времена, насчитывало до того ничтожное количество последователей и представляло столь малозаметное явление, что приводило порой в отчаяние своих вожаков. Простой народ абсолютно не имел к нему касательства, а 99 процентов интеллигенции относилось отрицательно; в нем видели «моду» — внешнее подражание провансальскому, ирландскому, норвежскому сепаратизмам, либо глупость,

160. Драгоманов М.П. Великорусский Интернационал и польско-украинский вопрос. Казань, 1907. С. 55.

либо своеобразную форму либерально-революционного движения. Но в этом последнем случае, монархически-охранительная часть, типа Юзефовича, обнаруживала нескрываемую вражду к нему, а другая, не чуждая сама революции и либерализма, шла не в «громады» и «спилки», а в лавризм, в нечаевщину, в народовольчество, в черные переделы. Общероссийское революционное движение, как магнит, втягивало в свое поле все частицы металла, оставляя украинофильским группировкам шлак и аморфные породы. Никакой украинской редакции освободительного движения малороссийская интеллигенция не признавала. За это и снискала лютую ненависть. Можно сказать, что у самостийников не было большего врага, чем своя украинская интеллигенция. Даже у Драгоманова, чуждого проявлений всяких недостойных чувств, прорывались порой горькие сетования по ее адресу. Это она сделала украинофилов «иностранцами у себя дома». Но когда он попробовал однажды упрекнуть в чем-то подобном земляка Желябова, то получил отповедь в виде саркастического вопроса: «Где же ваши фении? Парнелль?»¹⁶¹.

Незадолго до отъезда Драгоманова произошло событие, явившееся для него настоящим ударом. Подобно кирилло-мефодиевцам, он был последователем идеи славянской федерации. И вот пришло время послужить этой идее по-настоящему. На Балканах вспыхнуло восстание славян против турок. Известно, как реагировало на это русское общество. Со всех концов России, в том числе из Малороссии, устремились тысячи добровольцев на помощь восставшим. Громада заволновалась. На квартире у Драгоманова устроено было собрание, где решено послать на Балканы отряд, который бы не смешиваясь с прочими волонтерами, явился туда под украинским флагом.

Принялись за организацию. Дебагорий-Мокриевич поехал для этой цели в Одессу, остальные занялись вербовкой охотников в Киеве. Результат был таков: Деба-

161. Там же. С. 82-83.

горию удалось «захватить» всего одного добровольца, а в Киеве под украинский флаг встало шесть человек, да и то это были люди «нелегальные», искавшие способа сбежать за границу¹⁶².

Знать, что дело, которому посвятил жизнь, непопулярно в своей собственной стране — одно из самых тяжелых переживаний. Отъезд Драгоманова означал не невозможность работы на родине, а молчаливое признание неудачи украинофильства в России и попытку добиться его успеха в Австрии.

Но если для Драгоманова этот мотив был не единственный и, может быть, не главный, то для остальных украинофилов, ездивших в Галицию, он был главным. Поездки туда начались задолго до указа 1876 г., даже до валуевского запрета 1863 г. И печататься там начали до этих запретов. Печаталась, прежде всего, та категория авторов, которая ни под один из запретительных указов не попадала, — беллетристы. Это лучшее свидетельство несправедливости мнения, будто перенесение центра деятельности «за кордон» было результатом преследований царского правительства.

Поведение беллетристов Драгоманов объясняет их бездарностью. Ни Чайченко, ни Конисского, ни Панаеса Мирного, ни Левицкого-Нечуя никто на Украине не читал. Некоторые из них, как Конисский, испробовали все способы в погоне за популярностью — сотрудничали со всеми русскими политическими лагерями, от крайних монархистов до социалистов, но нигде не добились похвал своим талантам. В Галиции, где они решили попробовать счастья, их тоже не читали, но галицийская пресса, по дипломатическим соображениям, встретила их ласково. Они-то и стали на Украине глашатаями лозунга о Галиции, как втором отечестве.

В то время, как Герцен, с которым Драгоманова часто сравнивают, покинув Россию, обрел в ней свою читательскую аудиторию и сделался на родине не просто силой,

162. Яновский В. Спогади волонтьора // Літературний-Науковий Вистник. 1911 Т. VII-VII. С. 92-93.

но «властью», — Драгоманова на Украине забыли. Произошло это, отчасти, из-за ложного шага, выразившегося в избрании полем деятельности Галиции, но главным образом потому, что лишив днепровскую группу своего «социалистического» руководства, он оставил ее один на один с «Историей Русов», с кобзарскими «думами», с казачьими легендами. Казакомания заступила место социализма. Все реже стали говорить о «федерально-демократическом панславизме» и все чаще — спивать про Сагайдачного. Кирилло-мефодиевская фразеология понемногу вышла из употребления. То была расплата за страстное желание видеть в Запорожской Сечи «комму-ну», а в гетманском уряде — образец европейской демократии. Продолжительное воспевание Наливаек, Дорошенков, Мазеп и Полуботков, как рыцарей свободы, внедрявшаяся десятилетиями ненависть к Москве не прошли бесследно. Драгоманову не на кого было пенять, он сам вырос казакоманом. Наряду с высококультурными, учеными страницами в его сочинениях встречаются вульгарные возмущения по поводу раздачи панам пустых степных пространств, «принадлежавших» Запорожской Сечи, а также жалобы на обрусение малороссов, вызванное будто бы «грубым давлением государственной власти». Ни одного примера давления не приводится, но утверждение высказывается категоричное.

С поразительной для ученого человека слепотой он полагал, что светлая память о гетманщине до сих пор живет в народе и что нет лучшего средства восстановить украинского крестьянина против самодержавия, как напомнить ему эту эпоху свобод и процветания. Он даже набросал проект прокламации к крестьянам: «У нас были вольные люди казаки, которые владели своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; все украинцы хотели быть такими казаками и восстали из-за того против польских панов и их короля; на беду только старшина казацкая и многие казаки не сумели удержаться в согласии с простыми селянами, а потому казакам пришлось искать себе помощи против польской державы

у московских царей, и поступили под московскую державу, впрочем, не как рабы, а как союзники, с тем, чтоб управляться у себя дома по своей воле и обычаям. Цари же московские начали с того, что поставили у нас своих чиновников, не уважавших наших вольностей, ни казацких, ни мещанских, а потом поделили Украину с Польшей, уничтожили все вольности украинские казацкие, мещанские и крестьянские, затем цари московские роздали украинскую землю своим слугам украинским и чужим, закрепили крестьян, ввели подати и рекрутчину, уничтожили почти все школы, а в оставшихся запретили учить на нашем языке, завели нам казенных, невыборных попов, пустили к нам вновь еврейских арендаторов, шинкарей и ростовщиков, которых было выгнали казаки, — да еще отдали на корм этим евреям только нашу землю, запретив им жить в земле московской... Теперь... хотим мы быть все вновь равными и вольными казаками»¹⁶³.

Если принять во внимание, что писано это в 1880 г., двадцать лет спустя после освобождения крестьян, когда, чтобы быть вольным, вовсе не обязательно было становиться казаком, то курьезность исторического маскарада станет особенно ясна.

Сам Драгоманов так и остался дуалистом в своем политическом мировоззрении, но киевские его приятели быстро обрели полную «цельность», выбросив из своего умственного багажа все несозвучное с так называемым «формальным национализмом». Термин этот — связан с ростом числа не рассуждающих патриотов, для которых утверждение «национальных форм» стало главной заботой. Национальный костюм, национальный тип, национальная поэзия, «национальные почуття», заступили всякие идеи о народном благе, о «найкращем» общественно-политическом устройстве. Происходит быстрое отделение казачьего украинизма от либерально-революционной российской общественности.

Но если, как уже говорилось, идеология умершего соловья могла существовать в XIX веке благодаря лишь

163. Драгоманов М.П. Великорусский Интернационал и польско-украинский вопрос. С. 61.

прививке к порожденному этим столетием общественному явлению, то что могло ее ожидать в 80-х и 90-х годах? Оторвавшись от русской революции, она привилась к австро-польской реакции. Теперь уже не Костомаровы и Драгомановы, а галицийское «народовство» берет на буксир лишившуюся руля днепровскую ладью. Украинофильство попадает в чужие, не украинские руки; Киев склоняется перед Львовом.

С отъездом Драгоманова кончается собственно-украинский период движения и начинается галицийский, означающий не продолжение того, что зародилось на русской почве, а нечто иное по духу и целям.

Галицийская школа

Уже к концу прошлого столетия Галицию стали называть «украинским Пьемонтом», уподобляя ее роль той, которую Сардинское королевство сыграло в объединении Италии. Несмотря на претенциозность, это сравнение оказалось, в какой-то степени, верным. С конца 70-х годов, Львов становится штаб-квартирой движения, а характер украинизма определяется галичанами. Здесь выдаются патенты на истинное украинофильство и здесь вырабатывается кодекс поведения всякого, кто хочет трудиться на ниве национального освобождения. Широко пропагандируется идея национального тождества между галичанами и украинцами; Галицию начинают именовать не иначе, как Украиной. Сейчас, благодаря советской власти, это имя столь прочно вошло в употребление, что только историки знают о незаконности такого присвоения. Если на самой Украине оно возникло лишь в конце XVI, в начале XVII века и до самого 1917 г. жило на положении прозвища, не имея надежды вытеснить историческое имя Малороссии, то в Галиции ни народ, ни власти слыхом не слыхали про Украину. Именоваться так начала кучка интеллигентов в конце XIX века.

Несмотря на все ее усилия, «Украина» и «украинец» дальше страниц партийной прессы не распространялись.

Было ясно, что без чьей-то мощной поддержки чужое имя не привьется. Возникла мысль ввести его государственным путем. У кого она возникла раньше, у галицких украинофилов или у австрийских чиновников – трудно сказать. Впервые, термин «украинский» употреблен был в письме императора Франца Иосифа от 5 июня 1912 г. парламентскому русинскому клубу в Вене. Но поднявшиеся толки, особенно в польских кругах, вынудили барона Гейнольда, министра внутренних дел, выступить с разъяснением, согласно которому термин этот употреблен случайно, в результате редакционного недосмотра. После этого официальные венские круги воздерживались от повторения подобного опыта¹⁶⁴. Только в глухой Буковине, откуда вести не проникали в широкий мир, завели, примерно с 1911 г., обычай требовать от русских богословов, кончавших семинарию, письменного обязательства: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, лишь украинцем и только украинцем». Священникам, не подписавшим такого документа, не давали прихода¹⁶⁵.

В 1915 г., членам австрийского правительства представлена была записка, отпечатанная в Вене в небольшом количестве экземпляров под заглавием «Denkschrift über die Notwendigkeit ausschliesslichen Gebrauches des Nationalnamen "Ukrainer"».

Австрийцев соблазняли крупными политическим выгодами, могущими последовать в результате переименования русинов в украинцев. Но имперский кабинет не прельстился такими доводами. Весьма возможно, что на его позицию повлияло выступление знаменитого венского слависта академика Ягича. «В Галиции, Буковине, Прикарпатской Руси, – заявил Ягич, – эта терминология, а равно все украинское движение, является чужим растением, извне занесенным продуктом подражания... О всеобщем употреблении имени «украинец» в заселен-

164. См.: Свитло. 1912. Т. III. С. 71; Последние Новости. 1912. №174; Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 483-484.

165. Щеголев С.Н. Указ. соч. С. 477.

ных русинами краях Австрии не может быть и речи; даже господа подписавшие меморандум едва ли были бы в состоянии утверждать это, если бы они не хотели быть обвиненными в злостном преувеличении»¹⁶⁶.

Другая подобная же попытка относится к 1923 году, когда Галиция находилась в составе возродившегося польского государства. Исходила она от Наукового Товариства им. Шевченко во Львове, которое особым меморандумом просило отменить запрет, наложенный кураторией львовского учебного округа на названия «Украина» и «украинец» в отношении Галиции и русинов¹⁶⁷. Демарш этот, так же, как в 1915 г., никакого успеха не имел. Утвердили и узаконили за Галицией название Украины большевики, в 1939 г., после раздела Польши между Сталиным и Гитлером. Они еще задолго до захвата Галиции начали именовать ее «Западной Украиной», что оказалось чрезвычайно удобным с точки зрения последовавшего «воссоединения».

Но не только по именам, а и по крови, по вере, по культуре, Галиция и Украина менее близки между собой, чем Украина и Белоруссия, чем Украина и Великоруссия. Из всех частей старого киевского государства, Галицкое княжество раньше и прочнее других подпало под иноземную власть и добрых 500 лет пребывало под Польшей. За эти 500 лет ее русская природа подверглась величайшим насилиям и испытаниям. Ее колонизовали немецкими, мадьярскими, польскими и иными нерусскими выходцами. Особенно жестоким был их наплыв при Людовике Венгерском, когда Галиция (Червонная Русь) отдана была в управление силезскому князю Владиславу Опольскому, человеку совершенно онемеченному. Он роздал немцам и венграм множество урядов, земельных владений, населил ими русские города, развил широкую сельскую колонизацию, посадив на галицийския земли немецких крестьян, дав им важные льготы по сравнению с коренным населением. Пусть не этим «привиле-

166. Бутенко И. Что должен знать каждый об украинцах. Мюнхен, 1948. С. 14.

167. Там же. С. 15.

гированным» удалось онемечить галицийцев, а сами они русифицировались, но с тех пор в жилах галичан течет немало чужой крови.

К расовым отличиям надлежит прибавить отличия религиозные. Галиция первая из древних русских земель отступила от православия и приняла Унию.

Наконец, язык ее совсем не тот, что в Надднепрянщине. Даже наспех созданная «литерацка мова», объявленная общеукраинской, не способна скрыть существования двух языков, объединенных только орфографией.

Это нетрудно установить, положив книжки Квитки-Основьяненко, Шевченко, Марко Вовчка рядом с произведениями Вагулевича, Гушалевича, Ивана Франко и других галицийских писателей. До последней четверти XIX века, ни галицийская литература на Украине, ни украинская в Галиции — не были известны. Взаимное ознакомление началось после того, как возникло общеукраинское движение. Только тогда в Галиции стали популяризировать Шевченко, а на Украине — русинских авторов.

Известный историк литературы А.Н. Пыпин в свое время писал: «Галицийской литературе не принадлежат произведения той нашей литературы малорусской, которая развивалась уже в периоде разделения западного и восточного края южной Руси, под влиянием жизни и образованности общерусской. Начиная с Котляревского и даже еще раньше, условия нашей малорусской литературы были уже иные, чем условия книжности галицко-русской, и произведения малорусские усваиваются галичанами опять с известной долей искусственности». То же утверждает и Драгоманов, полагающий, что галицкую и украинскую литературы «треба вважати, коли не за зовсім окремы, то же дуже одмінны одна вид другой»¹⁶⁸.

Нельзя забывать и о школе. Украина училась в общерусских школах, читала русские книги и впитывала русскую образованность, Галиция училась по-польски,

168. См.: Пыпин А.Н. Малорусско-польские отношения // Вестник Европы. 1886. Т. 1 (февр.); Драгоманов М.П. Шевченко, Украинофилы и социализм // Громада. 1879. № 4.

а потом, в XIX веке, по-немецки. Несмотря на сильное развитие русофильства, во второй половине XIX века, каждый образованный галичанин гораздо меньше имел понятия о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Гончарове, Толстом, Достоевском, чем о Мицкевиче, Словацком, Выспянском, Сенкевиче. Замечено, что даже сведения о России и Украине почерпались галичанами, чаще всего, из немецкой печати. Удивительно ли, что ко многим вопросам кардинальной важности украинцы и галичане относились и относятся по-разному? Трудно, например, найти образованного украинца, который бы порицал кн. Владимира Святого за насаждение на Руси византийской культуры. Для галичан — это одиозная личность. Он для них, прежде всего, не «святой», а только «великий», а историческая его миссия всячески осуждается: он дал Руси не ту веру и не ту культуру, которую следовало бы...

«Лихий вплив (влияние) православного Царьгороду не дав нашим силам сконсулидуватися, выкликував революції, деморалізував тим самим населення». Так писал о Степан С. Шавель в канадской газете «Українські Вісті»¹⁶⁹. Царьград и Москва — два злых гения. «Москва вчила нас, як бунтуватися проти гетманів, Царьгород бунтував одного князя проти другого. Ни вид Москви, ни вид Царьгороду нічого доброго ми не навчилися, бо сами вони нічого доброго не посадили. Ни Царьгород, ни Москва не посадили принципів на яких моглаб була розвинути українська культура». Галичане не любят культурного прошлого южной Руси. Нелюбовь эту можно встретить не только в писаниях простого униатского священника, но на страницах ученых произведений галицийских профессоров, вроде Омеляна Огоновского.

* * *

С тех пор, как после раздела Польши Галиция перешла под власть Австро-Венгрии, она представляла глубокую провинцию, где племя русинов или рутенов, как его называли австрийцы, насчитывавшее в XIX в. менее двух

169. Историчне значиння Унії // Українські Вісті. 1946. 15 февр.

миллионов душ, жило попережку с поляками. Преобладающее, попросту говоря, господствующее положение принадлежало полякам. Они были и наиболее богатыми, и наиболее образованными; представлены, преимущественно, помещиками, тогда как русины почти сплошь крестьяне и мещане. Драматический момент во взаимоотношениях между Русью и Польшей заключается в том, что там, где эти две народности тесно сожительствовали друг с другом, первая всегда находилась в порабощении и в подчинении у второй. Русинская народность стояла накануне полной потери своего национального обличья. Все, что было сколько-нибудь интеллигентного и просвещенного (а это было, преимущественно, духовенство), говорило и писало по-польски.

Для богослужебных целей имелись книги церковнославянской печати, а все запросы светского образования удовлетворялись исключительно польской литературой. Путешественники посещавшие Галицию в 60-х годах отмечают, что беседа в доме русинского духовенства, во Львове велась не иначе, как на польском языке. И это в то время, когда в Галиции появились признаки «пробуждения» и начали говорить о создании собственного языка и литературы. Что же было в первой половине столетия, когда ни о каких национальных идеях помину не было? Лучше всего об этом рассказывают сами галичане. Перед нами воспоминания Якова Головацкого¹⁷⁰ — одного из авторов знаменитой «Русалки Днестровой». Он происходил из семьи униатского священника и признается, что отец с матерью всегда говорили по-польски и только с детьми по-русски. Отец его читал иногда проповеди в церкви «из тетрадок писанных польскими буквами». «В то время, говорит Головацкий, — почти никто из священников не знал русской скорописи. Когда же отец служил в Перняхках, и в церкви бывала графиня с дворскими паннами, или кто-нибудь из подпанков, то отец говорил проповедь по-польски». Самого Головацкого отец учил грамоте «по печатному букварю церковнославянской азбуке — то на-

170. «Литературный сборник» Дедицкого. Т. II-III. С. 121.

зывалось читати по-русски, но писати по-русски я не научился, так як ни отец, ни дьяк не умели писати русскою скорописью». Тот же Головацкий рассказывает эпизод из времени своего пребывания во львовской семинарии. Власть польского языка и польской культуры выступает в этом рассказе с предельной выразительностью. «Пасторалисты дали себе слово не говорить проповедей, даже во львовских церквах иначе, только по-русски. Плешкевич первый приготовил русскую проповедь для городской церкви, но подумайте, якова была сила предубеждения и обычая! Проповедник вышел на амвон, перекрестился, сказал славянский текст и, посмотрев на интеллигентную публику, он не мог произнести русского слова. Смущенный до крайности, он взял тетрадку и заикаясь **переводил** свою проповедь и с трудом кончил оную. В семинарии решили, что во Львове нельзя говорить русских проповедей, разве в деревнях».

Таких случаев робости было не мало. Когда Добрянский составил для своих слушателей грамматику старославянского языка, он издал ее (в 1837 г.) по-польски, и только в 1851 г, вышла она в русском переводе по просьбе «собора ученых русских» собравшегося во Львове в 1848 г. Статья его о введении христианской веры на Руси тоже напечатана была по-польски (1840 г.) и потом уже по-русски (1846).

Ни о каком знакомстве с русской литературой говорить не приходится. Русския книги знакомы были немногим находившим их лишь в больших библиотеках, либо получавших по знакомству из России от Погодина и Бодянского. То же и с малороссийской книгой. Несмотря на то, что нарождавшаяся украинская литература имела к тому времени, кроме Котляревского, Гребенки, Гулака, также Квитку, Кулиша и Шевченко, она не была известна в Галиции. Знакомство с нею состоялось значительно позднее, в результате долгих усилий общеукраинских деятелей. Русинское самосознание спало глубоким сном и народ медленно, но неуклонно вращал в польскую народность.

Здесь не место рассказывать, как произошло его национальное пробуждение. Тут и неизменные собиратели народных песен – Вацлав Залесский, Лука Голембиевский, Жегота Паули (все сплошь поляки); тут же и знаменитая «Русалка Днестрова» – первый литературный сборник на русинском наречии, вышедший в 1837 году.

Важно – что это было за пробуждение? Ответ дан давно, о нем можно прочесть даже у Грушевского.

Пробуждение было **русское**.

Во всех австро-венгерских владениях, населенных осколками русского племени – в Галиции, в Буковине, в Угорской Руси – национальное возрождение понималось как возвращение к общерусскому языку и к общерусской культуре.

Затираемое поляками, венграми, румынами, немцами, население этих земель стихийно тяготело к России, как к своей метрополии. Совершенно гипнотизирующее действие произвело на него движение стотысячной армии Паскевича в 1849 г., шедшей на подавление венгерского восстания. Она не только ослепила его своей мощью и окружила образ России нимбом непобедимости, но простой народ, живший в деревнях и местечках, был глубоко взволнован тем, что вся эта армада говорила на совершенно понятном, почти местном языке. Для угорских русин, пришествие русских было величайшим торжеством.

Придавленные мадьярским засильем, они видели в Паскевиче своего освободителя. Среди них давно уже началось брожение против мадьяр, и один из деятелей этого движения – Адольф Добрянский, вынужден был даже бежать в Галицию, где его застал приход русской армии. Добрянскому удалось добиться назначения его императорским австрийским комиссаром при русской армии, в каковом звании он и прибыл к себе на родину. По его инициативе была послана в Вену депутация с изложением национальных нужд угорских русинов – с просьбой о выделении их земель в особые «столицы», с учреждением в них местной русинской администра-

ции и русского языка в управлении и в школе. Просили даже основать в Унгваре русскую академию. Император, напуганный венгерским восстанием и видевший, в тот момент, в русинах своих естественных союзников, на все отвечал согласием. Добрянский был назначен «над-жупаном» (наместником) четырех столиц, учредил русскую гимназию, завел делопроизводство на русском языке и широко повел распространение в крае русской культуры. Ни малейших колебаний в выборе между неразвитым местным наречием и русским литературным языком не существовало. Закарпатская Русь с самого начала встала на путь общерусской культуры. То же наблюдалось в более глухой, неразвитой Буковине, совсем лишенной собственной интеллигенции.

Но продолжался этот ренессанс недолго. Как только венгерское восстание кончилось, как только австрийское правительство помирилось с мадьярами и венгерская аристократия снова приобрела влияние в государственных делах, началось преследование всего русского. Сам Добрянский был устранен, а местная интеллигенция подверглась гонению.

Что же касается Галиции, то там произошло подлинное чудо. Несмотря на многовековое вытравливание всякой памяти о ее русском прошлом, несмотря на усиленную иноземную колонизацию, в ней восторжествовало русофильство. Хотя там сделана была попытка разработки местного наречия, но никто иной, как сам Яков Головацкий, инициатор этого дела, пришел к заключению о ненужности таких опытов, при наличии развитого русского языка.

Для него, как и для подавляющего большинства культурных галичан, выбор предстоял не между местным русинским наречием и русским языком, а между польским и русским. Галичанин должен быть либо поляком, либо русским — среднего нет. Стали издаваться газеты на русском языке. Одной из них, «Слову», выпала роль столпа, вокруг которого стали собираться все «москвофилы». Редактировал ее Яков Головацкий. Разумеется, язык

как этой, как и других газет оставлял многого желать с точки зрения русской грамотности, но редактора и писатели старательно работали над овладением ею. В. Дзедзицкий выпустил брошюру: «Как малороссу в один час научиться говорить по-русски». Еще в 1866 г. в «Слове» появилась статья, рассматривавшая русинов и русских как один народ и доказывавшая, что между украинцами и великороссами нет никакой разницы. Вся Русь, по словам газеты, должна употреблять единый литературный русский язык. Статья эта сделалась как бы манифестом «москвофилов». Кроме Якова Головацкого, к ним примыкало немало видных людей, из коих необходимо особо упомянуть Наумовича, бывшего сначала польским патриотом, а потом прошедшего тот же путь, что и Я. Головацкий — через увлечение галицийским народничеством к москвофильству.

Причины подобного тяготения к России в стране, где польское просвещение, польский язык сделали такие успехи и где интеллигентный слой людей представлен исключительно униатским духовенством, были бы необъяснимы, если бы не церковно-славянский язык. Униатская Церковь служила на этом языке, и он-то спас галичан от окончательной полонизации. Он постоянно напоминал о едином русском корне, о прямой преемственности русского литературного языка с языком киевской Руси. Вот почему вожаки украинства так ненавидели и ненавидят «церковнославянщину».

Москвофилы не ограничились пропагандой русского языка и культуры, но начали проповедь полного объединения Галиции с Россией, по каковой причине их прозвали также «объединителями». Они заводили связи с русским образованным обществом, главным образом, через М.П. Погодина, выпускали русские книги, издали сочинения Пушкина, а в конце 90-х годов во Львове образовалось литературное общество имени А.С. Пушкина. Инициаторы движения, вроде Головацкого, Плецинского, Наумовича, до такой степени прониклись сознанием необходимости слияния русин с русскими, что сами,

впоследствии, переселились на жительство в Россию, где продолжали заниматься научно-литературной деятельностью.

Сколь велико было русофильство галичан во второй половине XIX века, свидетельствует «сам» Грушевский. «Москвофильство, — по его словам, — охватило почти всю тогдашнюю интеллигенцию Галиции, Буковины и закарпатской Украины»¹⁷¹. Другим свидетельством может служить деятельность Драгоманова. Сам он, хоть и не проживал в Галиции (за исключением короткого времени), но следил за нею внимательно, и когда убедился во всеобщих симпатиях к России, стал через своих друзей и единомышленников учреждать в Галиции русские библиотеки и распространять русскую книгу. «Смело могу сказать, говорил он впоследствии, — ни один московский славянофил не распространил в Австрии столько московских книг, как я, “украинский сепаратист“». Преследуя, в первую голову, задачу социалистической пропаганды и просвещения, и не будучи узким националистом, он понял, на каком языке можно успешнее всего добиться результатов в этом направлении. В 1893 г. он обращал внимание своих надднепрянских читателей на факт неизменного перевеса москвофилов на всех выборах в Сейм и в Рейхстаг. До самой войны 1914 г. москвофильство пользовалось симпатиями **большинства** галичан и если бы не эта мировая катастрофа, неизвестно, до каких бы размеров разрослось оно. Но аресты и избиения в начале войны, а особенно после кратковременного пребывания в Галиции русских войск, нанесли ему тяжелый удар. Русофильская интеллигенция оказалась уничтоженной¹⁷². Морально ее доконала большевицкая революция в России, открыто принявшая сторону самостийнического антирусского меньшинства.

171. Грушевский М. Иллюстрированная История Украины. С. 507.

172. Потрясающую картину австрийских зверств, не уступающих по жестокости гитлеровским, дают 4 выпуска «Талергофского Альманаха», вышедших во Львове между 1924 и 1934 гг. В 1964 г. они переизданы П.С. Гардым под заглавием «Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг. Галицкая Голгофа». Trumbull, Conn., USA.

* * *

Это антирусское меньшинство называлось «народовством», но, как часто бывает в политике, название не только не выражало его сущности, а было маской, скрывавшей истинный характер и цели объединения. Ни по происхождению, ни по духу, ни по роду деятельности оно не было народным и самое бытие свое получило не от народа, а от его национальных поработителей.

Поляки, истинные хозяева Галиции, были чрезвычайно напуганы ростом москвофильства. Пользуясь своим первенствующим положением и связями с австрийской бюрократией, они сумели внушить венским кругам боязнь опасности могущей произойти для Австрии от москвофильского движения и требовали его пресечения. Австрийцы вняли.

Какого-нибудь твердого взгляда на галичан в Вене до тех пор не было; до середины 30-х годов их просто не замечали. Когда вышла «Русалка Днестровая», директор австрийской полиции Пейман воскликнул: «Нам поляки создают хлопот по горло, а эти глиняные головы хотят еще похороненную рутенскую народность возродить!» Но вскоре «рутенская» народность пришлась к стати.

В 1848 г., когда польское движение приняло угрожающий для австрийцев характер, галичане были натравлены на поляков. Такое же натравливание едва не произошло в 1863 г., когда галичанам было сказано, что пора «den Herrn Polen einbeizen». Каждый раз такое обращение к русинам сопровождалось ласками и предоставлением различных привилегий. В 1848 г., по инициативе австрийцев была создана «Головна Руска Рада» — некое подобие русинского парламента. Рада издавала «Зорю Галицкую» и основала Народный Дом в Львове, но, будучи искусственно порожденной, просуществовала недолго. В 1851 г. полякам удалось сговориться с австрийцами, и те перестают поддерживать русинов. Рада распадается. Эта слабость и беспомощность перед поляками усиливала москвофильское движение.

Особенный подъем русских симпатий начался с 1859 г., когда полякам удалось захватить управление Галицией полностью в свои руки и встать в качестве средоточия между русинами и австрийским правительством.

Назначенный наместником Галиции польский граф Голуховский повел систематическое преследование всего, что мешало полонизации края. Жертвами его стали, прежде всего, деятели русофильской партии, в частности Я.Ф. Головацкий, занимавший с 1848 г. кафедру русского языка и литературы во Львовском университете. Голуховский вытеснил его не только из университета, но удалил, также, из двух львовских гимназий и запретил к употреблению составленные им учебники. В значительной мере под влиянием этих преследований, Головацкий переселился в 1867 г. в Россию, где сделался председателем комиссии для разбора и издания древних актов в Вильне. Такова же судьба некоторых других видных русофилов, вроде Наумовича. Но наибольшее впечатление на русинов произвел выдвинутый Голуховским проект введения в галицкой письменности латинского алфавита, так называемого «абецадла», грозившего им окончательной полонизацией. Все русское с этих пор стало пользоваться особенной популярностью, а русская азбука и церковнославянский язык стали знаменем в борьбе с воинствующим полонизмом.

Поляки, впрочем, скоро поняли, что полонизация галичан в условиях Австрийской Империи — дело нелегкое. Нашлись люди, доказавшие, что оно и ненужное. Украинизация сулила больше выгод; она не столь одиозна, как ополячивание, народ легче на нее поддается, а сделавшись украинцем — уже не будет русским.

В этом духе началась обработка венского правительства, которому идея украинизации нравилась тем, что позволяла перейти из оборонительного положения в наступательное.

Обрусение галичан чревато было опасностью отделения края, украинизация не только не несла такой опасности, но сама могла послужить орудием отторже-

ния Украины от России и присоединения ее к Галиции. Полагали, что хорошей приманкой в этом отношении станет конституция 1868 г., по которой все населявшие Австрийскую Империю национальности получили равноправие и культурную автономию. Галичанам ставилась задача: прельстить Украину этой конституцией. «Русско-украинское слово, — писал львовский профессор О. Огоновский, — замолкло в южной России и пользуется мирным приютом только в монархии австро-венгерской, где конституция дает отдельным народностям свободу оберегать исконные народные права».

Австрийцы, по-видимому, до такой степени увлеклись мечтами об отторжении Украины, что с течением времени возникла идея подыскать для будущего украинского королевства достойного кандидата на трон, какового нашли в лице принца Вильгельма Габсбургского, названного Василем Вышиванным. В Вене и в Львове заинтересованные круги убедили «Василя» перейти из латинского обряда в Унию. Сам наследник австрийского престола Франц-Фердинанд принял горячее участие в этой аванюре.

Как только польский план в Вене получил санкцию, в Галиции тотчас возникла «народная» партия в противовес «объединителям» (москвофилы) и целый вспомогательный аппарат в лице О-ва «Просвита», газет «Правда», «Дило», «Зоря», «Батькивщина» и многих других.

Ядро и основу «народной» партии составило униатское духовенство. Уния в свое время задумана была в целях денационализации подвластного Польше русского населения, но цели своей не достигла. Через несколько поколений после насильственного обращения, галицкое население стало рассматривать свою новую Церковь, как «национальную», отличную от польской. Но то обстоятельство, что униаты находились в юрисдикции Ватикана, испытывая постоянное влияние иезуитов, венских и краковских папских миссий, не могло не наложить печати на галицкое духовенство. Оно не могло выйти из русла общественно-политических идей католицизма.

ма и сделалось распространителем ультрамонтанства в крае. Особенно ревностно служил этим целям «Русский Сион» — орган львовских церковников. Он же стал одним из органов «народовства» и даже начал с некоторых пор печататься в типографии «Наукового Товариства им. Шевченка», а о. Качали, политический руководитель униатского духовенства, сделался председателем этого «товариства» — любимого детища народовой организации. «Правда», главный орган народовцев, не только оказывала всяческое почтение «Русскому Сиону», но в 1873 году распространяла предвыборный манифест клерикалов. Немало молодых людей из духовенства вступило в ряды народовцев.

Светская народовская интеллигенция чрезвычайно довольна была таким союзом. Драгоманову приходилось неоднократно слышать от львовских украинофилов, что Уния — «саме українська вира бо вкупі і православна і не москівська». Эта светская интеллигенция представляла была большею частью поэтами, литераторами, учителями, чиновниками. Среди них встречалось немало поляков, умело прикидывавшихся друзьями галицийского народа и рьяно поддерживавших украинизацию.

Уже из этих кратких сведений можно заключить об общественно-политическом и культурном лице народовства. Оно задумано как строго охранительное, с точки зрения австрийской государственности и польских аграриев. Униатское ультрамонтанство придало ему колорит, явившийся полной неожиданностью для Драгоманова, стремившегося изо всех сил в Галицию — обетованную землю свободы. Как раз в тот год, когда ему удалось вырваться из фараонской России, в Галиции разыгрался любопытный эпизод. Туда пришло из Праги новое двухтомное издание «Кобзаря», в которое попали стихи и поэмы дотоле неиздававшиеся. Это было в пятнадцатую годовщину смерти Шевченко. Нынешний читатель, знающий, каким ореолом святости окружен у галичан «пророк и мученик Украины-Руси», подумает, что «Кобзарь» был встречен с колокольным звоном. Встреча, однако,

вышла совсем иной. Весь клерикальный Львов кипел возмущением. Требовали отмены вечеров и празднеств, назначенных по случаю траурной годовщины. Профессор Омелян Огоновский написал в «Русском Сионе»: «Заявляю публично, що если бы я був знав, що в Станиславови устроється вечер в память Шевченко, то бувбим учеником моим таки из кафедры заказав удил в том брати».

Причина такой реакции заключалась в стихах «апостола», совершенно неприлично звучащих для церковного уха: «Все брехня: попи й цари». Или:

*... будем, брате,
З багрянлиць онучи драти,
Люльки з кадил закурят,
«Явленными» печь топити,
Кропилами будем, брате,
Нову хату вымитати.*

Атеизм Тараса Григорьевича был замечен еще в России, где на него составили, однажды, протокол по поводу богохульных речей. Максимович сам рассказывал Костомарову, что под Каневым Шевченко держал речь в шинке про Божию Матерь, называя ее «покрыткой» и отрицая непорочное зачатие. Поэма его «Мария», написанная, видимо, под впечатлением пушкинской Гаврилады, вполне подтверждает наличие у него таких взглядов. Особенно возмутила Огоновского сцена с Архангелом Гавриилом, когда он «у ярочку догнав Марию...». Едва ли, однако, не самыми одиозными были стихи о Папе Римском:

*На апостольском престоле
Чернец годованый сидить.*

«Одно еще було отрадою нашою, — писал Огоновский, — що у нас не було до сих пор контррелигиозных (антирелигиозных) писем в языци руським. Теперь, од-

нако, и тии появились, а то в роди поэзий шевченковских». Обнаружив в этих «поэзиях» «много такого, що вири й моральности есть шкодливе» — клерикалы обрушились на общество «Просвиту», главного виновника пражского издания «Кобзаря» и распространителя его в Галиции. И тут воочию стало ясно, кто хозяин народо-вского движения. «Просвита» вела себя, как провинившийся школьник и робко оправдывалась, ссылаясь на то, что Шевченко не католик и не знает хорошо догматов. Ссылались на его душевную неуравновешенность, как результат перенесенных в ссылке страданий, но «поэзий» своего пророка никто и не думал защищать. В умаление своей вины «Просвита» указала на то, что вредное влияние шевченковских стихов на юношество сведено к минимуму, благодаря разделению «Кобзаря» на два тома. В первом собрано все, что народ может читать без вреда для своего умственного и нравственного здоровья, и, только во второй том попали «опасные» произведения. Но второй том выпущен в меньшем количестве экземпляров, стоит гораздо дороже, и продавать его будут не всякому, а так сказать, «смотря по человеку». Шевченко оказался поделенным на две части — одну для профанов, другую для посвященных.

Опасен он был и такими поэмами, как «Гайдамаки», где воспевается резня польских панов украинскими мужиками. Мотив ненависти крестьян к барам совершенно был неприемлем для Галиции, и Шевченко стали причислять в местном вкусе. Когда львовское народо-вство не определилось еще и не сформировалось, галицкия газеты вроде «Меты», «Вечерныци», помещая статьи о певце «казацко-украинской республики» и рисуя его пророком восстания против Москвы, не забывали всегда прибавлять — «и Польши». Но уже к концу 60-х годов, особенно после образования общества «Просвита», Польша изымается из подобных контекстов. В книжке Ом. Петрицкого «Провидни идеи в письмах Т. Шевченко», выпущенной в 1872 г., поэт представлен только, как враг Москвы. В 1877 г., в «Газете Школьной», тот же Петрицкий писал:

«Шевченко був отвертим противником России и ии панування над Україною». Но ни о Польше, ни об Австрии, владевшей изрядным куском территории, которую Петрицкий именовал тоже Украиной, не сказано ни слова.

По свидетельству Драгоманова, на всех вечерах и концертах, где декламировались стихи Шевченко, на всех чтениях для народа, можно было заметить строгий отбор: все антипольское, антиклерикальное, антипомещичье устранялось. Допускалось только антимосковское.

Случай с «Кобзарем» был полной неожиданностью для Драгоманова, и уже тогда раскрылись у него глаза на народовство, названное им впоследствии «австро-польской победоносцевщиной». Вместо свободы мысли, слова, совести и всех демократических благ, ради которых покинул родину, он увидел в конституционной стране такой вид нетерпимости и зажима, который хуже цензуры и административных запретов. Церковный контроль над умственной жизнью был ему особенно тягостен, он полагал, что религия и общественно-политическая жизнь — две сферы, которые не должны соприкасаться. В украинском вопросе он особенно стремился к исключению каких бы то ни было религиозных тем и мотивов. Но не так думали львовские «диячи».

Церковное влияние им представлялось важнейшим политическим рычагом. В продолжении второй половины XIX века, в Галиции шла деятельная работа по перестройке Унии на латинское католичество. Возникшая в XVI веке, как ступень к переходу от православия в католицизм, она теперь, через 300 лет, собиралась как бы завершить предназначенную ей миссию. Инициатива исходила, конечно, от польско-австрийских католических кругов и от Ватикана. Само собой разумеется, что государственно-краевая польская власть всемерно этому содействовала. Дошло до открытой передачи одного униатского монастыря в ведение иезуитов. П. Кулиш выпустил, по этому поводу, брошюру в Вене с протестом против возобновления католического *Drang nach Osten* в Галиции; энергично восстали и «москвофилы». Но сре-

ди народовцев началось брожение. Сначала, большинство было явно против церковной реформы и посылало совместно с москвофилами специальную депутацию в Вену для выражения протеста, однако, под натиском реакционного крыла возглавлявшегося «Моисеем львовских народовцев» Володимером Барвинским, оппозиция большинства была сломлена и к концу 80-х годов отказалась от противодействия реформе. Только небольшая группа, собравшаяся вокруг газеты «Дело» — «щось бормоче проти ней та не зважується на ришучу оппозицію»¹⁷³. Но и эта группа была яростной противницей каких бы то ни было симпатий к православию, проявлявшихся среди москвофилов. Малейшее выступление в пользу православия вызывало у всех народовцев, без исключения, крики об измене нации и государству и немедленное обращение за помощью к панско-польско-католической полиции.

Не меньше, чем веротерпимость, раздражала народовцев «хлопомания» Драгоманова, его превознесение мужика, простого народа, и постоянное напоминание о его интересах. На этой почве у них и произошло первое столкновение с ним в 1876-1877 гг. Защищать мужика против барина и натравливать его на барина можно и желательнее в русской Украине, но в польской Галиции это означало «нигилизм», «космополитизм» и государственную измену.

Надднепрянские деятели сильно просчитались, надеясь найти в Галиции тихую заводь, где бы они спокойно писали антимосковские книги, прокламации, воспитывали кадры для работы на Украине и создали бы себе надежную штаб-квартиру. Гостеприимство им было оказано с полного одобрения австрийцев и поляков, но в то же время дано понять, что тон украинскому движению будут задавать не они, а галичане. Чтобы уяснить, что это означало для самочувствия «схидняков», надо помнить, что люди, устремившиеся в Галицию, вроде Кулиша, Драгоманова, — по уму, по образованию, по талантам, стояли

173. Драгоманов М.П. Листы на Наднипрянку Украину.

неизмеримо выше своих галицких собратьев. Самые выдающиеся среди галичан, вроде Омеляна Огоновского, выглядели провинциалами в сравнении с ними. «Для росиян галицка наука — схолястика, галицка публицистика — реакційна, галицка беллетристика, псевдоклясична мертвечина», — писал Драгоманов¹⁷⁴. Тем не менее, на него и на всех малороссов во Львове смотрели сверху вниз, полагая, что оные малороссы «ни мовы ридной, ни истории не знали», но кичливо посягали на западную образованность, на немецкую философию и науку. «До принятия мудрости немецкой паны украинци не були еще приспособлени, а опроче культура чужа могла б таких недолюдкив зробити каликами моральними». Так писала в 1873 году львовская самостийническая «Правда». По словам этой газеты «таки недоуки, полизавши дешто немецкой философии, всяку виру в Бога мусили втратити. От и жерело ужасного нигилизму».

Им отвели роль учеников и подручников, кормило же правления осталось в руках местных украинофилов — царских подданных и союзников польской шляхты. Поляки и австрийцы не для того начинали игру, чтобы доверить ее неизвестным и чужим людям. Контроль должен находиться в руках местных сил. Пришельцам надлежало, выражаясь современным советским языком, подвергнуться «перековке»; надо было вытряхнуть из них москальский дух. А под москальским духом разумелись, прежде всего, революция и социализм. Ведь то была эпоха царубийств, террора, хождения в народ и самого широкого разлива революционных страстей.

Поляки, сами прославшие на Руси страшными революционерами, относились к русскому революционному движению брезгливо. Им очень нравилось, когда П. Лавров на банкете, или Вера Засулич на митинге в Женеве по случаю 50-летия со дня польского восстания 1830 г. произносили горячие речи, причисляя это восстание к лику мирового освободительного движения. Нравилась им постоянная защита польского дела. Газета «Dzennik

174. Там же. С. 72.

Polski» в 1877 г. писала: «Московские революционеры нуждаются в поляках, как поляки в московских революционерах». Но этот альянс с террористами и нигилистами терпим был лишь в той мере, в какой его находили полезным национальным видам Польши. Самый же нигилизм и социализм представлялся ничуть не симпатичнее самодержавия и считался явлением одного с ним порядка — порождением духа варварской нации. В воспоминаниях старых революционеров можно прочесть о неприязненном отношении польских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, к русской революционной молодежи — студентам и студенткам цюрихского университета. В том же Цюрихе, в польском музее основанном графом Платтером, где директором состоял Духинский, висела карта Европы с надписью пояснявшею, что «туранская Московщина» всегда была отмечена знаком неволи и коммунизма, тогда как «арийская Польша и Русь» — свободой и индивидуальностью.

Галицийские поляки и выпестованные ими «народовцы» иными взглядами на москалей, разумеется, не отличались. «Русский Сион» — орган униатского духовенства писал в 1877 г.: «Социализм и нигилизм распространены только в северной России, которая переполнена тайными организациями и завалена агитационными листками и брошюрами». Газета полагала, что ни в Малой Руси, ни в Галиции подобное невозможно. Это не мешало им в каждом «дияче» прибывавшем из Малороссии видеть возможного носителя революционной бациллы. Схидняки подвергались, своего рода, карантину. И вот оказалось, что у самого крупного украинского лидера — Драгоманова — оная бацилла обнаружена. Драгоманова встретили жестоким огнем. В печати начали высказывать предположения о нем, как об агенте царского правительства. Пришли к заключению, что царизм в своих происках дошел до идеи разложения Галиции изнутри путем посылки туда украинских социалистов. «Сотки рублив выдають на вигодне житье по метрополиях чужих, сотками оплачують далеки дороги, сотки выдають на пу-

бликации...», — писала «Правда». Драгоманова форменным образом затравили так, что он вынужден был бежать в Женеву. Против друзей его возбудили судебное преследование.

В 1877-1878 гг. во Львове состоялось несколько процессов «социалистов». На процессах выяснилось, что галичанам и их хозяевам полякам страшен был не социализм, как таковой. Поляки привыкли делить социализм и социалистов на плохих и хороших. Хорошими были те, что поддерживали помещичьи польские восстания, ратовали за возрождение старопанской Польши и не вели агитации среди крестьян. В этом смысле, больше всего привлекала их немецкая социал-демократия, высказывавшаяся наиболее горячо за восстановление польского государства. Но стоило кому-то из немцев подать идею об издании листка на польском языке для пропаганды социализма среди познанских поляков, как польская печать злобно ощерилась на вчерашних друзей.

Так и социализм Драгоманова не вызвал бы столь острой реакции, если бы отличался более или менее безразличной для поляков окраской. Но он был, как раз, антипольский, антипомещичий. Драгоманову, как историку и как малоруссу, был хорошо известен ложный характер польской шумихи в Европе. Он много возражал Марксу и марксистам, отождествлявшим национальное возрождение Польши с успехами мировой революции, и столь же энергично боролся против механического усвоения этого взгляда русскими марксистами и революционерами, близкими к Первому Интернационалу. Польские восстания и вся национально-освободительная борьба поляков представлялись ему реакционными старопанскими бунтами с целью возродить осужденную историей феодальную Речь Посполиту, считавшуюся всегда «адом для крестьян», особенно инациональных. Запад, по его словам, знал только обращенное к нему лицо национально угнетенной Польши, но не замечал ее угнетательского лица на Восток, где она выступала поработителем чужих национальностей. Лозунг «за нашу и вашу

свободу!» останется ложью, по мнению Драгоманова, до тех пор, пока поляки не откажутся считать «своими» литовские, латышские, белорусские и украинские земли. В таком смысле он и развивал свои взгляды в Галиции. Дело национального освобождения украинцев в областях распространения польского землевладения понималось им, как борьба украинского крестьянства с панами. На львовском процессе 1877 г. оглашено было его письмо к Павлику, найденное при обыске у польского социалиста Котурницкого. В нем Драгоманов писал: «Польские социалисты должны с первого же раза заявить, что их целью никоим образом не может быть восстановление польского государства 1772 г., даже социалистического, но организация польского народа на польской земле, в связи с украинскими социалистами, которые организуют свой народ на его земле».

Не трудно представить впечатление, произведенное такими высказываниями на галицких поляков. Никакие самые злостные террористы и коммунисты не могли вызвать большего беспокойства. Народовству предстояло показать, в какой степени оно заслуживает доверия и способно ли выполнить возложенную на него миссию? Справилось оно со своей задачей превосходно: в статье «Прояви социалистични миж українцями и их значиньє», «Правда» заявила вполне определенно, что если приднепрянская интеллигенция успела подпасть под влияние таких «лжепророков», то галицкие ее друзья должны будут «з пекучим болем в сердцу... взяти розбрат» с своими закордонными коллегами, а вину за такой печальный конец возложить на самих лжепророков.

Сделавшись дважды эмигрантом, Драгоманов из Женевы следил за львовскими делами, вел через друзей «просветительскую» деятельность, вербовал сторонников и тратил много усилий, чтобы создать свою фракцию в народовском лагере. Под конец ему удалось образовать радикальную группу, но этот успех вряд ли стоил понесенных затрат. Группа так бледна была во всех своих проявлениях, состояла из такого негодного материала,

что не пережила своего творца и была сведена на нет оппортунистом Грушевским. Драгоманов долго не терял надежды поладить с народовцами и полностью отдаться той работе, ради которой уехал из России. В 1889 году наступило что-то вроде амнистии. Он снова едет во Львов и принимает редактирование крупного народовского органа «Батькивщина».

Сотрудничество и на этот раз оказывается коротким. Через несколько месяцев он бросает работу и уезжает из Галиции, чтобы никогда в нее не возвращаться. По собственному его признанию, он старался избегать всего, что могло бы вызвать недовольство местных самостийников, но это оказалось непростым делом. Ему предложили либо отказаться от своих принципов и вести журнал так, как этого требовала народовская элита, либо сложить редакторские обязанности. Он избрал последнее. «Мне пришлось претерпеть ужасные муки в борьбе с народовцами», — признавался он впоследствии.

Драгоманов был не единственным, испытывавшим галицийское гостеприимство. Кулиш, уехавший туда в начале 80-х годов и проживший в Галиции около 3-х лет, тоже не мог сойтись с народовцами. В 1882 г. вышла во Львове его книга «Крашанка» — сплошной вопль отчаяния: «O ribaldi flagitiosi! Я приехал в вашу подгорную Украину оттого, что на днепровской Украине не дают свободно проговорить человеческого слова; а тут мне пришлось толковать с телятами. Надеюсь, что констатируя факты способом широкой исторической критики, я увижу вокруг себя аудиторию получше. С вами же, кажется, и сам Бог ничего не сделает, такие уж вам забиты гвозди в голову».

* * *

Народовцы не только социализма не принимали, но ни о какой славянской федерации слышать не хотели. По словам Драгоманова, они не желали следовать, даже «казацко-украинскому народовству и республиканству». Иными словами, на идеи и лозунги, под которыми развивалось русское украинство, в Австрии был наложен

интердикт. Патриотизму киевскому противопоставлен патриотизм львовский, и он считался истинным. Народовцы объявляли себя выразителями не одних галицийских чаяний, но буковинских, карпаторосских и наднепряньских.

Если в Киеве носились с идеей объединения всех славян, в том числе и русских, то во Львове это означало государственное преступление, грозившее развалом царской империи. Вместо славянской федерации, здесь говорили о всеукраинском объединении. Практически это означало соединение Украины с Галицией. Мыслилось оно не на республиканской основе; народовцы были добрые подданные своего императора и никакой другой власти не хотели. Полагая, что конституция 1868 года открыла для них эру благоденствия, они хотели распространения его и на своих «закордонных» братьев украинцев.

Называться украинцами, а Галицию именовать Украиной, народовцы начали в утверждение своего права заботиться и болеть сердцем за этих братьев, стонавших под сапогом царизма. Галичан и малороссов объявили единым народом, говорящим на одном языке, имеющим общую этнографию. Стали популяризировать неизвестных дотоле в Галиции малорусских поэтов и писателей – Котляревского, Квитку, Марко Вовчка, Шевченко. Эпизод 1876 года лишь на время поколебал треножник «Великого Кобзаря». Как только удалось принарядить его на польский манер и спрятать куда-то «несозвучные» с народовством стихи, он был восстановлен в своем пророчестве и апостольстве.

Приняв казачье имя Украины и украинцев, народовцы не могли не признать своим родным и казачьего прошлого. Его «республиканством» и «демократизмом» не восхищались, но его русофобия, его песни и «думы», в которых поносилась Москва, пришлись вполне по душе. Стали создавать моду на все казачье. Как всякая мода, она выражалась во внешности. По львовским улицам начали вдруг разгуливать молодые люди, одетые то ли кучерами,

то ли гайдуками, вызывая любопытство и недоумение галичан, никогда не знавших казачества. Позднее, в сельских местностях стали возникать «Сечи». Так именовались добровольные пожарные дружины. Каждая такая Сечь имела своего «кошевого атамана», «есаула», «писаря», «скарбника», «хорунжего» и т.д. Тушение пожаров было делом второстепенным; главное занятие состояло в церемониях, в маршировках, когда во главе отряда таких молодцов в синих шароварах шел «атаман» с булавой, трубил «сурмач», а «хорунжий» нес знамя. Этим достигалось воспитание в соборно-украинском духе.

Никому, однако, в голову не приходило идти в своих казачьих увлечениях дальше костюма, особенно во всем, что касалось запорожского отношения к государственной власти и к Польше. По словам Драгоманова, народская партия «не только мирилась с австро-польской правительственной системой, но сама превращалась в правительственную». Всякая тень агитации либо выпадов против Австро-Венгрии и Польши устранялась из ее деятельности.

Австрийским министрам никогда не писали таких «открытых писем», как адресованное русскому министру внутренних дел Сипягину и напечатанное во Львове в 1900 году: «Українська нація мусит добути собі свободу, хоч бы захиталась цила Росія. Мусить добути своє визволення з рабства національного и политичного, хоч бы полилися рики крови»¹⁷⁵. По всем высказываниям «народовцев» выходило, что Россия единственный угнетатель племен «соборной Украины». Напечатав в том же 1900 году брошюру Н. Михновского «Самостийна Украина», провозглашавшего ее «вид гир Карпатських аж по Кавказки», они ни словом не обмолвились о том, что для образования столь пространной державы препятствием служит не одна Россия. Элементарный политический такт требовал, чтобы для той части ее, что помещалась возле «гир Карпатських», указан был другой националь-

175. Журнал «Молодая Украина». См. предисловие Юрия Колларда к новому изданию «Самостийной Украины» Михновского (с. 8). Видавництво «Український Патріот», 1948.

ный враг. Между тем ни австрийцы, ни венгры, ни поляки в таких случаях не назывались.

Достоинно внимания, что и в наши дни галицийские панукраинцы, отзывающиеся с такой злобой о старой России, совершенно не упоминают Австрию в числе исторических врагов украинской культуры и независимости. В популярных историях своего края, вроде «Истории Украины з иллюстрациями»¹⁷⁶, царское правительство даже превозносится за учреждение школ «з немецкою мовою навчення». Благодаря этим школам, просвещение в крае сделало такие большие успехи, что «все те впливало (влияло) на культуру нашого народу, и так почалося наше національне відродження». И на той же странице — яростная брань по адресу русских царей, которые «завели московский устрий, московски школы, та намагались завести російську мову замість української». Нет числа возмущенным возгласам по поводу указа Валуева об украинском языке, но ни один галичанин не отозвался соответствующим образом о заключении правительственной австрийской комиссии, высказавшейся в 1816 г. о галицийском наречии, как совершенно непригодном для преподавания на нем в школах, «где должно готовить людей образованных».

Получалась картина: люди боролись не за свое собственное национальное освобождение и не с государством их угнетавшим, а с чужим государством, угнетавшим «закордонных братьев». «Пропала слава Украина — клятый москаль орудує».

*Гей москалю бисыв сыну,
Чортова дытыно,
Погубивесь ты свит цильй,
Цилу Украину.*

Ничего, что стихи эти принадлежат не русину, а поляку Паулину Свенцицкому, они были «в самый раз» и задавали тон народной прессе. Подхватывая их, журнал

176. Львов, 1944.

«Вечерница» писал: «Москали топчут на Украине правду и свободу, но пусть боятся малороссов: придет Божий суд, и когда-нибудь малороссы от Карпат до Кавказа сотворят такие поминки, что будет памятно внукам и правнукам». Это перевод стихов Ксенофонта Климковича. Столь же агрессивен этот писатель и в прозе. «Малорусский народ имеет на востоке Европы свою особую миссию: западные славяне вместе с малороссами начнут борьбу против северного опекуна и отбросят его на восток... к Пекину». Владимир Шашкевич призывал «славянскую Австрию» отбросить Москву на Север, «ибо Москва — опаснейший и грознейший враг прочих славян: она хуже Турции гнетет братние славянские народы»¹⁷⁷.

Программный характер таких высказываний засвидетельствован впоследствии обществом «Просвита», поставившим Климковичу и Шашкевичу в заслугу, приготовление «грунта до дальшой, успишнийшой роботы на народном поли».

* * *

Из всех ненавистников России и русского народа галицийские панукраинцы заслужили в настоящее время пальму первенства. Нет той брани, грязи и клеветы, которую они постеснялись бы бросить по адресу России и русских. Они точно задались целью все скверное, что было сказано во все времена о России ее врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат. Что русские не славяне и не арийцы, а представители монголо-финского племени, среди которого составляют самую отсталую звероподобную группу, что они грязны, вшивы, ленивы, трусливы и обладают самыми низменными душевными качествами — это знает каждый галицийский самостийник с детского возраста. Какой-то профессор Г. Ващенко, в журнале «Ридне Слово» (№ 9-10 за 1946 г.), размышляя о «Психологичних причинах недоли украинського народу», усмотрел эту «недолю» в соседстве с русскими, от которых украинцы, отличавшиеся всегда «духовным

177. Твори Л. Глебова, К. Климковича и В. Шашкевича. Львів, 1911.

аристократизмом», невольно набрались рабских плебейских замашек, потому что русские с их преклонением перед жестокой и сильной властью — прирожденные рабы». «Низкопоклонство, подхалимство, неискренность — вот свойства типичного русского». В мюнхенском журнале «Seowo Polskie» от 18 мая 1946 г. появилось открытое письмо в редакцию галичанина, не пожелавшего поставить под ним своей подписи.

Письмо начинается с того, что автора чуть не хватил удар, когда он прочел в одном из предыдущих номеров того же журнала сочувственные строки о взаимной симпатии и приязни между польским и русским народами. «Неужели еще в Польше никто не догадался, что этот восточный империалист, в котором так мало славянско-го и столь много азиатского — враг польский №1? Неужели действительно существует кто-либо в Польше, кто еще верит в дружбу или испытывает потребность дружбы с этим народом славяно-финско-монгольских бастардов?» По словам безымянного автора, лучше бы думать не о дружбе, а о том, как совместно с другими народами, пострадавшими от русских, «загнать их куда-нибудь за Урал и вообще в Азию, откуда эти приятели прибыли на несчастье человеческого рода»... Автор советует полякам дружить не с русскими, а с украинцами, потому что «можно пройти весь свет и не найти двух народов, более похожих друг на друга, чем польский и украинский». «Этнографическая граница между ними проходит — посередине их брачного ложа». Объединяет их и общеславянская миссия, как «самых чистых и самых старших представителей древней славянской культуры». К своему высокому обществу они могли бы привлечь разве только чехов. Вкупе с чехами они составили бы ядро «той чудесной коалиции, которая образуется между Балтийским морем, Адриатикой и Черным морем, и которая будет достаточно мощной, чтобы держать на поводу бастардов славяно-германских (пруссаков) на западе и бастардов славяно-финско-монгольских, пруссаков востока». Чтобы не быть превратно истолкованным и не дать по-

вода думать об антибольшевистском крестовом походе, автор поясняет: «Когда говорят «антибольшевистский блок угнетенных народов», то мыслят блок антирусский. Не в большевизме суть, она лежит в другом, а именно — в опасном русском империализме, который извечно угрожал обоим нашим народам. И поэтому наша борьба должна направляться не только против большевизма, но против всякой империалистической России, России большевистской и царской, России фашистской и демократической, России панрусистской и панславистской, России буржуазной и пролетарской, России верующей и неверующей... России Милюкова и России Власова, вообще против России, которая уже сама по себе синоним империализма».

Интересна здесь не злоба, пышущая из каждой строчки, а причина злобы. Откуда она? Быть может, это результат занятия Галиции советскими войсками, или короткой оккупации ее русской армией в 1914 году? Но если допустить такую версию, то чем объяснить, что вся теперешняя русофобия галичан — простое повторение того, что они писали еще в XIX веке и до первой мировой войны, когда никакой русской власти в глаза не видели и, следовательно, не имели оснований быть ею недовольными? Расовые теории и яростная брань по адресу России насчитывают добрую сотню лет своего существования. Они, безусловно, не местного русинского, а иноземного корня. Перед нами — любопытный случай пересадки идеологии с одной национальной почвы на другую. Русофобия в том виде, в каком ее исповедуют сейчас галицийские шовинисты, была получена в законченном виде от поляков. Насадив общеукраинское движение в Галиции, поляки снабдили его и готовой идеологией. К восприятию ее галичане подготовлены еще со времен Унии, когда им внушали, будто не они отступники от грекоправославной Церкви, а эта последняя представляет собой схизму, тогда как истинными сынами православного греческого вероисповедания могут считаться только униаты.

Нам приходилось уже обращать внимание на исключительную по энергии пропаганду, развитую поляками в Малороссии после ее присоединения к России и на старание поссорить малороссов с царским правительством. В горниле этой кипучей деятельности выработалась постепенно вся сумма воззрений на русских и на украинцев, которая в XIX веке была систематизирована, получила наукообразную форму и вручена была галичанам, как евангелие украинского национального движения. Выработка этой теории связана с именем польского профессора Духинского.

Франциск Духинский родился в 1817 г. и по происхождению был малоросс, хотя уже родители его оказались захвачены польским патриотизмом и польскими устремлениями. Выросший настоящим поляком, он с молодых лет интересовался русско-польскими отношениями в древности и писал в конце 30-х годов какие-то сочинения на эту тему. Эмигрировав, он поселился в Париже, потом в Швейцарии, жил в Италии, в Константинополе, потом опять в Париже, где стал профессором местной польской школы. Известность приобрел своими парижскими публичными лекциями по польской истории, в которых и развил знаменитую теорию о взаимных отношениях славянских племен. Успех его чтений среди французов был исключительный и объяснялся, кроме обычного для них невежества в вопросах славистики, также и русофобией, широко распространенной в тогдашней Франции. Исторические опусы свои Духинский напечатал в 1847-1848 гг. в одном из польских изданий в Париже, а в 1858-1861 гг. выпустил в виде трехтомного труда под заглавием «Zasady dziej w Polski i innych kraj w Slowianskich».

Труд этот давно забыт и ни одним ученым всерьез не принимается. Интересен он только как документ общественно-политической мысли своего времени. Излагая взаимоотношения поляков с прочими славянскими народами в прошлом, автор наибольшее внимание уделяет Руси. Русь, по его словам, представляет простую

отрасль, разновидность народа польского; у них одна душа, одна плоть, а язык русский — только диалект, провинциальное наречие польского языка. Конечно, под Русью надлежит разуметь не тот народ, который себя называл этим именем в XIX веке — не москвитов. Русь — это галицкие русины и малороссы, которые только и достойны называться русским именем, тогда как современные русские присвоили это имя незаконно и в старину назывались москвитами и москалями. Произошло это присвоение сравнительно недавно, с тех пор, как москвиты захватили часть «русских» (украинских) территорий с их населением.

Екатерина Вторая высочайшим повелением даровала московскому народу имя русского и запретила называться древним именем «москвитян». В этом сказался, как бы, стыд варвара, вступившего в высшее культурное общество и захотевшего украсить себя именем благородного народа, спрятав свое хамское дикое имя подальше. В то время как русские, т. е. русины — чистые славяне, москали ничего общего со славянством не имеют. Это народ азиатский, принадлежащий к финско-монгольскому племени, и только слегка ославянившийся под влиянием русских (украинцев). Духинский категорически отрицает за москалями арийское происхождение, относя их к туранской ветви народов. Отсюда выводятся все низкие умственные и нравственные качества москалей и все ничтожество их культуры.

Большая часть польских образованных кругов приняла теорию Духинского с восторгом и повторяла ее на все лады. Во Львове в 1882 г. вышла книга некоего Бестронного «Przestroga Historji» (предостережение истории), где автор рассыпается изумительными вариациями на тему Духинского. По его словам, из 90 миллионов жителей Российской Империи только четвертая часть говорит языком российским и притом начала говорить им «не дальше, как сто лет тому назад». По словам автора, этот язык, происходящий от славянского языка, распространялся вместе с религией среди народов московского

государства еще тогда, когда в них не было ни капли славянской крови. «Жители империи особой московской народности не имели, мужества называться тем, чем они были в действительности, не имели мужества называться москалями, им казалось, что это оторвет их от Европы... В удивительном смешном ослеплении они думали, что имя москаля тождественно с варваром и что название их россиянами защитит их от укоров в варварстве. Им казалось, что Европа не знает о том, что делается в этой России, а хотя бы и знала — они лучше хотели быть варварами европейскими, чем достойным, свободным народом московским, хотели лучше угнетать и быть угнетаемыми, чем принять название москалей и признать себя финско-монгольским племенем, они назвались славянами».

Произведений, подобных этому, появилось множество, благодаря чему теория Духинского приобрела широкую известность, не только в польских землях, но и за границей. Она была воспринята французским историком Анри Мартеном и по причине полной неосведомленности европейцев о России долго процветала во Франции как «научная». Понадобился авторитет Рамбо, чтобы вывести французскую науку из недостойного положения.

Русские украинофилы встретили учение Духинского отрицательно. В 1861 году в ответ на появившуюся в сентябрьском выпуске «Revue Contemporaine» статью «La verit sur l' esprit russe» Костомаров напечатал в «Основе» отповедь «Правда полякам о Руси» с возражениями на исторические рассуждения Духинского.

Совсем иначе отнеслись к духинщине галицийские панукраинцы. Для них она явилась той идейной манной, на которой они возросли и которой питаются до сих пор. Они пошли на выучку к польскому шовинизму. Наибольшим успехом он пользовался именно во Львове — столице Галиции. Здесь собралась наиболее рьяно, наиболее гонорово настроенная часть польских националистов, главным образом, участников неудавшегося восстания 1863 г.

Кичливая заносчивость при жалком положении, позерство, самовыхваление, путчи́зм, страсть к заговорам

и баррикадам, непрерывный барабанный бой в речах и в печатных выступлениях снискали им, даже у самих поляков, прозвание «трумтадратов». Эта группа никогда не ломала головы над размышлениями об излечении вековых болезней своей страны, дабы подготовить ее организм к возрождению. Она и слышать не хотела об этом, но бранила Россию на чем свет стоит, считая ее главной виновницей польских разделов. Чем крепче обругать, чем глубже унижить ее в своих речах, тем ближе казался день возрождения Польши. Духинский стал их кумиром, а Львов местом пышного цветения его теории. К ней присоединили и «Историю Русов». Сам Духинский высоко ценил это произведение. В своей книге «Peuples Agyas et Tourans», вышедшей в Париже в 1867 г., он назвал его «обвинительным документом против Москвы».

* * *

Национальная доктрина «Украинского Пьемонта» ясна: быть украинцем, значит быть антирусским. «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к ее врагам... Возрождение Украины – синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчатам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать кацапской родней»¹⁷⁸. О том, к каким страстям и настроениям апеллировал этот лозунг в самой Украине и как это отразилось на днепровском национализме, скажем в следующей главе. Здесь же упомянем, хоть вкратце, о заключительном этапе галицкого народовства.

С началом первой мировой войны, оно проявило свое лицо созданием отрядов австрийских янычар, под именем Сечевых Стрельцов, а также всевозможных шпионско-диверсантских организаций типа «Союза Вызволения Украины», работавших в пользу Австрии против России. Но мировая война кончилась крахом Австрийской империи и полным переворотом в судьбе Галиции. Она

178. Українська Хата. 1912. Т. VI. С. 350.

оказалась, как полтора столетия тому назад, в составе возродившейся Речи Посполитой. Поляки сделались теперь не краевой, а государственной властью для русин; все их поведение резко изменилось. Возродились религиозные и национальные притеснения в формах, напоминающих XVIII век. Изменилось, разумеется, и отношение к народовой партии. Она им стала не нужна. Кое-что в ее практике допускалось как приманка для подсоветских украинцев, но во всем остальном она было стеснена и ограничена. Два бывших союзника превращались постепенно во врагов.

Но тут и сказалась сила инерции. Несмотря на то что Польша стала отныне врагом номер 1 и яростным угнетателем галичан, национальная идеология «Украинского Пьемонта» осталась, как прежде, заостренной не против нее, а против Москвы. Переменить или преобразовать ее галичане оказались неспособны. Они пронизали ею всю свою печать, труды и учебники по украинской истории и подчинили ей систему воспитания молодого поколения. Детям самого нежного возраста внушали расово-ненавистнические взгляды на москалей, целые поколения оказались воспитанными в принципах духинщины и трумтадратства.

Не изменила их и вторая мировая война, снова уничтожившая независимую Польшу. Уйдя в эмиграцию, народовство осталось верным до сего дня духовному наследию 70-х и 80-х годов.

Формальный национализм

Мы здесь не пишем истории самостийничества. Наша задача — проследить, как создалось его «идейное» лицо. На Украине, к концу 70-х и в 80-х годах, оно совсем было утрачено. Перестав быть частью революционного или, по крайней мере, «прогрессивного» движения, украинство не знало, чем ему быть дальше. Лучшая часть «Громады» продолжала заниматься учеными трудами, писала стихи и романы, но огня, оживлявшего деятельность первых

украинофилов от Рылеева и кирилло-мефодиевцев до Драгоманова, не было. Зато возник угарный чад, какой исходит от тлеющих углей после того, как пламя потухнет. Начался безыдейный украинизм, не ищущий себе смысла и оправдания. В отличие от своего предшественника он не задавался вопросом: зачем надо было внушать малороссийскому крестьянину, что он — «окрема» национальность, зачем надо было обучать его в школе не на общерусском письменном языке, а на разговорной мове? Костомаров и Драгоманов имели на этот счет обоснованное суждение, исходившее из соображений социального и политического прогресса. Никаких таких соображений у последующих украинофилов не было. Их логика проста: раз нас «пробудили» и назвали украинцами, особой национальностью, так надо и быть ею, надо, как все порядочные нации, обладать своей территорией, своими государством, языком, национальным флагом и своими послами при иностранных дворах.

Народился тип националиста, готового мириться с любым положением вещей, с любым режимом, лишь бы он был «свой» национальный. От 70-х и 80-х годов тянется нить к тому эпизоду 1919 г., когда один из членов Директории на заседании Украинской Рады заявил: «Мы готовы и на советську владу, аби вона была українська». Никто тогда оратору «не заперечил» и впоследствии многие видные деятели самостийничества во главе с М. Грушевским, перешли к большевикам, удовлетворившись внешней национальной формой советской власти на Украине.

Проф. Корсаков рассказывает в своих воспоминаниях¹⁷⁹ о киевской молодежи, которая в 70-х годах группировалась вокруг Костомарова. Молодые люди любили и почитали его, называли «дидом», но в их обращении с ним заметна была ласковая снисходительность, какая бывает иногда к милым, но выжившим из ума старичкам. Чувствовалось, что его чтят за прежние заслуги, но все-

179. Корсаков Д. Константин Дмитриевич Кавелин // Вестник Европы. 1887. Авг.

рьез не принимают. Он высказался против искусственного создания нового литературного языка — ему на это не возразили, но язык продолжали сочинять с удвоенной энергией. Он предостерег от увлечения распространенным в Галиции учением Духинского, насыщенным ненавистью к москалям, — ему опять ничего не возразили, но национальная доктрина все более проникалась идеями Духинского. Он пользовался каждым случаем, чтобы заявить об отсутствии у украинского движения намерения отделить свой край от России или даже посеять семена розни между двумя братскими ветвями русского племени — а украинское движение в это время делало все, чтобы заложить основу такой розни. Напрасно он уверял весь мир, будто украинофильство ничего не ищет, кроме умственного, духовного и экономического развития своего народа, — он говорил только за самого себя. Воспитанному им юношеству уже тогда грезилась возрожденная рада, гетманы, бунчуки, червонные жупаны и весь реквизит казачьей эпохи.

Драгоманов, строго осуждавший такой образ мыслей, прозвал его «формальным национализмом». Его насаждение шло параллельно с ростом нового поколения и с превращением украинского самостийничества в провинциальный отголосок галицкого народовства. Кто не принял запрета, наложенного на антиавстрийскую и антипольскую пропаганду, не дал ясных доказательств своей русофобии, кто не поцеловал туфли львовского ультрамонтанства, тот как бы отчислялся от самостийничества.

Люди нового склада, не державшиеся ни за социализм, ни за космополитизм, полуобразованные, не чувствовавшие уз, что связывали прежних украинофилов с русской культурой, начали целовать эту туфлю и говорить о России языком Духинского.

Это они были теми «масками, размахивавшими картонными мечами», о которых писал Драгоманов. Еще в 70-х годах они развили подозрительную деятельность по ввозу галицийской литературы в Малороссию.

Они же поставляли ложную информацию галичанам, внушая миф о существовании проавстрийской партии на Украине. Впоследствии, к началу 900-х годов, когда эти люди вышли на передний план, в них уже трудно было распознать малороссов. Многие отреклись от своих учителей, осудили их, назвав «поколением белых горлиц» — прекраснодушных, но абсолютно недейственных. Они преисполнялись боевого пыла, требовали рек русской крови, беспощадной борьбы с московщиной.

Вождем этого поколения и наиболее последовательным выразителем формального национализма стал Михаил Сергеевич Грушевский — питомец киевского университета, ученик проф. В.Б. Антоновича. Он сделался тем идеологом безыдейности, которого недоставало формальному национализму. Он же блестяще выполнил задачу слияния днепровского украинства с львовским народовством, будучи одинаково своим и на Украине, и в Галиции. Человек он был, безусловно, талантливый, хотя вождем самостийничества его сделали не идея, не новые оригинальные лозунги, а большие тактические и маневренные способности. Только этими способностями и можно объяснить, что он, прошедший киевскую громадянскую (почти драгомановскую) школу, переселившись в 1894 году в Галицию, не только был там хорошо принят, но занял руководящее положение, стал председателем Наукового Товариства им. Шевченко и в течение 20 лет оставался признанным вождем общеукраинского движения. Выполняя программу и начертания народовцев, он сумел сохранить себя чистым от налета «австро-польской Победоносцевщины» и не оттолкнуть группы радикалов — последователей Драгоманова, численно незначительных, но пользовавшихся симпатиями заграничей. Он решился даже на союз с ними при выборах в Рейхстаг в 1897 г., и это не отразилось на благоволении к нему матерых народовцев.

Через два года он основал вместе с Романчуком партию, которая хоть и состояла из элементов, мало чем отличавшихся от последователей Барвинского, но носила

название «Народно-Демократической». И опять это название прикрыло его от нареканий слева, а в то же время практика партии, особенно «дух» ее, вполне удовлетворяли барвинчиков.

Новая партия пошла, по выражению Грушевского, «по равнодействующей между консервативным и радикальным направлениями». Это была наиболее удобная для самого Грушевского позиция. Она и на Украине, и среди русской революционной интеллигенции не создала ему репутации реакционера, а в Галиции избавила от обвинений в нигилизме и социализме.

Конечно, он дал все доказательства лояльности в отношении Польши и Австрии и соответствующей ненависти к России. Она ясно видна в его статье «Українськоруське літературне відродженне», появившейся в 1898 г., где он мечтает о «прекрасном дне, когда на украинской земле не будет *врага супостата*»¹⁸⁰; но особенно много клеветы и поношений России содержится в его статье «Die Kleinrussen», напечатанной в сборнике «Russen ber Russland», вышедшем во Франкфурте в 1906 г.

Если враждебных выпадов его против России можно насчитать сколько угодно, то трудно привести хоть один направленный против Австро-Венгрии. Особого внимания заслуживает отсутствие малейшего осуждения Духинщины. Прежнее «поколение белых горлиц» не по одним научно-теоретическим, но и по моральным соображениям отвергло это расово-ненавистническое учение. Грушевский ни разу о нем не высказался и молчаливо принимал, тесно сотрудничая с людьми, взошедшими на дрожжах теории, которой так удачно воспользовался в наши дни Альфред Розенберг.

По отношению к России Грушевский был сепаратистом с самого начала. Сам он был настолько тонок, что ни разу не произнес этого слова, благодаря чему сумел прослыть в России федералистом типа Драгоманова. Даже летом 1917 года, когда образовалась Центральная Украинская Рада и тенденция ее основателей ясна была ре-

180. Литературный Науковий Вистник. 1898.

бенку, многие русские интеллигенты продолжали верить в отсутствие сепаратистских намерений у Грушевского. Кое-кто и сейчас думает, что будь Временное Правительство более сговорчиво и не захвати большевики власть, Грушевский никогда бы не встал на путь отделения Украины от России. И это несмотря на то, что он летом 1917 г. выдвинул требование выделения в особые полки и части всех украинцев в действующей армии. Еще в 1899 г., в Галиции, при создании «Национально-Демократической Партии», он включил в ее программу тезис: «Нашим идеалом должна быть *Независимая Русь-Украина*, в которой бы все части нашей нации соединились в одну современную культурную державу»¹⁸¹. Отлично понимая невозможность немедленного воплощения такой идеи, он обусловил его рядом последовательных этапов. В статье «Украинский Пьемонт», написанной в 1906 году, он рассматривает национально-территориальную автономию, «как *минимум*, необходимый для обеспечения ее свободного национального и общественного развития»¹⁸².

Все, что происходило на Украине в годы революции, имело своим источником львовскую выучку Грушевского. Он больше, чем кто-либо, оказался подготовленным к руководству событиями 1917 г. в Малороссии.

* * *

Главным делом жизни этого человека, над которым он неустанно работал, был культурный и духовный раскол между малороссийским и русским народами. То было выполнение завещаний Духинского и «Истории Русов».

Началось с «правописа». Это было еще до Грушевского. В течение тысячи лет малороссы и все славяне, за исключением католицизированных поляков и чехов, пользовались кириллицей. Лингвистами давно признано, что это лучшая из азбук мира, наиболее совершенно передающая фонетику славянской речи. Ни одному малороссу в голову не приходило жаловаться на несоответствие

181. Дило. 1899. № 288.

182. Украинский Вестник. №2. Перепечатана в сборнике «Освобождение России и украинский вопрос». СПб., 1907.

ее букв звукам малороссийского говора. Не было жалоб и на типографский «гражданский» шрифт, вошедший в обиход со времени Петра Великого. Но вот с середины XIX века начинается отказ от этой азбуки. Зачинателем был Кулиш в период своего неистового украинофильства. «Кулешовка», названная его именем, представляла ту же старую русскую азбуку, из которой изгнали, только, букву «ы», заменив ее знаком «и», а для восполнения образовавшейся пустоты расширили функцию «и» и ввели неизвестный прежнему алфавиту знак «и». Это та азбука, которая узаконена сейчас в СССР. Но в старой России ее запретили в 90-х годах, а для Галиции она с самого начала была неприемлема по причине слишком робкого отхода от русского алфавита.

Русское правительство и русская общественность, не понимавшие национального вопроса и никогда им не занимавшиеся, не вникали в такие «мелочи», как алфавит; но в более искушенной Австрии давно оценили политическое значение правописания у подчиненных и неподчиненных ей славян. Ни одна письменная реформа на Балканах не проходила без ее внимательного наблюдения и участия. Считалось большим достижением добиться видоизменения хоть одной-двух букв и сделать их непохожими на буквы русского алфавита. Для этого прибегали ко всем видам воздействия, начиная с подкупа и кончая дипломатическим давлением. Варфоломей Копитар, дворцовый библиотекарь в Вене, еще в 40-х годах XIX века работал над планом мирной агрессии в отношении России. Он ставил задачей, чтобы каждая деревня там писала по-своему. Вот почему в своей собственной Галиции не могли довольствоваться ничтожной «кулешовкой». Возникла мысль заменить русскую азбуку фонетической транскрипцией. Уже в 70-х годах ряд книг и журналов печатались таким образом.

Фонетическая транскрипция употребляется, обычно, либо в научно-исследовательской работе, либо в преподавании языков, но ни один народ в Европе не заменял ею своего исторически сложившегося алфавита.

В 1895 г., Научное Товариство им. Шевченко при поддержке народных лидеров Гардера и Смаль-Стоцкого ходатайствует в Вене о введении фонетической орфографии в печати и в школьном преподавании. Мотивировка ходатайства была такова, что заранее обеспечивала успех: Галиции «и лучше, и безопаснее не пользоваться тем самым правописанием, какое принято в России».

Москвофильская партия, представлявшая большинство галицийского населения, подняла шумный протест, требуя сохранения прежней орфографии. Но венское правительство знало, что ему выгоднее. Победило народное меньшинство и с 1895 г. в Галиции и Буковине министерство народного просвещения официально ввело «фонетику». Даже поляк Воринский (далеко не русофил) назвал это «чудовищным покушением на законы лингвистики»¹⁸³.

В недавно появившемся очерке жизни и деятельности доктора А.Ю. Геровского рассказано, какими грубыми полицейско-административными мерами насаждалось фонетическое правописание в Буковине и в Закарпатской Руси¹⁸⁴.

Что же до галицийской читающей публики, то она, как рассказывает И. Франко, часто возвращала газеты и журналы с надписями: «Не смийте мени присылати такой огидной макулатуры». Или: «Возвращается обратным шагом к умалишенным»¹⁸⁵.

* * *

Правописание, впрочем, не главная из реформ, задуманных Научным Товариством. Вопрос стоял о создании заново всего языка. Он был камнем преткновения самых пылких националистических страстей и устремлений. Как в России, так и в Австрии самостийническая интеллигенция воспитана была на образованности русской, польской, немецкой и на их языках. Единого

183. Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 106.

184. Свободное слово Карпатской Руси. 1965. № 9-10 (USA).

185. Франко И. Молода Украина. С. 37.

украинского языка, даже разговорного, не существовало. Были говоры, порой, очень сильно отличавшиеся друг от друга, так что жители отдельных частей соборной Украины не понимали один другого.

Предметом самых неустанных забот, впрочем, был не разговорный, а литературный язык. Малороссия располагала великолепным разработанным языком, занявшим в семье европейских языков одно из первых мест. Это русский язык. Самостийники злонамеренно, а иностранцы и некоторые русские по невежеству, называют его «великорусским».

Великорусского литературного языка не существует, если не считать народных песен, сказок и пословиц, записанных в XVIII-XIX веке. Тот, который утвердился в канцеляриях Российской империи, на котором писала наука, основывалась пресса и создавалась художественная литература, был так же далек от разговорного великорусского языка, как и от малороссийского. И выработан он не одними великоруссами, в его создании принимали не меньшее, а может быть большее участие малороссы. Еще при царе Алексее Михайловиче в Москве работали киевские ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие, которым вручен был жезл литературного правления. Они много сделали для реформы и совершенствования русской письменности. Велики заслуги и белорусса Симеона Полоцкого. Чем дальше, тем больше юго-западные книжники принимают участие в формировании общерусского литературного языка — Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. При Петре наплыв малороссов мог навести на мысль об украинизации москалей, но никак не о русификации украинцев, на что часто жалуются самостийники.

Южнорусская письменность в XVII веке подверглась сильному влиянию Запада и восприняла много польских и латинских элементов. Все это было принесено в Москву. В свою очередь, киевские книжники не мало заимствовали от приказного московского языка, послужившего некоторым противоядием против латинизмов и по-

лонизмов. Получившееся в результате языковое явление дало повод львовскому профессору Омеляну Огоновскому утверждать, будто реформаторская деятельность малороссийских книжников привела к тому, что уже «можно было не замечать никакой разницы между рутенским (украинским) и московским языками»¹⁸⁶.

Еще в 1619 г. вышла в Евью та грамматика этого языка, написанная украинским ученым Мелетием Смотрицким, по которой свыше полутора столетий училось и малороссийское, и московское юношество, по которой учились Григорий Сковорода и Михайло Ломоносов. Ни тому, ни другому не приходило в голову, что они обучались не своему, а чужому литературному языку. Оба сделали крупный вклад в его развитие. В Московщине и на Украине это развитие представляло один общий процесс. Когда стала зарождаться светская поэзия и проза, у писателей тут и там не существовало иной литературной традиции, кроме той, что начинается с Нестора, с митрополита Иллариона, Владимира Мономаха, Слова о Полку Игореве, «житий», «посланий», той традиции, к которой относятся Максим Грек, Курбский и Грозный, Иоанн Вишенский и Исаия Ковинский, Мелетий Смотрицкий и Петр Могила, Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий, Ин. Гизель с его «Синописом», Сильвестр Медведев и Дмитрий Ростовский. Когда Богданович писал «Душеньку», Капнист «Ябеду» и «Оду на рабство», когда Гнедич переводил Илиаду — они создавали «российскую», но отнюдь не москальскую словесность. Ни Пушкин, ни Гоголь не считали свои произведения достоянием «великорусской» литературы. Как до, так и после Гоголя, все наиболее выдающееся, что было на Украине, писало на общерусском литературном языке. Отказ от него означает духовное ограбление украинского народа.

В самом деле, если уже в XVII и XVIII веках не было разницы между украинским и московским, как утверждает О. Огоновский, то не означает ли это существования языкового единства? Выбрасывая за борт московский,

186. Огоновский О. История литературы русской. Львов, 1887. Ч. 1.

можно ли было не выбросить украинского? Полонофильствующее народовство готово было выбросить что угодно, лишь бы не пользоваться тем же языком, что Россия, а украинцы «со востока» слишком страдали комплексом национальной неполноценности, чтобы не поддаваться этому соблазну. Их не отрезвили даже примеры Германии и Австрии, Франции и Бельгии, Испании и Южной Америки, чьи независимые государства существовали и существуют, несмотря на общность языков.

Началось лихорадочное создание нового «письменства» на основе простонародной разговорной речи, почти сплошь сельской. Введение ее в литературу — не новость. Оно наблюдалось еще в XVII веке у киевского монаха Оксенича-Старушича, переходившего иногда в своих устных и письменных проповедях на простонародную мову. Так делал в XI веке и новгородский епископ Лука Жидята. Практиковалось это в расчете на большую понятность проповедей. «Энеида» Котляревского написана, как литературный курьез, Квитка-Основьяненко, Гулак, Марко Вовчек — не более как «опыты», не претендовавшие на большую литературу и не отменявшие ее. Они были экзотикой и лишь в этой мере популярны. Не для отмены общерусской письменности упражнялись в сочинениях на «мове» и столпы украинского возрождения — Костомаров, Кулиш, Драгоманов. У первых двух это объяснялось романтизмом и к старости прошло. У Костомарова не только прошло, но превратилось в род страха перед призраком намеренно сочиненного языка. Такой язык не только задержит, по его мнению, культурное развитие народа, но и души народной выразить не будет. «Наша малорусская литература есть исключительно мужицкая», — замечает Костомаров, имея в виду Квитку, Гулака-Артемовского, Марко Вовчка. И «чем по языку ближе малороссийские писатели будут к простому народу, чем менее станут от него отдаляться, тем успех их в будущем будет вернее». Когда же на язык Квитки и Шевченко начинают переводить Шекспиров, Байронов, Мицкевичей — это «гордыня» и бесполезное занятие.

Интеллигентному слою в Малороссии такие переводы не нужны, «потому что со всем этим он может познакомиться или в подлинниках или в переводах на общерусский язык, который ему так же хорошо знаком, как и родное малорусское наречие». Простому мужику это еще меньше нужно; он вообще не дорос до чтения Шекспира и Байрона, а для перевода этих авторов не хватает в его языке ни слов, ни оборотов речи. Их нужно заново создавать. К такому же обильному сочинительству слов должны прибегать и те авторы, что желают писать по-малороссийски для высокоразвитого образованного читателя. В этом случае отступление от народного языка, его искажение и умерщвление неизбежно. «Любя малорусское слово и сочувствуя его развитию, — заявляет Костомаров, — мы не можем, однако, не выразить нашего несогласия со взглядом господствующим, как видно, у некоторых малорусских писателей. Они думают, что при недостаточности способов для выражения высших понятий и предметов культурного мира, надлежит для успеха родной словесности вымышлять слова и обороты и тем обогащать язык и литературу. У пишущего на простонародном наречии такой взгляд обличает гордыню, часто суетную и неуместную. Создавать новые слова и обороты — вовсе не безделица, если только их создавать с надеждою, что народ введет их в употребление. Такое создание всегда почти было достоянием великих дарований, как это можно проследить на ходе русской литературы. Много новых слов и оборотов вошли во всеобщее употребление, но они почти всегда появлялись вначале на страницах наших лучших писателей, которых произведения и по своему содержанию оставили по себе бессмертную память. Так, много слов и оборотов созданы Ломоносовым, Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Гоголем... Но что случилось с такими на живую нитку измышленными словами, как «мокроступы», «шарокаталице», «краткоодежие», «четвероплясие» и т.п.? Ничего кроме позорного бессмертия, как образчика неудачных попыток бездарностей! С сожалением должны мы при-

знать, что современное малорусское писательство стало страдать именно этой болезнью и это тем прискорбнее, что в прежние годы малорусская литература была чиста от такой укоризны. По крайней мере, у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовского, Шевченко, Стороженко, Марко Вовчка, едва ли найдется что-нибудь такое, о чем бы можно было с первого раза сказать, что малорусс так не выразится»¹⁸⁷.

Неодобрительно относился к искусственному созданию «литерацкой мовы» и Драгоманов, несмотря на то, что был одним из самых горячих протестантов запретительного указа 1876 года. Никто, кроме него же самого, не представил эти протестующие жесты в более невыгодном свете. В своих «Листах до наддніпрянської України», писанных в 1893 г., за два года до смерти, он делает такие признания, обойти которые здесь невозможно¹⁸⁸. Он рассказывает, что еще в 1874-1875 г., в Киеве, задумано было издание серии популярных брошюр энциклопедического характера на украинском языке. За дело принялись горячо, и на квартире у Драгоманова каждую неделю происходили совещания участников предприятия. Но тут и выяснилось, что никто почти не умеет писать по-украински. На этом языке печатались до тех пор только стихи и беллетристика, но ни научной, ни публицистической прозы не существовало. Первые опыты ее предприняты были лишь тремя годами позднее в Женеве, где Драгоманов в условиях полной свободы, не стесняемый никакими правительственными ограничениями, стал издавать журнал «Громаду». По его собственному признанию, он совсем не собирался выпускать его по-украински, и должен был сделать это только под давлением кружков «дуже горячих українців», среди которых была не одна зеленая молодежь, но люди солидные и ученые.

«И что ж? Как только дошло до распределения статей для первых книг «Громады», сразу же послышались, го-

187. Костомаров Н. Задачи украинофильства // Вестник Европы. 1882. Т. I (февр.).

188. В частности, от многого, что писал раньше, он отказывается, и многое из прежних высказываний не разделяет.

лоса, чтобы допустить не только украинский, но и русский язык». Драгоманов опять признается, что печатание журнала по-русски было бы самым разумным делом, но он захотел поставить вопрос «принципиально». Одной из причин такого его упорства было якобы желание «спробувати силу щирости и енергии українських прихильників» «Громады». И вот, как только удалось настоять на печатании по-украински, началось остывание «дуже горячих». Десять из двенадцати главных сотрудников журнала «не написали в нем ни одного слова, и даже заметки против моего «космополитизма» были мне присланы одним украинофилом по-русски. Из двух десятков людей, обещавших сотрудничать в «Громаде» и кричавших, что надо «отомстить» правительству за запрещение украинской печати в России, осталось при «Громаде» только 4. Двум из них пришлось импровизированным способом превратиться в украинских писателей»¹⁸⁹.

Шум по поводу запрета украинского языка был поднят людьми не знавшими его и не пользовавшимися им. «Нас не читали даже ближайшие друзья, — говорит Драгоманов. — За все время существования женевакого издательства я получал от самых горячих украинофилов советы писать по-украински только про специальные краевые дела (домашний обиход!), а все общие вопросы освещать по-русски». Эти друзья, читавшие русские журналы «Вперед» и «Набат», не читали в «Громаде» даже таких статей, которые, по мнению Драгоманова, стояли значительно выше того, что печаталось в «Набате» и «Вперед», — статей Подолинского, например. «Для них просто тяжело было прочесть по-украински целую книжку, да еще написанную прозой, и они не печатали своих статей по-украински ни в «Громаде», ни где бы то ни было, тогда как часто печатались по-русски». Такое положение характерно не для одних только 60-х и 70-х годов, но наблюдалось в продолжении всего XIX века. По свидетельству Драгоманова, ни один из украинских ученых, избранных в 80-х, 90-х годах почетными членами

189. Драгоманов М.П. Листы на Наднипрянскую Украину. С. 63-64.

галицких «народовских» обществ не писал ни строчки по-украински. В 1893 г. он констатирует, что научного языка на Украине и до сих пор не существует, «украинская письменность и до сих пор, как 30 лет назад, остается достоянием одной беллетристики и поэзии»¹⁹⁰.

Нельзя не дополнить этих признаний Драгоманова воспоминаниями другого, очень почтенного малоросса, профессора С.П. Тимошенко. Застрявший случайно, в 1918 г. в Киеве, в короткое правление гетмана Скоропадского, он был близок к только что созданной «Украинской Академии наук». «По статуту, — пишет он, — научные труды этой академии должны были печататься на украинском языке. Но на этом языке не существует ни науки, ни научной терминологии. Чтобы помочь делу, при академии была образована терминологическая комиссия и были выписаны из Галиции специалисты украинского языка, которые и занялись изготовлением научной терминологии. Брались термины из любого языка, кроме родственного русского, имевшего значительную научную литературу»¹⁹¹.

Положение, описанное Драгомановым для 90-х годов, продолжало существовать и в 1918 году.

Эти высказывания — великолепный комментарий к указу 1863 г. «Малороссийского языка», на котором можно было бы строить школьное преподавание, *действительно не существовало*, и Валуев не выдумал «большинства малороссов», которые протестовали против его легализации. Гегемония русского литературного языка меньше всего объясняется поддержкой царской полиции. Истинную ее причину Драгоманов усматривает в том, что «для украинской интеллигенции, так же как и для украинофилов, русский язык еще и теперь является родным и природным». Он благодарит за это судьбу, потому что «українська публіка, як би зисталась без письменства російського, то була б глуха і сліпа». Общий его вывод таков: «Российская письменность, какова бы

190. Там же.

191. Тимошенко С. Воспоминания. Париж, 1963. С. 283-284.

она ни была, является до сих пор своей, родной для всех просвещенных украинцев, тогда как украинская существует у них для узкого круга, для «домашнего обихода», как сказали Ив. Аксаков и Костомаров»¹⁹².

* * *

Вместе с вопросом о языке поднимался вопрос о литературе. Разделить их невозможно. Раздельность существовала лишь в точках зрения на этот предмет между малороссийским украинофильством и галицким народоством. У первого, назначение книг на «ридной мове» заключалось в просвещении простого народа, либо в революционной пропаганде среди крестьян. Поколение же, выпестованное народоцами, усматривает его не в плоскости культуры, а в затруднении общения между русскими и малороссами.

Костомаров и Драгоманов требовали предоставить язык и литературу самим себе; найдутся писатели и читатели на «мове» — она сама завоеует себе место, но никакая регламентация и давление извне не допустимы. Драгоманов часто говорил, что пока украинская литература будет представлена бездарными Конисскими или Левицкими, она неспособна будет вырвать из рук малороссийского читателя не только Тургенева и Достоевского, но даже Боборыкина и Михайлова. Культурное отмежевание от России, как самоцель, представлялось ему варварством.

Но уже в начале 90-х годов появляются публицисты типа Вартового, который, обзвав русскую литературу «шматом гнилой ковбасы», требовал полной изоляции Украины от русской культуры. Всех, считавших Пушкина, Гоголя, Достоевского «своими» писателями, он объявил врагами. «Кождый хто принесе хочь крихту обмоскаленья у наш нарид (чи словом з уст, чи книжкою) — робит йому шкоду, бо видбивае його вид національного ґрунту»¹⁹³.

Уже тогда обнаружился один из приемов ограждения национального грунта, приобретший впоследствии ши-

192. Драгоманов М.П. Листы на Наднипрянскую Украину. С. 62, 67.

193. Там же. С. 43.

рокое распространение. Проф. С.П. Тимошенко¹⁹⁴, очутившись в эмиграции, захотел в 1922 г. навестить двух своих братьев проживавших в Чехии, в Подебрадах. Подебрады были в то время крупным центром украинской самостийнической эмиграции. Там он встретил немало старых знакомых по Киеву. И вот оказалось, что «люди, которых я давно знал и с которыми прежде общался по-русски, теперь отказывались понимать русский язык». Школа Вартового принесла несомненные плоды.

Напрасно думать, будто этот бандеровец того времени выражал одни свои личные чувства. То же самое, только гладко и благовоспитанно, выражено Грушевским в провозглашенном им лозунге «полноты украинской культуры», что означало политику культурной автаркии и наступление литературной эры представленной Конисским и Левицким-Нечуем. Именно этим двум писателям, пользовавшимся у своих товарищей-громадян репутацией самых бездарных, приписывается идея «окремой» литературы. Писать по-украински, с тех пор значило – не просто предаваться творчеству, а выполнять национальную миссию. Человеку нашего времени не нужно объяснять, какой вред наносится, таким путем, истинному творчеству. Всюду, где литературе, помимо ее прямой задачи, навязывается какая-то посторонняя, она чахнет и гибнет. Этим, по-видимому, и объясняется, почему после Шевченко не наблюдаем в украинской письменности ни одного значительного явления. Под опекой галичан, она стала, по выражению Драгоманова, «украинофильской, а не украинской», т. е. литературой не народа, не нации, а только самостийнического движения. Поощрение оказывалось не подлинным талантам, а литературных дел мастерам, наиболее успешно выполнявшим «миссию». Писательская слава Нечуя, Конисского, Чайченко – создается галичанами; без них этим авторам никогда бы не завоевать тех лавров, что совершенно незаслуженно выпали на их долю. Про Конисского сами современники говорили, что его известность – «плод непоразуминня в галицо-украинских видносинах».

194. Воспоминания. С. 283-284.

Но именно галицкая наука возвестила о существовании многовековой украинской литературы. В конце 80-х годов появился двухтомный труд, посвященный этому предмету¹⁹⁵. Автор его, Омелян Огоновский, может считаться создателем схемы истории украинской литературы. Ею до сих пор руководствуются самостийнические литературоведы, по ней строятся курсы, учебники, хрестоматии.

Затруднение Огоновского, как и всех прочих ученых его типа, заключается в полном разрыве между новой украинской литературой, и литературой киевских времен, объявленной самостийниками тоже украинской. Эти две разные письменности ни по духу, ни по мотивам, ни по традициям ничего общего между собою не имеют. Объединить их, установить между ними преемственность, провести какую-нибудь нить от «Слова о Полку Игореве» к Квитке-Основьяненко, к Марко Вовчку или от Игумена Даниила, от Митрополита Иллариона и Кирилла Туровского к Тарасу Шевченко — совершенно невозможно. Нельзя, в то же время, не заметить доступную даже неученому глазу прямую генетическую связь между письменностью киевского государства и позднейшей общерусской литературой. Как уладить эти две крупные неприятности? Отказаться совсем от древнекиевского литературного наследия — значит, отдать его окончательно москалям. Это значило бы отказаться и от пышной родословной, от великодержавия, Владимира, Ярослава, Мономаха пришлось бы вычеркнуть из числа своих предков и остаться с одними Подковами, Кошками и Наливайками. Но принять киевское наследство и превознести его — тоже опасно. Тогда непременно возник бы вопрос — откуда взялся украинский литературный язык XIX века и почему он находится в таком противоречии с эволюцией древнего языка?

Огоновский разрешил эти трудности таким образом, что от древнего наследия не отказался, признал киевскую

195. История литературы русской. Написав Омелян Огоновский. Львів, 1887-1889. Ч. I-II.

литературу «украинской», но объявил ее неполноценной, «мертвой», ненародной и потому ненужной украинскому народу. Он так и говорит: «До Ивана Котляревского письменная литература не была народной, потому что развитию ее препятствовали три элемента: во-первых, церковнославянская византийщина, затем польская культура с средневековой схоластической наукой и, наконец, образовательное иго московского царства».

Мы уже имели случай указывать на нелюбовь Огоновского к православному византийскому влиянию на Руси, ко всей древнерусской культуре, развившейся на его основе. От нея, «веяло только холодом на молодой ум родного народа». Ценит он в киевском наследстве лишь народную поэзию — былины, песни, сказания; что же касается письменности, то всю ее, за исключением разве «Слова о Полку Игореве», считает ненужным хламом. Она развивалась, как он выразился, «наперекор культурным стремлениям неграмотного люда». «Не оживляясь тою живою речью, которою говорила вся живая Русь», древняя литература, по его словам, не выражала духовной сущности народа. Здесь добираемся до истинной причины неприязни к ней самостийнического профессора: она была основана не на простонародном разговорном языке. Допустить, чтобы Огоновский не знал элементарной научной истины о нетождественности всех мировых литературных языков с языками разговорными и о значительном различии между ними — невозможно. Перед нами, несомненно, риторический трюк, с помощью которого стремятся наукообразно совершить подмену одного понятия другим, в политически спекулятивных целях. Душа народа, будто бы, жила в одной только устной словесности. «Книжники писали «Сборники», «Слова», «Послания» и иные вещи князьям, иерархам и панам на потеху, а неграмотный народ пел себе колядки, песни и думы и рассказывал старые сказки». Совершенно ясно — под народом здесь разумеется лишь простонародье, крестьяне. Такое мужиковство человека, взошедшего на старопанских дрожжах, никого в наше

время обмануть не может; оно вызвано не симпатиями к простому народу, а исключительно необходимостью оправдать возведение простонародной «мовы» в ранг литературного языка. Так он и говорит: письменная литература снова сделалась «душою народной жизни только в новейшем периоде, когда писатели стали действительно пользоваться языком и мировоззрением народа».

Таким путем удалось объявить недостойной, не выражающей украинского духа литературу не одного только киевского, но также и литовско-русского, и польско-литовского периодов и, наконец, — литературу XVII-XVIII веков. Оказалось, что 900 лет письменность южнорусская шла ложным путем и только с появлением И. Котляревского вступила на истинную дорогу.

Но все же она не объявлена чужим достоянием; О. Огоновский сохраняет за Украиной все права на нее и, когда доходит до ее подробного разбора, — проявляет исключительную придирчивость в смысле отнесения того или иного произведения к украинской литературе. Он, сколько нам известно, первый применил тот оригинальный метод для составления портфеля украинской письменности, который поразил даже его благожелателей, вроде Пыпина¹⁹⁶. Он, попросту, начал механически перебирать произведения древней словесности и изымать оттуда все «украинское». Критерием служил, преимущественно, географический признак: где написано произведение? Остромирово Евангелие, предназначавшееся для новгородского посадника, отнесено к памятникам украинским потому, что выполнено в Киеве. «Хождение Игумена Даниила» признано украинским потому, что в авторе можно предполагать человека из черниговской земли. Даже Даниил Заточник — «был типом украинца». Современники немало приложили стараний для согласования этого утверждения с последующими словами Огоновского: «Жаль только, что о жизни этого мужа мы ничего почти не знаем — неизвестно нам кто был Даниил, где родился, где и когда жил и т.д.»

196. Пыпин А.Н. Особая история русской литературы // Вестник Европы. 1890. Т. V (сент.).

Огоновского нисколько не смущало ни то обстоятельство, что «Слово о Полку Игореве» сохранилось в псковском списке XIV века, ни то, что «Повесть Временных Лет» дошла до нас в суздальской редакции (Лаврентьевская Летопись), ни происхождение «Патерика Печерского», возникшего из переписки между суздальским и киевским иноками, следовательно, могущего рассматриваться, как порождение обеих частей Руси.

Проделав хирургическую операцию по отделению украинской части от москальской, Огоновский принимается за прямо противоположное дело, как только доходит до XIX века с его чисто уже «народной» литературой. Тут его задача не менее тонка и ответственна. Надо было показать, что галицкая и украинская литературы, возникшие и развившиеся независимо одна от другой, — не две, а одна. И опять, как в первом случае, выступает механический метод, на этот раз не разделения, а складывания.

Собрав в кучу всех украинских и галицких писателей, Огоновский располагает их в хронологическом порядке, так что после какого-нибудь Шашкевича и Устиновича идут Метлинский, Шевченко, Афанасьев-Чужбинский, а потом опять Гушалевиц, Климовиц и т. д.

Историко-литературный метод Огоновского имел большой успех и перенесен был на изучение всех других отраслей украинской культуры. Начались поиски сколько-нибудь выдающихся живописцев, граверов, музыкантов среди поляков, немцев или русских малороссийского происхождения. Всех их, даже тех, что родились и выросли в Вене, Кракове или Москве, заносили в реестр деятелей украинской культуры. Делалось это на том основании, что, как недавно выразилась одна самостоятельная газета в Канаде, — «други народи видбили, видперли, перекуплювали, перемовляли, а то по их смерти крали украинских великих людей для збагачення своей культуры». Теперь этих «видбитых» и «видпертых» стали возвращать в украинское лоно. У русских довольно успешно отобрали Левицкого, Боровиковского, Бор-

тнянского, Богдановича, Гнедича, и существует опасность, что отберут Гоголя.

Таким же образом возникли украинские математика, физика, естествознание. Ставши во главе Наукового Товариства им. Шевченко и реорганизовав его с 1898 г. по образцу академии, Грушевский поставил задачей создать украинскую науку. Через несколько лет он заявил на весь мир, что она создана. Товариство разыскало труды, написанные в разное время по-польски, по-русски, по-немецки людьми, у которых предполагали украинское или галицийское происхождение, все это переведено было на украинский язык, напечатано в «Записках» Товариства и объявлено украинским национальным достоянием. Одновременно с этим, Товариство поощряло всевозможные измерения черепов с целью открытия антропологического «типа украинца».

Появилась, наконец, «Коротка география Украины» — труд львовского профессора С. Рудницкого¹⁹⁷, благодаря которому мир познакомился с землями и водами соборной Украины. Книга произвела фурор очертаниями границ нового государства. Оказалось, что оно обширнее всех европейских стран, за исключением разве России; в нее вошли, кроме русской Украины, Галиции, Карпатской Руси и Буковины, также Крым, Кубань, часть Кавказа. Черное и Азовское моря объявлены «украинскими» и такое же название распространено на добрый кусок западного побережья Каспия. На иллюстрациях изображающих «украинские» пейзажи можно видеть Аю-Даг, Ай-Петри в Крыму, Военно-Грузинскую дорогу и Эльбрус на Кавказе. Автору удалось установить даже отличительные особенности украинского климата, независимого и самостоятельного. Судя по тому, что редактором книги был сам Грушевский, она шла в русле проводимой им политики создания украинской науки.

Большая забота проявлена в создании и закреплении национальной терминологии. Земли соборной Украины дотоле именовались то Русью, то Малороссией, то Украи-

197. Киев, 1910.

ной. Были еще Новороссия, Буковина, Карпатская Русь, Холмщина. Все это надлежало унифицировать и подвести под одно имя. Раньше из этого не делали большой политики, и все перечисленные термины были в ходу. Но, примерно с 1900 года термины «Русь» и «Малороссия» подверглись явному гонению; их еще трудно было вытравить окончательно, но все усилия направляются на то, чтобы заменить их «Украиной». Выпустив первый том «Истории Украины-Руси», Грушевский вынужден был сохранять это название и для последующих томов, но во всех новых работах имя Руси опускалось, и фигурировала одна «Украина».

Изменили календарную терминологию. Римские названия месяцев «январь», «февраль» и т.д., которые сейчас употребляет весь культурный мир, пришли в Киев вместе с христианством. В продолжении 900 лет их употребляла киевская, литовско-русская, московская и петербургская письменность. Они вошли в быт всего православного востока Европы. Самостийникам понадобилось заменить их доморощенными «грудень», «серпень», «жовтень», отдалив себя, на этот раз, не только от России, но и от Европы.

То, что в 80-х годах сделано Огоновским в области литературоведения, то позднее, в начале XX века, вполне [... пропуск в оригинале...] временному самостийничеству схему истории Украины.

Излагать ее здесь сколько-нибудь подробно мы не можем; она достаточно широко известна. Скажем только, что если ее охватить общим взглядом, то получим, приблизительно, схему «Истории Русов», развернутую в виде большого исторического полотна, приобретшую вид современного научного труда, отмеченную знаком эрудиции, смелого привлечения первоисточников, но преследующего все ту же цель — под легенды подвести научный фундамент.

У Грушевского не было, подобно Костомарову, заблуждений относительно «Летописи Конисского». Поддельный и злонамеренный ее характер выяснен был к тому

времени в полной мере, но у него мы видим ту же изначальную обособленность Малороссии от прочих русских земель не только территориальную, но этнографическую. Уже среди племен упомянутых Геродотом в VI веке до нашей эры, он готов отличать волынян от черниговцев. Никто до сих пор не решался говорить об украинцах, белорусах и великороссах в эпоху так называемого расселения славян, все считали эти деления позднейшими, возникшими через тысячу лет после «расселения», но Грушевский всех славян, живших по Днестру, по Днепру и дальше на восток до Азовского моря, прозванных Антами, — именует «украинцами». Надо сказать, что такая смелость появилась у него не сразу. Еще в 1906 году он признавался: «Конечно, в IX-X веках не существовало украинской народности в ее вполне сформировавшемся виде, как не существовало и в XII-XIV вв. великоросской или украинской народности в том виде, как мы ее теперь себе представляем»¹⁹⁸. Но уже в 1913 г. в «Иллюстрированной Истории Украины» он широко пользуется терминами «Украина» и «украинский» для самых отдаленных эпох. Киевское Государство X-XIII вв. для него, конечно, государство украинское. В полном согласии со схемой «Истории Русов» и учением Духинского, он резко отделяет и киевские земли, и сидящий на них «украинский» народ от северной и северо-восточной Руси. Хотя власть киевских князей распространялась на теперешние белорусские и великорусские земли, говорившие и писавшие одним языком, исповедовавшие одну общую с киевлянами религию, а следовательно подверженные и общему культурному влиянию, он не относит их к киевскому государству, а рассматривает скорее как колонии этого государства. Он решительно ополчается против рассказа Начальной Летописи о призвании князей и о перенесении княжеской резиденции из Новгорода в Киев. Все это объявляется выдумкой. И Аскольд, и Дир, и Олег были природными киевскими князьями, а легенда о зарожде-

198. Грушевский М. Очерк истории украинского народа. Изд. второе. СПб., 1906.

нии государственности на новгородском севере — позднейшая вставка в летопись.

Непрестанно подчеркивается более низкая в сравнении с Киевом культура северных и северо-восточных земель, но объясняется это не провинциальным их положением в отношении Киева, а какими-то гораздо большими отличиями. Из всей суммы высказываний видно, что эти отличия расовые. В полном согласии с точкой зрения Духинского, будущие великорусские области считались заселенными не славянами, а только славянизированными инородцами, главным образом, финно-угорскими племенами — низшими в расовом отношении. Ни циклопических сдвигов в судьбах народов под влиянием нашествий, вроде гуннского или татарского, ни перемены имен, ни смешения кровей и культур, ни переселений естественных и насильственных, ни культурной эволюции, ни новых этнических образований не существует для него. Украинская нация прошла через все бури и потопы, не замочив ног, сохранив свою расовую девственность, чуть не от каменного века. Как известно, татарское нашествие было особенно опустошительным для русского юга. Плано Карпини, лет через пять проезжавший по территории теперешней Украины, живой души там не видел, одни кости. Грушевский посвятил обширный том, около 600 страниц, в доказательство неправильности версии о запустении Украины при Батые. Историческая наука невысоко ценит это исследование, но в данном случае интересует не его правота или неправота, а породившая его тенденция, продиктованная сепаратистскими схемами и теориями. Грушевский не может считаться их творцом, они создались до него в казачьей Украине и в пораздельной Польше.

Потратив столько усилий, чтобы объявить Киевское Государство украинским, Грушевский оставляет его ничем почти не связанным с последующей историей Украины. В этом смысле он уступает даже «Истории Русов». Там хоть литовско-русская знать и уряд выводятся из киевских времен, даже гетманы казацкие и старшина

связываются генеалогически с древней аристократией. У Грушевского нет и этого. Он не приемлет версии шляхетского происхождения казачества, оно у него — мужицкая сила; он взял в этом вопросе сторону Костомарова и Драгоманова.

Дойдя до казачьей «добы» (эпохи), забывает и про Киев, и про князей, и про древнюю культуру. Все это остается ненужным привеском к той истории, что наиболее мила его сердцу; взор его приковывается теперь к Запорожью — подлинной духовной и культурной родине «самостийной Украины».

Подобно О. Огоновскому, он ненавидит язык киевской эпохи, дошедший до нас в памятниках письменности и в церковно-славянской грамотности, но подобно Огоновскому же, записывает их в депозит Украины, единственно ради помпезности и пышной генеалогии. Он подделал культурную и государственную родословную казачества на тот же манер, на который в XVIII веке казаки подделывали свои фамильные гербы.

О том, как излагается у Грушевского история Малороссии в казачьи времена, тоже говорить много не приходится. Это — задолго до него сложившаяся точка зрения: переяславское присоединение к Москве не подданство, а «протекторат», Хмельницкий и старшина обмануты москалями, царские воеводы и чиновники всячески помыкали украинцами и угнетали их, как только могли, а глупый украинский народ не в силах будучи разобраться, кто его угнетает, винил во всем своих неповинных гетманов и старшину. И непосильные поборы, и введение крепостного права — все дело рук москалей.

Единственно новое, что внес Грушевский в казачью «историографию» — это дух самостийнической программы XX века, в свете которой он интерпретирует переяславское присоединение. «Московское правительство не хотело предоставить полного самоуправления украинскому населению, не хотело позволить, чтобы воеводы и прочие должностные лица избирались самим населением, чтобы все доходы с Украины собирались ее выборны-

ми чиновниками, поступали в местную казну и выдавались на местные Нужды»¹⁹⁹.

Нам известно, что просьба Хмельницкого об избрании самими малороссами сборщиков податей, была удовлетворена правительством; известно, что ни копейки из малороссийских сборов не шло в Москву, но если и на «местные нужды» тоже ничего не шло, то причиной тому казацкое хищничество. Что же касается «недозволения» выбирать воевод и прочих должностных лиц, то этот упрек особенно странен. Мы не знаем таких «должностных лиц» на Украине, которые не выбирались бы самим населением. Воеводы же, особенно в той роли простых начальников гарнизонов, которая за ними сохранилась на практике, были представителями царя и никем другим не могли избираться. Их невмешательство в украинские дела никакого ущерба местному сословному самоуправлению не наносило. Да и не было ни одной просьбы, ни в 1654 году, ни позднее, об избрании воевод местным населением, так же, как ни в одной челобитной не видим просьбы о «полном самоуправлении».

Курьезнее всего, что сам Грушевский, попенявши вдоволь на москалей, заявляет вдруг: «Правда, у самого украинского общества мысли о последовательном проведении принципа автономии только лишь нарастали и определялись, и резко ставить их оно не решалось»²⁰⁰. На самом деле, эти мысли не «нарастали» и не «определялись», а их просто не было. Появились они через 250 лет в голове председателя Наукового Товариства им. Шевченко.

Грушевский, как историк, ответствен не только за свои собственные писания, но и за высказывания своих приспешников и единомышленников, в частности, за появление легенды о «перяславской конституции». В брошюре Н. Михновского «Самостийна Украина» о ней не только сообщается как о факте, но приводятся статьи «перяславского контракта». Сказывается:

199. Грушевский М. Иллюстрированная История Украины. С. 312.

200. Там же.

«1. Власть законодательная и административная принадлежит гетманскому правительству без участия и вмешательства царского правительства. 2. Украинская держава имеет свое отдельное независимое войско... 4. Лица неукраинской национальности не могут занимать должностей в украинском государстве. Исключение представляют контролеры, следящие за правильностью сборов дани в пользу царя московского... 6. Украинская держава имеет право выбирать главу государства по собственному усмотрению и только ставить царское правительство в известность об этом избрании... 13. Нерушимость стародавних прав светских и духовных лиц и невмешательство царского правительства во внутреннюю жизнь украинской республики. 14. Право гетманского правительства свободных международных сношений с иностранными державами»²⁰¹.

Трудно допустить, чтобы эта фантастика была сочинена вне какого бы то ни было влияния автора «Истории Украины-Руси», бывшего в то время первым авторитетом в области истории. Но если он действительно тут не при чем, то как мог человек в звании профессора равнодушно пройти мимо столь грубой фальсификации? Ученая совесть Костомарова всегда толкала его на протестующие выступления в подобных случаях. Эрудиция же и талант Грушевского поставлены были на службу не науке, а политике. Он и созданная им «школа» отличались от прежних историков-украинофилов тем, что фальсифицировали историю не в силу заблуждений, а вполне сознательно, всячески усугубляя «вредное», по выражению Костомарова, влияние «Истории Русов», пользуясь ее анекдотами, цитируя ее фальшивые документы и описывая в ее духе целые эпохи.

* * *

Каждый пастух, по словам Ницше, должен иметь в стаде еще и передового барана, чтобы самому, при слу-

201. Михновский М. Самостийна Украина. Видавництво «Українск. Патріот», 1948. С. 20. Перепечатано с издания 1900 г.

чае, не сделаться бараном. В движении, возглавлявшемся Грушевским, таким «передовым» был Н. Михновский. Он громко высказывал то, о чем сам Грушевский предпочитал молчать, но что полезно было высказать. То был экстремист «формального национализма». Когда вбивание клиньев в культурное и общественное единство русско-малороссийского народа приняло характер настоящей мании, Н. Михновский оказался самым неистовым украинофилом, доходившим в своей страсти до диких проявлений. Созданная им в 1897 г. «Студентська Громада» в Харькове имела главной задачей борьбу с увлечениями студентов русской культурой. Он питал лютую ненависть к украинцам, вроде Короленко, глухим и равнодушным к самостийническому движению и столь же безучастным к «украинской культуре». Весьма возможно, что это его приспешники занимались в Киеве нападениями на «общероссов» и избиениями их в переулках и темных углах. Старые киевляне до сих пор это помнят.

Любопытнее всего, что этот нацист девятисотых годов стал отцом украинской социал-демократии. Та «Українська Револуційна Партия» (РУП), что образовалась в начале 1900 года и на III съезде в 1905 году сменила свое название на «Українську Соціал-Демократичну Робітничю Партію», – вдохновлена была Михновским. Его брошюра «Самостійна Україна» явилась своего рода манифестом партии. Появилась она с эпитафией: «Украина для украинцев».

Сам Михновский, впрочем, членом этой партии не состоял, ограничившись ролью идейного руководителя. В его лице мы имеем редкий образец социал-демократа не только чуждого, но прямо враждебного известному лозунгу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Он противопоставил ему другой: «Пролетариат господствующей и поработанной наций – два класса с противоположными интересами». Украинскому пролетариату он ставит две задачи – бороться с капиталом и одновременно с русским рабочим классом, который в поисках «лип-

шого життя» лезет на Украину и здесь отбивает работу у местного рабочего.

Как известно, большая часть Украинской Революционной Партии (РУП) выделилась в так называемую «Спилку», руководимую О. Скоропис-Иолтуховским, и в 1905 г. слилась с РСДРП, полагая, что нет необходимости проявлять особенную заботу об украинском характере партии в стране, где подавляющая масса пролетариата состоит из украинцев: она никакой другой, кроме украинской, и быть не может; главное внимание надлежит сосредоточить не на этом, а на политическом и социальном развитии масс, к чему стремится вся российская социал-демократия. Но другая часть, переименовавшая себя в «Украинскую Социал-Демократическую Робитничю Партию» (УСДРП), осталась на позициях Н. Михновского. Она исходила из его тезиса, согласно которому никакая борьба труда с капиталом и освобождение рабочего класса невозможны, пока не будет достигнуто революционным порядком, посредством вооруженной борьбы, государственное отделение Украины от России. Существует любопытное признание одного из членов УСДРП В. Садовского, написавшего в эмиграции свои воспоминания об этой партии. Он называет немало людей, таких как В. Степаньковский, М. Троцкий, М. Порш, Д. Дорошенко, Д. Донцов, которые, будучи в свое время членами и РУП и УСДРП, оказались потом стоящими весьма далеко и от социализма, и от рабочего движения. Никакими социалистами, по мнению Садовского, они никогда не были, да недалеко ушли от них, в изображении автора, и все остальные члены УСДРП. Он откровенно заявляет, что «в тогдашнем нашем подчинении лозунгам марксистской ортодоксии заключался, в значительной мере, момент использования политической конъюнктуры»!²⁰²

Это чрезвычайно ценно. РУП и УСДРП возникли как политический маскарад. Только в свете таких призна-

202. Садовский В. Студентське життя у Києві у 1904-1904 роках // З минулого. Варшава, 1939. Т. II. С. 10.

ний можно ясно себе представить, каким малозаметным и непопулярным растением был украинский сепаратизм, если ему для уловления душ приходилось рядиться в социал-демократическую тогу. Массы украинского народа шли в русле общероссийского политического движения, и все искусство Михновского сводилось к тому, чтобы подделаться под этот «шаг миллионов» и незаметно отвести народ от всероссийских страстей и устремлений на путь сепаратизма. Только для этой единственной цели он и пошел в социал-демократию. Увлекаться социализмом всерьез членам РУПа не полагалось. Если для Драгоманова социальные и политические свободы, поднятие экономического и культурного уровня жизни масс превышали по значению национальные соображения, если борьбу за них он мыслил, одновременно, как путь разрешения национальной проблемы, то у Михновского все перевернуто навыворот: путь к политическим преобразованиям и экономическим реформам лежит через достижение национальной «незалежности». Вот почему, когда члены РУП впали в драгомановский «уклон», начали всерьез заниматься социализмом и даже потянулись на слияние с Российской СДРП, Михновский порвал с ними и организовал новую «Українську Народну Партию» (УНП), которая выпустила в 1905 г. несколько сугубо самостийнических документов, вроде 10 заповедей и проекта украинской конституции. Несмотря на то, что проект предусматривал широкие социальные реформы, списанные с программ русских эсеров и социал-демократов, вплоть до социализации земли, его движущие мотивы ничего общего с социализмом не имели. По словам украинского социал-демократа Бориса Мартоса, Михновский занят был одновременно мыслью «творити українську буржуазію» и распространять национальную идею среди богатых малороссов²⁰³. У богатых успех его был такой же, как у бедных. Группа Михновского и порожденных им «социал-демократов» продолжала оста-

203. См. предисловие Ю. Колларда к изданию «Самостийной Украины», 1948 г.

ваться столь ничтожным и малозаметным явлением, что ни имя вождя, ни имена организованных им партий не известны подавляющему большинству самостийников. Их знают только историки, да небольшая кучка оставшихся в живых членов этих организаций. Уделили мы им внимание с единственной целью обрисовать метод самостийничества — диссимуляцию и «использование политической конъюнктуры». После европейского опыта последних трех десятилетий, мы знаем, что это метод реакции и тоталитаризма, но в первой четверти XX столетия русские революционеры и социалисты охотно видели в членах РУП и УСДРП «своих» людей. А ведь из РУПа вышли едва ли не все столпы эфемерной украинской государственности 1917-1919 гг. — Симон Петлюра, Андрей Левицкий, председатель Директории Винниченко, министр иностранных дел при гетмане Дм. Дорошенко и многие другие. Ослепленные их «демократизмом» и социалистической фразеологией, многие и сейчас склонны отрицать какую бы то ни было генетическую связь их с реакционным галицким народомством.

Возникновение РУП и вся деятельность Михновского без инспирации, по крайней мере, без одобрения львовского ареопага — немислимы. На тесные связи РУП с народовцами указывает не только печатание в Галиции ее брошюр и статей, не только львовский «трумтадратский» стиль поведения и высказываний, но также то обстоятельство, что в войне 1914-1918 гг. украинские социал-демократы выступили на стороне Австро-Венгрии, основав там «Союз Вызволення України». В 1917 г. они переиздали в Вене главное произведение своего вождя — «Самостийну Україну», подчеркнув в предисловии преемственную связь между своим «Союзом» и прежней РУП. Они писали: «Нужны ли кому более ясные доказательства того, что самостийная Украина есть наш старый лозунг, чем тот факт, что все четыре члена президиума «Союза Вызволення України» были деятельными членами «Революционной Украинской Партии» (РУП),

первая брошюра которой носит название «Самостийна Украина».

* * *

Невозможно не сказать здесь, хоть в двух словах, еще об одном проявлении «формального национализма». Относится оно к области педагогики и связано с именем народного учителя Бориса Гринченко. В 1912 году, после его смерти, Х.Д. Алчевская, известная школьная деятельница Харьковской губернии, рассказала на страницах «Украинской Жизни» о любопытном случае из его практики. Он работал когда-то сельским учителем в имении Алчевской. Возвратясь однажды из-за границы, Алчевская не увидела в школе ни одной девочки, тогда как раньше их было много. Оказалось, что Гринченко попросту разогнал их и не принимал новых. Доискиваясь причины, Алчевская установила сугубо «национальный» ее характер: «не следует калечить украинскую женщину обучением на чуждом ей великорусском языке».

На бедного учителя произвело впечатление распространявшееся в те дни учение о женщине, как хранительнице национального типа. Вычитал он это, конечно из галицийской литературы, которую приобретал всеми способами. Был и сам сотрудником львовской «Правды». Он внимательно следил за появлением новых неологизмов, вводя их сразу же в лексикон своих учеников.

Школу свою он рассматривал, как рассадник будущих педагогов-самостийников. Наиболее способных ее питомцев всячески продвигал в учительскую семинарию.

Ему принадлежит изобретение конспиративной системы преподавания сразу на двух языках. Официально оно велось по-русски, а тайно — по-украински. Введено было правило, по которому ученики обязаны отвечать на том языке, на котором их спрашивали. Благодаря этому, инспекторские посещения класса не были страшны. Из учебников Гринченко вырезал неудобные ему страницы и клеивал вместо них текст собственного сочинения, писанный печатными буквами. Такую же работу проде-

ывал над хрестоматиями. Заводил при каждой школе отдельную малорусскую библиотеку. Найдя секрет успеха в деле культурного раскола русского племени, он стяжал лавры Михновского в самостийнической педагогике²⁰⁴.

* * *

Украинизация языка, науки, быта, всех сторон жизни, неизбежно должна была привести к мысли и об украинизации Церкви. Это и было сделано, хотя с большим запозданием, как едва ли не последний по времени акт национального творчества сепаратистов. Причина тому, надо думать, – в большой внутренней трудности реформы.

Церковь и без того была «украинской» от рождения. Она возникла в Киеве, учреждена киевскими князьями, служила 900 лет на языке, введенном теми же князьями и всем киевским обществом X столетия. То был живой осколок Киевского Государства. Объявив это государство «украинским», самостийники автоматически переносили новое имя на православную Церковь. Теперь приходилось украинизировать украинское.

Кроме того, Грушевскому, как историку, лучше всех было известно, какую самоотверженную борьбу с католичеством выдержал южнорусский народ, защищая церковно-славянский язык. Достаточно почитать Иоанна Вишенского, чтобы видеть, какой поход учинен был против него и какой мощный отпор дан малороссийским народом в XVI–XVII вв. Язык этот был буквально выстрададан и освящен кровью народа. Очевидно, по этой причине, а также в целях единения всех славян, Кирилло-Мефодиевское братство уделило в своем уставе особое внимание церковно-славянскому языку. Провозглашая свободу всякого вероучения, оно требовало «единого славянского языка в публичных богослужениях всех существующих церквей». Но вот Грушевский, провозгласив «долой славянщину», воздвиг на него гонение. Объяснял он свою ненависть, подобно Огоновскому, «демократическими» соображениями: язык-де мертвый, непонят-

204. Щеголев С. Современное украинство. Киев, 1914. С. 78.

ный народу и полный архаизмов. Но истинная причина заключалась, конечно, не в этом. Церковно-славянский язык служил основой общерусского литературного языка и общерусской литературной традиции, и пока украинский народ чтит его, он не отступит и от общерусской литературной речи. Идея самостийнической Церкви, где бы богослужение производилось на «мове», предопределена львовской политикой Грушевского. Но она, как все начинания сепаратистов, отмечена знаком ничтожного количества последователей.

Летом 1918 г. созван был Всеукраинский Церковный Собор, на котором о. Вас. Липковский поднял вопрос о богослужесбном языке. Поставленный на голосование вопрос этот решен был подавляющим большинством голосов в пользу церковнославянского. Тогда попысамостийники, без всякого согласия своих прихожан, учинили Всеукраинську Церковну Раду и объявили прежнее православие «панским», солидаризировавшись с точкой зрения униатского катехита Омеляна Огоновского на язык своей Церкви, как «реакционный». «Пора нам, народе украинский, и свою ридну мову принести в дар Богови и цим найкраще им и себе самих освятити и пиднести и свою ридну Церкву збудовати». Самостийники, видимо, не замечали, какой удар наносили своему движению, объявляя 900-летнее церковное прошлое Малороссии не своим, не «ридным».

Никаких чисто конфессиональных реформ Церковна Рада не произвела, если не считать включения в число церковных праздников «шевченковских дней» — 25 и 26 февраля по старому стилю, — причислявших поэта-атеиста, как бы, к лику святых угодников. Затем последовала украинизация святцев. Перед нами «Молитовник для вжитку украинской православной людности», выпущенный вторым изданием в Маннгейме в 1945 г. Там греко-римские и библейские имена святых, ставшие за тысячу лет своими на Руси, заменены обыденными простонародными кличками — Тимошь, Василь, Гнат, Горпина, Наталка, Полинарка. В последнем имени лишь с тру-

дом можно опознать св. Аполлинарию. Женские имена в «молитовнике» звучат особенно жутко для православного уха, тем более, когда перед ними значится «мученица» или «преподобная»: «Святые мученицы Параська, Тодоська, Явдоха». Не успеваешь православный человек подавить содрогание, вызванное такой украинизацией, как его сражают «святыми Яриной и Гапкой». Потом идут «мученицы Палажка и Юлька» и так до... «преподобной Хиври».

* * *

Не подлежит сомнению, что в нормальных условиях, при свободной, ничем не стесняемой воле народа все самостийнические ухищрения и выдумки остались бы цирковыми трюками. Ни среди интеллигенции, ни среди простонародья не было почвы для их воплощения. Это превосходно знали сепаратисты. Один из них, Сриблянский, писал в 1911 году: «Украинское движение не может основываться на соотношении общественных сил, а лишь на своем моральном праве: если оно будет прислушиваться к большинству голосов, то должно будет закрыть лавочку, — **большинство против него**»²⁰⁵.

Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевицкая революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю. Все самые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений на Украине, сделан не только книжным и школьным, но государственным.

Вторая мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, не при-

205. Украинська Хата. 1911. Цит. по: Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 152.

соединенные дотоле, оказались включенными в ее состав. При Хрущеве ей отдан Крым. Если при Брежневеве отдадут Кавказ, то географический сон Рудницкого сбывается наяву.

Все сделано путем сплошного насилия и интриг. Жителей огромных территорий даже не спрашивали об их желании или нежелании пребывать в соборной Украине. Участь карпатороссов, например, просто трагична. Этот народ, веками томившийся под мадьярским игом, выдержавший героическую борьбу за сохранение своей русскости и ни о чем, кроме воссоединения с Россией и возвращения в лоно русской культуры не мечтавший, лишен даже прав национального меньшинства в украинской республике — он объявлен народом украинским. Русская и мировая демократия, поднимающая шум в случае малейшего ущемления какого-нибудь людоедского племени в Африке, обошла полным молчанием факт насильственной украинизации карпатороссов.

Впрочем, не при таком же ли молчании прошла лет сорок пять тому назад принудительная украинизация малороссийского народа? Этот факт затерт и замолчан в публицистике и в истории. Ни простой народ, ни интеллигенция не были спрошены, на каком языке они желают учиться и писать. Он был **предписан** верховной властью.

Интеллигенция, привыкшая говорить, писать и думать по-русски, и вынужденная в короткий срок переучиваться и перейти на сколоченный наскоро новый язык, испытала немало мучений. Тысячи людей лишились работы из-за неспособности усвоить «державну мову».

Оправдались ли ожидания марксистских теоретиков насчет бурного культурного роста малороссийского населения, покажут будущие специальные исследования. Пока что, никакого переворота в этой области не наблюдаем. Образованность после введения «ридной мовы» повысилась ничуть не больше, чем была при господстве общерусского языка. Но самостийнические главари об этом меньше всего заботились. Предметом

их вождений была национальная форма, и как только большевики им предоставили ее, они сочли себя вполне удовлетворенными. Грушевский, Винниченко и другие столпы самостийничества прекратили борьбу с советской властью и вернулись в СССР. Формальнейший из формальных украинцев – Н. Михновский, скрывавшийся до 1923 г. где-то на Кавказе, вернулся на Украину, как только услышал, что там начинается «украинизация настоящего». Но тут и открылась, видимо, цена формализма: Михновский вскоре повесился.

Большевики могли не производить ни украинизации, ни белоруссизации. Предоставление формы национального самоуправления грузинам, армянам, узбекам и др. имело смысл по причине подлинно национального обличья этих народов. Там национальная политика могла пробудить симпатии к большевизму. Но на Украине, где национализм высасывался из пальца, где он составлял всегда малозаметное явление – австромарксистская реформа явилась сущим подарком маньякам и фанатикам. Апелляция к **Русской Украине** дала бы больше выгод.

Впрочем, украинская политика большевиков до падения Германской Империи определялась не одной только австромарксистской программой, но и указаниями из Берлина. В Берлине же, кроме большевицких заслуг, ценили, также, заслуги самостийников. Теперь, когда факт субсидирования большевиков немцами в 1917 г. не подлежит сомнению, уместно напомнить и об украинских сепаратистах.

Во время войны они сотрудничали с большевиками в пользу общего хозяина – германского генерального штаба.

Когда началось это сотрудничество, точно не знаем, но весьма возможно, что уже в 1913 году они делали одно дело. В Австрии, в это время, действовал «Союз Вызволения Украины», представленный Д. Донцовым, В. Дорошенко, А. Жуком, Мельневским, А. Скоропис-Иолтуховским. И для этого же времени отмечен факт получения Лениным денег от австрийцев.

По словам П.Н. Милюкова, в 1913 г. «Ленин в Кракове получил на издание своих сочинений австрийские деньги». Узнал об этом Милюков «от одного представителя отделившихся национальностей, получившего там же и в то же время предложение австрийских субсидий»²⁰⁶. Быть может, уже тогда самостийники объединены были совместной работой с Лениным. По крайней мере, в листовке «Союза Вызvolения Украины», выпущенной в 1914 г. в Константинополе, Парвус и Ленин перевозятся как «найкращи марксистськи головы»²⁰⁷. По-видимому, уже тогда Парвус был общим хозяином для тех и других, а в ходе войны он окончательно связал их через свое копенгагенское ведомство.

Австрийское правительство, кажется, охладело к своим агентам, и они очутились в сфере германской диверсионной акции. Архивы до сих пор хранят тайну подробностей этого сотрудничества, но уже в 1917 г. из рассказа прапорщика Ермоленко, заброшенного немцами в русский тыл, и секретаря швейцарского украинского бюро Степаньковского, арестованного контрразведкой Временного Правительства при переходе границы, выяснен факт одновременного сотрудничества большевиков и украинского Союза Вызvolения с Парвусом и его копенгагенским и стокгольмским центрами. Степаньковский указал Меленевского и Скоропись-Иолтуховского, находившихся в тесной связи с Ганецким — большевицким агентом, осуществлявшим посредничество между Лениным и Парвусом²⁰⁸. Можно ли было с приходом к власти забыть таких союзников?

* * *

Русское «общество» никогда не осуждало, а власть не карала самостийников за сотрудничество с внешними врагами. Грушевский, уехавший во Львов и в продолжении двадцати лет ковавший там заговор против России,

206. Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1929. Т. I. С. 217.

207. Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Париж, 1940. С. 18.

208. Там же. С. 90-91.

ведший открытую пропаганду ее разрушения, — спокойно приезжал, когда ему надо было, и в Киев, и в Петербург, печатал там свои книги и пользовался необыкновенным фавором во всех общественных кругах. В те самые годы, когда он на весь мир поносил Россию за зажим «украинского слова», статьи его, писанные по-украински, печатались в святая святых русской славистики — во втором отделении Императорской Академии Наук, да еще не как-нибудь, а в фонетической транскрипции²⁰⁹.

Когда он, наконец, в 1914 году попал на австрийской территории в руки русских военных властей и как явный изменник должен был быть сослан в Сибирь, — в Москве и в Петербурге начались усиленные хлопоты по облегчению его участи. Устроили так, что Сибирь заменена была Нижним Новгородом, а потом нашли и это слишком «жестоким» — добились ссылки его в Москву.

Оказывать украинофильству поддержку и покровительство считалось прямым общественным долгом с давних пор.

И это несмотря на вопиющее невежество русской интеллигенции в украинском вопросе. Образцом может считаться Н.Г. Чернышевский. Ничего не знавший о Малороссии, кроме того, что можно вычитать у Шевченко, а о Галиции ровно ничего не знавший, он выносит безапелляционные и очень резкие суждения по поводу галицийских дел. Статьи его «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость», появившиеся в «Современнике» за 1861 г.²¹⁰, обнаруживают полное его незнание с местной обстановкой. Упрекая галичан за подмену социального вопроса национальным, он, видимо и в мыслях не держал, что оба эти вопроса в Галиции слиты воедино, что никаких других крестьян там, кроме русинов, нет, так же, как никаких других помещиков, кроме польских, за единичными исключениями, тоже нет.

Призыв его — бороться не с поляками, а с австрийским правительством — сделанный в то время, когда австрий-

209. Сборник статей по славяноведению. 1904.

210. См. также: Литературное Наследство. 1932. Вып. 3.

цы отдали край во власть гр. Голуховского, яростного полонизатора — смешон и выдает явственно голос польских друзей — его информаторов в галицийских делах. Этими информаторами, надо думать, инспирированы указанные выше статьи Николая Гавриловича. Нападая на газету «Слово», он даже не разобрался в ее направлении, считая его проавстрийским, тогда как газета была органом «москвофилов». Зато те, что подбивали его на выступление, отлично знали, на кого натравливали.

Получив в 1861 г. первые номера львовского «Слова», он пришел в ярость при виде языка, которым оно напечатано. «Разве это малорусский язык? Это язык, которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде, а не в Киеве или Львове». По его мнению, днепровские малороссы уже выработали себе литературный язык и галичанам незачем от них отделяться. Стремление большинства галицийской интеллигенции овладеть, как раз, тем языком, «которым говорят в Москве и Нижнем Новгороде» было сущей «реакцией» в глазах автора «Что делать». Русская революция, таким образом, больше ста лет тому назад, взяла сторону народовцев и больше чем за полсотни лет до учреждения украинского государства решила, каким языком оно должно писать и говорить. Либералы, такие как Мордовцев в «Санкт-Петербургских Ведомостях», Пыпин в «Вестнике Европы», защищали этот язык и все самостийничество, больше, чем сами сепаратисты. «Вестник Европы» выглядел украинофильским журналом.

Господствующим тоном, как в этом, так и в других подобных ему изданиях, были ирония и возмущение по поводу мнимой опасности для целостности государства, которую выдумывают враги украинофильства. Упорно внедрялась мысль о необоснованности таких страхов. По мнению Пыпина, если бы украинофильство заключало какую-нибудь угрозу отечеству, то неизбежно были бы тому фактические доказательства, а так как таковых не существует, то все выпады против него — плод не в меру усердствующих защитников правительственного режима.

Украинофильство представлялось не только совершенно невинным, но и почтенным явлением, помышлявшим единственно о культурном и экономическом развитии южнорусского народа. Если же допускали какое-то разрушительное начало, то полагали его опасным исключительно для самодержавия, а не для России.

Когда открылась Государственная Дума, все ее левое крыло сделалось горячим заступником и предстателем за самостоятельные интересы. Посредством связей с думскими депутатами и фракциями, украинские националисты имели возможность выносить с пропагандными целями обсуждение своих вопросов на думскую трибуну. Члены петербургского «Товариства Украинских Прогрессистов» проложили дорогу к Милюкову, к Керенскому, к Кокошкину. Александр Шульгин в своей книге «L'Ukraine contre Moscou» пишет, что только февральский переворот помешал внесению запроса в Думу относительно высылки из Галиции в Сибирь прелата униатской Церкви графа Андрея Шептицкого — заклятого врага России. Генерал Брусилов, во время занятия русскими войсками Галиции, арестовал его за антирусские интриги, но выпустил, взяв обещание прекратить агитационную деятельность. Однако стоило Шептицкому очутиться на свободе, как он снова с церковной кафедры начал проповеди против русских. После этого он был удален из Галиции. За этого-то человека думцы обещали заступиться в самый разгар ожесточенной войны. Заслуги левых думских кругов перед украинскими самостоятельными таковы, что тот же А. Шульгин считает нужным выразить на страницах своей книги благодарность П.Н. Милюкову. «Мы ему всегда будем признательны за его выступления в Думе».

Говорить о личных связях между самостоятельными и членами русских революционных и либеральных партий вряд ли нужно, по причине их широкой известности. В эмиграции до сих пор живут москвичи, тепло вспоминающие «Симона Васильевича» (Петлюру), издававшего в Москве, перед Первой мировой войной, самостоятели-

ческую газету. Главными ее читателями и почитателями были русские интеллигенты. Особыми симпатиями украинофилы пользовались у партии Народников-Социалистов. Когда в мае 1917 г. украинская делегация в составе Стебницкого, Лотацкого, Волкова, Шульгина и других приехала в Петроград, она прежде всего вошла в контакт с Мякотиным и Пешехоновым — лидерами Народных Социалистов. Делегация предъявила своим друзьям, сделавшимся столпами февральского режима, политический вексель, подписанный ими до революции, потребовав немедленного предоставления автономии Украине. Когда же те попросили потерпеть до Учредительного Собрания, самостийники поставили их на одну доску с реакционерами, напомнив слова Столыпина, «Сперва успокоение, потом реформы».

Академический мир тоже относился к украинской пропаганде абсолютно терпимо. Он делал вид, что не замечает ее. В обеих столицах, под боком у академий и университетов, издавались книги, развивавшие фантастические казачьи теории, не встречая возражений со стороны ученых мужей. Одного слова таких, например, гигантов, как М.А. Дьяконов, С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский достаточно было, чтобы обратить в прах все хитросплетения Грушевского. Вместо этого, Грушевский спокойно печатал в Петербурге свои политические памфлеты под именем историй Украины. Критика такого знатока казачьей Украины, как В.А. Мякотин, могла бы догола обнажить фальсификацию, лежавшую в их основе, но Мякотин поднял голос только после российской катастрофы, попав в эмиграцию. До тех пор, он был лучшим другом самостийников.

Допустить, чтобы ученые не замечали их лжи, невозможно. Существовал неписанный закон, по которому за самостийниками признавалось право на ложь. Разоблачать их считалось признаком плохого тона, делом «реакционным», за которое человек рисковал получить звание «ученого жандарма» или «генерала от истории». Такого звания удостоился, например, крупнейший славист, про-

фессор киевского университета, природный украинец Т.Д. Флоринский. По-видимому, он и жизнью заплатил за свои антисамостийнические высказывания. В самом начале революции он был убит, по одной версии – большевиками, по другой – самостийниками.

Но если были терроризованные и запуганные, то не было недостатка и в убежденных украинофилах. По словам Драгоманова, Скабичевский хвалил Шевченко и всю новейшую украинофильскую литературу, *не читавши* ее²¹¹.

К столь же «убежденным» принадлежал академик А.А. Шахматов. Александр Шульгин восторженно о нем отзывается, как о большом друге сепаратистов. Это он устроил самостийнической делегации в 1917 году встречу с лидерами групп и партий близких к Временному Правительству. Он же, надо думать, играл главную роль в 1906 г. при составлении академической «Записки» в пользу украинского языка.

Появилась в 1909 г. в Праге работа знаменитого слависта проф. Нидерле «Обозрение современного славянства» и сразу же переведена на русский язык, а через два года вышла в Париже по-французски. В ней уделено соответствующее внимание малороссам и великороссам, у которых, по словам Нидерле, «столь много общих черт в истории, традиции, вере, языке и культуре, не говоря уже об общем происхождении, что с точки зрения стороннего и беспристрастного наблюдателя это – только две части одного великого русского народа»²¹².

Приводим эту выдержку не столько ради нее самой, сколько по причине отсутствия ее в русском издании. Ее можно найти во французском переводе Леже, но в русском, вышедшем под маркой Академии Наук, она выпущена вместе с изрядной частью других рассуждений Нидерле.

Украинский национализм – порождение не одних самостийников, большевиков, поляков и немцев, но в та-

211. Драгоманов М.П. Листы на Наднипрянскую Украину. С. 80.

212. Niederle L. La race Slave :. Trad. du cheque. Paris, 1911. P. 58.

кой же степени русских. Чего стоила полонофильская политика императора Александра I, намеревавшегося вернуть Польше малороссийские и белорусские губернии, взятые Екатериной и Павлом при польских разделах! Когда это не удалось вследствие недовольства правящих кругов, заявивших устами Карамзина: «Мы охладели бы душой к отечеству, видя оное играмищем самовластного произвола», царь отдал этот край в полное распоряжение польскому помещицкому землевладению и старопанской полонизаторской политике. Николай Павлович не имел склонности дарить русские земли, но не очень в них и разбирался. Во время польского мятежа 1830-1831 г., он с легким сердцем отнес жителей западных губерний, т. е. малороссов и белорусов, к «соотечественникам» восставших. В учебнике географии Арсеньева, принятом в школах с 1820 по 1850 г., население этих губерний именуется «поляками». Какие еще нужны доказательства полной беспризорности Малороссии? Она, в продолжение всего XIX столетия, отдана была на растление самостийничеству и только чудом сохранила свою общность с Россией.

Едва ли не единственный случай подлинной тревоги и подлинного понимания смысла украинского национализма видим в статьях П.Б. Струве в «Русской Мысли»²¹³. Это первый призыв, исходящий из «прогрессивного» лагеря к русскому общественному мнению «энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек вступить в идейную борьбу с «украинством» как с тенденцией ослабить и даже упразднить великое приобретение нашей истории — общерусскую культуру».

Струве усмотрел в нем величайшего врага этой культуры — ему представляется вражеским, злонамеренным самое перенесение разговоров об украинизме в этнографическую плоскость как один из способов подмены понятия «русский» понятием «великорусский». Такая подмена — плод политической тенденции скрыть «огромный

213. См.: Струве П. На разные темы // Русская мысль. 1911. Янв.; Струве П. Общерусская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль. 1912. Янв.

исторический факт: существование русской нации и русской культуры», «именно русской, а не великорусской». «Русский», по его словам, «не есть какая-то отвлеченная «средняя» из всех трех терминов (с прибавками «велико», «мало», «бело»), а живая культурная сила, великая развивающаяся и растущая национальная стихия, творимая нация (nation in the making, как говорят о себе американцы)».

Только после большевицкого эксперимента, сделавшего так много для превращения русской культуры в «великорусскую», можно в полной мере оценить такую постановку вопроса. Русская культура — «неразрывно связана с государством и его историей, но она есть факт в настоящее время даже более важный и основной, чем самое государство».

Низведение ее до местной, «великорусской», дает основание ставить рядом с нею, как равные — малорусскую и белорусскую. Но ни одна из этих «культур» — еще не культура. «Их еще нет, — заявляет Струве, — об этом можно жалеть, этому можно радоваться, но во всяком случае, это факт». Недаром евреи в черте оседлости, жившие по большей части среди белорусов и малорусов, приобщались не к малорусской и белорусской, а к русской культуре²¹⁴. На всем пространстве Российской Империи, за исключением Польши и Финляндии, Струве не видит ни одной другой культуры, возвышающейся над всеми местными, всех объединяющей. «Гегемония русской культуры в России есть плод всего исторического развития нашей страны и факт совершенно естественный». Работа по ее разрушению и постановка в один ряд с нею других как равноценных представляется ему колоссальной растратой исторической энергии населения, которая могла бы пойти на дальнейший рост культуры вообще.

214. Одна еврейская газета на русском языке, издававшаяся в Киеве, писала, что она отнюдь не противница и не ненавистница малороссов, «но когда Шекспира и Ибсена переводят на мертвое, для оживления измененное профессором Грушевским до неузнаваемости и непонимаемости наречие — это противно. Таких явлений мы, конечно, противники, и будем с ними бороться и будем их высмеивать». (Южная Копейка, 1911, № 309. Цит. по: Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 472).

Сколь ни были статьи П.Б. Струве необычными для русского «прогрессивного» лагеря, они не указали на самую «интимную» тайну украинского сепаратизма, отличающую его от всех других подобных явлений — на его искусственность, выдуманность.

Гораздо лучше это было видно людям «со стороны», вроде чехов. Крамарж называл его «противоестественным»²¹⁵, а Parlamentar, орган чешских националистов, писал об «искусственном взращивании» украинского национализма²¹⁶. До прихода к власти большевиков, он только драпировался в национальную тогу, а на самом деле был авантюрой, заговором кучки маньяков. Не имея за собой и одного процента населения и интеллигенции страны, он выдвигал программу отмежевания от русской культуры, вразрез со всеобщим желанием. Не будучи народен, шел не на гребне волны массового движения, а путем интриг и союза со всеми антидемократическими силами, будь то русский большевизм или австро-польский либо германский нацизм. Радикальная русская интеллигенция никогда не желала замечать этой его реакционности. Она автоматически подводила его под категорию «прогрессивных» явлений, позволив красоваться в числе «национально-освободительных» движений.

Сейчас он держится исключительно благодаря утопической политике большевиков и тех стран, которые видят в нем средство для расчленения России.

215. См. интервью д-ра Крамаржа, данное сотруднику «Нового Времени». (Новое время, 1911, № 12804).

216. Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 479.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленный на суд читателя сборник «Украинский вопрос в русской патриотической мысли» позволяет сделать нам, современникам, ряд вполне практических выводов, которые актуальны и сегодня, в текущий политический момент.

С удивительной прогностической точностью отечественные мыслители описали суть так называемого «украинофильства», направления его развития и перспективы. По сути, в момент рождения данного явления авторами произведений, представленных в сборнике, был предсказан его итог, свидетелями которого являемся мы, люди XXI века. Тем ценнее для нас анализ послания, которое содержится в текстах сборника.

Разделение единства русского народа, разрушение его общерусской идентичности началось не с провозглашения каких-либо политических лозунгов, брожения масс или территориального сепаратизма, а с расчленения общего гуманитарного пространства. Формирование, по сути – искусственное, малорусского литературного языка; его внедрение, по факту – принудительное, в начальную образовательную систему; идеологизированные спекуляции с сюжетами древней истории – вот три источника и три составных части долгосрочного проекта, который привел, в конечном счете, к обособлению, а затем и противопоставлению одной части единого народа по отношению к другой.

Умственное отделение предшествует отделению политическому, – остается лишь согласиться с этой формулой А.А. Иванова, приведенной в его работе. Подобные

проекты начинаются в тиши профессорских кабинетов, майдан – лишь финальная точка длительного процесса. Постсоветский период не стал исключением. Независимая Украина стала ментальным полигоном, на котором отрабатывались технологии разрыва общего с Россией культурно-исторического пространства. Два десятилетия кропотливой работы именно в гуманитарной сфере, где особую роль сыграли зарубежные диаспоры, подготовили соответствующую почву для революционного обрушения украинской государственности в 2014-м году, последующего разгула экстремистов, подавления национально-культурных прав меньшинств, прежде всего русскоязычного населения, и к гражданской войне, как логичному завершению данных процессов.

Все эти двадцать лет на Украине шла самая настоящая культурная война: сражения на полях национальной истории, противостояния памятников, поединки исторических национальных героев, баталии государственных праздников и памятных дат, литературный фронт и проч. Как следствие, выросло несколько поколений граждан страны с перекодированным культурным кодом. В результате важнейшая территория исторической Руси перестала быть частью Русского Мира – некогда общего гуманитарного пространства. Масштабы и последствия этого события лишь предстоит осмыслить.

Есть и обратный пример данной культурно-исторической войны: крымский прецедент. Исторические референдум и решения российских властей стали лишь финальной точкой в одиссее полуострова. Само же воссоединение стало возможным именно потому, что, несмотря на все трудности, жители Крыма всегда оставались в одном и едином со всей Россией гуманитарном пространстве. Сохранение его на территории Крыма – прямая заслуга школьных учителей, библиотекарей, экскурсоводов, воспитателей детских садов, преподавателей вузов. Эти «люди тихого подвига», как их называют сами крымчане, сделали для Крыма гораздо больше, чем могла бы сделать любая армия мира.

Все перечисленные примеры дают нам понимание важности гуманитарной сферы, о чем писали русские мыслители с середины XIX-го века. Осознанная духовная общность народа, общее восприятие истории своей страны, почитание народных героев и выдающихся государственных деятелей, единое понимание и чествование исторических дат, будь то праздники или годовщины трагедий, трепетное отношение к национальной литературе — это тот фундамент единства страны, который может быть более важен, чем военно-силовой потенциал государства.

Гуманитарное пространство — это важнейшая сфера, в которой решается судьба народа, будущее страны. Суверенитет этого пространства обеспечивает независимость государства так же, как и его вооруженные силы. В современной России, наконец-то, вооруженным силам отводится значительное внимание. Но как обстоит дело с гуманитарной сферой? Насколько едино и безопасно гуманитарное пространство нашей страны? Насколько защищены от внутренней коррозии и внешней эрозии базовые ценности, лежащие в основании российской идентичности?

Произведения русских мыслителей, представленных в сборнике, равно как и современный результат процесса, который они проанализировали, свидетельствуют: гуманитарное пространство должно стать сферой государственной безопасности. Внимание к тому, как и кем ведется преподавание отечественной истории, русской литературы в школе, обществоведческих дисциплин в вузах должно быть не меньшим, чем внимание к военно-технической инфраструктуре страны. В конце концов, военные угрозы отслеживаются ежеминутно и их можно мониторить по четким параметрам, оперативно реагировать на них. В той же сфере, где формируется ментальность людей, сложно своевременно отследить разрушительные перемены.

А.Ю. Минаков

[ПРИМЕЧАНИЯ]

Из письма В.Г. Белинского к П.В. Анненкову

Печатется по: Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. – Т.12: Письма 1841-1848. М., 1956. Письмо В.Г. Белинского к П.В. Анненкову 1-10 декабря 1847 г. Петербург. С. 440-441. Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) – великий русский литературный критик. Анненков Павел Васильевич (1813-1887) – русский литературный критик, историк, мемуарист.

¹ *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814-1861) – поэт, в произведениях которого наряду с воспеванием мифологической «козацкой» романтики имелись русофобские, антисемитские и полонофобские мотивы, один из создателей украинского литературного языка, культовая фигура украинского национализма, участник тайной политической организации – националистического Кирилло-Мефодиевского общества, существовавшего в Киеве в 1845-1847 гг. и представлявшего собой первую относительно крупную политическую организацию украинских националистов, в ее составе было 12 человек, в том числе Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш, А.В. Маркевич, Н.И. Гулак, В.М. Белозерский, А.А. Навроцкий.

² *Бакунин Михаил Александрович* (1814-1876), русский революционер-анархист.

³ Т. Г. Шевченко был арестован в апреле 1847 г. по делу о так называемом Кирилло-Мефодиевском обществе, представлявшем собой первую относительно крупную политическую организацию украинских националистов, в ее составе было 12 человек, в том числе Н.И. Костома-

ров, П.А. Кулиш, А.В. Маркевич, Н.И. Гулак, В.М. Белозерский, А.А. Навроцкий. При аресте Шевченко были обнаружены его антиправительственные стихотворения. Так, в стихотворении «Кавказ» (1845) содержались строки, представляющие собой призыв к убийству царской семьи:

*А сльоз, а крові? Напоїть
Всіх імператорів би стало
З дітьми і внуками, втопить
В сльозах удов їх.*

«Пасквиль» на императора и императрицу – сатирическая поэма «Сон» (1844 г.), направленная против Николая I и его супруги Александры Феодоровны, где были следующие строки:

*«...Цариця-небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще, на лихо, сердешне
Хита головою.
Так оце-то та богиня!»*

После смерти императрицы в 1860 г. Шевченко написал следующий «шедевр»:

*Хоча лежачого й не б'ють,
То і полежать не дають
Ледачому. Тебе ж, о суко!
І ми самі, і наші внуки,
І миром люди прокленуть!
Не прокленуть, а тільки плюнуть
На тих оддоєних щенят,
Що ти щенила. Муко! Муко!
О скорбь моя, моя печаль!
Тебе, о люту, зацькують!*

Резкий отзыв Белинского о Шевченко был вызван также, как видно из текста письма, неприятием формирующегося украинского национализма, отчетливо выраженного в поэзии Шевченко, и желанием его единомышленников, отторгнуть Малороссийские губернии от России.

⁴ Первая часть романа Жорж Санд «Пиччинино» появилась в журнале «Современник» (1847, №6). В десятом номере «Современника» было напечатано сообщение, что перевод этого романа «по некоторым особенным причинам» далее публиковаться не будет.

«Манон Леско» – роман аббата Прево. – «Леон Леони» – роман Жорж Санд.

⁵ *Кулиш Пантелеймон Александрович* (1819-1897), литератор, украинский националист, арестованный по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе.

⁶ *Ишимова Александра Осиповна* (1804-1881) – русская детская писательница и переводчица. Издавала два ежемесячных детских журнала: «Звёздочка» (1842-1863) и «Лучи» (первый журнал «для девиц») (1850-1860).

⁷ Статья П. А. Кулиша «Повесть об украинском народе» была напечатана в «Звездочке. Журнале для детей старшего возраста» 1846, №№ 1-2, 4-7 (см. о ней А.В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1905, стр. 371-373). За свою повесть Кулиш был присужден к двухмесячному заключению в крепости и высылке в Тульскую губернию.

⁸ *Ивановский Игнатий Иоакимович* (1807-1886), юрист, профессор Петербургского университета и цензор.

⁹ *Куторга Степан Семенович* (1805-1861), зоолог и минералог, профессор Петербургского ун-та; в 1835-1848 – цензор Петербургского цензурного комитета.

¹⁰ *Орлов Алексей Федорович* (1787-1862) – граф, главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов (1845-1856).

¹¹ *Мусин-Пушкин Михаил Николаевич* (1795-1862), попечитель петербургского учебного округа и председатель цензурного комитета (с 1845 г.).

Белинский В.Г.

Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка

Печатается по: Белинский В.Г. Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка (о)?: Санкт-Петербург. 1841. В тип. А. Сычева. В 8-ю д.л. 131 с. // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5: Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 – ноябрь 1843. – М., 1979. С.275-276. Гайдамаки – (тур. *hajdamak* – разбойник) – участники повстанческих вооруженных отрядов, «вольные казаки» на принадлежавшей Польше Правобережной Украине в XVIII веке.

¹ Имеется в виду рецензия Белинского на альманах «Ластівка» (СПб., 1841). См. Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т.4. С. 416.

² *Квитка-Основьяненко* (настоящая фамилия Квитка) *Григорий Федорович* (1778-1843), малороссийский писатель. «Листы до любезных земляків». Харьков, 1834.

³ Герой нескольких комедий Г.Ф. Квитки-Основьяненко. В данном случае речь идет о комедии «Шельменко, волостной писарь».

⁴ Странники конфедерации польской шляхты, созданной в крепости Бар в 1768 г. для защиты независимости Речи Посполитой от Московского царства и против польского короля, желавшего ограничить власть магнатов.

Ламанский В.И.

Национальная бестактность

Подзаголовок: (Статья Современника 1861. Июль, о Львовском Слове: №№1 и 2)

Печатается по: «День», 15 октября 1861 г. №1. С. 14-19. *Ламанский Владимир Иванович* (1833-1914), историк-славист, один из первых русских геополитиков, создатель исторической школы русских славистов, отстаивавшей

славянофильские и панславистские идеи. «*День*» — еженедельная газета, выходившая в Москве с 1861 по 1865 год, издатель и редактор И.С. Аксаков. В своей статье «Национальная бестактность» Ламанский полемизировал со статьей Н.Г. Чернышевского с таким же названием. «Национальная бестактность» / Н.Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1950. Т. 7: Статьи 1860-1861 годов. С. 775-793. *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828-1889) — в 1860-е гг. XIX века идеолог так называемых революционных демократов, литературный критик, публицист и писатель, в 1855-1862 гг. — редактор журнала «Современник».

¹ «Слово» — общественно-политическая и литературная газета, орган москвофилов, выходила во Львове в 1861-1887 гг. под редакцией Б. Дидицкого и В. Площанского.

² Брестская церковная уния — решения так называемого Собора епископов Западнорусской митрополии, проходившего в Бресте в октябре 1596 г., о соединении с католической церковью — подчинении власти Римского папы и принятии католического вероучения при внешнем сохранении православной обрядности. Уния расколола единый в религиозном отношении народ и привела к масштабным гонениям на православную Церковь.

³ *Голуховский, Агенор Ромуальд Онуфрий* — австрийский государственный и политический деятель польского происхождения, министр внутренних дел Австрийской империи (1859-1861) и наместник Галиции в 1849-1859, 1866-1868 и 1871-1875 годах.

⁴ *Лавровский П.* О русских в Галиции. По поводу статьи «Национальная бестактность» в июльской книге «Современника» за 1861 // *День*. 1861. №3. 28 октября. С.11-13; 4 ноября. С.17-20; №5. 11 ноября. С. 12-15; №6. 18 ноября. С.11-13.

⁵ *Костомаров Николай Иванович* (1817-1885) — общественный деятель, историк, публицист и поэт, член-

корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества, на современной Украине наряду с Шевченко считается одним из основоположников украинского национализма.

⁶ Костомаров Н. Ответ на выходки газеты (Краковской) «Czas» и журнала «Revue Contemporaine» / Н. Костомаров // *Основа: Южно-Русский литературно-ученый вестник*. 1861. Февр. С. 121-135. В статье Костомарова было опубликовано на польском языке стихотворение, написанное в 1860 г. львовскими студентами-русинами в ответ на провокационные плакаты польских студентов с текстами «Нет никакой Руси». Костомаров дал собственный дословный перевод этого стихотворения на русский язык. *Основа: Южно-русский литературный и ученый вестник* — украинофильский литературно-научный ежемесячный журнал, выходил в Петербурге на украинском и русском языке в январе 1861 — октябре 1862. Издатель В.М. Белозерский. Редактировали журнал также Ф. Кистяковский, П. Кулиш, Н.И. Костомаров.

⁷ *О букве ѣ* — речь идёт о букве исторической кириллицы **ять**, ныне употребляемой только в церковнославянском языке.

⁸ Виллафранкское перемирие — перемирие, заключенное в июле 1859 г. в Виллафранке в ходе австро-итало-французской войны 1859 г. после поражения при Сольферино, нанесенного австрийцам Францией, Австрия признала, что не в состоянии бороться с соединенными силами Франции и Пьемонта. Перемирие положило начало национальному объединению Италии под главенством Пьемонта.

⁹ *Григорий Иванович Яхимович* (1792-1863) — галицко-русский грекокатолический и общественный деятель, митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, епископ Каменецкий.

¹⁰ Червонная Русь — историческая область в XV-XVIII веках; часть Руси, расположенная на западе современной Украины и востоке и юго-востоке современной Польши.

¹¹ Ультрамонтанство (от лат. *ultra montes* — за горами, т.е. за Альпами, в Риме) — религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства.

¹² *Фридрих II, или Фридрих Великий* (1712-1786) — король Пруссии с 1740 года. Основоположник прусско-германской государственности.

¹³ Унионисты — сторонники государственного единства, являющиеся противниками самостоятельности отдельных областей,

¹⁴ Имеются в виду леворадикальные почитатели «Свистка» — собрания литературных, журнальных и других заметок — сатирического приложения к журналу «Современник», предпринятое в 1858 г. Н.А. Добролюбовым и Н.А. Некрасовым. Приложение состояло из юмористических литературных произведений, критических статей и заметок.

¹⁵ Конкордат (лат. *concordatum* — соглашение, от лат. *concordo* — нахожусь в согласии) — договор между папой римским как главой Римско-католической церкви и каким-либо государством, регулирующий правовое положение Римско-католической церкви в данном государстве.

¹⁶ *Gesamt-vaterland* -(нем.) единое отечество.

¹⁷ *sine qua non* — (лат.) обязательное условие.

¹⁸ *najpoważniejsze rossyjskie pismo zbiorowe* — (польск.) самый серьезный русский журнал.

¹⁹ Катков М.Н. Наш язык и что такое «свистуны» // Русский вестник. 1861. №3. pag .2. С.1-38.

²⁰ *Марко Вовчок* (настоящее имя Мария Александровна Вилинская) — (1833-1907) украинская и русская писательница и поэтесса, переводчица. Трююродная сестра русского литературного критика Д.И. Писарева.

²¹ *Patois* — (фр.), «патуа», лингвистический термин, название местных наречий французского языка; примерно соответствует русскому термину «наречие».

²² Plattdeutsch (нем.) — «платтдойч», нижненемецкий язык

²³ *Ломоносов Михаил Васильевич* (1711-1765) — первый русский учёный-естествоиспытатель мирового значения, энциклопедист, химик и физик.

²⁴ Угорская Русь — (Венгерская) — область в Центральной Европе, территория компактного проживания славянских народов, в том числе восточнославянской народности — русинов. Занимает Закарпатскую низменность, предгорья и южные склоны Карпат.

²⁵ *Кант, Гегель, Вальтер-Скотт, Д. Юм, Гоголь и Савич — Кант Иммануил* (1724-1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма; *Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770-1831) — немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии; *Скотт Вальтер* (1771-1832) — известный британский писатель, поэт, историк шотландского происхождения. Основоположник жанра исторического романа; *Юм Дэвид* (1711-1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма и агностицизма, экономист и историк, публицист, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения; *Савич Алексей Николаевич* (1811-1883) — знаменитый русский астроном малорусского происхождения, академик Петербургской АН (1862).

²⁶ *Борнс — Бёрнс, Роберт* (1759-1796) — шотландский поэт, фольклорист, автор многочисленных стихотворений и поэм.

²⁷ *Хомяков Алексей Степанович* (1804-1860) — основоположник славянофильства, философ, православный богослов, историк, публицист, поэт, художник.

²⁸ «Русская беседа» — славянофильский журнал, выходил в 1856-1860 гг., издавался под редакцией А.И. Кошелева, соредакторами были Т.И. Филиппов, П.И. Бартев, М.А. Максимович, И.С. Аксаков.

²⁹ *Гречулевич Василий Яковлевич* (1791-1870) протоиерей каменец-подольской епархии, издал в 1849 г. «Про-

поведи на малороссийском языке» (2-е изд. переработал. П. Кулиш в 1857).

³⁰ *Капнист, Основьяненко, Балугьянский, Лодий, Венелин, Гребенка – Капнист Василий Васильевич* (1758-1823) – русский поэт и драматург, общественный деятель; *Балугьянский (Балудянский) Михаил Андреевич* (1769-1847) – русский государственный деятель, правовед и экономист, сенатор, тайный советник, статс-секретарь; *Лодий Петр Дмитриевич* (1754-1829) – русский философ, юрист, правовед; *Венелин Юрий Иванович* (1802-1839) – российский и болгарский историк и публицист, один из создателей славистики, деятель славянского национального возрождения; *Гребенка Евгений Павлович* (1812-1848) – русский писатель малороссийского происхождения.

Аксаков И.С.

Письмо Н.И. Костомарову о Малороссии

Печатается по: Русский Архив. 1906. Т.12. С. 537-543.

Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886) – один из видных идеологов славянофильства, публицист, издатель, общественный деятель. Публикация сопровождалась ремаркой П.И. Бартенева, издателя «Русского Архива»: «Горько, жалко и смешно вспомнить, что эта переписка, помещенная в 7-й тетради „Русского Архива» 1893 года, была после долгой переписки и задержки вырезана по распоряжению тогдашнего начальника печати Феоктистова и уничтожена». *Бартенев Петр Иванович* (1829-1912) – русский историк и литературовед, зачинатель пушкиноведения, директор Чертковской библиотеки, основатель и издатель исторического журнала «Русский архив». *Феоктистов Евгений Михайлович* (1828-1898) – писатель, журналист близкий к кругу М.Н. Каткова, цензор, начальник главного управления по делам печати Министерства внутренних дел.

¹ sine ira et studio (лат.) – без гнева и пристрастия.

² Имеется в виду еженедельная славянофильская газета «День».

³ Южно-русская народность — понятие в концепции Н.И. Костомарова, сформулированное в статье «Две русские народности» (1861) о существовании еще со времен Киевской Руси двух русских народностей, «южно-русской» и великоросской, различающихся по культуре, поведению, мировосприятию и т.д. В дальнейшем идеологи украинского сепаратизма, в частности, М.С. Грушевский развили на ее основе идею особого украинского народа.

⁴ profession de foi (фр.) — исповедание веры (фр.)

⁵ *Жемчужников Алексей Михайлович* (1821-1908) — русский лирический поэт, сатирик и юморист. Один из создателей образа Козьмы Пруткова.

⁶ *Екатерина II, Екатерина Алексеевна* (урожденная София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская (1729-1796) — российская императрица.

⁷ *Максимович Михаил Александрович* (1804-1873) — русский и украинский учёный, историк, ботаник, этнограф, филолог, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук, первый ректор Киевского университета.

⁸ Очипок (укр.) — волосник, исподний чепец, под платок

⁹ suffrage universel (фр.) — всеобщая подача голосов.

¹⁰ *Требование Киева и пр. я считаю безумным* — в данном случае речь идет о требовании польских националистов восстановить Польшу в границах 1667 г. до Андрусовского перемирия, по которому левобережье Днепра с Киевом на правом берегу отходили к России. В 1686 г. был подписан «Трактат о вечном мире между Россией и Польшей». Он официально утвердил присоединение Малороссии к России.

¹¹ *Герцен Александр Иванович* (1812-1870) — русский публицист, писатель, один из лидеров западничества, революционер. В эмиграции издавал известный общественно-политический сборник «Полярная звезда» и журнал «Колокол». В 1859-1960 гг. Герцен высказался о польском вопросе в цикле статей «Россия и Польша»

(см.: Герцен А.И. Россия и Польша // Собрание сочинений в 30 тт. Т.14. Изд-во АН СССР. М., 1958. С. 7-59).

¹² *Коялович Михаил Осипович* – (1828-1891) – известный русский историк, политический публицист и издатель. Ведущий представитель «западнорусской» исторической школы.

¹³ Синоп – имеется в виду морское сражение в Синопской бухте 18 (30) ноября 1853 г., в ходе которого русский флот под командованием адмирала П.С. Нахимова разгромил турецкую эскадру.

¹⁴ *Самарин Юрий Федорович* (1819-1876) – русский публицист и философ-славянофил.

¹⁵ *Бюхнер, Людвиг* (1824-1899) – немецкий философ-материалист, врач, естествоиспытатель,

¹⁶ quand tete (фр.) – однако.

¹⁷ 19 февраля 1861 г. Манифестом Александра II было отменено крепостное право в России.

Иванов А.А.

О малорусском литературном языке и обучении на нем.

Опубликовано в: Русский вестник. 1863. Май. Т. 45. С. 244-267. Печатается с незначительными сокращениями. *Иванов Андрей Акимович* (1840-?) – филолог, сторонник классического образования, составил ряд книг и статей о научно-правильной постановке преподавания древних языков. Статья А.А. Иванова «О малорусском языке и об обучении на нем» является одной из наиболее аргументированных и последовательных работ, посвященных критике украинофильства в «Русском вестнике» М.Н. Каткова. «Русский вестник» – русский литературный и общественно-политический журнал, издаваемый М.Н. Катковым в 1856-1887, один из наиболее влиятельных консервативных журналов второй половины XIX века, оказавших значительное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России.

¹Отзыв из Киева // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям» 1862.

№46. С. 3-6. Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям» — газета, выходила в Москве в 1861-1871, еженедельно (в 1861-1862 приложение к «Русскому вестнику», с 1863 — к «Московским ведомостям»). Издатель- редактор — М.Н. Катков.

² «Молодая Россия» — революционная прокламация, составленная П.Г. Зайчневским весной 1862 г., выражала позицию наиболее радикально настроенной части подполья, призывала к террору против «императорской партии».

³ *Шафарик Павел Йозеф* (1795-1861) — словацкий и чешский славист, поэт, деятель чешского и словацкого национального возрождения. Хранитель и директор библиотеки Пражского университета. Одна из его основных работ: *Славянские древности: В 2 томах — Slovanské starožitnosti* / Пер. О.М. Бодянского. 2-е изд., М., 1847.

⁴ *Ганка Вацлав* (1791-1861) — чешский филолог и поэт, деятель национального возрождения, знаменитый как сочинитель и изготовитель подложных Краледворской и Зеленогорской рукописи.

⁵ *Шумавский — Шумовский*, литературный псевдоним чешского писателя Иосифа *Франты* (1796-1857), монаха, преподавателя чешского языка.

⁶ *Колляр — Коллар, Ян* (1793-1852) — словацкий политик, поэт, философ и лютеранский священник, родоначальник панславизма в поэзии.

⁷ В своих трудах Н.И. Костомаров постоянно подчеркивал различие между демократическим устройством Киевской Руси и автократией «Московии», опирающейся на традиции Византии и Золотой Орды.

⁸ *Лютер Мартин* (1483-1546) — христианский богослов, инициатор протестантской Реформации, ведущий переводчик Библии на немецкий язык.

⁹ Hochdeutsch и Plattdeutsch (нем.) — верхненемецкий и нижненемецкий.

¹⁰ krajowum (польск.) — местным, местечковым.

¹¹ *Гней Невий* (270 г. до н. э. — 201 г. до н. э.) — римский поэт, живший между 274 и 200 гг. до н. э. Proveniebant

oratores novi, stulti, adolescentuli (лат.)- “Появились новые ораторы, незрелые глупцы”.

¹² *Московские Ведомости, Библиотека для чтения, Сион ... День и Вестник западной и юго-западной России* – «Московские ведомости» – одна из старейших русских газет, основана в 1756 как издание Московского университета. С 1863 ее возглавил М.Н. Катков, под руководством которого «Московские ведомости» стали интеллектуальным центром право-консервативных сил. После смерти Каткова в 1887 г. «Московские ведомости» утратили значение ведущего органа русских консерваторов; «Библиотека для чтения» – ежемесячный русский журнал универсального содержания, выходивший в Санкт-Петербурге в 1834-1865; первый многотиражный журнал в России. Основателем «Библиотеки для чтения» был книгоиздатель и книгопродавец А.В. Смирдин, редактором журнала был профессор О.И. Сенковский; «Сион» – еженедельный журнал русских евреев, выходивший в Одессе в 1861-1862 году. Редактировался Э. Соловейчиком, Л. Пинскером, Н. Бернштейном; «Вестник Юго-Западной и Западной России» – ежемесячный историко-литературный журнал консервативной направленности, выходивший в Киеве с 1862 по 1864 год, издававшийся с целью ослабить польское влияние в малороссийских и белорусских губерниях. Издателем и редактором являлся К.А. Говорский.

¹³ «Основа» и вопрос о национальностях // Сион. 1861. 10 сентября. №10. С. 158-161.

¹⁴ *Стоянов Александр*, этнограф, учитель истории в Полтаве, в дальнейшем деятельный член киевской «Громады», полулегальной организации украинских националистов.

¹⁵ *Щирый, шириий* (укр.) – рьяный, прямой, искренний.

¹⁶ *Шейковский Каленик Васильевич* (1835-1903) – украинский филолог, этнограф, педагог. Выпускник Киевского университета Св. Владимира (1861 г.). Принимал участие в организации воскресных школ, написал и издал

учебник «Домашняя наука» (1860 г.), этнографический сборник «Быт подолян» (1859-1860). Главный труд – пятитомный «Опыт южнорусского словаря» (1861 г.).

¹⁷ Анненков П.В. Письмо из Киева// Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». 1862. Июнь. №25. С.1-4.

¹⁸ *Великий князь Михаил Николаевич* (1832-1909) – четвёртый и последний сын императора Николая I, военачальник и государственный деятель; генерал-фельдмаршал (1878), Председатель Государственного совета (1881-1905).

Катков М.Г.

**Передовица в Московских ведомостях
за 21 июня 1863 г.**

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 21 июня» // Московские ведомости. 1863. №136. Москва, 22-го июня. С.1-2. *Катков Михаил Никифорович* (1818-1887) – крупнейший русский консервативный публицист, с 1851 по 1855 г. и с 1863 по 1887 г. издавал газету «Московские ведомости», а с 1856 г. – журнал «Русский вестник».

¹ Иезуиты, или Орден Иезуитов – мужской монашеский орден Римско-католической церкви, основанный в 1534 году Игнатием Лойолой. Иезуиты исповедали принцип: «цель оправдывает средства».

² Польское восстание 1863-1864 (Январское восстание 1863) – восстание поляков против России, которое охватило территорию Королевства Польского, Литвы и частично Белоруссии и Правобережной Украины.

³ *Tedeschi* (ит.) – немцы.

⁴ В ходе татаро-монгольского нашествия Северо-Восточная Русь оказалась под татаро-монгольским игом вплоть до конца XV столетия. Территории современных Украины и Белоруссии оказались в составе Великого княжества Литовского с XIV в. С 1569 г. (т. е. с момента заключения так называемой Люблинской унии) Великое княжество Литовское объединилось с Королевством Польским в Речь Посполитую.

⁵ *Гебель Иоганн-Петер* (1760-1826) – немецкий народный поэт, по профессии педагог и пастор, писавший на одном из швабских наречий

⁶ Текст “Польского катехизиса” появился в русской печати в 1863 г. В этом документе происхождения провозглашался принцип «цель оправдывает средства», что означало, что в борьбе поляков против России нравственно оправданы любые средства.

⁷ Н.И. Костомаров.

⁸ *Валленрод Конрад фон* (между 1330 и 1340-1393) – великий магистр Тевтонского ордена с 1391 по 1393 год. Послужил прототипом для главного персонажа исторической поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод»

⁹ Verein ((нем.) vereinen соединять) – соединенное общество

Катков М.Г.

**Передовица в Московских ведомостях
за 3 сентября 1863 г.**

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 3 сентября» // Московские ведомости. 1863. №191. Москва, 4-го сентября. С.1.

¹ Н. Костомаров. Заметка // Санкт-Петербургские ведомости. 1863. №186. 21 августа. С.760.

«Санкт-Петербургские ведомости» (до 1728 года – «Ведомости», с 1728 по 1914 год – «С.-Петербургские Ведомости», – ежедневная общественно-политическая газета Санкт-Петербурга. В 1860-е гг. занимала либеральную позицию и поддерживала украинофилов.

Катков М.Г.

**Передовица в Московских ведомостях
за 6 февраля 1864 г.**

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 6 февраля» // Московские ведомости. 1864. №31. Москва, 7-го февраля. С.1.

¹ Le patriotisme du clocher (фр.) – букв. патриотизм колокольни, местный патриотизм.

² *Выговский Иван Евстафьевич* (?-1664) – гетман Запорожского войска в 1657-1659 гг. Сменил на посту гетмана Богдана Хмельницкого. Ориентировался на Речь Посполитую, положив тем самым начало Руине – гражданской войне. Воевал с Россией в союзе с Речью Посполитой и Крымским ханством. В междоусобице потерял власть и был казнен поляками; *Дорошенко Петр Дорофеевич* (1627-1698), гетман Малороссии, первоначально соратник Б. Хмельницкого. После его смерти заключил союз с Крымским ханством и Османской империей. Казаки и крестьяне Левобережья выступили против Дорошенко, не желая разрыва с Россией. В результате Дорошенко перешел в подданство турецкого султана, передав под власть Турции по договору 1669 г. Подолию и обязавшись оказать помощь в установлении там турецких порядков. Лишившись поддержки большинства казачества, капитулировал в 1676 г. перед русскими войсками, после чего был назначен воеводой в Вятку; *Мазепа Иван Степанович* (1639-1709) – гетман Запорожского войска, был сподвижником Петра I, в ходе Северной войны против Швеции в 1708 перешел на сторону шведского короля Карла XII. Был лишен всех титулов и наград, которые он получил от Петра I. Русская Православная Церковь предала Мазепу анафеме. Бежал в Османскую империю. В русском национальном сознании стал символом измены и предательства.

³ Свита – верхняя длинная распашная одежда из домотканного сукна, чамарка – старинная польская одежда, род обшитой мехом венгерки.

⁴ *Мерославский Людвик* (1814-1878) – польский повстанец, генерал, участник восстания 1830-31 гг. В начале польского восстания 1863-64 гг. был объявлен диктатором, однако вскоре его отряд был разбит, после чего Мерославский бежал в Париж.

⁵ *Замойский Анджей* (1800-1874) – польский государственный деятель из рода Замойских, граф. 19 сентября

1863, во время польского восстания из окон дома, принадлежавшего Замойскому, была заброшена бомба и обстреляна коляска, в которой ехал наместник Царства Польского Ф.Ф. Берг.

⁶ «Золотая грамота» – прокламация «Грамота сельскому народу», выпущенная в апреле 1863 польскими повстанцами на украинском языке и напечатанная славянскими золотыми буквами, объявляла полное равноправие всех граждан, равноправие украинского языка в школах, судах и местном самоуправлении.

⁷ Abstention (фр.) – воздержание.

Катков М.Г.

**Передовица в Московских ведомостях
за 30 июля 1864 г.**

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 30 июля» // Московские ведомости. 1864. №168. 31 июля 1864. С.1.

¹ [Б.а.,б.н.] // Одесский вестник. 11 июля 1864. С. 602. Одесский Вестник – газета, выходившая в Одессе с 1827-1893 гг., издание газеты было предпринято по распоряжению генерал-губернатора М. С. Воронцова.

² Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович (1813-1889) – русский философ, доктор философии и древней филологии, профессор университета св. Владимира по кафедре философии.

Катков М.Г.

**Передовица в Московских ведомостях
за 2 сентября 1864 г.**

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 2 сентября» // Московские ведомости. 1864. №193. Москва, 3-го сентября. С.2.

¹ Речь идет о русофобской теории Ф. Духинского (1816-1893), согласно которой «москальи» не являются славянами, а являются потомками «туранского племени» наряду с монголами. Духинский утверждал, что русскими могут

называться только малороссы и белорусы, якобы более близкие к полякам по своему происхождению.

Катков М.Г.

Передовица в Московских ведомостях

за 15 января 1866 г.

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 15 января» // Московские ведомости. 1866. №12. 16 января. С. 1-2.

¹«Голос» — политическая и литературная газета либерального направления, выходившая в Санкт-Петербурге ежедневно (1863-1883); издатель-редактор А.А. Краевский. Газета была создана при содействии министра народного просвещения В.А. Головнина, министра внутренних дел П.А. Валуева, министра финансов М.Х. Рейтерна, в 1863-1865 годах субсидировалась Министерством народного просвещения. В дальнейшем газета сохраняла связь с правительственными кругами.

²Independence Belge — L'Independence belge (Независимость Бельгии) — ежедневная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов.

³Остзейскими губерниями в Российской империи назывались территории современной Эстонии, Латвии, в то время они назывались Эстляндией, Лифляндией и Курляндией.

⁴*Муравьев Михаил Николаевич* (1796-1866) — русский государственный деятель консервативного направления. Участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов русской армии. Член декабристского «Союза благоденствия», от которого отошел в 1821 г. С 1850 член Государственного совета. В 1857-1861 министр государственных имуществ. В 1863 был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края. Жестко и эффективно подавил польское восстания в Белоруссии и Литве в 1863.

⁵«Весть» — политическая и литературная газета консервативного направления. Издавалась в 1863-1870 в Петербурге. Издатель-редактор — В.Д. Скарятин. Основная

тематика «Вести» – судьба помещетного дворянства после крестьянской реформы 1861 г.

⁶ Политические астероиды // Голос. 1866. №9. 9 (21) января. С.1-2.

⁷ «Полтавские губернские ведомости» – официальная газета, выходила в Полтаве в 1838-1919 годах.

⁸ Уэльс – одна из четырёх главных административно-политических частей Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

⁹ Чоботы – вид сапог с коротким голенищем.

¹⁰ Кулишовка – или «Граматка», вариант украинской литературной «мовы», в создании которой принял активное участие П.А. Кулиш.

¹¹ [Катков М.Н.] «Москва, 27 ноября» // Московские ведомости. 1866. №262. 28 ноября. С.2.

¹² ad hoc (лат.) – к этому, для данного случая, для этой цели.

¹³ [Катков М.Н.] Несколько слов в ответ г. Костомарову // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». 1863. №24. Июль. С. 1-4.

¹⁴ *наказ Черниговского дворянства 1767 года* – имеется в виду наказ Уложенной комиссии 1767 г.

¹⁵ «Чёрная рада» (укр. Чорна рада) – первый украиноязычный исторический роман, написанный П.А. Кулишом в 1846 году.

¹⁶ *Ливчак Иосиф Николаевич* (1839-1914) – публицист, общественный деятель галицко-русского направления. Издавал в Вене сатирический журналы «Страхопуд» (1863-1868), «Славянская библиотека» (1865-66), призывал к освобождению славянских земель из-под власти Австро-Венгрии и объединению их вокруг России. Из-за преследований австрийскими властями в 1870-х годах переехал в Россию.

Катков М.Г.

Передовица в Московских ведомостях за 7 мая 1866 г.

Печатается по: [Катков М.Н.] «Москва, 7 мая». // Московские ведомости. 1866. №98. 8 мая. С. 1-2.

¹ Друзья или враги украинофилы русскому делу в южном краю? // С.-Петербургские ведомости. 1866. №88. 3 (15 апреля). С.1; Опровержение слуха // С.-Петербургские ведомости. 1866. №93. 8 (20) апреля. С.1-2; Фельетон: Учитель. Педагогическое значение малорусского языка. // С.-Петербургские ведомости. 1866. №93. 8 (20) апреля. С.1-2; Щекотливое положение «Киевлянина» по вопросу об украинофилах и средства выйти из него // С.-Петербургские ведомости. 1866. №113. 28 апреля (10 мая). С.1-2; Член черниговского земства. Еще о земстве и народном образовании на Южной Руси // С.-Петербургские ведомости. 1866. №113. 28 апреля (10 мая). С.3; Могла ли Малороссия пойти на сделку с Польшей? // Голос. 1866. №110. 28 апреля (4 мая). С.1-2;

Мордовцев Даниил Лукич (1830-1905) – автор популярных в своё время исторических романов на темы из русской и малороссийской истории XVII-XVIII вв.

² *Клюшников Виктор Петрович* (1841-1892) – русский писатель. Напечатанный в 1864 г. в “Русском Вестнике” роман его “Марево” – одно из наиболее заметных антинигилистических произведений того времени, наряду с «Бесами» Достоевского».

³ Несторова летопись – Повесть временных лет (также называемая «Несторова летопись») – наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII века.

⁴ Карпатороссы – часть русинов, группы восточнославянского населения, проживающей в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, юго-восточной Польше, Венгрии и северо-западной Румынии.

⁵ Гуцулы – автохтонное население Карпат, проживают на Западной Украине и Закарпатской области Украины, частично в приграничных районах Румынии.

⁶ Лемки – самая западная этнографическая группа карпатороссов (русинов, руснаков, угроруссов) на стыке со словацкой и польской этническими территориями

⁷ Ганаки — субэтническая группа западнославянского происхождения, компактно проживающая в бассейне реки Ганы, в центре исторического региона Моравия.

⁸ «Наймичка» — повесть Т.Г. Шевченко

⁹ Киевская академия — Киево-Могилянская духовная академия — старейшее высшее учебное заведение Православной Церкви, ведущее свою деятельность с начала XVII в., преподаватели которого сыграли большую роль в становлении образования в России в середине XVII века.

¹⁰ Недавние изветы г. Мордовцева на Страхопуд — Мордовцев Д. Л. Почему русины хотят променять Австрию на Россию // Голос. 1866. №96. 8 (20) августа. С.1-2. Страхопуд — юмористический журнал «Страхопуд», издаваемый И.Н. Ливчаком (1863-1868).

¹¹ Мордовцев Д. Восстановление порушенной «Московскими ведомостями» истины // Голос. 1866. №122. 4 (16 мая). С.1-2.

Катков М.Г.

**Передовица в Московских ведомостях
за 19 сентября 1867 г.**

Печатается по: Катков М.Н. Московские ведомости. 1867. №204. Москва 19-го сентября. С.1-2.

¹ Кулиш П. Письмо к редактору «С.-Петербургских ведомостей» о гг. Каткове и Аксакове // Голос. 10 (22) сентября 1867. №250.С.3; 11 (23) сентября. №251. С.1-2.

² «Москва» — ежедневная политическая экономическая и литературная газета, изд. в М. с 1 января 1867 по 21 октября 1868 г. Издатель-редактор И.С. Аксаков.

³ Головацкий Яков Фёдорович (1814-1888) — российский поэт, писатель, греко-католический священник, профессор и декан кафедры русской словесности Львовского университета, его ректор.

Ригельман Н.А.

Современное украинофильство.

Печатается с небольшими сокращениями по: Русский вестник. 1875. №2. Т. 115. С. 818-848.

Ригельман Николай Аркадьевич (1817-1888) – русский публицист и общественный деятель. Председатель Киевского Славянского благотворительного общества и Киевского отделения Русского музыкального общества.

¹ Киевская комиссия для разбора древних актов – учреждена в 1843 г., издавала «Памятники» (1845-1859. 4 т.), «Древности» (в них печатались результаты археологических раскопок) и «Архив Юго-Западной России» (1859-1914. 8 ч.).

² Русское географическое общество. Создано в Санкт-Петербурге в 1846 г. В Киеве существовал Юго-Западный отдел (1870-1874).

³ *Чубинский Павел Платонович* (1839-1844) – украинский националист, журналист, этнограф, историк, географ, полярный исследователь Русского Севера, автор стихотворения, впоследствии, с 1992 года, ставшего государственным гимном Украины. Показательны следующие слова гимна Чубинского, в которых Богдан Хмельницкий упрекается в том, что отдал Украину «поганым врагам»:

*Згинуть наші вороженьки, як роса на сонці,
Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці!*

...

*Ой, Богдане, Богдане, славний наш гетьмане,
Нащо оддав Україну ворогам поганим?!
Щоб вернути їй честь, ляжем головами,
Наречемось України славними синами.*

⁴ *Антонович Владимир Бонифатьевич* (1834-1908) – украинский националист, историк польского происхождения, археолог, этнограф, один из основателей украинской историографии, член-корреспондент Петербург-

ской Академии наук (с 1901 года), глава киевской школы украинских историков.

⁵ *Драгоманов Михаил Петрович* (1841-1895) – один из ведущих фигур украинского национализма, публицист, историк, общественный деятель.

⁵ Антонович В. Историческія песни малорусскаго народа = Историчні пісні українського народу / В. Антонович, М. Дрогоманов. Київ: Друкарня М.П. Фріца, 1874. Т. 1. 376 с.

⁷ «Енеида. На малоросійській языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ») (укр. Енеїда) – поэма-бурлеск на сюжет одноименной поэмы римского поэта Вергилия, написанная И.П. Котляревским (1769-1838). Считается первым произведением, написанным на литературном украинском языке.

⁸ Великая Руина – период в истории Малороссии между 1657 и 1687 годами, фактически являвшийся гражданской войной, осложненной борьбой за контроль на территории Малороссии соседними государствами: Речью Посполитой, Османской империей и Швецией.

⁹ Поспольштво, посполитые – лично свободное сельское население Левобережной и Слободской Украины во второй половине XVII-XVIII вв. К концу XVIII в. превратились в крепостных крестьян.

¹⁰ *Летопись Самуила Васильевича Величко* (1670-1728) – казацкого летописца – является одним из произведений малороссийской историографии второй половины XVII – начала XVIII века.

¹¹ Правда – литературно-научный и политический журнал, выходивший во Львове в 1867-79 гг. и принадлежавший партии крайнофилов-народовцев.

¹² Правда ли? // Киевлянин. Литературная и политическая газета Юго-западного края. 1874. №. 98.17 августа. С.1-2. Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-западного края, выходила в Киеве в 1864-1865, 1867-1872, 1883-1886.

¹³ М.Т-ов. Русские в Галиции. Литературные и политические заметки // Вестник Европы. 1873. Кн. 1. январь. С. 115-152; Кн.2. февраль. 1873. с.769-798

¹⁴ Просвита – «Всеукраинское общество «Просвещение» имени Тараса Шевченко» (укр. Всеукраїнське товариство «Просвіта» імені Тараса Шевченка, бывшее «Общество «Просвещение», разг. «Просвита») – украинская общественная организация культурно-просветительского направления. Первый съезд был созван 8 декабря 1868 г. во Львове, оттуда же было и подавляющее большинство делегатов.

¹⁵ М. Наши славянские благотворительные учреждения // С.-Петербургские ведомости. 1874. №125. 8 (20) мая. С.1-2. Славянский благотворительный комитет – учрежденная в начале 1858 года московскими славянофилами общественная организация, имевшая целью благотворение славянам из добровольно собираемых пожертвований.

¹⁶ *Inde irae* (лат.)- отсюда вытекает.

¹⁷ *horribile dictu* (лат.)- страшно сказать.

¹⁸ Народная партия – имеется в виду культурное и политическое движение русофилов в Австро-Венгрии после 1848 года. Движение существовало в основном в Галиции.

¹⁹ «Мета» – газета умеренно-украинофильского направления, издавалась в Галиции в 1863-1865 гг. писателем К. Климковичем; «Русалка» – еженедельная литературная газета, издавалась в Львове с января по апрель 1866 (вышло 12 номеров) под редакцией В. М. Шашкевича.

²⁰ Капитальной статью *Правды* за 1874 год можно считать статью *Украинца*, под названием: *Литература российская, великорусская, украинская и галицкая* – автор статьи М.П. Драгоманов.

²¹ *Богданович Ипполит Федорович* (1743-1803), русский поэт. Главное произведение – поэма “Душенька” (1778).

²² «Наталка Полтавка» – пьеса И.П. Котляревского. Впервые поставлена в 1819, опубликована в 1838.

²³ «Бедная Лиза» – сентиментальная повесть Н.М. Карамзина, написанная в 1792 году.

²⁴ *Гоголь-Яновский Василий Афанасьевич* (1777-1825) – отец Н.В. Гоголя, автор пьес для домашнего театра.

²⁵ *Трощинский Дмитрий Прокофьевич* (1749-1829) – выходец из малороссийского дворянского рода Трощинских, государственный деятель, член Государственного совета и глава, владел крепостным театром.

²⁶ *Куракин Александр Борисович* (января 1752-1818) – русский дипломат, вице-канцлер (1796), член Государственного Совета (1810), сенатор, в 1804 году даровал свободу своим крестьянам в Харьковской губернии, переведя их в сословие вольных хлебопашцев.

²⁷ *Сковорода Григорий Саввич* (1722-1794) – странствующий философ, педагог, считается родоначальником русской религиозной философии, прадед философа В.С. Соловьева.

²⁸ *Маркиз Поза* – персонаж трагедии К. Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский», символ самоотверженной мужской дружбы.

²⁹ *Каразин Василий Назарович* (1773-1842) – русский учёный, общественный деятель, просветитель, основатель Харьковского университета, который носит его имя.

³⁰ *Бодянский Осип Максимович* (1808-1877)- русский малороссийский филолог, историк, славист, поэт, издавал древнерусские и древнеславянские литературные памятники.

³¹ *Григорович Дмитрий Васильевич* (1822-1900) – русский писатель, автор повестей «Деревня» и «Антон-Горемыка».

³² *Метлинский Амвросий Лукьянович* (1814-1870) – малороссийский поэт и профессор этнографии, издатель сборника «Народные южнорусские песни».

³³ *Срезневский Измаил Иванович* (1812-1880) – русский филолог, этнограф, славист. Считал, что малороссийское наречие является частью русского языка и что нет необходимости создавать на его основе особый язык, «принадлежащий как бы отдельному народу». Академик Петербургской Академии наук, декан историко-филологического факультета Петербургского университета.

³⁴ *Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич* (1788-1850) – русский историк и государственный деятель, то-

больский и виленский губернатор, автор «Истории Украины от присоединения её к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами» .

³⁵ Имеется в виду ликвидация III Отделением Кирилло-Мефодиевского общества

³⁶ Бунчук — древко с привязанным хвостом коня, служившее в XV-XVIII веках знаком власти.

³⁷ Ташкентцы — см. Салтыков-Щедрин М.Е. «Господа ташкентцы» (1869-1872/73). ташкентцы — сатирический образ бюрократа Салтыкова-Щедрина. «Ташкентцы» — плотоядные, жадные, вороватые космополиты, главное для которых — получение доходов.

³⁸ Семинария была снована в 1869 году в Киеве, в 1873 г. переведена в Коростышев Киевской губернии.

³⁹ Границы Речи Посполитой до первого ее раздела и до Переяславской Рады.

⁴⁰ *oblige* (фр.) — обязывает

⁴¹ *Эркман-Шатриан*, общий псевдоним двух французских писателей Александра Шатриана и Эмиля Эркманна, написавших с 1847 г. многие свои произведения совместно. В 1860-е гг. пользовались успехом в России, в силу их внимания к народной жизни.

⁴² *Ауэрбах Бертольд* (1812-1882) — немецкий романист, писал в жанре художественной беллетристики на народно-бытовые темы.

⁴³ *Грот Клаус* (1819-1899) — нем. поэт, пишущий на провинциальном германском диалекте (*plattdeutsch*), профессор немецкого языка в Киле.

⁴⁴ *Консианс Гендрик* (1812-1883) — выдающийся писатель новофламандской литературы.

⁴⁵ Позитивизм — философское направление XIX-XX вв., подчеркивающее приоритет научного знания по сравнению с философией и иными формами духовной деятельности, отдающее предпочтение эмпирическим методам познания.

⁴⁶ *Песталоцци Иоганн Генрих* (1746-1827) — швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII — начала XIX века.

⁴⁷ *Велепольский Александр* (1803-1877) — маркиз Гонзага-Мышковский, в 1861-1863 г. — помощник наместника Царства Польского Константина Николаевича по гражданской части. Объявленный Велепольским рекрутский набор в январе 1863 г. с целью обезвредить польских революционных заговорщиков послужил толчком к польскому восстанию 1863-1864 гг.

⁴⁸ *Димитрий Ростовский* — (в миру — Данила Саввич Туптало; 1651-1709) — русский святой, митрополит Русской Церкви; духовный писатель, составитель сборников житий святых, наиболее известный — «Четьи-Минеи»

⁴⁹ *Феофан Прокопович* — (в миру Елеазар Прокопович; 1681-1736) — епископ Русской Православной Церкви; входил в число особо приближенных к Петру I, создатель Синодальной системы, ликвидировавшей Патриаршество и подчинившей Православную Церковь государству.

⁵⁰ *Конисский Георгий* (в миру — Григорий Осипович Конисский; 1717-1795) — архиепископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский, выдающийся богослов, философ и педагог. Канонизирован как местночтимый святой в Белорусском экзархате Русской Православной Церкви. Конисскому приписывали авторство сочинения «История русов», сыгравшего большую роль в становлении «украинофильства», однако современные историки отрицают его авторство.

⁵¹ Ржонд (Rząd) — (польск.) ряд, порядок, устройство, правительство.

Гогоцкий С.С.

Еще несколько слов об украинофилах

Печатается по: Русский вестник. 1875. №6. Т. 117. С. 787-798. *Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович* (1813-1889) — русский философ, доктор философии и древней филологии, профессор университета св. Владимира по кафедре философии

¹Статья Н.А. Ригельмана «Современное украинофильство».

²Гогоцкий С.С. На каком языке следует обучаться в сельских школах Юго-Западной России // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». 1863. Июнь. №21. С. 1-5. Его же. О послании Поднепрянина к киевским болгарам и сербам. Киев, 1864. Типография редакции «Киевского телеграфа». 52 с.

³Речь идет о романе «Хмари» (1874) И.С. Нечуй-Левицкого.

⁴«Воспоминания о Луке Данкевиче» – Данкевич (Лука) – галицко-русский писатель (1791-1867), священник в Коломые, один из первых по времени деятелей галицко-русского национального движения и просвещения.

Гогоцкий С.С.

Прибавление к статье

«Еще несколько слов об украинофилах»

Печатается по: Русский вестник. 1875. №7. Т. 118. С. 413-415.

Аксаков И.С.

Опасно ли украинофильство для Русского государства?

Впервые: День. 1864. 25 января. №4. С.1-4. Аксаков Иван Сергеевич (1823-1886), один из видных идеологов славянофильства, публицист, издатель, общественный деятель.

¹Малоросс-Волынец. Письмо к издателям Московских ведомостей о новой фазе нашей хохломании // Московские ведомости. 1864. №13. 17 января. С.3.

²статья, помещенная в Львовском журнале «Мета» – Климкович К. Становище Руси супротив Лядско-Московской борби».

³В статье Н.И. Костомарова «Куликовская битва» скептически оценивались личные качества Дмитрия Донского (Месяцеслов на 1864. СПб., 1864). На нее отве-

тил М.П. Погодин в статье «Два слова о статье «Куликовская битва», помещенной в календаре» (к Н.И. Костомарову) // День. 1864. №4. 25 января. С. 19-22.

⁴ pendant (фр.) — в дополнение к чему либо.

Аксаков И.С.

Польский ли город Киев?

Впервые: Русь. 1881. 8 августа. №39. С.1-4.

¹ «Конгрессувка» — Конгрессовое королевство, конгрессувка, презрительное наименование, данное бывшему Царству Польскому, созданному по решению Венского конгресса в 1815 и входившему в состав Российской империи до 1915 г., польскими националистами.

² *Крашевский Иосиф Игнатий* (1812-1887) — польский писатель, исторический романист, предтеча и наставник польского реализма.

³ modus vivendi (лат.) — образ жизни.

⁴ Dragomanow Michel. La littérature oukraiñienne proscrite par le gouvernement russ (Драгоманов М.П. «Украинская литература, запрещенная русским правительством» (Женева, 1878).

⁵ «Русская мысль» — литературно-политический журнал либерального направления, выходивший с 1880 по 1918 г., издатель-редактор до 1906 г. — В.М. Лавров, в период 1880-1885 годов редактором «Русской мысли» был С. А. Юрьев.

⁶ *Кауфман Константин Петрович фон* (1818-1882) — российский военный и государственный деятель, в 1865-1866 гг. — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, главный начальник Витебской и Могилевской губерний, командующий войсками Виленского военного округа.

⁷ *Баранов Эдуард Трофимович* (1811-1884) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант-командующий Виленским военным округом в 1866-1868 гг.

⁸ *Альбединский Пётр Павлович* (1826-1883) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственно-

го совета, командующий Виленским военным округом в 1874-1880 гг.

⁹ Студент Парижского юридического факультета, Литвин Мурашко. Литва и Польша // Русь. 1881. №39. 8 августа. С. 9-10.

¹⁰ Привислинский край – в Российской империи общее название губерний Царства Польского в 1867-1917. До 1875 наместничество, затем генерал-губернаторство с центром в Варшаве

¹¹ Интердикт (лат. interdictum – запрещение) – в римско-католической церкви временное запрещение всех церковных действий и треб.

¹² «Spotkamy się w Kijowie!» – правильно: spotkamy się w Kijowie – (польск.) встретимся в Киеве!

Аксаков И.С.

Об украинофильской агитации

львовской газеты «Дело»

Впервые: Русь. 1882. 20 ноября. №47. С.1-5.

¹ «Діло. Руска політична часопись». Русский политический журнал, до 1902 г. назывался «Дело», издавался во Львове в 1880-1939 гг.

² *Мария Терезия* (1717-1780) – австрийская государыня с 1740.

³ *Андраши Дьюла* (1823-1890) венгерский политик и дипломат. Премьер-министр и министр обороны Венгрии, министр иностранных дел Австро-Венгрии, активно выступал за сближение с Германией.

⁴ Австро-Венгрия – двуединая монархия и многонациональное государство, существовавшее в 1867-1918 годах.

⁵ *Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791-1859) – русский писатель, общественный деятель, литературный и театральный критик, автор «Семейной хроники», отец славнофилов К.С. и И.С. Аксаковых.

⁶ Люблинская уния – государственный союз, заключенный в 1569 г. между Королевством Польским и Вели-

ким княжеством Литовским, положивший начало единому федеративному государству – Речи Посполитой.

⁷ *наглая выходка возмутила нас, и мы, во 2-м № только что начавшегося «Дня», 21 октября 1861 г., сказали по этому поводу несколько искренних слов* – имеется в виду статья В.И. Ламанского «Национальная бестактность».

⁸ Процесс Ольги Грабарь (1882 г.) – судебное дело, инспирированное австро-венгерскими властями против карпаторусских общественных деятелей, положил начало преследованию со стороны государства русского движения. По процессу проходило 11 человек, одной из главных обвиняемых была Ольга Грабарь – дочь лидера закарпатских русинов А. Добрянского и мать известного художника и искусствоведа Игоря Грабаря. Суд обвинял подсудимых в создании организации, планировавшей отделение от Австро-Венгрии Галиции, Угорской Руси и Буковины.

Пуле М.Ф. де.

К истории украинофильства

Печатается по: Русский вестник. 1881. Т. 152. №3. С.210-234.

Пуле де. Михаил Федорович (1822-1885) – педагог и писатель, известен как биограф воронежских поэтов Кольцова и Никитина, выступал с публицистическими статьями, направленными против нигилизма, в 1860-1880-е гг. сотрудничал преимущественно в консервативных изданиях.

¹ Костомаров Н.И. Украинофильство // Русская старина. 1881. февраль. С.319-331.

² *Головнин Александр Васильевич (1821-1886)* – русский государственный деятель, принадлежал к кругу либеральной бюрократии, в 1861-1866 – министр народного просвещения.

³ Харьковский университет открыт в 1805 г.

⁴ Илоты — земледельцы, находящиеся в древней Спарте в промежуточном состоянии между крепостными и рабами.

⁵ *Гулак-Артемовский Петр Петрович* (1790-1865) — малороссийский литератор, профессор Харьковского университета, в 1841-1849 гг. — ректор, преподавал русскую историю, эстетику, историю русской словесности, сравнительное славянское языкознание.

⁶ Барбаризм — неправильный оборот речи, употребляемый под влиянием иностранного языка; иностранное слово, употребляемое там, где оно с успехом могло быть заменено выражением, взятым из своего языка.

⁷ Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1876. Т.1-2.

⁸ Соловьев Сергей Михайлович (1820-1879) — великий русский историк; профессор Московского университета, ректор Московского университета, ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по отделению русского языка и словесности,

⁹ В 1844 г. Н.И. Костомаров защитил диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии»

¹⁰ *Кольцов Алексей Васильевич* (1809-1842) — русский поэт.

¹¹ *Маркович Афанасий Васильевич* (1822-1867), студент Киевского университета. Участник Кирилло-Мефодиевского общества (1846-47); арестован в 1847 г. и выслан под надзор в Орел, где находился до 1851 г. Впоследствии занимался малорусской этнографией.

¹² eo ipso — тем самым (лат)

Тихомиров Л.А.

Украинцы и малороссы

Печатается по: «Московские ведомости» №148 (28 июня.) 1913 год. С.1-2.

Тихомиров Лев Александрович — (1852-1823) — идеолог террористической организации «Народная воля», порвавший с левыми радикалами и перешедший в лагерь убежденных монархистов, один из ведущих мыслителей

русского консерватизма, автор трактата «Монархическая государственность»

¹ Волков Л. Как выросло украинство //»Московские ведомости» №148 (28 июня.) 1913 год. С.2.

² *Родзянко Михаил Владимирович* (1859-1924) – русский политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября» (октябристов). Председатель Государственной думы третьего и четвёртого созывов. Один из организаторов Февральской революции.

³ Манифест 17 октября – законодательный акт, обнародованный 17 (30) октября 1905. Разработан С.Ю. Витте по поручению императора Николая II. Провозглашал неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и организаций, введение правила, что ни один закон не может вступить в силу без одобрения его Государственной думой.

⁴ *Савенко Анатолий Иванович* (1874-1922) – русский общественный и политический деятель, юрист, писатель, один из основных идеологов русского национализма, непримиримый оппонент украинского национализма, с 1912 года – председатель Киевского клуба русских националистов, член Всероссийского национального союза, депутат IV Государственной думы в составе фракции националистов и умеренно правых. Один из организаторов и лидеров думской фракции прогрессивных националистов.

⁵ *Иванов Сергей Алексеевич* (1856-1930) – профессор Киевского политехнического института. С 1905 года был членом кадетской партии. В 1912 году был избран в члены Государственной думы. Входил во фракцию кадетов.

⁶ *Грушевский Михаил Сергеевич* (1866-1934) – украинский историк, идеолог украинства, сторонник австро-немецкой ориентации украинского движения. Создал антирусскую концепцию истории Малороссии.

⁷ *Милюков Павел Николаевич* (1859-1943) – русский политический деятель, историк и публицист, лидер Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел Временного правительства в 1917 году.

⁸ *Шингарёв Андрей Иванович* (1869-1918) — политический и государственный деятель, главный специалист и оратор кадетской фракции по финансовым вопросам в Государственной Думе, министр земледелия в первом составе Временного правительства, убит большевистскими солдатами в январе 1918 г.

⁹ *Некрасов Николай Виссарионович* (1879-1940) — российский политический деятель, инженер. Деятель левого крыла партии кадетов. Член Государственной думы III и IV созывов. Деятель левого крыла партии кадетов. Министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства. Расстрелян в 1940.

¹⁰ *Степанов Василий Александрович* (1873, по другим данным, 1871 или 1872, — 1920) — депутат 3-й и 4-й Государственных Дум (от Пермской губернии); член рабочей комиссии 3-й Государственной Думы; секретарь фракции кадетов в 4-й Государственной Думе. Левый кадет, член ЦК партии.

Суворин А.С.

Маленькие письма. Письмо СХШ за 17 февраля 1893 г.

Впервые: Новое время. 17 февраля. 1893. №6096. С.1-2.

Суворин Алексей Сергеевич — (1834-1912), известный русский издатель, публицист, драматург, с 1876 г. — издатель, редактор и постоянный автор влиятельной консервативно-националистической газеты «Новое время».

¹ «Киевское слово» — ежедневная газета, публиковавшаяся в Киеве на русском языке с 1886 по 1905 год, издатель С.В. Кульженко, редакторы — экономист А.Я. Антонович и В.М. Богданов.

² «Киевлянин» — русская консервативно-националистическая газета, выходила в Киеве в 1864-1919, издатель-историк В. Я. Шульгин.

Розанов В.В.

Малороссы и великороссы.

Впервые: «Новое время». 1902. 21 января. №9297. С.3.

Розанов *Василий Васильевич* (1826-1919) – философ, писатель, публицист, сотрудник суворинского «Нового времени».

¹ Семья С.В. Беха, корреспондента В.В. Розанова.

² *Старицкий Александр Константинович* (1877-?) – русский географ и инженер, исследователь рек Забайкалья.

³ *Феваль Поль* (1817-1887) – бульварный французский романист.

⁴ Розанов В.В. «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария» (1894).

⁵ «Московский сборник» К.П. Победоносцева – самый известный сборник статей К.П. Победоносцева (1896), где он с наибольшей полнотой изложил свое политическое кредо, подвергнув резкой критике демократию и парламентаризм, которые он характеризовал как «великую ложь» нашего времени.

⁶ Розанов В.В. «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886).

⁷ «Вопросы философии и психологии» – крупнейший русский философский журнал, издаваемый Московским психологическим обществом в 1889-1918 гг. Редакторами журнала были Н.Я. Грот, В.П. Преображенский, С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин.

⁸ *Сахаров Иван Петрович* (1807-1863) – знаменитый этнограф-собирающий, археолог и палеограф 1830-1850-х гг.

⁹ *Снегирев Иван Михайлович* (1793-1868) – русский историк, этнограф, фольклорист, археолог, составитель описания московских церквей и монастырей.

¹⁰ *Пантелеев Лонгин Федорович* (1840-1919) – русский издатель, общественный деятель.

¹¹ *Губонин Петр Ионович* (1825-1894) – крупный русский предприниматель, выходец из крепостных крестьян, активный благотворитель.

¹² *Трифон Коробейников* — купец, русский паломник и путешественник конца XVI века.

¹³ *Безбородко Александр Андреевич* (1747-1799) — русский государственный деятель, родом из малороссийских казаков, канцлер Российской империи, дипломат.

¹⁴ *Строгановы* — род русских купцов и промышленников, из поморских крестьян, ставших крупными земельными собственниками, с XVIII века получили титулы баронов и графов Российской империи.

¹⁵ *Демидовы* — род богатейших российских предпринимателей, выдвинувшийся при Петре I благодаря созданию оружейных и горнодобывающих предприятий в Туле и на Урале.

¹⁶ *Ермак Тимофеевич* (1531/1534/1542-1585) — казачий атаман, завоеватель Сибири для Российского государства, русский народный герой.

¹⁷ *Разин Степан Тимофеевич* (около 1630-1671) — донской казак, предводитель восстания 1670-1671 годов, крупнейшего в истории допетровской России.

¹⁸ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772-1839) — русский либеральный общественный и государственный деятель, реформатор.

¹⁹ *Новиков Николай Иванович* (1744-1818) — русский просветитель, масон, журналист, издатель, философ.

²⁰ *Суворов Александр Васильевич* (1729-1800) — великий русский полководец, генерал-фельдмаршал, генералиссимус.

²¹ Лациуму первых консулов — Лациум — долина на берегу Тибра. С завоевания Лация Римом началось завоевание Италии.

²² Самниум — союз племен самнитов южнее Лация.

²³ *Ровинский Дмитрий Александрович* (1824-1895) — историк искусства, библиофил, коллекционер, автор коллекции лубков «Русские народные картинки» (1881-1893).

Розанов В.В.

Голос малоросса о неомалороссах

Впервые: «Новое Время». 1914. 19 января. №13598. С.6-7.

В тексте статьи Розанова приведены цитаты из письма С.В. Беха.

¹ *Крылов Иван Андреевич* (1769-1844) — знаменитый русский писатель, баснописец.

² *Тютчев Федор Иванович* (1803-1873) — великий русский поэт.

³ *Востоков Александр Христофорович* (Остенек Александр Вольдемарович; 1781-1864) — филолог-славист, поэт и переводчик.

⁴ 1-й Всероссийский съезд по вопросам народного образования (декабрь 1913 — январь 1914), собравший свыше 16 тыс. участников. В резолюциях съезда содержалось требование радикальной реформы школьной системы и изменения всего общественного строя.

⁵ *Винавер Максим Моисеевич* (1863-1926) — адвокат, один из лидеров партии кадетов и ряда еврейских организаций.

⁶ *Багратион Пётр Иванович* (1769-1812) — российский генерал от инфантерии, герой 1812 г.

⁷ *Лазарев Михаил Петрович* (1788-1851) — русский флотоводец и мореплаватель, из армянского рода, первооткрыватель Антарктиды.

⁸ *Марголин Моисей Маркович* (1862-?) — юрист, сотрудник словарей Брокгауза и Ефрона, редактор «Еврейской жизни».

⁹ «cherchez la femme», «cherchez le Juif»(фр.) — «Ищите женщину», «ищите еврея».

Скрынченко Д.В.

Война и «украинцы»

Впервые: Киев. 1914. 30 ноября. №321. С. 2.

Скрынченко Дмитрий Васильевич (1874-1947) — публицист консервативно-националистического направления, историк, церковный деятель. Публиковался в газетах «Минское слово», «Киев», «Киевлянин». С 1920 г. — в эмиграции.

¹ «Украинская жизнь» — ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал, выходил в Москве в 1912-1917 гг.

² *Мелиневский Михаил* — деятель украинского националистического движения.

³ Талаат-паша (1874-1921) — турецкий политик, входил в неофициальный младотурецкий триумvirат, который правил страной.

⁴ Колокол — общественная, церковная и политическая газета консервативного направления, выходила в Петербурге в 1906-1917 гг. Издатель Ю.А. Скворцов.

⁵ «Рада. Газета політична, економічна і літературна», издавалась в Киеве в 1906-1914 гг.

⁶ Воззвание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича 1 августа 1914 г. содержало идею воссоединения Польши, как в нем говорилось, «под скипетром русского царя».

Скрынченко Д.В.

Заметание следов

Впервые: Киев. 1915. 15 февр. №395. С. 2.

¹ «Украинская жизнь» — ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал, выходил в Москве в 1912-1917 гг.

² Буковина — историческое название территории современной Черновицкой области Украины и частично Румынии.

³ Петлюра Симон Васильевич (1879-1926) — руководитель украинского сепаратистского движения. В 1919-1920 гг. глава Директории, убит из мести за еврейские погромы.

⁴ В 1805 в Нежине была основана, а в 1829 г. открыта гимназия высших наук (Нежинский лицей), в котором с 1821 по 1828 г. учился Н.В. Гоголь.

⁵ «Народный голос» — «Народный голос: Иллюстрированная газета», издавалась в Черновцах в 1909-1914 гг.

⁶ *Д. Донцов, В. Дорошенко, М. Мелиневский, О. Скоропис-Ялтуховский, А. Жук* — деятели украинского движе-

ния. 4 августа (н.ст.) 1914 г. Во Львове был создан «Союз Визволення України», в правление которого вошли А. Скоропис-Йолтуховский, Вл. Дорошенко, А. Жук, М. Мелиневский, Н. Зализняк. Председателем СВУ стал националист Дмитрий Донцов.

⁷ «Прикарпатской Русью»... — газета «Прикарпатская Русь» выходила в Киеве в 1914-1915 гг.

Скрынченко Д.В.

К характеристике украинства

Впервые: Киев. 1915. 8 апр. №449. С. 1.

¹ Племянник императора Австрии Франца Иосифа, наследник престола Габсбургов Франц-Фердинанд, убит в Сараево 28 июня 1914 г. Его убийство спровоцировало I мировую войну.

² Возможно, речь идет о Рачковском Петре Ивановиче (1853-1911), заведующем заграничной агентурой департамента полиции.

³ Алексинский Григорий Алексеевич (1879-1967), социал-демократ, входил в с.-д. фракцию II Государственной Думы.

⁴ 5 декабря 1914 года в 326 № газеты «Киев» я писал... — Скрынченко Д. Война и «украинцы» // Киев. 1914. 5 дек. (№326). С. 1-2.

⁵ Шахматов Алексей Александрович (1864-1920) — русский лингвист, филолог-текстолог, сочувственно относился к украинству.

⁶ Перетц Владимир Николаевич (1870-1935) — литературовед, фольклорист, искусствовед, педагог, действительный член Императорской Академии наук (1914; впоследствии АН СССР) и АН УССР (1919).

Скрынченко Д.В.

Украинская расправа

Впервые: Киев. 1916. 16 сент. №961. С. 2.

¹ Русские войска находились в Галиции с сентября 1914 по июнь 1915 г.

² Львовское Ставропигийское православное братство, существовавшее с 1586 г.

³ Ризница — помещение при церкви для хранения риз и церковной утвари.

⁴ Качковский Михаил Алексеевич (1802-1872) — галицкий москвофил, судейский чиновник, благотворитель.

⁵ Трубецкой Евгений Николаевич (1863-1920) — общественный деятель, философ, публицист. Член партии Конституционных демократов, в 1907-1908 г. член Государственного Совета.

⁶ Винниченко Владимир Кириллович (1880-1951) — украинский социал-демократ, писатель, сотрудничал в журнале «Украинская жизнь», в 1917 г. возглавлял первое украинское правительство — Генеральный секретариат, с 1919 г. в эмиграции.

⁷ Спасо-Евфимьевский монастырь — монастырь в Суздале, основан в 1352 г. как крепость. В 1766 году монастырь был упразднен и до 1967 года использовался как тюрьма.

⁸ Шептицкий Андрей (1865-1844) — граф, с 1901 г. униатский митрополит Галиции, активно сотрудничал с Австрией и Германией с целью оторвать Малороссию от России. После занятия Львова русскими находился в ссылке в Киеве, Новгороде, Курске, а затем в Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале. Освобожден после февральской революции.

Скрынченко Д.В.

«Украинские» подлоги

Киев. 1916. 4 ноября. №1010. С. 1-2; 1916. 6 ноября. №1012. С.2; Киев. 1916. 9 ноября. №1015. С.1-2; Киев. 1916. 10 ноября. №1016. С.1-2; Киев. 1916. 11 ноября. №1017. С. 2. Отдельно опубл.: Скрынченко Д.В. «Украинцы». Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1916. 54 с.

¹ Шемет — Шемет Владимир Михайлович (1873-1933), малоросс, дворянин, землевладелец. В 1905 г. в Лубнах

издавал газету «Хлібороб», был депутатом I Государственной Думы. Летом 1915 г. добился открытия в Киеве частной украинской гимназии.

² Александров Александр Михайлович – адвокат, конституционный демократ, депутат IV Государственной Думы от Екатеринославской губернии

³ Игнатъев Павел Николаевич (1870-1945) – граф, российский государственный деятель, министр народного просвещения в 1915-1916 гг. Придерживался либеральных взглядов.

⁴ «осужденный по процессу выборжцев» – после роспуска I Государственной Думы 10 июля 1906 г. 120 депутатов от партии конституционных демократов совместно с трудовиками и эсерами в Выборге подписали воззвание, в котором призывали общество к неповиновению правительству. Вслед за этим последовал судебный процесс, на котором подписавшие воззвание получили весьма легкие наказания.

⁵ Шелухин Сергей Павлович (1864-1938) – украинский общественный и государственный деятель.

⁶ Шелухин С. «Немецкая колонизация на юге России». Одесса, 1914, 83 с.

⁷ Шелухин С. Украинцы, русские, малороссы. // Украинская жизнь. 1916. №7-8. С.60-81.

⁸ Боплан Гийом (конец XVI в. – после 1650) – французский инженер, строил для поляков крепости на юге Малороссии, оставил подробное «Описание Украины».

⁹ Лассота Эрих (ок. 1550-1616) – посол императора Рудольфа II в Запорожскую Сечь в 1588-1594 гг., предлагал казакам поступить на службу Австрии. Оставил «Дневник» с описанием городов и сел Галичины, Волыни и Запорожской Сечи.

¹⁰ Павел Алеппский – архидиакон, автор записок о России, Молдавии и Валахии, которые посетил в середине XVII в.

¹¹ *Ипатьевская летопись* – древнейший памятник южнорусского летописания. Получила название по местонахождению в Ипатьевском монастыре в Костроме.

¹² *Псковская летопись* — правильное: Псковские летописи, составлявшиеся во Пскове в XIV-XVII вв., имевшие в основе более древние летописные своды.

¹³ черные клобуки — племенные объединения тюркских народов, сложившиеся XII в. в лесостепных районах Руси.

¹⁴ князь Владимир Глебович — Владимир Глебович Переяславский (1157/8-1187), князь, внук Юрия Долгорукого.

¹⁵ князю *Ростиславу Берладнику* — Ростислав Иванович (?-1189), галицкий князь, сын Ивана Ростиславовича Берладника, получившего прозвище по молдавскому городу Берладу, где он скрывался после потери удела.

¹⁶ Шварн (ум. 1269) — сын галицкого князя Даниила Романовича. С 1264 г. княжил в восточной части Галицкого княжества и в Забужье. Конфликт между Шварном и польским королем Болеславом возник из-за похода последнего на польскую вотчину Шварна — Холм в 1266 г.

¹⁷ *о полоцком князе Андрее...* — Андрей Ольгердович (ок.1325-1399) — полоцкий князь (1342-1377, 1381-1386) из династии Гедиминовичей

¹⁸ Великий князь Иван Васильевич — Иван III Васильевич, великий князь Московский с 1462 по 1505 гг.

¹⁹ Хрестоматия по русской истории М. Коваленского — Коваленский Михаил Николаевич (1874-1923), русский историк, автор учебников и хрестоматий по отечественной истории.

²⁰ Стрыйковский Мацей (Матвей) (1547-1582) — польский историк, автор «Хроники польской, литовской, жмудьской и всероссийской, коя ранее никогда не была на свете издана».

²¹ Баторий Стефан — польский король в 1576-1586 гг.

²² Сигизмунд I Старый — польский король в 1506-1548 гг.

²³ Стороженко Андрей Владимирович (1857- не ранее 1926) — русский историк, публицист, общественный и политический деятель, критик украинского национализма, умер в эмиграции.

²⁴ *Грондский Самуил* — польский историк, автор изданной в 1660 г. на латыни книги «История польско-казацких войн».

²⁵ Ян Казимир — польский король в 1648-1668 гг.

²⁶ Забузский Семен — казацкий сотник, которого поляки в 1648 г. хотели сделать гетманом вместо Б. Хмельницкого.

²⁷ Зборовский договор заключен между Б. Хмельницким и польским королем Яном Казимиром после победы казаков над польскими войсками под Зборовом 5-6 августа 1649 г.

²⁸ Твардовский Самуэль (?-1655) — польский поэт, автор эпических поэм, написанных на исторические темы.

²⁹ «Sam uczynił ... było Laszskiego» (польск.) — «приняли московские кресты на церквах, московское подданство и веру и иные суеверные обряды, чтобы они стриглись, крестились и одевались, как московские селяне, уничтожив на веки все то, что в них было ляшского»

³⁰ Потоцкий Ян (1761-1815) — польский писатель, этнограф, историк. При Александре I служил в русском Министерстве иностранных дел.

³¹ Сражение между казаками под предводительством Б. Хмельницкого и польскими войсками 5-6 мая 1648 г. под Желтыми Водами, в котором победу одержали казаки.

³² Нейдгардт Дмитрий Борисович (1861-1942) — сенатор, гофмейстер Высочайшего Двора, член Государственного совета по выборам.

³³ Через Вильну проходили русские войска, участвовавшие в Семилетней войне (1756-1763).

³⁴ Константин Багрянородный — Константин VII Багрянородный, Порфирородный (905-959), византийский император с 913 г. из Македонской династии, покровитель наук и искусств.

³⁵ Иоанн де Плано Карпини — Карпини Джованни (Иоанн) да Плано (1182-1252), итальянский путешественник, монах францисканец-минорит, первым из европейцев посетивший Монгольскую империю.

³⁶ Галицкий князь Юрий Андреевич (?-1336) — сын Андрея Юрьевича Галицкого

³⁷ *Dei gratia natus dux minoris Russiae* — милостью Божией прирожденный князь малой Руси.

³⁸ Сперанский Михаил Несторович (1863-1938) — с 1895 г. профессор русской словесности в Нежинском историко-филологическом институте, с 1921 г. Академик РАН.

³⁹ Остряница, Острянин Степан — казацкий вождь в антипольской борьбе. В 1638 г. запорожский гетман, тогда же совершил неудачный поход на поляков. В том же году казнен ими.

⁴⁰ Саликовский Александр Фомич — публицист, сотрудник «Украинской жизни», член Народно-социалистической партии.

⁴¹ Карский Евфимий Федорович (1860-1931) — российский филолог-славист, академик Российской (1917) академии наук, действительный член АН СССР (1925). С 1894 г. профессор Варшавского и с 1917 г. Петроградского университетов. Один из наиболее авторитетных специалистов по белорусской филологии, истории и диалектологии белорусского языка.

⁴² Руссов Александр Александрович (1847-?) — земский статистик и этнограф, изучал народное песенное творчество.

⁴³ Лысенко Николай Витальевич (1842-1912) — композитор, педагог, этнограф и общественный деятель.

⁴⁴ Гринченко Борис Дмитриевич (1863-1910) — украинский писатель, педагог, публицист и общественный деятель.

⁴⁵ «Курьер Новы» — *Kurjer Nowy. Dziennik polityczny, społeczny i literacki*. «Новый курьер». Газета политическая, общественная и литературная. Выходила в Петрограде в 1916-1917 гг.

⁴⁶ Русское слово — московская ежедневная газета, выходила в 1896-1917 гг.

⁴⁷ «Эней был парубок моторный» — начало «Энеиды» И.П. Котляревского. В современном переводе — «Эней был парубок бедовый...»

Меньшиков М.О.

Быть ли России Великой?

Впервые: Новое время. 1911. №12557. 26 февраля (11 марта). С.4-5.

Меньшиков Михаил Осипович (1859-1918) – русский публицист национально-консервативного направления, с 1901 г. один из ведущих публицистов газеты А.С. Суворина «Новое время». Один из основателей и идеологов националистического «Всероссийского национального союза». Расстрелян большевиками.

¹Левицкий – Нечуй-Левицкий Иван Семёнович (1838-1918) – украинский националист, писатель и публицист, противник распространения русского языка в качестве международного языка панславянского движения.

²Чижевский Дмитрий Иванович (1894-1977) – русский славист, философ и политический деятель, первый историограф украинской философской мысли.

³Брюллов Карл Павлович (1799-1852) – русский художник, представитель академического направления в живописи; Григорович Дмитрий Васильевич (1822-1900) – русский писатель; Венецианов Алексей Гаврилович (1780-1847) – русский живописец, мастер жанровых сцен из крестьянской жизни; Жуковский Василий Андреевич (1783-1852) – русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, переводчик, критик.

⁴Энгельгардт Павел Васильевич (1798-1849) – помещик, крепостным которого был Шевченко.

⁵Баранова Юлия Федоровна (1789-1864) – статс-дама, гофмейстерина, воспитательница детей Николая I. Принимала участие в выкупе из крепостной зависимости Шевченко; Репнина-Волконская Варвара Николаевна (1808-1891) – русская писательница и мемуаристка, ходатайствовала об освобождении из ссылки Шевченко;

Толстой Федор Петрович (1783-1873) – вице-президент Академии художеств. Благодаря ходатайствам Толстого и его супруги графини А.И. Толстой состоялось освобождение из ссылки Т.Г. Шевченко; Васильчиков Илларион Илларионович (1805-1862) – князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, киевский генерал-губернатор в 1852-1862 гг. В 1859 г. велел освободить из-под случайного ареста Т. Шевченко.

⁶ Яковенко В.И. Т.Г. Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность. Санкт-Петербург, 1894.

⁷ Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович (1816-1875) – русский и украинский поэт, писатель, переводчик и этнограф. Был знаком с Шевченко, оставил о нем воспоминания.

Меньшиков М.О.

Могильщикам России

Впервые: Новое время. 1914. №13636. 27 февраля (12 марта). С.4-5.

¹ *в Киеве выкинуто красное знамя отделения* – 25 февраля в Киеве украинские националисты провели «шевченковские тожества» и манифестацию в честь столетнего юбилея Т.Г. Шевченко.

² *Дошло до того, что Императорская Академия наук сделалась одним из центров яростной украинской пропаганды* – в 1905 г. на запрос Комитета Министров от 30 января 1904 году в деле «об устранении из постановлений о печати излишних стеснений» была создана академическая комиссия по рассмотрению вопроса об украинском языке с составе Ф.Е. Корша и А.А. Шахматова, которые пригласили к сотрудничеству группу украинофилов – А.И. Лотоцкого, П.Я. Стебницкого, М.А. Славинского и других. Комиссией была составлена записка «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», впоследствии изданная на правах рукописи с разрешения Академии наук.

Меньшиков М.О.

Сеятели ветра

Впервые: Новое время. 1914. №. 13639. 2 (15) марта. С. 5.

¹*братья Разумовские* – Алексей Григорьевич Разумовский (1709-1771) – малороссийский казак, возведённый в графское достоинство, генерал-фельдмаршал, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, старший брат Кирилла Разумовского; Разумовский Кирилл Григорьевич (1728-1803) – граф, последний гетман Запорожского войска, генерал-фельдмаршал, президент Российской академии наук (1746-1798).

²*первый проект памятника Богдану Хмельницкому, предложенный Микешиным* – имеется в виду проект памятника, созданный знаменитым скульптором М.О. Микешиным, где конь Богдана Хмельницкого сталкивает со скалы польского шляхтича, иезуита и еврея- арендатора. В окончательном варианте памятника, установленном в 1888 г., антипольские, антикатолические и антиеврейские моменты были устранены.

Меньшиков М.О.

Долг Великороссии

Впервые: Новое время. 1914. №. 13648. 11 (24) марта. С.4; №. 13650. 13 (26) марта. С. 4; №. 13562. 15 (28) марта. С.13.

¹*Суковкин Николай Иоасафович* (1861-1919) – государственный деятель, смоленский и киевский губернатор, сенатор. В мае 1919 года был расстрелян в Киеве ЧК.

²*Лелявский Борис Николаевич* (1886-1935) – член IV Государственной думы от Волынской губернии.

³*фаворита Софьи – князя В.В. Голицына* – Софья Алексеевна (1656-1704) – дочь царя Алексея Михайловича, царевна, регент при младших братьях Иване и Петре в 1682-1689 гг.;

Василий Васильевич Голицын (1643-1714) — князь, дипломат и государственный деятель. Фактический глава правительства во время регентства царевны Софьи.

⁴ *Восстание Петрика* — Пётр Иваненко (Петрик) — запорожский войсковой писарь, в 1692 г. , заключив соглашение с Османской империей, поднял антирусское восстание, был избран своими сторонниками «гетманом Украины» и начал с помощью войска крымских татар войну против Москвы и Мазепы за «независимость казачества».

⁵ *Станислав I Лещинский* (1677-1766) — король польский и великий князь литовский в 1704-1709 гг. и в 1733-1734, герцог Лотарингии в 1737-1766 гг.

⁶ *Карл V Габсбург* (1516-1530) — крупный государственный деятель Европы, с 1519 по 1556 — император Священной Римской империи.

⁷ *Густав II Адольф* (1594-1632) — король Швеции в 1611-1632.

⁸ «Голос Руси» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета правоконсервативного направления. Выходила в Петрограде с 1914 по 1917.

⁹ *Армашевский Петр Яковлевич* (1850-1919) — профессор кафедры геологии Киевского университета. Монархист, член ряда правоконсервативных организаций: Киевского Русского собрания, Киевского клуба русских националистов, киевского отдела Всероссийского национального союза. Расстрелян киевской ЧК.

¹⁰ *дождались до «Потемкина», до севастопольского, кронштадтского, свеаборгского, владивостокского восстаний* — антиправительственные восстания на флоте и в армии в период революции 1905-1907 гг.

¹¹ *us arrivons toujours trop tard* (фр.)-мы всегда приходим слишком поздно.

¹² *Голубев Владимир Степанович* (1891-1914) — русский монархист, председатель общества «Двуглавый орёл», погиб на фронте.

¹³ *Коковцов Владимир Николаевич* (1853-1943) — министр финансов в 1904-1914 гг., председатель Совета министров в 1911-1914 гг.

¹⁴ *Мордки Богрова* — Дмитрий Григорьевич (Мордко Гершкович) Богров (1887-1911) — анархист, одновременно — секретный осведомитель Охранного отделения, убийца П.А. Столыпина, казнен.

¹⁵ *Гапон Георгий Аполлонович* (1870-1906) — православный священник, создатель и руководитель рабочей организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», организатор шествия рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., положившего начало революции 1905-1907 гг., убит эсерами.

¹⁶ *Шмидт Петр Петрович* (1867-1906) — один из руководителей восстания в Севастополе в 1905 г.

¹⁷ *Сергеевский Николай Дмитриевич* (1849-1908) — юрист, общественный деятель, член «Русского собрания», инициатор создания «Русского окраинного общества», противник окраинных сепаратизмов и национализмов.

¹⁸ *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832-1920) — русский историк, общественный деятель и публицист правоконсервативного направления. Автор неоднократно переиздававшихся учебников по русской истории.

¹⁹ *Лебон Гюстав* (1841-1931) — знаменитый французский социолог и историк, автор книги «Психология народов и масс» (1895).

Струве П.Б.

Общерусская культура и украинский партикуляризм.

Ответ Украинцу

Печатется по: Русская мысль. 1912. Кн. I. С. С. 65-86.

Струве Петр Бернгардович (1870-1944) — «легальный» марксист, экономист, философ, публицист, политик консервативно-либерального направления, вдохновитель и автор сборника «Вехи», редактор и автор сборника «Из глубины». С 1920 г. в эмиграции.

¹Украинец. К вопросу о самостоятельной украинской культуре. Письмо в редакцию // Русская Мысль. №5. паг. 2. С.131-146.

²Струве П.Б. На разные темы // Русская мысль. 1911.№1. паг. 2. С. 168-187.

³*Sit venia verbo* (лат.) – «Пусть это слово будет принято снисходительно», т. е. с позволения сказать; да позволено мне будет так сказать, да простится (мне) это выражение; не во гнев будь сказано.

⁴*Кистяковский Богдан Александрович* (1868-1920) – украинский и российский философ, социолог, правовед. Участвовал в сборниках «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

⁵*Ефремов Сергей Александрович* (1876-1939) – украинский националист, публицист и историк литературы. Член Украинской центральной Рады и ряда других органов. В 1930 г. приговорен к заключению, умер в тюрьме.

⁶*Корш Федор Евгеньевич* (1843-1915) – русский филолог, славист, академик АН. Поддерживал украинских националистов.

Струве П.Б.

Австро-германское «украинство» и русское общественное мнение

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. №. 14401. 29 сентября. С.4-5.

¹*Левицкий Евгений* (1870-1925) – украинский националист, депутат австрийского парламента. Во время Первой мировой войны занимался пропагандой украинского национализма среди пленных малороссов в немецких лагерях.

Бердяев Н.А.

Россия и Великороссия

Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Накануне. М., 1918. №3 (апрель). С. 4-5.

Бердяев Николай Александрович (1874-1948) — «легальный» марксист, русский религиозный философ-экзистенциалист, общественный деятель либерально-консервативного направления, автор сборников «Вехи» и «Из глубины». С 1922 — в эмиграции. Издатель журнал «Путь» (Париж, 1925-40).

Накануне. Еженедельник политики, литературы и общественной жизни. Выходил в 1918 г.

Трубецкой Н.С.

К украинской проблеме

Впервые: «Евразийский временник». Непериодическое издание под ред. П. Савицкого, П.П. Сувчинского и кн. Н.С. Трубецкого. Книга 5. Париж, 1927. С.165-184. Трубецкой Николай Сергеевич (1890-1938) — выдающийся мыслитель, один из лидеров евразийства, философ, лингвист.

¹ Реформа патриарха Никона — церковные реформы богослужебно-канонического характера, предпринятые в 1650-1660-х гг. с целью унификации обрядов по образцам греческой церкви, что вызвало раскол и появление старообрядчества.

² *Симеон Полоцкий* (в миру — Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович; Полоцкий — топонимическое прозвище) — (1629-1680) — духовный писатель, богослов, поэт, драматург, переводчик, наставник детей царя Алексея Михайловича от Милославской: Алексея, Софьи и Фёдора.

³ *Сильвестр Медведев* (в миру — Симеон Агафонович Медведев; 1641-1691) — духовный писатель, придворный поэт, философ.

⁴ *Протопоп Аввакум* — (Аввакум Петров, 1620-1682) — духовный писатель, проповедник, противник церковной реформы патриарха Никона.

⁵ Могиланская Академия — Киево-Могиланская духовная академия — старейшее высшее учебное заведение Православной Церкви Московского Патриархата, находящееся в Киеве. Одним из основателей был митрополит Петр Могила, выдающийся православный богослов и педагог. Академия сыграла выдающуюся роль в истории русской культуры.

⁶ *Стефан Яворский* — Митрополит Стефан (в миру Симеон Иванович Яворский; 1658-1722) — епископ Русской православной церкви; митрополит Рязанский и Муромский; экзарх (блюститель патриаршего престола). С 1721 г. — Президент Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода). Критик протестантских воззрений и тенденций в Русской Церкви.

⁷ *Савицкий Петр Николаевич* (1895-1968) — один из лидеров евразийства, географ, экономист, геополитик, философ.

⁸ *Потебня Александр Афанасьевич* (1835-1891) — российский языковед, теоретик лингвистики в России.

⁹ *Бенедиктов Владимир Григорьевич* (1807-1873) — русский поэт и переводчик.

Лосский Н.О.

Украинский и белорусский сепаратизм

Впервые: «Грани». Франкфурт н/Майне, 1958. №39. С.188-197.

Лосский Николай Онуфриевич (1870-1965) — видный русский религиозный философ-интуитивист, в 1922 г. выслан из России.

¹ *Андрей Царинный (Стороженко А.В.)*. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998.

² *Волконский Александр Михайлович* (1866-1934) — князь, русский военный дипломат, публицист, автор критических работ об украинском национализме.

³*Современный украинский историк Дорошенко в книге “История Украины” – Дорошенко Дмитрий Иванович (1882-1951) – украинский историк, политический деятель. Основатель «Просвиты» на Катеринославщине. В мае-ноябре 1918 г. – министр иностранных дел «Украинской державы». В 1919 эмигрировал, работал преимущественно в Германии.*

⁴*Осиновский Тимофей Федорович (1766-1832) – русский математик и философ-рационалист.*

⁵*Юркевич Памфил Данилович (1826-1874) – религиозный философ, богослов и педагог. Оказал влияние на становление философских взглядов В.С. Соловьева.*

⁶*математик В.Г. Имшенецкий, зоолог А.О. Ковалевский, минералог В.И. Вернадский, сын его русский историк Г.В. Вернадский, геолог Н.И. Андрусов, Данилевские, Петрушевские, Прокоповичи. В области живописи всем известный Лосенко, Левицкий, Боровиковский, Репин, гениальный Врубель, композиторы Березовский, Бортнянский, Веделъ. В государственной деятельности – князь Александр Андреевич Безбородко в царствование Екатерины II и Павла I, граф Иван Васильевич Гудович, выдающийся полководец – Имшенецкий Василий Григорьевич (1832-1892) – русский математик и механик; Ковалевский Александр Онуфриевич (1840-1901) – русский биолог и эмбриолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии и физиологии; Вернадский Владимир Иванович (1863-1945) – ученый-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, Академик Санкт-Петербургской академии наук, Российской академии наук, Академии наук СССР, один из основателей и первый президент Украинской академии наук. Создатель науки биогеохимии, учения о ноосфере; Вернадский Георгий Владимирович (1887-1973) – русский и американский историк-евразиец, сын В.И. Вернадского; Андрусов Николай Иванович (1861-1924) – русский геолог, стратиграф, минералог, палеонтолог, академик Санкт-Петербургской академии наук; Данилевские – русский дворянский род. Наиболее известны Данилевский Григорий Петрович (1829-1890) – писатель и публицист, автор*

романов из истории Украины и России XVIII-XIX веков и *Данилевский Николай Яковлевич* (1822-1885) – выдающийся русский ученый-биолог-антидарвинист, русский один из основателей цивилизационного подхода к истории, автор трактата «Россия и Европа»; *Петрушевские* – дворянский род, давший выдающихся военных деятелей; *Прокоповичи* – наиболее известный представитель этого рода – *Феофан Прокопович*; *Лосенко Антон Павлович* (1737-1773) – русский живописец, представитель классицизма, основоположник русской исторической живописи; *Левицкий Дмитрий Григорьевич* (около 1735 г. – 1822) – русский художник-живописец, мастер парадного и камерного портрета; *Боровиковский Владимир Лукич* (1757-1825) – русский художник, выдающийся портретист; *Репин Илья Ефимович* (1844-1930) – художник-реалист, один из лидеров «передвижников»; *Врубель Михаил Александрович* (1856-1910) – русский художник, работавший в живописи, графике, декоративной скульптуре и театральном искусстве; *Березовский Максим Созонтович* (1745-1777) – русский композитор, один из создателей классического типа русского хорового концерта; *Бортнянский Дмитрий Степанович* (1751-1825) – русский композитор, дирижер, общественный деятель. Наряду с М.С. Березовским считается создателем классического типа русского хорового концерта; *Ведель Артем(ий) Лукьянович* (1767-1808) – композитор (автор многоголосной церковной музыки), дирижер, певец и скрипач; *Гудович Иван Васильевич* (1741-1820) – генерал-фельдмаршал, в 1809-1812 гг. – главнокомандующий в Москве.

⁷*Самойлович Иван* (1630-е-1690) – гетман Запорожского войска в 1672-1687 гг.

⁹Сапунов А.П. Витебская старина. Витебск. 1883.

Ульянов Н.И.

Происхождение украинского сепаратизма.

Впервые: Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк [Мадрид], 1966. 278 с.

Ульянов Николай Иванович (1904-1985) – русский историк, ученик С.Ф. Платонова. В 1936 г. был арестован НКВД за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» и отправлен в Норильск. Освобожден в 1941 г., оказался на оккупированной территории, в 1943 отправлен на принудительные работы в Германии. По окончании войны перебрался вначале в Марокко, затем в Канаду, оттуда в США, где преподавал в Йельском университете русскую историю и литературу. Главный научный труд – «Происхождение украинского сепаратизма».

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

В РУССКОЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А.Ю. МИНАКОВ
**составление, предисловие,
послесловие и примечания**

О СОСТАВИТЕЛЕ

Минаков Аркадий Юрьевич –

историк, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Воронежского государственного университета, руководитель Центра по изучению консерватизма, известного в России и за ее пределами. Автор около 200 работ, в том числе монографии «Русский консерватизм в первой четверти XIX в.» (Воронеж, 2011).

На обложке: Г.Седестрём «Мазепа и Карл XII
после Полтавской битвы на берегу Днепра» (1880 г.)

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 11.
Тираж 1000 экз.

ЗАО «Книжный мир».
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru